

В.Д. Кубарев, П.И. Шульга

Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула)

Барнаул – 2007

Российская академия наук
(Сибирское отделение)
Институт археологии и этнографии
Барнаульская лаборатория археологии и этнографии Южной Сибири

Федеральное агентство по образованию
Алтайский государственный университет

В.Д. Кубарев, П.И. Шульга

ПАЗЫРЫКСКАЯ КУЛЬТУРА (курганы Чуи и Урсула)

МОНОГРАФИЯ

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2007

ББК 634(2Рос)273-431
К88

Рецензенты

доктор исторических наук *М.А. Демин*;
доктор исторических наук *В.Е. Ларичев*;
доктор исторических наук *А.И. Мартынов*;
кандидат исторических наук *Н.Ф. Степанова*

Научный редактор
доктор исторических наук *Ю.Ф. Кирюшин*

К88 Кубарев В.Д.

Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула) : монография / В.Д. Кубарев, П.И. Шульга. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. – 282 с.
ISBN 978-5-7904-0684-3

Публикуются материалы из курганов пазырыкской культуры, исследованных в разные годы в бассейнах рек Чуи и Урсула, рассматриваются вопросы датирования погребальных комплексов, особенности погребального обряда, материальной и духовной культуры населения Горного Алтая в VI–III вв. до н.э.

Предназначена для археологов и специалистов, занимающихся вопросами истории восточной части скифо-сибирского мира.

ББК 63.4(2Рос)273-431

Монография публикуется при частичной поддержке гранта РГНФ №05-01-011919 «Снаряжение верховой лошади и поясная гарнитура на Саяно-Алтае, в Казахстане и Южном Урале в VII–V вв. до н.э.» и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

ISBN 978-5-7904-0684-3

© Кубарев В.Д., Шульга П.И., 2007
© Оформление. Алтайский государственный университет, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	7
Глава 1. Культурная принадлежность, датировка и периодизация	9
1.1. Пазырыкская культура. Общая характеристика. Основные типы погребений	9
1.2. Хронология и периодизация пазырыкской культуры.....	20
1.2.1. Проблематика. Общий обзор	20
1.2.2. Хронология и периодизация	23
1.2.3. Хронология публикуемых курганов Чуи и Урсула.....	33
Глава 2. Погребальный обряд	36
2.1. Планиграфия могильников пазырыкской культуры.....	36
2.1.1. Последовательность сооружения курганов в цепочках	38
2.1.2. Ориентация цепочек курганов.....	39
2.1.3. Об ориентации умерших пазырыкской культуры «по восходу солнца» и времени захоронения	42
2.2. Погребальные и поминальные сооружения.....	46
2.3. Могильные ямы и курганные насыпи.....	49
2.4. Культовые сооружения.....	53
Глава 3. Инвентарь	57
3.1. Орудия труда и предметы быта	57
3.1.1. Ножи.....	57
3.1.2. Сосуды	58
3.1.3. Бронзовые гвозди	64
3.2. Украшения и предметы культа	66
3.2.1. Зеркала	66
3.2.2. Серьги	68
Глава 4. Предметы вооружения	71
4.1. Общая характеристика	71
4.2. Кинжалы.....	74
4.3. О назначении votивных моделей кинжалов и заменяющих их ножей.....	79
4.4. Ножны.....	82
4.5. Чеканы	86
4.6. Наконечники стрел.....	89
4.6.1. Бронзовые наконечники	91
4.6.2. Роговые наконечники	92
4.6.3. Роговые наконечники из курганов Чуи и Урсула.....	95
4.6.4. Наконечники со знаками на гранях.....	98
Глава 5. Пояса и поясная фурнитура	100
5.1. Пояса раннескифского времени	100
5.2. Пояса пазырыкской культуры.....	101

5.2.1. Способы ношения оружия	103
5.2.2. Описание поясной фурнитуры из курганов Чуи и Урсула.....	106
Глава 6. Снаряжение верховой лошади в пазырыкской культуре	
VI–III вв. до н.э.	112
6.1. Вводная часть. Сбруя раннескифского времени (VII в. до н.э.).....	112
6.2. Снаряжение верховой лошади добашадарского периода раннепазырыкского этапа (середина VI – середина V вв. до н.э.)	113
6.3. Снаряжение верховой лошади башадарского периода раннепазырыкского этапа (около второй половины V в. до н.э.).....	119
6.4. Снаряжение верховой лошади позднепазырыкского этапа IV–III вв. до н.э.	121
6.5. Сбруйные наборы из курганов Чуи и Урсула	125
Послесловие	132
Библиографический список.....	136
Список сокращений.....	153
Summary.....	154
Приложение 1. Описание курганов и культовых сооружений	160
Приложение 2. Иллюстрации	196
Приложение 3. Хаврин С.В. Металл памятников пазырыкской культуры из курганов Чуи и Урсула.....	278

CONCLUSION

Introduction.....	7
Chapter 1. Cultural Identity, Dating and Period Placement	9
1.1. The Pasyryk Culture. General characteristic. Main types of monuments	9
1.2. Chronology and period placement of the Pasyryk culture	20
1.2.1. Problems. General review.....	20
1.2.2. Chronology and period placement.....	23
1.2.3. Chronology of the published kurgans of the Chuya and the Ursul.....	33
Chapter 2. Funeral Ceremony	36
2.1. Spatial distribution of the burial grounds of the Pasyryk culture.....	36
2.1.1. Succession of constructing the kurgans in chains.....	38
2.1.2. Orientation of the kurgan chains.....	39
2.1.3. About the orientation of the dead to the sunrise in the Pasyryk culture. Time of burial	42
2.2. Funeral and memorial constructions	46
2.3. Sepulchral pits and kurgan mounds.....	49
2.4. Cult constructions.....	53
Chapter 3. Inventory	57
3.1. Tools and domestic utensils.....	57
3.1.1. Knives	57
3.1.2. Vessels.....	58
3.1.3. Bronze nails	64
3.2. Jewelry and mirrors	66
3.2.1. Mirrors	66
3.2.2. Earrings.....	68
Chapter 4. Armour.....	71
4.1. General characteristic	71
4.2. Daggers.....	74
4.3. About the purpose of votive models of daggers and substitutive knives	79
4.4. Scabbards.....	82
4.5. Chekans	86
4.6. Arrowheads.....	89
4.6.1. Bronze arrowheads	91
4.6.2. Horn arrowheads.....	92
4.6.3. Horn arrowheads from the published kurgans of the Chuya and the Ursul.....	95
4.6.4. Arrowheads with signs on sides.....	98
Chapter 5. Belts and belt accessories	100
5.1. Belts of the Early Scythian time.....	100
5.2. Belts of the Pasyryk culture.....	101
5.2.1. Ways of wearing armour.....	103
5.2.2. Description of belt accessories from the published kurgans of the Chuya and the Ursul.....	106

Chapter 6. Equipment of the Saddle Horse.....	112
6.1. Introductory part. Harness of the Early Scythian time	112
6.2. Equipment of the saddle horse of the Pre-bashadarskii period of the Early Pasyryk stage	113
6.3. Equipment of the saddle horse of the Bashadarskii period of the Early Pasyryk stage	119
6.4. Equipment of the saddle horse of the Late Pasyryk stage	121
6.5. Harness sets from the published kurgans of the Chuya and the Ursul	125
Postface	132
Bibliography	136
List of abbreviations	153
Summary.....	154
Appendix 1. Description of kurgans and cult objects.....	160
Appendix 2. Illustrations	196
Appendix 3. Metal of the Pasyryk culture monuments from the kurgans of the Chuya and the Ursul.....	278

ВВЕДЕНИЕ

Особенностью данной книги является большое количество (18) публикуемых могильников, протянувшихся цепью по Урсулу, Катуну и Чуе от Туэжты до границы с Монголией (рис. 1). Это своеобразный «срез» по основной территории распространения пазырыкской культуры. Не удивительно, что в книгу попали наряду с «классическими» собственно пазырыкскими курганами и почти все основные типы погребений, также относящихся к пазырыкской культуре. Столь же разнообразны памятники и в хронологическом плане, от ранних курганов в Балык-Сооке-1 (первая половина VI в. до н.э.) до впускных погребений последних веков I тыс. до н.э.

Среди представленных в книге 57 курганов (из них впервые публикуется 36) нет захоронений типа мерзлотных Пазырыка, Башадара, Туэжты и Укока. Однако по количеству и значимости одновременно вводимых в научный оборот предметов вооружения и снаряжения лошади предлагаемая работа входит в число наиболее информативных по пазырыкской культуре Горного Алтая. Разнообразие публикуемого материала заставило авторов рассматривать его на фоне пазырыкской культуры в целом, отказавшись от традиционного анализа по могильникам. Соответственно были сформулированы представления по ряду основных и частных проблем, базирующиеся на результатах многолетних исследований погребальных, культовых и поселенческих комплексов в Горном Алтае (Кубарев, 1979, 1987, 1991, 1992; Шульга, 2003). Исключение представляет лишь раздел по хронологии и периодизации памятников пазырыкской культуры. Сделанные в нем выводы существенно отличаются от принятых точек зрения и предлагавшихся ранее схем. Многие положения по абсолютной и относительной хронологии пока имеют предварительный характер, будут дорабатываться и уточняться, но базируются они на достаточно обширном материале, что позволяет надеяться на достоверность основных выводов.

В основе книги лежат материалы из впервые полностью публикуемых 34 курганов пазырыкской культуры и двух более ранних курганов из Балык-Соока-1. Все они исследовались В.Д. Кубаревым в 70–80-х гг. прошлого века. Помимо этого, с разрешения Л.М. Чевалкова, для хронологических аналогий включено захоронение с Улалинки на Нижней Катуну (рис. 82). Материалы 15 курганов уже публиковались. Почти все они происходят из зоны затопления Чуйской ГЭС, где в 60–70-х гг. прошлого века проводились аварийные раскопки. Большинство этих материалов издано в ставших библиографической редкостью сборниках, и включение их в книгу дает возможность многим исследователям ознакомиться с изученными там памятниками пазырыкской культуры. С любезного разрешения А.И. Мартынова дополнительно осмотрены и зарисованы доступные предметы из Тербеодока и Ала-Гаила (рис. 22–24; 31; 32. – 1–5), часть из которых имеет особое значение для уточнения хронологии деталей воинского снаряжения. Помимо погребальных памятников авторы посчитали необходимым ввести в научный оборот и материалы культовых комплексов совместно исследованных в 1983 г. на реке Юстыд. Из-за отсутствия в них датирующих вещей публикация этих интересных объектов долгое время откладывалась.

Работа над книгой была начата в 2005 г. Издание ее планировалось на 2006 г. к юбилею одного из авторов, но обработка находок заняла больше времени, чем предполагалось. Рисунки изделий выполнены А.Л. Кунгуровым и П.И. Шульгой. Описания уже опубликованных ранее курганов даны с максимальным сохранением авторской редакции, но с некоторыми необходимыми уточнениями, дополнениями и изменениями для облегчения работы с текстом. Для удобства работы с книгой материалы даны по комплексам и сформированы в сводных таблицах. Главы 5, 6, разделы по хронологии и периодизации, а также по планиграфии могильников подготовлены П.И. Шульгой, остальные главы – совместно В.Д. Кубаревым

и П.И. Шульгой. Палеоантропологические материалы из курганов ранних кочевников в долинах рек Чуя и Урсул частично опубликованы и проанализированы в работе Т.А. Чикишевой (2003). Палеозоологические определения материалов из раскопок В.Д. Кубарева выполнены Н.Д. Оводовым и И.Е. Гребневым. Анализ бронзовых изделий дан С.В. Хавриным (см. приложение 3). Материалы полевых исследований, дневники и отчеты авторов хранятся в архивах Института археологии и этнографии СО РАН, Алтайском государственном университете и Горно-Алтайском республиканском музее. Экспедиционные отчеты о полевых работах также имеются в архиве Отдела полевых исследований Института археологии РАН.

В многолетних полевых работах принимали участие студенты исторических факультетов вузов Горно-Алтайска, Барнаула и Новосибирска. На раскопках курганов были также задействованы научные сотрудники Горно-Алтайского музея и школьники из археологического кружка Дома юного творчества Санкт-Петербурга. Эпизодически в отрядах работали иностранные ученые из США, Японии и Германии. При написании работы большую практическую помощь оказали сотрудники Государственного Эрмитажа Л.Л. Баркова, К.В. Чугунов и Е.В. Степанова, хранитель музея Института археологии и этнографии СО РАН И.И. Кедрова, а также многие другие археологи. Авторы считают своим долгом всем им выразить искреннюю благодарность и признательность.

Глава 1

КУЛЬТУРНАЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬ, ДАТИРОВКА И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

1.1. Пазырыкская культура. Общая характеристика. Основные типы погребений

В определении культурной принадлежности публикуемых в данной работе погребальных комплексов из бассейнов Чуи и Урсула авторы исходят из тезиса о существовании на территории Горного Алтая и примыкающей части Восточного Казахстана единой пазырыкской археологической культуры (Шульга, 1986, 1999, 2003; Кубарев, 1992, с. 117). Аналогичную позицию занимают и большинство исследователей, несмотря на вполне естественное различие в подходах, датировках и оценках культурного своеобразия более 650 изученных в Горном Алтае захоронений VI–III вв. до н.э. К этому же выводу в итоге пришел и А.С. Суразаков, предложивший в свое время выделить захоронения в каменных ящиках в отдельную археологическую культуру (Суразаков, 1983).

По имеющимся данным, пазырыкская археологическая культура занимала удобную для ведения полукочевого скотоводства остепненную территорию Горного Алтая (в границах Республики Алтай) и Восточного Казахстана до Тарбагатайского хребта и Иртыша. Малопригодные для круглогодичного выпаса скота северо-западные низкогорья и среднегорья с мощным снежным покровом в зимнее время использовались «пазырыкцами» гораздо меньше. Этот пояс увлажненных предгорий шириной 80–120 км служил своеобразным буфером между скотоводами Горного Алтая и населением равнины уже с афанасьевского времени. Аналогичная ситуация прослеживается и в скифскую эпоху. Однако и в увлажненной зоне низкогорий имелись долины с особым микроклиматом (в основном по Чарышу и Аную), где скотоводы могли проживать длительное время и сформировались довольно крупные афанасьевские и пазырыкские могильники (Шульга, 2003д, с. 113–118; 2006; Дашковский, Тишкин, Тур, 2005; и др.). Предельные границы распространения «пазырыкцев» с подхоронениями лошадей в северном направлении по Катунь фиксируются по могильнику Майма-4 (Киреев, 1992а; Абдулганеев, Киреев, Кунгурова, Ларин, 2004) и захоронению из Точилинского Елбана на р. Песчаной (Абдулганеев, Тишкин, 1999). В северо-западном направлении крайней точкой является могильник Маяк-1 на Чарыше (Шульга, 1997в; 2003д, с. 113). На юго-востоке Горного Алтая ареал пазырыкской культуры в основном ограничивается горным массивом Тавын-Богдо-Ола и Сайлюгемским хребтом. По имеющимся данным, на территорию соседствующих Тувы, Монголии и Китая пазырыкцы проникали эпизодически и редко проживали там сколько-нибудь длительное время. На территории Тувы авторам известен только один обособлено стоявший курган с подхоронением двух лошадей у северной стенки и восточной ориентацией умерших (Грач, 1980, с. 70, 112–113, рис. 18, 19, 42, 43). Погребальный обряд там в целом пазырыкский, но квадратная форма сруба в сочетании с коллективным захоронением – черты саглыньские. Два типично пазырыкских кургана исследованы и в примыкающей к Алтаю части Монголии. Оба они находились неподалеку от перевала на плато Укок, и не случайно одно из захоронений имело почти полные аналогии с Верх-Кальджином-2 (Молодин, Парцингер и др., 2006; Молодин, 2000а). На территории Китая к настоящему времени найдено довольно много изделий, близких и даже идентичных пазырыкским (Bunker, 1991, 1992; Haskins, 1992, Полосьмак, 1994, 1998; Ковалев, 1999, Городище Цзяохэ, 1998; Варенов, Шойдина, 2000; Богданов, 2006; и др.), но ни одного захоронения с аналогичным обрядом.

Несмотря на наличие достаточно легко проходимых путей с запада и востока и многочисленных данных о связях с соседними и отдаленными народами, пазырыкская культура Гор-

ного Алтая (как и раннескифское население на этой же территории) представляла собой своеобразный изолят. Многие категории инвентаря и особенности звериного стиля VI–III вв. до н.э., характерные для Тувы, Монголии и культур Верхней Оби (Чугунов, 2001; Фролов, 1999, с. 217; Фролов, 2004, с. 20; Уманский, Шульга, 2005) отсутствуют в расположенном между ними Горном Алтае. В какой-то степени они фиксируются лишь на Средней Катуні, но появление их там следует объяснять не прямыми контактами с Тувой и Монголией, а связями с Верхней Обью. Причины особой близости материальной культуры (но не погребального обряда) населения равнины Алтайского края с Тувой и Монголией в VII–III вв. до н.э. не вполне ясны.

В настоящее время в рамках пазырыкской культуры выделен северный локальный вариант, поставлен вопрос о возможном выделении юго-восточного и северо-западного вариантов (Степанова, 2004; Тишкин, Дашковский, 2005; Шульга, 2003д). Несомненно и своеобразие памятников пазырыкской культуры Восточного Казахстана. Уже из названий выделенного и предполагаемых локальных вариантов пазырыкской культуры видно, что они расположены вокруг условного центра, отмеченного наибольшей концентрацией элитных («царских») курганов диаметром до 40–70 м. Это периферийные контактные территории, где значительная часть памятников носит черты соседствующих культур Тувы, Казахстана и равнинных предгорий Алтая. Сколько-нибудь развернутое обоснование и признание получил лишь северный вариант пазырыкской культуры. Впервые об этом варианте высказался С.М. Киреев в тезисных публикациях материалов из могильников Майминского микрорайона, расположенного в нижнем течении Катуні неподалеку от Горно-Алтайска (Киреев, 1992а, с. 56; 1994, с. 43). Обоснований тому не приводилось, и реальным содержанием данное определение наполнилось позднее. Под северным локальным вариантом было предложено понимать всю совокупность памятников VI–III вв. до н.э. в нижнем и среднем течении Катуні от Маймы до Урсула (Степанова, 2000, с. 23; 2004; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 134–136). К вопросу о выделении на этой территории локального варианта неоднократно обращались А.А. Тишкин и П.К. Дашковский, которые назвали его тыткескенским (2003а). Не рассматривая полемику по вопросу о наименовании указанного варианта (Степанова, 2004), следует отметить, что более приемлемым представляется уже известное в археологической литературе определение «северный вариант пазырыкской культуры», указывающее на территорию его расположения. Дело в том, что захоронения в среднем и нижнем течении Катуні довольно разнородны, и ни один могильник не отражает в полной мере отмеченных здесь особенностей погребального обряда, инвентаря и керамики.

Культурная специфика населения **Средней Катуні** детально не анализировалась. Одним из авторов отмечалась близость имеющихся здесь материалов пазырыкским: 1) в группировке курганов преимущественно в меридиональные цепочки и наличии у некоторых из них расположенных к западу поминальных выкладок; 2) в устройстве достаточно крупных насыпей из камня с крепидами и значительной глубине могил, положении умерших на правом боку с подогнутыми ногами, головой в восточный сектор; 3) в размещении и составе погребального инвентаря (Кубарев, 2001, с. 121). Пазырыкская традиция, в частности, прослеживается и в характерном комплексе вооружения, включавшем черешковые и втульчатые трехгранные наконечники стрел с треугольными вырезами в основании головки, вотивные бронзовые чеканы и кинжалы. Вместе с тем, указывалось и на ряд оригинальных черт погребальной обрядности: почти полное отсутствие сопроводительных захоронений коней, наличие трапециевидных деревянных «рам» вместо срубов, неустойчивая ориентация (южная, восточная, западная) и различные позы погребенных (на спине, вытянуто или на правом боку, с согнутыми в коленях ногами), отсутствие керамической посуды в отдельных погребениях мужчин (Кубарев, 2001, с. 121). Смешанный характер населения на рассматриваемой территории отмечают и другие исследователи (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 122–123). В последние

годы на правобережье Катуня между селами Манжерок и Усть-Сема исследовано несколько могильников со вторичными и коллективными захоронениями, подхоронениями лошадей, а также погребения быстринской культуры (Бородовский, 2000а, 2002; Бородовский и др., 2005). Смещение разных традиций отмечено и на левом берегу Катуня, напротив с. Манжерок в могильнике Тавдушка (Шульга, 2005).

Поселенческие материалы в среднем и нижнем течении Катуня дают примерно такую же картину. Так, орнаментация и типы керамики из поселений Партизанская Катущка и Аскат-2 на Катуня почти совпадают с керамикой на соотносимом с пазырыкской культурой поселении Куротинский Лог-1, расположенном в одной долине с Туэктинскими курганами (рис. 59; Шульга, 1995, 1997а, 1998в). На поселении Элекмонар-2 на Катуня (Шульга, 1995) различий больше, тем не менее керамический комплекс на Средней Катуня и в Центральном Алтае значительно отличается от представленного на предгорных поселениях быстринской культуры (Шульга, 1998в, с. 150–151; Абдулганеев, Владимиров, 1991). Связываемая с пазырыкской культурой поселенческая валиковая керамика распространяется вниз по течению примерно до с. Муны (Шульга, 1997а), что совпадает с границей проникновения вверх по Катуня быстринских курганов (Бородовский А.П., 2002; Бородовский П.А., 2004). В целом погребальные и поселенческие материалы в нижнем и среднем течении Катуня демонстрируют как наличие инокультурных групп и влияний, так и существование здесь общности, тесно связанной с пазырыкской культурой.

Своеобразие памятников Северо-Западного Алтая очевидно, но здесь исследовано сравнительно небольшое количество захоронений, материалы которых опубликованы лишь в краткой форме (Шульга, 1999, 2003д; Дашковский, Тишкин, Тур, 2005; и др.; сводку по Усть-Канскому району Республики Алтай см.: Кирюшин, Степанова, 2004, с. 172). По имеющимся данным, население по *Аную* было довольно редким и в этнокультурном отношении существенно отличалось от проживавшего в бассейне Чарыша, на что указывают, в частности, материалы могильника Ануй-3 (Бородовский, 1995), Денисовой пещеры (Деревянко, Молодин, 1994, рис. 32) и поселений (Шульга, 1990). Основным центром притяжения в бассейне *Чарыша* была обширная долина реки Сентелек (левый приток Чарыша), расположенная в Алтайском крае на границе с Усть-Канским районом Республики Алтай. Именно здесь был обнаружен и частично исследован единственный в предгорьях пазырыкский элитный курган диаметром около 42 м, от которого к востоку отходил ряд из 19 самых больших на Алтае стел высотой до 4,55 м (рис. 60) (Кирюшин, Шульга и др., 2001; Шульга, 2003б). Здесь же находится несколько могильников, один из которых имеет протяженность около 2,5 км. Исследованные по Чарышу захоронения на могильниках Покровский Лог-5, Усть-Теплая, Чесноково-2 и некоторые другие имеют ярко выраженные черты классических пазырыкских погребений: меридиональные цепочки сложенных из камня курганов с одиночными могилами; срубы; юго-восточная ориентация умерших; соответствующее расположение и состав инвентаря; характерные узкогорлые кувшины; украшенные аппликациями из золотой фольги женские головные уборы с черным сажистым наполнителем (Шульга, 2003д и др.). Но там же отмечены такие не характерные для собственно пазырыкского обряда черты, как вторичные погребения со следами действия огня, почти полное отсутствие конских подхоронений, рамы, сооружение нижнего перекрытия на придонных уступах, традиция сооружения склепов с временными «пирамидками» и др. До настоящего времени не зафиксированы балбалы и поминальные кольца. В инвентаре имеются заимствования из степи (Шульга, 1999; 2003д; Шульга, Гельмель, 2002; и др.). Вместе с тем в Ханкаринском доле конские подхоронения зафиксированы в четырех из семи исследованных курганов (Дашковский, Тишкин, 2006), а в поразительном по смещению погребальной обрядности могильнике Маяк-1 в восьми могилах найдены костяки десяти лошадей (Шульга, 1997в). На Чарыше же в двух могильниках найдены и захоронения в каменных ящиках (Усть-Теплая, Чесноково-1).

На юго-востоке Горного Алтая, где одним из авторов проводились многолетние работы (Кубарев, 1987, 1991, 1992 и др.), были свои особенности, связанные прежде всего с влиянием соседствующих культур Тувы и Монголии. Они хорошо фиксируются в инвентаре и погребальном обряде. Однако «чисто» инокультурных захоронений там немного. Курганы с почти не встречающейся в собственно пазырыкских погребениях западной ориентацией умерших, без конских погребений, в срубах и каменных ящиках (рис. 45–48 и др.) демонстрируют уже сложившуюся местную традицию. Несмотря на имеющиеся вариации, основная масса исследованных погребений может быть отнесена к собственно пазырыкскому типу (рис. 50; 51).

Типы погребений. Предполагается, что за основными типами погребений пазырыкской археологической культуры стояли различные этнические группы населения. Все эти типы погребений представлены в публикуемых курганах Чуи и Урсула, а потому они характеризуются на общем фоне путем отсылок.

Собственно пазырыкские «классические» погребения. Курганы пазырыкской культуры обычно располагаются меридиональными цепочками (рис. 2; 25; 57 и др.). У многих из них с западной стороны сооружались поминальные оградки, а с восточной устанавливались в один ряд балбалы. Насыпи каменные, зачастую с крепидами из крупных камней по периметру. Элитные курганы до 70 м в диаметре могли иметь по периметру дополнительные коридоры и кромлехи из вертикально вкопанных плит. Под каменной кладкой часто находят следы тризны – разбитую поселенческую керамику (рис. 17. – 2; 42. – 10, 11; 44. – 9, 10), кости животных, угольки. По центру насыпи устраивалась всегда одна широкая подпрямоугольная или подквадратная довольно глубокая могила, ориентированная сторонами по старанам света. Наиболее яркой отличительной чертой собственно пазырыкских погребений является наличие просторного сруба-жилища на дне могилы и конского подхоронения у северной стенки (рис. 3; 4; 20; 27–29; 34–40; 42; 43; 50). Черепа уложенных головами на восток лошадей часто имеют пробитые чеканами отверстия. В рядовых курганах лошади почти всегда взнузданы и оседланы, в элитных снаряжение могло располагаться комплектами на тушах лошадей или в стороне. В южной части сруба укладывались умершие, а в северной («хозяйственной») размещались керамические кувшины, деревянные сосуды и кусок баранины с ножом (рис. 26. – 1; и др.). Количество ножей и керамических кувшинов обычно соответствовало числу погребенных. Умершие (1–2 человека) укладывались на настиле (иногда на ложе или в колоде) на правый бок с несколько подогнутыми ногами, головой в восточный сектор. Под голову могла подкладываться деревянная подушка (рис. 51. – 2, 9) или камень. Парные захоронения в срубах рассматривались как одновременные, но в последнее время появились основания считать некоторые из них склепами, подобно известным в саглынской и тагарской культурах. В парных погребениях мужчина обычно располагался у южной стенки. В головах умерших оставался свободный участок, но не для посуды и жертвенной пищи (такие случаи довольно редки и указывают на инокультурное влияние), а для головных уборов и прежде всего высоких женских причесок. В захоронениях без мерзлоты от них сохраняется золотая фольга и черное сажистое пятно (рис. 29. – 7 и др.). В районе таза находят поясную фурнитуру, чуть ниже – кинжалы, чеканы, зеркала, в ногах – наконечники стрел. Вооружение (как и сбруйная фурнитура) в основном представлено имитациями из бронзы и дерева. В имеющихся условных погребениях (кенотафах) предметы располагались аналогично.

Каракобинские погребения. Небольшие каракобинские курганы по внешнему виду мало отличаются от собственно пазырыкских, но часто ниже при равном диаметре, как правило, не имеют балбалов и поминальных колец. Больших цепочек «чисто» каракобинских курганов пока не выявлено, если не считать своеобразные захоронения в Барбургазы-1 (Кубарев, 1992; Степанова, 2003). Элитных каракобинских курганов не обнаружено. Под насыпями также встречаются следы тризны, в том числе крупные фрагменты черепов и костей лошади (рис. 17. – 2),

что указывает на присутствие лошади в погребальном обряде. Под насыпью находится также одна подпрямоугольная сравнительно узкая, глубиной 1,5–2 м, подпрямоугольная в плане могила, ориентированная длинными сторонами в широтном направлении. Наиболее яркими отличительными чертами каракобинских погребений считаются наличие каменного ящика и почти полное отсутствие конских подхоронений (рис. 17; 18; 25; 32; 48. – 1; 49). «Классические» каменные ящики имели подпрямоугольную в плане форму и часто к востоку (к голове) несколько расширились (рис. 17). Внешние размеры ящиков с погребениями взрослых людей составляли около 1,6–1,8х0,6–0,8 м, высота – 0,5–0,6 м (рис. 17; 18; 32). Длинные стенки составлялись из одной (иногда двух) массивных плит (рис. 17; 18; и др.). Перекрытие состояло из поперечных плит (рис. 17). Умерший располагался на правом боку с подогнутыми ногами головой в восточный сектор. В узкой погребальной камере почти не оставалось места для «хозяйственной» половины, и сосуд с мясом барана и ножом помещался напротив головы, ближе к северо-восточному углу (рис. 18). Расположение инвентаря и его состав в основном соответствуют встречаемому в рядовых собственно пазырыкских погребениях. Вместе с тем в большинстве каракобинских погребений присутствует керамика кринковидных (редко горшковидных) форм (рис. 17), а узкогорлые кувшины стройных пропорций (рис. 34; 36) отсутствуют. За пределами верховий Чуи в каменных ящиках почти не встречаются и типично пазырыкские головные уборы с золотыми аппликациями, а также высокие женские прически с черным сажистым наполнителем. Соответственно, головы умерших в каракобинских ящиках почти примыкают к восточной стенке.

Следует особо подчеркнуть, что авторы не разделяют подхода А.С. Суразакова, объединившего в каракобинскую группу памятников практически все захоронения в каменных ящиках или обкладках из Горного Алтая, предгорий и Бухтармы (1989, с. 124–131). В ряде случаев суммарная характеристика каракобинцев оправдана и необходима, но при этом не нужно забывать, что при ближайшем рассмотрении даже в рамках Горного Алтая эти памятники существенно различаются. Например, явно выделяются погребения в подквадратных ящиках с сильно скорченными костяками из Кызык-Телани-1 (Суразаков, 1983б, рис. 5) и в Ала-Гаиле-3 (рис. 25). Однако первый на Средней Катуні демонстрирует переход от раннескифской обрядности к каракобинской, а второй – влияние погребального обряда Тувы на население верховий Чуи.

О взаимоотношениях населения, оставившего погребения пазырыкского и каракобинского типов. Пазырыкские и каракобинские курганы имеют общую территорию распространения в горах Алтая почти во всех традиционных местах обитания скотоводов (Кубарев, 1992, с. 114–117; и др.). В непосредственной близости друг от друга (в том числе в одних цепочках) они представлены в северной, центральной и юго-восточной частях Горного Алтая. В последнее десятилетие такое сочетание выявлено в низкогорьях Северо-Западного Алтая по реке Чарыш на могильниках Усть-Теплая и Чесноково-1 (Шульга П.И., Гельмель Ю.И., Шульга Н.Ф., 1999). При этом умершие в Чесноково-1 погребались по кулажургинскому обряду в положении на спине вытянуто, что подтверждает предположение о близости каракобинцев и кулажургинцев и о распространении каракобинцев от Северного Алтая до Восточного Казахстана (Могильников, 1983, с. 64; Суразаков, 1983б, с. 48; Шульга, 2003д). С большой долей вероятности можно полагать, что в предгорной зоне, как и на юге Горного Алтая, захоронения пазырыкского и каракобинского типов распространялись южнее вплоть до долины Иртыша. Погребения в каменных ящиках каракобинского типа в Горном Алтае появляются уже в первой половине – середине VI в. до н.э. в могильнике Кызык-Телань-1, курганы которого хорошо датируются типичным раннескифским поясом (Суразаков, 1983б). Существовали они и в середине VI – начале V в. до н.э. (рис. 18; 32. – 1; Кор-Кечу, Талдура-1, Кер-Кечу, Усть-Теплая и др.). Еще раньше – первой половиной VI в. до н.э. датируется переходное погребение в Сибирке-1 (Полосьмак, 1990). В Восточном Казахстане известная

с раннескифского времени традиция захоронения в каменных ящиках, вероятно, сохранялась и в раннепазырькское время.

Очевидно, за устойчивыми, сохранявшимися несколько столетий различиями в погребальном обряде и некоторых категориях инвентаря «пазырькцев» и «каракобинцев» скрываются различия этнические и культурные в широком смысле этого слова. К сожалению, у нас нет или очень мало данных о своеобразии одежды, орнаментов и причесок «каракобинцев», убранстве лошади (конские подхоронения редки) и многом другом, так замечательно представленном в мерзлотных курганах пазырькцев, изучаемых почти на этнографическом уровне (Руденко, 1953, 1960; Кубарев, 1987, 1991, 1992; Полосьмак, 2001; Молодин, 2000). Учитывая особенности в происхождении «пазырькцев» и «каракобинцев» (Чикишева, 2003, с. 100, 112–116), можно предполагать существенные различия в языке, верованиях и эпосе.

В целом рисуется вполне понятная картина довольно мирного сосуществования двух этносов, заселявших весь Горный Алтай и проживавших в непосредственной близости. Вместе с тем ситуация, по-видимому, была значительно сложнее. В частности, не совсем укладываются в эту схему некоторые цепочки курганов, содержащих перемежающиеся погребения в срубках (в том числе с подхоронениями лошадей) и в каменных ящиках. Речь идет не об отдельных включениях типа зафиксированного в Ала-Гаиле-3 (рис. 25), где курган 1 с ящиком пристроен с севера к цепочке собственно пазырькских курганов. Труднее объяснить большое количество каменных ящиков в таких могильниках, как Барбургазы-1 (Кубарев, 1992). По мнению одного из авторов, на этом могильнике (цепочке курганов) хорошо вычленяются основные захоронения (в том числе парные) в срубках с подхоронениями коней. По всей видимости, они возводились первыми, после чего к ним пристраивались захоронения женщин и детей преимущественно в каменных ящиках (Кубарев, 1992, с. 112, 113). Там же в каменных ящиках погребались и мужчины с оружием и лошадьми. Погребальный обряд, расположение и состав инвентаря во всех погребениях Барбургазы-1 практически одинаковы. Погребения в каменных ящиках органично вписаны в могильные цепочки. Конечно, некоторые захоронения в ящиках можно попытаться также объяснить иной этнической принадлежностью. Но, распространив это заключение на весь могильник, мы должны сделать довольно странное заключение, что у захороненных в основных парных погребениях *пазырькцев* потомство и родственники оказались *каракобинцами*. Очевидно, в Барбургазы-1 и некоторых других могильниках в Горном Алтае захоронение в каменном ящике отражало прежде всего половозрастные особенности и статус погребенных. Подобная ситуация отмечена в соседствующих культурах Тувы и Монголии. Не останавливаясь на этом сложном вопросе, отметим, что достаточно хорошо изученные памятники Тувы позволяют сделать вывод о существовании там с раннескифского времени традиции совершения однокультурных захоронений как в срубках, так и в каменных ящиках. При этом, как и в Горном Алтае, захоронения в срубках обычно доминировали и содержали большее количество инвентаря. В обобщающей работе Д.Г. Савинова наряду с этим вариантом ответа на рассматриваемый вопрос предложен и другой, согласно которому распространение обряда погребения в каменных ящиках связывается с миграциями «в различные районы Саяно-Алтая» населения восточных территорий, «где традиция создания каменных погребальных сооружений не прерывалась на протяжении всего I тыс. до н. э.» (Савинов, 2002, с. 147, 148). По мнению исследователя, «представление об общности «ящичных» погребений как определенном этапе в культурогенезе населения Саяно-Алтайского нагорья нам кажется более соответствующим действительности» (Савинов, 2002, с. 148). По имеющимся данным, в Туве и Горном Алтае имело место и то, и другое.

Один из первых исследователей каракобинских памятников В.А. Могильников в свое время говорил о прочном политическом господстве пазырькцев над занимавшими подчиненное положение каракобинцами. Этим, в частности, объяснялись отсутствие у последних элитных памятников и скромность инвентаря в погребениях. В.А. Могильников полагал, что

«развивавшиеся автохтонно от куюмцев майэмирского времени кара-кобинцы с конца VI в. до н.э. попадают в зависимость от пазырыкцев, распространивших свою власть на весь Горный Алтай. Не исключено, что батальные сцены, переданные в иносказательной форме на Башадарской колоде, фиксируют также победу пазырыкцев над кара-кобинцами» (Могильников, 1988, с. 77). На этом фоне вполне логичным выглядело предположение о разграблении кара-кобинцами пазырыкских курганов после ослабления последних. По мнению А.С. Суразакова, каракобинцы иногда захоранивали в ограбленную могилу своего сородича, чтобы «заместить» иноплеменных усопших на своих (Суразаков, 1990, с. 65). В связи с этим следует вновь пояснить, что суждение об осквернении каракобинцами пазырыкских курганов пока не имеет под собой оснований.

Если обратиться к материалу, находившемуся в распоряжении А.С. Суразакова, положившего начало этому суждению (Суразаков, 1989, с. 127; 1990, с. 64–65), то выяснится, что ни одного каракобинского каменного ящика в заполнениях ограбленных пазырыкских могил нет. В качестве подтверждения своего высказывания А.С. Суразаков привел два кургана из Боротала-3 (рис. 43. – 1, 3; см. приложение 1). В кургане 2 впускное погребение находилось на глубине около 1,4 м. Костяк взрослого человека, обложенный камнями, лежал скорченно, на левом боку, головой на ЗЮЗ. Среди ребер костяка найдена роговая (костяная) круглая седельная (?) пронизка (рис. 43. – 10). В кургане 4 впускное погребение находилось на глубине 0,84 м от древнего горизонта (рис. 43. – 1, 3). Захоронение совершено в каменном ящике, сложенном из поставленных на ребро плит. Ящик перекрыт в продольном направлении тремя узкими длинными плитами. На дне ящика лежал скелет взрослого человека, скорченно, на левом боку, головой на ЗЮЗ. Рядом с левой бедренной костью погребенного найден железный нож без выделенной ручки (рис. 43. – 8). Как видим, в кургане 2 была обкладка камнями, а в кургане 4 – каменный ящик, сооруженный совершенно по другому принципу, нежели каракобинские. Ящик был низким, стенки его состояли из нескольких небольших плит, а перекрытие продольное, из узких стелообразных плит, чего никогда не бывает в каракобинских ящиках. Западная ориентация умерших и отсутствие керамики при наличии костяной седельной (?) пронизки и железного ножа не позволяют говорить о каракобинской принадлежности памятников и уверенно датировать его в рамках скифского времени, что вполне справедливо отмечалось в первой публикации материала (Могильников, Суразаков, 1980, с. 191). В упомянутом А.С. Суразаковым плохо документированном погребении 2 Алферовского могильника имеется довольно необычное для скифского времени Горного Алтая ярусное погребение, в котором захоронения, очевидно однокультурные (все без инвентаря), не потревожены, умершие уложены головами на восток. В отличие от нижних умерших, верхний погребался (?) в каменной обкладке (Суразаков, 1982, с. 122). Назвать это погребение каракобинским нельзя.

То же самое можно сказать и в отношении впускного погребения из Ак-Алахи-3 (Полосьмак, 2000; 2001). Судя по особенностям погребального обряда, захоронение на перекрытии в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3 вполне вписывается в рамки пазырыкской культуры: к северу от умершего подхоронены лошади с золотой фольгой на деревянных украшениях сбруи; имелся хозяйственный отсек с керамикой и кольчатыми ножами; человек погребался головой на восток в расширяющемся в головах срубе из плах. Захоронение своеобразное, но совершенно оно скорее по пазырыкскому обряду. Что же касается хозяйственного отсека в пристройке из плит, то он также не свойствен и для погребений каракобинского типа. Плиты на погребальную конструкцию укладывались не с опорой на края камеры (как традиционно делали каракобинцы), а на перекладыны, что вполне соотносится и с пазырыкцами, часто закладывавшими перекрытие камнями или плитами (Шульга, 2003д, с. 46–48). В этом отношении представляется наиболее верным высказанное в одной из работ Н.В. Полосьмак предположение о вероятной связи погребенного на перекрытии мужчины и женщины в срубе (Полосьмак, 2000, с. 57).

Помимо вышеуказанных случаев следует привести еще два впускных погребения из Балык-Соока-2 и Тете-4 (рис. 15. – 1–3; 47. – 2; см.: приложение 1). В Балык-Сооке-2 (к. 1) ос-

новное погребение в срубе без конского подхоронения было ограблено. Впускное погребение совершено в низком каменном ящике (2x0,7x0,3 м) из восьми каменных плит с поперечным перекрытием из пяти небольших плит. В нем находился костяк мужчины, погребенного на спине, вытянуто, черепом на ЗСЗ. Инвентарь отсутствовал. В Тете-4 (к. 4) также на глубине около 0,5 м в аморфной каменной обкладке находился непо потревоженный костяк ребенка, уложенного вытянуто на спине, головой на СЗ (рис. 47. – 2). Вдоль правого бедра остатки обугленной палочки. Инвентарь отсутствовал, кроме небольшой бусинки зеленого цвета, найденной под черепом.

Рассмотренные погребения с каракобинскими не имеют ничего общего, кроме наличия ящиков иных конструкций. Нетрудно заметить, что впускные погребения в Боротале-3, Балык-Сооке-2 и Тете-4 очень похожи: умершие погребались на небольшой глубине (в трех случаях 0,5–0,8 м), головой в западный сектор, в трех случаях вытянуто на спине, без керамики и почти без вещей. Все они неграблены. Трое умерших были взрослыми, один – ребенком. Датированных вещей в этих захоронениях нет, но найденные пронизка, железный нож и бусина вполне могут относиться к III–II вв. до н.э., но не раньше, поскольку сами они впускались в довольно поздние погребения, до ограбления которых также прошло какое-то время. Нельзя исключить и датировку впускных захоронений последними веками до нашей эры. Доказательств причастности этих людей к ограблениям пазырыкцев пока нет. Можно предположить, что все рассмотренные впускные погребения оставлены какой-то еще слабо изученной группой населения, погребавшей часть своих умерших в более ранних курганах из стремления «приобщиться», а не «заместить».

Погребения без конских подхоронений. Помимо характерных собственно пазырыкских и каракобинских погребений в Горном Алтае известно большое количество захоронений с погребальным обрядом как бы промежуточного характера. Такого рода погребения встречаются почти во всех публикуемых могильниках. Большинство этих погребений совершено в срубках по пазырыкскому обряду и отличаются лишь отсутствием лошади (рис. 29, 41, 42, 44–48, 50, 51). Отсутствие конских подхоронений в одном или нескольких курганах даже в «чистых» пазырыкских цепочках – явление обычное. Очевидно, что даже погребальный обряд собственно пазырыкцев допускал захоронение человека без лошади. И дело совсем не в бедности погребенного и его родственников, как до сих пор продолжают считать некоторые исследователи. Все зависело от ограничений погребального обряда. Даже в рамках пазырыкской археологической культуры лошади почти не погребались в каракобинских погребениях и на Средней Катуні. На равнине конские погребения встречаются только в быстринской культуре. На огромной территории вокруг Горного Алтая обычно лошадей в могилу не подхоранивали, но мы ведь не делаем из этого вывод об их исключительной бедности.

Итак, подавляющее количество этих промежуточных погребений представляют собой подкурганые захоронения в срубках, рамах и других конструкциях без конских подхоронений с ориентацией умерших в восточный (в ряде случаев западный) сектор. Расположение погребенных в них людей, инвентаря и его набор в общих чертах одинаковы. Они также известны повсеместно в ареале распространения пазырыкской культуры. В центральной части и контактных зонах с соседними культурами они *имеют свою специфику и должны рассматриваться в зависимости от конкретного культурного окружения*. В противном случае в одни и те же группы по формальным признакам будут включены комплексы, совершенно различные в культурном отношении. Данное замечание также касается рассмотренных выше погребений в каменных ящиках и в пазырыкских в срубках с подхоронениями лошадей. В связи с этим выделение для пазырыкской культуры (вернее, для всех имеющихся в Горном Алтае погребений «VI–II вв. до н.э.») 49 типов погребальных сооружений (Тишкин, Дашковский, 2003а, с. 133–136) выглядит не совсем продуктивным, в чем нетрудно убедиться при попытке использования и просмотре полученных исследователями результатов (Тишкин, Дашковский,

2003а, с. 133–136). Серьезные возражения вызывает иерархия выбранных признаков, приведшая, например, к попаданию в разные группы фактически аналогичных конструкций с каменной насыпью и срубом (типы 2, 13, 30). Указанная классификация не коррелируется с погребальным обрядом отдельных групп населения, и не случайно к одному типу 20 (Тишкин, Дашковский, 2003, с. 297) были отнесены типично саглыиное коллективное захоронение с западной ориентацией умерших в квадратном срубе (к. 1, Юстыд-22) и собственно пазырыкское захоронение в прямоугольном срубе с восточной ориентацией умерших и подхоронением двух лошадей (к. 22, Барбургазы-1).

«Коргантасский» тип памятников. К этому типу в Горном Алтае можно отнести всего несколько захоронений, но по ряду причин в последнее время они привлекают к себе особое внимание. Курганы «коргантасского» типа были выделены А.З. Бейсеновым по материалам раскопок в Центральном Казахстане (Бейсенов, 1995; см. сводку: Таиров, 2006). Наиболее характерными чертами этого типа памятников является наличие в головах умершего специального отсека (иногда ямки за пределами могилы) с черепами лошадей (часто взнузданных) и мелкого рогатого скота. Умершие погребались в ямах (в том числе и в каменных ящиках) глубиной 0,4–2 м, на спине, вытянуто, головой на СВ-ВСВ. Датировались памятники предвременно IV–I вв. до н.э. (Бейсенов, 1995). Близость этих погребений некоторым курганам из Горного Алтая (Сибирка-1, Кер-Кечу, Елангаш) отмечалась уже в одной из первых публикаций (Бейсенов, 1995, с. 225). После некоторого забвения вопрос о памятниках коргантасского типа был одновременно рассмотрен в двух обстоятельных статьях (Таиров, 2006; Пересветов, 2006), авторы которых указали еще на два подобных памятника в Горном Алтае (Ак-Алаха-1 и Кызыл-Таш). На основе опубликованных ранее датировок погребения из Горного Алтая были отнесены ко второй половине V–IV вв. до н.э. (Сибирка-1, Кер-Кечу; Таиров, 2006, с. 188), IV–III вв. до н.э. (Кызыл-Таш; Пересветов, 2006, с. 202) и III–II вв. до н.э. (Ак-Алаха-1, Елангаш; Таиров, 2006, с. 193–194). С учетом этих дат и описаний инвентаря время коргантасских памятников в Центральном Казахстане было определено авторами примерно III в., возможно, IV в. до н.э. При этом оба исследователя допускали корректировку даты в сторону удреждения, что предполагалось и А.З. Бейсеновым. Соответственно определялось и время предполагаемых миграций населения. По А.Д. Таирову, «появление на Алтае комплексов типа Сибирка и Кер-Кечу следует увязывать с общим движением на запад во второй половине V–IV вв. до н.э. различных групп родственных племен, живших до этого в пределах Северного и Северо-Западного Китая» (2006, с. 188). Появление погребений Елангаша, Ак-Алахи-1 и коргантасских памятников в Центральном Казахстане связывается с еще одной миграцией из Китая в III в. до н.э. (Таиров, 2006, с. 193–194). По Г.Ю. Пересветову, появление захоронений коргантасского типа на Алтае и в Центральном Казахстане связано с миграцией населения из Забайкалья и Монголии с IV в. до н.э., при этом «между появлением алтайских и казахстанских памятников лежит непродолжительный отрезок времени, укладывающийся в пределах IV в. до н.э.» (2006, с. 205–206).

Отдавая должное работам указанных исследователей, необходимо внести в эти построения существенные коррективы. Во-первых, все содержавшие представительный материал захоронения «коргантасского» типа в Горном Алтае (Сибирка-1, Кер-Кечу и Кызыл-Таш) могут быть датированы не позже башадарского периода (около второй половины V в. до н.э.). Наиболее ранним является погребение в Сибирке-1 (Полосьмак, 1990) с раннескифскими чертами в погребальном обряде и инвентаре (едва ли позже середины VI в. до н.э.). К башадарскому периоду (примерно вторая половина VI – первая половина V в. до н.э.) по уздечным распределителям относится курган из Кер-Кечу (Могильников, 1988). Звено бронзовых удил, пластинчатая подпружная пряжка и крупные бронзовые ножи со слабо выгнутым обушком из Кызыл-Таша (Соенов, Эбель, 1998) также раннепазырыкского периода. Согласно любезно предоставленной К.В. Чугуновым информации, аналогичный обряд зафиксирован в могильни-

ке Демир-Суг-1 (Тува, раскопки А.М. Мандельштама), датирующийся особо информативным вещевым комплексом серединой-второй половиной VI в. до н.э. Девятнадцать черепов овцы и четыре черепа лошади со сбруйной фурнитурой добащадарского периода найдены в кургане 93 могильника Туран-1 (Полторацкая, 1966, с. 83).

Во-вторых, имеются основания говорить о появлении варианта указанного обряда в Горном Алтае уже в финале раннескифского времени. Речь идет о шести раннескифских погребениях на могильнике Чесноково-1 на Чарыше (Северо-Западный Алтай), где в верхней части заполнения могил над головами умерших устраивались своеобразные поминальники, включавшие кости и черепа мелкого рогатого скота, а также кости и фрагменты черепов лошади. Умершие погребались в традиционной для раннескифского времени позе – на спине, вытянуто, головой на СЗ, ССЗ (4 случая) или на СВ и ССВ (Шульга, 1998ж).

Таким образом, «коргантасский» тип памятников достоверно фиксируется на Алтае и в Туве с VI в. до н.э., а сам обряд устройства в районе головы умершего поминальников (жертвенников) с черепами и костями животных появляется не позже начала VI в. до н.э. (Чесноково-1). Следует отметить, что самые ранние погребения (Чесноково-1, Сибирка-1) располагаются в предгорьях и оставлены пришлым населением с равнины, погребавшим в то время покойников головой в северный сектор. Вполне вероятно отнесение к этой группе и погребения с северной ориентацией из Ак-Алахи-1, поскольку на Алтае такая ориентация практически всегда указывает на хронологию памятника. Умершие в более поздних погребениях (Жер-Кечу, Кызыл-Таш, Елангаш) уже ориентированы по пазырыкскому обряду – на восток. Удревнение казавшихся поздними памятников с Алтая, конечно же, не означает автоматического удревнения коргантасских памятников в Казахстане, но наличие там бронзовых сбруйных распределителей указывает на датировку некоторых из них по меньшей мере V в. до н.э., что соответствует и хронологии памятников Южного Урала (Таиров, 2004а). Судя по ранним датам Чесноково-1, Сибирки-1, Демир-Суга-1 и Турана-1 за появлением памятников коргантасского типа на Саяно-Алтае и в Казахстане стоят довольно сложные процессы и более ранние миграции.

Культурная принадлежность курганов 21 и 27 из могильника Балык-Соок-1. Курганы 21 и 27 совершенно не вписываются в рамки культур Горного Алтая VII–III вв. до н.э. В какой-то мере это объясняется их датировкой переходным временем (первая половина VI в. до н.э.), но полных аналогий им нет и на прилегающих территориях. Как отмечалось ранее (Кубарев, 2002), в курганах 21 и 27 могильника Балык-Соок-1 зафиксирован особый погребальный обряд. Специфика прослеживается уже в планиграфии (рис. 2) – оба кургана устроены согласно степной традиции на большом расстоянии друг от друга (около 35 м). В бийкенских и пазырыкских же цепочках промежутки между насыпями составляет лишь несколько метров, а в некоторых случаях они могут соединяться. Отличительной особенностью курганов 21 и 27 является наличие плоской кольцевой насыпи, или выкладки и большая глубина могил – 4,6 и 6,5 м, а также подквадратная форма могил, хотя последнее в скифское время часто указывает не на культурную специфику, а на элитный характер захоронения. В Балык-Сооке-1 отсутствовали конские подхоронения, умершие укладывались по линии С-Ю или СЗ-ЮВ, диагонально погребальной камере (рис. 11; 12). При этом сделано редкое наблюдение – пол в срубах также выстилался по диагонали, тогда как в пазырыкских срубах он практически всегда продольный, как и перекрытие. В кургане 27 и, по-видимому, в кургане 21 в погребальной камере находилось по два человека, уложенных по диагонали «валетом» – головами в разные стороны. Северный костяк в обоих случаях принадлежал женщине, а южный, по-видимому, мужчине, по крайней мере в кургане 27. Помимо индивидуального инвентаря, в могилу, между умершими помещали заупокойную пищу, включавшую в обоих случаях крестец лошади и один сосуд. Вполне вероятно, что хвостовые позвонки барана и ножи были и в сильно разграбленном кургане 21.

Необычно выглядят находки в заполнении могилы кургана 21. На глубине 3,85 м в южной части ямы расчищен не затронутый грабительским шурфом скелет собаки, уложенной на

живот с завалом на правый бок, головой на юг (рис. 11. – 3). У северной стенки ямы в 1,5 м выше дна ямы обнаружен череп женщины. На том же уровне по всей площади могильной ямы располагались позвонки и ребра человека. Можно было бы предположить, что грабители расширили в этом месте шурф и на образовавшуюся площадку вытащили кости и череп женщины. Однако грабительские шурфы всегда узки в нижней части, а кости человека были разбросаны по всей площади могилы. Объяснить это противоречие можно двумя способами: 1) найденный череп и кости принадлежали человеку, погребенному уже в заполнении могилы, как и находящаяся в 1 м выше собака; 2) ко времени ограбления (осквернения) могила была засыпана всего лишь на 1 м выше перекрытия, злоумышленники разбросали кости на всем пространстве еще свободной от земли могилы. Если первое предположение верно, то можно провести аналогию с ярусным погребением женщин и расположенными выше жертвенниками (поминальниками) в раннескифском могильнике Чесноково-1 на реке Чарыш (Шульга, 1998б; 1998ж). Подобным образом по диагонали, головой в северо-западный сектор погребались умершие в раннескифском (переходном?) кургане 1 могильника Кучук-1 на равнине Алтая (левобережье Оби), при этом целый скелет и части скелетов находились на двух или трех уровнях в юго-западном углу, как и в кургане 27. Неподалеку от Барнаула на могильнике Гоньба-2 (к. 2) VI в. до н.э. выявлен и обряд положения умерших «валетом» на С и Ю (Шамшин, Лузин, Изоткин, 1991).

Несомненный интерес вызывает диагональность расположения умерших. Многие исследователи определяли эту особенность погребальной обрядности как характерную черту населения Южного Урала в скифское время. При этом, по мнению одних, эта особенность указывала больше на культурную принадлежность, по мнению других – на элитность захоронения или принадлежность умерших к жречеству (Смирнов, 1964, с. 93–94; 1975, с. 161; 1984, с. 9–18, 122 – 123; Максимов, 1966, с. 98–115; Мошкова, 1972, с. 70–71; Шилов, 1975, с. 135; Уманский, 1987; Могильников, 1993, с. 189–193; 1997; и др.). Согласно другой точки зрения, этот обычай существовал у разных племен и народов, отражая какие-то социальные явления и религиозные представления (Засецкая, 1974, с. 121; Таиров, 2004б, с. 52). Расширение источниковой базы на Южном Урале и Алтае, а также синхронизация раннекаменских захоронений с савроматскими и раннепрохоровскими позволяет с уверенностью говорить, что данный обряд не может быть связан с какой-то конкретной археологической культурой. Распространяется он в каменной культуре не позже, как считалось ранее, а примерно в то же время, что и на Южном Урале.

Эпизодически диагональность положения умерших прослеживается на равнине Алтая уже в раннескифское время. На этом фоне открытие курганов Балык-Соок-1, датирующихся временем угасания раннескифской культуры и формирования раннепазырыкских захоронений, имеет особое значение. Появление такого богатого специфического комплекса в горах Алтая уже в первой половине VI в. до н.э. не оставляет оснований для выведения диагональных захоронений с Урала. Вполне вероятно, данный обряд на Урале и Алтае – следствие одного или нескольких южных импульсов, неоднократно происходивших в этих направлениях и ранее – с VII в. до н.э. Более конкретное предположение на этот счет сделал А.Д. Таиров, считающий, что ряд так называемых савроматских или сарматских черт (в том числе диагональные погребения) в погребальном обряде Южного Урала и Обь-Иртышского междуречья есть следствие «движения на запад во 2-й половине V–IV вв. до н.э. различных групп родственных племен, живших до этого в пределах Северного и Северо-Западного Китая» (Таиров, 2004б, с. 52–54). Так это или нет, покажет будущее, но, судя по кургану 1 могильника Кучук-1 на равнине Алтайского края, эта особенность погребального отряда появляется уже в раннескифское время.

Итак, отнести курганы 21 и 27 к какой-либо из известных культур в настоящее время не представляется возможным, но определить место формирования найденного в них вещевого комплекса вполне реально. Большая часть изделий хорошо датируется, но имеет слишком широкий круг аналогий, включая серьги, заколку, колчанную ворворку и почти все детали богатого поясного набора (рис. 13). Замечательное зеркало из кургана 27 (рис. 14. – 1), наобо-

рот, близких аналогий не имеет и, по всей видимости, импортное. Место его производства нельзя назвать даже предположительно, хотя с накоплением материалов оно, несомненно, позволит получить значимую информацию. То же самое можно сказать о серебряной прорезной поясной обойме, украшенной головками орлов (рис. 13. – 1). Из поясной фурнитуры можно отметить только две железные гранчатые ворворки того же типа, что и найденная на поясе в раннескифском могильнике Гилево-10 в предгорьях Северо-Западного Алтая (рис. 72. – 1). На место формирования всего вещевого комплекса и проживания умерших указывают роговые башневидные и пулевидный наконечники стрел и бочонковидный сосуд (рис. 12. – 3, 9–11; см.: 3.1; 4.6.2). Почти все сосуды такой формы происходят из погребений каменной культуры на Верхней Оби, а один – из предгорий, что согласуется с местонахождением могильников Кучук-1 и Гоньба-2, имеющих аналогии в погребальном обряде. Роговые наконечники стрел представленных типов были распространены во второй половине VII – первой половине VI в. до н.э. на равнине Алтайского края, в Горном Алтае и Туве.

Следует отметить, что надмогильные сооружения в виде кольцевидных выкладок также не характерны для Горного Алтая в скифское время и могут указывать на приход населения (Бородаев, Мамадаков, 1985). На основании вышеуказанного, учитывая отсутствие каких-либо аналогий в погребальном обряде на территории Тувы и Горного Алтая, мы можем достаточно уверенно считать умерших в курганах 21 и 27 представителями выходцев с равнины Алтайского края. Судя по наличию по меньшей мере двух курганов, эта небольшая группа проживала в долине Урсула достаточно долго.

1.2. Хронология и периодизация пазырыкской культуры

1.2.1. Проблематика. Общий обзор. До недавнего времени хронология памятников пазырыкской культуры считалась наиболее разработанной. Для такого заключения имелись все основания: 1) большое количество исследованных захоронений скифского времени (более 650); 2) сравнительно быстрое введение в научный оборот полученных материалов в сотнях публикаций, в число которых входит по меньшей мере 20 монографий; 3) замечательная сохранность в мерзлотных курганах изделий из органики, в частности, большого количества древесных стволов, позволяющих не только построить плавающую дендрошкалу на несколько столетий, но и выполнить корректную датировку по радиоуглероду с отбором проб по древесным кольцам; 4) наличие большого количества предметов конского снаряжения уникальной для Евразии сохранности с ременной основой сбруи и седлами; 5) наличие импортных изделий из Передней Азии и Китая, а также огромное количество образцов искусства, выполненных под явным влиянием этих цивилизаций и соседних культур; 6) сравнительно большое количество предметов вооружения.

В итоге многолетних исследований ряда специалистов была построена плавающая дендрошкала протяженностью более 600 лет с VIII (Аржан-1) по IV–III вв. до н.э., казалось бы, надежно привязанная радиоуглеродными датами к абсолютной хронологии (Марсадолов, 1985, 2000а; и др.). На основании этих дат и относительной хронологии с 1980-х гг. погребальные комплексы пазырыкской культуры подразделялись значительной частью исследователей (с известными различиями) на три этапа: ранний (около середины VI – первой половины V в. до н.э. – Башадар-2, Туэкта-1, 2 и др.), средний (вторая половина V – первая половина IV в. до н.э. – Большие курганы в урочище Пазырык, Укок, Берель и др.) и поздний (вторая половина IV–III вв. до н.э., или III – начало II вв. до н.э. – Шибе, Башадар-1, Катанда). Между тем имелись и существенные расхождения, в частности, по вопросу о нижней и верхней границах пазырыкской культуры и времени существования так называемого шибинского этапа. Так,

Л.С. Марсадолов придерживается наиболее ранних датировок, во многом совпадающих с предложенными С.И. Руденко. По результатам его работ наиболее ранними курганами пазырыкской культуры являлись Башадар-2 и Туэкта-1, датируемые концом первой четверти VI в. до н.э., а подавляющее число поздних укладывались в рамки IV в. до н.э. (Марсадолов, 1996; 2000а, с. 22–23; 2004). В развернутой работе А.С. Суразакова обосновывались усредненные даты пазырыкской культуры – конец VI–III – начало II вв. до н.э. (Суразаков, 1989, с. 115–117). В.Д. Кубарев склонен был придерживаться более поздних датировок, определяя время существования большинства курганов из Юго-Восточного Алтая с V по II–I вв. до н.э. (Кубарев, 1987; 1991; 1992). В этих же рамках датировали их Д.Г. Савинов и Л.Р. Кызласов (Савинов, 1978; Кызласов, 1979). Несмотря на имевшиеся в ряде случаев значительные расхождения, в отношении к «опорным» курганам из урочища Пазырык сохранялось определенное единство – почти все исследователи вслед за М.П. Грязновым и С.И. Руденко относили их к V–IV вв. до н.э.

В последние 10–15 лет ситуация принципиально изменилась: пересмотру подверглись, казалось бы, незыблемые даты Пазырыка и связанные дендрошкалой Башадара-2, Туэкты-1, 2. В 1993 г. К.В. Чугунов обратил внимание на опубликованные в 1991 г. работы зарубежных ученых, датировавших, в частности, найденный в курганах Пазырыка импорт из Китая (ткани и зеркало) концом IV–III вв. до н.э. (Чугунов, 1993; Source, 1991). Эту точку зрения приняла и Н.Л. Членова (1996, с. 314). Впрочем, Н.Л. Членова и раньше определяла время существования раннепазырыкских комплексов (Башадар-2, Туэкта-1, 2) не VI в. до н.э., а V в. до н.э. (Членова, 1967). К этому же времени, по-видимому, отнесла их Н.В. Полосьмак, отметившая, что памятники пазырыкской культуры появляются «не раньше IV в. до н.э.» (Полосьмак, 1994, с. 90; 2001, с. 107). Другой исследователь древностей Укока В.И. Молодин высказал мнение о формировании могильников Кутургунтас и Ака-Алаха-3 не позже III в. до н.э. (Молодин, 2000, с. 118). Вскоре выводы зарубежных исследователей и предположения отечественных о более поздней дате Пазырыка стали как будто подтверждаться радиоуглеродными датами (Васильев, Слюсаренко, Чугунов, 2003). Однако достоверность их у ряда специалистов вызывает сомнения (Марсадолов, 2003; Марсадолов, Миллер, 2006).

Проблема датирования Пазырыка, как и других памятников скифского времени на Саяно-Алтае, особо остро встала после публикации обобщающей работы по радиоуглеродной и археологической хронологии памятников Евразии в скифскую эпоху (Евразия в скифскую... 2005). Согласно новым радиоуглеродным датам по образцам дерева вся группа из пяти Больших курганов Пазырыка была датирована около 300–250 гг. до н.э. (Евразия в скифскую... 2005, с. 79–82, 215). Хронологический интервал между Туэкткой-1 и Пазырыком-2 в 130 лет ревизии почти не подвергся (Марсадолов, 2000; Евразия в скифскую... 2005, с. 49–50) и даже увеличен до 142 лет (Евразия в скифскую... 2005, с. 54, 166). Соответственно, Туэкта-1 датирована примерно 444–430 гг. до н.э. (Евразия в скифскую... 2005, с. 83, 215), т.е. раньше, чем курганы могильника Догээ-Баары-2 в Туве (вторая половина V – первая половина IV в. до н.э.; Евразия в скифскую... 2005, с. 159, 215). Аржан-2 отнесен примерно к середине-второй половине VII в. до н.э. (Евразия в скифскую... 2005, с. 86, 215).

Подчеркнем, что предполагавшегося автоматического смещения на 150 лет Аржана-1 с 800 г. до н.э. в середину VII в. до н.э. (Чугунов, 1993) не произошло. Следует полагать, что авторы работы (Евразия в скифскую... 2005) вынуждены были отказаться от плавающей 600-летней дендрошкалы, связывающий курган Аржан-1 с Пазырыками-2 и 5, хотя там же имеется не совсем понятное высказывание: «Следует отметить, что соотношение между временем сооружения курганов в системе Пазырык-Туэкта-Аржан осталось практически неизменным, но время сооружения курганов Пазырыкской группы уточнено в сторону омоложения более чем на 100 лет...» (Евразия в скифскую... 2005, с. 83).

Вместе с тем, даже в случае достоверности предлагаемых радиоуглеродных дат проблема хронологии сама собой не решается, поскольку все эти даты должны быть увязаны с ар-

хеологическим материалом. В какой-то мере авторы попытались решить ее на материалах из Тувы, но сделано это по большей части лишь на фрагментарно опубликованных комплексах (Аржан-2, Догээ-Баары-2 и др.). И сразу же возникло противоречие по принципиально важному вопросу соотношения материалов Тувы и Горного Алтая: материалы с представительными комплексами из курганов Догээ-Баары-2 были датированы на 50–80 лет позже Туэкты-1. Однако, по всем данным, эти курганы, наоборот, раньше Туэкты-1 и даже Башадара-2. Прежде же, анализируя данные традиционным путем, К.В. Чугунов вполне справедливо соотнес часть материалов из Догээ-Баары-2 со староалейской культурой и могильником Кайнду на Средней Катунь (Чугунов, 2001, с. 176–177), которые, несомненно, раньше Башадара-2, поскольку представляют на Верхней Оби и в Горном Алтае устоявшиеся комплексы VI в. до н.э. Большой разброс дают и радиоуглеродные даты почти по всем памятникам, не говоря уже об Аржане-2 и Туэкте-1, попавших на «гальштатское плато» и не имеющих узкой даты (Евразия в скифскую... 2005, с. 81, 85).

Несмотря на имеющиеся противоречия и условность ряда датировок в указанной работе, игнорировать опубликованные в ней результаты нельзя. В данной ситуации все исследователи поставлены перед следующим выбором: 1) продолжать придерживаться одной из десятков вышеуказанных хронологических схем с постоянными оговорками во избежание неверного толкования той или иной даты; 2) отказаться от использования абсолютных дат и ограничиться ссылками на относительную хронологию памятников; 3) не мудрствуя лукаво принять новые радиоуглеродные даты и расставлять памятники на соответствующие полочки, не обращая особого внимания на устоявшуюся типологию вещевых комплексов; 4) попытаться построить новую непротиворечивую хронологическую схему с максимально возможной привязкой к хорошо датированным памятникам Причерноморья, Передней Азии и Китая. Выбор небогатый, поскольку первые три подхода хотя и используются довольно широко, но, несомненно, тупиковые.

Уже после обсуждения новых дат Пазырыка (Васильев, Слосаренко, Чугунов, 2003; Марсадалов, 2003) было опубликовано две хронологические схемы пазырыкской культуры (Марсадалов, 2004; Тишкин, Горбунов, 2005). На фоне наиболее представительных памятников скифского мира Л.С. Марсадаловым в тезисной форме было выделено для Горного Алтая несколько культурно-хронологических пластов: *башадарский* (Башадар-2 и Туэкта-1 – «1-я пол. 6 в. до н.э.»), *позднетуэктинский* (Туэкта-2 и малый туэктинский курган 6 – «поел. четв. 6 – 1-я пол. 5 вв. до н.э.»), *пазырыкский* (вторая половина V в. до н.э.) и «*шибинские памятники*» IV в. до н.э. с вероятным заходом в III в. до н.э. (Марсадалов, 2004, с. 79, 81, табл. 4). Схема А.А. Тишкина приведена без обоснований, но с указанием этапов и памятников: *башадарский* («2-я половина VI – 1-я половина V вв. до н.э.» – Башадар-2, Туэкта-1, Кайнду и др.), *кызылджарский* («2-я половина V – 3-я четверть IV вв. до н.э.» – Пазырык; Кызыл-Джар-1, 3–5, 8; Катанда, Берель, Ак-Алаха-1, 3 и др.), *шибинский* («последняя четверть IV–III вв. до н.э.» – Шибее; Бураты-1, 4; Уландрык-2, Верх-Еланда-2, Усть-Эдиган и др.). Как видим, новым радиоуглеродным датам не нашлось места ни в той, ни другой периодизации, а сами периодизации различаются между собой почти по всем пунктам.

Сложившаяся кризисная ситуация в хронологии и периодизации памятников пазырыкской культуры практически блокирует решение основных вопросов, в том числе связанных с пониманием места пазырыкской культуры в скифском мире. Соответственно, блокируются попытки исследователей из других регионов (включая Китай) полноценно использовать во многом уникальные материалы из Горного Алтая для решения задач частного и общего порядка. Разобраться в хитросплетениях «алтайской хронологии» многим российским, а тем более зарубежным исследователям практически невозможно. Часть из них вообще игнорируют имеющиеся хронологические построения, а другие попадают в ловушку «отсылочных датировок», зачастую одновременно оперируя датами исследователей, расхождения между которыми могут составлять от 50 до 200 лет.

1.2.2. Хронология и периодизация. Предлагаемые в данной работе хронология и периодизация пазырыкской культуры существенно отличаются от принятых и предлагавшихся ранее схем. Но построена она с их учетом – прежде всего на разработках по *относительной хронологии* М.П. Грязнова, С.И. Руденко, Л.С. Марсадолова и А.С. Суразакова.

Хронология базируется на положении о *существовании у кочевников к востоку от Урала начиная с VII в. до н.э. хорошо различимых, последовательно сменяющих друг друга вещевых комплексов* из конского снаряжения, поясной фурнитуры, оружия, украшений и предметов искусства, которые могут называться культурно-хронологическими слоями (пластами) (Марсадолов, 2004). Печать времени, несомненно, несет любой предмет из погребально-поминальных комплексов, но некоторые характерные изделия в определенные периоды получали наиболее широкое распространение. Они часто называются хронологическими индикаторами. Важно подчеркнуть, что практически все категории вещей и образы звериного стиля изменяются во времени неравномерно, и периоды стабилизации их форм не обязательно укладываются в рамки культурно-хронологических слоев. Помимо этого, некоторые категории инвентаря могли какое-то время встречаться и уже после их массового использования. Тем не менее для каждого культурно-хронологического слоя выделяются целостные, достаточно стабильные, генетически связанные между собой вещевые комплексы. В рамках конкретных археологических культур слои могут соответствовать этапам, характеризующимся не только общераспространенным вещевым комплексом, но также особенностями погребального обряда.

Основой датировки памятников Алтая, как и многих других регионов, традиционно является конское снаряжение, отличающееся наибольшей изменчивостью во времени и наибольшей стабильностью форм в пространстве. Это позволяет синхронизировать удаленные памятники и достаточно надежно фиксировать хронологические изменения. Особо отметим роль сакрализованной сбруи в формировании устройства, внешнего облика и орнаментации самых разнообразных категорий инвентаря. В наибольшей степени влияние сбруи отразилось на поясной фурнитуре, которую можно рассматривать как *часть составляемого снаряжением лошади и всадника единого сакрального комплекса*, выполненного в определенном художественном и мифологическом стиле (Шульга, 2003д; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005). Уже на данном этапе исследования можно говорить, что поясная фурнитура становится почти столь же значимым хронологическим индикатором, как и сбруйная, что позволяет более уверенно синхронизировать и датировать комплексы в культурах Южной Сибири, Монголии, Казахстана и Южного Урала, где сбруйные наборы редки или вовсе отсутствуют.

Сделанные в последние годы на Северо-Западном Алтае и его предгорьях открытия позволили по основным параметрам сопоставить раннескифскую сбрую с пазырыкской из мерзлотных курганов. В результате удалось с *максимально возможной на данном этапе полнотой проследить эволюцию снаряжения лошади на Алтае в VII–III вв. до н.э.* На данной основе выделено несколько эталонных последовательно сменяющихся в VII–III вв. до н.э. типов сбруи и сбруйных наборов. Большинство из них в целом находит аналогии на территории от Урала до Китая включительно, что в ближайшей перспективе позволит синхронизировать ряд комплексов на этой территории. Проведенный анализ оружия, украшений, образцов искусства и другого инвентаря из комплексов, включавших сбруйную и поясную фурнитуру, выявил синхронность их изменений на всей рассматриваемой территории.

В ходе уточнения *относительной хронологии* памятников Саяно-Алтая сделаны выводы, частично совпадающие с хронологией материалов Южного Зауралья (Таиров, 2004а) и близкие новым радиоуглеродным датам Пазырыка. На основе эволюции конского снаряжения VII–III вв. до н.э. возможно построить достаточно подробную периодизацию наиболее представительных погребальных комплексов Горного Алтая, но *большинство «рядовых» или ограбленных погребений малоинформативны и могут быть достаточно уверенно датированы только в рамках двух основных этапов пазырыкской культуры – раннего и позднего.* Следует подчеркнуть специфику Больших курганов пазырыкской культуры с богатейшими коллекци-

ями конского снаряжения и звериного стиля. По причине ограбленности погребальных камер эти комплексы неполные, т.е. в них почти нет оружия, украшений и другого датируемого инвентаря. Установление последовательности сооружения больших курганов (Башадар-2, Туэкта-1, 2, Пазырык) позволяет понять особенности эволюции сбруи, но мало дает для понимания последовательности бытования традиционного инвентаря. Проще говоря, мы не знаем, какие формы кинжалов, наконечников стрел и другого инвентаря сосуществовали с зафиксированными там типами сбруи. Не случайно в обобщающих работах А.С. Суразакова, Ю.Ф. Кирюшина и Н.Ф. Степановой (Суразаков, 1989; Кирюшин, Степанова, 2004) хронологические схемы лишь в малой степени опираются на материалы Башадара-2, Туэкта-1, 2, Пазырыка и других элитных курганов пазырыкской культуры.

Наибольшую сложность представляет определение *абсолютной хронологии этапов*. Проводимая многими исследователями работа по синхронизации памятников Саяно-Алтая с датированными памятниками Причерноморья, Передней Азии и Китая займет еще много времени. Поэтому предлагаемые ниже даты являются довольно условными, основывающимися прежде всего на относительной хронологии памятников. Сколько-нибудь достоверными отправными точками являются, на наш взгляд, следующие: 1) время финала раннескифской культуры – около рубежа VII–VI вв. до н.э. (Аржан-2, возможно, Гилево-10 и др.); 2) выхода из использования сбруйных наборов с распределителями – около середины V в. до н.э.; 3) время угасания пазырыкской культуры – около рубежа III–II вв. до н.э. Первая точка выводится из устоявшейся хронологии Саяно-Алтая и Казахстана, отдаленных аналогий с Северным Кавказом (Келермес, Краснознаменка и др.) и, в какой-то мере, радиоуглеродной датировки Аржана-2 (Евразия в скифскую... 2005, с. 84–88). Время завершающего этапа пазырыкской культуры определяется также условно – по отсутствию даже в наиболее поздних пазырыкских погребениях изделий хуннского типа. Вторая отправная точка определяется прежде всего по времени выхода из использования уздечек с распределителями в ахеменидской державе в середине – второй половине V в. до н.э. (Calmeier, 1985; Иванчик, 2001, с. 81–97; Андерсон, 2006). Примерно в это же время (около середины V в. до н.э.) распределители исчезают и на Южном Урале (Таиров, 2004, рис. 6).

Если исходить из синхронности бытования основных типов сбруи и сбруйной фурнитуры к востоку от Урала и в Персии, то представляется вполне вероятным уточнить время исчезновения распределителей (в частности, на Саяно-Алтае) по материалам из Китая. Там они зачастую датируются IV–III вв. до н.э., но по имеющимся данным эта дата может быть пересмотрена в сторону удреждения. В качестве примера можно привести материалы из находящегося в 700 км к югу от плоскогорья Укок могильника Цзяохэ около г. Турфана (Городище Цзяохэ, 1998; Варенов, Шойдина, 2000). Роговые сбруйные наборы, найденные там в захоронениях M28, M27 и отчасти M01, имеют прямые аналогии с Пазырыком-3, 4, Чендеком-ба (к. 5) и другими, тогда как изделия из захоронения M16,2 (распределители, застежка подбородного ремня, ворворка, зеркало с клювовидной ручкой и довольно массивный бронзовый черешковый трехлопастной наконечник), несомненно, относятся к добашадарскому периоду.

Следует добавить, что обнаруженный там же деревянный трехгранный наконечник с расщепленным черешком имеет аналогии не в хуннских наконечниках, а в тувинских с башневидной головкой конца VII–VI вв. до н.э. Бронзовый костылек (поясная подвеска) из Цзяохэ имеет ближайшие аналогии на равнине Алтая в захоронении каменной культуры конца VI – первой половины V в. до н.э. Однако все вскрытые в Цзяохэ захоронения в том числе две (?) могилы у кургана M01 с монетой у-чжу и накладкой на лук *датированы «ханьской эпохой, т.е. последним веком до нашей эры – первым веком нашей эры»* (Варенов, Шойдина, 1999, с. 314). Как видим, одновременные захоронения, включавшие комплексы V и III вв. до н.э. (даже в случае датировки Пазырыка IV–III вв. до н.э.) и более поздние, были отнесены к рубежу эр. При этом предложенная дата не учитывает относительно раннего времени появления монет у-чжу (со II в. до н.э.) и накладок на лук (не позже V–IV вв. до н.э.) (У Энь, Чжун Кань, Ли Цзинь-

цзэн, 1990, с. 99; Ковалев, 2002, с. 121). Данный пример однозначно указывает на отсутствие у авторов публикации материалов Цзяохэ достаточно надежных хронологических ориентиров, что уже отмечалось и в отношении других китайских исследователей (Молодин, Комиссаров, Соловьев, 2005).

Основные отличия предлагаемой периодизации от предшествующих следующие: 1. Выделяется значительная группа наиболее ранних «рядовых» пазырыкских памятников второй половины VI – первой половины V в. до н.э. 2. Считавшиеся наиболее ранними элитные Башадар-2 и Туэкта-1, 2 лишь замыкают ее и предварительно относятся ко второй половине V в. до н.э. 3. Особая, поздняя («шибинская») группа памятников пока не вычленяется, а потому выделявшиеся прежде памятники среднего (Пазырык) и завершающего (Шибс) этапов отнесены к одному позднепазырыкскому этапу (IV–III вв. до н.э.). В связи с этим необходимо подчеркнуть, что традиционное разграничение пазырыкской культуры на хронологические этапы является довольно субъективной группировкой материала по определенным признакам. Резких границ между ними не существует. Отдельные категории деталей конского снаряжения, вооружения и инвентаря, по которым в основном и определяется дата памятника, могут появляться значительно раньше времени их наибольшего распространения, а затем встречаться и в более позднее время. Несмотря на это, наличие специфических вещевых комплексов, сменяющих друг друга во времени, есть объективная реальность, и независимо от субъективных пристрастий, хронологическая последовательность памятников все же устанавливается.

Раннепазырыкский этап (около середины VI–V вв. до н.э.). Примерно соответствует стадии В на Южном Урале (Таиров, 2004а). Нижняя граница этапа определяется приблизительно, по наличию в наиболее ранних пазырыкских захоронениях раннескифских черт в погребальном обряде и конском снаряжении (рис. 80; Кайнду, к. 7; Тьткескень-6, к. 27, малый туэктинский курган 6, Талдура-1 и др.). Этим комплексам предшествуют инокультурные захоронения типа Балык-Соока-1 (рис. 11–14; к. 21, 27), раннескифских по наконечникам, но поясная фурнитура, звериный стиль и керамика которых указывают на более позднюю дату (первая половина VI в. до н.э.). В Горном Алтае к этому *переходному периоду* можно отнести, по-видимому, еще курган 2 из Чесноково-1 (Шульга, 1998б) и Сибирку-1 (Полосьмак, 1990). Вероятно, раннескифские курганы типа Бойтыгема-2 и Элекмонара-2 даже сосуществовали с строителями Балык-Соока-1 (к. 21, 27) и Чесноково-1, но с пазырыкцами они уже не взаимодействовали.

Завершают этап комплексы Башадара-2 и Туэкта-1, 2. Однако верхняя граница этапа довольно условная, поскольку вслед за Туэкткой-1, 2 идут очень близкие по конскому снаряжению курганы Вер-Кальджин-1, 2, Ак-Алаха-1, 3, Кутургунтас и ряд других курганов из верховой Чуи. Ситуация вполне естественная для любой поступательно изменяющейся культуры, этапы которой зачастую выделяются по признанным в свое время «опорными» памятникам.

Раннепазырыкский этап можно подразделить на два периода: добашадарский и башадарский.

Добашадарский период датируется предварительно серединой VI – серединой V в. до н.э. К этому периоду относятся прежде всего погребальные комплексы со сбруйными наборами из Арагола, малого туэктинского кургана 6, Талдуры-1, Ала-Гаила (к. 19) и Алагаила-3 (рис. 27; 31), кургана 2 из Чендека-6а и отличающиеся своеобразием погребального обряда курганы из могильников Кайнду (к. 7), Тьткескень-6 (к. 27), Чемал-Карьер-1 (Бородовский, 2006). По всей видимости, сюда же могут быть включены наборы с роговыми распределителями из Кызыл-Джара (к. 2), Кок-Су-1 (к. 17, 26), Черновая (к. 4). Уже в этот период сосуществуют погребения пазырыкского (в срубках с конскими подхоронениями) и каракобинского (в каменных ящиках без конских подхоронений) типа. К добашадарскому периоду относится и ряд погребений без конских подхоронений с восточной и западной ориентацией умерших (рис. 18; 19; 82; Кор-Кечу; Кайнду, Бике-1, 3; Улалинка и др.). Элитных курганов этого времени с большим диаметром насыпи пока не зафиксировано.

Добашадарский период выделен недавно в краткой форме (Шульга, 2006б), и необходимо дать более развернутую характеристику с указанием наиболее значимых категорий вещевого комплекса. Помимо деталей конского снаряжения в погребениях добашадарского периода с подхоронениями лошадей и без них в Горном Алтае находят поясную фурнитуру, предметы вооружения, украшения. Керамика встречается очень редко, при этом характерные узкогорлые пазырыкские кувшины еще отсутствуют.

Сбруя. В добашадарский период почти полностью сохраняется конструкция раннескифской уздечки с распределителями, двойтелями, кольцевидными или полукруглыми пронизками, чумбурными блоками и застежками подбородных ремней (рис. 80). Принципиально новым является лишь способ соединения удил с псалиями, почти не встречающийся в раннескифских наборах. Вместе с тем на седельных ремнях фурнитура раннескифского типа полностью отсутствует, за исключением несколько видоизмененных бронзовых подпружных пряжек-застежек и блоков (рис. 80. – 10). Синхронные или близкие во времени комплексы с подобной сбруей имеются в Туве (Туран-1, к. 93), северных предгорьях Алтая (Майма-19, к. 4; Юбилейный-2, к. 1), Кузнецкой котловине (Кузнецк 1/5, мог. 1), Барнаульском и Новосибирском Приобье (Н. Шарап-1, к. 19, Раздумье-6, к. 3). По имеющимся материалам, аналогичная сбруя была распространена и в Минусинской котловине. Далее к западу ближайшие аналогии происходят из «савроматских» захоронений в Южном Приуралье (см. сводку: Смирнов, 1961; Таиров, 2004; Осиг-Горжаева, 2005). Следует отметить, что почти полное отсутствие на Алтае ранних наносных подвесок, застежек подбородного ремня и правосторонних подпружных блях-застежек как будто указывает на несколько более ранний возраст некоторых наборов из Южного Урала.

В это время на Алтае и в Кузнецкой котловине появляются первые сбруйные наборы с роговыми седельными подвесками и накладками (Чендек-6а, Сибирка-1, Майма-7, Кузнецк-1/5), а также роговыми пластинчатыми подпружными пряжками-застежками (рис. 80. – 18), бытовавшими на протяжении всего раннепазырыкского этапа (рис. 76. – 1, 5). Преимущественно в наборах добашадарского периода встречаются роговые псалии, один конец которых заканчивается головкой длинноклювого ушастого орла, а другой – головкой хищника или головкой орла с закрученным клювом (рис. 31; 76. – 14–17). Появляются распределители и подвески из клыков кабана или их роговых имитаций.

Поясная фурнитура включает прорезные обоймы трапецевидной (Арагол, Талдура-1) и подквадратной формы (рис. 71. – 11, 13; Кок-Су-1, к. 17, малые туэктинские курганы) для ношения колчана (иногда кинжала или чекана). Самыми генетически ранними являются трапецевидные обоймы, сравнительно часто встречающиеся в наборах раннескифского времени (Тасмола, Гилево-10; МГК-1 и др.). Тогда же появляются и подквадратные обоймы (Каракол), но распространяются они позже. Наиболее часто встречающимися хронологическими индикаторами служат полукруглые (редко кольцевидные) и скобчатые бронзовые и железные пронизки (рис. 71. – 17, 19); роговые застежки с боковым отверстием (Шульга, 1998д); довольно массивные бронзовые (иногда их деревянные имитации) конические ворворки (рис. 71. – 12, 16, 17, 19). Все эти детали входили в состав сбруйных наборов с раннескифского времени. Тогда же они начинают использоваться и как поясная фурнитура (рис. 72. – 1, 2), которая в основном распространяется на Алтае и в Туве в VI в. до н.э., в частности, в Балык-Сооке-1 (рис. 13). Особое значение для датировки имеют распространенные по меньшей мере от Урала до Тувы пронизки. Уже в финале раннескифского времени кольцевидные пронизки (рис. 79) начинают заменяться полукруглыми (рис. 71; 80) и скобчатыми, использовавшимися в сбруйной и поясной фурнитуре до середины V в. до н.э. (в башадарский период кольцевидных пронизок уже нет). При этом пронизки встречаются не только в боевых мужских поясах, но и у женщин, как правило, на портупейных ремешках у сумочки и зеркала. В комплексах времени сооружения курганов Пазырыка кольцевидные и полукруглые пронизки не встречаются.

Именно эти пронизки позволяют датировать ранним этапом десятки погребений различных культур с аморфным материалом.

Наконечники стрел. В ранний период продолжали бытовать *роговые* черешковые наконечники стрел с башневидной головкой (в том числе с расщепленным насадом) и втульчатые пулевидные. На Алтае и в Туве они распространяются на завершающем этапе раннескифской культуры и вместе с остроугольными становятся доминирующими (рис. 69) (Шульга, 2002а). В Балык-Сооке-1 они еще полностью сохраняют прежние формы и размеры (рис. 68; 69), но постепенно башневидная, в том числе приталенная форма заменяется сводчатой (рис. 68; 69). Последняя на раннем этапе пазырыкской культуры сосуществует с башневидной, но ко времени сооружения курганов Пазырыка становится практически единственной (рис. 68; 69).

В начале раннего этапа сохраняются типы *бронзовых* наконечников, сложившиеся в финале раннескифского времени, из которых универсальными являются массивные черешковые трехлопастные с трехгранным острием (рис. 69. – 7, 8, 41, 57, 61). Несколько позже распространяются (также появившиеся в раннескифское время) тяжелые черешковые и втульчатые трехгранно-трехлопастные наконечники (рис. 69. – 12, 44, 62, возможно, 47, 48), которые с V в. до н.э. почти полностью заменяются облегченными черешковыми трехлопастными с треугольным кончиком острия или без него (рис. 69. – 21, 66). находка в Гилево-10 остроугольного трехгранного втульчатого наконечника с треугольными вырезами в основании (рис. 69. – 34) показала, что и этот тип также зарождается в раннескифское время. Аналогичные изменения бронзовых наконечников происходили и в Туве, где их обнаружено в несколько раз больше (Грач, 1980; Чугунов, 2000; Семенов, 2003; и др.). Важно подчеркнуть, что облегченные черешковые трехлопастные наконечники в Туве неоднократно встречены в погребениях раннего этапа (V в. до н.э.), в том числе в наборах с роговыми черешковыми башневидными приталенными и бронзовыми втульчатыми трехгранными приталенными типа найденных в малых туэктинских курганах (рис. 69. – 13) (Семенов, 2003, табл. 58, 60).

Кинжалы и чеканы. За единичными исключениями боевые полноразмерные экземпляры кинжалов на раннем этапе все железные. Имеют самые разнообразные навершия: брусковые, овально-кольчатые, кольчатые, «грифовые», антенные; перекрестия, как правило, бабочковидные (рис. 64). Боевые полноразмерные массивные чеканы могли изготавливаться из железа и бронзы. В основном они проушные, но немногочисленные бронзовые имеют небольшую втулку. Датировка кинжалов и чеканов в узких рамках затрудняется разнообразием форм и длительностью их существования, а также огромным количеством в Горном Алтае бронзовых и даже деревянных моделей. Последние зачастую воспроизводили довольно условные формы, не соотносимые с реалиями. Например, бронзовые вотивные кинжалы до завершающего этапа пазырыкской культуры продолжали изготавливать с уже, вероятно, вышедшими из «моды» бабочковидными перекрестиями. Вместе с тем, уже в Араголе имеется модель с прямым перекрестием.

Ножи. В добашадарский период наследуют широко распространенную в эпоху поздней бронзы и в раннескифское время в Верхнем Приобье и Горном Алтае форму бронзовых ножей с выгнутой спинкой. Последние хорошо известны в комплексах бийкенской культуры VII – начала VI вв. Установлено, что ножи с выгнутой спинкой (в том числе имеющие кольцевидное навершие) независимо от материала изготовления (железо, бронза) характерны на Алтае для комплексов VI – первой половины V вв. до н.э. (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 72–73), с той лишь разницей, что на равнине они железные, а в горах – бронзовые. В раннепазырыкское время в Горном Алтае представлены несколько изменившиеся бронзовые ножи со средне- или слабовыгнутой спинкой с кольчатыми навершиями, а также навершиями с клювовидными и каплевидными прорезями (рис. 61. – 2–5).

Украшения. Из украшений характерными для раннего этапа являются несколько типов сережек и бус. 1. Золотые (очень редко бронзовые или серебряные) серьги с припаянным снизу перпендикулярным колечком (рис. 62. – 14; 80. – 11), часто с подвешенной цепочкой. Иногда

малое колечко отсутствует, а цепочка подвешена на основное кольцо (рис. 62. – 13; 82. – 5). 2. Подквадратные плоские бусины со специфичными угловыми отверстиями и круглые сердоликовые бусины с двусторонним сверлением (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 93). В сводке указанных изделий с Алтая подквадратные бусины отнесены к «VI–V вв. до н.э., а возможно, и IV в. до н.э.» (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 94), а для сережек с припаянным колечком и цепочками приводятся многочисленные аналогии с Алтая, Тувы, Южного Урала и Средней Азии, датирующиеся с VI по I в. до н.э. (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 96). С этим нельзя согласиться, поскольку в данном случае имело место «отсылочное датирование» без анализа комплексов. В действительности эти бусы и серьги происходят только из самых ранних погребений скифского времени на Алтае, в Туве и других указанных территориях и служат одним из самых надежных хронологических индикаторов VI – начала–первой половины V в. до н.э. О появлении подквадратных плоских бусин в раннескифских комплексах уже сообщалось (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 94; Шульга П.И., Шульга Н.Ф., 2001, с. 91). Серьги с припаянным перпендикулярным колечком в раннескифских комплексах неизвестны, но в Аржане-2 уже имелись их составные части – цепочки сложного плетения (Аржан... 2004, с. 21, 41), еще раньше зародился сам принцип припаяния или надевания конуса на основное кольцо. Таким же образом поздняя подвеска крепилась на припаянное колечко или просто надевалась на большое разомкнутое кольцо, конструкция которого также воспроизводила раннескифские образцы (рис. 62. – 13; 82. – 5). Распространившиеся позже восьмерковидные серьги с малым колечком, образованным путем загибания одного из концов основного кольца с цепочками, почти не использовались. В Горном Алтае, по-видимому, единственное исключение составляет серьга из Улалинки (рис. 82. – 11).

Зеркала. На раннепазырыкском этапе продолжают существовать появившиеся в раннескифское время крупные массивные зеркала с петелькой или кнопкой на обороте, а также с длинной ручкой (рис. 62. – 1–3; см. сводку: Кирюшин, Степанова, 2004). В целом они являются датирующими, но могут встречаться и в более позднее время. Судя по имеющимся утратам и следам ремонта, эти сакрально значимые изделия могли помещаться в могилу после длительного использования.

Звериный стиль. Кардинальные изменения в верованиях (сопровождаемых изменениями погребального обряда и вещевого комплекса), происходившие в первой половине VI в. до н.э., привели к появлению в восточной части Евразии повсеместно распространившегося образа орла с округлым ухом, в том числе с удлинёнными клювом и шеей (рис. 76. – 14, 15; Шульга, 2002б; и др.). Аналогичная замена раннескифских орлов (без ушей, хохолков и прочих черт грифона) головками орлов с ушами произошла на Алтае еще до формирования пазырыкской культуры. На башадарском этапе они в свою очередь почти полностью вытесняются головками грифонов с хохолками, ушами и гребнями, часто изображавшихся в виде различных вариантов так называемого асимметричного листка (рис. 27. – 6, 7).

Подводя некоторые итоги, отметим, что наиболее ранние погребальные комплексы пазырыкской (Малые курганы), быстрянской, староалейской и каменной культур Алтая входят в один культурно-хронологический этап (слой) с памятниками из Тувы типа Турана-1, к. 93 (34), а также не содержащими сбруйных наборов ранними курганами из Урбюна-3, Догээ-Баары-2, Аймырлыга и др. Вполне естественно, одни из вышеуказанных комплексов выглядят более ранними, другие – более поздними, но в целом они имеют ряд общих черт, характеризующих становление в восточной части Евразии культур скифского времени.

Башадарский период датируется предварительно серединой – второй половиной V в. до н.э. Опорные памятники Башадар-2 и Туэкта-1, 2 традиционно считались наиболее ранними в пазырыкской культуре. Однако сделанный в последнее время анализ конского снаряжения и звериного стиля показал, что они сравнительно поздние и занимают промежуточное положение между ранней группой малых курганов и курганами Укока и Пазырыка (Шульга, 2006б).

Дополнительный осмотр хранящихся в Государственном Эрмитаже материалов Башадара-2 и Туэкты-1 позволяет сделать более обоснованные выводы. Относительная хронология Башадара-2 и Туэкты-1 (как и Больших курганов из урочища Пазырык) может быть установлена только по конскому снаряжению и особенностям звериного стиля, поскольку в этих, несомненно, представительных комплексах другого хорошо датированного инвентаря нет. Из датирующей сбруйной фурнитуры в Башадаре-2 и Туэкте-1 имеются отличные от раннескифских бронзовые подпружные пряжки, чумбурные блоки, а также полукруглые железные пронизки от одного (?) набора в Башадаре-2 типа найденных в Ала-Гаиле-3 и Боротале-1 (рис. 30; 34; 39; 76). Конструкция узды там уже не переходного (близкого раннескифскому) типа, как в рассмотренных выше малых башадарских курганах (рис. 80). Она в целом соответствует узде, повсеместно фиксируемой на позднем этапе в курганах из урочища Пазырык и других (рис. 77; 78. – 3, 4). В Башадаре-2 и Туэкте-1 мы впервые видим распространившуюся позднее в пазырыкской культуре традицию прикрывать места пересечения ремней подвесными бляхами, как на уздечке, так и на седельных ремнях. Предельно разработанные образы мифических орлов и грифонов также относятся к более поздней традиции. Характерной особенностью башадарского периода являются сбруйные подвески из настоящих клыков кабана (рис. 40. – 23, 24), хотя появляются они значительно раньше. Использовались они и как застежки портупейных ремней с кинжалами и чеканами (рис. 37; 71). Уже в Туэкте-1, 2 они заменяются на деревянные имитации. Комплексы башадарского типа существовали сравнительно долго. На это, в частности, указывает большое количество на Алтае и прилегающих территориях захоронений, в которых найдены образцы звериного стиля, наиболее ярко выраженного в Башадаре-2 и Туэкте-1. В связи с этим составляющие башадарско-туэктинского комплекса, вероятно, появляются несколько раньше середины V в. до н.э. Судя по курганам с Укока сохранялись они и в начале IV в. до н.э.

К башадарскому периоду можно отнести довольно много рядовых погребений: Башадар, к. 10; Кок-Су-1, к. 31; Коол-1, к. 501; Боротал, к. 7, 82 (рис. 34; 36); Яломанская Бельда, к. 6; Катанда (Руденко, 1953); Катанда-3, к. 10; Кастахта, к. 32, 35; Барбургазы-1, к. 23, 26 и ряд других. Однако уверенно синхронизировать их с Башадаром-2 и Туэкткой-1 не всегда удастся, поскольку часть найденной в них сбруйной и поясной фурнитуры, а также инвентаря бытовала на протяжении всего раннего этапа. В настоящее время известно значительное количество сравнительно небогатых комплексов с чумбурными блоками, характерными бронзовыми и роговыми пряжками-застежками и блоками, клыками кабана, полукруглыми пронизками, серьгами с припаянным малым колечком и цепочками, роговыми башневидными наконечниками стрел, выгнутообушковыми ножами и другим ранним инвентарем. Однако в силу фрагментарности данные комплексы могут быть отнесены как к первому, так и второму периодам раннепазырыкского этапа.

В связи с этим на данном этапе исследования можно предложить лишь общую характеристику инвентаря башадарского периода. Кинжалы и чеканы этого времени, по имеющимся данным, в основном сохраняли ранние формы (рис. 64). Роговые черешковые наконечники стрел иногда сохраняют башневидную форму, в том числе впервые появляющиеся втульчатые трехгранные в курганах 99 и 100 в Боротале-1 (рис. 68; 69). В Боротале-1 (к. 82) зафиксированы самые поздние пулевидные наконечники (рис. 68. – 5). Между тем характерные для конца VII–VI вв. до н.э. крупные роговые и бронзовые наконечники (рис. 69. – 5, 6, 37–39) исчезают полностью. Все большее распространение получают роговые наконечники со сводчатой головкой (рис. 68; 69), появляются бронзовые облегченные черешковые трехлопастные (рис. 69. – 21) и своеобразные втульчатые трехлопастные (рис. 68. – 6). В поясной фурнитуре нет трапециевидных прорезных обойм, но еще широко использовались бронзовые, роговые (иногда деревянные) ворворки в виде усеченного конуса (рис. 71). Редко встречаются характерные для более ранних комплексов с равнины костыльки-подвески (рис. 41).

Особую проблему представляет датировка курганов **верховий Чуи** (Кубарев, 1987; 1991; 1992). Огромное количество деревянных моделей в курганах верховьев Чуи (в том числе

и в Уландрыке-1) создает впечатление однородности материала и некоторой деградации на закате пазырыкской культуры. Не случайно материалы из крупных могильников Уландрыка, Ташанты, Юстыда, Барбургазы и других в сводной хронологии курганов Горного Алтая даже не упоминаются (Марсадолов, 2000, с. 23). Одним из оснований тому было представление о распространении вотивизации (обычай замещать настоящие вещи уменьшенными металлическими и деревянными моделями) в Горном Алтае только в последние века до нашей эры. Этот тезис нуждается в пересмотре, поскольку вотивные изделия доминируют здесь уже в башадарский период. С этого времени в рядовых и даже элитных пазырыкских погребениях заменяются моделями не только оружие и инвентарь, но и сбруйная фурнитура.

Специфика указанных курганов Чуи объясняется прежде всего хорошей сохранностью органики. Благодаря действию мерзлоты в них уцелело то, что в других местах истлевет. Несомненно, сказалось и отсутствие там добашадарских погребений, характеризующихся относительно большим количеством настоящих металлических изделий. Помимо этого в курганах Чуи, как и на Укоке, сохранялся (вслед за Башадаром-2 и Туэкткой-1, 2) особый тип седел без роговых блях или их деревянных и кожаных заменителей (см. раздел по конскому снаряжению).

Рассмотрим могильник *Уландрык-1*, в одном из курганов которого (№12) найдена колода, оказавшаяся в рамках плавающей дендрохронологии старше курганов с Укока примерно на 100 лет (Зайферт, Слюсаренко, 2000, рис. 281, с. 263). По недавним исследованиям весь могильник Уландрык-1 был сооружен в течение полувека. При этом курган 12 вместе с курганами 1–4, 6, 11, 13 определен на могильнике как один из самых поздних (Быков, Быкова, Панюшкина, Слюсаренко, 2004, рис. 1, с. 261). Соответственно, курганы Уландрыка-1 по дендрохронологии старше курганов Пазырыка, Укока и Берели примерно на 100 лет, близки во времени или даже раньше Башадара-2 и Туэкт-1. На первый взгляд такое заключение может вызвать недоумение, но если мы не будем обращать внимания на вотивность изделий, то за «деревяшками» увидим предметы раннепазырыкского этапа. В курганах 14 и 15 (Кубарев, 1987, табл. XXXI–XXXIV) найдены бронзовые удила раннего типа, окончания псалиев (?) в виде асимметричного листка, характерного для Башадарского периода и, в частности, имеющегося на деревянных псалиях добашадарского периода в Ала-Гаиле-3 (рис. 27). Не противоречат этому деревянные имитации клыков кабана и уздечные подвески в виде противопоставленных головок грифонов, известных уже в Туэкте-1. К ранним относятся деревянная поясная застежка в виде клыка с боковым отверстием, квадратная седельная пронизка и подвески в виде стилизованных орлиных головок из курганов 5 и 12 (Кубарев, 1987, табл. XII. – 8; XXVIII. – 11, 15). Модели деревянных кинжалов из кургана 1 имеют также ранние овально-кольцевидное навершие и дуговидное перекрестие. В комплексах VI–V вв. до н.э. находит аналогии бронзовый черешковый трехгранный наконечник из кургана 5 (Кубарев, 1987, табл. XII. – 17). Деревянные подвески в виде головок орла из курганов 8 и 12 (рис. 62. – 20) также характерны для раннепазырыкского этапа. Больше половины ножей – бронзовые (7 шт.). К этому следует добавить, что колчаный крюк из кургана 5 был сделан также из довольно массивного бронзового ножа с каплевидным отверстием в навершии (рис. 61. – 20). Захоронения с подобным материалом имеются и в других могильниках Чуи, хотя большая часть курганов укладывается в хронологические рамки позднепазырыкского этапа.

Позднепазырыкский этап (примерно IV–III вв. до н.э.)

Основное количество памятников позднего этапа характеризуются однородностью вещевого материала и погребальной обрядности. Тем не менее по конскому снаряжению и звериному стилю удается установить относительную хронологию значительного количества захоронений. Верхняя граница существования пазырыкской культуры определяется условно III в. до н.э. на основании полного отсутствия в погребениях характерных изделий гунно-сарматского времени. Более поздние комплексы, нежели Пазырыки-5, 6, достоверно не вычлениваются.

Наиболее яркими памятниками являются Большие курганы из урочища Пазырык, Берели, а также с верховий Чуи и Укока. Сюда же могут быть отнесены элитные курганы Шибе,

Катанда, Башадар-1 и др. Одними из самых ранних представительных памятников можно назвать курганы с Укока (Ак-Алаха-1, 3; Верх-Кальджин-1; Верх-Кальджин-2, к. 3; Кутургунтас). Сбруйные детали из этих курганов с подвесками в виде противопоставленных грифонов и грифонов со вставными головками, орлами с округлым ухом, седельными четырехлепестковыми бляшками, деревянными имитациями клыков кабана, а также дольчатая подвеска и роговая пластинчатая со шпеньком подпружная пряжка (Полосьмак, 1994, 2000, 2001; Молодин, 2000) имеют прямые аналогии в Туэкте-1, 2, а войлочная подвеска на седло в виде волка – в Башадаре-2 (Руденко, 1960, рис. 48). Оттуда же происходят настоящее железное оружие, сверленный клык кабана, подвески сережек и окончание портупейного ремня в виде асимметричного листка, крупные колчаные ворворки. Все эти изделия и орнаменты характерны для башадарского этапа. Особый интерес представляют материалы из кургана Верх-Кальджина-1. Опубликованные сбруйные деревянные подвески с нагрудника воспроизводят подвески из Башадара-2 и Туэкта-1 с орнаментом в виде «асимметричного листка» (Полосьмак, Молодин, 2003, рис. 44; Руденко, 1960, табл. XXXV, XXXVI и др.). В синхронных рядовых курганах и более поздних элитных таких подвесок в Горном Алтае нам неизвестно.

Пазырыки-1, 2 по материалу несколько позже, что согласуется с дендрохронологией. Согласно данным дендрохронологии пазырыкские курганы Укока были сооружены в течение 39 лет, примерно в то же время, что и шесть курганов из могильников Барбургазы-1, Ташанта-1, Уландрык-4, Юстыд-1 в Чуйской степи (Зайферт, Слюсаренко, 2000, рис. 281, с. 263). В этот же период был возведен курган 11 из Берели. Погребения в Пазырыках-1, 2, по данным И.Ю. Слюсаренко, вероятно, совершены лет на десять позже Кутургунтаса и Ак-Алахи-1, а в Пазырыке-5, соответственно, позже на 60 лет (Слюсаренко, 2000, с. 128). В целом эти результаты (по соотношению курганов Пазырыка и Укока) совпадают и с получаемыми в ходе сравнительного анализа вещественных комплексов и звериного стиля (Марсадолов, 2000, с. 23; Степанова, 2006). Но они не совпадают с выводами авторов монографии «Евразия в скифскую эпоху...» (2005), согласно которым курганы Укока (как и Пазырыки-1, 2) датируются около 300 г. до н.э. (с. 168, 169) и отстоят от Туэкта примерно на 130 лет. Пока эти выводы находятся в противоречии с археологическим материалом.

О датировке курганов в урочище Пазырык. Если принять последние радиоуглеродные даты для Пазырыка (около 300–250 гг. до н.э.) и пока не оспариваемый временной интервал в 130 лет между Пазырыками-1, 2 и Туэкткой-1 (Марсадолов, 2000а; Евразия в скифскую... 2005, с. 49–50), то время сооружения Туэкта-1 выпадет примерно на 430 г. до н.э. Эта дата совпадает с предложенной автором хронологией Башадара-2 и Туэкта-1 (вторая половина V в. до н.э.), основанной на относительной хронологии и времени выхода из использования уздечки с распределителями. Такое совпадение археологического материала с данными дендрохронологии и «новыми» радиоуглеродными датами можно было бы только приветствовать. «Новая» дата Пазырыка, в частности, хорошо объясняет однородность поздней группы памятников и невозможность достоверно вычленив в ней финальных захоронений. Но хронологический разрыв между Туэкткой-1, курганами Укока и Пазырык-2 представляется автору значительно меньшим – едва ли более 60–70 лет. В этом случае *Пазырыкские курганы могли бы датироваться примерно 350–300 гг. до н.э.* Дата, конечно же, условная (впрочем, не более, чем некоторые общепринятые), поскольку знание относительной хронологии памятников не позволяет с достаточной точностью определять величину хронологического разрыва между ними.

Не противоречит датировке Больших курганов Пазырыка и мнение Э.С. Банкер о датировке Пазырыков-3, 5, 6 не раньше конца IV в. до н.э., в рамках конца IV–III вв. до н.э. (Bancker, 1991, p. 23). Следует особо подчеркнуть, что *этот хронологический интервал относится только к поздней группе Пазырыкских курганов*, тогда как Пазырык-2 датируется ею IV в. до н.э. К IV–III вв. до н.э. склонен относить китайский импорт в курганах Пазырыка и А.А. Ковалев (1999, с. 82). Не нужно забывать (как это иногда происходит), что шестой пазырыкский

курган с китайским зеркалом не связан дендрошкалой с Пазырьками-1–5. Он даже не встроен в цепочку с поздним Пазырьком-5, хотя и находится неподалеку. Очевидно, что *датировка китайского зеркала не может сколько-нибудь достоверно указывать на время сооружения Больших курганов в урочище Пазырык*. Эта находка демонстрирует лишь наличие в пазырыкской культуре курганов конца IV–III вв. до н.э., что допускается даже в работах С.И. Руденко и Л.С. Марсадолова.

Следует добавить, что выводы Э.С. Банкер не стоит абсолютизировать, как и заключения китайских специалистов и археологов, на которых она, в частности, основывается. В этом можно убедиться на приведенном примере из Цзяохэ, а также других могильников (см. выше; Марсадолов, 2006, с. 72). Следует остановиться на подробно рассмотренном Э.С. Банкер чрезвычайно своеобразном существе с телом копытного, клювом и рогами, на концах которых изображены головки грифонов (Bunker, 1992). Э.С. Банкер и А.А. Ковалев полагают, что данный образ появился на севере Китая в IV в. до н.э. в результате прямого или опосредованного влияния кочевников с Алтая (Bunker, 1992, с. 104; Ковалев, 1999, с. 80). Прежде чем распространиться у кочевников на северных границах Китая, образ этого фантастического существа должен был появиться на Алтае, по меньшей мере в начале – середине IV в. до н.э. В пазырыкской культуре такие существа обнаружены в Пазырыке-2 (на татуировках мужчины и женщины), Ак-Алахе-3, Верх-Кальджине-2 и Кутургунтасе (Руденко, 1953; Полосьмак, 1994, рис. 107; 2000; 2001, рис. 151; Баркова, Панкова, 2005). Судя по обилию их в курганах Укока можно предположить появление образа еще у пазырыкцев, соорудивших близкие Укоку курганы Туэкта-1, 2. Нетрудно заметить, что на Алтае, несмотря на поистине огромное количество различных изображений, почти все рассматриваемые существа найдены лишь на четырех мумиях, за исключением деревянного изделия от сбруи (?) из Кутургунтаса. Это явно сакральные изображения, не помещавшиеся в Горном Алтае на пояса, оружие, одежду и украшения и даже на сбрую (изделие из Кутургунтаса лишь подтверждает правило). На Алтае эти существа «жили» в особом мире – на коже человека. Из чего, в частности, следует вывод, что они могли существовать значительно раньше не только на Алтае, но и на границах с Китаем, где их по неясным нам причинам в IV–III вв. до н.э. стали изображать открыто.

Интересно, что в предгорьях Алтая известна одна золотая аппликация с головного убора в могильнике Локоть-4а, очень похожая на стилизацию рассматриваемого существа (Шульга, 2003д, рис. 58. – 4, 5). Очевидно, что данный образ (как и изображения тигра, терзающего копытное, и многие другие) бытовал довольно длительно (в Пазырыке-5 его нет), на обширной территории, и совсем не нужно «отправлять» кочевников из Китая на Алтай и обратно, чтобы объяснить непонятную ситуацию.

Не могут служить аргументом для датировки Пазырыка III в. до н.э. и сбруйные роговые наборы, только на основании обнаружения одного набора в Пазырыке-6 с китайским зеркалом, а также большого их количества в памятниках Китая IV–III вв. до н.э. (Степанова, 2006). На Алтае они фиксируются сразу же после угасания раннескифской культуры (см. 6.2).

Итак, приводимые исследователями материалы из Китая не дают оснований для отнесения Больших курганов Пазырыка-1–5 к III в. до н.э. Если же вспомнить выявленное там значительное количество бронзовых удил и довольно ранние вещи из захоронения в Пазырыке-2 (индийское зеркало с целой ручкой, золотая серьга с припаянными колечками, следы башневидности и приталенности у рогового наконечника, каменный алтарик на ножках), имеющего много аналогий с погребениями «женщин-жриц» в Локте-4а, Рогозихе-1, Ак-Алахе-3, возможно, Балык-Сооке-1 (рис. 4–10; см. раздел по конскому снаряжению), то станет очевидным, что проблема датировки Пазырыка будет обсуждаться еще долгое время.

О «шибинском» этапе пазырыкской культуры. Вопрос о содержании и датировке «шибинского» этапа рассматривался в сотнях публикаций и имеет долгую историю. Опорным памятником традиционно считался исследованный М.П. Грязновым Шибинский курган.

Однако Л.Л. Баркова, рассмотревшая материал из этого кургана, не нашла в нем каких-либо поздних черт по сравнению с Большими курганами из урочища Пазырык (Баркова, 1979, с. 64). Действительно, единственным «поздним» изделием в Шибинском кургане можно было бы назвать своеобразную почти ложечковидной формы роговую застежку подбородного ремня уздечки (?), но такого рода сбруйные и поясные застежки не имеют узкой даты, поскольку бытовали на Алтае уже в V–IV вв. до н.э. (Шульга, 2003д, с. 81, 109). Основываясь, по-видимому, на орнаментации роговых деталей, Л.Л. Баркова вполне справедливо посчитала Шибинский курган близким Пазырыку-3. Тем не менее «шибинский этап» с «опорным» памятником Шибе продолжает фигурировать в хронологических схемах до настоящего времени.

Так, Л.С. Марсадолов, отметивший аналогии Шибинского кургана «в основном только с 4-м и 3-м Пазырыкскими курганами», все же датировал его в рамках IV в. до н.э. (Марсадолов, 2000а, с. 23; 2004, с. 81, табл. 4), т.е. на 50–100 лет позже Пазырыка по принятой им хронологии. В периодизации А.А. Тишкина к «шибинскому этапу» помимо Шибе отнесены могильники Бураты-1, 4, Уландрык-2, Верх-Еланда-2, Усть-Эдиган, Айрыдаш-3, Дялян и курган 7 в Пазырыке (Тишкин, Горбунов, 2005, с. 157–158, 160). Действительно, в большинстве указанных курганов нет характерных вещей раннепазырыкского этапа, но нет там и каких-либо особых «поздних» изделий. Большая часть из них содержит бедные комплексы с аморфным инвентарем, встречающимся как на позднем, так и на раннем этапах. В погребальном обряде также нет явных поздних особенностей. Любое из этих захоронений могло быть совершено одновременно с Большими курганами Пазырыка, а некоторые и раньше. Например, в кургане 13 могильника Верх-Еланда-2 найдено два массивных зеркала с кнопками на обороте, бытовавших в VI–V вв. до н.э. (см. сводку: Кирюшин, Степанова, 2004, с. 81, 116–117). Там же были два бронзовых шила (?), бронзовое навершие от железной (?) заколки и обломок железного ножа (Неверов, Степанова, 1994; Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 106). Все эти изделия вполне могут датироваться с V в. до н.э., а зеркала еще раньше.

Следует упомянуть и курган 60 из Усть-Эдигана, где с лошастью был найден характерный для раннепазырыкского этапа набор из роговой пластинчатой подпружной пряжки с отогнутым назад шпеньком, чумбурный блок и пронизка от нагайки. В погребении находились бронзовые зеркало, гривна, чекан и нож с несколько выгнутой спинкой, а также роговой наконечник стрелы (Худяков, 1993). Этот комплекс может быть датирован в рамках башадарского периода. Что же касается двух курганов могильника Дялян, то лишь в одном из них найдены сосуд, бронзовые зеркальце и ножичек (Тетерин, 1992). По мнению Ю.Ф. Кирюшина и Н.Ф. Степановой, этому «невзрачному инвентарю» имеются аналогии в курганах V–IV вв. до н.э. (2004, с. 116), но сколько-нибудь уверенно датировать такого рода материалы можно лишь в широких рамках. Показательно, что в обобщающей работе указанные авторы не посчитали возможным сузить хронологические рамки поздних могильников Айрыдаш-3, Дялян, Верх-Еланда-2, Усть-Эдиган и Чеба-5 и датировали их «концом V–IV или IV–III вв. до н.э. (или V–III вв. до н.э., поскольку более узкая датировка затруднительна)» (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 120).

Существование группы наиболее поздних погребений пазырыкской культуры сомнений ни у кого, конечно же, не вызывает, но достоверное их выделение дело будущего. Как будет назван финальный период этой яркой культуры, наверное, не так уж важно.

1.2.3. Хронология публикуемых курганов Чуи и Урсула. Характеристика публикуемых курганов содержится в соответствующих разделах и в описании, а потому ограничимся лишь общей группировкой для упрощения работы с материалом и наглядности предложенной хронологии и периодизации.

Переходное время (первая половина VI в. до н.э.). К переходному времени относятся курганы 21 и 27 из Балык-Соока-1 (рис. 11–14; 68; 69; 71). Курганы оставлены особой группой пришлого населения с равнины. Погребальный обряд полностью отличается от раннескифского Горного Алтая, но имеет некоторые параллели на Верхней Оби. С последующей пазырык-

ской культурой их в какой-то мере роднит лишь наличие сруба. Этот поразительный памятник, подобно Арчекасу (Кулемзин, 1979), еще раз показывает, как мало нам известно о реально проживавшем здесь населении, особенно в «темные» периоды смены культур. Датировка возможна по кургану 27, с богатым вещевым комплексом, в котором сочетаются раннескифские наконечники стрел с переходными поясной фурнитурой, звериным стилем и керамикой.

Раннепазырыкский этап (вторая половина VI–V вв. до н.э.). Достаточно уверенно к раннему этапу относятся 12 курганов: Кор-Кечу (рис. 18; 19); Тербедок, к. 2, возможно, 1 (рис. 22); Ала-Гаил-3, к. 2, 5, 11 (рис. 26; 27; 30), Ала-Гаил (раскопки А.И. Мартынова), к. 19, 23 (рис. 31; 32); Боротал-1, к. 7, 82, 99, 100, 102 (рис. 34–41),

Добашадарский период (вторая половина VI – первая половина V в. до н.э.). К этому периоду относятся курганы Кор-Кечу (рис. 18; 19); Ала-Гаил-3, к. 5, возможно, 2 (рис. 26; 27), Ала-Гаил (раскопки А.И. Мартынова), к. 19, возможно, 23 (рис. 31; 32). К этому же периоду относится и захоронение с Улалинки (рис. 82). В указанных комплексах содержится характерный для этого времени инвентарь.

1. Бронзовые ножи с выгнутой спинкой и кольчатым навершием в Кор-Кечу, Ала-Гаиле (к. 19) (рис. 61). В Ала-Гаиле-3 (к. 2) навершие другое, но сохраняется несколько выгнутый обушок (рис. 61. – 2). Между тем отсутствие кольцевидного навершия – не столько хронологический показатель, сколько типологический, так как эти формы появляются уже в раннескифское время. Следует подчеркнуть, что в Ала-Гаиле-3 (к. 2) находился и перекованный на символический кинжал архаичный нож с «аркой на кронштейне» (см. 3.1). Второй нож с высоким содержанием олова (см.: приложение 3) ранней формы и датируется добашадарским периодом.

2. К ранним типам относятся серьги из Кор-Кечу и Улалинки (рис. 18; 82). Первая с припаянным снизу малым колечком, а вторая с подвеской в виде простой цепочки. Важно отметить, что в Улалинке серьга восьмерковидная. Это один из самых ранних случаев в Горном Алтае оформления таким образом нижнего колечка для подвески. Позднее такие серьги являются основным типом, тогда как серьги с припаянными колечками уже не встречаются.

3. Комплекты из бронзовых (в том числе с высоким содержанием олова) полукруглых пронизок и ворворок с орнаментом в виде розеток из Кор-Кечу и Улалинки (рис. 71. – 17, 19).

4. Боевой железный кинжал с бронзовой рукоятью и бронзовые модели уплощенного чекана и кинжала с овально-кольчатым навершием в Ала-Гаиле-3 (к. 5) и Кор-Кечу (рис. 18; 19; 27).

5. Колчаный крючок с кольчатым навершием из Улалинки вполне соотносится с более ранним из Балык-Соока-1 (к. 27), но такая форма существовала и позже (Ело-2, Тете-4).

6. Снаряжение лошади в Ала-Гаиле (к. 19) и Ала-Гаиле-3 (к. 5) включало характерные для этого периода роговые двудырчатые псалии с изображением длинноклювого ушастого орла и хищника на концах, пластинчатую подпружную пряжку с обращенным назад шпеньком (рис. 31), бронзовые удила с архаичным звеном и деревянные псалии с изображениями стилизованных головок хищной птицы на концах (рис. 27). В Ала-Гаиле имелись явно переиспользованные раннескифские удила с дополнительным отверстием для привязывания трехдырчатых псалиев. Керамика (кувшин с валиком) встречена только в одном погребении. Остальной инвентарь не противоречит предложенной датировке. В целом даже эта сравнительно небольшая коллекция является показательной не только для Горного Алтая, но и прилегающих территорий. Следует подчеркнуть, что явно архаичные переиспользованные изделия (удила и нож-кинжал) в трех курганах вполне увязываются с находившимися в этих комплексах вещами раннепазырыкского времени. Следовательно, в ряде случаев архаичные изделия, действительно, могут указывать на более ранний возраст памятника.

Башадарский период (вторая половина V в. до н.э.). К этому периоду относятся курганы Тербедок, к. 2, возможно, 1 (рис. 22); Ала-Гаил-3, к. 11 (рис. 30), Боротал-1, к. 7, 82, 99, 100,

102 (рис. 34–41). Близкими во времени могут быть более поздние курганы с бронзовыми поясными наборами в Ело-2 и курганы 4 и 6 в Тете-4 (рис. 17; 47; 48; 71). За исключением кургана 2 из Тербеодока и кургана 102 из Боротала-1, во всех погребениях имеется сбруйная фурнитура, большая часть которой сопровождается предметами вооружения. Это делает данную коллекцию одной из самых представительных для датирования башадарского периода, поскольку в Башадаре-2 и Туэкте-1, 2 вооружение не сохранилось. В указанных комплексах содержится характерный для этого времени инвентарь.

1. Конское снаряжение включало бронзовые и железные удила с внешними окончаниями ранних форм, деревянные двудырчатые псалии, подпружные блоки и пряжки типа найденных в Башадаре-2 и Туэкта-1 и подвески из настоящих клыков кабана. Вероятно, к конскому снаряжению относятся обкладки четырехлепестковых бляшек и орнамент в виде асимметричного листка из кургана 82 в Боротале-1 (рис. 36. – 13–16). Особый интерес представляет роговой набор из представительного комплекса кургана 99 в Боротале-1 с псалиями, демонстрирующими переход от ранних с орлами и хищниками на окончаниях к найденным в Чендеке-ба и Пазырыке (рис. 39; 76). Благодаря этим двум комплексам из Боротала-1 и Чендека-ба впервые удалось проследить линию развития такого рода псалиев, подтверждаемую и сопутствующим инвентарем.

2. Полностью соответствует сбруе и вооружению: боевые железные и вотивные бронзовые кинжалы и чеканы; башневидные и пулевидные наконечники стрел (рис. 63; 64; 68; 69).

3. Поясная фурнитура с коническими ворворками и настоящими кабаньими клыками-застежками, а также бронзовые костыльки-подвески с перехватом в центральной части, редко встречающиеся в Горном Алтае (рис. 71). Ранние формы имеет звериный стиль и орнаменты. Керамика (характерные пазырыкские кувшины) встречается не во всех погребениях.

Позднепазырыкский этап (IV–III вв. до н.э.). Большинство остальных курганов уверенно относятся к IV–III вв. до н.э. или содержат датирующийся в широких рамках аморфный материал. Наиболее яркими являются курганы 1 и 3 из Балык-Соока-1 (рис. 3–10), близкие во времени Пазырыкам-1, 2, но, возможно, и несколько старше. Конское снаряжение позднего этапа в публикуемых курганах без мерзлоты (кроме к. 3 из Балык-Соока-1) в основном представлено лишь железными удилами и немногочисленными фрагментами золотой фольги. В захоронениях этого этапа, как по публикуемым, так и другим материалам, в Горном Алтае прослеживается распространение железных ножей с кольчатым навершием (рис. 61). В отличие от равнины, где кольчатые железные ножи непрерывно существовали с раннескифского времени (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 72), кольчатое навершие имеется лишь у немногих бронзовых ножей раннепазырыкского этапа. В башадарский период эта форма достоверно не фиксируется, что указывает на имеющийся в Горном Алтае разрыв традиции. В связи с этим в большинстве случаев кольчатые навершия у железных ножей в горах можно считать хронологическим признаком. Керамика присутствует почти во всех рассматриваемых погребениях. Каких-либо особенностей в инвентаре и погребальном обряде, указывающих на присутствие особой финальной группы, среди публикуемых курганов не фиксируется.

Глава 2

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

Поселения скотоводов Горного Алтая VI–III вв. до н.э. исследованы слабо, а потому основным источником изучения быта, верований и других составляющих пазырыкской культуры традиционно являются погребальные комплексы. Но этот источник имеет двойственный характер. С одной стороны, в курганах погребались конкретные жившие в прошлом люди, с которыми зачастую помещались животные и использовавшийся в обыденной жизни инвентарь. Погребальные сооружения создавались с учетом конструкций жилищ и их планировки на поселениях, а также имевшихся знаний об окружающем мире. Вместе с тем «дома» и «посёлки» мертвых существовали в совершенно ином, загробном мире, лишь в малой степени соприкасающемся с миром реальным. Тело человека (часто мумифицированное) и туша убитой лошади в погребении меняли свою сущность. Им предстоял особый «путь», на котором многое зависело от божественных существ, умерших ранее предков и обрядовых действий живущих родственников. Соответственно, менялось и назначение помещенных в захоронение вещей – треснувшее старое блюдо с куском мяса и ножом становилось жертвенником, кинжал или ножны – посвятителем даром и обладающим особыми свойствами «оружием». Свое назначение получали намеренно составленные определенные наборы разнотипных наконечников стрел (часто заменяемые одним символическим наконечником), посуды, в состав которой входили не использовавшиеся в быту кувшины и другие изделия. Оружие, конское снаряжение, инвентарь и даже одежда в реальной жизни пазырыкцев существенно или полностью отличались от представленного в погребениях. Понимание условности погребального обряда пазырыкцев (и не только их) не означает отрицания возможности познания древней реальности, но позволяет избежать тупика, в который неизбежно приводит идентификация находимого в захоронениях с тем, что было в жизни давно ушедших людей. По всей видимости, условным, выборочным являлся и сам состав погребаемых в курганах умерших. Имеются основания считать захоронения в могилах лишь одним из видов погребальной практики в пазырыкской культуре (Полосьмак, Молодин, 2000, с. 83; Шульга, 2003д, с. 30), сохранявшейся на Алтае, вероятно, непрерывно, вплоть до XIX–XX вв. (Тоцакова, 1978; Дьяконова, 2001). В наибольшей степени выборочность касалась захоронений детей, из которых в курганах погребалась лишь немногие. Соответственно, проводимые на материалах могильников разного рода расчеты по демографии и социальной структуре населения Горного Алтая в VI–III вв. до н.э. являются расчетами «населения посёлков мертвых», а не реально живших людей.

2.1. Планиграфия могильников пазырыкской культуры

Практически все публикуемые курганы из могильников Чуи и Урсула располагались в составе характерных для пазырыкской культуры цепочках и микроцепочках, большая часть которых имела меридиональную направленность. Этот принцип формирования погребальных и поминальных (культовых) сооружений, как на курганных, так и на грунтовых могильниках, имел в древности чрезвычайно широкое распространение. В Горном Алтае он хорошо прослеживается уже в могильниках афанасьевской культуры IV–III тыс. до н.э. (Посредников, Цыб, 1992, с. 4; Владимиров, Мамадаков, Цыб, Степанова, 1999, с. 32–33; Шульга, 2006а; Ларин, 2005, рис. 3; и др.).

По имеющимся данным, меридиональные цепочки курганов в пазырыкской культуре представляли собой «посёлки мертвых», имитировавших планировку реально существовав-

ших поселений, на которых жилища (рубленые дома или какие-то переносные жилища типа юрт и шалашей) устраивались в меридиональные цепочки (Кубарев, 1984, с. 68–69; 1987, с. 10; 1992, 8–9; Шульга, 1989; 2003д, с. 31–32; Кызласов, 2005; и др.). В пользу этого говорят не только многочисленные примеры линейной планировки на поселениях кочевых и оседлых народов, но и конкретные наблюдения на могильниках пазырыкской культуры. Уже в ходе раскопок Больших курганов Пазырыка исследователи сделали вывод, что обширные, задрапированные коврами погребальные камеры в виде перекрытых непромокаемой берестой срубов с полом, «хозяйственной» и «жилой» половинами являются копиями жилищ, существовавших в то время у пазырыкцев (Руденко, 1948, с. 56; 1953, с. 79–81; и др.). Более того, В.П. Мыльников обоснованно показал, что прямоугольный проруб стенки во внутреннем срубе Первого Пазырыкского кургана является дверным проемом (Мыльников, 1999, рис. 56). Зафиксированы случаи промазки глиной пазов в погребальных камерах, обертывания берестой выступающих концов бревен у срубов, прорубки окон. В курганах Уландрыка обращено внимание на придавливание пластов коры камнями на перекрытиях срубов, точно так же, как это делается в некоторых местах на чабанских зимних стоянках с плоскими крышами, чтобы ветер не снес рубероидное или иное покрытие. Наличие дверного проема, ступеньки-порога и квадратных отверстий (окон) отмечено и для срубов из Улангома в Монголии (Мыльников, 2006). С восточной стороны курганов, как и у жилищ кочевников, устанавливались в ряд каменные балбалы (стелы) – символические коновязи у дома мертвого (Кубарев, 1979, с. 94; Сорокин, 1981, с. 28–32; Шульга, 2003д).

У «царского» кургана в долине Сентелека (рис. 60. – 1; Северо-Западный Алтай, бассейн Чарыша) зафиксирован обряд намеренного заваливания стел, имеющий прямые аналогии с описанным в алтайском эпосе обычаем выворачивания коновязи у юрты побежденного врага (Маадай-Кара, 1973, с. 275–279). «Победителей» в Сентелеке не остановили ни высота стел (до 4,55 м), ни их толщина. Весь ряд из девятнадцати установленных с одинаковыми интервалами стел был повален, а одна из них (№17) в сечении 56x26 см обломана у основания (Шульга, 2000, 2003б). Интересно, что отмеченные восточной ориентацией умерших балбалами, а иногда и дромосами (Полосьмак, 1994, рис. 89) «входы» в пазырыкские курганы также перпендикулярны оси цепочки, как это отмечено у рядов монгольских и тюркских юрт (Викторова, 1980, с. 48–60).

Итак, по имеющимся данным, цепочка пазырыкских курганов копировала реально существовавшие поселения (стойбища) с устроенными в ряд жилищами родственников. Соответственно, цепочка погребений (курганов) расценивалась в древности как ряд родственников (иногда условных родственников), располагавшихся так в реальной жизни (в стойбище), во времени (последовательность жизней деда-отца-сына, матери-ребенка и т.д.) и в мире потустороннем. К аналогичному выводу пришел и И.Л. Кызласов на средневековых материалах: «каждая отдельно взятая цепочка могильника вполне соответствует традиции расстановки жилищ по поколениям, прослеженной этнографами для хакасских поселений-аилов» (Кызласов, 2005, с. 65). Данная трактовка рядов погребений совершенно не противоречит точке зрения М.П. Чернопицкого на цепочку курганов как отражение эстетической идеи, которая «констатирует необратимость времени и ритмический принцип выступает в планировочной организации пространства как самая непосредственная материализация идеи вечности в широком смысле» (Чернопицкий, 1980, с. 85). Следует все же оговориться, что, по имеющимся данным, достаточно протяженная цепочка курганов не являлась последовательными погребениями представителей поколений одной семьи. Практически все они состоят из микроцепочек с заметными различиями в ориентации и межкурганскими интервалами. Зачастую могильник (цепочка) включает явно инородные погребения и микроцепочки. Вернее было бы сказать, что *цепочка курганов является отображением идеи существовавшего в потустороннем мире стойбища реальных или условных родственников. Помимо этого цепочки последовательно*

возводившихся курганов являлись и своеобразной монументальной летописью совершавшихся событий, веками истории данной семьи, рода, племени, а зачастую и проживавших здесь позднее людей, не связанных кровным родством с предшественниками.

2.1.1. Последовательность сооружения курганов в цепочках. По многочисленным наблюдениям, курганы в пазырыкских цепочках в основном устраивались с юга на север. При этом в южной предпочтительной части цепочки или микроцепочки сооружался наиболее крупный курган «прародителя». И.Л. Кызласов, исследовавший этот вопрос на обширном материале, склонен считать этот способ наращивания цепочек в пазырыкской культуре универсальным (Кызласов, 2005, с. 71). Однако, по имеющимся данным, существовал и более сложный вариант, когда цепочка курганов формировалась сразу в нескольких местах, при этом в оставленных промежутках последующие курганы пристраивались к опорным не только с севера, но иногда и с юга (Кубарев, 1992, с. 8). Именно такой случай мы наблюдаем на могильнике Балык-Соок-1, где малые курганы 1 и 3 были пристроены к элитному кургану 2 с северной и южной сторон (рис. 2). Прделанный Л.С. Марсадоловым анализ последовательности устройства пазырыкских цепочек подтвердил наблюдения по могильникам Юго-Восточного Алтая. Рассмотренные два варианта были названы *последовательным и чередующимся* (Марсадолов, 2000б). Тем не менее ставить точку на этом вопросе было бы преждевременно. Мы находимся лишь в начальной стадии исследования закономерностей планировки могильников и захоронений в подкурганных кладбищах.

Понять особенность и значение планировки пазырыкских курганов помогает сравнение с могильниками на прилегающих территориях. В скифское время цепочки курганов отмечены повсеместно, в том числе и в Южной Сибири, однако пазырыкские отличаются наибольшей упорядоченностью и плотностью расположения насыпей. Во многих могильниках Горного Алтая расстояние между курганами составляет всего лишь несколько метров. Довольно часто насыпи соприкасаются, а иногда и накладываются друг на друга (Марсадолов, 1997; и др.). Анализ планировки могильников каменской и саргатской культур Верхней Оби и устроенных под многомогильными курганами захоронений позволил сделать заключение о принципиальных различиях между цепочками каменных и пазырыкских курганов (Шульга, 2003д; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 5–10). Некоторая *аморфность каменных цепочек* со значительными расстояниями между курганами объясняется тем, что *каждый из курганов представлял собой отдельное кладбище близких родственников*, устраивавших на округлой сакральной площадке от двух-трех до 38 и 39 погребений (Троицкая, Бородовский, 1994, Могильников, 1997; Бородовский, Слюсаренко, Кузьмин, 2002, с. 271; Шульга, 2003д; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005; и др.). Такой курган сопоставим с коллективными захоронениями в тагарских склепах (Мартынов, 1979; и др.) и отдельными цепочками пазырыкских курганов. Из выделенных для каменных курганов пяти основных типов (одиночная, парная, линейная, крестовая и круговая) планировки могил (рис. 58) пазырыкские цепочки соответствуют линейной. Ряды могил (линейная планировка) под каменскими курганами, как правило, также устроены в меридиональном направлении (чаще с отклонениями к западу), а расположение умерших в них перпендикулярно оси ряда, как и в пазырыкских цепочках (рис. 57; 58). Основное их отличие заключается в отсутствии последовательного способа формирования ряда и сравнительно небольшого количества захоронений в ряду (4–5 могил). Могилы в каменных курганах, как правило, пристраиваются к югу и к северу от одной или двух центральных (как при чередующемся способе), но есть ряды из равнозначных могил. Помимо этого, в каменных курганах линейная планировка обычно не является завершающей. В большинстве случаев она лишь промежуточный этап при формировании более сложных крестовой и круговой планировок (рис. 58. – 4, 5, 7, 9). Однако указанные отличия лишь подчеркивают имеющуюся близость между пазырыкскими цепочками (микроцепочками) и рядами могил в каменской культуре. По всей видимости, в рассматриваемых обществах скифского времени существовали опреде-

ленные соотносимые между собой стандарты в планировке захоронений умерших. Согласно представлениям скифского времени и установившейся еще у афанасьевцев традиции служители культа в пазырыкском обществе продолжали устраивать курганы цепочками с дополнениями каменных культовых сооружений (поминальные кольца с запада, балбалы с востока). Планировка могил на сакральных площадках (затем превращающихся в курганы) в каменной культуре, по имеющимся данным, представляется одной из самых сложных (и информативных) в скифском мире (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005). Пазырыкская же была значительно проще – она как бы остановилась в своем развитии. Но эта классическая в своей простоте, канонизированная модель могильника в виде упорядоченных цепочек курганов была «живой», в отличие от функциональных современных линейных планировок поселений и кладбищ.

Имеются основания полагать, что *взаиморасположение и ориентация курганов в пазырыкской цепочке (микроцепочке) планировались изначально уже при совершении первого захоронения*. При чередующемся варианте планировки первоначально в одну линию устраивалось несколько курганов «прародителей» с оставленными промежутками. Важно подчеркнуть, что при заполнении этих промежутков, наряду с пристройками типа зафиксированных в Балык-Сооке-1 (к. 1, 3), часто сохранялся такой же порядок, как и при последовательном сооружении курганов с юга на север. Для понимания сути этой чрезвычайно интересной особенности устройства некоторых пазырыкских цепочек обратимся вновь к результатам работ на могильниках каменной культуры и приведем цитату из работы по Рогозихе-1. «По всей видимости, модель каждого подкурганного кладбища определялась заранее в деталях и последовательно воплощалась в течение десятков лет. Действительно, в кургане 6 Рогозихи-1 после сооружения центральной могилы, погребения сразу же стали производиться у западной точки, как если бы остальная площадь была занята (рис. 58. – 6, сноска изменена. – П.Ш.). В связи с этим особый интерес представляет наблюдение по быстровским курганам, где *заранее «каждому члену семьи предназначалось определенное место на участке, огороженном ровиком»* (Троицкая, 1986; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 26). Очевидно, что *в большинстве случаев конечная планировка захоронений, ориентация умерших в центральных и боковых захоронениях в многомогильных каменных курганах определялись изначально»* (выделено нами. – П.Ш.) (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 9). Аналогичным образом с первого кургана строители пазырыкской цепочки, вероятно, представляли себе и конечный вид некрополя, но установить это с достоверностью по цепочкам курганов пазырыкской культуры непросто. Идеально задуманная модель (как и в каменных курганах) могла остаться незаконченной или видоизмениться более поздними курганами. Необходимы специальные исследования. К сожалению, в Горном Алтае они не проводилось, да и на выводы Т.Н. Троицкой обратили внимание только через 20 лет после их публикации.

2.1.2. Ориентация цепочек курганов. Подавляющее число цепочек пазырыкских курганов располагаются в *меридиональном направлении*. Причины такой ориентации пока не ясны. Исходя из достаточно обоснованного предположения о «поселках мертвых» логично было бы считать меридиональность результатом простого копирования распространенной с глубокой древности планировки жилищ, у которых вход располагался с восточной стороны. Но это будет лишь констатацией со многими неизвестными, поскольку меридиональная (с отклонениями) планировка могильников фиксируется в самых разных культурах Евразии с эпохи энеолита, поселения которых планировались по-разному. Очевидно, *за меридиональной ориентацией цепочек курганов и культовых сооружений стояла какая-то общая универсальная идея на уровне архетипа*. В зависимости от эпохи и культурного окружения ее содержание могло существенно различаться. У кочевников скифского времени на Саяно-Алтае цепочка курганов (могил) могла символизировать направление к находящейся на севере мировой горе, ориентиром на которую являлась полярная или другая находившаяся на этом месте звезда (Шульга, 2003д, с. 31). Именно эта точка «вечного покоя» (мировая ось) в небе северного полушария

с глубокой древности являлась опорной для ориентации как в реальном, так и в божественном мире. В представлениях многих народов Азии она часто ассоциировалась с мировым деревом и мировой горой, вокруг которой вращались солнце и звезды. Так или иначе, но на Алтае меридиональное с отклонениями расположение рядов захоронений становится основным уже с появлением первых курганных могильников в эпоху энеолита (рис. 57. – 10, 11; афанасьевская культура). Сохраняется оно здесь и в раннем железном веке, и в эпоху средневековья.

Нельзя считать полностью установленными и *причины частого отклонения ориентации* пазырыкских цепочек от меридионального направления к востоку, реже к западу (рис. 57). Некоторые цепочки ориентировались даже в широтном направлении (рис. 57. – 8). Большие цепочки, как правило, состоят из нескольких микроцепочек (предположительно захоронения ближайших родственников), насчитывающих по 2–3 кургана. Каждая микроцепочка имеет свою ориентацию, несколько отличную от общей. Часто цепочки состоят из нескольких разделенных блоков, у которых ориентация также особая. Отклонения эти неслучайны – каждая из малых и более крупных родственных групп почему-то устанавливала свой азимут. К сожалению, подавляющее большинство опубликованных планов могильников схематичны, и более детальные наблюдения по ним чреваты ошибочными выводами. Между тем общая ориентация цепочек на планах, как правило, расходится с действительностью незначительно и может использоваться для анализа.

Принцип перпендикулярности. В ходе изучения планиграфии пазырыкских могильников было установлено, что ориентация цепочки (микроцепочки) курганов, как правило, довольно жестко связана с ориентацией внутримогильного сооружения и умершего. В каком бы направлении ни устраивалась цепочка курганов, линия, по которой располагались могила, умерший и культовые сооружения (балбалы и выкладки), всегда перпендикулярна длинной оси цепочки курганов (рис. 57). Имеющиеся отклонения от перпендикуляра сравнительно небольшие. Эта закономерность названа «принципом перпендикулярности» (Шульга, 1989, с. 44; 2003д, с. 32–34). В меридиональных курганных цепочках могильные ямы, срубы, погребенные люди, а также балбалы ориентированы традиционно на восток (рис. 57. – 2) (Кубарев, 1987, табл. LVI). Если цепочка отклоняется к западу, то ориентация умерших меняется на ВСВ (рис. 57. – 5). Примером особо значительных отклонений цепочки к западу является могильник Верх Кальджин-2 на Укоке. Судя по опубликованным планам, цепочка могильника отклонилась там к западу примерно на 27 градусов, что привело к соответствующему отклонению к северо-востоку ряда балбалов у кургана 1 и ориентации умерших (рис. 57. – 9) (Молодин, 2000, рис. 89, 107; Полосьмак, Молодин, 2000, с. 77). Более значительного отклонения к западу не известно.

Наиболее часто цепочки могильников пазырыкской культуры отклоняются к востоку. На могильнике Уландрык-1 цепочка сильно отклоняется на восток до положения ЮЗ-СВ, соответственно, согласно *принципу перпендикулярности* ориентация умерших и культовых сооружений изменилась на юго-восточную (рис. 57. – 3). Подчеркнем, что при этом *такие же отклонения происходят и во включенных в цепочки захоронениях с ориентацией в западный сектор* (рис. 57. – 1, 3, 5). Таким же образом отклоняются к югу могилы и на других могильниках пазырыкской культуры в Горном Алтае, в том числе в Туэкте-1, 2 (рис. 57. – 4) (Руденко, 1960) и в северо-западных предгорьях (рис. 57. – 7). Иногда цепочки отклонялись на восток до широтного положения. В этих случаях ориентация всех конструкций и умершего менялась на южную. Помимо могильника Курота-1 (Киселев, 1951, с. 355) можно отметить цепочку могильника Верх-Еланда-2 (рис. 57. – 8) (Степанова, Неверов, 1994). Таким образом, *согласно утвердившемуся у пазырыкцев принципу перпендикулярности, практически все отклонения в ориентации умерших соответствуют отклонениям цепочки в восточном или западном направлениях*. Из этого, в частности, следует, что ориентация умерших в пазырыкской культуре в секторе от СВ до Ю может считаться нормальной. Ориентация умерших определялась «поворотом» уже существующей или намеченной оси цепочки в допусках пределах.

Принцип перпендикулярности хорошо прослеживается и на могильниках каменной культуры, хотя там картина отличается большей сложностью. В полностью опубликованных могильниках Локоть-4а и Рогозиха-1 большинство центральных могил также ориентированы перпендикулярно цепочкам (Шульга, 2003д, рис. 1. – 3; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, рис. 1. – 3). Это же правило распространяется и на могилы, находящиеся с ними в одном ряду. Судя по имеющимся материалам, на других могильниках перпендикулярность прослеживается только в рядах могил внутри курганов. Особый интерес представляет план кургана 2 могильника Венгерovo-7 саргатской культуры из Барабы (Полосьмак, 1987, рис. 20). В отличие от многих других курганов с линейной планировкой могил (Троицкая, Бородовский, 1994, табл. XXX; и др.) в нем хорошо прослеживаются два перпендикулярных ряда могил (рис. 57. – 6). Один ряд из сдвоенных могил выстроен по линии ЮЗ-СВ, а другой (погребения 1–3) по линии, близкой ЮВ-СЗ. Несмотря на различие направлений рядов, ориентация умерших в рядах перпендикулярна их оси, как и в пазырыкских цепочках.

Принцип перпендикулярности имеет широкое распространение и сложился одновременно с формированием рядов курганов и могил. Этот же принцип с глубокой древности был присущ и поселениям с линейной планировкой жилищ, вход у которых в большинстве случаев был перпендикулярен линии «улицы» (как и в настоящее время) или ряда юрт. Он иллюстрируется устройством поселений тюркских народов и монголов (Викторова, 1980, рис. 9а). При этом у разных народов определяющим, по-видимому, могли быть и линия жилищ, и ориентация входа. Планиграфия и устройство жилищ на пазырыкских поселениях изучены слабо, и пока мы не располагаем материалом для сравнительного анализа. Известно лишь, что подавляющее количество поселений раннего железного века в Горном Алтае имело небольшую площадь, достаточную для размещения только нескольких жилищ (Шульга, 1990; и др.).

Причины отклонения пазырыкских цепочек от меридионального направления объясняются по-разному. Согласно предварительным результатам (Шульга, 2003д, с. 32), меридиональные цепочки, как и юрты кочевников, часто идут вдоль (параллельно) ландшафтных структур (река, склон горы, край террасы и пр.) и вслед за ними могут отклоняться к западу или востоку до 45 градусов. Если отклонение линии реки, хребта и иного больше и приближается к широтному, то цепочка может занять к ней перпендикулярное положение и вновь становится почти меридиональной. В некоторых случаях привязанность строителей курганов к параллельному или перпендикулярному положению относительно хребта, реки долины и подобного была настолько сильна, что они продолжали его копировать, несмотря на необходимость существенно менять ориентацию умерших, что отмечал еще С.В. Киселев (1951, с. 355). Интересно, что немногочисленные широтные цепочки перегораживают долину как юрты кочевников, отграничивавших таким образом часть пастбища. Также перпендикулярно долине устроены и курганы в Туэкте (рис. 59), но направление этих цепочек меридиональное. Подобная зависимость планировки могильников от ландшафтных структур (линеаментов) в скифское время отмечалась М.П. Чернопицким (1980). Именно эти примеры зависимости ориентации цепочки курганов от ландшафтных структур указывают на *определяющую роль ориентации цепочки курганов, поворот которой вызывал соответствующее изменение в ориентации умерших, могилы, внутримогильных конструкций и примыкающих к курганам культовых сооружений* (рис. 57). Однако такая картина прослежена на сравнительно небольшом материале. Часть цепочек с отклонениями от линии Ю-С располагается в значительном удалении от хорошо выраженных ландшафтных структур. Нельзя объяснить влиянием ландшафта и различия в ориентации микроцепочек. Следовательно, помимо указанного фактора строители курганов руководствовались и какими-то иными соображениями.

По мнению других исследователей, меридиональная планировка пазырыкских цепочек объясняется определяющей ролью ориентации умершего (Быков, Тишкин, 2006). Например, если умерших хоронят головой на ЮВ, то согласно принципу перпендикулярности (он при-

знается) цепочка формируется по линии ЮЗ-СВ. Такая постановка вопроса, казалось бы, сразу снимает все вопросы. Проблема в том, что схема не «работает». Это хорошо видно по результатам проделанного исследования на материалах Укока и верховий Чуи (Быков, Быкова, Крупочкин, Слюсаренко, 2006). Указанная точка зрения основана на предположении об ориентации умерших «по восходу солнца» (Тишкин, 1996а, с. 48; 1996б; Тишкин, Дашковский, 1998; 2003а, с. 136–144; Быков, Быкова, 2003; Быков, Быкова, Панюшкина, Слюсаренко, 2004; Быков, Быкова, Слюсаренко, 2004; Быков, Быкова, Крупочкин, Слюсаренко, 2006; Быков, Тишкин, 2006).

2.1.3. Об ориентации умерших пазырыкской культуры «по восходу солнца» и времени захоронения. Суть данного предположения заключается в том, что в пазырыкской культуре, за редкими исключениями, умерших погребали в ближайшее после кончины время. При этом ориентировали их головой на точку восхода солнца в день (возможно, нескольких дней) их захоронения (Быков, Тишкин, 2006). В основу предположения легли ссылка на работу В.В. Генинга и В.Ф. Генинга (1985) и несколько принятых априори допущений: 1) умерших погребали по восходу солнца; 2) наиболее высокая смертность была зимой и весной; 3) хоронили вскоре после смерти. Поскольку пазырыкцы, действительно, погребали в широтном направлении (обычно в восточный сектор), то вся процедура определения времени захоронения умерших в том или ином кургане сводится к накладыванию транспортира на план погребения. Например, юго-восточная ориентация умершего (а сруба или ящика по линии СЗ-ЮВ) означала захоронение в начале зимы, восточная – «в начале весны (или некоторые в начале осени)», северо-восточная – в начале лета и т.д. (Тишкин, Дашковский, 2003а, с. 140).

Рассмотрим лишь время совершения погребений, поскольку эта особо значимая сторона погребального обряда может быть практически проверена на археологическом материале. По мнению А.А. Тишкина и П.К. Дашковского, из учтенных ими погребений пазырыкской культуры «большая часть захоронений приходится на весну, причем преимущественно на раннюю ее фазу – 351 человек (58,6%). Меньшее количество покойников было захоронено зимой – 92 (15,4%). При этом важно обратить внимание на то, что 67 умерших (11,2%) были погребены ранней зимой. Что касается захоронений людей в летние и осенние месяцы, то... их доля в общей массе относительно незначительна.» (Тишкин, Дашковский, 2003а, с. 140). Судя по контексту, часть из погребенных весной 351 человека, умерли зимой, но были преданы земле позже, поскольку «похоронить покойников по соответствующему погребальному обряду зимой из-за мерзлого грунта не представлялось возможным, поэтому этот процесс, вероятнее всего, откладывался до весны» (Тишкин, Дашковский, 2003а, с. 141). Тем не менее, в следующей работе довольно определенно говорится, что «между датой смерти и временем захоронения не должно было быть большого временного промежутка» (Быков, Тишкин, 2006, с. 55), в противном случае авторы лишились бы возможности аргументировать связь во времени могильника и поселения, определить сезон их совместного существования.

Итак, по мнению указанных авторов, большинство пазырыкцев умирали зимой и ранней весной, тогда же их и погребали. При этом ориентировали их по восходу солнца на момент погребения, а не смерти. В качестве доказательства этих ответственных выводов приводится лишь предположение об «угольках» «в заполнении многих могильных ям», «косвенным образом» указывающих на наличие костров для отогревания земли (Тишкин, Дашковский, 2003а, с. 141), а также суровый климат на Укоке, вынуждавший пазырыкцев даже летом при рытье могил «преодолевать трудности природно-ландшафтного характера» (Быков, Тишкин, 2006, с. 56). Относительно «угольков» следует сказать, что такого рода находки являются обычными в захоронениях самых разнообразных культур. Угольки, обугленные ветви и бревна, спекшаяся глина и прокаленный грунт в захоронениях (в том числе в Локте-4а) повсеместно встречаются не только в северных широтах, но и в южных областях, где земля не промерзает. Они традиционно связываются с отправлением культов. Такие мелкие угольки имеются и в поминальных кольцах у тех же пазырыкских курганов. Нет сомнений, что при проверке материалов из

«летних» курганов, в них также будут найдены угольки. Предполагаемые пожары для оттаивания земли на десятках курганов (особенно элитных) приводили бы к образованию хорошо фиксируемых мощных скоплений углей и прокаленного грунта, но этого нет как в Горном Алтае, так и на равнине. В тех же местах на равнине Алтая, где действительно пылали костры, ям неизвестно. Что же касается трудностей на Укоке, то в бытность работы на метеостанции Бертек (на левом берегу Ак-Алахи, высота около 2300 м над уровнем моря), автору довелось преодолевать их в течение 2,5 лет, в том числе и копать ямы. В теплое время года при наличии времени (а его в древности было достаточно) это не так трудно.

Вместе с тем имеются серьезные свидетельства устройства пазырыкцами могил и связанных с ними конструкций именно в теплое время года. Зима и ранняя весна являются самыми неудобными сезонами для возведения зачастую грандиозных сооружений пазырыкской культуры, предполагавших выравнивание почвы со снятием дерна, копку огромных ям и канавок, заготовку камня и многое другое. Установить невозможность устройства зимних могил и конструкций пазырыкской культуры несложно. Достаточно попытаться при помощи деревянных кольев, колотушек и лопат снять зимой промороженный на бесснежном склоне верхний гумусированный слой. Тем, кому приходилось копать зимой ямы, знают, что после сильных морозов даже под снегом верхний слой почвы может промерзнуть до 1–1,5 метров, и больших трудов стоит пройти (снять) этот слой при помощи более совершенных ломов и топоров. В элитных же курганах только яма могла занимать площадь до 7х7 м.

Однако земляные работы этим не ограничивались. Так, на Укоке и в Локте-4а прослежено, что при устройстве погребения верхний слой снимался до материка не только в могиле, но и в границах всей сакральной площадки пазырыкских и каменных курганов (Молодин, Соловьев, 1994, с. 64; Шульга, 2003д, с. 50), в том числе и в Монголии, где глубина выборки также составляла примерно 40 см (Молодин, Парцингер и др., 2006, с. 429, 431). Имеющиеся данные о времени захоронения в курганах Пазырыка, Уландрыка-1 и Укока однозначно указывают на погребение умерших не зимой и весной (Тишкин, Дашковский, 2003, с. 140), а тогда, когда оттаивает земля, т.е. в конце мая – начале июня, второй половине июня и осенью – в сентябре. Заключение это сделано на основании изучения найденных в курганах остатков растительности, времени снятия пластов лиственничной коры, а также по состоянию копыт, зубов и шерсти лошадей, степени их упитанности (Грязнов, 1950, с. 17–18; Витт, 1952, с. 169; Руденко, 1953, с. 326; Кубарев, 1987, с. 128; Шох, 2000, с. 254; Полосьмак, 2001; Гребнев, Васильев, 2004, с. 107).

Указанные представительные материалы, а также аналогии в тюркском погребальном обряде не оставляют сомнений в захоронении пазырыкцами своих умерших в теплое время года, по преимуществу в начале лета и осенью. По этому поводу следует привести фрагмент из работы Н.В. Полосьмак: «Надо полагать, что в пазырыкские могилы охапками укладывали цветущие яркими желтыми цветами ветви кустарника, ведь цветы – это универсальный символ возрождения. Вероятно, одним из условий совершения погребения было именно время, «когда склоны гор покрываются желтыми цветами...» Вспомним тюркскую традицию: «умершего осенью или зимой хоронят, когда цветы начинают разворачиваться» (Бичурин, 1950, с. 230). Интересно то, что все пазырыкские погребения Южного Алтая, время совершения которых тем или иным способом определено (Ак-Алаха-1, к. 1; Ак-Алаха-3, к. 1; Уландрык-1, к. 2), выпадают на весну – начало лета. Может быть, пазырыкцы и хоронили своих умерших в основном в период начала цветения курильского чая» (Полосьмак, 2001, с. 266).

Имеющиеся данные позволяют полагать, что подкурганное захоронение представителей пазырыкской культуры происходило в несколько этапов, на протяжении нескольких лет и не было напрямую связано со временем смерти. Именно в этом заключалась одна из важнейших задач мумификации умерших пазырыкцев. Очевидно, что время погребения выбиралось по соображениям религиозного характера. Как считали С.В. Киселев и С.И. Руденко, не засыпан-

ный сруб или яма без насыпи могли стоять довольно долго. Не связана со временем смерти и ориентация умерших пазырыкцев в существовавших на Алтае склепах (Сентелек и др.), являвшихся основным видом захоронения в соседних тагарской и саглыньских культурах. В склепах ориентация умерших часто одинакова и не отражает различий во времени смерти. Еще большим мог быть разрыв во времени при совершении вторичных и условных (кенотафы) погребений. Параметры и размеры таких погребальных сооружений (склепов) задавались изначально в расчете на всех предполагаемых, но еще живых родственников, подхоранивание которых могло производиться в любое время года.

Сезонные могильники и «поселения» на Укоке. Рассмотренное нами предположение об ориентации умерших по восходу солнца было апробировано на материалах Укока и верховий Чуи (Быков, Быкова, 2003; Быков, Быкова, Панюшкина, Слюсаренко, 2004; Быков, Быкова, Слюсаренко, 2004; Быков, Быкова, Крупочкин, Слюсаренко, 2006). Исходя из «установленности» факта погребения пазырыкцев строго по восходу солнца и тезиса «где жили, там и хоронили» указанные исследователи провели работу по выделению сезонных могильников и поселений на основе ориентации умерших в пазырыкских курганах. К сожалению, для обработки предположения был выбран самый неудачный в этом смысле район на юго-востоке Горного Алтая, где не выявлено ни одного сколько-нибудь представительного поселения раннего железного века, а ландшафтно-климатические условия допускают различные формы перекочевков. Итогом стало заключение о наличии на плоскогорье Укок небывалого количества типов сезонных могильников пазырыкской культуры: 1) зимние, 2) весенние, 3) весенние/летние, 4) летние, 5) осенние, 6) весенние/осенние (Быков, Быкова, Крупочкин, Слюсаренко, 2006, с. 288–289).

Если учесть, что подавляющее количество исследователей скифской эпохи считают все могильники кочевников находящимися на зимниках (предположения о наличии могильников на летниках редки), то указанные выводы, сделанные без детального исследования поселений и системы перекочевков, вызывают недоверие. Тезис «где жили, там и хоронили» совершенно неприменим к скотоводам Горного Алтая и других территорий. Добавим, что многие из могильников на Укоке находятся неподалеку друг от друга в пределах видимости и создавались одновременно или с небольшой разницей во времени. Соответственно, по логике указанных авторов, сравнительно небольшой участок территории в один и тот же хронологический период одни родственные группы использовали как летник, другие – как зимник, третьи – весной и осенью и т.д. Возможен и другой вариант – одна и та же группа родственников имела на этом участке несколько сезонных могильников, погребая своих умерших через каждые 5–10 километров. Ни то, ни другое не соответствует имеющимся археологическим и этнографическим данным, согласно которым с глубокой древности коллектив родственников, как правило, имел только одно кладбище (как и в настоящее время), которое располагалось на зимнике. В противном случае на равнинах Причерноморья, Казахстана и других подобных территориях, где перекочевки могли достигать сотен километров, археологи бы наблюдали массу единичных (часто разнокультурных) захоронений, оставленных по пути следования от зимника к летнику и обратно. В реальности же фиксируются довольно крупные компактные могильники с близким погребальным обрядом и инвентарем, приуроченные к местам, где скот мог без подкормки пережить тяжелые зимние месяцы. Очевидно, что для решения вопроса о расположении и характере пазырыкских поселений в Юго-Восточном Алтае нужно выявлять и исследовать эти поселения. Достоверная реконструкция системы перекочевков в древности, расположения поселений и могильников возможна только на основе комплексного изучения всей скотоводческой зоны Горного Алтая, с детальным анализом особенностей природной среды и образа жизни населения по этнографическим данным.

Расположение могильников и поселений скотоводов в Горном Алтае. В Горном Алтае система перекочевков и соотношение зимников с могильниками довольно обоснованно ус-

танавливается по имеющимся археологическим и этнографическим данным на Средней Катунь, Онгудайском и Усть-Коксинском районах. Зимники там и сейчас располагаются в речных долинах, где в зимнее время на террасах и склонах южной экспозиции мало снега. К 1990 г. там было исследовано большое количество курганов и выявлено около ста поселений со слоями раннего железного века.

По имеющимся данным, поселения пазырыкцев располагались (как более ранние афанасьевские и более поздние зимние стоянки средневековых и современных скотоводов) у горных склонов в логах, где можно было укрыться со скотом от непогоды (рис. 59) (Шульга, 1990; 1991; 1994; 1998; и др.). В 80-х гг. XX в. в ходе отработки методики поиска скотоводческих поселений в Горном Алтае проведено сплошное обследование долин в окрестностях пазырыкских могильников с курганами Туэкта-1, 2 и Башадар-1, 2. Благодаря наличию занимающих большие площади пашен, обнажений и кротовин удалось обследовать и прощурфовать практически всю пригодную для поселений территорию от реки (Урсул, Каракол) до крутых горных склонов. Отдельные фрагменты керамики, кости и угольки иногда встречались и у реки, и у курганов, но *поселенческие слои – только в логах у подножия гор* (рис. 59). Из выявленных в Горном Алтае П.И. Шульгой 92 поселений керамика раннего железного века присутствовала на 89, афанасьевского облика – на 21, средневековая – на 28 поселения. Из них найдено только одно «чисто» афанасьевское поселение в логу неподалеку от с. Ело (Шульга, 1991, с. 157). Поселения скифского времени с наиболее мощным культурным слоем и жилищами обычно подстилаются слоями афанасьевского времени и перекрываются средневековыми. В Башадаре к таким многослойным поселениям относятся Текпенек-Боочи-1, 2 (рис. 59). В Туэкте из пяти поселений достаточно мощный слой скифского времени с очагами и жилищами зафиксирован в Куротинском Логу-1 (рис. 59) (Шульга, 1997). В пределах десятков метров там встречалась керамика афанасьевского облика, а рядом с пазырыкскими (?) жилищами находилось средневековое – с остатками обмазанного глиной очага, керамикой и железным черешковым ножом. Не менее показательная картина и на Средней Катунь у с. Узнезя (Шульга, 1998в), где в небольшом раскопе у скального выступа на поселении Партизанская Катюшка выявлено по одному долговременному очагу афанасьевского, скифского и средневекового времени, расположенных на расстоянии 3 и 6 м друг от друга. Эти и другие наблюдения показывают, что *в Горном Алтае скотоводы имели основные зимние поселения в одних и тех же местах с эпохи энеолита до современности*. Некоторые исследователи считают поселения с бедным культурным слоем в Горном Алтае летниками, что не соответствует действительности. Подавляющее количество поселений скифского времени, находящихся в местах зимних стоянок, относится именно к «бедным», но такова уже специфика Горного Алтая, где поселения с мощными слоями встречаются редко.

После знакомства с совершенными внутримогильными конструкциями у С.И. Руденко, С.В. Киселева и даже сторонника кочевания М.П. Грязнова (1950, с. 59) не было сомнений в наличии на зимниках пазырыкцев рубленых домов, подобных обнаруженным в элитных курганах. Остатки бревенчатого жилища, найденного на перекрытии в Ак-Алахе-1, также тракуются как зимнее жилище (Полосьмак, 2001, с. 257). Этот вывод подтверждается обнаружением долговременных, несколько заглубленных в материк жилищ с очагами и хозяйственными ямами на поселениях скифского времени в Усть-Коксинском, Онгудайском и Чемальском районах Республики Алтай. На таких стационарных поселениях часты находки зернотерок. Очевидно, часть населения оставалась там и в летние месяцы для занятий земледелием (там, где это было возможно), а также для охраны от потравы зимних пастбищ в долине и прилегающих безлесных склонах. Захоронения совершались неподалеку в служившей зимним пастбищем долине между поселением и рекой. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на схему расположения поселений в детально обследованных долинах у сел Туэкта и Кулада (рис. 59) (Шульга, 1997а). Повсеместно распространенный у кочевых народов с древности обычай устраивать

могильники на зимниках не случаен, поскольку именно от этих пригодных для зимнего выпаса скота участков зависела их жизнь и благополучие. Курган или кладбище являлись зримым и признанным свидетельством прав той или иной группы родственников (в том числе условных) на данную территорию. Летние же пастбища на Алтае во много раз превышали зимние по кормовой базе и не представляли такой ценности. Там нет курганов и почти не фиксируются поселения. На кладбище у зимника стремились доставить тело родича даже с отдаленных территорий. В случае вторжения противника от осквернения можно было попытаться защитить именно это родовое кладбище (как у причерноморских скифов, согласно Геродоту), а не многочисленные гипотетические сезонные. Умерших зимой и весной пазырыкцы сохраняли путем мумификации (хотя основное назначение бальзамирования, видимо, было другим), по меньшей мере до оттаивания земли и хоронили в начале лета. Что же касается умерших на летниках, находящихся в Горном Алтае, как правило, всего в 15–50 км от зимника, то их могли легко доставить на родовое кладбище в течение одного дня. Но, по имеющимся данным, предание их земле происходило по прошествии времени – осенью, в сентябре, возможно, и несколько позже, после перекочевки на зимник. Судя по вторичным погребениям, предание останков человека земле могло откладываться на несколько лет. Именно там, на родовых могильниках у зимников, длительное время проводились обряды, связанные с возведением надмогильной конструкции и поминками.

2.2. Погребальные и поминальные сооружения

Надмогильные сооружения и последовательность их возведения. Характерной чертой пазырыкских курганов являются сложенные из речного галечника, рваного камня и плитняка надмогильные сооружения. По традиции их называют насыпями (иногда набросками), хотя исследователи Алтая давно убедились, что каждая каменная насыпь при внимательном изучении предстает упорядоченной конструкцией, сопоставимой с конструкциями афанасьевского и раннескифского времени (Руденко, 1960; Абдулганеев, Ларин, 1992; Деревянко, Молодин, Савинов и др., 1994; Тишкин, 1996а; Горбунов, Самашев, Северский, 2000; Шульга, 2005, 2006б; и др.). Судя по упорядоченности слоев и отсутствию характерных осколков, камни не бросали ни при забутовке могил, ни при создании надмогильного сооружения. На это, в частности, указывает отсутствие битого камня. Засыпка, возможно, имела место лишь в крупных элитных курганах при создании прослоек и верхнего покрытия из мелкого речного галечника или рваного камня. Несмотря на участие в возведении курганных насыпей, зачастую одних и тех же родственных коллективов, конструкции насыпей различались в соответствии с рангом погребаемых людей. Чем больше была могила и надмогильное сооружение, тем они сложнее устраивались. Особой тщательностью работ и сложностью конструкции отличались крупные элитные курганы диаметром до 70 м в Башадаре и Туэкте (Руденко, 1960). Несомненный интерес представляют неисследованные насыпи в Балык-Сооке-1, 2 и в некоторых других могильниках. У курганов диаметром 30–40 м конструкции проще, но и здесь встречаются замечательные сооружения, типа выявленных в Берели и Сентелеке (рис. 60) (Горбунов, Самашев, Северский, 2000; Шульга, 2003б), возведение которых, несомненно, производилось под руководством служителей культа. Даже на основании имеющихся скудных материалов можно говорить о существовании у пазырыкцев модели идеального погребально-поминального (храмового?) комплекса, которая воплощалась в полном объеме только при совершении наиболее значимых погребений. Над квадратной могилой, расположенной строго по центру выровненной круглой площадки, возводилась уплощенная каменная насыпь, зачастую имевшая внутреннюю и внешнюю кольцевые крепиды. В некоторых случаях площадку вокруг могилы могли

выбирать до материка (Молодин, Соловьев, 1994, с. 64; и др.). По периметру насыпи, образуя коридоры, устраивалась одна или несколько кольцевых оград из вертикально установленных плит. К востоку от насыпи с соблюдением определенных интервалов устанавливали ряд балболов-коновязей (рис. 60). С запада дугой или в линию располагались различные поминальные выкладки и кольца.

До возведения насыпи площадка вокруг могилы и верхняя часть ее заполнения служили местом совершения различных (в том числе и поминальных) обрядов. На Алтае этот обычай хорошо фиксируется уже в раннескифское время по находимым в надмогильных конструкциях и под ними фрагментам поселенческой керамики, костям животных, инвентаря и даже людей (Тишкин, 1996а; 2005; Шульга, 1998ж). Поселенческая керамика, кости животных, угли и небольшие кострища прослежены и под насыпями многих пазырыкских курганов, в том числе в Башадаре-1, 2 (Руденко, 1960, с. 63–65). В связи с этим несомненный интерес представляют наблюдения в кургане каракобинского типа из могильника Ело-2 (рис. 17). Еще до начала раскопок на поверхности кургана диаметром 8 м отчетливо прослеживались три концентрические окружности диаметрами 3,5, 6 и 8 м из крупных рваных камней или под углом установленных плит, добытых, по-видимому, на склонах примыкающей к террасе горы Башту. В образованных таким образом кольцах находилось 13 камней с вкраплениями белого кварца: во внутреннем – два, в среднем – восемь и три – во внешнем. Составляющая насыпь конструкция возводилась на прослойке материкового выброса из могилы, слабо отличимого от подстилающей погребенной почвы. При этом камни и плиты колец на 5–10 см заглублялись в прослойку. На поверхности земляной насыпи в ее центральной и юго-восточной частях находились угли, небольшое кострище, кости овцы и лошади, перекрывавшиеся в один слой плитками и плоскими камнями. Устройство насыпи кургана 3 могильника Ело-2 напоминает жертвенные кольца на р. Юстыд, раскопанные там авторами в 1984 г. (рис. 53). Конструктивная близость этих жертвенников (поминальников) и насыпи кургана, вероятно, отражает общие черты обрядности, связанной с поминками и жертвоприношениями. Очевидно, насыпь кургана (точнее ее внутрикрепидное пространство) определенное время до укладки слоя камней выполняла функции жертвенника (поминальника), связанного с культом предков и поминками умершего.

Особый интерес представляет *последовательность сооружения внутримогильных и надмогильных конструкций* в пазырыкской культуре. По материалам курганных могильников из Северо-Западного Алтая (Шульга, 2001; и др.) установлено, что насыпи выявленных там курганов с «пирамидками» имели последовательно три формы. Первоначально над свободной от земли могилой с захоронением устраивалась пирамидка (в виде усеченного конуса) из камня или обложенного камнем дерна (?), вокруг которой укладывались камни насыпи и крепиды (рис. 60. – 2). Затем после происшедшего через 10–15 лет обвала перекрытия какое-то время можно было наблюдать насыпь с провалом, и только после заклада провала насыпь получала окончательную уплощенную форму, которая и фиксировалась до начала раскопок. Похожий обряд отмечен и в могильнике Тавдушка на Нижней Катунь (Шульга, 2005). По истечении 10–20 лет после погребения человека (судя по времени требуемому для сгнивания и обрушения жердевых перекрытий) ямы в Тавдушке засыпались до верха послойно песком и землей. Затем площадка присыпалась тонким слоем песка с гравием, на котором сооружалась каменная насыпь. До возведения насыпи заполнение могил, по-видимому, сразу же плотно утрамбовывались. Очевидно, как в Куроте-1 и Туэкте-1, 2 (Киселев, 1951, с. 353; Руденко, 1960, с. 103, 327) насыпи в Тавдушке сооружались на площадке также по прошествии определенного времени. С.И. Руденко считал, что крупные насыпи над княжескими захоронениями могли возводиться через год (или через несколько лет) собравшимися на поминки родственниками и союзниками. Объяснялось это трудностью в короткий срок заготовить, подвезти и построить курган из нескольких тысяч кубометров камня (Руденко, 1960, с. 327).

Материалы из Тавдушки заставляют пересмотреть это предположение. Значительная часть исследованных там курганных насыпей имела диаметр около 3–3,5 м, мощность – в один-два

слоя камней средней величины. Такое сооружение могло быть возведено (включая и заготовку камня) даже одним человеком за два-четыре дня. Очевидно, после погребения умершего насыпи в Тавдушке возводились через несколько десятков лет не по причине трудностей доставки и укладки камня, а в соответствии с пока слабо известными нам нормами поминального обряда. Сакральная площадка вокруг насыпанной до верха могилы также, по-видимому, не сразу закладывалась камнями, а какое-то время служила местом совершения поминальных обрядов, фиксируемых под пазырыкскими насыпями по остаткам тризн (керамика, кости животных). Только после этого одновременно или в несколько этапов возводилась дошедшая до нас окончательная курганная конструкция.

Работы по исследованию и восстановлению погребальных и поминальных конструкций, проводимые в Сентелеке, Усть-Теплой и Тавдушке, в очередной раз подтвердили тезис о первоначальной сложности и изменчивости называемых «курганами» конструкций. Даже самые малые подкурганные захоронения предполагали целый комплекс сложных, растянутых во времени ритуалов. *Итак, уже на основе имеющихся материалов, мы вправе говорить о сложности и длительности растянутого на десятилетия процесса подготовки умершего к захоронению (мумификация, вторичные захоронения и пр.) и последующих действий: заполнение могильной ямы, возведение надмогильного сооружения, создание дополнительных поминальных (культурных) сооружений (кольцевые выкладки, «балбалы» и др.).* Соответственно, нуждаются в пересмотре и корректировке концепции, исходящие из тезиса о немедленном захоронении человека пазырыкской культуры после его смерти независимо от времени года и места, а также об одноактности заполнения могилы и сооружения кургана. Очевидно, что в жизни «пазырыкцев» (и не только их) связанная с культом предков обрядность занимала намного больше места, нежели представляется даже после знакомства с материалами из мерзлотных курганов.

В какой мере отмеченные особенности погребального обряда распространялись на Алтае? К сожалению, в отличие от вышеописанных курганов из Сентелека, Усть-Теплой, Чесноково-2 и Тавдушки, основная масса могильников скифского времени на Алтае была ограблена в древности, а методика раскопок допускала снятие насыпи без тщательного ее изучения. На равнине в многомогильных курганах каменной культуры, по имеющимся наблюдениям, насыпь возводилась только по прошествии длительного времени, когда совершалось большинство намеченных захоронений. В горах в это время ситуация существенно отличается, поскольку на погребальной площадке устраивалась только одна могила, которую теоретически могли сразу же засыпать и перекрывать насыпью, а для подхоронения могли использоваться выявленные или предполагаемые подхоронительные ходы и дромосы, известные в Туве (Грач, 1980, с. 51) и в Горном Алтае (Кубарев, 1992, с. 26; Полосьмак, 1994, рис. 89; 2001, с. 95, табл. IV6; Савинов, 1996; Шульга, 1997б, 2003д, с. 47–48).

Не углубляясь в эту почти не исследованную тему, отметим, что у большинства неграбленных пазырыкских курганов на поверхности отмечается западина, образовавшаяся в результате просадки внутримогильной камеры. По наблюдениям В.Д. Грача (1980, с. 18), глубина западин в саглыньских курганах в случае полной просадки перекрытия до дна примерно соответствует первоначальной высоте просевшей погребальной камеры (сруба). Похожая картина и в пазырыкской культуре. Следовательно, в отличие от курганов из Тавдушки и Сентелека большинство пазырыкских надмогильных сооружений возводились еще до просадки срубов, но не сразу. По материалам из Куроты-1 (Киселев, 1951, с. 353) после возведения верхнего наката на переводинах и каменных стенках могилу какое-то время не засыпали. Так что *слои бересты, перекрывавшие срубы, были, по-видимому, не столько данью домостроительной традиции, сколько практическим действием с целью закрыть от осадков погребальную камеру с умершим.* Но и после возведения кургана могила зачастую оставалась доступной че-

рез «подхоронительные» ходы (продолжение традиции раннескифских дромоссов), которые, по всей видимости, использовались служителями культа и родственниками и для совершения обрядов (Савинов, 1996, с. 109; Шульга, 2003д, с. 46), а позднее злоумышленниками с целью осквернения и грабежа. Тщательные наблюдения за устройством внутримогильных и надмогильных конструкций, несомненно, выявят и другие вариации, но нет сомнений, что отмеченные выше нетрадиционные конструкции скифского времени со склепами, «пирамидками», а также обычай сооружать «курганы» по прошествии длительного времени после похорон были достаточно широко распространены на равнине и в Горном Алтае, в частности, в курганах со вторичными захоронениями.

Рассматривая вопрос об устройстве и последовательности сооружения насыпей пазырыкских курганов, нельзя не остановиться на сравнительно недавно достоверно зафиксированном в Горном Алтае *процессе постепенного дрейфа* вниз по склону сложенных из камня насыпей и других конструкций (Шульга, 2005; 2006а). По завершении предусматривавшихся поминальных обрядов процесс изменения курганной насыпи и самого могильника не останавливался: находившиеся на наклонных поверхностях каменные конструкции продолжали изменяться как за счет естественного разрушения, так и вследствие дрейфа насыпей вниз по склону. Величина этого смещения зависит от крутизны склона, времени сооружения и, вероятно, от состава подстилающего насыпь грунта. Например, позднеафанасьевское кольцо по отношению к могиле (Покровка-4 в долине Сентелека) сместилось на 60–80 см, а расположенные на подобном склоне курганы V–III вв. до н.э. – на 20–40 см (Шульга, 2006а). Именно этим, а не особенностями погребального обряда или неточностями жрецов-строителей объясняется смещение могил относительно центра насыпи в Пазырыкских (см.: Руденко, 1953, с. 39) и многих других, достаточно точно отрисованных, курганах. Находившиеся в материке могилы, хозяйственные или жертвенные ямы, вкопанные в материк стелы и ровики как бы оставались на месте и с течением времени оказались выше по склону перекрывающей или расположенной рядом каменной кладки и прилегающего слоя гумуса, вместе с которыми вниз по склону смещались инвентарь, остатки тризн и т.п.

В небольших объектах эти смещения сравнительно невелики, но в некоторых случаях они могут быть значительны. Так, по современным замерам ряд стел у «царского» кургана в Сентелеке начинается в 4,5 м к востоку от полы, однако первоначально это расстояние составляло около 8 м, поскольку курган сдвинулся вниз по склону террасы к востоку (по направлению к ряду стел) примерно на четыре метра (рис. 60). Описанные выше смещения исследователями не учитываются. В результате в местностях с гористым рельефом фиксируется не первоначальное, а современное положение конструкций или комплексов, включающих как подвижные (насыпь), так и относительно недвижимые объекты (ямы, стелы, значимые скалы и горные вершины). Расхождения составляют от десятков сантиметров в малых конструкциях до 4–6 м в больших («царский» курган в Сентелеке). Еще больше они будут на крупных погребально-поминальных комплексах и святилищах, в которых объекты передвинулись не только вниз по склону, но и в разных направлениях, в зависимости от рельефа. Соответственно, без введения необходимых поправок на степень смещения дрейфующих конструкций проводимые на таких участках разного рода замеры и расчеты (в том числе и палеоастрономические) будут неверны.

2.3. Могильные ямы и курганные насыпи

Форма могил в плане. В курганах пазырыкской культуры устраивалась одна могила по центру насыпи. Смещение могил фиксируется, как правило, у курганов, сооруженных на наклонной поверхности, что связано с постепенным дрейфом каменной насыпи вниз по склону

(см. 2.2). Большинство «рядовых» могил с погребениями в срубках имеют в плане подпрямоугольную форму, но отличаются от относительно узких могил в культурах на равнине Алтайского края большей шириной. Так, если в каменной культуре ширина могилы обычно вдвое (иногда и втрое) меньше длины, то в пазырыкской ширина составляет $2/3$ и более от длины. В результате форма пазырыкской могилы приближается к квадрату, но длина по оси размещения сруба и умершего все же немного (иногда лишь на несколько десятков сантиметров) больше ширины (рис. 3; 26; 27 и др.). С практической точки зрения большую ширину пазырыкских могил можно было бы объяснить необходимостью размещения сруба и прежде всего конского подхоронения, поскольку лошади почти всегда подхоранивались сбоку, у северной стенки ямы. Однако это не так. *Ширина пазырыкских могил, как правило, не зависела от количества погребенных людей (как и в каменной культуре) и лошадей.* Достаточно обратить внимание на захоронения без лошадей в Боротале (рис. 41; 44), Чичке-1, Тете-4 (рис. 45–48) и на других могильниках, где ширина могил такая же, а иногда приближается к квадрату. По всей видимости, *размеры и пропорции могил пазырыкской культуры определялись их строителями в соответствии с общепринятыми сакральными стандартами.* Эти стандарты предусматривали также определенное соотношение между размерами могилы и устанавливаемого на дне сруба. В основе, несомненно, лежала канонизированная квадратная форма элитных могил как в пазырыкской, так и в других культурах скифского мира. Помимо этого, очевидное влияние оказывала распространенная в тагарской культуре, в Туве и Монголии традиция сооружения квадратных могил и склепов. Собственно пазырыкские «рядовые» погребения в срубках занимают как бы промежуточное положение между восточной и западной традициями, но это не среднеарифметическая величина, а характерная отличительная черта.

Еще одной характерной чертой пазырыкской культуры являлось размещение могил сторонами по странам света, а не углами (как в Туве). Однако, как указано выше (см. 2.1.2), «стороны света» для конкретной пазырыкской могилы определялись по принципу перпендикулярности к уже имеющейся или предполагаемой линии ориентации цепочки курганов сородичей. Что же касается далеко не однородных погребений каракобинского типа в каменных ящиках (рис. 17; 18; 25; 32; 46; 48), не содержащих, как правило, конских подхоронений, то они совершались в прямоугольных сравнительно небольших могилах, подобных исследованным на Средней Катуні (Кирюшин, Степанова, 2004).

Размеры могил. Размеры могил в публикуемых 55 курганах пазырыкской культуры, за исключением инокультурных курганов 21 и 27 в Балык-Сооке-1, в целом укладываются в общую картину по Горному Алтаю, с учетом специфики отдельных районов. *На материалах каменной и пазырыкской культур установлено, что строители захоронений скифского времени на Алтае исходили не из объема перемещенных грунта, камня и леса, а из конкретных сакрально значимых параметров.* В сравнении с такими показателями, как ширина и глубина могил, размеры уступов, перекрытий и погребальных камер, наиболее устойчивыми оказались *показатели длины могил* на уровне материка (Шульга, 2003д, с. 28–41).

В этом отношении эталонным можно считать расположенный в предгорной равнине могильник каменной культуры Локоть-4а, где ранжирование могил по длине прослеживается наиболее хорошо. Важно подчеркнуть, что на этом могильнике в погребальном обряде, керамике и одежде умерших имеются заметные пазырыкские черты. Длины почти всех 39 учтенных могил и двух котлованов из кургана 1 в Локте-4а группируются в определенных интервалах. Таких групп (интервалов) шесть.

Группа 1 – могилы длиной около 1 м. Включает две могилы младенцев, погребенных близ уровня материка с запада от погребения взрослого. **Группа 2** – могилы длиной 1,95–2 м. Включает три погребения детей 4–5, 6 лет и подростка 15–16 лет. Несмотря на нахождение этих могил в разных курганах, их размеры и глубина между собой полностью совпадают. К этой же группе относится захоронение подростка 12–14 лет из могилы 2 кургана 1 длиной 2,2 м. Две могилы располагались к северу от центральных, две – к югу (длина и глубина мо-

гил почти совпадают). *Группа 3* – могилы длиной 2,5–2,75 м. Включает шесть погребений взрослых в боковых могилах, могилу из кургана 16 и сильно разрушенную в верхней части центральную могилу 2 кургана 5, длина которой на уровне уступа составляла 2,63 м. У пяти из семи могил длина могилы почти равна ее глубине. *Группа 4* – могилы длиной 3–3,06 м. Включает четыре погребения взрослых из смежных могил и могилу из кургана 11. У трех из пяти могил длина могилы почти равна ее глубине. *Группа 5* – могилы длиной 3,2–3,45 м. Включает десять могил: шесть боковых из курганов 14, 7, 8, две смежные могилы из кургана 1 и могилу из кургана 17. Шесть из них имеют практически одинаковые длину (3,2–3,25 м) и глубину 2,4–2,55 м. Глубина могил обычно меньше длины, но в двух случаях (погребение 16 в кургане 1 и могила 2 в кургане 3) они равны. *Группа 6* – могилы длиной 3,8–4,2 м. Включает в себя 9 могил: центральные могилы курганов 2, 6, 8, 9, 14, две ямы-склепа из кургана 1 и две смежные, расположенные к северу от центральных могил из курганов 7 и 8. Шесть из них имеют длину 3,9–4 м.

Для проверки представительности выделенных групп были выполнены графики соотношения размеров 295 могил для могильников каменной культуры и частично (около 150 могил) по Новотроицкому некрополю (Шульга, 2003д). Несмотря на определенную специфику каждого из них, данные подтвердились. При этом на многих могильниках выделяется стандартное для раннескифского времени значение около 2,2–2,3 м, но в отличие от Локтя-4а, в этих могилах погребали в основном взрослых.

В Горном Алтае по материалам из 180 курганов (Уландрык-1–5; Ташанта-2, 3; Барбургазы-1; Малталу-4; Кок-Су-1; курганы по Чарышу из раскопок П.И. Шульги) длины могил в основном укладываются в те же группы. Наиболее многочисленны захоронения взрослых в могилах длиной 2,5–2,8 м и 3 м. Вместе с тем на одних могильниках (Уландрык-1, 2) встречается заметное количество малых могил длиной 1,4–1,6 м, а в курганах по Чарышу помимо длины могил длиной 2,5–2,7 м преобладают могилы длиной 3,2–3,4 м. На этом фоне существенно отличаются погребения северопазырыкского варианта без срубов и конских подхоронений в среднем и нижнем течении Катуня. Так, из учтенных 44 погребений на Тьткескене-1, 6 (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003) наряду со сравнительно немногочисленными (9 могил), но хорошо вычлняющимися интервалами 2,6–2,75 м и 3 м, наиболее часто встречаются могилы длиной около 2 м и 2,2–2,35 м. Следует отметить, что диаметр этих и других курганов также небольшой – около 6–8 м. Несомненный интерес представляет график по 55 публикуемым курганам из 18 могильников, протянувшихся от Урсула до границы с Монголией (рис. 1). Несмотря на разнородность этого материала, длина большинства могил укладывается в определенные интервалы: 2–2,4 м (16 могил), 2,7–2,8 м (10 могил), 3–3,2 м (12 могил), 3,5–3,7 (5 могил).

Итак, в Горном Алтае и на равнине Алтайского края (в том числе в не рассматриваемых здесь быстрянкой и староалейской культурах) в VI–III вв. до н.э. *при подготовке погребения исходили из конкретного «табеля о рангах», согласно которому тому или иному умершему определялась и длина могилы: около 1,6 м (гр. 1); 2 м (гр. 2); 2,2–2,4 м (гр. 3), 2,6–2,8 м (гр. 4), 3 м (гр. 5), 3,2–3,4 м (гр. 6) и более.* При этом для каждой культуры или культурной группы отношение ширины могилы к вышеуказанной длине обычно различалось: в пазырыкской культуре ширина стремилась приблизиться к длине, а на равнине составляла 1/2 или 1/3 от длины. Глубины могил существенно различались, но в целом до определенных пределов фиксируется стремление выкопать могилу на глубину, равную ее длине. Данная традиция хорошо прослеживается уже на раннескифском могильнике Гилево-10 (Шульга, 2003д, рис. 47).

Соотношение размеров могил и курганных насыпей

Особый интерес представляет вопрос о соотношении длины могилы и диаметра курганов. Уже на начальном этапе исследования пазырыкских (как, впрочем, и других одномогильных курганов скифского мира) было замечено – чем больше диаметр кургана, тем больше и находящаяся под ним могила. Однако соотношение между ними удалось проследить лишь в ходе сплошного исследования крупных и достаточно однородных курганных цепочек в вер-

ховьях Чуи. На материалах могильников Барбургазы-1 (26 курганов) и Малталу-4 (24 кургана) было отмечено, что размеры ям прямо пропорциональны размерам насыпей: в средних курганах диаметром 8–10 м размеры могил обычно равны 3х2,6х2 м, а в малых (диаметр 3–7 м) – 1,6х1х1,1 м. При этом указывалось на зависимость этого соотношения от половозрастного состава и количества погребенных (Кубарев, 1992, с. 14). Детализировать это наблюдение тогда было затруднительно. Проведенный авторами анализ курганов пазырыкской культуры, у которых по каменной конструкции диаметр фиксируется достаточно точно, показал следующее: 1) как и у могил каменной культуры наиболее стабильной величиной в параметрах пазырыкской могилы является ее длина; 2) длины могилы по оси расположения умершего является основным параметром и коррелируется с диаметром кургана, т.е. *при совершении захоронения строители соотносили между собой прежде всего длину могилы и диаметр кургана*; 3) соотношение диаметра кургана с шириной и глубиной могилы, а также размерами внутримогильных конструкций было более сложным и зависело от многих дополнительных факторов.

Обратимся вновь к уже упомянутым компактным могильникам Барбургазы-1 и Малталу-4, но уже на основе выявленных рангов могил. В Малталу-4 курганы с могилой первой группы (длина около 1,6 м) имеют диаметр 3 м; группы 3 (2,2–2,4 м) – 5–6 м; группы 4 (2,6–2,8 м) – 6–7 м; группы 5 (3 м) – 7,6–8 м; группы 6 (3,3–3,5) – 9–10 м; три могилы длиной 3,8–3,9 м происходят из курганов диаметром 9, 10 и 11 м. Таким образом, *на могильнике Малталу-4 за немногочисленными имеющимися исключениями каждой группе могил соответствует определенный диаметр кургана, а удлинение могилы примерно на 40 см сопровождалось увеличением диаметра кургана на 1 м.*

Между тем соотношение длины могилы и диаметра кургана зависело и от традиций на том или ином могильнике. Так, в Барбургазы-1 восьми могилам наиболее полно представленной группы 4 (2,6–2,8 м) также соответствуют курганы диаметром 6–7 м, но диаметры курганов с могилами группы 5 (около 3 м) несколько отличаются. Курганы с погребениями в срубах имеют диаметры не 7,6–8 м, а 8–10 м. Из этой группы могил совершенно выпадают курганы 23 и 25 диаметром по 6 м с погребениями в каменных ящиках. Такой же диаметр и у кургана 4 с каменным ящиком, хотя длина могилы в нем 3,5 м, т.е. при равной длине могил (со срубами и ящиками) погребенным в каменных ящиках определялась насыпь значительно меньшего диаметра. Из этого следует важное заключение – *соотношение между длиной могилы и диаметром кургана зависело как от традиции на конкретном могильнике, так и от этнической (?) принадлежности умершего.* На могильниках Уландрык-1–5, Ташанта-1, 2 (41 курган) свои отличия – могилам группы 4 соответствуют курганы диаметром около 8–10 м (а не 6–7, как в Малталу-4), а группы 5 – 9–10 м, т.е. при увеличении длины могилы с 2,6 м до 3 м диаметр кургана менялся незначительно. Курганы с длиной могил 3,6–4 м имеют диаметр 12–13 м. Как видим, на указанных могильниках диаметры курганов относительно больше, чем в Малталу-4. Свои особенности имеют и курганы на Средней Катунь без срубов с редкими конскими подхоронениями. На ряде могильников там прослеживается подобное соотношение между длиной могилы и диаметром кургана, но имеются и существенные расхождения, что, в частности, обусловлено значительным инокультурным влиянием, подобным тому, что мы отметили на могильнике Барбургазы-1.

Итак, *строители пазырыкских курганов руководствовались детально разработанной системой рангов, согласно которой для каждого погребаемого в кургане человека или группы людей определялись конкретные размеры курганной насыпи, могилы и внутримогильных сооружений.* Более высокий статус умершего дополнительно предполагал большую сложность внутримогильных сооружений и совершаемых обрядов, с максимальной полнотой осуществлявшихся в элитных курганах. Выявленные закономерности в ранжировании могил, а также в их соотношении с диаметрами курганов имеют особое значение не только для Алтая, но и других территорий, поскольку этот универсальный принцип был распространен повсеместно.

но с глубокой древности. Очевидно, что перед нами еще практически не использовавшийся инструмент для понимания не только погребальной обрядности различных этнокультурных групп, но и структуры пазырыкского общества. Эта тема отдельного исследования. Необходимо особо подчеркнуть, что на имеющихся материалах могут быть выявлены лишь общие закономерности, а конкретные детали будут пересматриваться и уточняться.

Проблема в том, что используемые в настоящее время данные по размерам могил и диаметрам курганов дают лишь примерные величины. Причин тому несколько. Во-первых, задача проведения максимально точных промеров практически не ставилась. Во-вторых, и тщательная фиксация зачастую не дает точных данных. Так, даже в случае разметки древними строителями границ могил с точностью до сантиметра они неизбежно искажались при копке могил в древности и в ходе последующих раскопок. Помимо этого, встает вопрос об уровне (по вертикали) замеров (на уровне погребенной поверхности, материка, по дну и т.д.), поскольку большая часть могил несколько сужается ко дну, а иногда, наоборот, расширяется. Довольно часто контуры могил с материковым заполнением точно не могут быть зафиксированы и корректируются уже по расположенным у дна внутримогильным конструкциям, останкам умершего и инвентарю.

Большое количество неточностей возникает и в ходе промеров курганных насыпей. Как правило, размеры насыпей устанавливаются по видимой каменной кладке после ее расчистки. Довольно часто у малых и хорошо сохранившихся курганов размеры изначальной конструкции и видимой кладки близки. В большинстве же случаев они различаются вследствие деформации конструкции, происходящей в ходе ее естественного разрушения и дрейфа по склону (см. выше), а также последующей деятельности человека. В качестве примера следует вновь привести элитный («царский») курган в Сентелеке (рис. 60. – 1; Северо-Западный Алтай, Чарыш). Расчищенная насыпь кургана имела размеры 45x48 м, но изначальный ее размер даже с учетом ограды из вертикальных плит, окружавшей насыпь, не превышал 42 м (Кирюшин, Шульга и др., 2001; Шульга, 2003б). Аналогичная ситуация и с большинством других элитных курганов, включая исследованные в центральной части курганы Пазырыка, Башадара и Туэкты.

2.4. Культовые сооружения

На публикуемых могильниках, помимо курганных насыпей, зафиксированы и внекурганные сооружения – кольца и стелы (балбалы). Поминальные (жертвенные) кольца традиционно располагаются меридиональными рядами к западу от цепочки курганов и, как правило, состоят из 7–8 камней, уложенных примерно на уровне древней поверхности (рис. 25. – 1; Ала-Гаил-3, Бар-Бургазы-3, Тете-4, Чичке-1, Балык-Соок-1). Раскопки в Ала-Гаиле-3 выявили в кольцах лишь небольшое количество угольков и кальцинированных косточек. Небольшая стела у кургана 5 в Тете-4 и поваленные крупные стелы к востоку от элитного кургана 4 в Балык-Сооке-1 не исследовались. Нет сомнений, что стелы (балбалы) изначально были почти на всех могильниках у многих курганов пазырыкского типа и у некоторых каракобинских. Часть из них, по-видимому, была повалена современниками в ходе осквернения курганов (Сентелек), часть переиспользована в эпоху средневековья. В массовом количестве балбалы в Горном Алтае смещались со своих мест и использовались на строительные нужды при распашке в XX в. По мнению многих исследователей, ряды балбалов к востоку от пазырыкских курганов являлись символическими коновязями у курганов-«жилиц» в «поселках мертвых» и знаками сопричастности родственников, принимавших участие в поминальных обрядах (Кубарев, 1979; 1987; 1991; 1992; Сорокин, 1981; Шульга, 1989). К сожалению, достаточно крупные работы

по их исследованию проводились только в Сентелеке (Шульга, 2003б). Не останавливаясь на этом чрезвычайно интересном вопросе, отметим, что традиция установки стел (в комплексе с планировкой захоронений цепочками и определенными особенностями конструкции надмогильных сооружений) к востоку от курганов зафиксирована на Алтае уже в афанасьевской культуре (Шульга, 2006а). Продолжает она существовать и в последующее время (см. сводку: Кубарев, 2001б). В эту же группу памятников следует включить и культовые объекты, не имеющие непосредственной связи с погребениями, но близкие им конструктивно и семантически. Это отдельная тема. Остановимся лишь на нескольких неопубликованных культовых комплексах из каменных колец, оградок и стел, исследованных авторами на Юстыде в 1983 г. (рис. 53–55; см.: приложение 1). Указанные культовые комплексы представляют интерес своей разнотипностью. Находящиеся в 60 м друг от друга объекты 1 и 2 имеют общую особенность – в обоих случаях к востоку от находящихся в оградках стел расположен меридиональный ряд каменных колец с угольками и кальцинированными косточками (рис. 53, 54. – 1). В остальном они существенно различаются. То же самое можно сказать и о парных стелах (объекты 3 и 4; рис. 55. – 1, 2).

Такого рода памятники известны также в соседних Туве и Монголии. В 1998 г. одним из авторов в составе российско-монголо-американской экспедиции был обследован сохранившийся в непо потревоженном виде небольшой погребально-поминальный комплекс в ущелье реки Цагаан-Ус (Монголия). Комплекс включал керексур диаметром 20 м; два небольших курганных могильника древних кочевников (9 насыпей); один тюркский курган, три поминальные оградки (со стоящими с восточной стороны изваяниями, оленным камнем и стелой); а также шесть разновысоких (0,6–1,6 м) стел, установленных в общей оградке размерами 6х1,5 м из поставленных на ребро плит. С восточной стороны этой оградки с шестью стелами, как и в Аргытале (рис. 53), имелись три округлые выкладки диаметром 0,5 м из валунов. Все указанные выше памятники ориентированы поперек долины реки в меридиональном направлении. Планиграфия и хронология комплекса (от эпохи бронзы до средневековья), несомненно, идентичны подобным памятникам в Горном Алтае. Сходство усиливается наличием балбалов (каменных стел) с восточной стороны могильника Цагаан-Ус-2 (у четырех насыпей из шести). Однако традиционные для таких погребальных сооружений восьмикаменные поминальные кольца, обычно устраиваемые в западной части могильного поля, здесь отсутствуют. Возможно, их функции выполняют каменные стелы в общей оградке, расположенные в 150–200 м на запад от цепочки курганов. Это предположение возникло на основании равного числа объектов: шесть стел – шесть курганов. Возможно, у стел в кольцевидных оградках шесть раз совершался поминальный обряд по умершим сородичам, погребенных в шести курганах могильника.

В этом отношении представляют интерес аналогии между кольцевидными выкладками из Аргытала и Тувы (рис. 53; 55. – 3) и своеобразного поминальника в основании насыпи каракобинского кургана Ело-2 (рис. 17; 55. – 4). В Аргытале и Туве (Грач, 1968, рис. 1, 2, с. 210) имелись поминальные (жертвенные) кольца с угольками, золой и кальцинированными косточками, перекрытыми каменными плитками (рис. 55. – 3). В Ело-2 вокруг могильной ямы также зафиксировано внутреннее кольцо из крупных (в том числе белых кварцитовых) камней, в рамках которого находились кострище, угли и кости животных, перекрытых тонкими сланцевыми плитками (рис. 17). Обычай закладки камнями и плитами жертвенного пространства имел широкое распространение: он отмечен в дугах «курганов с усами» (Кадырбаев, 1966, с. 310), по-видимому, в поминальных кольцах у кургана Аржан-1 (Грязнов, 1980, с. 44–45, рис. 5) и на многих других памятниках. В тюркское время заброска (закладывание) жертвенных оградок камнем также является характерной чертой поминального обряда (Кубарев, 1984, с. 80). Конструктивная близость описанных жертвенников (поминальников) и насыпи кургана, на наш взгляд, отражает общие черты обрядности, связанной с поминками и жертвоприно-

шениями. Очевидно, поминальное кольцо (оградка) и насыпь кургана (точнее, ее внутрикрепидное пространство до укладки слоя камней насыпи) являлись местом жертвоприношений, связанным с культом предков и поминками умершего.

Датирующие находки в описанных культурных объектах отсутствуют, поэтому о хронологии их на данном этапе можно судить только по косвенным данным. Хронологически показательным может быть, в частности, расположение колец. Так, у раннескифских элитных кургане Аржан-1 в Туве и кургане 27 на могильнике Покровский Лог-4 в Северо-Западном Алтае (Грязнов, 1980, рис. 1; Шульга, Демин и др., 2003) с ориентацией погребенных в западный сектор кольца располагались дугой с восточной стороны. У более поздних курганов пазырыкской культуры с преимущественной ориентацией умерших на восток кольца устраивались с запада: у небольших – по одному, а у элитных (Башадар) – в виде дуг, но тоже с западной стороны. Пока не совсем ясно, в какой степени расположение колец у захоронений отражает их хронологию. Возможно, оно зависело от ориентации умерших. Вместе с тем, у меридионального ряда оленных камней без следов захоронений на Юстыде, кольца располагались с западной стороны (рис. 54. – 2) (Кубарев, 1979) подобно пазырыкским кольцам, а не с восточной стороны, как у раннескифских курганов. У культурных оградок из Аргытала кольца находятся, наоборот, с востока.

А.Д. Грач считал подобные комплексы в Туве древнетюркскими погребениями по обряду кремации (Грач, 1968, рис. 1,2, с. 210), но более вероятной представляется точка зрения Л.Р. Кызласова (Кызласов, 1979, с. 77–78), относящего эти памятники к скифскому времени. На это указывает, в частности, конструктивная близость оленных камней с Юстыда в намеченных оградках с кольцами к западу (рис. 54. – 2) (Кубарев, 1979, с. 18). Конструктивно близки и усложненные поминальники из Ак-Алахи-3 и Башадара-2. В Ак-Алахе-1 поминальник находился в 25 м к юго-западу от кургана 1 могильника Ак-Алаха-1 (рис. 56) (Полосьмак, 1994, рис. 4, 5). Этот, казалось бы, типичный для пазырыкской культуры комплекс отличается от традиционных почти по всем пунктам. Семь входящих в него колец из 7–9 камней располагаются также параллельно микроцепочке из курганов 1 и 2. Но устроены они настолько плотно, что два кольца в южной части даже имеют общую стенку, как в Аргытале (рис. 53; 54. – 1). При этом кольца, несомненно, относятся и к примыкающей с запада небольшой сплошной выкладке, на месте которой могла бы быть и оградка со стелами, как в Аргытале. Кроме нескольких костей животных и следов небольших кострищ, в кольцах и выкладке ничего не было (Полосьмак, 1994, с. 17). Несмотря на необычность этого комплекса, Н.В. Полосьмак, на наш взгляд, оправданно определила его как поминальник у кургана 1. Можно было бы, конечно, отнести комплекс и к более позднему времени, поскольку датирующие находки в нем отсутствовали. Однако подобные (но уже грандиозные) объекты зафиксированы и к западу от Башадара-2 (рис. 56) (Марсадолов, 1997, с. 9–10, рис. 18–24). В охватывающей курган с запада дуге там устроены такие же плоские выкладки, к востоку от которых располагаются в ряд каменные кольца. Находок в исследованной Л.С. Марсадоловым оградке не было, но принадлежность грандиозных дуг из колец и выкладок к элитным пазырыкским курганам в Башадаре не вызывает сомнений.

Итак, у малых пазырыкских курганов с запада устраивались только по 1–3 небольших кольца (иногда образующих и широтные ряды). У сравнительно крупного кургана из Ак-Алахи-1 диаметром 18 м, высотой 0,7 м с западной стороны сооружался более сложный комплекс из выкладки и примыкавших с востока колец. Эта же конструкция сохраняется и у элитного кургана Башадар-2, но там данный комплекс включается в общую дугу и масштабы совсем иные. Поминальники ак-алахинского типа в Башадаре выстраиваются в огромные дуги на сотни метров. Сами выкладки и кольца больше, при этом уплощенные камни в последних заменяются вертикальными стелами, особенно крупными у одного из элитных курганов, находящегося ближе к пойме Каракола (к. 52?). Расположение описанных комплексов с выкладками

и примыкающими с востока цепочками колец в целом соответствует оградкам с кольцами из Аргытала, что, конечно же, не означает безусловной датировки последних скифским временем, но позволяет предполагать ее.

В завершение важно подчеркнуть, что в Горном Алтае и соседних Туве и Монголии составные элементы рассмотренных объектов: стелы, оградки и кольца – образуют огромное количество комбинаций. В одних случаях они имели самостоятельное значение (Аргытал, оленные камни Юстыда) и являлись своеобразными храмами отдельных семей или родов, в других – они явно или косвенно связаны с погребальными памятниками (рис. 56). Часть этих культовых объектов (типа одиночных колец к западу от рядовых пазырыкских курганов), видимо, имела достаточно конкретное назначение, тогда как на огромных культовых комплексах у «царских» курганов могли длительное время совершаться разнообразные обряды. Что же касается комплексов в Аргытале и оградки с двумя стелами на Юстыде (рис. 53; 54; 55. – 2), расположенных в местах стоянок древних кочевников (вне погребальных памятников), то в этих своеобразных семейных храмах, по-видимому, совершалось большинство обрядов, связанных с рождением, смертью, поклонением предкам и божественным силам. Этнокультурные и религиозные особенности зачастую разобщенных групп населения, несомненно, определяли различия даже у синхронных памятников. Вместе с тем, конструкции определенного типа могли воспроизводиться длительное время. Достоверно установить хронологию этих разнородных объектов на имеющихся скудных материалах затруднительно, поэтому основной задачей является их выявление и исследование, чему и был посвящен данный раздел.

Глава 3 ИНВЕНТАРЬ

3.1. Орудия труда и предметы быта

3.1.1. Ножи. В отличие от саглынской культуры Тувы и староалейской в Барнаульском Приобье (Фролов, 2004, с. 18; и др.), ножи в захоронениях пазырыкской культуры всегда находятся не у пояса, а возле позвонков овцы на деревянном блюде или рядом с ним в хозяйственной половине (или в отсеке) погребальной камеры (Кубарев, 1992, с. 53; и др.). На эту особенность в расположении ножей следует обратить внимание, поскольку она указывает не только на хронологию и культурную специфику памятника, но зачастую и на принципиально иное назначение помещаемого с умершим ножа. В пазырыкской и каменной культурах нож служил для разделки мяса. Предназначалось ли это мясо душам умерших или существам иного мира, можно лишь гадать. Важно, что предполагаемый загробный обряд с разделкой мяса в Горном Алтае предусматривал участие каждого умершего. Для этого в захоронение помещалось соответствующее количество ножей. Расположение же ножа на поясе (иногда в одних ножнах с кинжалом) в раннескифское время, а позднее в саглынской и староалейской культурах говорит об иной семантике, в том числе об осмыслении ножа как оружия. Именно так это понималось в Ала-Гаила-3 (рис. 26), Уландрыке-1 (к. 12), Уландрыке-2 (к. 6) и других, когда архаичный нож помещался на поясе в качестве кинжала, а другие ножи по количеству погребенных – рядом с заупокойной пищей (рис. 26. – 1). В некоторых же пазырыкских погребениях Юго-Восточного Алтая архаичный нож-кинжал на поясе исключал помещение ножей у костей овцы, что, очевидно связано с влиянием соседних культур Тувы и Монголии (Уландрык-3, к., 6, 7; и др.) (см.: 4.2).

Всего в 57 курганах Чуи и Урсула найдено 28 железных и 8 бронзовых ножей (без учета ножа-кинжала из Ала-Гаила-3). Очевидно, ножи помещались почти во все погребения, но вследствие ограблений и плохой сохранности не зафиксированы. Имеются изображения 24 экземпляров (рис. 61) – шести бронзовых и 18 железных. Длина бронзовых колеблется от 8 до 11 см. У кольчатого ножа из Тербедека длина точно не известна из-за неверно выставленного масштаба. Железные ножи крупней – от 12 до 18 и более сантиметров. Многие железные ножи сохранились плохо, а потому форма их навершия, а зачастую и соотношение длины рукояти к длине лезвия не устанавливаются. Бронзовые ножи имеют несколько выгнутую спинку, за исключением фрагментированного из Тете-4, к. 6. Два ножа из наиболее ранних погребений (Кор-Кечу, Алагаил, к. 19) – с кольчатыми навершиями и один – с условно намеченным клювовидным отверстием. У архаичного ножа-кинжала из Ала-Гаила-3 (к. 2) навершие в виде «арки на кронштейне». У железных ножей выделяются типы с кольчатыми и петлевидными навершиями, с небольшими отверстиями на концах рукоятей или вовсе без отверстий. Выгнутобушковых среди них нет.

Существует несколько близких классификаций ножей скифского времени из Горного Алтая. По захоронениям в Юго-Западном Алтае ножи рассматривались В.Д. Кубаревым (Кубарев, 1987; 1991; 1992). Обобщающая классификация ножей из Горного Алтая и предгорий выполнена А.С. Суразаковым, который учел 151 экземпляр – большую часть из известных к середине 80-х гг. XX в. (Суразаков, 1989). Еще одна обобщающая сводка ножей была сделана по Средней Катуні. При этом предложенные ранее классификации были доработаны с учетом известных в Горном Алтае более чем 230 бронзовых и железных ножей (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 70–76). Однако основной вопрос об эволюции тех или иных форм ножей во времени и пространстве на Алтае и прилегающих территориях остается открытым. Решение его возмож-

но лишь в рамках отдельного комплексного исследования с кардинальным пересмотром многих устоявшихся положений и относительной хронологии. В качестве примера приведем ножи с кольчатым навершием. Новые материалы из раннескифских памятников (Гилево-10, Аржан-2) и захоронений VI–V вв. до н.э. каменной и быстрианской культуры (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 72–73), позволяют говорить о непрерывности существования в Южной Сибири со второй половины VII по II в. до н.э. железных ножей с кольчатым навершием, которые в VI–V вв. до н.э. обычно имели выгнутую спинку. В это же время на территории Горного Алтая, Тувы и Монголии аналогичные ножи изготавливались преимущественно из бронзы. Иными словами, на данных территориях синхронно существовали постепенно меняющиеся во времени определенные формы ножей с кольчатым навершием, независимо от материала их изготовления (бронза или железо). Вместе с тем, в каждой культуре имелась своя специфика. В каменной и быстрианской культурах ножи (в том числе и с кольчатыми навершиями), за редкими исключениями, изготавливались из железа уже на самом раннем этапе с середины VI в. до н.э. Особый интерес представляет обнаружение железных ножей с кольчатыми навершиями в захоронениях раннепазырьковского времени в Кузнецкой котловине (Ширин, 2004) и в таежной зоне у Мариинска в Кемеровской области (Арчекас; Кулемзин, 1979). При этом в представительном комплексе Арчекаса (к. 2) железный нож находился вместе с кольчатым бронзовым. В пазырьковской культуре небольшое количество кольчатых ножей (бронзовых) известны только в самых ранних погребениях (рис. 61). Вновь эта форма наверший появляется у железных ножей на позднем этапе (рис. 61).

Если же рассматривать ножи из публикуемых курганов Чуи и Урсула в целом, то практически все бронзовые экземпляры происходят из захоронений ранней группы (рис. 61). Железные появляются уже в допазырьковское время (Балык-Соок-1, к. 27), где найдены фрагменты крупных пластинчатых ножей длиной не менее 15 см (рис. 12. – 4, 6). Из раннепазырьковского кургана 7 могильника Боротал-1 происходит ручка железного ножа с обложенным золотой фольгой расширяющимся навершием, похожим на навершие украшенного золотой фольгой ножа из Второго Пазырьковского кургана (Руденко, 1953, рис. 149). В остальных, более поздних, захоронениях найдены только железные ножи, в том числе с кольчатыми навершиями. Большинство ножей у жертвенной пищи, очевидно, были без ножен. Последние сохранились только у одного бронзового ножа (рис. 22. – 5; Тербедок, к. 2), имевшего прошитый с одной стороны кожаный чехол. В верхней части чехла оставлен специальный выступ, в котором сохранился пропущенный тонкий кожаный ремешок, предназначенный, по всей видимости, для подвешивания ножа к поясу.

3.1.2. Сосуды. Характерной чертой погребального обряда пазырьковской культуры является помещение в захоронение керамических и деревянных сосудов. В наиболее ранних погребениях керамические сосуды могли не ставиться согласно недолго сохраняющейся раннескифской традиции (Шульга, 1998д, с. 707–708). В мерзлотных Больших Пазырьковских курганах найдены кожаные сосуды, но в рядовых захоронениях (в том числе мерзлотных) они, как правило, не встречаются. В Пазырьке и в Юго-Восточном Алтае известны роговые сосуды (Пазырык-2, 5; Юстыд-13, к. 5; Ак-Алаха-3, к. 1; Верх-Кальджин-2, к. 1, 3) (Бородовский, 2000б). В «классических» пазырьковских погребениях (в срубках с восточной ориентацией умерших) керамические сосуды, как правило, находятся в северной хозяйственной половине напротив голов умерших или ближе к центру рядом с блюдом, жертвенной пищей и ножами. Число керамических сосудов (как и ножей) обычно соответствует количеству умерших (Кубарев, 1991, с. 59; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 24).

Изначальный состав посуды в захоронениях существенно отличался от фиксируемого в большинстве курганов. Раскопки мерзлотных курганов позволяют говорить о помещении с каждым умершим определенного набора разнотипной посуды из разных материалов. Полные наборы включали деревянное блюдо с заупокойной пищей и «триаду» из круглодонной дере-

вянной кружки или ковша, керамического и рогового сосудов (Ак-Алаха-1, к. 1) (Полосьмак, 1994, с. 25; Молодин, 2000, с. 93). Иногда в захоронение помещался дополнительный керамический сосуд и блюдо (Ак-Алаха-3, к. 1; Верх-Кальджин-2, к. 3) (Полосьмак, 2001, табл. VI; Молодин, 2000, рис. 108). В Уландрыке-1 (к. 2) вместо рогового сосуда находился берестяной (Кубарев, 1987, табл. VI). В Юстыде-13 (к. 5) в наборе отсутствовал керамический сосуд (Кубарев, 1991, табл. LXI). Судя по материалам из Юго-Восточного Алтая, существовал и уменьшенный набор из керамического сосуда, деревянной кружки или ковша и деревянного блюда. Но и здесь не было полной унификации, например, в Ак-Кообы-2 находились только деревянные блюдо и кружка (рис. 51). В наборе из Кор-Кечу также отсутствовал керамический сосуд, но было два деревянных – блюдо с высотой бортика 2–3 см и своеобразная чаша с округлым дном диаметром 20 см и высотой 6–8 см. Очевидно, блюда и сосуды из органических материалов были и в захоронениях без мерзлоты, но не сохранились. На существование данной традиции и на северо-западной окраине ареала пазырыкской культуры указывает обнаружение в Сентелеке керамических имитаций роговых сосудов (Гельмель, Демин и др., 1996, рис. 1; Шульга, 1997а, с. 75). Вполне вероятно, что многие керамические кувшины и кринки с имитациями швов на Алтае копировали не кожаные (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 60–62), а роговые сосуды. Это, отчасти, подтверждается исследованиями А.П. Бородовского (2000б, с. 157).

Небезынтересно отметить, что обычай помещать с умершим наборы разнотипных керамических сосудов, в том числе из различных материалов, существовал в Горном Алтае уже в афанасьевское время. Так, в кургане 1 могильника Бертек-33 с одним умершим находился набор из керамического, деревянного и берестяного сосудов (Савинов, 1994, с. 48). Наличие берестяных (деревянных) сосудов предполагается и в некоторых других афанасьевских захоронениях (Абдулганеев, Ларин, 1994, с. 25; Шульга, 2006а, с. 69). Вероятно, за обычаем намеренно помещать с одним умершим определенный набор сосудов в афанасьевской и пазырыкской культурах стоят близкие религиозные представления.

Традиционно считается, что посуда из пазырыкских погребений использовалась в быту. Однако, по мнению одного из авторов, это верно лишь относительно деревянных кружек (ковшей) и блюд (блюд-столиков), а также керамики баночной и горшковидной форм из насыпей курганов (рис. 42. – 10, 11; 44. – 9, 10). Составляющие большинство в захоронениях кувшиновидные и кринковидные керамические сосуды являлись сакральными. По всей видимости, они изготавливались только для совершения обрядов, в том числе погребального. Одним из основных аргументов в пользу такого заключения является практически полное отсутствие кувшинов и кринков на поселениях раннего железного века в Горном Алтае. На поселениях представлены банки, горшки и чаши (миски) (Шульга, 1990; 1997а; 1998в; 2003д, с. 65; и др.). Именно эту керамику, не похожую на погребальную, находят в насыпях курганов (Руденко, 1960; Кубарев, 1987, с. 48; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 42; Каммарт и др., 1998). Принципиальные различия поселенческой и погребальной керамики характерны для многих культур эпохи бронзы и скифского времени, в том числе и на равнине Алтая (Абдулганеев, Владимиров, 1997, рис. 46–61; Троицкая, Бородовский, 1994, с. 39; Могильников, 1997, с. 30; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005; и др.). Керамика из пазырыкских погребений рассматривалась неоднократно (Кубарев, 1987; 1991; 1992; Суразаков, 1989; Степанова, 1998; Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003, с. 90–103; Кирюшин, Степанова, 2004). Наиболее детальная классификация керамики из захоронений пазырыкской культуры (без учета материалов из могильников по Чарышу) предложена Н.Ф. Степановой, суммировавшей данные по 313 сосудам (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 25). Сопоставив керамику из Горного Алтая VI–III вв. до н.э. с русской керамикой, учитывая предшествующие разработки, Н.Ф. Степанова оправданно выделила несколько основных типов керамики: наиболее часто встречающиеся кувшины, кувшиновидные, кринки и кринкообразные; редко встречающиеся горшки и горшкообразные; единично находимые

в захоронениях корчаги и банки (Степанова, 1998; Кирюшин, Степанова, 2004). При этом была отмечена специфика керамики на Средней Катунь. «Кувшины на Средней Катунь и в других районах Горного Алтая составляют соответственно 24 и 68%, кринкообразные сосуды – 30 и 6%, горшки и горшкообразные – 18 и 1,4%» (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 33).

Большинство публикуемых сосудов из курганов Чуи и Урсула относятся к неоднократно рассматривавшимся типам пазырыкской культуры, но на некоторых сосудах из Балык-Соока-1 следует остановиться особо.

Бочонковидный сосуд из Балык-Соока-1 (к. 27). Представлял собой хорошо заглаженный чуть уплощенный бочонок с горловиной по центру (рис. 12. – 3). Следов краски не отмечено, а обширные темные пятна, по всей видимости, результат неравномерного обжига. Длина сосуда 32,5 см, максимальный диаметр по центру 21–21,5 см, диаметр в торцах – около 13 см, по венчику – 10,5 см. Изготовлен из двух совмещенных половин, из которых одна фактически представляла собой нижнюю часть заготовки сосуда с плоским дном, но без обычного утолщения. У второй половины «дно» также плоское, но завалено по краям, что у сосудов встречается редко. После совмещения половин по центру была помещена короткая расширяющаяся (как у кувшинчиков) горловина высотой около 4,5 см. Нижняя стенка сосуда не уплощена, поэтому для сохранения устойчивости на ровной поверхности под него, очевидно, подкладывали большие кольца соответствующей конфигурации. Толщина стенок сосуда составляла около 7–9 мм.

В археологических памятниках Горного Алтая сосуд такой формы найден впервые. Аналогичные или близкие сосуды происходят из захоронений каменной культуры, где авторам известно девять экземпляров. Территория распространения этих сосудов совпадает с ареалом каменной культуры от могильника Леонтьевка на Иртыше до Быстровки в Новосибирском Приобье. Большинство сосудов (семь) обнаружено в северной части (Быстровка-1, Раздумье-4, Зайцево-1, Камень-2, Масляха-1, Фирсово-11) (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 47; Могильников, 1997, с. 34; Фролов, Шамшин, 1999, рис. 2. – 11), но считать этот район местом особой концентрации бочонковидных сосудов было бы преждевременно, поскольку в южной части захоронений исследовано в несколько раз меньше. На территории Алтайского края за пределами каменной культуры один крупный бочонковидный сосуд найден в северных предгорьях в ареале быстринской культуры (раскопки М.Т. Абдулганеева). Некоторые исследователи полагали, что этот достаточно редкий тип сосудов заимствован из южных и юго-восточных районов Сибири, где они найдены в большом числе в погребениях раннетаптыкской эпохи Хакасии и гунно-сарматских курганах Тувы (Кызласов, 1960, табл. 4, 72; Вадецкая, 1999, рис. 22, 15, табл. 51; Вайнштейн, 1970, рис. 80, 9; 82, 2; Дьяконова, 1970, табл. VII, 76, 17, 19, 26). В.А. Могильников подверг сомнению такую связь, поскольку тувинские и минусинские бочонковидные сосуды датируются более поздним временем (II в. до н.э. – II в. н.э.), чем керамические сосуды подобной формы из Верхнего Приобья (Могильников, 1997, с. 34–35). К тому же хакасские и тувинские сосуды выполнены в основном из дерева. Они имеют в средней части отверстия с трубчатой пробкой, а по бокам утолщения в виде двух ободков. Последняя деталь интерпретируется некоторыми археологами как имитация толстых швов, а сами бочонки – как модель кожаных бурдюков, подобных ташаурам современных алтайцев (Уманский, 1987, с. 37; Могильников, 1997, с. 35). Думается, такие утолщенные ободки были функционально оправданы и необходимы для более удобного слива из бочонка жидкости (вода, кумыс, молочная водка и др.). Они, несомненно, присутствовали и на настоящих, большего объема, бочонках, использовавшихся древними кочевниками в быту. Об этом свидетельствует сохранение ободков в конструкции деревянных бочонков, традиционных для хакасов и тувинцев (Вайнштейн, 1991, рис. 60. – 2–4). А.П. Уманский отмечал близость каменных бочонков таштыкским керамическим сосудам подобного типа и бочонковидным флягам джетыясарской культуры Средней Азии (Уманский, 1987, с. 36–37, рис. 1. – 1), но джетыясарские сосуды

существенно отличаются по форме и являются флягами. Время их появления определяется Л.И. Левиной концом хронологического периода Ia, т.е. примерно IV–III вв. до н.э. (Степная полоса... 1992, с. 62, 67; Левина, 1996, с. 190).

Материалы из Балык-Соока-1 однозначно указывают на существование бочонковидных сосудов на Алтае уже в первой половине VI в. до н.э., т.е. в промежутке между раннескифскими и раннепазырьскими комплексами. Было бы неверно сделать из этого заключение о появлении бочонковидных сосудов в Горном Алтае. Курганы 21 и 27 из Балык-Соока здесь, несомненно, инокультурные и более близки некоторым раннескифским с левобережья Оби. Соответственно, можно полагать, что бочонковидные сосуды появляются на левобережье Верхней Оби не позже первой половины VI в. до н.э., а потом бытуют в каменной культуре. Этому как будто противоречит традиционная датировка каменных сосудов IV–II вв. до н.э. Однако, указанные хронологические рамки определялись условно, поскольку совместно с бочонковидными сосудами хорошо датированных вещей не было найдено (Могильников, 1997, с. 34).

Между тем появились основания для более ранней датировки бочонковидного сосуда из кургана 11 могильника Камень-2, материалы которого дополнительно изучались П.И. Шульгой в ходе подготовки их полного издания. В кургане 11 найдены каменный оселок, бронзовые прорезные поясные обоймы, ранняя массивная коническая ворворка, железный костылек типа найденного в Балык-Сооке-1 и железный выгнутообушковый нож. По этим вещам курган, несомненно, относится к раннепазырьскому времени. Второму *сосуду с биконическим туловом*, коротким отогнутым венчиком и гладким валиком из кургана 21 могильника Балык-Соок-1 (рис. 11. – 4) на Алтае аналогий не известно. Уточнение датировки кургана (первая половина VI в. до н.э.) резко сужает круг поисков исходных форм, но вопрос о происхождении таких сосудов остается открытым.

Следует упомянуть специфический керамический *сосуд с каннелюрами* из грабительского (?) отвала на кургане 5 могильника Балык-Соок-2 (рис. 15. – 18). Помимо него в отвале находились фрагменты еще от трех сосудов: одного с похожим резким переходом от тулова к горловине, но без каннелюр (рис. 15. – 15); кувшиновидного (рис. 15. – 16) и баночного толстостенного (рис. 15. – 17). Там же найдена и роговая седельная подвеска (рис. 15. – 14). Судя по этим материалам и внешнему виду встроеного в цепочку элитного кургана 5, ограбленное (?) погребение относится к пазырьской культуре и близко во времени курганам 1 и 3 из соседней цепочки Балык-Соок-1. К сосуду с каннелюрами относится 71 фрагмент средних и довольно крупных размеров, что обусловлено особой прочностью хорошо обожженной керамики, издающей при ударе характерный звон. Места сломов прямые. Этим сосуд принципиально отличается от большинства находимых в пазырьских погребениях сосудов, которые во влажной среде, как правило, крошатся и расслаиваются на мелкие фрагменты с рваными и осыпающимися краями. Горизонтальные желобки выполнены очень тщательно и везде параллельны между собой, чего обычно не бывает при ручной лепке. На сохранившемся фрагменте верхней части сосуда у горловины валики приобретают криволинейные очертания, а два верхних заканчиваются перед асимметричным выступом горловины. По всей видимости, рядом с горловиной находился носик-слив. Толщина стенок в нижней части в желобках около 0,7 см, на валиках – около 1 см. В верхней части сосуда и у горловины толщина стенок меньше примерно на 3 мм. Сосуд полностью не реконструируется, но сохранились крупные фрагменты плоского дна диаметром 15 см (толщина 0,9 см), тулова и верхней части с остатками обломанной горловины. К сожалению, ни одного венчика не найдено.

Вероятно, сосуд с каннелюрами представлял собой корчагу с короткой горловиной или нестандартный кувшин с сильно раздутым туловом диаметром не менее 40 см и такой же высоты (до горловины). Полных аналогий на Алтае этому сосуду нет ни в погребениях, ни на поселениях. Похожие украшенные «реберчатым орнаментом» сосуды имеются в Туве. Вл.А. Семенов пишет: «Этот орнамент создается за счет разной ширины горизонтально опо-

ясывающих сосуд валиков, которые заглаживаются лощилом, после чего валик имеет приостренное или заovalенное ребро. После того, как сосуд покрывается ангобом и приобретает ровную поверхность, создается впечатление, что ребра составляют единое целое со стенками – эффект, который можно было бы получить только на круговой керамике, тогда как вся керамика этого времени в Туве лепилась вручную» (Семенов, 2003, с. 48). В отличие от указанной керамики, ребра у сосуда из Балык-Соока-2 (к. 5) не налепные, а формованные, и у горловины, по-видимому, имелся носик-слив. Можно предположить, что этот сосуд импортный.

Посуда из дерева. Судя по многочисленным находкам из мерзлотных Больших курганов в Горном Алтае и курганов из Юго-Восточного Алтая, посуда из дерева в пазырыкской культуре ставилась в каждом погребении и по количеству превышала керамическую. По имеющимся данным, деревянная посуда до помещения в могилу могла долгое время использоваться в быту. Об этом свидетельствуют следы неоднократного ремонта. Обычно растрескавшиеся кружки и блюда стягивались сухожильными нитями или тонкими сыромятными ремешками. Для их крепления и были проделаны отверстия вокруг трещин и изломов сосудов. Частая встречаемость изношенной или негодной деревянной посуды, даже в обломках, видимо, объясняется не столько ценностью (Кубарев, 1992, с. 51), сколько условностью погребального обряда. Отверстия в бортиках блюд, ручках ковшей и кружках служили для хранения их в жилищах в подвешенном состоянии, а также для крепления к выюку при перекочевках. На основе масового материала из Уландрыка, Юстыда, Сайлюгема и Больших курганов выделено четыре категории деревянной посуды (Кубарев, 1987, с. 49; 1991; 1992), которые позднее были найдены и в мерзлотных курганах Укока (Полосьмак, 1994; 2001; Молодин, 2000; и др.): кружкообразные, ковши, мисочки и блюда. Кружки и ковши изготавливались чаще всего из березового наплыва – капа.

В публикуемых курганах Чуи и Урсула деревянная посуда, несомненно, была во всех (или почти во всех) погребениях, но в узнаваемом виде отмечена только в семи курганах (Балык-Соок-1, к. 3; Кор-Кечу; Ала-Гаил-3, к. 10; Боротал-3, к. 4, 5; Барбургазы-3, к. 6; Ак-Кообы-2). Отдельного описания заслуживают замечательно сохранившиеся почти без повреждений кружка и блюдо в кургане 1 могильника Ак-Кообы-2 (рис. 51), а также уникальные бронзовые основания ножек блюда-столика из кургана 3 могильника Балык-Соок-1 (рис. 5; 6).

Блюда. В мерзлотных курганах Горного Алтая с хорошо сохранившейся органикой на деревянных блюдах располагалась заупокойная пища и нож (рис. 51. – 2). По всей видимости, и в других местах Горного Алтая (как и на равнине) деревянные блюда были обязательной частью инвентаря, но не сохранились. Блюдо из могильника Ак-Кообы-2 размерами 21,5x19 см имело овальную форму и закругленный бортик по краю высотой около 3,5 см (рис. 51. – 5). Дно блюда изнутри и с оборотной стороны покрыто многочисленными порезами от ножа. Очевидно, блюдо достаточно долго использовалось в качестве разделочной доски, на что указывает не только многочисленность следов ножа, но и наличие среди них более раннего несколько затертого «слоя» порезов. Судя по данному блюду, мясо предпочитали разделывать не внутри блюда, а на его оборотной стороне. При этом мясо могли временно складывать в другие емкости, на траву, камень и т.д. Затем его клали в это же блюдо и подавали. Использование блюда как разделочной доски – характерная деталь кочевого быта.

Кружка. Найдена вместе с блюдом в кургане 1 могильника Ак-Кообы-2 (рис. 51). Замечательной сохранности. Изготовлена вместе с ручкой из цельного куска дерева. Высота кружки 9 см, диаметр горла 7,7 см, максимальный диаметр 11,5 см. Дно несколько вогнуто, края его заovalены. Толщина стенок и дна одинакова – около 0,5 см. В ручке имеется поперечное отверстие для подвешивания диаметром 0,7 см.

Подставки столика-блюда из Балык-Соока-1. В захоронении кургана 3 могильника Балык-Соок-1 обнаружены четыре бронзовых «треножника», являвшихся, по всей видимости, основаниями деревянных ножек не сохранившегося столика-блюда. От него во втулках

остались только фрагменты довольно толстых ножек с вырезанными более узкими концами, вставленными в трубки (рис. 6. – а, б). Такой вывод можно сделать по их местоположению, количеству и устройству. Все четыре «треножника» располагались рядом с развалом сосуда в северной хозяйственной части сруба в традиционном месте нахождения деревянных столиков-блюд. При этом основания лежали вытянутым скоплением длиной около 40–50 см, что соответствует размерам крупных столиков. В трубки оснований были вставлены деревянные стержни, а головы ушастых орлов были смоделированы так, чтобы создать надежную опору на трех загнутых кльовах. Полных аналогий основаниям не известно, но массивные бронзовые ножки длиной по 8,5 см в виде нижних частей ног лошади (?) с копытами имелись у крупного столика-блюда размерами 55x31 см в «классическом» пазырыкском кургане 19 могильника Юстыд-12 (Кубарев, 1991, с. 65, рис. 14, табл. XLV).

Рассматривая эти ножки, В.Д. Кубарев отмечал, что они явно перекликаются с типично пазырыкской традицией изготовления приставных деревянных ножек, нередко вырезанных в виде стилизованных фигур кошачьих хищников (Руденко, 1953, табл. XIX. – 2, XX. – 7-11; Кубарев, 1991, с. 65). Там же указывалось на наличие четырех ножек в виде копыт у бронзового прямоугольного с бортиками «семиреченского алтаря» и зооморфных ножек у савроматских каменных жертвенников. Назначение алтарей и широко распространенных на Южном Урале и Верхнем Приобье каменных жертвенников на ножках было иным, нежели у столиков-блюд, но единство конструкции не случайно. Использование деревянных блюд с ножками и без ножек в быту совсем не исключает их сакрального значения в погребении, где любая вещь становилась символическим атрибутом сложных погребальных и поминальных обрядов. *Блюдо-столлик с уложенной на него курдючной частью барана (обычно вместе с ножом) в погребении можно также рассматривать как жертвенник, обращенный к душе умершего сородича и божествам потустороннего мира.*

Все четыре основания ножек из Балык-Соока-1 массивные, весом по 370–380 г. Устройство и размеры их почти одинаковы. Основу каждого основания составляли бронзовые припаянные в середине трубочки длиной 7,7 см (диаметр от 2,8x3 см до 3x3,3 см, толщина стенок 3–4 мм), в одном из которых (№4) имелось отверстие диаметром 4 мм для фиксирующего ножку штифта (рис. 6). Вероятно, уже в ходе отливки в нижней части трубочек делалось по три продольных узких паза, в которые затем вставлялись отдельно отлитые головки ушастых орлов. В завершение места стыка головок и трубочек настолько аккуратно запаивались, что изделия на первый взгляд выглядят цельными. По всей видимости, основания до помещения в захоронение определенное время использовались. На основании 4 у одной головки орла был почти полностью обломан клюв (рис. 6). Кончик клюва обломан и у основания 2 (рис. 5). Какой-либо упорядоченности в этих повреждениях не видно, и нет причин считать это намеренной порчей.

Изделия изящны и совершенны в своей простоте. Каждое основание опирается на три подогнутых кльова орлов. Головки однотипные, двусторонние, с крупным спиралевидным ухом, выделенным глазом, восковицей и мощным загнутым в нижней части кльовом. Створки кльовов обозначены валиками. Вместе с тем, каждая из двенадцати имеет свои особенности: зрачки глаз могут быть круглыми и овальными, в разной степени выделены глаза. У половины головок в нижней части головы под ухом имеется по одному дополнительному валику. При этом у изделий 1 и 3 таких головок по одной, а на основаниях 2 и 4 – по две. По определению одного из авторов, такие головки хищной птицы с ухом называются мифическими, или ушастыми орлами, в отличие от раннескифских орлов восточной части Евразии, изображавшихся без уха (Шульга, 2003д, с. 77–78 и др.).

Изображения мифических орлов появляются здесь внезапно в самых ранних комплексах скифского времени (с середины VI в. до н.э.) и, несомненно, указывают на существенно изменившиеся верования. В Горном Алтае этот образ бытовал довольно долго, но встречается

преимущественно в раннепазырыкских комплексах. «Реалистичные» и стилизованные изображения собственно грифонов с гипертрофированными хохолками, острыми стоячими ушами, гребнем и слабо выраженным глазом, по всей видимости, появляются несколько позже (Башадар-2, Туэкта-1, 2) и вскоре почти полностью вытесняют образ мифического орла с гипертрофированным глазом и ухом. Комплекс из кургана 3 могильника Балык-Соок-1 датируется примерно временем сооружения Пазырыка-2, поэтому основания ножек столика могли быть изготовлены несколько ранее.

3.1.3. Бронзовые гвозди являются отличительной особенностью пазырыкской культуры. Размеры гвоздей зависели от их назначения. Крупные массивные гвозди, как правило, вставлялись сверху в специально прорубленные пазы на торцах крышек погребальных колод. Пазы у некоторых колод были достаточно велики, но гвозди тем не менее зажимались там настолько плотно, что грабители зачастую не могли их вытащить и обламывали в верхней части. Гвозди средних размеров длиной 5 см и меньше служили для прибивания драпировок на стенках срубов и колод. Иногда они могли вбиваться и в пол погребальной камеры, как это зафиксировано в Башадаре (к. 10) (Марсадолов, 1997, рис. 11) и, возможно, в Боротале-1 (к. 7).

В публикуемых курганах Чуи и Урсула бронзовые гвозди найдены в элитных курганах 7 и 82 могильника Боротал-1, а также в кургане 1 могильника Балык-Соок-1 (рис. 61).

Гвозди больших размеров. Найдены в Боротале-1 и Балык-Сооке-1. В Балык-Сооке-1 (к. 1) в юго-западном углу ограбленного сруба обнаружено два крупных бронзовых гвоздя длиной 13,4 и 14,5 см (рис. 3. – 20, 21). Гвозди цельнолитые с коническими шляпками диаметром 4 см и массивными уплощенными прямоугольными в сечении (1,4x1 см) приостренными стержнями. Литейные швы хорошо видны только под шляпками, но фиксируются и на стержнях. Следов от ударов на шляпке или других повреждений незаметно.

В Боротале-1 (к. 7) найдено четыре массивных гвоздя. Длина гвоздей – 14,5, 15, 15,5 и 18 см (рис. 35. – 35–38; 61). Гвозди четырехгранные в сечении со сторонами около 1,2 см, на концах несколько сужаются и немного заострены. Шляпки у всех одинаковые – круглые, немного выпуклые сверху и плоские снизу диаметром 5,8–6 см, толщиной 5–8 мм. Шляпки и стержни гвоздей отливались отдельно, а затем спаивались. У двух шляпок с оборотной стороны прослеживаются отпечатки структуры дерева (?). На шляпках сверху видна зачистка после отливки, но нет явных следов от ударов при забивании. На стержнях с двух противоположных сторон имеются литейные швы. Три гвоздя сломаны, один целый, но несколько согнут (рис. 35. – 37). У гвоздя 1 сломан стержень в двух сантиметрах ниже шляпки. Самый крупный гвоздь 4 сильно изогнут в нижней части. Его шляпка отбита по месту спайки, а стержень сломан. Стержень гвоздя 2 сломан в 1 см ниже шляпки. Чуть ниже стержень сильно загнут, в результате чего на его выгнутой стороне образовались характерные поперечные трещины (рис. 35. – 36). Расположение сломов под шляпкой и в месте ее стыка со стержнем однозначно указывает на намеренное сбивание шляпок. Несмотря на некоторую рыхлость металла стержней, для того, чтобы переломить их, нужно было приложить особые усилия.

В известных на Алтае случаях гвозди таких размеров использовались для фиксации крышки колоды – по два в торцах (Пазырык-2, Большой Берельский курган, курган 11 из могильника Берел, Кутургунтас) (Руденко, 1953, с. 44, 49, рис. 23; Сорокин, 1969, рис. 10, с. 220; Самашев, Фаизов, Базарбаева, 2001, с. 17; Полосьмак, 1994, с. 68). При срывании крышек с колод эти крепежные гвозди сбивались, отчего в верхней части они часто согнуты или сломаны. Аналогичные повреждения имеют и гвозди из кургана 7: все они согнуты, а три из них даже сломаны по стержню. В отличие от похожих сильно расщепляющих деревянные шпалы железнодорожных костылей, они забивались по-другому. Во-первых, загнать в листовенничную колоду гвоздь длиной до 18 см и сечением до 1,4x1 см было крайне сложно, тем более со шляпками с припаянными фигурками грифонов (Берель). От сильнейших ударов припаянные шляпки отлетали бы, а сами гвозди гнулись. Во-вторых, гвозди такого сечения неминуемо бы расщепили

крышку, а в зависимости от места расположения – и колоду. Поэтому в крышке и колоде заранее вырубались совмещаемые вертикальные отверстия, в которые загонялись деревянные клинья или крупные гвозди. Подобный, но более сложный с дополнительной деревянной пробкой способ забивания гвоздей в пол зафиксирован в кургане 10 могильника Башадар (Марсадолов, 1997, рис. 14). Судя по обломанному также чуть ниже шляпки гвоздю из Большого Берельского кургана (Сорокин, 1969, с. 220) и характерному сгибу на штыре из кургана 11 в могильнике Берел, гвозди держались в колоде очень крепко, и, пытаясь снять крышку, «грабители» не могли их сразу вытащить. По всей видимости, они сначала довольно глубоко вырубали крышку вокруг шляпки, после чего боковыми ударами старались отбить шляпку или верхнюю часть штыря. На гвоздях из Боротала мы видим следы аналогичных действий, поэтому, вполне вероятно, в этом элитном кургане диаметром 32 м с подхоронением семи лошадей находилась крупная колода, крышка которой традиционно закреплялась в торцах четырьмя гвоздями. Железных гвоздей такого типа в Горном Алтае не известно. Что же касается железного гвоздя с покрытой золотой фольгой шляпкой из Кок-Су-1 (Сорокин, 1974, с. 69; Суразаков, 1989, рис. 6. – 16), то это, без сомнения, железная заколка из прически погребенной там женщины.

К этой же группе гвоздей можно условно отнести два довольно массивных цельнолитых гвоздя из кургана 82 могильника Боротал-1 (рис. 36. – 17, 18). Длина гвоздей по 8,5 см, шляпки выпуклые диаметром до 3 см, штыри в сечении подквадратные (1x0,8 см) с продольными литейными швами и приостренным концом. Они найдены в северо-западном и юго-восточном углах сруба. Назначение их в данном погребении не совсем ясно.

Гвозди средних размеров. В элитном кургане 7 могильника Боротал-1 найдено 13 однотипных гвоздей (в том числе две шляпки без штырей и один штырь без шляпки). Два или три из них были сломаны по месту спайки шляпки со штырем (рис. 35. – 39–41). Шляпки и штыри отливались раздельно. Все шляпки диаметром 4–4,5 см, несколько выпуклые сверху и чуть вогнуты с оборотной стороны. У некоторых с лицевой стороны имеется выпуклость, совпадающая с местом расположения штыря (рис. 35. – 41). Общая длина гвоздей около 4,5 см, но у некоторых она больше (до 5,4 см) или меньше (3,5 см). Все штыри постепенно сужались к острию. Отливались они округлыми в сечении, но потом в нижней части расковывались на четыре грани.

Судя по полевой документации, некоторые гвозди как будто вбивались в пол в головах и ногах костяка. Такое расположение гвоздей не соответствует традиции, поскольку в Башадаре-2, Туэкте-1, 2, Пазырыке-1, 2 подобные гвозди служили для прибивания драпировок на колодах и стенках срубов (Руденко, 1960, табл. XXV, LIII; Руденко, 1953, с. 47). Однако в кургане 10 могильника Башадар два аналогичных по форме гвоздя длиной около 6 см также забивались в поперечную линию в головах ребенка (Марсадолов, 1997, рис. 11, 14).

Автор раскопок полагает, что гвозди вбиты в плахи просевшего перекрытия (Марсадолов, 1997, с. 7), но, судя по плану, это настил пола, на котором находятся череп умершего и керамика. На это же указывает и расположение плах, вплотную подходящих к стенкам сруба. При просадке перекрытия составляющие его бревна или плахи обычно залегают наклонно и ложатся на дно на некотором расстоянии от стенок могилы или сруба. В тех же случаях, когда перекрытие обрушивается резко в пустую погребальную камеру (при почти сгнившей центральной части), лучше сохранившиеся по краям концы бревен или плах принимают вертикальное положение. Но таких особенностей нет ни в плане, ни в разрезе кургана 10. Соответственно, можно предположить, что гвоздями из Боротала-1 (к. 7) и Башадара (к. 10) прибивалась подстилка из какого-то органического материала.

Гвозди малых размеров. Обнаружено 16 гвоздиков в южной половине сруба кургана 3 могильника Балык-Соок-1 (рис. 4. – 9–13). Большинство из них находилось у восточной стенки, несколько – у западной и в основании грабительского лаза. Один гвоздик сохранился с фрагментом дерева, в который он был вбит. Очевидно, этими гвоздиками прибивали драпи-

ровку на стенках сруба, но достоверно это не зафиксировано. Гвоздики, по-видимому, цельнолитые. Стержни округлые или прокованы на четыре грани. Общая длина гвоздиков колеблется от 2 до 3,3 см. Семь из них имели маленькие шляпки диаметром в 1 см (рис. 4. – 13), два – шляпки диаметром 1,6 см (рис. 4. – 12), три отличаются большей длиной (рис. 4. – 11) и пять – коротким уплощенным стержнем с относительно крупной шляпкой (рис. 4. – 9, 10).

3.2. Украшения и предметы культа

3.2.1. Зеркала. В описываемых курганах обнаружено 13 бронзовых зеркал (рис. 62). 2). Почти все они найдены в курганах со срубам. Это соответствует общей ситуации по Горному Алтаю, поскольку в курганах с каменными ящиками металлических зеркал обычно нет, но встречаются деревянные модели (Кубарев, 1992, с. 92, 88). Тем не менее одна бронзовая модель зеркала найдена в каменном ящике в Тете-4 (к. 6; рис. 48. – 2) и в кургане 23 из Ала-Гаила (рис. 32. – 1, 3). Наиболее ранними из публикуемых зеркал являются замечательное зеркало с необычно широкой биметаллической ручкой из Балык-Соока-1 (к. 27); зеркало диаметром 9,2 см с петелькой на оборотной стороне из Ала-Гаила с процарапанным изображением (к. 23; рис. 32. – 3); зеркало с небольшой ручкой из Боротала-1 (к. 102; рис. 41. – 5); а также небольшое (диаметр 4,7 см), но довольно массивное зеркало с петельчатой ручкой в виде туловища копытного животного (рис. 31. – 8). На оборотной стороне последнего также видны тонкие процарапанные линии. Несмотря на разнотипность, все они происходят из захоронений VI в. до н.э. К более ранним, вероятно, относятся и массивные зеркала из курганов 3 и 11 в Ала-Гаиле (рис. 32. – 4, 5), но датирующих материалов с ними не найдено.

Из сравнительно поздних погребений происходят экземпляры малого диаметра, в том числе уникальная в своем роде модель в виде бронзового кольца и выступом-ручкой из Боротала-2 (к. 7; рис. 42. – 12). Центральную часть модели занимает выступающая поверхность внутренней части деревянного футляра. Эта модель интересна нестандартностью, поскольку традиционно для уменьшения трудозатрат и количества используемого металла шли по пути уменьшения размеров зеркала или заменяли его деревянной моделью (Кубарев, 1992, с. 88–92; и др.). Вполне логично выглядит и вставка пластины из оловянистой бронзы в деревянную основу, как это зафиксировано в кургане 1 могильника Ак-Алаха-1 (Полосьмак, 2000, рис. 81–83; 2001, рис. 44). Создатели же модели из Боротала-2 пошли по самому сложному пути. За этим, вероятно, кроются еще не известные нам практика и семантика. Необычным выглядит и использование в Боротале-2 деревянных футляров, тогда как зеркала традиционно помещали в сумочки. К типичным наиболее упрощенным моделям относится зеркало из Тете-4 (к. 6; рис. 48. – 2). По-видимому, его изготовили из фрагмента какого-то предмета типа ручки ножа, расковав имевшуюся рядом с отверстием часть. Обычно такие модели и похожие небрежные отливки находят и, соответственно, датируют в довольно поздних погребениях, однако вывод этот не окончательный.

Зеркало из кургана 27 могильника Балык-Соок-1 (рис. 14. – 1). Представляет особый интерес как образец нового типа зеркал особой конструкции переходного времени (первая половина VI в. до н.э.). Аналогий не имеет, а потому прилагается подробное описание. Диск зеркала изготовлен из оловянистой бронзы, типичной для раннескифского времени (см. приложение 3), ручка – из такой же бронзы и железной пластины. Сохранность бронзы хорошая, немного осыпались лишь края в нижней части ручки. Корродированная железная пластина сохранилась между слоями бронзы и в виде окислов на лицевой стороне бронзовой ручки (рис. 14. – 1а). Общая длина зеркала 13,2 см, диаметр диска 9,2 см, толщина – около 1,5 мм. Длина ручки 6 см, ширина в верхней части 5,5 см, в нижней – 4,4 см.

Конструкция зеркала. По конфигурации зеркало из Балык-Соока-1 в общих чертах близко к зеркалам Центральной Азии с широкой, относительно короткой ручкой, многие из которых оформлены в виде фигур животных (Кубарев, 1991; 2002б; Кирюшин, Степанова, 2004). Отличительной чертой является наличие резкой границы между диском и ручкой – последняя как бы срезает нижний сегмент диска. Данная особенность вызвана прежде всего конструкцией ручки. В ходе дополнительного осмотра обнаружено, что верхняя часть бронзовой ручки разделена на две половины, а между ними находится край корродированной железной пластины толщиной около 1 мм (рис. 14. – 1а). Поскольку мастер-изготовитель зеркала не хотел существенно уменьшать толщину бронзовой части ручки, то ему пришлось ее расширить поперечным уступом с оборотной стороны. Специальные исследования технологии отливки зеркала не проводились, но по внешнему виду ясно, что диск зеркала отливался одновременно с тыльной плоскостью (стороной) ручки. По существовавшей в VI в. до н.э. технологии железная часть изделия могла вставляться в пазы или отверстия его бронзовой основы (например, у кинжала из Ала-Гаила-3; рис. 27. – 3) или сразу заливаться (обливаться) бронзой при изготовлении изделия. В Балык-Сооке-1 железная пластина ручки со всеми необходимыми отверстиями должна была сразу вставляться в форму, на что указывают характерные натеки бронзы, охватывавшие железную пластину в тех местах, где она оказывалась меньше бронзовой (рис. 14. – 1б). Помимо этого, на внутренней стороне бронзовой плоскости ручки сохранилось пять бронзовых «заклепок», под шляпками которых видны остатки железной пластины (рис. 14. – 1а, 1б). В местах сломов по двум нижним «заклепкам» видно, что они составляли единое целое с бронзовой основой. На это же указывает и то, что на внешней стороне бронзовой ручки (тыльная сторона зеркала) «заклепки» совершенно не видны. По всей видимости, «заклепки» образованы металлом, протекшим в отверстия железной пластины. После отливки бронзовые цилиндрики, выступавшие из отверстий железной пластины, были расклепаны и аккуратно обрезаются по кругу, так чтобы остались удерживающие пластину шляпки (рис. 14. – 1а).

Расположенный в верхней части ручки с лицевой стороны зеркала поперечный бронзовый валик с насечками, возможно, приваривался позднее. Он дополнительно фиксировал железную пластину и декорировал лицевую сторону зеркала. В пользу позднейшего устройства этого валика говорит его несостыковка с прослеживаемыми в нижней части диска насечками, а также то, что он несколько перекрывал большое и малое отверстия в верхней части ручки (рис. 14. – 1б). Назначение четырех сквозных (или намеченных) «глаз» (отверстий) и одного продолговатого на бронзовой стороне ручки (рис. 14. – 1) не совсем ясно. Очевидно, что они намечались сразу же на форме и мыслились мастером как значимая часть конструкции и орнамента. Однако два из них после изготовления изделия не были пробиты и остались глубокими округлыми лунками. Очевидно, не пробивались и два других «глаза», доходивших только до железной пластины. Продолговатое малое отверстие в правой нижней стороне ручки, аналогичное по форме сдвоенным округлым отверстиям на роговых и костяных изделиях, вероятно, было сквозным, т.е. аналогичное отверстие было и в железной пластине. На это указывает характерный натек бронзы на внутренней поверхности, охватывающий уже разрушенную железную пластину. Достоверно сквозным отверстием в ручке было большое нижнее, что хорошо видно по выступающим натекаем бронзы (рис. 14. – 1б). Судя по остаткам железной пластины, несколько выступающим за границы отлитого в бронзе верхнего большого отверстия, оно не было сквозным, и в этом месте железная пластина могла иметь отверстие меньших размеров или его вовсе не было. Еще одно продолговатое аморфное отверстие длиной 4 мм имеется в нижней части лицевой стороны диска. Оно соединяется с пазом, где находился край железной пластины. По всей видимости, это результат невидимого изначально литейного брака.

В итоге, конструкция ручки зеркала и процесс его изготовления следующие. Судя по намеченным отверстиям-«глазам» диаметром около 3 мм, у такого типа зеркал в нижней части

ручки предусматривалось соединение бронзовой основы с железной пластиной путем не менее четырех заклепок. Однако в ходе изготовления ручки этот способ был заменен другим. Вероятно, это было связано со стремлением, не меняя литейной формы бронзовой части ручки, *прикрепить железную пластину с уже имевшимися, но не совпадающими отверстиями*. Можно предположить, что сияющие шляпки бронзовых «заклепок» на внешней стороне железной пластины были вписаны в иной орнамент, нежели на бронзовой основе. В верхней части диска уже после его изготовления было просверлено три круглых отверстия – два диаметром около 3,5 мм и одно – 4 мм (рис. 14. – 1). Просверливались они по уже отлитым в бронзе кружкам (всего их было четыре), при этом отверстие в основании «уха» по какой-то причине было несколько смещено в сторону.

Назначение отверстий не вполне понятно. С точки зрения В.Д. Кубарева, они служили для не сохранившихся вставок из золота и драгоценных камней (Кубарев, 2002, с. 136), что как будто подтверждается находением в одном из них (расположенном посередине) золотой пробочки, которая предположительно являлась «глазом» стилизованного существа.

Изображения на зеркале. Композиция, без преувеличения, может быть названа шедевром стилизации по канонам раннескифского искусства. Условные стилизованные изображения и орнамент покрывают полностью всю тыльную сторону зеркала. На лицевой стороне имеются насечки в нижней части диска и на бронзовом валике. Вероятно, были они и на железной пластине. В данном случае под орнаментом понимаются ритмично чередующиеся насечки в верхней части ручки с лицевой и оборотной сторон (рис. 14. – 1, 16). Остальные изображения могут быть определены как предельно стилизованные образы существ и условные знаки. Выполнялись они в особом стиле, преимущественно из дуговидных моделированных в рельефе элементов. При этом мастер сознательно избегал изображать сколько-нибудь крупные фигуры непрерывной линией, а разбивал их на элементы, усложняя дополнительными врезками.

Изображение на диске предположительно трактовалось как образ птицы с крыльями-спиралями, инкрустированным золотой вставкой глазом и ухом, у которого находится одно из отверстий (Кубарев, 2002, с. 136). Уточненная прорисовка изображений и дальнейшие попытки расшифровать эту загадочную картину не опровергают этого предположения, но и не подтверждают его. Проблема в том, что за исключением, быть может, «уха» в верхней части диска, на зеркале нет ни одного достоверно узнаваемого образа. Тем не менее на основе имеющихся аналогий в многочисленных изображениях VII–III вв. до н.э., можно трактовать четыре кружка в верхней части (в трех из них позднее были проделаны отверстия) как «глаза». Расположенный по центру диска горизонтальный ряд из уменьшающихся слева направо скобок похож на изображения ребер на туловище существа. Доминирующая в левой части диска S-видная спираль имеет много аналогий в виде стилизованных головок хищной птицы. Но такого же рода спирали могли располагаться и на лопатках существ. Перечень возможных аналогий можно продолжать до бесконечности. Очевидно, перед нами *намеренно предельно стилизованная композиция типа «загадочных картинок»*. Расшифровка ее – тема отдельного исследования. Можно лишь предварительно вычленив в этой композиции занимающее почти весь диск зеркала изображение направленного туловищем влево существа с повернутой назад головой. Круп его выделен в правой части малой спиралью, а передняя нога с лопаткой – большой спиралью в левой части диска. Между ними схематично намечено тело с ребрами. Голова существа обращена вправо. Его «ухо» повернуто влево, отверстие с золотым цилиндриком изображает «глаз».

3.2.2. Серьги. В горах и на равнине Алтая в VI–III вв. до н.э. серьги встречаются в женских и в мужских погребениях, но в последних их находят гораздо реже и по одной. Не исключено, что типы сережек у женщин и мужчин несколько различаются, но их сопоставление пока не проводилось. Серьги обнаружены в семи погребениях, из которых почти все сохранились достаточно хорошо (рис. 62). Несмотря на незначительность выборки, представлены почти

все основные известные на Алтае типы. Наиболее сложными являются самые ранние серьги с подвесками из Балык-Соока-1 в погребении первой половины VI в. до н.э. В рамках второй половины VI в. до н.э. датируется и курган Кор-Кечу с серебряной (?) серьгой с маленьким припаянным перпендикулярным колечком (рис. 18. – 7). Более поздним временем датируются типичные для Алтая восьмерковидные серьги из Калбак-Таша и Боротала-3 (рис. 20. – 4; 44. – 12). Последняя снабжена бронзовой подвеской, но это не имеет принципиального значения, поскольку подвески (как правило, из органических материалов) должны были иметь все восьмерковидные серьги, так как закрученное снизу маленькое колечко предназначалось именно для этого. В Калбак-Таше найдена довольно редкая кольцевидная серьга (рис. 20. – 3). Несомненный интерес представляют две серьги из могильников Боротал-1 (к. 100) и Боротал-3 (к. 8) (рис. 40. – 21; 44. – 13). Последняя на первый взгляд почти не отличается от парной восьмерковидной серьги с подвеской из этого же кургана. Однако в Горном Алтае такие «перевернутые» экземпляры как будто не известны. Немногочисленные аналогии имеются в каменной культуре. Для каменной культуры характерна и найденная в Боротале-1 (к. 100) восьмерковидная серьга с длинной подвеской-стерженьком, на который нанизывались бусины (Могильников, 1997, с. 75–76; Шульга, 2003д, с. 59–61). Находки таких экземпляров в Горном Алтае единичны. Особый интерес представляют серьга и отдельная подвеска из Балык-Соока-1 (к. 27).

Золотая серьга из Балык-Соока-1 (рис. 14. – 3). Общая длина серьги с подвеской равна 5,2 см, диаметр основного кольца около 1,2 см. В верхней части подвески находится покрытый золотой зернью (по три зерна с четырех сторон сферы) полый шарик из двух спаянных полушаров с двумя припаянными снизу и сверху петельками. Посредством верхней петельки через связующее колечко шарик соединяется с основным кольцом. К нижней петельке шарика при помощи крупного грубого кольца из толстой проволоки крепилась листовидная (стреловидная) подвеска с тонкой петелькой в верхней части и соединенным с ней еще одним колечком из такой же тонкой проволоки. К сожалению, серьга имеет явные утраты. От мастерски изготовленного оригинала сохранились лишь украшенный зернью шарик с петельками и семечковидная подвеска с петелькой и одним звеном цепочки. Эти детали позднее были соединены между собой двумя грубыми колечками из толстой золотой проволоки и одним большим кольцом из такой же толстой неровной золотой проволоки. Основное кольцо серьги изготовлено более аккуратно, но также является более поздней заменой утраченного. Входили ли подвеска и шарик в состав одной разорванной на части серьги или сложного украшения типа замечательного изделия из Филипповки (Золотые олени... 2001, кат. 139), мы не знаем. Ключом к верному пониманию устройства и семантики серьги из Балык-Соока-1 является цельная без утрат золотая серьга со сложной подвеской, найденная в каменском (?) элитном кургане 1 диаметром 29 м, высотой 2 м Елунинского курганного могильника-2 (Кирюшин, Фролов, 1998, рис. 11. – 1).

Елунинская серьга имеет такое же большое кольцо с заходящими друг за друга концами, к которому припаяно малое перпендикулярное колечко с боковой подвеской в виде головки орла. Посредством соединительного звена малое колечко связано с диском, нижняя петелька которого в свою очередь соединена звеном с петелькой трехлопастной семечковидной подвески. Как видим, в Балык-Сооке-1 найдена собранная (или восстановленная из частей от разных украшений) аналогичная конструкция: 1) большое кольцо с перпендикулярным припаянным колечком (в Балык-Сооке-1 его заменили надетым колечком); 2) шар (или диск); 3) листовидная подвеска. Очевидно, перед нами два варианта одного эталонного изделия, содержавшего три основных элемента. В связи с этим можно отметить два момента. Во-первых, звено, связующее большое кольцо и петельку шарика, есть простая замена малого перпендикулярно припаянного колечка, что имеет большое значение для датировки серьги. Такой способ соединения был широко распространен по меньшей мере от Саяно-Алтая до Урала в середине VI–V вв.

до н.э. Во-вторых, сопоставление сережек показывает, что диск и шарик в этой композиции являлись взаимозаменяемыми фигурами и, по-видимому, отождествлялись семантически.

В Горном Алтае описанная конструкция из большого кольца, диска и подвески продолжает существовать в упрощенном виде и в V–IV вв. до н.э. (Юстыд-12, к. 4). Вместо припаянного или надеваемого малого перпендикулярного колечка там имеется характерный завиток для подвешивания лепестковидной подвески без напаянных лопастей, цепочка заменяется одним соединительным звеном (Кубарев, 1991, табл. XXI). Как отмечалось ранее (Кирюшин, Фролов, 1998, с. 124), наиболее близкой хронологически аналогией на Алтае рассмотренным серьгам является экземпляр из Гоньбинского кордона-1 (Кунгуров, 1999, рис. 3. – 35). Таким же образом оформлялись и деревянные сбруйные подвески из Туэкта-1 (Руденко, 1960, табл. LXXVI. – 1–4). Из существовавших в VI–V вв. до н.э. сережек, наиболее близкими являются экземпляры из савроматских погребений Южного Урала (Смирнов, 1964; Кадырбаев, 1984, рис. 4, с цепочками и шариками). Наибольший интерес представляет сложное солярное изделие, украшенное многочисленными цепочками, шариками и лопастными листовидными подвесками с зернью из Филипповки (Золотые олени... 2001, кат. 139). Целая серия ранних, по-видимому, не документированных (см. Степная полоса, 1992, с. 82) сережек с малым перпендикулярным колечком и различными подвесками, включающими цепочки и шарики, происходят из захоронений, называемых: «курган на р. Чилик IV–I вв. до н.э.» и «IV–III вв. до н.э.» (Акишев, 1978, табл. 44, 46, с. 78), «курганы раннего этапа усуньского периода III–I вв. до н.э.» или «могильники долины р. Или» (Степная полоса, 1992, с. 82, 343). Датировка их явно ошибочна, поскольку позже V в. до н.э. такие серьги нигде не встречаются. Авторам известен лишь один случай, когда две явно ранние золотые серьги с припаянными малыми колечками и подвесками сложного плетения обнаружены в позднем комплексе, датируемым гунно-сарматским временем (II–I вв. до н.э.) (Яломан-2) (Тишкин, Горбунов, 2003, рис. 1. – 14, 15). Причины помещения в захоронение этих явно архаичных и некоторых других изделий скифского облика не ясны.

Для уточнения времени существования подобных сережек особое значение имеет золотая серьга из кургана 126 могильника Туран-4 в Туве (Полторацкая, 1966, рис. 6. – 6; Маннай-Оол, 1970, рис. 22. – 12). На ней подвеска из цепочки сложного плетения и конуса с зернью прикрепляются к характерной раннескифской серьге с припаянным или надетым конусом. Данный пример еще раз показывает на особенности эволюции украшения и его датировку.

Подвеска в виде кошачьего хищника из Балык-Соока-1 (рис. 14. – 2). В погребении найдена за черепом недалеко от серьги. (рис. 12. – 2). Она представляет собой несколько деформированную миниатюрную (2,4x1,5 см) полую фигурку хищника семейства кошачьих, изготовленную из золотого листа. У хищника загнутый на конце хвост и непропорционально большая голова. В его раскрытой пасти намечены зубы, а на лапах – по три когтя. Сверху и снизу подвеска имеет две петельки из довольно толстой золотой проволоки. Один конец верхней петельки не сомкнут, а второй, длинный, пропущен довольно глубоко внутрь фигурки и, видимо, припаян. Нижняя петелька припаяна обоими концами. Судя по местонахождению и наличию двух петелек, данная подвеска была включена в состав второй сложной серьги. Между тем верхняя петелька (возможно, и нижняя) результат довольно грубой, очевидно, позже выполненной работы. На это указывает крепление верхней петельки не пайкой, а пропусканием проволоки внутрь сквозь грубо пробитое отверстие. В декоре серег фигурки животных очень редки, но едва ли эта подвеска переиспользована, поскольку никаких других приспособлений для ее крепления к одежде или головному убору на ней не отмечено. Подобные фигурки «львят» повсеместно встречаются в памятниках VII–VI вв. до н.э. от Саяно-Алтая до Урала. При этом на Алтае в комплексах, достоверно относящихся к раннепазырыкскому времени, их уже нет.

Глава 4

ПРЕДМЕТЫ ВООРУЖЕНИЯ

4.1. Общая характеристика

Вооружение пазырыкской культуры рассматривалось неоднократно в многочисленных статьях, а также в работах обобщающего характера (Кубарев, 1979; 1981; 1987; 1991; 1992; Суразаков, 1989; Худяков, 1980; Кочеев, 1999; Кирюшин, Степанова, 2004; Шульга, 2007 и др.). Подавляющее количество обнаруженных в Горном Алтае предметов вооружения к настоящему времени уже введено в научный оборот, что дает возможность достаточно объективно оценивать имеющиеся материалы. Согласно общепринятому мнению, основанному на данных из погребальных комплексов, вооружение пазырыкского воина не отличалось разнообразием. В ближнем бою использовались изготовленные из бронзы и железа кинжалы и чеканы, а для поражения противника на расстоянии – деревянные лук и стрелы с роговыми, реже бронзовыми наконечниками. Мечи, копья, секиры и булавы не найдены. От стрел и ударов противника воин прикрывался щитом, изготовленным из деревянных палочек и кожи, или полностью деревянным. Защитные шлемы, панцирные доспехи, усиленная кожаными накладками специальная одежда и пояса с броневыми пластинами в погребениях отсутствуют. Однако не нужно забывать, что *эти данные прежде всего характеризуют погребальный обряд пазырыкской культуры, и в значительно меньшей степени – имевшийся в реальной жизни набор вооружения*. В отличие от расположенных к западу территорий, в погребальных комплексах Горного Алтая VI–III вв. до н.э. (как в тагарской культуре и в Туве) подавляющее количество представленного оружия относится к условным моделям. Многие бронзовые модели кинжалов и чеканов имели аморфную форму и после довольно небрежной отливки не обрабатывались, встречаются экземпляры из дерева и рога. Условность хорошо заметна в явно ограниченном количестве наконечников в колчаных наборах. Обычно они включали от одного до шести наконечников и довольно редко – до 8–10. Эта традиция на равнине и в горах Алтая восходит к раннескифскому времени, но тогда в наборах часто преобладали бронзовые наконечники. В пазырыкской же культуре наконечники, как правило, роговые, использование которых в военном деле еще не доказано.

Следует обратить внимание на имевшее место увеличение степени условности обряда пазырыкской культуры во времени и ее зависимости от статуса умершего. В раннепазырыкских погребениях чаще встречается полноразмерное боевое оружие, а сбруйная и поясная фурнитура включает значительное количество использованных в реальной жизни бронзовых и железных изделий. *Чем позже датируется захоронение и чем ниже статус погребенного в нем человека, тем однообразней становится набор вооружения*, сами же изделия становятся все более мелкими и аморфными и в ряде случаев выполняются не из бронзы, а из дерева. В большей части погребений на позднем этапе снаряжение коней включало только железные (редко бронзовые) удила, деревянные псалии и бляхи, иногда украшенные золотой фольгой. На воинском поясе также помещались почти исключительно деревянные бляхи. Из дерева изготавливались поясные пряжки, ворворки, прорезные обоймы. Несомненно, что этот доступный материал в жизни пазырыкцев использовался широко уже на раннем этапе, но в погребальном обряде он все больше применялся для замены металлических и роговых изделий.

В реальной жизни оружейный комплекс пазырыкской культуры был, по всей видимости, значительно богаче и разнообразней. На это указывают как находки из Горного Алтая, так и соседних территорий. Например, в настоящее время появились основания предположить широкое распространение у пазырыкцев боевых поясов с нашитыми металлическими защитными пластинами. Вероятно, были и панцирные доспехи. Так, на поселении Куротинский Лог-1

была найдена роговая панцирная пластинка (Шульга, 1997а, рис. 5. – 2), а на поясе умершего из Покровского Лога-5 – бронзовая пластинка с четырьмя отверстиями по углам, трактуемая также как панцирная (Горбунов, 1999). В могильнике Чендек-6а на поясе умершего находилась довольно крупная нашивная железная пластина (Киреев, Шульга, 2006), аналогичная известным в каменной культуре, что служит подтверждением предположения о существовании в Горном Алтае таких поясов уже в раннепазырыкское время. Деревянные прямоугольные поясные бляхи с отверстиями для пришивания из Юго-Восточного Алтая, возможно, являются моделями железных защитных, появляющихся на равнине Алтая с VI в. до н.э. (Шульга, 2003д, с. 83; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 21–22).

На существование в Горном Алтае известных в каменной культуре образцов указывает наличие деревянных рукоятей чеканов с вырезанными валиковыми втоками (Уландрык-1, к. 1; Юстыд-12, к. 8; Барбургазы-1, к. 25) (Кубарев, 1987, табл. IV. – 15; Кубарев, 1991, табл. XXVII. – 28; Кубарев, 1992, табл. XXX. – 18; Молодин, 2000, с. 108; и др.). Это логичное предположение окончательно подтвердилось находкой в Боротале (к. 99) идентичного каменским железного втока с валиком в основании (рис. 38. – 6) (Уманский, Шульга, 2005, рис. 1. – 3а, 2), а также обнаружением в Чендеке-6а на выступающем из втулки конце рукояти вырезанного из дерева колпачка, имитирующего железные колпачки у чеканов каменной культуры (Киреев, Шульга, 2006; Уманский, Шульга, 2005б, рис. 1, 2. – 1). Эти частные примеры еще раз показывают на распространение в Горном Алтае, наряду с местными формами, и оружия западных образцов. Согласно традициям погребального обряда это оружие редко служило образцом для копирования и еще реже помещалось в захоронения.

О разграничении боевого и ритуального оружия. По имеющимся данным, на примыкающей с запада к Горному Алтаю равнине, тесно связанной с сакским миром, боевые кинжалы и чеканы изготавливались преимущественно из железа уже на финальном этапе раннескифского времени. В самых ранних каменных и быстрианских комплексах представлены только железные экземпляры. Исключение составляют лишь кинжалы из Староалейки-2 (VI в., возможно, начала V в. до н.э.), где наряду с двумя железными найдено два бронзовых (рис. 64. – 15–18) (Кирюшин, Кунгуров, 1996). Однако один из них при полноразмерной рукояти имеет лезвие (обломанное и позднее заостренное?) длиной всего около 7 см, а второй, несомненно, вотивный – длиной 21 см (рис. 64. – 16). Таким образом, наличие у «староалейцев» боевых кинжалов из бронзы остается под вопросом, тем более, что в захоронении с раннескифским инвентарем из Малого Гоньбинского Кордона-1 кинжал был уже железным с бронзовым навершием (Кунгуров, 1999). Несмотря на обилие бронзовых кинжалов в пазырыкской культуре, ситуация здесь, по всей видимости, была аналогичной. Уже на раннепазырыкском этапе практически все настоящие кинжалы и почти все чеканы изготавливались из железа (рис. 64. – 1–3; 67. – 1, 2) (Кубарев, 1981; 1987; 1991; 1992; Суразаков, 1989, с. 40, 52; и др.). Длина настоящих горноалтайских кинжалов определялась в 27–40 см (Суразаков, 1989, с. 40) или 30–40 см (Кубарев, 1992, с. 57). Некоторые исследователи считают боевыми не только железные, но и бронзовые кинжалы длиной 24–25,5 см (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 56).

Несмотря на приведенный выше разброс в размерах боевых кинжалов и чеканов, подавляющее их количество соответствовало конкретным стандартам. Для их определения особый интерес представляет наиболее крупная на равнине Алтая серия из 12 боевых железных кинжалов, найденных в Новотроицком некрополе (Уманский, Шульга, 2005б). Все новотроицкие кинжалы имели подромбические или овальные в сечении клинки без выступающего продольного ребра. Перекрестия образовывались двумя тонкими наложенными на клинок и сваренными пластинами. Длина сохранившихся полностью кинжалов составляет 27–29 см, ширина клинка у перекрестия – около 3,5–4 см. Кинжалы из других могильников примерно таких же или несколько больших размеров. Таким образом, длина кинжала в 27 см являлась

на Алтае в скифское время повсеместно распространенным минимальным стандартом. Длина боевых полноразмерных чеканов в определенной степени зависела от материала изготовления. Длина железных составляла 20–24 см (Суразаков, 1989, с. 52; Кубарев, 1992, с. 65; Кочеев, 1999), бронзовых – около 18 см (Кырлык-1, Кайнду, Бике-3). Последние отличаются от близких по размерам моделей большей массивностью, достаточной для нанесения мощного удара (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 58). Все они происходят из ранних захоронений. Остальные бронзовые чеканы пазырыкской культуры относятся к облегченным уменьшенным и миниатюрным моделям (рис. 67. – 3–12). Некоторые исследователи полагали, что в Южной Сибири бронзовые чеканы уменьшенных размеров могли применяться в качестве оружия (Членова, 1961, с. 136; Мартынов, 1979, с. 50–51; Грач, 1980, с. 33), однако анализ особенностей их изготовления, отверстий в черепах лошадей и людей, а также сравнение с клевцами на территории Китая, которые также разделялись на крупные боевые и малые ритуальные (Варенов, 1981), не подтвердил этих предположений (Кубарев, 1987, с. 67; Кубарев, 1992, с. 66). Длина большинства железных боевых чеканов каменной культуры была стандартна – 21–22 см (Троицкая, Бородовский, 1994, с. 35; Могильников, 1997, рис. 42; Уманский, Шульга, 2005б). Лишь два были длиной около 18 см или чуть меньше (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, рис. 28. – 4; Уманский, Шульга, 2005б), но за счет массивного обушка и длинной втулки они имели значительный вес.

Вопрос о боевом или ритуальном предназначении касается и наконечников стрел. Различия здесь не столь очевидны и разграничение возможно не по размерам, а по материалу изготовления. К вотивным, несомненно, относятся наконечники, вырезанные из дерева (за исключением томаров), в том числе на концах деревянных древков стрел (Кубарев, 1987, с. 70; и др.). Что же касается роговых наконечников (в пазырыкской культуре традиционно называемые костяными, наконечники почти всегда изготавливались из рога), то их назначение остается под вопросом. В некоторых случаях они явно копируют бронзовые образцы, но вместе с тем имеют свою линию развития. Несмотря на имеющуюся большую или меньшую пористость одного из ребер роговых наконечников, все они достаточно прочные, тщательно обработаны и заострены, что делало их опасным оружием как на охоте, так и в бою с незащищенным доспехом противником (рис. 68). По весу они вполне сопоставимы с малыми по размерам боевыми трехлопастными втульчатыми и черешковыми бронзовыми наконечниками стрел, с которыми часто входили в одни наборы начиная с раннескифского времени. Сомнения в их боевом использовании вызывает не столько отсутствие вонзившихся в кость человека наконечников (бронзовые наконечники в костях умерших скифского времени тоже встречаются нечасто), сколько *символический характер их помещения в захоронения*. Например, в элитном пазырыкском кургане Башадар-1 наконечники только роговые (Руденко, 1960), а в каменском захоронении «золотого» человека из Локтя-4а была помещена лишь одна стрела с роговым наконечником (Шульга, 2003д, с. 54). В последнем случае роговой наконечник являлся не столько заменителем полного колчана стрел, сколько частью золоченой символической стрелы, как и в кургане Иссык (Акишев, 1978). Очевидно, в зависимости от культурного окружения, отношение к роговым наконечникам могло существенно различаться. В крупных колчаных наборах западной части скифского мира роговых (костяных) наконечников мало или нет вовсе, и это как будто указывает, что в некоторых регионах эти наконечники осмысливались по-иному и не входили в классическое вооружение воина. Не исключено их осмысление и как оружия охотника, поскольку применение на охоте роговых и костяных наконечников сомнений не вызывает. В Южной Сибири это частая находка на поселениях эпохи бронзы. Небольшое их количество найдено и на поселениях скифского времени в Горном Алтае. Об использовании на охоте указанных наконечников говорит обнаружение в колчанах деревянных томаров, а также близких им роговых втульчатых пулевидных наконечников с заovalенной боевой частью (рис. 37. – 15).

4.2. Кинжалы

В публикуемых комплексах обнаружено не менее 16 кинжалов (рис. 63). Полностью или с небольшими утратами сохранилось десять экземпляров. Остальные представлены рукоятью, обломками двух клинков и фрагментом с перекрестием. Еще один «кинжал» является раскованным бронзовым ножом (рис. 63. – 7) и к этой категории относится как символическая замена оружия. По размерам и материалу изготовления из 15 кинжалов к настоящим боевым относятся все четыре железных (рис. 64. – 8–10, 15) и биметаллический кинжал с бронзовой рукоятью и железным черешковым клинком (рис. 63. – 1). Из бронзовых кинжалов в эту группу можно было бы предположительно отнести лишь черешковый клинок из Белого Борма-2 длиной около 22 см, подобный железному черешковому клинку биметаллического кинжала (рис. 63. – 14). Однако, если он и использовался ранее как боевой, то в погребении представлял лишь имитацию с ненадежным деревянным навершием и условным деревянным перекрестием, едва удерживаемым деревянными же клинышками (рис. 21. – 2). Все остальные бронзовые кинжалы, включая самые крупные из Кор-Кечу и Тербедака длиной 19 и 21 см (рис. 63. – 2, 11), являются моделями.

Большинство исследователей полагают, что уменьшенные модели отражали характерные черты настоящих боевых кинжалов, и в своих классификациях рассматривают их совместно с настоящими полноразмерными, иногда исключая лишь модели (обычно миниатюрные) с аморфными перекрестиями и навершиями (Кубарев, 1992, с. 58; Суразаков, 1989, с. 40; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 54; и др.). При этом не без оснований подразумевается, что форма перекрестия и навершия моделей, как у полноразмерных, указывают и на их датировку. Однако это не всегда так, поскольку при изготовлении моделей зачастую тиражировалась определенная условная форма. Как правило, это кинжал с навершием в виде уплощенного бруска и бабочковидным перекрестием (рис. 63. – 4, 5, 11–13). При этом рукоять могла быть сплошной, рубчатой, с прорезью или ее имитацией. Такие модели кинжалов бытовали в пазырыкской культуре с VI по III в. до н.э. Отражали ли они реально происходившие хронологических изменения? Казалось бы, проверить это несложно – достаточно лишь сопоставить формы боевых и votивных кинжалов из захоронений раннего и позднего этапов пазырыкской культуры. Проблема в том, что такое сопоставление затруднительно даже для раннепазырыкского времени, когда обычай помещения с умершим настоящего оружия в Горном Алтае был распространен достаточно широко. Действительно, на раннем этапе бабочковидные перекрестия явно преобладают (рис. 64), сочетаясь в ряде случаев с уплощенными брусковидными навершиями. В последующее время боевое железное оружие в пазырыкские захоронения помещали значительно реже, поэтому учитывая плохую сохранность имеющихся находок, корректное сопоставление сделать затруднительно. Помимо этого, в отличие от моделей, боевые кинжалы были чрезвычайно разнообразны, как это хорошо видно на примере образцов VI – середины V в. до н.э. из Горного Алтая и прилегающих территорий (рис. 64).

В целом нужно отметить, что *в рамках VI–IV вв. до н.э. формы перекрестий и наверший кинжалов и мечей указывают лишь приблизительно на тот или иной временной отрезок.* Многие из них сосуществовали, что хорошо иллюстрируется сводкой кинжалов из наиболее ранних захоронений второй половины VI – начала V в. до н.э. с Алтая (рис. 64). Здесь представлены самые разнообразные навершия, и почти все они, за исключением «грифовых», сохраняются до конца скифского времени. Долгое время бытовали бабочковидные и дуговидные перекрестия, прорезные рукояти и другие черты в оформлении рукоятей и клинков. При этом часто образовывались своеобразные сочетания, не укладывающиеся в традиционные схемы. Наиболее яркими примерами этому являются *два комплекта боевых железных мечей и кинжалов из элитных курганов Иссык и Филипповка-1.* Кинжалы имели «грифовые» навершия и такое же (Филипповка-1) или почковидное (возможно, бабочковидное) перекрестие (Аки-

шев, 1978, рис. 24; Золотые олени... 2001, кат. 7). У мечей были слабовыраженные серповидные навершия и узкие похожие перекрестия: в Иссыке – в виде сломанного под углом бруска с расширяющимися концами, а в Филипповке-1 – слабовыраженное бабочковидное (Акишев, 1978, рис. 24; Золотые олени... 2001, кат. 6). Как уже отмечалось одним из авторов (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 42–45, 75–76), сбруйный набор с распределителями из Филипповки-1 является вариантом одного из типов сбруйных наборов второй половины VI – первой половины V в. до н.э., воспроизведенном в Филипповке-1 и на Алтае (Рогозиха-1). В Иссыке конского снаряжения не было, но там имеется поясная фурнитура с распределителями, украшенными фигурками свернувшихся хищников, и поясные бляхи ранних типов. Ранние даты всех трех указанных комплексов подтверждаются анализом украшений и звериного стиля. Однако многие исследователи датируют Филипповку-1 концом V – началом IV в. до н.э., курган Иссык – IV–III вв. до н.э. При этом одним из основных аргументов является форма перекрестия и навершия мечей, распространяющихся, по К.Ф. Смирнову, с IV в. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 24–27). Восточные же материалы, как и предполагал К.А. Акишев (1978, с. 33–35), указывают на их существование уже в первой половине V в. до н.э. В некоторой степени с этим согласуется и исследование А.Д. Таирова, датирующего мечи и кинжалы рассматриваемых форм в Южном Зауралье с середины V в. до н.э. и даже более ранним временем (Таиров, 2004, рис. 7. – 70). В этой же работе время бытования распределителей в конском снаряжении в Южном Зауралье ограничивается серединой V в. до н.э.

Почти все приводимые в предлагаемой книге кинжалы были уже опубликованы и включены в классификации (Кубарев, 1981; Владимиров, Шульга, 1984; Могильников, Суразаков, 1980; Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985; Суразаков, 1989; Членова, Кубарев, 1990; Шульга, 1998). Некоторые из них были не совсем точно зарисованы, а потому отличаются от помещенных в данной работе. В настоящем разделе предлагаются недостающие описания кинжалов и общие замечания по их датировке.

Особый интерес представляет *биметаллический кинжал из кургана 5 могильника Ала-Гаил-3* (рис. 27. – 3). Железный клинок кинжала, по всей видимости, был разрушен грабителями. Сохранилась лишь бронзовая рукоять длиной 10,5 см с остатками железного черешка в прорези рукояти и клинка в перекрестии. Навершие кинжала в виде уплощенного несколько заovalенного в верхней части бруска, перекрестие узкое бабочковидное. Судя по размерам рукояти и существовавшему стандарту, общая длина кинжала была около 28–30 см, ширина ромбического клинка в перекрестии – 3 см, толщина в самом широком месте – 3–3,5 мм. Черенок длиной около 8 см был вставлен в сквозное отверстие перекрестия и задвинут в прорезь рукояти. При этом ширина его была на 3–4 мм больше прорези, поскольку края черешка входили в небольшие продольные пазы на внутренних сторонах прорези. После этого перекрестие, по-видимому, несколько проковывалось с тем, чтобы предотвратить выпадывание клинка из рукояти. Подобных биметаллических кинжалов на Алтае не известно, хотя в горах и на равнине имеется несколько так называемых биметаллических кинжалов (Бураты-4, к. 11; Кош-Тал, к. 9; Кызыл-Джар-1, к. 8; а также МГК-1). По-существу же, все они являются железными, а бронзовые перекрестия или навершия (МГК-1) не считаются принципиально значимыми с конструктивной точки зрения. Еще один биметаллический кинжал длиной 28 см с железным клинком, с бронзовой рукоятью, украшенной «грифовым» навершием и бабочковидным перекрестием, происходит из к. 2 могильника Тавдушка (раскопки П.И. Шульги, 2007 г.).

Судя по материалам из вышеуказанных горноалтайских курганов, в которых отсутствуют вещи однозначно ранних типов, изготовление бронзовых перекрестий на железные кинжалы практиковалось в пазырыкской культуре сравнительно долго и не является хронологическим показателем для VI–IV вв. до н.э. Кинжал же из Ала-Гаила-3 изготовлен по древней технологии, когда железный клинок вставлялся в бронзовую рукоять. Большинство исследователей датировали такие биметаллические кинжалы и мечи на западе VII, VII–VI, серединой–второй

половиной VI в. до н.э. (Смирнов, 1961, с. 11; Литвинский, 1972, с. 114; см.: Мелюкова, 1964, с. 47; и др.), логично рассматривая их как переходные от бронзовых к железным. В Скифии черенок вставлялся в навершие, в Минусинской котловине в навершие или, судя по рисунку, как в Ала-Гаила-3 (Мелюкова, 1964, с. 47; Членова, 1967, табл. 11. – 2, 3). А.С. Суразаков датировал кинжал из Ала-Гаила-3 концом VI – началом V в. до н.э., синхронизируя его с материалами явно разновременных Быстрянского (к. 8) и Первого Туэктинского курганов (Суразаков, 1989, с. 47). Противоречива и позиция Н.Л. Членовой, первоначально показавшей древние корни биметаллических кинжалов, а затем, следуя своему убеждению о постепенном движении различных новшеств из Передней Азии на периферию, отнесла их появление в Минусинской котловине к V–IV вв. до н.э. (Членова, 1967, с. 23). Даже учитывая ее датировку Башадара-2 и Туэкты-1 V в. до н.э. (с чем следует согласиться), время бытования таких кинжалов выглядит явно завышенным. Датировка Н.Л. Членовой была принята А.Д. Грачом, поместившим биметаллические кинжалы в конец скифского времени (Грач, 1980, с. 33). В тех же рамках (V–IV вв. до н.э.) им датированы материалы кургана 13 из Саглы-Бажи-2 (Тува), где был найден биметаллический кинжал с железным клинком и бронзовой прорезной рукоятью. Вероятно, он был подобен кинжалу из Ала-Гаила-3. К сожалению, характеристики кинжала из Саглы-Бажи-2 не приведены, а помещенный на фото (Грач, 1980, рис. 30. – 1) кинжал в ножнах с ним не идентифицируется. Не опубликована и часть инвентаря (в частности, наконечники стрел) из кургана 13. Если же рассматривать материалы курганов Саглы-Бажи-2 суммарно, то по форме бронзовых кинжалов и ножей, наконечников стрел, прорезных трапецевидных поясных обоев и колчаных крючков, ворворок и костыльков, зеркал, а также пряжек из конского захоронения (Грач, 1980), они в целом соответствуют раннепазырыкскому этапу. При этом если кинжалы и поясные обоевы указывают на ранний период этапа, то на опубликованных наконечниках стрел ранние черты почти не прослеживаются, и они могут датироваться в широких рамках.

В связи с имеющейся неопределенностью по времени использования в Южной Сибири биметаллических кинжалов особый интерес представляет впервые найденный сопутствующий материал с кинжалом из Ала-Гаила-3 (рис. 27). По погребальному обряду захоронение в кургане 5 не имеет ярко выраженных ранних черт и соответствует основной массе пазырыкских погребений второй половины VI–III вв. до н.э. Фрагмент рукояти железного ножа с отверстием для подвешивания пока узкой даты не имеет. Время сооружения кургана 5 устанавливается по удилам и псалям. Удила разнотипные. Одно из звеньев удила с внешним окончанием в виде расположенного перпендикулярно грызлу овала относится к самым ранним экземплярам VI в. до н.э., используемым с двудырчатыми псалями (см.: гл. 5). Второе более короткое и тонкое звено с угловатым малым окончанием – более раннее. На его небольшое внешнее недолитое окончание (вероятно, предполагалась стремечковидная форма) был нашит двуслойный кусок толстой кожи с отверстием для пропуска псаля.

Итак, биметаллическому кинжалу из Ала-Гаила-3 соответствуют столь же ранние удила переходного вида. К ранним типам относятся и S-видные псалии. Их окончания оформлены в виде «асимметричного листка», напоминающего головку хищной птицы с загнутым клювом и гипертрофированным глазом (рис. 27. – 6, 7). Подобный орнамент и близкие по форме головки хищных птиц широко распространены в захоронениях VI–V вв. до н.э.: на сбруйной застежке в Тыткескене-6 (к. 27); на поясной бляшке из Обских Плесов-2 (м. 2), в сбруйных наборах Башадара-2, на концах деревянных псалий из Уландрыка-1 (к. 15) и Ак-Алахи-1 (к. 1) и других изделиях (Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 82. – 7; Ведянин, Кунгуров, 1996, рис. 14. – 4; Руденко, 1960, табл. XLIV. – 2, 4, XLV. – 5; Кубарев, 1987, табл. XXXIV. – 2; Полосьмак, 1994, рис. 66. – 4). Таким образом, по всем данным, биметаллический кинжал синхронен остальному погребальному комплексу, относимому к группе наиболее ранних пазырыкских (около середины – второй половины VI в. до н.э.). Курган 13 из Саглы-Бажи-2,

вероятно, создан несколько позже. Отсутствие в достоверных захоронениях эпохи бронзы и раннескифского времени Южной Сибири биметаллических кинжалов с вставлявшимся в бронзовую рукоять железным клинком как будто указывает и на отсутствие местных корней данной технологии. По имеющимся данным, она существует недолго – в рамках середины VI – первой половины V в. до н.э. Быть может, биметаллические кинжалы типа найденного в Ала-Гаиле-3 существовали в скифском мире так же синхронно, как и многие другие изделия, но изучение данного вопроса выходит за рамки предлагаемой работы. Биметаллический кинжал из Тавдушки находится в стадии обработки, но по предварительным данным рукоять отливалась со вставленным железным клинком, а сам курган 2 датируется в рамках конца VI – первой половины V в. до н.э.

Железный кинжал из Боротала-1 (к. 82) относится к полноразмерным боевым (рис. 37. – 1). Длина сохранившейся части 27 см. Общая длина с учетом разрушенного острия клинка составляла около 31–32 см (Кубарев, 1981, с. 38). Перекрестие бабочковидное из двух наложенных на основание клинка и сваренных пластин. В ходе дополнительной расчистки выявлены продольный желобок на рукояти и *антенное навершие*. Ширина рукояти составила около 1,8 см, клинка – 2,5–2,8 см. Сечение сильно корродированного клинка под остатками ожелезненных ножен не установлено, а ближе к острию оно линзовидное. В отличие от сарматских мечей и кинжалов, часто имеющих антенное навершие (Смирнов, 1961, рис. 2, 3), на Алтае такие навершия почти не встречаются. На равнине имеется только два плохо датированных экземпляра из Бийского музея (Иванов, 1993; Скопинцева, 2000). Не характерны они для тагарской культуры (Членова, 1967; Мартынов, 1979), Тувы и Монголии. Еще недавно таких кинжалов не было и в сводках по кинжалам скифского времени из Горного Алтая (Кубарев, 1981; Суразаков, 1989; Кирюшин, Степанова, 2004). Единственное внешне похожее навершие имеется у кинжала из кургана 2 раннепазырыкского времени в Кайнду (рис. 64. – 9) (Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 48), но валюты на нем образованы узнаваемыми головками ушастых «грифонов».

За последние два года было опубликовано пять кинжалов с антенными навершиями (рис. 65. – 1–4, 6) (Абдулганеев, Киреев и др., 2004; Кочеев, 2005; Киреев, Шульга, 2006). Два из них – железные боевые (рис. 65. – 2, 3). Длина бронзовых составляет 11 см (Майма-4), 20,8 (Чендек-6а) и 25,2 (Майма) см. Перекрестия четырех кинжалов бабочковидные. У железного кинжала из Чендека-6а перекрестие распалось, и его форму установить не удалось. К наиболее ранним относится уменьшенный бронзовый кинжал из кургана 2 Чендека-6а (рис. 65. – 1), датируемый сбруйным набором с распределителями и двоителем примерно второй половиной VI в. до н.э. Настоящие же железные кинжалы из кургана 5 Чендека-6а и Боротала-1 (рис. 65. – 2, 3) относятся к башадарскому периоду. Подчеркнем, что в случае нахождения кинжалов из Чендека-6а вне комплексов их относительная хронология выглядела бы обратной. Несколько позже, видимо, созданы бронзовые кинжалы из Маймы и Маймы-4, а также железные из Бийского музея. Самым поздним выглядит условно включенный в группу железный кинжал с прямым перекрестием из Верхнего Уймона, напоминающий по виду кинжал с валютами из могильника Сары-Бел начала гунно-сарматского времени (Соенов, 1999, рис. 13. – 6). Точная временная привязка для кинжала из Маймы-4 и «случайно» найденных кинжалов из Бийского музея, Маймы и Верхнего Уймона затруднительна.

Кинжалы с антенным навершием на Алтае не могут считаться лишь результатом стилизации «грифовых» наверший, хотя такой вывод и напрашивается (Абдулганеев, Киреев и др., 2004, с. 251; Кочеев, 2005, с. 92). В целом их можно рассматривать как западный (антенные навершия) и восточный близкие во времени аналоги, но «грифовые» навершия появляются на востоке раньше. Здесь уже на финальном этапе раннескифской культуры вырабатывается дуговидная форма поясных пряжек с двумя противопоставленными головками животных на концах (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 46–47). Головки на их концах в раннескифских комплексах обращены в разные стороны, и орлы здесь еще не имеют ушей (Аржан-2). В VI в. до н.э. эта схема сохраняется на похожих дуговидных подпружных пряжках и перенос-

сится на навершия и перекрестия кинжалов, у которых головки ушастых орлов уже обращены друг к другу. Судя по кинжалам из Боротала-1 и Чендека-ба, в Горном Алтае антенные навершия сосуществовали с «грифовыми» уже на раннем этапе пазырыкской культуры и были самостоятельной формой. Вместе с тем семантически они близки «грифовым», что порождает «грифовые» навершия с чертами антенных (Кайнду, к. 2) и наоборот (Майма, рис. 64. – 9; 65. – 4).

Кинжал из Кор-Кечу (рис. 19). Представляет собой довольно легкую бронзовую модель кинжала. Его общая длина равна 19 см, рукояти до перекрестия – 8 см, клинка – около 9,5 см. Имеет прорезную рукоять и овально-кольчатое навершие. Судя по видимой в ножнах части перекрестия, оно было совершенно плоским и имело несколько аморфную форму. Его правая часть близка крыловидной, а левая часть почти прямая. Клинок в сечении, по-видимому, уплощенно-линзовидный. В обобщающих сводках этот кинжал был сопоставлен с железным кинжалом из Узунтала (Кубарев, 1981, с. 35; Савинов, 1978, рис. 1. – 17). А.С. Суразаковым он отнесен к третьему отделу вместе с железным кинжалом с прямым перекрестием из Катонского могильника и деревянной моделью из кургана 1 Уландрыка-1 (Суразаков, 1989, с. 43, 48–49). В действительности, это один из наиболее показательных (наряду с бронзовой моделью с крестовым перекрестием из Арагола) (Марсадолов, 1997) случаев появления моделей оружия уже в добашадарский период. Навершие и рукоять его, очевидно, копировали широко распространенную в каменной культуре форму имевшегося у воина кинжала или меча, а почти невидимое в зашитых ножнах перекрестие (из прорезов в ножнах выступали только концы перекрестия) не прорабатывалось. Очевидно, еще во время подготовки литейной формы для этого кинжала мастер знал, что кинжал будет зашит в ножны.

Еще одна деревянная модель с овально-кольчатым навершием обнаружена в кургане 3 могильника Верх-Кальджин-2 (Молодин, 2000, рис. 136). Время бытования таких кинжалов в Горном Алтае рассматривалось лишь в общих чертах, и наиболее ранний из Кор-Кечу приблизительно датировался V–IV вв. до н.э. При этом обращалось внимание на аналогичные навершия в Персии (рис. 74. – 8, 13). Наиболее подробно на кинжалах с овально-кольчатыми навершиями с Алтая останавливался В.А. Могильников, также указавший на изображения из Персеполя первой половины V в. до н.э. (Могильников, 1997, с. 47). В сводке по Верхнему Приобью он приводит три кинжала из Новотроицкого некрополя и обломок «меча» из Каллистратихи (Могильников, 1997, рис. 40, с. 46–47). К сожалению, В.А. Могильников при написании работы пользовался преимущественно полевыми материалами, в результате чего в рисунках были допущены существенные искажения. В частности, «меч» и «кинжал» из могилы 1 кургана 15 Новотроицкого-2 (Могильников, 1997, рис. 37. – 1) получились в результате неверной реконструкции из одного кинжала и железных поясных пластин. В ходе расчистки перекрестие «меча» оказалось овально-кольчатым навершием единственного находившегося в могиле кинжала (рис. 64. – 14) (Уманский, Шульга, 2005б).

Неверно были зарисованы овально-кольчатое навершие кинжала из кургана 10 этого же могильника, контуры перекрестий и другие детали. Всего в Новотроицком некрополе было найдено 12 кинжалов, из них пять имели овально-кольчатое навершие. Основываясь на неверных датировках кольчатых железных ножей, а также исходя из предположения о постепенном проникновении из Передней Азии на Алтай кинжалов с овально-кольчатыми навершиями, В.А. Могильников датировал указанное оружие с IV по II в. до н.э. (Могильников, 1997, с. 46–47). Между тем анализ сопутствовавших материалов из Новотроицкого-2, а также упомянутого В.А. Могильниковым Сынтаса-1, где был найден железный кинжал длиной 45,5 см с овально-кольчатым навершием и почковидным перекрестием (Кадырбаев, Курманкулов, 1976, с. 143, 150, рис. 4. – 1), не оставляет сомнений в появлении таких наверший у саков уже в середине VI в. до н.э. Примерно в это же время они распространяются и на Алтае (Уманский, Шульга, 2005б).

4.3. О назначении votивных моделей кинжалов и заменяющих их ножей

«Кинжал» из кургана 2 могильника Ала-Гаил-3. «Кинжал» из Ала-Гаила-3 обнаружен в деревянных ножнах на правой бедренной кости. Является раскованным на две стороны бронзовым ножом длиной 11,6 см с навершием в виде «арки на кронштейне» (рис. 26. – 3; 61; 66). По классификации Н.Л. Членовой такие изделия включены в группу 15 переходных карасуко-тагарских ножей, датированных VIII–VII вв. до н.э. (Членова, 1972, с. 124–126, табл. 7. – 28, 29, 41, 44, 57). Формы этих ножей достаточно разнообразны, но их объединяет в одну группу навершие в виде «арки». На прилегающей к Алтаю территории они известны в Восточном Казахстане на Иртыше (Зевакино), где датированы VIII–VII вв. до н.э. (Арсланова, 1974). Еще один нож с подобным навершием обнаружен в Павлодарской области (Казахстан) в раннескифском захоронении VII в. до н.э. (Пересветов, 2001, рис. 1. – 1). Известны они и на Алтае, но за исключением ножа из расположенной в «пограничной» зоне Денисовой пещеры (Деревянко, Молодин, 1994, рис. 48. – 1, с. 106), происходят из его равнинной части (Кирюшин, Тишкин, рис. 58, 59; Тишкин, Папин, 1998; Папин, Шамшин, 2005, с. 28–29), и это обстоятельство необходимо учитывать. Помимо случайных находок, дважды подобные ножи обнаружены в поселенческих слоях (Денисова пещера, поселение Мыльниково), датировка которых не противоречит предложенной ранее, т.е. VIII–VII вв. до н.э.

Многочисленность фактов замены на позднем этапе пазырыкской культуры настоящих кинжалов небрежно изготовленными бронзовыми копиями, иногда деревянными или бронзовыми с деревянными навершиями и перекрестиями (рис. 63) (Кубарев, 1992, с. 60) – прежде всего результат условности погребального обряда. *Имеются основания предполагать, что votивные кинжалы и заменяющие их ножи рассматривались в Горном Алтае не только как модели-заменители, но в ряде случаев могли до погребения использоваться в каких-то обрядах.* В связи с этим представляет интерес мнение о возможности применения заточенных миниатюрных кинжальчиков «в повседневной жизни» (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 55). Быть может, подтверждением этой точки зрения является находка обломанного в древности бронзового кинжала VIII–VII вв. до н.э. (первоначальная длина около 17 см) на поселении скифского времени Чепош-2 на Катунь (рис. 66. – 11) (Шульга, 1996).

По форме кинжал напоминает карасукские кинжалы с кольчатым навершием, расходящимися под углом концами плоского перекрестия и некоторым сужением клинка у перекрестия. Высокое содержание олова (определение С.В. Хаврина) подтверждает его ранний возраст. Кинжал обнаружен на краю выложенного из камня кольца диаметром около 1 м, заполненного сильно гумусированной землей с мелкими кальцинированными косточками животных. Судя по устройству и заполнению, это был не очаг, а жертвенник. Вероятно, кинжал переиспользован в VII–VI вв. до н.э. Еще до этого у него были частично обломаны навершие и острие (как и у некоторых других карасукских ножей), но нельзя исключить и намеренной порчи вещи. Уже обломанный клинок длиной 6 см затем сильно раскован по сторонам и заточен. По всей видимости, применялся он не для хозяйственных целей. В связи с этим напрашивается аналогия с помещаемыми в захоронения пазырыкской культуры в качестве кинжалов часто раскованных карасукских ножей (рис. 66. – 1–6; Ала-Гаил-3, к. 2; Барбургазы-1, к. 21; Уландрык-2, к. 6; Уландрык-3, к. 7; Бертек-1, к. 1; вероятно, Узунтал-1, к. 3) и раннескифских форм (рис. 66. – 7, 8; Уландрык-3, к. 6; Кош-Тал-1, к. 6). Использование их в качестве ножей зафиксировано только в одном кургане (рис. 66. – 10; Кызыл-Джар-5, к. 2).

Сводка случаев нахождения в Горном Алтае карасукских ножей в погребениях скифского времени уже приводилась одним из авторов (Кубарев, 1992, с. 59–60). Этому же вопросу была посвящена специальная статья (Членова, Кубарев, 1990). Позднее Н.Л. Членова опубликовала развернутую работу с обширным фактическим материалом. Она видит причину этого явления в длительном сохранении (до V–II вв. до н.э.) карасукских бронз в Забайкалье и Восточной

Монголии, откуда ножи попадали на юго-восток Горного Алтая, в другие районы Монголии и Ордос (Членова, 1993, с. 65). В Улангомском могильнике Н.Л. Членова отмечает «не только карасукский и два «предтагарских» кинжала, но и два «предтагарских» ножа с «аркой на кронштейне» и два шила с грибовидными шляпками – всего 7 вещей», датирующихся VIII–VII вв. до н.э. (Членова, 1993, с. 46). Отдавая должное указанному исследованию, следует отметить, что, по мнению одного из авторов, основанному, в частности, на близких Улангому материалах каменной культуры (Уманский, Шульга, 2005а, 2005б), содержащие ранние изделия погребения в Улангомском могильнике относятся не к IV–III вв. до н.э., а к VI–V вв. до н.э. Это комплексы в целом синхронны ранним пазырыкским, каменским и саглыным. Обнаружение ранних изделий в них не столь «парадоксально», как это может показаться на первый взгляд. Основанием для пересмотра поздних датировок Улангома прежде всего является поясная фурнитура с пряжками-застежками, блоками, большими прорезными обоймами, а также непосредственно связанными с поясной фурнитурой колчанными крюками, распределителями, ворворками и костыльками. Нельзя согласиться и с отсылочными датировками на некоторые устаревшие заключения: «Последние две вещи находят аналогии в могильнике Ближние Елбаны III березовского этапа большереченской культуры (II–I вв. до н.э.)» или «Золотая фольга особенно характерна для памятников IV–III вв. до н.э. («озен-ала-белигский этап» в Туве – см. Вайнштейн 1966: табл. IX, X)» (Членова, 1993, с. 46, 47).

Уточнить датировку позволяет и другой инвентарь. Например, отметив фрагмент позднекарасукского ножа на накате погребальной камеры могилы 1, Н.Л. Членова лишь вскользь коснулась ножей из погребения: указала на позднюю дату для железного ножа, а выгнуто-обушковый бронзовый нож с маленьким колечком посчитала с отсылкой на А.Д. Грача обычным для комплексов IV–III вв. до н.э. Горного Алтая и Тувы (Членова, 1993, с. 35). Последнее неверно, поскольку такого рода выгнутообушковые железные и бронзовые ножи (в том числе кольчатые), наследующие позднебронзовые традиции, встречаются, как правило, в ранних погребениях. При этом, судя по рисунку, рукоять одного кольчатого ножа из могилы 1 имеет слабовыраженную тавровость. Что же касается датировки погребений с архаичными ножами-кинжалами в курганах Чуи, то два (Ала-Гаил-3, к. 2; Уландрык-2, к. 6) из шести могут быть отнесены к раннепазырыкскому этапу. К раннепазырыкскому времени относится и колчаный крючок с полукруглой пронизкой из кургана 2 Кызыл-Джара-5 (Могильников, 1983, рис. 5. – 3). В Узунтале-1 датирующихся вещей немного, но курган 2 по удилам и псалям едва ли позже V в. до н.э. (Савинов, 1993, рис. 6. – 4).

Еще раз вопрос о «карасукских» ножах в пазырыкских захоронениях рассматривался в связи с обнаружением бронзового коленчатого с кольцевидным навершием ножа, заменявшего кинжал в пазырыкском захоронении из могильника Бертек-1, датированного Н.Л. Членовой VII–VI вв. до н.э. (рис. 66. – 4) (Полосьмак, 1994, с. 140). Н.В. Полосьмак выразила сомнение в сохранении традиции их изготовления в V–III вв. до н.э., и отметила преимущественное использование «антикварных» ножей («в четырех из семи случаев») в качестве заменителей кинжалов. Судя по контексту, автор предполагала вероятность похищения ножей из позднебронзовых памятников хорошо знавшими их месторасположение «пазырыкцами» (Полосьмак, 2004, с. 140).

Возвращаясь к теме назначения помещавшихся в захоронения карасукских ножей, обратим внимание на место их расположения в могиле. В Горном Алтае почти все они имитировали кинжалы, в том числе, вероятно, и в Узунтале-1, где карасукский нож можно рассматривать в качестве предмета, обозначающего кенотаф. В Улангоме, помимо карасукского и двух «предтагарских» кинжалов, карасукский и ранний нож с кольчатым навершием (мог. 33 и 36) также находились на поясе, и, хотя там погребальный обряд допускал подобное размещение ножей (в отличие от Горного Алтая), нельзя исключить, что и они заменяли кинжалы. Данное наблюдение заставляет вновь усомниться в предположении о сохранении карасукских бронз

в Забайкалье и Восточной Монголии и их синхронном попадании на соседние территории (в том числе Горный Алтай) в IV–III вв. до н.э. В этом случае логично было бы ожидать их нахождения в горноалтайских захоронениях возле сосудов и позвонков барана, где с VI в. до н.э. располагаются ножи. Следует особо отметить, что в качестве кинжалов использовались не только ножи эпохи поздней бронзы, но и раскованные раннескифские ножи с кольчатым навершием Уландрыке-3 (к. 6) (рис. 66. – 7) (Кубарев, 1987, табл. LXIV. – 1) и в кургане 6 могильника Кош-Тал-1 (рис. 66. – 8) (Суразаков, 1993, рис. 26). Примерно к VI в. до н.э. относится и заменявший кинжал раскованный надвое крупный бронзовый нож из к. 12 могильника Уландрык-1 (рис. 66. – 9) (Кубарев, 1987, табл. XXVIII. – 18).

Как видим, перед нами не обычное использование лишь отличающихся формой изделий, а намеренный подбор архаичных ножей VIII–VII и VI вв. до н.э. для помещения их в захоронение в качестве замены кинжала. Именно в качестве кинжала, а не ножа. При этом можно полагать, что в отличие от полосок металла и деревянных моделей, означавших упрощение и удешевление обряда, мы, наоборот, сталкиваемся с его «удорожанием», поскольку назвать бросовыми такие раритеты нельзя. Едва ли карасукские ножи могли быть похищены из могил эпохи бронзы и раннескифских, поскольку в неграбленных захоронениях этого времени в Горном Алтае они не встречаются (Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 58, 59, 70). Маловероятно и включение таких вещей в строго регламентированный перечень помещаемых с умершим изделий. Очевидно, что здесь мы фиксируем «особое отношение людей к древним предметам своих предков» (Кубарев, 1992, с. 60), обычай, характерный на Алтае только для контактировавшего с Монголией населения по реке Чуе и перевалу на Укок. Вероятно, архаичные ножи долгое время использовались для совершения каких-то воинских (?) обрядов и лишь в особых случаях помещались в захоронения вместо кинжалов. Данный вывод согласуется со сделанным ранее авторами на основе анализа погребального обряда пазырыкской и каменской культур заключением, что помещаемые в каменные и пазырыкские захоронения модели ножен и кинжалов могут рассматриваться не только как заменители настоящего оружия умершего, но и как особый священный предмет культового назначения, как посвященные дары богам в мире ином (Кубарев, 1981, с. 53; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 20).

В завершение параграфа коснемся вопроса о датировке кинжалов с прямым перекрестием из Боротала-2 (рис. 42. – 8). Традиционно считается, что прямые перекрестия появляются на Алтае в IV или в конце IV в. до н.э. и получают широкое распространение в III–II вв. до н.э. (Суразаков, 1989, с. 49; Могильников, 1997, с. 45–46; и др.). Действительно, большая часть таких кинжалов происходит из сравнительно поздних или аморфных труднодатируемых комплексов. К последним относятся материалы кургана 11 из Бураты-4 (Кубарев, Кочеев, 1983) и кургана 7 из Боротала-2, где находились кинжалы с прямыми бронзовым и железным перекрестиями. Из 14 сопутствующих предметов в этих курганах к сколько-нибудь датирующим можно отнести железный нож с кольчатым навершием и бронзовую полушарную бляшку (рис. 42. – 15). Кольчатые железные ножи непрерывно бытовали на равнине Алтая с раннескифского времени (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 72–73), но в ранних погребениях в горах их пока не найдено. Полушарные бляшки с перемычкой на оборотной стороне относятся к универсальным изделиям, бытовавшим на Алтае с эпохи поздней бронзы. Они широко представлены на равнине в ранних памятниках каменской и быстринской культур с середины VI в. до н.э., встречаются в староалейских и пазырыкских захоронениях. Хронологические различия между такими бляшками пока уверенно не прослеживаются.

Время кургана из Боротала-2 можно было бы уточнить по отверстию в застёжке (?), но ее устройство не ясно (рис. 42. – 14). Так или иначе, у нас нет оснований датировать кинжал из Боротала-2 раньше IV в., что согласуется и с датировкой других кинжалов с прямым перекрестием на Алтае. Между тем хорошо известны в Южной Сибири с эпохи бронзы кинжалы с прямыми перекрестиями, вероятно, использовались в Горном Алтае уже на начальном этапе

пазырыкской культуры. На это указывает наличие прямого перекрестия у вотивного кинжала в несомненно раннем (вторая половина VI в. до н.э.) пазырыкском кургане 5 из Арагола (Марсадолов, 1997, рис. 15). В почти синхронном ему кургане 2 могильника Чендек-ба одна сторона перекрестия уменьшенного бронзового кинжала была слабовыраженной бабочковидной, а другая – прямой (рис. 65. – 1). Близки к прямым перекрестия вотивного бронзового кинжала VI в. до н.э. из Староалейки-2 (рис. 64. – 16) (Кирюшин, Кунгуров, 1996, рис. 9. – 2), а также у кинжалов каменной культуры второй половины VI–IV вв. до н.э. (Могильников, 1997; Уманский Шульга, 2005). Опыт расчистки последних показывает, что в ряде случаев прямым называется плохо сохранившееся (или плохо расчищенное от окислов) слабовыраженное бабочковидное или дуговидное перекрестие. Наличие у кинжала или меча прямого (или близкого прямому) перекрестия не означает его автоматической датировки по западным образцам IV–II вв. до н.э. Очевидно, развитие вооружения в восточной части Евразии имело существенные отличия, и похожие формы оружия могли не совпадать во времени.

4.4. Ножны

Настоящие ножны – на Алтае находка редкая. На равнине в захоронениях каменной культуры они обычно фиксируются в виде остатков ожелезненного дерева, на котором иногда сохраняется покрывавшая ножны кожа (Могильников, 1997; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 16–21; Уманский, Шульга, 2005б, с. 125). Лишь в захоронениях староалейской культуры сохранились немногочисленные остатки покрытых кожей деревянных ножен (рис. 74. – 7) (Кирюшин, Кунгуров, 1996; Кунгуров, 2005). В горах ножны сохраняются значительно лучше (особенно в мерзлотных курганах), но, как правило, это не настоящие изделия, а модели ножен, помещаемые в погребения вместе с вотивным оружием (Кубарев, 1981; и др.). Почти все известные в Горном Алтае ножны, как и кинжалы, подразделяются на уменьшенные (длина 15–19 см) и миниатюрные модели (длина 9–14 см). При этом миниатюрные кинжалы не обязательно находятся в комплекте с миниатюрными ножнами. Такое сочетание кинжалов и ножен миниатюрных форм встречается редко. Довольно часто миниатюрные кинжалы в 2–3 раза меньше ножен, в которые они вложены (рис. 73. – 4; 74. – 9). Большие ножны, очевидно, должны были создавать впечатление настоящего комплекта оружия.

В публикуемых курганах Чуи и Урсула найдены ножны всех трех типов (рис. 73), выделенных В.Д. Кубаревым на материалах пазырыкской культуры (Кубарев, 1981).

Тип 1. Включает ножны простейшей конструкции двух вариантов. Первый вариант представлял ножны из двух небольших плоских дощечек с округлым или овальным нижним концом и ровно срезанным верхом. Обе слаборельефные дощечки с внешней стороны окрашивались в красный цвет, а на внутренней стороне имели неглубокие врезные пазы, выполненные по форме клинка кинжала. Сложенные вместе дощечки ножен обычно помещались в кожаный футляр или обматывались в поперечном направлении полосками кожи, часто окрашенной в красный цвет. Ножны второго варианта изготавливались из одной резной дощечки, вложенной в футляр из кожи.

По всей видимости, в кожаных футлярах ножен обоих вариантов имелись соответствующие отверстия, в которые пропускался ремешок для фиксации кинжала на ноге, а в верхней части и расширяющийся кожаный выступ с отверстием для подвешивания, как это зафиксировано в кожаных ножнах из Кор-Кечу и Тербедака (рис. 19; 23; 73).

Ко второму варианту относятся ножны из кургана 3 могильника Ело-2, от которых сохранилась дощечка длиной 7 см с вырезанным почти на всю ширину пазом и небольшими закрайками в 7 см (рис. 17. – 8), а также ножны кинжала из зоны затопления Чуйской ГЭС (рис. 73. – 3; Кубарев, 1981, рис. 4. – б) и ножны из кургана 17 могильника Кок-Су-1 (Сорокин, 1974, с. 89–90).

Тип 2. К этому типу относится подавляющее большинство найденных в Горном Алтае ножен. Они представляли собой фигурную деревянную пластину с вырезанным пазом под клинок изнутри. Внешняя сторона, окрашенная ярко-красной краской, имела две пары округлых выступов-лопастей (рис. 73. – 4, 5; 74. – 9, 12). Первые два выступа вырезаны в устье ножен, два вторых – посередине. В нижней части вырезался рельефный наконечник, повторявший или вписывающийся в абрис округлого конца ножен. У некоторых ножен имитации пластинчатых обойм, выпуклых блях-ворворок и круглых оконечников украшались резным орнаментом. Располагающиеся посередине боковые выступы лопасти обычно имеют сквозные отверстия для охватывавших ногу ремешков. Еще отверстие имелось на одном из выступов эфеса, через него пропускался портупейный ремешок для подвешивания ножен к поясу (рис. 74. – 4, 5). Тыльная сторона ножен затягивалась кожей, как и у простейших ножен. По всей видимости, *конструктивно ножны первого (второй вариант) и второго типов были одинаковыми*, а различие заключалось в том, что у ножен второго типа боковые лопасти и устье с выступами изготавливались из дерева, а у первого – из кожи. Помимо этого, существовали и промежуточные формы типа ножен из Юстыда-12 (к. 22), у которых выступ отсутствовал и отверстие для подвешивания проделано в деревянной основе (Кубарев, 1981, рис. 7. – 5; 1991, табл. LI. – 15).

Тип 3. Кожаные ножны (рис. 73. – 6, 7). Такие ножны хорошо сохранились в Тербедеке (рис. 23) (Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985, рис. 13. – 4) и Кор-Кечу (рис. 19) (Кубарев, 1981, рис. 3. – 5), а упомянутые ранее ножны из Кок-Су-1 (к. 17) и Ак-Кема имеют деревянную основу и относятся соответственно к первому и второму типам (Сорокин, 1974, с. 89–90; Погожева, 1978, с. 72, рис. 5. – 3). Чехол ножен из Тербедека был изготовлен из цельного куска кожи, обтягивавшего кинжал и прошитого с одной стороны (рис. 23; 73). Охватывавший ногу кожаный ремешок пропускался через сделанный в чехле прорез и специально нашитую с одной стороны двойную накладку. Накладка состояла из двух полосок относительно толстой кожи, нашитых по бокам небольшого выступа чехла. Сохранились и остатки устья ножен, значительно превышавшего по размерам перекрестие кинжала. Следов «глухой» зашивки ножен в верхней части устья не обнаружено.

Ножны из Кор-Кечу вместе с частью портупейных ремешков сохранились значительно лучше (рис. 19). Тому способствовал редко фиксируемый обряд прикладывания кинжала умершему. Обычно истлевающие в рабочем положении ремешки в Кор-Кечу были обернуты вокруг ножен и сохранились благодаря окислам бронзы. Длина ножен – 12,5 см, наибольшая ширина – почти 3 см. Чехол сшит с одной стороны сухожильными нитками, как в Тербедеке, но в отличие от него он зашит и сверху, что не позволяло вытаскивать кинжал. В районе лопастей перекрестия кинжала кожа несколько осыпалась, но можно сказать, что в чехле для них имелись специальные прорезы, как у найденных в Минусинской котловине (Членова, 1967, с. 23). Ремешок для привязывания ножен к ноге изначальной шириной 1–1,5 см (рис. 19. – 2б) пропускался с внешней стороны через специальную пришитую к чехлу кожаную накладку. На одном конце этого ремешка имелась довольно сложно устроенная кожаная петля. В 4 см от его заovalенного конца был пришит узкий ремешок, один конец которого продет в прорез на конце основного ремня и завязан узелком (рис. 19. – 2в). Ножны подвешивались на пришитом к небольшому выступу ремешке шириной около 7 мм, от которого сохранилась, вероятно, большая часть длиной 26 см.

Кожаные ножны различной степени сохранности известны на Памире в сакских погребениях, в Поволжье – в сарматских погребениях и в тагарских памятниках Минусинской котловины (Литвинский, 1972, с. 119; Хазанов, 1971, с. 12; Членова, 1967, с. 23). На основании одной из находок, где кинжал был полностью зашит в кожаный чехол с прорезями для перекрестия, Н.Л. Членова выразила сомнение, что такого рода «футляры» являлись настоящими ножнами. Препятствующая вытаскиванию кинжала прошивка, по мнению Н.Л. Членовой, видимо, делалась сознательно, «чтобы покойник не мог вредить живым, или для того, чтобы он не потерял кинжал во время дальней дороги в загробный мир» (Членова, 1967, с. 23).

В Горном Алтае кожаные ножны также могли зашиваться (рис. 19). По мнению В.Д. Кубарева, и некоторые деревянные ножны делались таким образом, что кинжал из них нельзя было вытащить (Кубарев, 1981, с. 48). Следует отметить, что чехол ножен из Тербедека изготовлен из очень тонкой кожи, похожей на человеческую (специальных исследований не проводилось). Так или иначе, но кожаные ножны из Тербедека были такой же имитацией, как и вложенный в них бронзовый кинжал уменьшенных размеров, хотя нельзя полностью исключить вероятность использования ножен из толстой специально обработанной кожи.

Тип 4. Реконструируется по ожелезненным остаткам ножен боевого железного кинжала из кургана 82 могильника Боротал (рис. 37. – 1; 73). Это были покрытые кожей деревянные ножны со срединными кожаными лопастями. От верхней части ножен, прикрывавшей перекрестие кинжала, сохранились лишь остатки ожелезненной органики с ямочным орнаментом. Ножны на клинке изготовлены из покрытого кожей дерева. По всей видимости, деревянная основа состояла из двух дощечек с пазом под клинок, как у ножен первого типа (вариант 1). Удалось проследить основания истлевших срединных лопастей, изготавливавшихся из толстой кожи. Деревянная основа в месте нахождения лопастей с обеих сторон была покрыта одним или двумя слоями тонкой кожи.

Логично было бы предположить, что лопасти были цельными и накладывались (пришивались) на деревянную или кожаную основу ножен. Однако, судя по сохранившимся участкам, каждую лопасть изготавливали отдельно и крепили нитями к деревянной основе и прикрывавшей основу коже. Затем ножны покрывали (была ли это прошивка или наклеивание – не ясно) еще одним слоем тонкой кожи с вырезами для пропускания лопастей, закрывавшим место крепления лопастей к ножнам. С одной стороны у лопастей кожа была не цельной и состояла из двух частей, совмещавшихся зубчатым орнаментом. С другой стороны кожа цельная, но не исключено, что это сохранившийся подстилающий нижний слой. Выше лопастей имелся еще один обрезанный на уровне лопастей слой кожи, в результате чего в этом месте над деревянной основой фиксировалось 4 перекрывающих друг друга слоя кожи.

На ножнах в Боротале-1 найдено три однотипных золотых «бляшки» из золотой фольги диаметром около 2,5 см (рис. 37. – 19, 20). Судя по загибу на оборотной стороне, это были обкладки деревянных или кожаных кружков толщиной не более 3 мм. По-видимому, кружки наклеивались на ножны в традиционных местах на срединных лопастях и наконечнике, где на деревянных моделях помещались или вырезались деревянные бляшки (рис. 74. – 9, 12). В Туве на могильнике Догээ-Баары-2 на срединных лопастях помещались аналогичные плоские бронзовые бляшки, предположительно имеющие с оборотной стороны петельки для пропускания поперечного ремешка для притягивания ножен к ноге (рис. 74. – 8) (Чугунов, 2001, табл. 1. – 6). Бляшки же из Боротала-1 были нефункциональными имитациями, что подтверждается наличием в захоронении покрытых золотом деревянных ворворок и кожаной прорезной поясной обоймы (рис. 37. – 16–18). Вероятно, к ножнам относилась одна из обернутых золотой фольгой деревянных ворворок, которая должна была находиться у отверстия в устье ножен для фиксации портупейного ремешка, на котором подвешивались ножны к поясу (рис. 74. – 8). На ножнах найдена и застежка – клык кабана с отверстием (рис. 37. – 2).

Таким образом, в кургане 82 вместе с боевым железным кинжалом зафиксированы настоящие ножны с обшитой несколькими слоями кожи деревянной основой и кожаными лопастями для пропускания охватывавшего ногу ремешка. По всей видимости, именно такие ножны с деревянной, обшитой кожей основой использовались с боевыми кинжалами, как это отмечено на равнине Алтая (Могильников, 1997, с. 48; Уманский, Шульга, 2005б, с. 125; Кунгуров, 2005) и на других территориях. Найденный в Первом Туэктинском кургане «меч» с шириной клинка у перекрестия около 5 см также имел деревянные ножны (Руденко, 1960, с. 120–121).

Все это подтверждает сделанное ранее предположение (Кубарев, 1981, с. 48), что настоящие ножны включали две дощечки, а отмеченные выше, найденные с вотивными кинжалами,

типы ножен являются лишь моделями. Кожаное покрытие могло представлять собой чехол, но обычно состояло из отдельных сшивавшихся кусков. Зафиксирована обмотка деревянных ножен длинной полосой кожи (Аргут-1) или отдельными горизонтально накладываемыми полосами (рис. 74. – 10). Несомненно, слабым местом моделей ножен были деревянные срединные выступы. В отличие от кожаных лопастей у ножен из кургана 82 они неминуемо бы обламывались при ударах. Как уже отмечалось (Кубарев, 1981, с. 48 и др.), изображения на срединных деревянных лопастях лишь имитируют настоящие «ворворки» для пропускания ремешка. Соответственно, найденные вместе с настоящим железным кинжалом деревянные ножны из Уландрыка (Кубарев, 1981, рис. 3; 1987, табл. XXII. – 6), скорее всего, также являлись условной копией.

Для понимания затронутого вопроса о моделях пазырыкских ножен особый интерес представляют материалы с равнины Алтая и Восточного Казахстана, в частности, найденные в женских и детских погребениях роговые модели ножен из Рогозихи-1, Усть-Иштовки-1 и Баты (рис. 74. – 1–3, 5, 6) (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 16–21, рис. 57; Кунгуров, Тишкин, 1996, с. 131, рис. 3. – 28; Бородовский, 1997, рис. 12; Черников, 1951, с. 75, табл. V, IX). Металлических кинжалов или выполненных из органики копий вместе с роговыми ножнами там не найдено. В Рогозихе-1 и Усть-Иштовке-1 (в ножнах с пазами) кинжалы могли быть деревянными или их вовсе не было. На основании этих материалов П.И. Шульгой был сделан вывод, что пластины из Рогозихи являются предельно уменьшенными символическими ножнами.

Указанные находки позволяют говорить о наличии в каменной культуре распространяющегося на женщин и детей обряда помещения в захоронения моделей оружия, широко представленного у народов Саяно-Алтая и в лесостепной тагарской культуре. Если же признать длительность прижизненного использования роговых копий, то можно предполагать существование в Верхнем Приобье и Восточном Казахстане обычая их ношения детьми и женщинами. Более вероятным представляется другое объяснение. Близость рогозихинских ножен со свернувшимся кошачьим на наконечнике и мидийских (сакских, бактрийских) ножен с похожими бутеролями (рис. 74. – 1, 13–16) (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 19–21, 62) позволяет предположить еще один аспект в осмыслении и использовании моделей ножен каменной культуры. В находившемся на границе Бактрии и сакского мира храме Окса на Амударье были обнаружены многочисленные ножны из дерева, кости и металла, часть которых имела уменьшенные или миниатюрные размеры. У некоторых экземпляров, как и обнаруженных на Алтае (один экземпляр из Рогозихи-1), не было даже прорези под клинок. В соответствии с имевшейся в греческом мире традицией это были посвященные дары храму (Литвинский, 2001, с. 224, 251, 254, 275, 290–291). В этом контексте помещаемые в захоронения каменные и пазырыкские модели ножен и кинжалов могут рассматриваться не только как заменители настоящего оружия умершего, но и как «особый священный предмет» культового назначения, как посвященные дары божествам в мире ином (Кубарев, 1981, с. 53; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 20). На рельефе в Персеполе владыке также подносится кинжал в ножнах с портупейными ремешками. Находка отдельно лежавшего кинжала с портупейными ремешками в Кор-Кечу, как будто служит тому подтверждением.

О происхождении ножен. Выявленная группа моделей ножен из Рогозихи-1, Усть-Иштовки-1 и Баты позволила вновь обратиться к вопросу о происхождении ножен на Алтае, впервые поставленному на массовом материале В.Д. Кубаревым (Кубарев, 1981; и др.). Рассматривая ножны из Горного Алтая, В.Д. Кубарев считал их прототипом сакские ножны VI–V вв. до н.э. без срединных лопастей-обойм, но с выраженным расширенным наконечником. Предполагалось, что в пазырыкской культуре продолжающая сакскую традицию расширенная нижняя часть ножен «ирано-алтайского типа» с круглым выпуклым наконечником уже нефункциональна и постепенно исчезает (сравнить рис. 74. – 13–16 и 9, 12; Кубарев, 1981, с. 51; 1987, с. 62–65).

Нужно отметить, что Б.А. Литвинский относит эти ножны к мидийскому типу, в отличие от персидского, предполагавшего ношение кинжала за поясом (Литвинский, 2001, с. 231).

Как бы ни назывались ножны этого типа без срединных лопастей, но их изображения на пластинках из амударьинского клада (характеризующего не только Бактрию, но и более северные территории), а также находки близких форм в каменной и староалейской культурах на Алтае (рис. 74. – 1–3, 7), позволяют предполагать широкое распространение ножен без срединных лопастей в сакском мире и на равнине Алтайского края. У самых ранних ножен из Рогозихи-1 конца VI – начала V в. до н.э. срединные лопасти отсутствуют, а в более поздних (Усть-Иштовка-1, Баты) они имеются в комплексе с отверстиями в наконечнике (рис. 74. – 5, 6). Вполне вероятно, здесь мы видим происходящую под влиянием пазырыкской культуры постепенную трансформацию иранского (мидийского, сакского) способа фиксации на ноге при сохранении основного принципа, заключающегося в подвешивании ножен к поясу и притягивания их к ноге при помощи ремешка, первоначально прихватывающего ножны в их нижней части – по наконечнику (рис. 74. – 11, 14–16). Интересно, что у всех роговых моделей на равнине в верхней части имеется не по одному, а по два отверстия (рис. 74. – 1, 2, 5, 6). По имеющимся материалам, на равнине Алтайского края и в Восточном Казахстане во второй половине VI–IV вв. до н.э. существовал особый тип ножен, сочетающий южные и пазырыкские черты. При этом на ножнах из кургана 7 Рогозихи-1 на месте бутероли, как и на ножнах VII–V вв. до н.э. из европейской части скифского мира и в Передней Азии, находилось изображение свернувшегося кошачьего хищника, терзающего рогатое копытное животное (рис. 74. – 1) (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 16–21, 60–62). Учитывая сходство формы и конструкции ножен, а также расположение кошачьих хищников на ножнах из Усть-Иштовки-1 и пластинке из Новотроицкого-2 (рис. 74. – 4, 5), можно допускать существование общих образцов для изображений на ножнах из Персеполя, Бактрии и Рогозихи-1. Логично было бы предположить, что источник для подражания находился где-то в сакском мире между Алтаем и Бактрией. Однако единственной близкой находкой на разделяющем их более чем 2000-километровом отрезке являются свернувшиеся хищники на двух распределителях от ножен кинжала из кургана Иссык (Акишев, 1978, табл. 26, 27).

Итак, захоронения с ножнами из Рогозихи-1 датируются в рамках раннепазырыкского времени (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, с. 74). Близким во времени (середина – вторая половина V в. до н.э.) является и комплекс с ножнами из Боротала-1. На этом основании можно несколько скорректировать сделанные ранее выводы (Кубарев, 1981, с. 51) и предположить одновременное существование (вторая половина VI–V вв. до н.э.) в сакском мире и пазырыкской культуре различных по конструкции ножен. Истоки происхождения тех и других, по всей видимости, нужно искать в раннескифской культуре, когда подвешиваемый на поясе кинжал становится одним из атрибутов воина как на Саяно-Алтае (оленные камни), так и в сакском мире.

4.5. Чеканы

Чекан являлся на Саяно-Алтае одним из основных видов оружия, выполняя ту же функцию, что и меч на западных территориях. Граница распространения мечей и чеканов на Алтае, видимо, проходит по левобережью Оби (Могильников, 1997, с. 48–49; Уманский, Шульга, 2005). Считается, что мечами пользовалась часть населения каменной культуры, однако в захоронениях они пока не найдены (Уманский, Шульга, 2005б), а все известные экземпляры происходят из случайных находок. Указания на мечи встречаются и при описании оружия Горного Алтая, но ни одной достоверной находки клинков длиной более 35–40 см нет.

Устройство алтайских чеканов устанавливается по материалам пазырыкской и каменной культур. Боевые чеканы насаживались на деревянные рукояти длиной 70–80 см, имевшие

в полном наборе приостренный железный или бронзовый вток, служивший для нанесения ударов. На выступавший из проуха (или втулки) конец рукояти надевался железный колпачок (Могильников, Куйбышев, 1982; Могильников, 1997; Уманский, Шульга, 2005б; Киреев, Шульга, 2006). В отличие от втока, колпачки не заострялись, однако это совсем не означает, что они служили лишь для укрепления и предохранения от порчи конца рукояти. Железные колпачки вполне могли предназначаться и для нанесения прямых ударов. Основные удары наносились заостренным бойком, но, как и у других видов подобного оружия, в бою мог использоваться и обушок. На последнее, в частности, указывает наличие в Горном Алтае секировидных, по-видимому двусторонних, чеканов типа найденных в Боротале-2 (рис. 38. – 5) (Суразаков, 1989, с. 53).

Время появления на равнине Алтая происходящих из случайных находок бронзовых втульчатых чеканов определялось В.А. Могильниковым VII–VI вв. до н.э., а наиболее раннего железного проушного с втком из кургана 8 Быстрянского могильника (предгорья) – концом VI – началом V в. до н.э. (Могильников, 1997, с. 49–51). Однако весь инвентарь Быстрянского кургана относится (как и курганов 21, 27 из Балык-Соока-1) к переходному времени от раннескифской культуры к быстрянской. Не зависимо от меняющихся абсолютных датировок последних Быстрянский курган является по отношению к памятникам быстрянской и пазырыкской культур не просто ранним, а предшествующим. Соответственно, по существующей условной хронологии он может быть отнесен к первой половине VI в. до н.э. Содержавшие боевые железные чеканы курганы 82 и 99 из Боротала-1 (рис. 67. – 1, 2) по вооружению, украшениям, сбруйной и поясной фурнитуре относятся к раннепазырыкскому этапу. Учитывая существование чеканов таких форм и на последующих этапах, можно заключить, что они готовили длительное время.

Вотивные чеканы также появляются уже на раннем этапе пазырыкской культуры, что иллюстрируется находкой однотипных бронзовых уменьшенных чеканов в разновременных курганах 2 и 5 Чендека-ба (Киреев, Шульга, 2006). По мнению В.А. Кочеева, на позднем этапе пазырыкской культуры «роль чеканов как оружия ближнего боя постепенно сходит на нет» (Кочеев, 1999, с. 75). Однако это не более чем вполне логичное (возможно, и верное) предположение, основанное на отсутствии чеканов в комплексах последующего времени и все большей условности моделей на позднем этапе пазырыкской культуры. Фактических материалов в пользу этого предположения нет. Судя по находке деревянной модели чекана на могильнике гунно-сарматского времени Яломан-2 (Тишкин, Горбунов, 2003, рис. 1. – 4), эта традиция погребального обряда какое-то время продолжала сохраняться и после угасания пазырыкской культуры.

В публикуемых комплексах насчитывается 11 чеканов, из них два железных боевых с втками, остальные уменьшенные и миниатюрные бронзовые модели (рис. 67). Почти все чеканы проушные, и только у экземпляра из Боротала-2 (к. 7) имеется короткая втулка (рис. 42. – 9; 67. – 6). Это характерная черта чеканов VI–III вв. до н.э. из Горного Алтая, Тувы и Монголии, тогда как в примыкающих с запада и севера каменной и тагарской культурах они втульчатые. Особенностью публикуемой серии чеканов, пожалуй, является значительный процент уплощенных обушков и бойков. Они наблюдаются у пяти экземпляров, но полностью уплощены только два чекана – боевой железный из Боротала-1 (к. 99) и уменьшенный бронзовый из Кор-Кечу (рис. 18; 38). У чекана из Боротала-2 (к. 7) уплощен обушок, а у чекана из Ала-Гаила-3 (к. 7) наоборот – боек. Этот миниатюрный чекан длиной 11 см имел отверстие на втулке для фиксации на рукояти и продольный желобок на клиновидном бойке (рис. 28. – 4). Особый интерес представляют боевые железные чеканы из двух раннепазырыкских курганов могильника Боротал-1.

Чекан из кургана 82 (Боротал-1, рис. 37. – 4; 67. – 2). Входил в состав полного набора оружия вместе с боевым железным кинжалом и десятью роговыми наконечниками стрел. Че-

кан сильно корродирован. Сохранился стержневидный обушок диаметром 13–14 мм с проухом и прикипевшей застежкой из клыка кабана. Длина чекана точно не установлена и может быть приблизительно вычислена по обушку, который всегда короче бойка. Соответственно общая длина чекана составляла не менее 26,5 см. В верхней части проуха под обушком слабо прослеживалось три параллельных желобка. На конце деревянной рукояти находился вток из оловянистой бронзы длиной 6 см (рис. 37. – 5). На одной из уплощенных сторон втока имелось отверстие для его фиксации на рукояти. Соответствующее сквозное отверстие было и на конце вставленной во вток деревянной рукояти (рис. 37. – 5а). Судя по овальному в сечении основанию втока, рукоять чекана в разрезе также была овальной, как и у чекана из кургана 99. По наблюдениям из курганов Юго-Восточного Алтая, у многих вотивных чеканов сечение рукояти было круглым. Но отдельные рукоятки чеканов (в том числе боевых железных) имели овальное сечение. При этом обращенная к обушку сторона округлая, а обращенная к бойку сходит на конус, образуя вдоль ручки ребро. Такая форма рукояти не позволяла ей проворачиваться и делала рукоять более удобной для фиксации в зажатой руке. По мнению В.Д. Кубарева, эта особенность рукоятей позволяет более точно отличать настоящие чеканы от имитаций (Кубарев, 1992, с. 67–68).

Чекан из кургана 99 (Боротал-1, рис. 38. – 5; 67. – 1). Длина чекана 22,5 см, проушина в сечении овальная. Судя по разделявшей чекан от обушка до острия бойка продольной трещине, он был изготовлен из двух сваренных пластин с полукружьями проушины. Боек имеет форму клинка с продольным валиком посередине. Ширина валика 7–9 мм, но первоначально он мог быть уже и увеличился в результате коррозии. В могиле находился железный вток длиной 10,6 см с валиком в основании (рис. 38. – 6). Ближайшие аналогии чекану происходят из Верх-Кальджина-2 и Ташанты-1. Чекан из Верх-Кальджина-2 (к. 3) железный боевой, длиной 23 см, с ребром жесткости на бойке и шестигранным плоским, несколько скругленным обушком (Молодин, 2000, рис. 132, с. 108). Плоский чекан из Ташанты-1 (к. 1) с ребром жесткости на клиновидном бойке почти аналогичен вышеописанному, но изготовлен из бронзы и несколько короче (около 19 см). Вероятно это уменьшенная копия. Судя по рисунку А.С. Суразакова, миниатюрная копия такого же чекана длиной не менее 10 см с клиновидным бойком происходит из кургана 12 Кок-Су-1 (Сорокин, 1966, рис. 4. – 3; Суразаков, 1989, рис. 20. – 6, с. 53). Еще один миниатюрный чекан с плоскими обушком и бойком, но других пропорций, происходит со Средней Катуни (Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 20. – 3).

Итак, в настоящее время на юго-востоке Горного Алтая известно два боевых железных чекана с плоским обушком и плоским клиновидным бойком, одна уменьшенная копия и одна миниатюрная (чекан из Кайнду имеет существенные отличия). Судя по материалам кургана 99 из Боротала-1, содержавшего богатый роговой сбруйный набор с псалями раннего типа, овальными железными пронизками и башневидными наконечниками стрел (рис. 38; 39), время появления рассматриваемых чеканов на Алтае относится ко второй половине – концу VI в. до н.э. Курганы с чеканами из Ташанты-1, Верх-Кальджина-2 и Кок-Су-1 хорошо датирующих вещей не содержат, но в целом, с учетом данных дендрохронологии, могут быть отнесены к началу позднепазырыкского этапа (IV–III вв. до н.э.). Ранние даты чекана из Боротала-1 (к. 99) подтверждает и железный вток, аналогичный найденным в могильнике Новотроицкое-2 (Уманский, Шульга, 2005б, рис. 1, 2). При этом курган 1 из Ташанты-1 может быть более ранним, если судить по орнаменту в виде стилизованных грифонов раннего типа, псалям и деревянным имитациям клыков (Кубарев, 1987, табл. LXXXV). Курган 3 из Верх-Кальджина-2, вероятно, сооружен чуть позже. На это указывают особенности погребального обряда в прилегающих курганах и нахождение в кургане 2 (помимо чекана с плоским обушком и маленького зеркала), железного кинжала с прямым перекрестием, прорезной рукоятью и кольчатым навершием (Молодин, 2000; Полосьмак, Молодин, 2003, рис. 56–58). В Туве похожие железные и бронзовые чеканы из могильников Суглук-Хем-1, 2 датируются Вл.А. Семеновым II в. до н.э.

(Семенов, 2003, табл. 107, с. 76), но при этом указанный автор склонен аналогично датировать и курганы из урочища Пазырык.

В культурном отношении рассматриваемые курганы, несомненно, пазырыкские, но в курганах Кальджина-2 отмечено и восточное влияние (Молодин, 2000, с. 118–119). Между тем железные втульчатые чеканы с втоками (возможно, и два сильно корродированных железных кинжала) из Ак-Алахи-1 (к. 1), железный кинжал из кургана 2 и деревянная модель кинжала из кургана 3 могильника Верх-Кальджин-2 близки известным на равнине Алтая (Полосьмак, 1994, с. 33–34; 2001, с. 57–58; Молодин, 2000; Полосьмак, Молодин, 2003, рис. 56, 58). С еще большей вероятностью это можно предполагать по уникальному для Горного Алтая железному втоку из Боротала-1 (рис. 38. – 6), ближайшие аналогии которому имеются в каменной культуре. К сожалению, как отмечалось выше, в захоронениях пазырыкской культуры представлен не столько реально существовавший набор вооружения, сколько соответствующий нормам погребальной обрядности. Поэтому редкие, по имеющимся данным, типы оружия в действительности могли иметь большое распространение, и их обнаружение не означает каких-то особо тесных связей с соседними территориями. Этот вывод имеет отношение и к железному втоку из Боротала-1, поскольку на юго-востоке Горного Алтая обнаружены деревянные рукояти чеканов с вырезанными валиковыми втоками (Уландрык-1, к. 1; Юстыд-12, к. 8; Барбургазы-1, к. 25) (Кубарев, 1987, табл. IV. – 15; Кубарев, 1991, табл. XXVII. – 28; Кубарев, 1992, табл. XXX. – 18).

Не зафиксировано в Горном Алтае и ни одного известного у каменных чеканов (Уманский, Шульга, 2005) металлического колпачка, но его деревянная имитация в Чендеке-ба (Киреев, Шульга, 2006) указывает на присутствие у пазырыкских боевых чеканов такой детали. Так или иначе, но находки в курганах Укока, расположенных на древнем пути из Восточного Казахстана в Монголию, относительно большого количества боевых железных кинжалов и чеканов с втоками не могут считаться случайностью.

Втоки. Особый интерес представляет обнаружение у боротальских боевых чеканов железного и бронзового втоков. Несмотря на наличие имитаций втоков на деревянных ручках, в Горном Алтае они почти не встречаются. Отсутствуют они даже на связанной с равниной Средней Катунь (Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 20–23). Еще недавно втоки не были известны и в Юго-Восточном Алтае (Кубарев, 1992, с. 68). Редко они встречаются и на равнине, где, по мнению В.А. Могильникова, насчитывается всего 8 экземпляров (Могильников, 1997, с. 51). Помимо Боротальских авторам известно упоминание двух железных втоков из кургана 1 могильника Ак-Алаха-1 (Полосьмак, 1994, с. 32; 2001, с. 57–58). К сожалению, характеристики их не приводятся. Судя по деревянному окончанию рукояти, на которую надевался овальный в сечении вток (Полосьмак, 1994, рис. 25), длина его была около 7–8 см. Ближе к основанию втока с двух (?) сторон (судя по сквозному отверстию в рукояти) имелись отверстия для фиксации на рукояти. Значительность врезки указывает на наличие валика в основании втока. Данное заключение можно сделать по аналогии с чеканами каменной культуры, у которых рукоять под вток вырезалась таким образом, чтобы валик надетого втока был на одном уровне с поверхностью рукояти (Уманский, Шульга, 2005б).

4.6. Наконечники стрел

Оружие дальнего боя в пазырыкской культуре представлено луками и стрелами. Луки и колчаны носили слева на поясе. Аналогичным образом их помещали и в погребениях. Наиболее представительная серия моделей и настоящих луков происходит из высокогорных погребений в Уландрыке и Барбургазы-1 (Кубарев, 1987, с. 69; Кубарев, 1992, с. 69). Модели в детских

погребениях представляли собой согнутые тальниковые пруты. Настоящие луки составлялись из нескольких деревянных подквадратных, подовальных и подпрямоугольных в сечении деталей, имеющих по центру один продольный желобок и косые насечки на склеиваемых плоскостях. Сложенные в пучок детали (пластины) обматывались тонкой и узкой (ширина 1 см) полоской коры. Длина луков составляла 105–110 и 120 см. Вероятно, это размеры луков, помещенных в могилы со снятой тетивой. Длина их с натянутой тетивой была значительно меньше – 80–90 см.

Основываясь на изображениях с войлочного ковра в Пятом Пазырыкском кургане и других территориях, С.И. Руденко считал основным вооружением в скифскую эпоху на Алтае короткий сложный лук так называемого скифского типа. Действительно, выявленные позднее многочисленные изображения на оленных камнях Алтая и Монголии (Кубарев, 1979, с. 69, 99, табл. I; с. 102, табл. IV. – 1 и т.д.; Волков, 1981, с. 107–108, 232), а также широкое распространение бронзовых застежек в виде лука указывают на широкое распространение сложного лука сигмовидной формы на Алтае и в Монголии, по меньшей мере с раннескифского времени. Наряду с этими рисунками на оленных камнях часто воспроизводились и простые луки сегментовидной формы (Кубарев, 1979, табл. IX. – 3, X. – 3; Волков, 1981, с. 192, рис. 5, с. 197, рис. 1). Такие же луки (16 экз.) найдены в курганах Уландрыка, Юстыда и Сайлюгема. По мнению В.Д. Кубарева, это говорит о сосуществовании в Центральной Азии двух типов луков: боевого короткого сигмовидной формы и охотничьего длинного простого сегментовидной формы (1992, рис. 70–71). Находки из мерзлотных курганов Юго-Восточного Алтая позволили реконструировать форму наиболее широко распространенных в пазырыкской культуре малых («расходных») колчанов, помимо которых существовали обтянутые берестой и кожей большие деревянные, а также рассмотреть вопрос о наличии горитов, вмещавших и колчан, и лук (Кубарев, 1981). Реконструкцию последних удалось сделать после раскопок на Укоке (Полосьмак, 2001, с. 176–181).

Подавляющее число наконечников стрел из захоронений пазырыкской культуры – роговые. В мерзлотных погребениях найдено значительное количество заостренных наконечников из дерева. Зафиксированы случаи помещения деревянных древков без наконечников или их моделей (Кубарев, 1992, с. 74). Как правило, деревянные наконечники из пазырыкских захоронений нельзя отнести к охотничьим томарам – это имитации условных трехгранных наконечников. Очевидно, их помещали в погребения и в других районах Горного Алтая, но они не сохранились. Бронзовые наконечники встречаются редко, а железные пока не зафиксированы (Суразаков, 1989, с. 54; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 61–62), что, конечно же, не означает отсутствия последних в вооружении пазырыкцев. Аналогичная ситуация и в публикуемых комплексах Чуи и Урсула. Из 51 найденного здесь наконечника 46 роговые и пять бронзовых (рис. 68). При этом из бронзовых к пазырыкской культуре относятся только два из элитного кургана 7 в могильнике Боротал-1 (рис. 34. – 2), остальные три происходят из кургана 27 переходного времени (около первой половины VI в. до н.э.) в могильнике Балык-Соок-1 (рис. 12. – 12–14).

Количество наконечников в захоронениях невелико – от одного до четырех и только в Боротале-1 их больше: в кургане 100 – восемь и в кургане 82 – десять (рис. 37; 40). Шесть наконечников происходят из более раннего кургана 27 могильника Балык-Соок-1 (рис. 12). Если рассматривать их территориальное расположение, то большинство (31) найдены в расположенных поблизости курганах Боротала, Ала-Гаила и Тербедака и почти все из них – в ранних погребениях. Несмотря на казалось бы небольшое количество (51), серия достаточно представительная в сравнении даже с обобщающими сводками по Горному Алтаю с предгорьями (108) и Средней Катунью (81) (Суразаков, 1989, с. 54; Кирюшин, Степанова, 2004, с. 61).

Благодаря включению в предлагаемую публикацию материалов переходных курганов 21 и 27 могильника Балык-Соок-1 и наличию представительных комплексов в более поздних курганах пазырыкской культуры удастся проследить эволюцию нескольких типов наконечников с VII по III в. до н.э. (рис. 69).

4.6.1. Бронзовые наконечники. Обнаружены в Балык-Сооке-1 (к. 27) и Боротале (к. 7).

Черешковые трехгранно-трехлопастные наконечники из Балык-Соока-1. Все три бронзовых наконечника однотипные: черешковые, трехлопастные с утяжеленным трехгранным бойком и почти остроугольной головкой (рис. 12. – 12–14; 68). Два из них идентичные, длиной по 4,2 см (возможно, отливались в одной форме), третий более крупный длиной 5,2 см. Черешки наконечников в месте соединения с древком уплощены по форме отливки и немного раскованы, грани лопастей и острие заточены. Жальца на лопастях малых наконечников несколько отгибаются книзу. У крупного одна лопасть имеет снизу такой же изгиб, а две другие срезаны под прямым углом к черешку. Несмотря на небольшие размеры, наконечники довольно массивные за счет округлой части черешка и трехгранного окончания головки.

Такие наконечники были широко распространены в восточной части Евразии в VII–VI вв. до н.э. Они хорошо представлены в раннескифских комплексах Приаралья (Сакар-чага-6, Южный Тагискен, Уйгарак) (Вишневская, 1973, табл. XXV; Яблонский, 1996, рис. 12, 17 и др.; Яблонский, Итина, 1997, рис. 70а), Центрального и Северного Казахстана (Кадырбаев, 1966, рис. 58, 59; Хабдулина, 1994, табл. 50), на Южном Урале (Исмагилов, 1988, рис. 7), в Туве (Чугунов, 2000), Минусинской котловине (Членова, 1967, табл. 12) и более восточных территориях. На Алтае в раннескифских комплексах такие наконечники не встречались (Кирюшин, Тишкин, 1997), но в 2005 г. один был найден в захоронении бийкенского типа на могильнике Усть-Теплая в среднегорьях Северо-Западного Алтая (рис. 69. – 1; раскопки П.И. Шульги). На равнине близкие черешковые трехлопастные с утяжеленным трехгранным бойком наконечники встречаются (Иванов, 1993; Могильников, 1997), но в представительном комплексе они найдены лишь однажды – в синхронном Балык-Сооку-1 (к. 27) кургане 8 Быстрянского могильника (рис. 69. – 41) (Завитухина, 1966, рис. 2. – 20, 21) вместе с пулевидным и несколько приталенными роговыми наконечниками (рис. 69. – 45, 46). Еще один, почти идентичный наконечник длиной 4,8 см найден в раннекаменном одномогильном кургане 8 могильника Камень-2 вместе с фрагментом железного костылька (рис. 69. – 61; раскопки А.П. Уманского 1975 г.).

Таким образом, на Алтае черешковые трехлопастные наконечники с утяжеленным трехгранным бойком достоверно зафиксированы в захоронениях VII – первой половины VI в. до н.э. (Усть-Теплая, Быстрянка, к. 8). По всей видимости, они продолжали иногда использоваться и в раннепазырыкское время, но кроме находки в разграбленном кургане 8 могильника Камень-2, подтверждений тому нет. Следует отметить, что в Туве подобные балык-соокским наконечники датируют в рамках VII–V вв. (Чугунов, 2000, с. 226–227). На основании радиоуглеродных дат могильник Догээ-Баары-2, где имеются рассматриваемые наконечники, стал датироваться даже не V в. до н.э. (Чугунов, 2000, с. 226), а «в пределах второй половины V – середины IV в. до н.э.» (Евразия... 2005, с. 159, 215). Столь значительные расхождения обусловлены различиями в датировании комплексов VI–V вв. на Саяно-Алтае (см.: 1.2). По материалам тувинские комплексы с такими наконечниками синхронны раннепазырыкским, т.е. по принятым на Алтае хронологическим реперам они также относятся ко второй половине VI, возможно, началу V в. до н.э.

Для верного понимания места наконечников из Балык-Соока-1 следует отметить параллельное существование на указанных территориях и черешковых трехлопастных наконечников без утяжеленного трехгранного наконечника. Именно эта форма становится доминирующей в комплексах VI в. до н.э., постепенно переходя в облегченные наконечники V–IV вв. до н.э. более стройных пропорций без массивного бойка (рис. 69). Особый интерес представляют четыре бронзовых наконечника из могилы 30 Бобровского могильника «большереченской культуры переходного времени» (Шамшин, Фролов, Медникова, 1996, рис. 4. – 4–7). Исходя из расположения наконечников, из которых один вонзился в локтевую кость умершего, можно считать их синхронно существовавшими боевыми. *Это одно из немногих достоверных сви-*

детельств сосуществования в конце VII – начале VI в. до н.э. черешковых трехлопастных, трехлопастных с утяжеленным бойком и трехгранно-трехлопастных, а также втульчатых трехгранных. На Алтае черешковые трехлопастные наконечники VI в. до н.э. хорошо представлены в Староалейке-2 вместе с башневидными и остроугольными роговыми наконечниками (рис. 69. – 59) (Кирюшин, Кунгуров, 1996).

В Горном Алтае им наиболее близки трехлопастные наконечники из кургана 5 могильника Салдам (рис. 69. – 21) (Худяков, 1995, рис. 1. – 2–6; Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 24–27). В кургане 5 они найдены вместе с башневидными роговыми черешковыми (возможно, одношипными) наконечниками, бронзовыми массивной ворворкой, петельчатой бляшкой и крючком. Интересно, что два роговых башневидных наконечника имеют на гранях продольные ребра – напоминающие гранчатые выступы на черешковом одношипном наконечнике из Балык-Соока-1 (рис. 69. – 22). Однако бронзовые наконечники типа найденных в Салдаме без утяжеленного трехгранного бойка, как правило, датируются позже.

Следует отметить, что описанная выше эволюция трехлопастных наконечников с утяжеленным бойком в облегченные трехлопастные не столь однозначна, как это может показаться, поскольку небольшие легкие черешковые трехлопастные наконечники известны на Алтае уже с раннескифского времени (рис. 69. – 55) (Абдулганеев, Кунгуров, 1990, рис. 1. – 5; Демин, Ситников, 1999, рис. 1. – 4; Могильников, 1997, рис. 45; и др.).

Втульчатый трехлопастной наконечник из Боротала-1. В кургане 7 найдено два бронзовых наконечника, но хорошо сохранился лишь один втульчатый трехлопастной длиной 3 см (рис. 34. – 2; 68; 69). Втульчатые трехлопастные наконечники различных вариантов характерны для западных культур, а на сопредельных с Алтаем территориях встречаются редко. В соседней Туве такие наконечники с выступающей втулкой не известны (Чугунов, 2000, с. 229; Семенов, 2003, табл. 104). На Алтае в раннескифских комплексах найден лишь один втульчатый трехлопастной наконечник из могильника Элекмонар-2 (рис. 69. – 3) (Степанова, 1966, рис. 6. – 10). Несколько больше их в VI–V вв. до н.э., но в хорошо датированных комплексах они встречаются редко (Иванов, 1993, Могильников, 1997). Единственным достаточно представительным комплексом с близкими боротальским бронзовыми втульчатыми трехлопастными наконечниками является новообинский клад (Иванов, Медникова, 1982; Могильников, 1997, рис. 35). По всем данным, это не сборная коллекция, а материалы из одного захоронения первой половины – середины VI в. до н.э. Нахождение в нем нехарактерных для Алтая железного меча и втульчатых трехлопастных наконечников, форма колчанного крючка указывает на связь этого комплекса с савроматскими Южного Приуралья.

4.6.2. Роговые наконечники. Несмотря на явное преобладание роговых (костяных) наконечников в погребальных комплексах VII–III вв. до н.э. в Южной Сибири, они до сих пор изучены слабо и долгое время к датированию почти не привлекались. По территории Алтая предлагалось несколько типологических классификаций «костяных» наконечников стрел скифского времени (Иванов, 1987; 1995; Могильников, 1997; Кочеев, 1987 и др.; Суразаков, 1988). К сожалению, указанные классификационно-хронологические построения имели существенные недостатки, выражающиеся прежде всего в нарушении относительной последовательности бытования типов наконечников.

В последние годы ситуация на Алтае существенно изменилась. В научный оборот введена значительная часть полученных ранее и новых материалов VII–III вв. до н.э., в том числе содержащих роговые (костяные) наконечники стрел. Все это позволило выделить среди наконечников VII–V вв. до н.э. Алтая и Тувы несколько устойчивых типов роговых наконечников стрел. Появились основания считать некоторые из них хронологическими индикаторами, позволяющими в ряде случаев определять относительную хронологию памятников даже более точно, нежели по бронзовым наконечникам и другим категориям вооружения (Шульга, 2002а). Опубликованные в последние годы материалы из Тувы, а также новые находки с Алтая под-

твердили сделанные ранее выводы по наконечникам VII–VI вв. до н.э. Массовый материал был введен в оборот и по роговым наконечникам VI–III в. до н.э. Опубликованы наконечники из Локтя-4а и некоторых курганов по Чарышу (Шульга, 2003д, рис. 48; 52), крупные серии роговых и костяных наконечников получены на Средней Катуні (Кубарев, 2001, Кирюшин, Степанова, 2004), а также в Новотроицком некрополе (Уманский, Шульга, 2005б; Шульга, 2007). Еще 46 роговых наконечников вводятся в научный оборот в данной работе. В результате появилась возможность достаточно уверенно на большом материале выделить основные типы роговых (костяных) наконечников на Алтае и проследить их эволюцию в VII–III вв. Для верного понимания предлагаемого ниже раздела остановимся на основных тенденциях в становлении и развитии роговых (костяных) наконечников на Алтае и в Туве в VII–III вв. до н.э.

Раннескифское и переходное время (вторая половина VII – первая половина VI в. до н.э. Практически все роговые наконечники раннескифского времени на Саяно-Алтае в той или иной мере следуют воплощенным в бронзе стандартам, но не копируют их полностью (Шульга, 2002а). Основное количество роговых (костяных) наконечников на Алтае и в Туве происходит из комплексов завершающего этапа раннескифской культуры типа Аржана-2, Алдыбели-1, Ий (Тува), Элекмонара-2 (Горный Алтай), Гилево-10, близкого хронологически Чесноково-1 (северо-западные предгорья Алтая) и некоторых других. В это время *складываются получающие наиболее широкое распространение в первой половине VI в. до н.э. на Алтае и в Туве несколько основных типов роговых наконечников: черешковые трехгранные с башневидной (в том числе приталенной) и остроугольной головкой (рис. 69. – 5, 6, 10, 11, 37, 38, 59, 60, 63), а также втульчатые пулевидные (рис. 69. – 4, 9, 45).* В колчан в могилу с умершим намеренно помещали разнотипные роговые наконечники, которые могли образовывать устойчивые сочетания. Так, появляющееся в раннескифское время (Аврора) (Абдулганеев, 1997) сочетание башневидных и остроугольных наконечников становится характерной чертой колчаных наборов первой половины – середины VI в. до н.э. на равнине Алтая (рис. 69; староалейская культура) (Ведянин, Кунгуров, 1996; Кирюшин, Кунгуров, 1996) и в Туве (Урбюн-3, Савинов, 1980, рис. 3; Степная полоса... 1992, табл. 75; и др.). Уже в начале VI в. до н.э. (Балык-Соок-1) начинают исчезать черешковые башневидные с длинной головкой (рис. 69. – 6, 37), но сама башневидная форма, видоизменяясь, продолжает сохраняться до конца башадарского этапа (около рубежа V–IV вв. до н.э.). Примерно до этого же времени продолжают эпизодически встречаться и втульчатые пулевидные (Боротал-1; рис. 37; 69. – 18). Помимо указанных на Алтае и в Туве в VI в. до н.э. существуют характерные наконечники (обычно с трехгранной башневидной головкой) с длинным расщепленным насадом (рис. 69. – 39).

Раннепазырыкское время (середина VI–V вв. до н.э.). На раннепазырыкском этапе в Горном Алтае все еще продолжают сохраняться в измененной форме раннескифские формы башневидных и пулевидных наконечников. При этом появляются неизвестные ранее втульчатые башневидные с треугольными вырезами в основании (рис. 69. – 20; Боротал-1). Доминировавшая башневидная форма головки начинает заменяться сводчатой (остролистной) у всех типов наконечников. Появляются крупные наконечники со сводчатой головкой (рис. 69. – 14; 37; Кырлык-1, Боротал, к. 82). Крупные черешковые наконечники из Кайнду (рис. 69. – 15; к. 2, 7) еще сохраняют близкую раннескифским башневидную форму, но уже не имеют хорошо выраженного перехода к острию. Длина головки у крупных раннепазырыкских наконечников такая же, как в раннескифское время, а уменьшение общей длины происходит за счет укорачивания черенка. Как и в раннескифское время, наряду с крупными существуют наконечники средних и малых размеров.

Близкие процессы происходили и на равнине Алтая. Во второй половине VI в. до н.э. (возможно, и в начале V в. до н.э.) в староалейской культуре сохраняется устойчивое сочетание роговых черешковых башневидных и остроугольных наконечников (рис. 69. – 59–60). В соседствующей с ней, несколько позже формирующейся каменной культуре на раннем этапе

(около середины VI в. до н.э.) также представлены башневидные черешковые и асимметрично-ромбический втульчатый наконечники (рис. 69. – 63; Михайловское-6, Гоньба-2, ЕКМ-1). Однако в «классических» многомогильных курганах каменной культуры (прежде всего в северной части ареала) ярко выраженные башневидные (в том числе приталенные) пулевидные и одношипные наконечники отсутствуют (Троицкая, Бородовский, 1997). Основные типы наконечников (черешковые и зажимные) там не изменяются с эпохи поздней бронзы (рис. 69. – 40; поселение Мыльниково) (Папин, Шамшин, 2005, рис. 12–15) до рубежа эр (рис. 69. – 67, 72–74; Быстровка-3; Дураков, Мжельская, 1995). Наиболее заметной особенностью указанных каменных черешковых наконечников является почти полное отсутствие жалец, образуемых опускающимися гранями. У большинства грани в нижней части срезаны под прямым углом к черенку (Полосьмак, 1987; Троицкая, Бородовский, 1994; Дураков, Мжельская, 1995; Могильников, Уманский, 1992, рис. на с. 204, 1999, рис. 3; Шульга, 2003д, рис. 48; и др.). Черешки у этих наконечников зачастую значительно короче, чем в Горном Алтае. Изготавливались они преимущественно из кости, а потому имеют на одной грани своеобразный желобок от мозгового канала. Значительная часть наконечников имеют ромбическое сечение, которое может сочетаться с плохо выраженным трехгранным. Наконечники известных в Горном Алтае и Туве типов, в каменной культуре бытовали в южной части ее ареала. По имеющимся материалам северная граница их основного распространения проходила примерно по Чумышу, где они в сравнительно большом количестве встречаются в Новотроицком некрополе.

Позднепазырыкское время (IV–III вв. до н.э.). Роговые черешковые и втульчатые наконечники этого времени в Горном Алтае полностью утрачивают характерные для VII–VI вв. до н.э. черты (рис. 68; 69). Почти все наконечники имеют сводчатую форму головки. Соотношение черешковых и втульчатых наконечников существенно меняется в пользу последних (Суразаков, 1989, с. 56–57; Кубарев, 1987, рис. 24; 1991, с. 83; 1992, рис. 22; Молодин, 2000, рис. 135). Однако по *суммарным* подсчетам, втульчатых наконечников в пазырыкских захоронениях VI–III вв. до н.э. все же значительно меньше, чем черешковых. Так, по В.А. Кочееву, на 1992 г. из 200 «костяных» наконечников втульчатых было около 60 (Кочеев, 1993, с. 173). Аналогичное соотношение и на Средней Катунь (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 64). Объясняется это противоречие резким уменьшением количества роговых наконечников в памятниках позднего этапа пазырыкской культуры. Данный вывод хорошо иллюстрируется сводной таблицей наконечников из публикуемых курганов Чуи и Урсула, где из 42 экземпляров тридцать происходит из раннепазырыкских погребений (рис. 68).

В это время черешковые наконечники по средним показателям в сравнении с VII–VI вв. до н.э. значительно уменьшаются по длине. При этом сохраняется установившееся в VI в. до н.э. соотношение между крупной головкой и коротким черешком (рис. 68). Почти все наконечники трехгранные с опущенными жальцами и треугольными вырезами в основании сводчатой головки, как у наконечников из Семисарта-2 и Тете-4 (рис. 16; 47). Наибольшее распространение среди втульчатых получили трехгранные сводчатые (остролистные) или остроугольные с треугольными вырезами в основании, как в Боротале-3 (рис. 68. – 10). Иногда они имеют плоское основание (Тете-4; рис. 68. – 9; 47. – 12). Втульчатые ромбические в сечении, типа найденных в Ала-Гаиле (рис. 32. – 10) представлены в небольшом количестве (Суразаков, 1989, с. 56; Кирюшин, Степанова, 2005, рис. 26). Явное преобладание втульчатых наконечников с начала IV в. до н.э. наблюдается и на Северо-Западном Алтае, где из 16 обнаруженных по Чарышу наконечников, черешковых только два длиной около 4 и 5 см (Шульга, 2003д, рис. 52; Тишкин, Дашковский, 2003б). Существенной особенностью многих втульчатых наконечников с равнины от найденных в Горном Алтае является арочная форма вырезов в основании, тогда как в Горном Алтае они треугольные. Пулевидных наконечников в Горном Алтае нет, а упоминаемый экземпляр из Шибе (Суразаков, 1989, с. 56; Кочеев, 1993, с. 174), по имеющимся данным, – результат недоразумения (Шульга, 2002а, с. 52).

В отличие от более ранних, роговые (костяные) наконечники из предгорий и Горного Алтая с начала IV в. до н.э. датировать в узких рамках пока не удастся. Одна из причин тому не столько в самих наконечниках, сколько в аморфности комплексов, из которых они происходят.

4.6.3. Роговые наконечники из курганов Чуи и Урсула. Всего в курганах найдено 46 роговых наконечников (рис. 68). Наиболее ранние роговые наконечники (пулевидный и башневидные) найдены в комплексе переходного типа первой половины VI в. до н.э. кургана 27 могильника Балык-Соок-1 (рис. 12. – 9–11). К раннепазырыкскому этапу (вторая половина VI–V вв. до н.э.) относятся два набора втульчатых башневидных наконечников и один набор с пулевидными наконечниками из курганов 99, 100 и 82 могильника Боротал (рис. 37; 38; 40). К концу раннепазырыкского этапа, по-видимому, относятся наконечники из кургана 6 могильника Тете-4 (рис. 68. – 8). В рамках раннепазырыкского этапа должны датироваться (по форме бронзовых удил) наконечники из кургана 1 могильника Тербедок (рис. 22), но не исключено, что контуры их зарисованы с искажениями. Остальные черешковые и втульчатые наконечники относятся к более позднему времени (рис. 68).

Роговые наконечники из кургана 27 могильника Балык-Соок-1

Всего в захоронении найдено шесть наконечников – три бронзовых черешковых, три роговых, из которых два втульчатых и один черешковый. Роговые наконечники в отличие от бронзовых были разрознены, и место их первоначального расположения не совсем ясно. Тем не менее можно полагать, что они крепились на древках (на одном бронзовом наконечнике сохранились остатки древка и нити) и традиционно располагались в одном колчане у южного костяка мужчины остриями к пяткам. На Алтае в раннескифских колчаных наборах конца VII – первой половины VI в. до н.э. бронзовые наконечники обычно дополнялись роговыми. При этом, если бронзовые могли быть одинаковыми, то роговые, как правило, намеренно подбирались разнотипные.

Втульчатый роговой наконечник относится к типу пулевидных. Его длина 3,6 см, диаметр – 0,7 см, глубина втулки – 0,8 см (рис. 12. – 10), боек приострен. Втульчатые пулевидные наконечники стрел встречаются в погребениях в восточной части евразийского степного пояса с VIII (?) в. до н.э. (Грязнов, 1980, рис. 11–12, 13) до VI–V вв. до н.э. (Смирнов, 1961, рис. 39; Вишневская, 1973, с. 91; Кадырбаев, Курманкулов, 1976, рис. 7, 14; Кадырбаев, 1984, рис. 1. – 36; Иванов, 1987, с. 11; Гаврилюк, Таиров, 1993, рис. 3. – 1а). Наиболее широко они представлены в захоронениях VII – начала VI в. до н.э. (Кадырбаев, 1966, рис. 34; Вишневская, 1973, с. 91, 95, табл. XIII. – 17, 18; Яблонский, 1996, с. 42, рис. 35; Хабдулина, 1993, с. 33; 1994, с. 50; Смирнов, 1961, рис. 12; и др.). «Костяной» наконечник со сферическим бойком происходит из кургана 56 могильника Южный Тагискен (Итина, Яблонский, 1997, с. 53, рис. 49. – 1, 2), бронзовый – в кургане 23 могильника Сакар-чага в нижнем течении Аму-Дарьи (Яблонский, 1996, с. 42, рис. 19, 6, рис. 35, 26).

В раннескифских памятниках Алтая роговые пулевидные наконечники представлены двумя круглыми в сечении наконечниками со сводчатой головкой и прямым основанием из кургана 8 Быстрянского могильника (рис. 69. 45) (Завитухина, 1966) и кургана 7 могильника Усть-Теплая (рис. 69. – 4) (Шульга П.И., Шульга Н.Ф., 2002). Длина этих наконечников – 3,2–3,4 см. Наконечник из кургана 27 отличается от известных лишь относительно меньшим диаметром и приостренным бойком. А.С. Суразаков приводит еще один костяной пулевидный наконечник «из Шибинского кургана» (1988, с. 56, 59, 160, рис. 22. – 5). В работе нет ссылки на источник, но, очевидно, что причиной заблуждения является опубликованный С.В. Киселевым неудачный рисунок застежки («пронизи») подбородного ремня от узды лошади (Киселев, 1951, табл. XXX, рис. 33; Баркова, 1979, рис. 1. – 7). В Туве большая часть пулевидных наконечников относятся к раннескифскому времени. Пять бронзовых известно в Аржане-1 и Тоора-Хеме (Грязнов, 1980, рис. 11. – 12; Чугунов, 2000, с. 216; Дэвлет, 2005, рис. 4. – 8, 9). Роговые встречены в Аржане-1, а также в могильниках Баданка-4 и Сарыг-Булун (Грязнов,

1980, рис. 11. – 13; Чугунов, 2000, с. 221). Форма и размеры последних авторам не известны. По остальным же следует сказать, что в отличие от алтайских бронзовые и роговой наконечники более приострены, а четыре идентичных бронзовых наконечника из Аржана-2 и Тоора-Хема имеют длину всего около 1,7–2 см. Интересно отметить, что раннепазырыкские пулевидные роговые наконечники из Боротала-1 имеют те же форму и размеры (рис. 37. – 15). Еще два более близких найденному в Балык-Сооке-1 пулевидных наконечника длиной около 3 см обнаружены в Суглуг-Хеме-2 (Семенов, 2003, табл. 60).

Таким образом, на Алтае все три относительно длинных роговых пулевидных наконечника идут в комплексах второй половины VII – первой половины VI в. до н.э. Близко датируются пулевидные наконечники и на прилегающих территориях, короткие наконечники из Боротала-1, несмотря на близость формы с бронзовыми из Тувы, позже – башадарского периода (около второй половины V в. до н.э.). Что же касается наконечников из Суглуг-Хема-2, то по набору бронзовых наконечников, кинжалу с дуговидным перекрестием и зеркалу с боковой петлей этот комплекс близок во времени или даже раньше Первого и Второго Пазырыкских курганов.

Втульчатый башневидный трехгранный наконечник длиной около 4,8 см с прямым основанием (рис. 12. – 9). Несмотря на простоту формы, такие роговые или бронзовые наконечники авторам не известны. Судя по публикации А.М. Кулемзина (Кулемзин, 1976), таких башневидных наконечников нет и в тагарской культуре, где втульчатые трехгранные с прямым основанием получили наибольшее распространение. В Туве похожие происходят из кургана Аржан-1, но опубликованные не имеют башневидной формы. Тем не менее синхронность этого наконечника всему комплексу из Балык-Соока-1 сомнений не вызывает.

Черешковый башневидный одношипный наконечник (рис. 12. – 11) может быть отнесен к группе трехгранных, хотя все три грани у него имеют по дополнительному слабо выраженному ребру, а с их учетом насчитывается шесть граней. Общая длина наконечника 7,5 см, в том числе черешка – 4,3 см. В нижней половине головки ребро с шипом имеет характерную приталенность. Крупные наконечники длиной 7–8 см с длинной башневидной головкой появляются на Саяно-Алтае в комплексах завершающего этапа раннескифской культуры (Гилево-10, Чесноково-1, Ий) (Шульга, 1998б, 2003г; Дэвлет, 2004). В различных модификациях крупные одношипные наконечники продолжают существовать и в VI в. до н.э. (Кер-Кечу; Туран-2; Аймырлыг; вероятно, Догээ-Баары-2) (Полторацкая, 1966, рис. 5. – 4; Степная полоса... 1992, табл. 75. – 32; Евразия... 2005, рис. 3. – 81), но головка их становится короче, а черешок (в том числе расщепленный) относительно длиннее. К этой группе относится и наконечник из Балык-Соока-1.

Наконечники из курганов 99, 100 могильника Боротал-1 (рис. 38; 40). Все 12 наконечников однотипные – втульчатые с башневидной головкой длиной от 3,5 до 4,2 см. Большинство из них имеют в нижней части приталенность. Жальца образованы треугольными вырезами. Втулки имеют стандартные длину – около 1,7–2 см и диаметр – 0,5 см. Все наконечники изготовлены из роговой пластины с толщиной компактного вещества около 0,7 см. Ширина же наконечников в сечении около 1 см, а потому одно ребро приходится на пористую часть рога, что часто приводило к обламыванию находящегося здесь жальца (рис. 40. – 5, 9). На Алтае это особенность всех роговых наконечников, особенно ярко она выражена у экземпляров, изготовленных из относительно тонкой роговой пластины. В этом случае головка уплощалась, пористое ребро было низким и заovalенным, а жальце не вырезалось вовсе.

Наконечники из Боротала-1 явно воспроизводят укороченные головки более ранних черешковых башневидных типа найденного в Балык-Сооке-1. Вместе с тем они в определенной мере соответствуют втульчатым трехгранным бронзовым приталенным наконечникам из малого туэктинского кургана 6 (рис. 69. – 13) (Киселев, 1951; Руденко, 1960, рис. 7. – б). Представительные вещевые комплексы и сбруйный набор из курганов 99 и 100 позволяют уверенно

отнести их к башадарскому периоду (примерно вторая половина V в. до н.э.). По имеющимся данным, наконечники такого типа, как и другие башневидные, полностью выходят из употребления ко времени сооружения Второго Пазырыкского кургана. Один из найденных там наконечников (рис. 69. – 25) (Руденко, 1953, табл. LXXXV. – 2) еще сохраняет параллельность граней в центральной и нижней частях и приталенность, но переход к острию уже заovalен, как у сводчатых.

Наконечники из кургана 82 могильника Боротал-1 (рис. 37; 68). Всего в кургане найдено 10 наконечников: два рассмотренных выше пулевидных длиной по 1,7 см и восемь черешковых трехгранных, помеченных прорезанными знаками. Изготовлены из довольно толстой роговой пластины. Семь наконечников однотипные со сводчатыми головками и одинаковыми знаками. Из них пять почти одинаковы, размерами 5,8–6 см (рис. 37. – 8–12), два несколько длиннее – 6,5–6,7 см (рис. 37. – 7, 13). Черешки относительно короткие, как у других раннепазырыкских наконечников. На одной из граней каждого наконечника нанесен зигзагообразный знак, а на другой – по две параллельных линии. Несмотря на кажущееся различие эти знаки очень близки. По-существу две параллельные линии являются незавершенным зигзагом, без косой соединяющей линии. Восьмой наконечник длиной 6,8 см имеет почти остроугольную головку и относительно длинный черешок. На одной грани имеются два глубоко врезанных желобка, как бы продолжающих грани черешка. Посередине они пересечены косой прорезной линией (рис. 37. – 14). В верхней части другой грани прорезан знак из крестообразно пересекающихся параллельных линий. По инвентарю и конскому снаряжению наконечники относятся к раннепазырыкскому времени (башадарский период). Учитывая наличие наконечников с хорошо выраженной сводчатой формой в Кырлыке-1, Тьткескене-6, Кайнду, Бике-1, 3, Черновой и других памятниках, можно сказать, что в это время она получила в Горном Алтае довольно широкое распространение.

Черешковые трехгранные наконечники из кургана 8 могильника Тете-4 (рис. 48; 68). В кургане найдено три черешковых трехгранных наконечника длиной от 5,5 до 6,5 см. Два из них имеют головки башневидной формы с незначительной приталенностью в нижней части. В отличие от более ранних башневидных наконечников параллельность граней и приталенность у них наблюдается только в нижней части, как и у наконечника из кургана 41 могильника Кайнду (Киришин, Степанова, 2004, рис. 73. – 3). В комплексе с наконечниками из Тете-4 идут не датированные вотивные бронзовые чекан и кинжал, которые традиционно относят к завершающему этапу пазырыкской культуры. Исходя из времени бытования башневидных наконечников и их полного отсутствия в сотнях известных захоронений позднего этапа пазырыкской культуры, логично отнести курган 8 могильника Тете-4 к концу башадарского периода.

Втульчатые ромбические в сечении наконечники из кургана 1 могильника Ала-Гаил (рис. 32. – 10). В кургане обнаружено два «костяных ромбических в сечении втульчатых наконечника стрел» (Могильников, Суразаков, 1980, с. 188). Особенностью опубликованного сводчатого наконечника является глубокий вырез в основании, напоминающий зажимные наконечники из Тувы и относящиеся к каменной культуре. На севере Казахстана такого рода наконечники относятся к раннескифскому времени (Хабдулина, 1994, табл. 51. – 1, 2), на Алтае – к концу VI–IV вв. до н.э., (Суразаков, 1988, рис. 22. – 4, рис. 21. – 7, с. 58; Могильников, 1997, рис. 46. – 22, рис. 44. – 11, с. 55). Наконечники из Локтя-4а и Маяка-1 происходят из комплексов V–IV вв. до н.э. (Шульга, 2003д, рис. 48, 52). Примерно в этих же рамках датируются и захоронения каменной культуры из Обьездного, где А.Н. Телегиным найдены особо крупные экземпляры. Если исходить из вероятности связи роговых наконечников с бронзовыми асимметрично-ромбическими с «шипастым основанием» (Завитухина, 1966, рис. 3. – 12; Хабдулина, 1993, рис. 4. – 3–5, с. 31; Яблонский, 1996, рис. 35. – 12; Итина, Яблонский, 1997, рис. 57. – 3, 4, 6, 7; Чугунов, 2000, рис. 1, 2), то отмечаемые на некоторых из них черты башневидных или асимметрично-ромбических наконечников, казалось бы, должны указывать

на более ранний возраст этих экземпляров. Имеется мнение о существовании такого рода ромбических наконечников с начального этапа раннескифского времени с последующим уменьшением их размеров (Кочеев, 1993, с. 175), с чем как будто согласны и некоторые исследователи (Кирюшин, Степанова, 2004, с. 66). Однако для этого нет оснований. Время бытования бронзовых и роговых наконечников рассматриваемой формы не совпадает. Роговые ромбические в сечении наконечники с вырезами в основании в раннескифских комплексах Саяно-Алтая, как будто вовсе не известны, в том числе и на завершающем этапе раннескифской культуры, где широко представлены бронзовые экземпляры с «шипастым основанием». Не известны они авторам и в представительных комплексах VI–V вв. до н.э. Все такие наконечники происходят из захоронений IV–III вв. до н.э., что, несомненно, связано с доминированием на Алтае и в Туве втульчатых наконечников. Достоверных данных о постепенном их уменьшении в это время у нас нет.

4.6.4. Наконечники со знаками на гранях. Кратко остановимся на представляющих интерес знаках на гранях роговых наконечников из Горного Алтая. По сводке В.Д. Кубарева на 1994 г. здесь насчитывалось 34 экземпляра «меченых» наконечников (рис. 70) (Кубарев, 1995, с. 100). Еще два черешковых наконечника со знаками происходит из кургана 7 могильника Кайнду (Мамадаков, 2003, рис. 9. – д). Из 22 нанесенных на грани наконечников разных по начертанию знаков чаще всего повторяется фигура из двух или трех параллельных черточек. Другие представляют различные комбинации параллельных и перекрещивающихся линий, полуovalов, косых и прямых крестов. Отдельные знаки, по мнению В.Д. Кубарева, даже напоминают буквы известной надписи из кургана Иссык или буквы арамейского или прототюркского письма. В небольших сериях наконечников (от 3 до 8), возможно, изготовленных одним мастером, на гранях часто повторяется один знак (рис. 70).

В нескольких случаях на одном наконечнике стрелы прочерчены два различных знака. Так, на серии из 8 наконечников из Боротала-1 (рис. 37; 70) на семи однотипных наконечниках имеется по два одинаковых знака, а на отличающемся от них восьмом – два знака совершенно иной конфигурации. О назначении знаков существует несколько точек зрения (Бородовский, Бородовская, 1993, с. 62). Согласно одной – меты на наконечниках являются тамгами – знаками собственности, а по другой – это отличительные знаки. На основании сравнительно небольшого количества наконечников со знаками из Горного Алтая, Кулунды, Приобья и Прииртышья А.П. Бородовский пришел к выводу «о локализации их в определенных регионах и значительном сходстве, как внутри групп, так и за их пределами» (Бородовский, Бородовская, 1993, с. 64).

Однако многие из этих знаков по графическому начертанию аналогичны известным и на западных территориях, где также имеются знаки на наконечниках стрел (Черненко, 1981, с. 99–100, рис. 75; Смирнов, 1964, с. 304, рис. 11Б, 4; с. 328, рис. 35А, а; с. 337, рис. 43, 2; Смирнов, 1975, с. 109, рис. 37. – 9; с. 141, рис. 56. – 4). Наконечники со знаками имеются и в материалах тагарской культуры (Членова, 1967, с. 262, табл. 12. – 31, табл. 13. – 17, 36) и в Туве (Мандельштам, 1983, с. 28, рис. 1; Грязнов, Мандельштам, 1992, с. 425, табл. 75. – 27, 29). А.Д. Грач, отметивший резные знаки на костяных наконечниках стрел из саглыных курганов (1980, с. 33), сравнил их со знаками на деревянных бляхах, найденных в больших курганах Алтая (Полторацкая, 1962, с. 36, 37). Большое сходство отмечалось между знаками на стрелах из Кырлыка и знаками на изделиях из Пазырыкских курганов (Бородаев, Мамадаков, 1985, с. 58–59). При этом указанные авторы полагали, что эти знаки являются индивидуальными метками мастеров на наконечниках, подносимых умершему представителями разных родов и родовых подразделений. По логике указанных авторов наличие в погребении нескольких разновидностей знаков является показателем высокого социального статуса умершего. На этом основании сюда отнесен умерший из Кырлыка-1 под вымосткой №2 размерами 5x5 м, в яме стандартной для раннескифского времени длины 2,2 м, где находился бронзовый нож

и четыре роговых наконечника (Бородаев, Мамадаков, 1985, с. 59). Как видим, в данном случае этот вывод ничем не подтверждается. Вместе с тем, многие захоронения, в которых найдены наконечники со знаками (Боротал-1, к. 82; Кайнду, к. 2, 6, 7; Бике-1, к. 37), содержат достаточно богатый инвентарь, и работа в этом направлении может дать результаты. По сводным данным (рис. 70), не только кырлыкские но многие другие (всего 13 знаков) совершенно идентичны знакам, нанесенным на деревянных предметах из больших пазырыкских курганов. Значит ли это, что в совершенных в разное время церемониях погребения рядовых и знатных умерших на отдаленных друг от друга пазырыкских кладбищах Горного Алтая участвовали одни и те же роды. Было бы заманчиво, сопоставив все знаки, определить территорию локализации тех или иных родовых подразделений. Однако в связи с этим, возникает много пока неразрешимых вопросов, в том числе основной вопрос о существовании в пазырыкской культуре и в Туве обряда подношения умершим «даров» со стороны родственников и союзников. Особенности в конском снаряжении различных камер из Аржана-1 в какой-то мере подтвердили предположение М.П. Грязнова о существовании обряда подношений (Грязнов, 1950, 1980), но доказательства тому пока недостаточно. В завершение следует обратить внимание на несколько не отмеченных ранее моментов: 1) знаки известны в основном на черешковых наконечниках, происходящих из захоронений раннепазырыкского этапа; 2) все указанные захоронения элитными не являются, но часть из них содержат достаточно представительный инвентарь и предметы вооружения; 3) многие захоронения с рассматриваемыми наконечниками могут считаться пазырыкскими с оговорками. Так, в Кайнду и Кырлыке-1 умершие ориентированы в западный сектор, а единственное подхоронение лошади (Кайнду, к. 7) сделано, вероятно, под влиянием раннескифской традиции. К ранней группе по погребальному обряду и инвентарю относятся захоронения из Кызык-Телань-1 в каменных ящиках. Таким образом, значительная часть наконечников со знаками в Горном Алтае происходит из ранних захоронений, расположенных на периферии ареала распространения пазырыкской культуры и относимых к ней с оговорками.

Глава 5

ПОЯСА И ПОЯСНАЯ ФУРНИТУРА

5.1. Пояса раннескифского времени

С глубокой древности пояс становится особо значимой утилитарной и сакральной деталью одежды. Особое значение приобретают боевые пояса, служившие для ношения оружия и защиты. На Саяно-Алтае наиболее ранние из известных боевых поясов представлены на оленных камнях, большая часть которых датируется в рамках IX–VII вв. до н.э. В захоронения же наборные пояса стали помещать только на финальном этапе раннескифской культуры. Мерзлотных погребений этого времени неизвестно, а потому обычно фиксируются только наборные пояса – по фурнитуре из металла и рога. Крупные остатки двух кожаных ремней с цельным и прорезным ремнем найдены только в предгорном могильнике Гилево-10 (рис. 72. – 1, 2) (Шульга, 2003г). Это были пояса длиной около 100–110 см, шириной 2,5 и 3,5 см. Примерно такую же ширину (судя по обоймам) имели и другие пояса из Казахстана, Южного Урала и Тувы. Раннебыстрианский пояс (около середины VI в. до н.э.) из быстрианского могильника Юбилейный-2 также был узким – 2,5 см (Уманский, Шульга, 2005в). До недавних пор по находкам в могилах и изображениям на оленных камнях на Саяно-Алтае считалось, что у воина был один пояс, на который подвешивалось оружие и другие предметы. Вместе с тем В.Д. Кубаревым на основе изображения с оленного камня в Узунтале и аналогий из погребений знатных скифских воинов на западе (Кубарев, 1979, с. 57, табл. IX. – 3) было сделано для Горного Алтая предположение о наличии в раннескифское время двух поясов – «боевого и обычного», под которыми понимались «парадный» украшенный пояс для подвешивания оружия и простой повседневный пояс без украшений. Сравнительно недавно, после обнаружения поясов в Гилево-10 и непотревоженной поясной фурнитуры в Аржане-2 (Чугунов, Парцингер, Наглер, 2002; Чугунов, 2004), стало очевидным, что у погребенных там воинов имелся особый стрелковый пояс с горитом, помещаемый слева (к востоку) в ногах и под ногами (Гилево-10) или напротив груди умершего. Чекан, кинжал и оселок у непотревоженного костяка мужчины в Аржане-2 находились в рабочем положении на простом, почти не украшенном поясе. Таким образом, *в раннескифское время на Алтае и в Туве (очевидно, и в других частях скифского мира) существовал особый стрелковый («саадачный») пояс для ношения горита или колчана, как это было и в эпоху средневековья* (Добжанский, 1990, с. 42–43; Кубарев Г.В., 2005, с. 92–98; Соловьев, 2003, с. 137). По всей видимости, большая часть наборных поясов раннескифского времени на Саяно-Алтае является остатками стрелковых поясов. Именно эти находившиеся на виду, поверх одежды пояса украшались различными обоймами и бляхами. Кинжалы же при ношении длинной верхней одежды находились на внутреннем поясе – невидимом снаружи, а потому и почти не украшавшимся, как это зафиксировано в Аржане-2.

В погребениях тасмолинской культуры наборные пояса находились в рабочем положении (на костях таза). В качестве примера приведем известные три погребения с поясами (Кадырбаев, 1966, рис. 39). В двух из этих погребений на пояса подвешивался слева колчан, на что указывают наличие слева наконечников стрел и прорезной обоймы. Следовательно, в отличие от Гилево-10 и Аржана-2, наборный пояс с колчаном в Казахстане надевался на умершего. С одним из этих поясов (Нурманбет-4, к. 1) с правой стороны находился боевой бронзовый кинжал. Аналогичный обряд зафиксирован и на Южном Урале в кургане 2 могильника Иртяш-14 (Гаврилюк, Таиров, 2006, рис. 3.4, 3.5), но там помимо кинжала находился и чекан. Крепились ли они на этом же наборном поясе или не сохранившемся втором – не ясно. Как видим, и в Казахстане, и на Южном Урале наборные пояса, как правило, предназначались для подвешивания колчана, но не исключено, что на них же могли крепиться и кинжал с чеканом.

Из раннескифских поясов наиболее хорошо сохранился найденный в могиле 12 могильника Гилево-10 (рис. 72. – 2). Как и некоторые другие пояса с полными наборами, он имел правостороннюю бляху-блок. У левого конца пояса с внешней стороны в надежно закрепленной петле находился кожаный шнурок-завязка. Пояс завязывался, по всем данным, путем пропускания левостороннего ремешка в отверстия правосторонней бляхи. Для подвешивания колчана на левой стороне пояса имелись прорезь и трапецевидная обойма. Судя по этому поясу и более поздним пазырыкским, регулировка часто меняющейся длины ремня на бедрах в скифское время производилась при помощи дополнительных ремешков-завязок, крепившихся на одном или на обоих концах ремня (рис. 72. – 2, 5). Несмотря на предполагаемую «спортивность» воина скифского времени существенные изменения объема талии и бедер, несомненно, происходили в результате обычных в походах перебоев в питании и после обильных трапез. Помимо этого, было бы неверно считать, что древние скотоводы Алтая почти не снимали шуб. Такое впечатление может возникнуть у читателя по материалам и реконструкциям с Укока, приводимым Н.В. Полосьмак (Полосьмак, 2001, с. 137; Полосьмак, Баркова, 2005). Вывод о круглогодичном ношении шуб (полушубков) вполне правомерен, но только в отношении высокогорных районов Горного Алтая или Тибета с их суровым климатом. Так, в годы своей работы на высокогорной метеостанции Бертек (располагалась на Укоке в долине р. Ак-Алахи) автор, как и другие его коллеги, использовал полушубок круглый год. На равнинных и более южных территориях в теплое время года носились различные виды облегченной одежды, в том числе короткие куртки, реконструируемые по захоронениям «золотых» людей в Локте-4а (рис. 72. – 8) (Алтай) (Шульга, 2003д) и в кургане Иссык (Казахстан; Акишев, 1978). Аналогичные куртки мы видим и на общеизвестных ковре из Пятого Пазырыкского кургана (рис. 72. – 9) и золотом гребне из Солохи.

Таким образом, объем пояса воина существенно менялся и в случае смены одежды по погоде и в зависимости от времени года, поэтому изменение в объеме бедер вполне могли составлять 20–30 и более сантиметров. В силу этого изображаемые на реконструкциях пазырыкских поясов короткие ремешки (Кубарев, 1981, рис. 10. – 2; Полосьмак, 2001, реконструкция I, рис. 119–121) были бы нефункциональны. Рассчитанные на постоянное использование пояса, к каковым относятся и найденные в Гилево-10, должны были иметь длинные ремешки или окончания, подобно свисающим концам длиной по 15–25 см поясов на изображениях из Персепольского рельефа и Амударьинского клада (рис. 72. – 7; 74. – 16; Литвинский, 2001, табл. 50; 51; и др.). На узком поясе из Второго Башадарского кургана, судя по фото, длина каждой из двух завязок на левом (?) конце ремня составляла около 25–30 см (Руденко, 1960, с. 53–54, табл. XXXII. – 1). В связи с этим особый интерес представляет фрагмент левой части ремня из могилы 12 Гилево-10, где шнурок-завязка не пришивался, а пропускаясь сквозь надежно закрепленную в поясном ремне петельку. Такая конструкция не только давала возможность менять длину концов сдвоенного ремешка-завязки, но и вовсе заменять его на более короткий или длинный (рис. 72. – 2). Некоторые пояса не имели завязок, а застегивались при помощи расположенного на бляхе шпенька (Вл.А. Семенов, 2001, рис. 2. – 13).

На материалах Казахстана и Алтая выделяется еще один необычный тип раннескифских поясов, составленных из 3–5 параллельных тонких округлых в сечении ремешков, скрепляемых обоймами (рис. 72. – 3). В раннескифское время эти ремешковые пояса были распространены по меньшей мере от Горного Алтая до Северного Кавказа, но с VI в. до н.э. уже не встречаются.

5.2. Пояса пазырыкской культуры

Обнаружение в мерзлотных малых курганах пазырыкской культуры на Юго-Восточном Алтае и Укоке большого количества наборных поясов с бляхами из обычно не сохраняющихся дерева и кожи (рис. 52; 72) (Кубарев; 1987; 1991; 1992; Полосьмак, 1994; 2001; Молодин,

2000) указывает на более широкий круг воинов, имевших право использовать различные бляхи и пряжки на боевых поясах. Очевидно, и на других территориях наборные пояса из органических материалов имели более широкое распространение, чем представлялось ранее. Несмотря на условность погребального инвентаря, можно полагать, что достаточно прочная поясная фурнитура из дерева и кожи, как и аналогичная сбруйная, в силу своей простоты и доступности могла использоваться и в повседневной жизни воинов.

Резкая трансформация раннескифской культуры не привела к функциональным изменениям пояса. Во второй половине VI – начале V в. до н.э. на равнине Алтая это те же боевые портупейные пояса для ношения колчана (горита), кинжала, оселка, с застежками, представленными бронзовыми костыльками, коническими ворворками и роговыми застежками с боковыми отверстиями. В Горном Алтае фиксируемый набор подвешиваемых на пояс предметов меньше. Здесь редко встречаются не характерные и для раннескифского времени костыльки-застежки (рис. 41. – 8, 9), исчезают оселки. Как и в сбруе этого времени, ремненное устройство пояса в основном сохраняется, но, по-видимому, совсем выходят из употребления двойные и ремешковые ремни. Кардинальные изменения происходят в фурнитуре пояса (рис. 71). Полностью исчезают разнообразные функционально значимые обоймы и бляхи раннескифского типа. Из всего раннескифского разнообразия металлической фурнитуры на поясах второй половины VI–V вв. до н.э. сохраняются лишь бляхи с отверстиями для затягивания пояса (рис. 25. – 7) и по одной массивной (сначала трапецевидной, а потом подквадратной) обойме с отверстием для пропускания портупейных ремней. Тем не менее во второй половине VI – начале V в. до н.э. металлическая фурнитура продолжает использоваться, но раннескифские простые обоймы заменяются на не имеющие функционального значения разнообразные бляшки с отверстиями (бабочковидные бляшки) или с петлей с оборотной стороны для пришивания к ремню, а также крепления их на иногда сохраняющийся центральный продольный ремешок. В каменной культуре в Приобье во второй половине VI – первой половине V в. до н.э. на поясах знатных воинов (в захоронениях которых помещались сбруйные наборы) обнаруживаются крупные железные защитные пластины (Новый Шарап-1, Раздумье-6, Камень-2, Рогозиха-1).

К завершающему этапу пазырыкской культуры металлическая поясная фурнитура в захоронениях Горного Алтая практически исчезает и заменяется обычно не сохраняющейся деревянной (рис. 52) и кожаной, при наличии небольшого количества роговой (рис. 25). Между тем имеются комплексы с бронзовыми прорезными обоймами и колчанными крючками, типа найденных в Ело-2 и Тете-4 (рис. 71), которые могут быть датированы в широком диапазоне начиная с V в. до н.э. К сожалению, не один из них не содержит хронологических индикаторов. Судя по находкам из Второго Пазырыкского кургана (Руденко, 1953, табл. XXVII. – 1, 2), уже в это время последняя деталь раннескифского наборного пояса – обоймы с отверстием для подвешивания – начинает заменяться нашивными пластинами, получившими вскоре широкое распространение. На это указывают многочисленные находки поясных деревянных пластин в высокогорных могильниках Юго-Восточного Алтая (Кубарев, 1992; Полосьмак, 1991). В способе крепления и использования деревянной поясной фурнитуры появляется характерная для пазырыкской сбруи особенность – расположенные в месте пропускания портупейных ремешков пластины уже не имеют функционального значения (в них нет соответствующей прорези), а лишь прикрывают разрез с ремешком и становятся «декоративным элементом пояса» (Кубарев, 1992).

Кожаные пояса пазырыкской культуры из Башадара-2, Пазырыка-2 и курганов верховий Чуи и Укока имели ширину от 2 см до 4,5 см, возможно, 6 см (Руденко, 1953, с. 123–125; 1960, с. 53, 54; и др.). Длина достоверно не установлена. Наиболее хорошо сохранился пояс с завязками в кургане 25 могильника Барбургазы-1. Ширина этого пояса составляла 2 см, увеличиваясь на концах до 3 см, где находились деревянные бляхи (Кубарев, 1992, с. 78–79; табл. XXX. – 24, 25). Изнутри к концам поясного ремня крепились тонкие ремешки-завязки (рис. 72. – 6). Судя

по описанию и рисунку, бляхи использовались для пропускания ремешков и могут считаться не менее функциональными, чем широко известные в пазырыкской культуре роговые и деревянные подпружные пряжки. Подобным было и устройство пояса шириной около 4 см из кургана 3 могильника Верх-Кальджин-2 (Молодин, 2000, с. 102, 104, рис. 123, 124). Отверстие в левой пряжке пояса из кургана 3 могильника Верх-Кальджин-2 было настолько узким, что, по мнению В.И. Молодина, предназначалось только для фиксации пряжки к поясному ремню (Молодин, 2000, с. 102, рис. 123). В этом случае имелся один ремешок-завязка, который крепился к поясному ремню под левой бляхой, а для затягивания пояса пропускался через широкое отверстие в *правой* пряжке, как и в раннескифское время (рис. 72. – 2, 5).

5.2.1. Способы ношения оружия. Ношение кинжалов. Кинжалы подвешивали к поясу при помощи ножен. Общий принцип подвешивания ножен посредством специального отверстия на одной часто удлиненной лопасти в устье ножен (рис. 19; 23; 73; 74. – 11, 14–16) был характерен для всех культур скифского мира, тогда как дополнительного ремешка для привязывания кинжала или короткого меча к ноге могло и не быть (Милюкова, 1964, с. 63; и др.). Согласно имеющимся данным, кинжалы в захоронениях пазырыкской культуры в большинстве случаев располагались справа (даже когда входили в комплект с чеканами), реже слева и лишь иногда спереди. Ножны подвешивались к поясу при помощи довольно длинного портупейного ремешка, один конец которого пропускался сквозь прорезь на поясе, а другой (завязанный на конце узелком) – фиксировался в отверстии ножен при помощи ворворки или без нее. Ворворки имели коническую или несколько уплощенную форму (рис. 37. – 17) и аналогично современным пуговицам запирали ремешок в отверстии, с той лишь разницей, что сама «пуговица» в отверстие не могла быть пропущена (рис. 74. – 8). Чтобы ремешок не проскакивал в отверстие ворворки и ножен, его конец завязывался узелком. У кожаных имитаций ножен ремешок в этом месте просто пришивался (рис. 19).

В мерзлотных курганах находят деревянные ворворки. Вероятно, аналогичную функцию выполняла и одна из двух покрытых золотой фольгой ворворок в кургане 82 могильника Боротал (рис. 37. – 17, 18). Бронзовые ворворки обычно находят с колчанами, но они, как правило, уплощены и большего диаметра, нежели поясные (рис. 71. – 5, 16–19, 26). В устье ножен на Алтае они достоверно не зафиксированы, но известны в Туве (рис. 74. – 8) (Чугунов, 2001, табл. 1. – 6). Аналогичная конструкция, очевидно, преобладала на равнине Алтая и в Туве. В Боротале (к. 82) на ножнах найдена застежка из клыка кабана, аналогичная второй такой же застежке, прикипевшей к обушку чекана из того же кургана (рис. 37. – 2, 3).

Способ использования таких застежек с кинжалами пока не установлен, но у чеканов он зафиксирован неоднократно. Портупейный ремень чекана с клыком или его деревянной имитацией застегивался по принципу пропускавшихся в соответствующую прорезь застежек подбородных ремней в уздечке (рис. 77. – 1), как и современные пуговицы. Этим он отличается от способа фиксации при помощи конструктивно похожих ворворок. Какие ремни соединяла застежка кинжала из Боротала-1 и подобные имитации клыков из дерева, не установлено. На реконструкциях А.Л. Кунгурова различные застежки помещены на ремешки для привязывания ножен к ноге (рис. 74. – 7) (Кунгуров, 2005), но полной уверенности в достоверности этой реконструкции нет, поскольку ни в одном случае ножны, ремешок и застежка в соединении полностью не сохранились. Подобные боротальским роговые застежки находят в савроматских захоронениях вместе с мечами, которые к ноге не притягивались. Наиболее вероятно их применение для пристегивания кинжала (меча) к поясу, как это фиксируется у чеканов (Полосьмак, 1994, рис. 79), но как это делалось у савроматов, не установлено. На некоторых пазырыкских ножнах в устье имеется два отверстия с остатками ремешков на каждой лопасти (рис. 74. – 12). В реконструкции В.Д. Кубарева они были трактованы как дополнительные, используемые для притягивания кинжала к ноге на уровне перекрестия (рис. 74. – 11). Однако для фиксации ножен было вполне достаточно и ремня на срединных лопастях. Тем более,

что зафиксировать таким образом кинжал воину поверх куртки или полушубка невозможно. В качестве примера приведем реконструкцию воина в полушубке с Укока, у которого нижний притягивающий ремень пришлось (по-видимому, по южным образцам, см. рис. 72. – 7; 74. – 15, 16) крайне неудобно пропустить под коленом, а верхний (явно излишний) ремешок нужно было бы пропускать только в прорези в одежде (Полосьмак, 2001, с. 123). Помимо этого, в случае притягивания кинжала к ноге на двух уровнях с интервалом около 15 см портупейный ремешок неизбежно бы провисал и выполнял лишь страховочную функцию. В связи с этим чрезвычайный интерес представляет находка С.С. Сорокиным в раннепазырыкском кургане 17 могильника Кок-Су-1, где ножны и кинжал не были видны снаружи, поскольку находились под штаниной (Сорокин, 1974, с. 89). Соответственно, и пояс в Кок-Су-1 с подвешенными на ремешке ножами надевался не сверху, как дано на реконструкции с Укока, а под кафтан. «Вынуть кинжал из ножен можно было через специальное отверстие, прорезанное в верхней одежде» (Сорокин, 1974, с. 89). Судя по указанию С.С. Сорокина о наличии в верхней части ножен охватывавшего ногу ремешка, логично предположить в устье этих ножен второе отверстие.

Очевидно, обычай располагать боевые пояса под верхней одеждой типа кафтанов и полушубков имел самое широкое распространение у пазырыкцев (см. ниже). Под полами верхней одежды, а иногда и под штаниной находились и ножны с кинжалом. На это указывает и расположение ножен с кинжалом из Тербедака между слоями прошитой кожи от верхней одежды. Возможно, под полами верхней одежды находился и кинжал из Ак-Кема в деревянных односторонних ножнах (Погожева, 1978, рис. 5. – 2, 3). Находившийся сверху фрагмент кожи с длинным косым швом (почти аналогичным верхнему слою кожи из Тербедака), очевидно, не тыльная сторона ножен, а окислившаяся пола верхней одежды. Вполне вероятно, кинжалы с двумя уровнями фиксации к ноге могли вообще не привязываться к поясу. Как видим, реконструкция должна производиться с учетом многих данных, в том числе вероятного нахождения у воина не одного, а двух боевых поясов или дополнительной опояски.

В центральной части пазырыкских ножен находились лопасти, через которые у моделей пропускался охватывавший ногу тонкий кожаный ремешок (рис. 73; 74). В установленных случаях этот ремешок у деревянных моделей вставлялся с внутренней стороны в отверстие одной лопасти, затем пропускался по внешней поверхности ножен (иногда по специальному желобку), после чего выходил через отверстие во второй лопасти на оборотную сторону (рис. 19; 23; 74. – 12). В результате ремешок надежно прихватывал ножны и не натирал ногу. Не исключено, что для этого использовалось два коротких ремешка. В этом случае каждый из них одним концом фиксировался при помощи ворворки, пуговицы, узелка или штифта в отверстии (или на бляшке с петелькой) одной из лопастей, а свободные концы их связывались или соединялись другим способом (рис. 73. – 6). Похожим способом на срединных лопастях фиксировался ремешок (ремешки) и у настоящих ножен. Несмотря на простоту описанной конструкции, многое в ней еще остается неясным. Могли существовать и другие варианты, обусловленные, в частности, влиянием населения прилегающей равнины, где не было срединных лопастей и отверстие находилось на конце ножен (рис. 74. – 1–3). Так, в могильнике Аргут-1 кинжал фиксировался на ноге при помощи ремешка, пришитого в нижней части ножен (Сорокин, 1974, с. 89).

О наличии в пазырыкской культуре стрелковых поясов. На основе параллелей с раннескифскими и средневековыми поясами, а также способов ношения кинжалов можно сделать вывод о наличии у пазырыкских воинов нескольких поясов. Но следует подчеркнуть, что *достоверных находок хорошо сохранившихся именно стрелковых поясов пока неизвестно*. Между тем в недавно опубликованной работе по пазырыкскому костюму на реконструкциях и в подрисовочных подписях стрелковые пояса отмечены в Пазырыке-2 и курганах 1 и 3 в могильнике Верх-Кальджин-2 (Полосьмак, Баркова, 2005, рис. 2.21, 2.22, 2.23). Судя по контексту, присутствие стрелковых поясов в указанных курганах определялось по найденным окончаниям ремней, лишенным завязок и блях, похожих на свешивавшиеся концы поясов у саков на

персепольских барельефах и в Амударьинском кладе (рис. 74. – 16) (Полосьмак, Баркова, 2005, рис. 2.21,б, 2.22,б; Руденко, 1953, табл. XXVII. – 8).

В связи с этим остановимся на кургане 3 могильника Верх-Кальджин-2, поскольку находки из этого неграбленного тщательно исследованного мерзлотного кургана описаны очень подробно с рисунками и фотографиями (Молодин, 2000). Судя по плану и описаниям, во время раскопок зафиксирован только один находившийся поверх шубы широкий кожаный ремень с деревянными бляхами. В первоначальной реконструкции (см. подобную на рис. 72. – 5) (Поздняков, Полосьмак, 2000, рис. 6) горит располагался на левой стороне пояса с деревянными бляхами. Однако в новой работе (Полосьмак, Баркова, 2005), судя по подписи к рисунку 2.21, был предложен другой вариант, согласно которому горит носился на особом поясе со свисающими концами, а находившийся на шубе «основной» пояс с деревянными бляхами применялся для ношения подвешенных справа чекана и кинжала. Соответственно, в погребении «стрелковый» пояс, должен был находиться отдельно вместе с колчаном за спиной человека, также как это было в раннескифское время.

На основании имеющихся материалов более вероятной представляется другой вариант реконструкции. Для этого обратим внимание на размещение боевого железного клевца (чекана) и деревянной модели кинжала из Верх-Кальджина-2. Клевец висел «на поясе мужчины с правой стороны на специальной петле поясного ремня» (Молодин, 2000, с. 108), а кинжал обнаружен «под шубой на правом бедре мумии» (Молодин, 2000, с. 109). Если понимать данное указание буквально, то модель кинжала располагалась не на основном поясе с внешней стороны шубы, а именно *под шубой на правом бедре*. И тому есть веские подтверждения. Во-первых, помещение на одной стороне рядом довольно тяжелых и объемных кинжала и чекана было неудобно, и часто чеканы и кинжалы на Алтае располагаются по разные стороны. Во-вторых, на сохранившемся достаточно крупном фрагменте *правой* части пояса (Молодин, 2000, рис. 122) есть только один прорез и один портупейный ремешок с петлей для клевца. Имеются все основания полагать, что на верхнем, украшенном деревянными бляхами поясе, с левой стороны традиционно подвешивался горит, а с правой столь же традиционно – чекан. Кинжал же подвешивался на несохранившемся простом поясе под шубой. Это соответствует и другим зафиксированным случаям расположения кинжалов у пазырыкцев под верхней одеждой и даже под штаниной (см. выше). Внешний обозреваемый пояс был украшен бляхами, и оружие (клевец) на нем было настоящим, «из высококачественного железа, имеющего голубоватый оттенок» (Молодин, 2000, с. 108). Невидимый же кинжал под шубой просто вырезали из дерева.

Можно ли называть такие пояса стрелковыми? Наверное, да, но при этом необходимо особо отметить, что расположение вооружения на поясе (поясах) воина в значительной степени зависело от наличия или отсутствия длинной и объемной верхней одежды (в данном случае полушубка). Кинжал и горит у легко одетых воинов в коротких куртках типа зафиксированных в кургане Иссык и Локте-4а, а также изображенных на войлочном ковре из Пазырыка-5 и в кургане Солоха (рис. 72. – 8, 9) (Акишев, 1979; Шульга, 2003д; Руденко, 1960, рис. 152; Золотые олени Евразии, 2001, кат. 168, 169) подвешивались, по-видимому, аналогично изображенным у саков на пластинках из Амударьинского клада и Персеполя (рис. 74. – 14–16). У последних кафтаны длинней и могут достигать колена, но, поскольку довольно крупные ножны притягивались к ноге по бутероли, такая конструкция была функциональной. В отличие от них, надевший шубу пазырыкский воин не мог свободно передвигаться с кинжалом, подвешенным к стрелковому или «основному» поясу. Причина в массивности полушубка, а также высоком расположении (у центра боевых ножен, рис. 37. – 1; 74) лопастей для привязывания к ноге. Поэтому кинжал должен был подвешиваться на особый ремень под шубой, как в Аржане-2. Соответственно, и в погребениях кинжалы (особенно уменьшенные модели) часто лежат не ближе к колену, а у бедра. Длинный же чекан поместить под шубу нельзя было, и он подвешивался

вался к наружному поясу. Очевидно, как и в раннескифское время, пазырыкский воин в легкой и короткой куртке мог размещать оружие как на одном, так и на нескольких поясах, в том числе на специализированном стрелковом. С полушубком же использовался внутренний пояс под кинжал и верхний пояс под горит и чекан, как это было в Верх-Кальджине-2. При наличии специализированного стрелкового пояса воин мог надевать его как на куртку, так и на шубу. В последнем случае не исключено использование второго пояса под чекан, но таких данных у нас нет.

5.2.2. Описание поясной фурнитуры из курганов Чуи и Урсула. Поясная и связанная с ней фурнитура найдена в десяти курганах. Несмотря на сравнительно небольшую выборку, здесь представлены почти все основные варианты деталей, в том числе ранних – первой половины VI в. до н.э. Помимо этого, в работу включен не публиковавшийся поясной деревянный набор из Бураты (рис. 52), а также впервые в развернутом виде даны хорошо сохранившиеся ножны двух кинжалов с портупейными ремешками и чекана с необычным способом подвешивания (рис. 19; 23; 24). Все наборы по-своему интересны и значимы, но более подробно остановимся на двух, происходящих из Балык-Соока-1 и Боротала-1 (рис. 13; 47).

Поясная фурнитура переходного времени из кургана 27 могильника Балык-Соок-1 (рис. 13). К поясной фурнитуре относятся серебряная поясная обойма, железные колчаный крючок, костылек, позолоченные обоймы и гранчатые ворворки, а также выполненные из золотой фольги накладка на поясную (?) бляху и накладка на колчанную ворворку (?).

Серебряная поясная обойма (рис. 13. – 1). Обойма смещена грабителями, но, судя по имеющимся материалам, она крепилась слева. В сохранившемся фрагменте ремня имелось прорезанное и прошитое по краю отверстие для портупейного ремешка, на котором, по-видимому, подвешивался колчан. Интересно, что обойма прикрывала место сшивания двух частей ремня, каждая из которых состояла из сложенной пополам полосы сгибом вверх. Перед сшиванием часть (длиной около 5–6 см) идущего от места соединения концов короткого ремня была вставлена в ремень, идущий из-за спины. При этом последний был разрезан по сгибу для обеспечения полного совмещения обоих ремней по ширине (рис. 13. – 1б). Назначение этой операции – обеспечить двойную толщину ремня в месте нахождения обоймы. Пропускавшийся сквозь прорези портупейный ремень для подвешивания колчана к моменту дополнительного осмотра отсутствовал, но в прорези поясного ремня хорошо прослеживается его сечение. По оставленному отпечатку это был толстый портупейный ремешок шириной около 2,5х0,7 см, с трудом проходивший в прорезь. Края ремешка были значительно толще середины и выступали вверх, что могло быть в случае, если сшитый вдоль ремень был вставлен швом вверх. Однако нельзя полностью исключить, что в прорезь был вставлен двойной ремень. До помещения в погребение пояс был в использовании, на что указывает деформация нижней части ремня.

Обойма необычна. Прямые аналогии ей отсутствуют. Выделяется массивностью и большими размерами (7,3х6,7 см). В отличие от блях раннескифского и раннепазырыкского времени она не литая, а вырублена из серебряной (Бородовский, Оболенский и др., 2005, с. 45) пластины. Длина заготовки 16 см, ширина до 6,7 см (рис. 13. – 1а). Толщина пластины постепенно увеличивается по направлению к выступу от 1 мм до 1,5–1,8 мм. Одновременно на пластине вырубались два поперечных отверстия под портупейный ремешок размерами 2,6х1 см и две запятовидные прорези в клювах орлов. Края пластины на лицевой стороне обоймы с орнаментом заполированы, вероятно, уже после того, как пластина была согнута в обойму. Края на оборотной стороне и в отверстиях под ремень полировались не столь тщательно.

Имевшийся между головами орлов выступ длиной 3,6 см загнут в виде крючка. Верх и низ таких обойм определяются по нахождению прорези, располагавшейся всегда в нижней части, а также по провисанию находившегося в нем ремня (рис. 13. – 1б). Соответственно, головы стилизованных орлов в рабочем положении обоймы находились в верхней ее части клювами в разные стороны. На это указывает наличие похожего выступа в верхней части ран-

нескифской обоймы из Тасмолы-2 (Центральный Казахстан, Кадырбаев, 1966, рис. 39. – 3) и Гилево-10 (рис. 72. – 2), а также обращенные узким концом вверх трапецевидные обоймы, появляющиеся в раннескифское время и бытующие в раннепазырыкское.

Прорезные обоймы, появляясь на финальном этапе существования раннескифской культуры, получают широкое распространение в VI–V вв. до н.э. При этом наиболее ранние из них сохраняют подтрапецевидную форму. Однако подквадратные обоймы также появляются уже в раннескифское время (Кубарев, 1998), хотя широко распространяются в VI–V вв. до н.э. Во второй половине V в. до н.э. они постепенно выходят из употребления и начинают заменяться пластинчатыми прорезными бляхами (Пазырык-2), деревянные варианты которых с этих пор входят по одному (редко больше) в поясные наборы Юго-Восточного Алтая (Кубарев, 1987; 1991; 1992; Полосьмак, 1994; и др.).

Железный колчаный крючок (рис. 12. – 15). Длина крючка около 6,3 см. Навершие кольчатое. Сравнительно недавно подобные бронзовые крючки из Горного Алтая и Тувы датировались V–III вв. до н.э. (Суразаков, 1989, с. 61). На равнине Алтая время существования похожих крючков определялось в рамках VI–II вв. (Могильников, 1997, рис. 47). При этом считалось, что изготовленные из железа экземпляры заведомо поздние. В настоящее время установлено, что на равнине железные орудия и оружие почти полностью вытесняют бронзовые уже на финальном этапе раннескифской культуры и безраздельно господствуют в VI–V вв. до н.э. (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005). Бронзовые аналогии крючку из Балык-Соока с малым кольцом происходят из захоронений раннепазырыкского времени в Горном Алтае (рис. 71. – 18; Арагол, Улалинка и др.) (Марсадолов, 1997, рис. 15) и Туве (Дужерлиг-Ховузу-1 и др.) (Грач, 1980, рис. 66–69). Встречаются они и позже (рис. 17; 47; 71).

Железный костылек (рис. 13. – 3). Длина костылька аналогична крючку – 6,2 см. Изделие сильно корродированно, но можно заключить, что, как и у бронзовых экземпляров, в нижней части он расширялся и был приострен. Подобные костыльки появляются уже в раннескифских памятниках, в какой-то мере заменяя раннескифские застежки с перехватом. Наиболее широко они распространяются в VI – первой половине V в. до н.э. Как клыки-застежки и более поздние ложечковидные застежки, они подвешивались к поясу на портупейных ремешках. Существует довольно много предположений о назначении костыльков (Кунгуров, Тишкин, 1996, с. 138–140; Болотин, Алкин, 1996; и др.). Но в отличие от ворворок, клыков, застежек копыто-видных и с кососрезанным основанием, которые использовались в качестве пропускавшихся в прорезь пуговиц, костыльки прежде всего могли предназначаться для подвешивания предмета посредством имевшейся на предмете петли. Для предотвращения соскальзывания петли нижняя часть костылька расширялась, а его центральная часть оформлялась желобками, валиками и пр. Возможно их применение и для развязывания узлов (в том числе и на завязывавшемся поясе), для чего они, по-видимому, и приострялись.

Железные ворворки (рис. 13. – 5). Наиболее хорошо сохранилась шестигранная коническая ворворка высотой около 1 см с продольным отверстием диаметром около 5 мм. Второй сильно корродированный экземпляр, очевидно, имел аналогичные размеры и устройство. Такого рода конические гранчатые бронзовые ворворки известны только в раннескифских комплексах, в том числе в Восточном Казахстане и в северо-западных предгорьях Алтая (рис. 72. – 1) (Кадырбаев, 1966; Алехин, Шульга, 2002).

Полукруглые пронизки-обоймы (рис. 13. – 2), очевидно, нанизывались на портупейный ремешок. Изготовлены из железа, на котором с внешней и внутренней сторон прослеживается позолота, что говорит об очень высоком качестве работы, поскольку позолота на Алтае, как правило, наносилась путем покрытия золотой фольгой. Длина пронизок около 1,8 см, ширина – 5–6 мм. Имеют полукруглую и овальную форму. Служат достаточно надежным хронологическим индикатором. Такого рода пронизки редко встречаются в комплексах финала раннескифской культуры, заменяя кольцевые пронизки. Повсеместно представлены в сбруйных и поясных наборах раннепазырыкского, савроматского типов на территории от Саяно-Алтая до Ура-

ла в середине – второй половине VI в. до н.э. В составе поясной фурнитуры могут встречаться до конца V в. до н.э., в том числе в могильниках каменной культуры Камень-2, Рогозиха-1, Новотроицкое-1, 2 и др. (Смирнов, 1961; Грач, 1980; Шульга, 1988б, д; Могильников, Куйбышев, 1982; Кирюшин, Степанова, 2004). Изготавливались из бронзы и железа. Одним из вариантов являются несомкнутые пронизки (скобки).

Золотая обкладка в виде изображения кошачьего хищника (рис. 13. – 4). По всей видимости, изготовлена из того же листа золотой фольги, часть которого была использована на обкладку колчанной ворворки. Края пластины подогнуты незначительно, отверстий для пришивания нет. Очевидно, пластина наклеивалась на деревянное или бронзовое изображение. Обкладка порвана поперек надвое, но основные части изображения прослеживаются достаточно хорошо. В левой части пластины сохранились контуры поджарого гибкого туловища, задняя нога с когтистой лапой и загибающийся в характерное овальное кольцо хвост. После уточнения линии разрыва размеры пластины составили 9,2х3,2 см, и образ хищника несколько изменился. У него имелся выраженный выступ плеча и гривы, а голова приняла горизонтальное положение. По всей видимости, перед нами изображение готового к прыжку припавшего хищника. Наиболее хорошо видны (как бы разделенные по горизонтали на две части валиком) детали головы с овальными глазом и ухом, сердцевидной ноздрей и своеобразно выполненной напоминающей грызуна оскаленной пастью. Под головой и шеей изображена мускулистая когтистая лапа. Различия имеются лишь по замятому участку плеча и гривы. Обычно здесь изображается выступающее плечо, плавно переходящее в когтистую лапу. Однако находящийся в этом месте рельефный расширяющийся кверху каплевидный сегмент скорее похож на гриву, а лапа как бы уходит под нее. В близком по времени, датирующемся примерно концом первой половины VI в. до н.э., кургане 2 могильника Гоньба-2 хищник также имеет хорошо выраженную гриву и уходящую под нее правую переднюю лапу. Назначение данного изделия не совсем ясно. По мнению В.Д. Кубарева, это может быть одним из парных изображений на наконечниках металлической гривны, типа деревянных фигурок барсов или их голов, найденных в большом числе погребений пазырыкской культуры, раскопанных в Уландрыке, Юстыде, Барбургазы, на Ак-Алахе и Верх-Кальджине (Кубарев, 2002а). По мнению П.И. Шульги, это накладка с надевавшейся на пояс нефункциональной бляхи, подобной найденным в Гоньбе-2, Юбилейном-2, Староалейке-2 и других (Шамшин, Лузин, 1991; Кунгуров, Сингаевский, 2006, с. 51, 52, рис. 11; Могильников, Уманский, 1981, рис. 2. – 2; Уманский, Шульга, 2005в; Кирюшин, Кунгуров, 1996).

Золотая обкладка конической бляхи (рис. 12. – 7). Представляет собой оригинальное изделие в виде конической бляхи из золотой фольги. Лицевая сторона зашлифована и имеет несколько тусклый золотой блеск. Тыльная сторона необработана, поверхность шероховатая матово-желтого цвета. Точно также выглядит фольга, из которой изготовили накладку в виде кошачьего хищника и прямоугольную накладку (?) (рис. 12. – 8). Очевидно, при ограблении по нижней части бляхи (если исходить из расположения рисунка) было нанесено два сильных удара отделивших три крупных фрагмента. Еще три фрагмента были оторваны в других частях бляхи, а края их оказались сильно замяты. По этой причине первая реконструкция оказалась не совсем точной. В ходе дополнительной обработки изделие полностью собрано (отсутствующий выступ с отверстием для пришивания также реконструируется) и восстановлено. Общий первоначальный диаметр конической бляхи равнялся 9 см, высота – около 2 см. Она вырезана без особой тщательности из единого листа. В основе ажурной композиции просматривается крестовидная фигура из лепестковидных выступов с отверстиями для пришивания и как бы наложенного на нее квадрата с вырезанными по углам запятыми, расположенными острыми концами по часовой стрелке. При этом запятыя располагаются в промежутках между «лучами» крестовой фигуры. Три «луча» крестовой фигуры оформлены двумя лепестками (выступами), а четвертый (верхний) – тремя. Интересно отметить симметричность композиции (ось симметрии по «лучу» с тремя лепестками), расположения отверстий для пришивания, а также способа

их пробивания. Все семь отверстий, расположенных в левой части бляхи, пробиты снаружи, а семь отверстий (видимо, и восьмое, на утраченном лепестке) в правой части пробиты изнутри. В вершине конуса вовнутрь пробито овальное отверстие 5x4 мм.

Судя по форме бляхи, она накладывалась на крупную деревянную колчанную ворворку, копирующую известные образцы из бронзы и железа (Кубарев, 1987, рис. 25 – 8, 9; Полосьямак, 1994, рис. 20 – 6; 98; Молодин, 2000, рис. 134; Уманский Шамшин, Шульга, 2005; и др.). Диаметр деревянной ворворки, видимо, был значительно меньше бляхи и едва ли превышал 5–6 см. Отверстия по краям бляхи указывают, что поверх деревянной ворворки накладывалась кожаная пластина к которой, очевидно, и пришивались края золотой бляхи. Нельзя исключить, что они пришивались непосредственно к колчану. В непо потревоженных захоронениях скифского времени на Алтае крупные ворворки из бронзы, железа и дерева (иногда обложенного золотой фольгой) обычно находятся слева от умершего и могут рассматриваться как деталь для подвешивания колчана к поясу. За исключением известных реконструкций горитов с Укока (Полосьямак, 2001, рис. 119), графических схем функционального назначения колчаных ворворок не предлагалось. Тем не менее, их назначение устанавливается по материалам из курганов пазырыкской культуры. Так, в ходе раскопок кургана 3 могильника Кызыл-Джар-1 в верховьях Чуи было зафиксировано, что «Колчан был подвешен к поясу с помощью ремешка, закреплённого маленькой бронзовой обоймочкой к крупной бронзовой обойме, одетой на пояс. ... На конце ремешка, за который колчан подвешивался к поясу, с помощью узла крепилась бронзовая колоколовидная бляха, обод которой примыкал к колчанной дощечке и фиксировался в этом положении концом подвесного ремешка, продёрнутого в отверстие колчанной дощечки и завязанного внутри колчаным узлом. Эти узлы обеспечивали устойчивое положение колоколовидной бляхи на деревянной основе колчана и не давали ему скользить по подвесному ремешку (Могильников, 1983, с. 8). Проще говоря, колчаные ворворки (бляхи) служили своеобразными пуговицами, удерживавшими ремешок, на котором подвешивался колчан (горит). Эти наблюдения в целом нашли подтверждения и в других пазырыкских курганах (Кубарев, 1992, с. 74; Молодин, 2000, с. 108). Содержание заложенного в орнаменте бляхи сюжета не совсем ясно. В такого рода комплексах, в том числе на рассмотренной выше поясной обойме, запятовидный знак, как правило, связан со стилизованным изображением орла или грифона. Запятовидные вырезы подобны вырезам в клювах орлов на поясной обойме (рис. 13. – 1), что характерно для оформления того или иного комплекса (в данном случае колчана и прилегающей поясной обоймы). Очевидно, на бляхе подразумевалось четыре орлиных головки с округлыми выступами на головках, подобных изображенным на свастиках с четырьмя птичьими головами из Тузкты-1 (Руденко, 1960, рис. 128,о; 154,з).

Поясная фурнитура из кургана 82 могильника Боротал-1 (рис. 37).

От полностью истлевшего пояса шириной около 3,5 см сохранились лишь изготовленные из довольно тонкой заполированной (с белым блеском) золотой фольги обкладки прорезной обоймы для подвешивания колчана (?) и двух ворворок (рис. 37. – 16–18). Обкладка прорезной обоймы размерами 3,5–3 см, судя по загнутым краям, находилась на основе толщиной не более 2 мм. Основа, по всей видимости, была из кожаной пластины, которая должна была прихватываться к поясу. При этом, нижний конец обкладки немного охватывал и поясной ремень. Верхний конец обкладки оборачивался вокруг загнутой кожаной пластины и в этой части не крепился к поясу. Отверстий в обкладке нет, как и нет явных следов клея с оборотной стороны.

В основе обеих ворворок, очевидно, были одинаковые деревянные усеченные конусы диаметром в нижней части по 2,5 см, высотой до 8 мм с диаметром отверстия в верхней части 5 мм. К основанию, как и у настоящих раннепазырыкских ворворок, отверстия расширились. Фольга, видимо, накладывалась без клея, а потому края ее сильно подгибались, а при заглаживании местами образовывались складки. Одна из ворворок обложена золотом полностью,

а вторая лишь частично. Вероятно, изготовитель посчитал данный фрагмент вполне достаточным. Такого рода неполная обкладка довольно часто фиксируется на пазырыкских изделиях. Следует упомянуть и нахождение трех однотипных круглых золотых бляшек на плохо обтянутых кожей деревянных ножнах. В основе их, по-видимому, находились кожаные кружки (рис. 37. – 19, 20). Все остальные связанные с поясом изделия были, как и оружие, настоящими: два кабаньих клыка-застежки и бронзовый колчаный крюк с протомой кошачьего хищника (рис. 37. – 2, 3, 6). Итак, в редком по представительности оружейном комплексе с железными боевыми чеканом, кинжалом и десятью роговыми наконечниками стрел, поясные детали (обойма и ворворки) оказались бутафорскими. Прежде всего это касается едва державшейся поясной обоймы, неплотно прилегавшей к поясу.

Данные наблюдения представляют особый интерес, поскольку касаются «богатого» раннепазырыкского захоронения и демонстрирует случай выборочной предельной условности. Такие находки сопоставимы с миниатюрными кинжалами из Арагола и Кор-Кечу (рис. 18; 19), а также другими многочисленными вотивными изделиями в ранних курганах.

Поясная фурнитура из Тербедека, Ала-Гаила-3 и Бураты

В кургане 2 могильника Тербедек найдено довольно стандартное сочетание из бронзовых раннего колчанного крючка со стремечковидным окончанием, прорезная поясная обойма на пояс шириной около 4 см и небольшая ворворка (рис. 22. – 1, 2, 6). Интерес представляет обойма и крючок, как будто находившиеся в сцепленном состоянии и послужившие основой для предположения о застегивании поясов при помощи крючка и обоймы. В ходе осмотра и зарисовки изделий установлено, что обойма не переиспользована. Находившийся в ней широкий поясной ремень, очевидно, выкрошился, но остался затвердевший портупейный ремешок шириной 1,5 см, который сохранил характерный изгиб, образовавшийся при его нахождении в прорези ремня. Расположенные сверху обоймы два неправильных отверстия являются литейным браком. Следовательно, обойма находилась в обычном положении на ремне, а попадание в нефункциональное отверстие колчанного крючка объясняется случайным перемещением или неудачной реконструкцией.

В районе пояса умершего из кургана 1 могильника Ала-Гаил-3 найдено две очень крупных почти одинаковых по размерам и форме роговые концевые бляхи длиной 12,2 и 12,5 см (рис. 25. – 6, 7). В основании они имеют по два отверстия диаметром около 5 мм для крепления к поясу при помощи пропускавшегося через отверстия ремешка. В расширяющихся концах бляхи имели еще по одному отверстию. У бляхи с продольными расходящимися желобками было небольшое отверстие для фиксации к поясу, а у другой – большое отверстие (диаметр около 1 см) для пропуска завязки. Все отверстия имеют следы сработанности, а у отверстий для фиксации к поясу от трения образовались, быть может, изначально намеченные, желобки.

Особенностью данного набора является присутствие роговой пряжки длиной 6 см с выступающим вперед носиком (рис. 25. – 5). Такие пряжки в это время использовались в Горном Алтае как подпружные застежки. На поясах их нет, хотя изредка встречаются (в основном под влиянием соседних культур) конструктивно близкие из бронзы (Уманский, Шульга, 2005а). Объяснить ее нахождение можно двумя способами: 1) на погребенном был еще один пояс; 2) пряжка использовалась в качестве застежки на портупейном ремне, но в VI–III вв. до н.э. таких случаев неизвестно.

Несомненный интерес представляет замечательно сохранившийся вместе с изображением оленя (от головного убора) набор из кургана 4 могильника Бураты (рис. 52). Это типичный для Юго-Восточного Алтая набор из двух концевых блях и четырех бляшек поменьше. Концевые прямоугольные бляхи имели одинаковые размеры – 6,5х3,3х0,7 см. К поясному ремню они прихватывались небольшими ремешками, пропускавшиеся сквозь узкие отверстия. У бляхи-блока имелось прямоугольное отверстие длиной 1,1 см для завязывания пояса. По бокам ремня находились три (возможно четыре) квадратные бляшки размерами около 2,5х2,5х0,6 см.

Крепились они к ноясу совсем иначе, через соединенные пазы на оборотной стороне. Такой же способ крепления был и у круглой бляшки диаметром 1,5 см, располагавшейся, по-видимому, на портупейном ремешке.

Поясная фурнитура из Ело-2 и Тете-4 (рис. 17, 47; 71)

В кургане 4 могильника Тете-4 поясная бронзовая фурнитура была у обоих умерших. К северному костяку относилась прорезная поясная обойма, крючок и колчанная ворворка (рис. 47. – 6, 9, 13). У южного костяка находилась редкая подпрямоугольная обойма на узкий ремень шириной около 1,6 см, крючок с аморфным отверстием в ложечковидном окончании и бронзовая пуговица (рис. 47. – 7, 8, 10). Назначение последней не ясно. Качество отливки изделий невысокое – оба крючка и узкая обойма имели литейный брак.

В Ело-2 также найдены бронзовые обойма с литейным браком и крючок с кольчатым окончанием (рис. 17. – 6, 7). Датировка этих наборов не вполне ясна. Как отмечалось выше, такие обоймы, крючки, бляшки и ворворки могли бытовать уже в V в. до н.э.

Глава 6

СНАРЯЖЕНИЕ ВЕРХОВОЙ ЛОШАДИ В ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЕ VI–III вв. до н.э.

6.1. Вводная часть. Сбруя раннескифского времени (VII в. до н.э.)

Благодаря наличию конских подхоронений и замечательной сохранности органики в мерзлотных курганах пазырыкской культуры (Руденко, 1953, 1960; Грязнов, 1950; Кубарев, 1987; Полосьмак, 2001; и др.) *снаряжение верховой лошади V–III вв. до н.э. на Алтае представлено несравненно лучше, чем в других регионах Евразии, и многие годы является эталоном для занимающихся данной проблематикой специалистов.* Новые находки конского снаряжения с многочисленными бронзовыми деталями и остатками окисленных кожаных ремней в предгорьях Северо-Западного Алтая (Машенка-1, Кондратьевка-21, Гилево-10) позволили в деталях изучить и верховую сбрую VII – начала VI в. до н.э. Были получены и опубликованы представительные материалы и по VI – первой половине V в. до н.э. из Горного Алтая (Талдура-1, Сибирка-1, Арагол, Кайнду, Тыткескень-6, Чендек-6а и др.), предгорий и равнины. В результате на Алтае впервые в восточной части Евразии *появилась возможность сопоставить по основным параметрам раннескифскую сбрую с пазырыкской и проследить эволюцию снаряжения верховой лошади с VII по III в. до н.э.*

Установлено, что основные принципы устройства сбруи VI–III вв. до н.э. были заложены уже в раннескифское время (VII в. до н.э.). *В раннескифских захоронениях* из Машенки-1, Кондратьевки-21 и Гилево-10 (Шульга, 1998г; Алехин, Шульга, 2003; Шульга, 2003а) ременная основа сбруи в основном соответствовала зафиксированной в мерзлотных курганах пазырыкской культуры (рис. 77–80). *Уздечка* состояла из 1) двух суголовных ремней, начинавшихся в верхних отверстиях псалиев и соединявшихся ворворкой или узлом слева на затылке лошади (рис. 79. – 1, 2, 4); 2) двух подбородных ремней (длинного правого и короткого левого), соединявшихся особой застежкой слева (рис. 79. – 1, 4); 3) наносного ремня, концы которого вставлялись в нижние отверстия псалиев (рис. 79. – 4). К кольцам удила справа крепился ремень повода, а слева – чумбур. Налобный ремень отсутствовал (рис. 79).

Седельные ремни включали нагрудник с двумя холочными ремнями, а также два подпружных ремня – широкий верхний и узкий нижний (рис. 79. – 3а; 78). Подхвостных ремней не зафиксировано, но наличие в ряде наборов парных плоских пронизок из кости, конструктивно подобных пазырыкским (рис. 81. – 3), позволяет предполагать их появление уже в это время. По остаткам седла из Гилево-10 можно заключить, что оно состояло из двух кожаных подушек, набитых травой.

Сбрую из предгорий Северо-Западного Алтая можно считать (как и пазырыкские) эталонной для интерпретации многочисленных наборов за пределами Алтая. Эти находки позволили установить функциональное назначение почти всех известных деталей, понять особенности эволюции конского снаряжения на Алтае и сопредельных территориях в VII–VI вв. до н.э., в частности, в Средней Азии и Туве. На всей этой территории существовали единые принципы в устройстве и оформлении сбруи, включавшей уздечку и седло с прилегающими ремнями. Наиболее стандартной выглядит ременная узда с четырьмя распределителями (обычно малыми) в местах пересечения суголовных ремней с наносным и подбородным, подвеской наносного ремня, застежкой подбородного ремня и ворворкой для фиксации на затылке лошади суголовных ремней (рис. 79). Характерной особенностью раннескифской сбруи являлся способ перекрещивания ремней, когда один ремень (обычно основной суголовный или нагрудный)

разрезался, а в это отверстие под прямым углом пропускался другой (наносный, подбородные, холочные). Именно этот способ предполагал использование распределителей с четырьмя боковыми отверстиями под пересекающиеся ремни (рис. 79. – 4). Независимо от типа псалиев внешние окончания удила располагались в вертикальной плоскости. Судя по алтайским материалам, налобных ремней обычно не было, что подтверждается отсутствием в наборах каких-либо налобных блях или подвесок. Что же касается так называемых налобных блях, то во всех известных случаях они использовались для соединения верхнего и нижнего подпружных ремней на правом боку лошади (рис. 79. – 2, 3а) (Шульга, Шульга, 2004). Нагрудник во всех известных случаях крепился к широкому верхнему подпружному ремню и, как правило, состоял из одного ремня (рис. 79. – 1). Нагрудник из двух параллельных ремней с соответствующим набором распределителей, застежек и пронизок достоверно зафиксирован лишь однажды в Гилево-10 (рис. 79. – 2, 3) (Шульга, 2003а). Полный набор бронзовых деталей у стандартного одноременного нагрудника включал два распределителя, застежку на левой стороне, центральную подвеску и пронизки (рис. 79. – 1). Поскольку эти ремни, как правило, были толще уздечных, то и размеры их больше. Холочные ремни, очевидно, просто связывались. На подпружных ремнях имелось три детали: с левой стороны подпружная пряжка (шпеньком вниз) на широком верхнем ремне и блок на узком нижнем (рис. 78. – 1); справа эти ремни соединялись крупной бляхой-застежкой (рис. 79. – 2, 3а). Седельная фурнитура, за исключением плоских пронизок подхвостных (?) ремней, отсутствует. Седловка лошади производилась слева, а потому слева находятся ворворка суголовных ремней, застежки подбородника и нагрудника, а также подпружные пряжка и блок. С левой же стороны, очевидно, находился и чумбур.

В целом снаряжение верховой лошади VII – начала VI в. до н.э. в классическом виде выглядит как простая продуманная система соединенных распределителями и застежками ремней. Полные сбруйные наборы всегда изготавливались в одном художественно-мифологическом стиле с четким разделением фурнитуры узды и седельных ремней. При этом все изделия за исключением пронизок, наносных и нагрудных подвесок имели функциональное назначение. Сияющая бронзовым блеском распределителей, пряжек, подпружных блях-застежек (до 7–8 см в диаметре), подвесок и псалиев, украшенная многочисленными пронизками (до 128 штук в Машенке-1) наборная сбруя была дорогим и престижным атрибутом всадника.

Важно подчеркнуть, что «богатые» наборы встречаются как в мужских, так и в женских захоронениях. При этом в известных элитных курганах сбруйные наборы не отличаются ни сложностью, ни числом бронзовых деталей. Судя по большому количеству не содержащих застежки простых наборов, повседневная сбруя на лошади рядового всадника (всадницы) была преимущественно ремной, как и в последующее время. Роговая фурнитура использовалась редко и преимущественно на завершающем этапе раннескифской культуры.

6.2. Снаряжение верховой лошади добашадарского периода раннепазырыкского этапа (середина VI – середина V вв. до н.э.)

В целом становление и видоизменение пазырыкской сбруи происходило аналогично и синхронно процессу, фиксируемому как в прилегающих, так и в удаленных регионах от Тувы до Южного Урала. До недавнего времени наиболее ранними в пазырыкской культуре считались элитные курганы Башадар-2 и Туэкта-1, 2, а соответственно, и найденные в них сбруйные наборы. С выявлением на Алтае новых представительных комплексов раннескифского времени и VI в. до н.э. стало очевидно, что сбруя Башадара-2 и Туэкта-1, 2 не имеет раннескифских черт и сформировалась позже более архаичных наборов VI в. до н.э. с распределителями пазырыкской (рис. 80), савроматской и других культур. В Башадаре-2 и Туэкте-1, 2

уже отсутствуют почти все появляющиеся в финальных памятниках раннескифского времени двоители, роговые застёжки с боковым отверстием, распределители, кольцевидные пронизки, псалии с головками длинноклювых орлов и др. (рис. 80). Вместе с тем, там уже представлен совершенно новый собственно пазырыкский тип сбруи (почти не отличающийся от найденной в Пазырыке), а также разнообразные (в том числе и предельно стилизованные) модификации изображений ушастых орлов и грифонов (Руденко, 1960).

Наиболее ранними из пазырыкских наборов (добашадарский период) являются следующие представительные комплексы со сбруйными наборами: курган 5 из Арагола (Марсаолов, 1997), курган 6 из малых туэктинских курганов (Киселев, 1951), курган 4 из Талдуры-1 (Могильников, Елин, 1982), курган 27 из могильника Тьткескень-6 и курган 7 из Кайнду (рис. 80) (Жирюшин, Степанова, 2004), курган 19 из Ала-Гаила (рис. 31) (Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985), курган 2 из Чендека-ба (Киреев, Шульга, 2006), возможно, курган 99 из Боротала (рис. 39) и некоторые другие с менее представительными комплексами. Указанные курганы синхронны или близки во времени содержащим сбруйную фурнитуру захоронениям из Тувы (Туран-1, к. 93), северных предгорий Алтая (Майма-19, к. 4; Юбилейный-2, к. 1), Кузнецкой котловины (Кузнецк 1/5, мог. 1), Барнаульского и Новосибирского Приобья (Н. Шарап-1, к. 19, Раздумье-6, к. 3). Далее к западу ближайшие аналогии происходят из захоронений в Южном Приуралье (см. сводку: Смирнов, 1961; Таиров, 2004; Ocir-Gorjaeva, 2005). По имеющимся материалам, аналогичная сбруя была распространена и в Минусинской котловине, но до настоящего времени там не обнаружено ни одного представительного набора в комплексе с сопутствующим погребальным инвентарем, а потому разрозненные депаспортизированные детали сбруи из Минусы могут быть датированы и интерпретированы только по сбруйным наборам из соседних территорий. Все сбруйные наборы из вышеуказанных погребальных наборов наиболее близки по конструкции ременной основы и фурнитуре к раннескифским прототипам. Подчеркнем, что этим наборам сопутствуют и ранние формы инвентаря, использование звериного стиля, а в некоторых случаях и погребального обряда. Соответственно, *выводы об их относительной и абсолютной хронологии, основанные на анализе эволюционных особенностей конского снаряжения, могут быть перепроверены по другим материалам, входящим в тот или иной погребальный комплекс.*

Итак, в настоящее время на основе значительного материала с Алтая можно охарактеризовать снаряжение верховой лошади пазырыкской культуры начального добашадарского периода.

Узда и двоители. Ременная основа пазырыкской уздечки переходного типа, как и в других частях скифского мира от Южного Приуралья до Саяно-Алтая, почти полностью соответствовала раннескифской (рис. 78. – 1, 2; 80). Она также состояла из двух суголовных ремней, соединявшихся на левой стороне затылка; двух подбородных ремней, соединявшихся на левой стороне; одного наносного ремня. Данные о наличии налобного ремня отсутствуют. Отличие новой уздечки заключалось в новом способе соединения удил с псалиями и широком использовании двоителей нащечных ремней (рис. 80. – 4, 22). Необходимость в последних появились в результате смещения наносного ремня в противоположную от удил сторону. В узде с двоителями наносный ремень пересекал суголовные ремни не в 9–11 см от псалиев (как в раннескифской узде), а примерно посередине между псалиями и подбородным ремнем (сравните рис. 79 и 80. – 25). В результате длина нащечных ремней на уздечке с двоителями была больше почти вдвое, но ремни раздваивались на том же расстоянии, что и раньше.

Чтобы сохранить это расстояние и предотвратить запутывание удлинившихся ремней, с каждой стороны уздечки выходящие из распределителя суголовный и наносный ремни стягивались расположенными примерно посередине бронзовыми или роговыми двоителями преимущественно В-образной или восьмерковидной формы (рис. 80. – 4, 22). Расстояние между местом пересечения суголовных ремней с наносным и двоителем зафиксировано только в туэктинском кургане 6 (Киселев, 1951, табл. XXVIII. – 18) – на реконструкции оно не превы-

шало 5 см. В большинстве же случаев, судя по сохранившимся более поздним уздам, а также деревянным и кожаным развилкам из Башадара-2, Туэкты-1 (Руденко, 1960, табл. XXXV, рис. 76; и др.), Пазырыка и Укока (Руденко, 1953, рис. 89–91, 97–98, и др.; Полосьмак, 1994, 2001), расхождение ремней на отверстия в псалиях начиналось примерно посередине со смещением в ту или другую сторону (рис. 77. – 1). Использовались двойтели сравнительно недолго и вскоре исчезли даже в комплектах с распределителями. В уздах без двойтелей соединение ремней, по всей видимости, осуществлялось путем их сшивания или переплетения, как это отмечено в курганах Пазырыка (рис. 77. – 1) (Руденко, 1953, рис. 89, 98 и др.).

Двойтели обнаружены не менее чем в десяти представительных наборах: шесть в Горном Алтае (Майма-19, Кайнду, Тьткескень-6, малый туэктинский курган 6, Талдура-1, Кок-Су-1), один в Туве (Туран-1, к. 93), один в Кузнецкой котловине (Кузнецк 1/5, мог. 1), один в Новосибирском Приобье (Н. Шарап-1), один в Приаралье (Нижний Тагискен, к. 63), один на Южном Урале (Пятимары-2; возможно, в Мечетсае, к. 9). Все они (за исключением Пятимары-2 и Кузнецк 1\5) входят в состав уздечки с распределителями. Помимо этого двойтели без представительных комплексов или вне комплексов встречены в Казахстане (Смирнов, 1961, с. 95; Членова, 1967, с. 78), в Минусинской котловине (Членова, 1967, с. 78, табл. 17. – 24–26; 1961), а также в Приобье (Н. Шарап-1, Быстровка-1, Раздумье).

Фурнитура уздечки. Основным отличием уздечки этого времени является практически полная замена раннескифской системы соединения удил с трехдырчатыми псалиями на принципиально новую. Двудырчатые псалии уже не привязывались к удилам, а вставлялись в их увеличенные внешние окончания. Остальная фурнитура конструктивно осталась прежней.

По материалам самых ранних погребальных комплексов каменной, быстрянской, пазырыкской и саглынской культур (Новый Шарап-2, Кузнецк-1/5, Юбилейный-2, Майма-19, Тьткескень-6, Кайнду, малый туэктинский курган, Туран-1, Талдура-1 и др.) в полный уздечный набор входили четыре распределителя, два двойтеля (часто встречается по одному), бронзовая или роговая (с боковым отверстием) застежка подбородного ремня, ворворка для застегивания на затылке суголовных ремней, наносная подвеска, чумбурный блок, а также бронзовые или железные удила, бронзовые или роговые псалии (рис. 80). Показательно, что только в этих комплексах обнаружены переходные псалии с тремя отверстиями в Кайнду (рис. 80. – 21) и с намеченным третьим отверстием в Майме-19 (Киреев, 1992), а также использовавшиеся как трехдырчатые роговые псалии в Юбилейном-2 (Уманский, Шульга, 2005в). *Совместная встречаемость характерных для раннескифской эпохи псалиев со строго определенным набором фурнитуры является важным основанием для их взаимной датировки.* Данные комплексы наглядно демонстрируют редко фиксируемый сжатый во времени процесс перехода от раннескифского снаряжения лошади к пазырыкско-савроматскому.

Псалии. Во всех случаях в пазырыкской уздечке они вставлялись во внешние кольца удил. Известные в Горном Алтае псалии переходной сборки изготавливались из бронзы, рога и дерева. На соседних территориях имеются и железные экземпляры. *Роговые псалии* подразделяются на плоские из пластины и круглые в сечении из ответвления рога (рис. 80. – 21; 76. – 14–16). Один конец у них расширен и закруглен, а другой сужается. Для псалиев из ответвления рога эта форма была естественной, а пластинчатая она придавалась намеренно. Практически на всех из них воспроизводился (или подразумевался) распространенный в это время в скифском мире сюжет, предполагавший размещение на удлиненном изделии двух направленных в разные стороны мифических существ. На заостренном конце таких изделий располагалась головка длинноклювого ушастого орла, а на противоположном расширенном конце – голова хищника (рис. 76. – 14, 15). В уздечной фурнитуре таким образом оформлялись псалии и застежки подбородного ремня: металлические с петелькой и роговые с боковым отверстием (традиционно трактуемые на Урале и Нижней Волге как налобные подвески). Почти все такие

псаалии обнаружены в горах Алтая (Талдура-1, Ала-Гаил, Кок-Су-1) и в предгорьях (Аэродромный), а за их пределами почти не встречаются. Этот же сюжет можно было бы предполагать на переходном бронзовом псаалии из Маймы-19 и на трехдырчатом роговом из Кайнду, где сужающиеся концы оформлены в виде схематичной головки длинноклювого орла (рис. 80. – 21). Однако на расширяющихся концах этих псаалиев подразумевались не традиционные хищники, а головки хищных птиц, что замечательно иллюстрируется роговым псаалием из коллекции М.П. Погодина (Марсадолов, 1998, рис. 1. – 42). Судя по трехдырчатому роговому псаалию из кургана 26 Карбана-1 с головкой ушастого длинноклювого орла на одном конце и «копытном» на другом (Кирюшин, Тишкин, 1997, рис. 37. – 1), наиболее ранние псаалии на Алтае не предполагали на расширенном конце изображения хищника. В пользу этого говорят и головки кабанов на сужающихся концах псаалиев из представительного раннескифского комплекса в кургане 5 Карбана-1 (Демин, Гельмель, 1992). Изготовленные несколько позже псаалии из Кайнду и Маймы-19, а также псаалий из коллекции М.П. Погодина продолжали ту же традицию, согласно которой первоначальным и основным было изображение длинноклювого орла на сужающемся конце. На противоположном расширенном конце помещалась головка орла с закручивающимся клювом. Таким образом, уже на этапе становления пазырыкской культуры на псаалиях появляется свой сюжет из двух направленных в противоположные стороны головок ушастых орлов. Около середины VI в. до н.э. головка с закрученным клювом на расширенном конце зачастую заменяется головой хищника. Стоит особо подчеркнуть, что в *Горном Алтае зародившаяся в финале раннескифской культуры традиция после краткого «увлечения» сочетанием «орел-хищник» вновь получает широкое распространение*. Так, в роговом наборе из раннепазырыкского кургана 99 могильника Боротал (рис. 76. – 16) мы вновь видим на псаалиях только головки ушастых орлов, а в Чендеке-ба даже две стилизованные разнонаправленные головки (рис. 76. – 17). Постепенное угасание данной традиции наблюдается в Третьем и Четвертом Пазырыкских курганах (рис. 76. – 18, 19).

Итак, для переходной раннепазырыкской сбруи были характерны роговые округлые в сечении псаалии с изображениями ушастого орла и хищника. Бытовали они сравнительно недолго и в представительных комплексах встречены только с самыми ранними формами сбруйной фурнитуры и инвентаря: в Кок-Су-1 – с двойтелем, цельными удилами и распределителями, в Талдуре-1 – с двойтелем, застежкой с боковым отверстием и распределителями, в Ала-Гаиле – с двукольчатыми внешними окончаниями на удилах и бронзовым ножом с кольчатым навершием (рис. 31).

Деревянные псаалии (рис. 75. – 3, 4) встречаются на Алтае значительно чаще, нежели роговые, но подавляющее их количество происходит из мерзлотных курганов Башадара, Туэкты, а также Пазырыка и близких ему во времени курганов Чуи, Укока и Берели. Соответственно нам известны их формы и орнаменты за меньший (чем у роговых) хронологический отрезок. При этом нужно учитывать специфику данного материала, позволявшего, в частности, выполнять намного более сложные изображения. В формах и декоре деревянных псаалиев также прослеживаются закономерности, но они не столь прямолинейны, а потому даже в относительно позднем Пятом Пазырыкском кургане концы псаалиев продолжают одновременно оформлять в сочетаниях «орел-орел» и «орел-хищник» с той лишь разницей, что головки ранних ушастых орлов заменяются на грифонов, а уши кошачьих хищников закручиваются подобно рогам львиных грифонов (Руденко, 1953, табл. LXVIII. – 1, LXIX. – 1).

Удила. Изготавливались из железа и бронзы. За единичными исключениями (рис. 75. – 13; Ала-Гаил, к.1; Ала-Гаил, к. 19; Джолин-1, к. 6; Кок-Су-1; Бертек-1, к. 1) (Могильников, Суразаков, 1980; Мартынов и др., 1985; Кубарев, 1991; Сорокин, 1966; Молодин, Соловьев, 1994, рис. 62. – 2) все удила были двузвенными с однокольчатыми внешними окончаниями. В ранних комплексах значительная часть удил имеет внешние окончания в форме овала, перпендикулярного оси грызла (рис. 75. – 3, 6, 7). Эта форма (как и синхронно существовавшая кольцевидная)

появляется еще у раннескифских удиц с малыми внешними однокольчатыми окончаниями. В большом количестве они были обнаружены в Аржане-1 (Грязнов, 1980, рис. 12, 14, 16, 20, 23, 27, 28). Там же имеются и широкие стремечковидные окончания, представляющие собой промежуточную форму между традиционными стремечковидными и кольчатыми (Грязнов, 1980, рис. 14. – 1, 16, 20. – 2, 3, 5), что демонстрирует наличие данных форм на Саяно-Алтае уже в VII в. до н.э.

Этот факт имеет большое значение для понимания условий формирования пазырыкской узды с кольчатыми удилами, поскольку существует точка зрения о ее привнесении «в готовом виде» с юго-запада (Марсадолов, 1998, с. 12). Как показано выше, *конструкция раннепазырыкской узды и функциональная фурнитура сложились на Саяно-Алтае еще в раннескифское время*. Здесь же на завершающем этапе появляется и принципиально новый, повсеместно распространившийся затем способ соединения удиц и псалиев путем пропускания последних в увеличенные внешние окончания удиц (Грач, 1980, рис. 83. – 2; Ермолаева, 1987, рис. 3. – 16).

Ссылка на железные удила, предположительно привнесенные на Алтай из Передней Азии (Марсадолов, 1998, с. 10), также «не работает». Согласно проведенным в середине 80-х гг. XX в. исследованиям (Суразаков, 1989, с. 25) и новым материалам при изготовлении ранних железных удиц на Алтае явно стремились воспроизводить форму бронзовых, и это вполне объясняется их местным производством (рис. 75. – 7–10).

Что же касается вопроса о времени распространения на Алтае железа, то на равнине оно широко бытует уже на финальном этапе раннескифской культуры, а с первой половины VI в. до н.э. в горах и на равнине из железа изготавливаются почти все боевые кинжалы, чеканы и защитные поясные пластины (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005). В раннекаменных наборах на равнине бронзовых удиц нет вовсе, но это совсем не значит, что и они привнесены из Передней Азии. Важно подчеркнуть, что к востоку от Урала неизвестны железные удила западного типа с асимметрично загнутыми окончаниями – основной формы удиц от Причерноморья и Северного Кавказа до Южного Урала в VI–III вв. до н.э.

Постепенно овальная форма внешних окончаний бронзовых удиц вытесняется сосуществовавшими одновременно удилами кольцевидной формы. В этом отношении показательны удила из кургана 1 в Тербедеке, состоящие из изношенного звена с овальным окончанием и позднее прилитым звеном с кольцевидным (рис. 22. – 7). Подобным образом соотносятся изношенное и долитое звено удиц из Кайнду (Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 54. – 3).

Уздечные пронизки. Во всех ранних наборах в Горном Алтае имеются украшавшие уздечные ремни полукруглые пронизки (рис. 80. – 9, 24), а в некоторых дополнительно отмечены овальные и кольцевые. Последние имеют наиболее широкое распространение в раннескифское время (рис. 79. – 4) и довольно редко встречаются на Саяно-Алтае даже в самых ранних комплексах пазырыкской и синхронных ей культур. Заменяющие их на уздечке бронзовые и железные полукруглые и скобчатые пронизки в небольшом количестве появляются уже в поздних раннескифских наборах, но время их использования на территории от Урала до Тувы в основном ограничивается рамками VI в. до н.э.

Уздечные распределители. В представительных наборах переходного типа распределители используются только в уздечке и на нагрудных ремнях не встречаются. Распределители являются несомненным показателем наличия узды раннескифского и переходного типов, поскольку могут применяться в сбруе с округлыми ремнями, перекрещивающимися по раннескифскому принципу (рис. 79. – 4; 80. – 25). В Башадаре-2, Туэкте-1, 2 распределителей уже нет. Ремни уздечки там не круглые (как раньше), а плоские, они сшивались или крепились узелками в прорезях, как в последующее время (Руденко, 1960, с. 68, 70, 124).

Седла и седельные ремни. Переход к двудырчатым псалиям по каким-то причинам привел к полному исчезновению с седла и прилегающих ремней функциональной и украшающей фурнитуры. Произошло это в восточной части скифского мира повсеместно, а потому объяс-

нить такое непонятное явление местными особенностями погребального обряда на Алтае или Южном Урале нельзя. Мерзлотных погребений этого времени не выявлено, а потому седло добашадарского периода изучено слабо. Отсутствие многочисленных бронзовых изделий не позволяет надеяться и на обнаружение крупных фрагментов окисленных кожаных ремней, как в Гилево-10 и Кондратьевке-21 (рис. 79. – 3, 4). Таким образом, о конструкции седла и прилегающих ремней можно судить прежде всего по материалам предшествующего раннескифского времени и соорудившихся позже мерзлотных курганов Башадара, Туэкты и Пазырыка.

Большое значение имеют сохранившиеся с раннескифского времени видоизмененные бронзовые подпружные пряжки и блоки, появившиеся роговые пряжки и блоки (рис. 80. – 18, 19), а также встречающиеся в некоторых наборах другие роговые изделия. На седельных ремнях полностью исчезают не только распределители, застежки и ворворки, но и пронизки, на месте которых появляются (или сохраняются) клыки кабана (их имитации) или подвесные бляхи. Все соединения за исключением подпруги становятся ременными, без застежек. Тем не менее основные особенности седельных ремней добашадарского периода устанавливаются достаточно полно. Если сопоставить сбрую раннескифского времени и известную в Башадаре-2 и Туэкте-1, 2, то мы увидим почти полное совпадение в конструкции ременной основы. Полностью сохраняются подпружные ремни и способ седловки лошади при помощи пряжки и блока. Сохраняется нагрудник и поддерживающие его два холочных ремня.

Учитывая сказанное, можно с уверенностью полагать, что седло и седельные ремни добашадарского периода были в основном такими же как в Гилево-10 и Башадаре-2. Эти умозаключения полностью подтверждаются находками роговых сбруйных наборов из захоронений середины – второй половины VI в. до н.э. Устройство седельных ремней хорошо видно и на изображении в Сибирке-1 (рис. 78. – 2; около середины VI в. до н.э.), где отмечено мягкое седло с расширяющимися в передней части подушками и луками. Подхвостные ремни, по всей видимости, использовались эпизодически и не получили повсеместного распространения. На это указывает отсутствие их в Башадаре-2 (Руденко, 1960, с. 71) и наличие в Туэкте-1, 2 (Руденко, 1960, с. 135, 155, 161). Нет подхвостного ремня и на изображении оседланной лошади из Сибирки-1 (рис. 78. – 2).

Помимо предполагаемого мягкого седла без фурнитуры, уже к началу добашадарского периода (около середины VI в. до н.э.) появляются седла с ранее неизвестной *роговой фурнитурой*. Самый ранний седельный набор происходит из Сибирки-1, где зафиксировано четыре круглых седельных пронизки и накладки для крепления нагрудника к подпружному ремню (Бородовский, 1988; Полосьмак, 1990). Примерно к этому времени относятся захоронения с одиночными роговыми седельными подвесками из Маймы-7 (Киреев, Чевалков, 2005) и Кузнецка-1/5 (Ширин, 2004, рис. 18. – 11). За исключением подпружной пряжки из Чендека-ба роговые детали указанных наборов до недавнего времени имели аналогии только в курганах среднепазырыкского времени (Пазырык, Каракол, Шибе). Однако представительные роговые наборы из Боротала-1 (к. 99) и Ала-Гаила-3 (к. 11) (рис. 30; 39), датируемые примерно временем сооружения Башадара-2, а также седельная пронизка в Кайнду (рис. 80. – 20) (Кирюшин, Степанова, 2004, рис. 55. – 8) не оставляют сомнений в существовании роговой фурнитуры в раннепазырыкское время.

Следует признать, что детально изученная в курганах урочища Пазырык *сбруя с роговыми и деревянными подвесками и пронизками появляется значительно раньше, к середине VI в. до н.э.* Ее полное отсутствие в Башадаре-2 и Туэкте-1, 2 указывает на сосуществование узд и фурнитуры различного типа. Возможность их параллельного сосуществования хорошо иллюстрируется полным отсутствием наборов с роговыми и деревянными бляхами как в ранних, так и в поздних пазырыкских курганах верховий Чуи, Укока и Бухтармы.

Подпружные пряжки и блоки обнаружены почти во всех захоронениях. В добашадарский период бронзовые пряжки и блок находились только в наборе из Тьткескена-6, в остальных –

роговые. Из роговых пряжек большинство относится к пластинчатым с повернутым назад шпеньком (рис. 76. – 5; 80. – 18), кольцевидные почти не встречаются (Арагол). В реальности, вероятно, широко использовались бронзовые изделия, отличавшиеся большим разнообразием, но в рядовые погребения они не помещались. На это указывает наличие большого количества пряжек и блоков в более поздних элитных курганах Башадара-2, Туэкта-1, 2 (Руденко, 1960) и в Боротале-1 (рис. 76. – 3, 4), тогда как в синхронных рядовых их почти нет. Этот факт однозначно указывает на утрату раннескифских традиций и усиление условности погребального обряда.

6.3. *Снаряжение верховой лошади башадарского периода раннепазырыкского этапа (около второй половины V в. до н.э.)*

Около середины V в. до н.э. завершилась эпоха бытования классической раннескифской сбруи, замечательной в своей простоте и открытости, с детально продуманным набором сиявших бронзой многих десятков пряжек, застежек, подвесок и колечек. Все детали этой сбруи, за исключением пронизок и двух подвесок, имели определенное практическое назначение. Почти все соединения ремней ее осуществлялись посредством изящных распределителей, пряжек и застежек, благодаря чему разъединить их или собрать вновь не составляло труда (рис. 78. – 1; 79).

У пришедшей на смену новой собственно пазырыкской сбруи (Башадар-2, Туэкта-1, 2) от раннескифской осталась только существенно изменившаяся ременная основа из суголовных, наносного и подбородочных ремней. Сохранявшиеся до этого в уздечке раннескифские черты полностью утрачиваются. Практически все соединения осуществляются сшиванием и разнообразными, зачастую очень сложными, узлами и переплетениями. Вместо округлых свернутых в трубочку (иногда с сердечником) и прошитых сбруйных ремней повсеместно распространяются простые плоские (Руденко, 1960). Деградировавшую, по сравнению с лучшими раннескифскими образцами, ремennую основу парадной (погребальной) пазырыкской сбруи с узлами и сшивками начинают полностью закрывать различными изготовленными из дерева нефункциональными бляхами, планками и другими изделиями. В свою очередь и бляхи покрывались очень тонкой непрочной золотой фольгой и краской, а остающиеся на виду участки ремней обшивались тонкой кожей.

Не удивительно, что на начальном этапе знакомства с пазырыкской сбруей у многих исследователей *возникало ощущение бутафории*, как будто она изготавливалась только для проведения яркого погребального обряда. Но часть этой сбруи (по крайней мере парадной) использовалась и в реальной жизни. Создается впечатление, что «барокко» в пазырыкском искусстве с его вычурностью, сложностями и излишествами было перенесено и на снаряжение коня.

Итак, *в течение двух с небольшим столетий внешний вид происходящего из погребений конского снаряжения поразительно меняется*. С одной стороны, мы видим оттеняющую достоинства скакуна изящно, но неброско украшенную ажурную сбрую с почти незаметными на расстоянии ремнями (рис. 78. – 1; 79). А с другой – не менее породистую лошадь, но иногда буквально скрытую под массой громоздких и объемных украшений. Голова и грива лошади могли полностью закрываться маской с высоким навершием и нагривниками. Все это дополнялось не менее пышно украшенными седлом, чепраком с широким нагрудником, свисающими чуть не до земли кистями и развевающимися войлочными фигурами диковинных существ (рис. 78. – 3, 4).

Несомненно, что за этими различиями стоят разные эпохи с особыми представлениями о прекрасном и практичном, верованиями и мироощущением. Следует оговориться, что столь

яркий контраст представляла парадная, скорее, погребальная сбруя. В повседневной жизни рядовой пастух и охотник как в раннескифское, так и в пазырыкское время пользовались, по всей видимости, простой сбруей с узловыми соединениями и минимальным количеством сакрально значимых украшений. Более того, на известных изображениях взнузданных и оседланных лошадей скифского времени, начиная со сцены отдыхающих под деревом из коллекции Петра Великого из Сибирки-1, Пазырыка-5 (рис. 72. – 7; 78. – 2) и других, изображается только простая сбруя без объемных и нефункциональных украшений.

Конское снаряжение Башадара-2 и Туэкта-1, 2 имело принципиальные отличия не только от раннескифской сбруи, но и от переходной добашадарского периода. Конструкция уздечки, седла и примыкающих ремней, а также принцип размещения на ремнях многочисленных, как правило, деревянных, нефункциональных бляшек, уже соответствует найденной в урочище Пазырык и других курганах позднепазырыкского этапа. Как отмечал С.И. Руденко, устройство узд и седел, найденных в Башадаре-2 и Туэкте-1, 2, «в основном такое же, как у известных нам ранее узд и седел из больших курганов Горного Алтая с каменной наброской» (Руденко, 1960, с. 89, 124). Удила в башадарский период в основном тех же форм, что и в предшествующее время. В элитных курганах они в основном железные (рис. 75. – 7–10), но в рядовых все еще распространены бронзовые, встречающиеся и в позднепазырыкской уздечке (Пазырык).

Подпружные пряжки и блоки. Способы застегивания подпружных ремней. В курганах башадарского периода продолжают встречаться бронзовые подпружные пряжки и блоки (рис. 30. – 9; 34. – 7, 8; Башадар-2; Туэкта-1, 2; Боротал-1, к. 7; Ала-Гаил-3, к. 11), но почти все они происходят из элитных курганов. Из роговых пряжек наиболее часто встречаются пластинчатые с отогнутым назад шпеньком (рис. 76. – 1), а также копирующие бронзовые образцы грушевидные пряжки с направленным назад носиком (рис. 76. – 7, 8). Изредка встречаются характерные для позднего этапа пряжки с выступающим вперед носиком (Туэкта-2) (Руденко, 1960, табл. СІХ. – 5).

По имеющимся данным и прежде всего наблюдениям С.И. Руденко в Башадаре-2 и Туэкте-1, пряжки со шпеньком (застежки) крепились с левой стороны на конце широкого подпружного ремня шпеньком вниз как в раннескифской, так и в пазырыкской сбруе (рис. 78. – 1; 76. – 12, 13; 81. – 4). Сопутствующие им блоки находились на конце нижнего подпружного ремня. В наборах с пряжкой без блока последний, вероятно, заменялся ременной петлей. Способ застегивания подпруги с такими пряжками впервые графически продемонстрирован Е.В. Степановой на материалах Башадара-2 и Туэкта-1 (рис. 76. – 12, 13) (Степанова, 2005, рис. 1. – 2, 3; 2006). Однако, основываясь, по-видимому, на сравнениях с современной сбруей (пряжки сейчас находятся на нижнем широком подпружном ремне), указанный автор располагает пряжки-застежки не на верхнем, а на нижнем подпружном ремне и шпеньком вверх (на рис. 76. – 12, 13 ремни перевернуты. – П.Ш.), хотя С.И. Руденко неоднократно отмечал обратное (Руденко, 1960, с. 74, 75, 77, 79). В ходе дополнительного осмотра (декабрь 2006 г.) в Государственном Эрмитаже подпружных ремней из Туэкта-1, включавшего наиболее хорошо сохранившееся седло из экспозиции, справедливость наблюдений С.И. Руденко подтвердилась.

Принцип расположения подпружных ремней с пряжками типа найденных в Туэкте-2 и Кок-Су-1 (с выступающим вперед носиком) был иным, как и у подобных поясных пряжек-застежек (рис. 81. – 3, 4). В отличие от вышеописанных, на носик пряжки надевался конец не верхнего подпружного ремня (на котором она крепилась, как и раньше), а нижнего. Как и у поясов, конец нижнего подпружного ремня сначала пропускался в петлю пряжки, а потом надевался отверстием на ее носик (рис. 72; 81. – 4). При таком способе застегивания подпруги располагавшийся ранее на конце нижнего подпружного ремня блок стал не нужен. Поэтому в наборах с описываемыми пряжками блоков нет, и, наоборот, в сосуществующих наборах с блоками нет пряжек с носиками. Данная закономерность иллюстрируется материалами

из Уландрыка-4, где у одной лошади подпруга затягивалась при помощи пряжки с носиком, а другой – при помощи блока (Кубарев, 1987, с. 189).

Значимой деталью раннепазырыкских седел являются неизвестные в раннескифское время дужки из рога и дерева на торцах седельных подушек. В Горном Алтае наиболее ранние найдены в Туэкте-1, 2, где они представлены в неожиданно большом количестве и разнообразных вариантах. Все они деревянные. Примерно к этому же времени можно отнести и курган 3 могильника Уландрык-4, где были найдены подобные деревянные дужки (Кубарев, 1987, табл. LXXIII. – 14). Остальные наборы с деревянными и роговыми дужками относятся к позднепазырыкскому этапу: Пазырык-1, 2, 3, 4, Шибе, Каракол, Ак-Алаха-1 (к. 1), возможно, Берель (Киселев, 1951, с. 346–347; Руденко, 1953, 1960, с. 226–227; Полосьмак, 1994, с. 24; Баркова, 1979, с. 64). Самые же ранние дужки на Саяно-Алтае происходят из сбруйного набора с роговыми распределителями в кургане 7 могильника Рогозиха-1 (Уманский, Шамшин, Шульга, 2005, рис. 20).

6.4. *Снаряжение верховой лошади позднепазырыкского этапа IV–III вв. до н.э.*

Конское снаряжение позднепазырыкского этапа, замечательно представленное в курганах Пазырыка, Укока, верховий Чуи и Берели, по праву считается эталоном для реконструкций сбруи скифского времени на территории Евразии. Материалы Пазырыка позволили понять и достаточно полно восстановить снаряжение раннего этапа по фрагментированным и разрозненным остаткам в Башадаре-2 и Туэкте-1, 2. Сбруя из Пазырыка является основой и для реконструкции снаряжения раннескифского времени. Данный памятник до сих пор остается самым ярким и информативным, несмотря на разграбленность могильника и отличную сохранность органики только в двух курганах (Пазырык-1, 5), Помимо этого, в Пазырыке были обнаружены и редкие роговые наборы, а также наборы с аналогичными деревянными и кожаными деталями. Эталоном материалы Пазырыка являются и для последующего времени вплоть до последних веков I тыс. до н.э., когда на Алтае и соседних территориях формируется сбруя средневекового облика.

Ко времени сооружения Башадара-2 и Туэкты-1, 2 сбруя приобретает облик последующего позднепазырыкского этапа. От предшествующей эпохи в башадарской сбруе еще сохранились видоизмененные бронзовые чумбурные блоки, а также бронзовые подпружные пряжки с блоками, но и они полностью исчезают ко времени сооружения Пазырыка-1, 2 (около 350 г. до н.э.). Никаких принципиальных изменений в конструкции сбруи уже не происходит (рис. 77). Функциональная металлическая фурнитура в погребениях позднепазырыкского этапа отсутствует. Все соединения ремней осуществлялись посредством переплетения, узлов и сшивания, а многочисленные деревянные бляхи лишь прикрывали их. Почти не встречаются даже имевшие повсеместное распространение роговые подпружные пряжки и блоки. Очевидная вычурность и ненадежность убранства лошадей из Пазырыка сразу же породила естественные сомнения и в достоверности самой ременной основы сбруи. Только благодаря нахождению многочисленных сбруйных комплектов с роговыми наборами (рис. 30; 39; 81) мы можем с уверенностью говорить, что ременная основа сбруи в основном соответствовала использовавшейся в реальной жизни, даже если она изготавливалась специально для погребения.

Наши знания конского снаряжения позднепазырыкского этапа отличает значительность выборки. В отличие от башадарского периода, где вся органика происходит из расположенных в 20 км друг от друга Башадара и Туэкты, мерзлотные курганы IV–III вв. до н.э. с остатками сбруи исследованы практически на всей скотоводческой территории Горного Ал-

тая, за исключением северо-западных низкогорий, нижнего и среднего течения Катуня. Следует подчеркнуть, что несмотря на десятикратное увеличение за последние полвека числа исследованных пазырыкских курганов (примерно с 50 до 600), в том числе с мерзлотой в верховьях Чуи, на Укоке и Берели, никаких принципиально новых данных по устройству сбруи не получено. Обратившись к опубликованным с начала 60-х гг. XX в. материалам из мерзлотных захоронений, мы не найдем описаний ремней и устройства имевшейся там ременной основы сбруи. Практически весь материал состоит из деревянных (много реже – кожаных, войлочных и тканевых) нефункциональных подвесок и украшений, представляющих чрезвычайный интерес для решения самых разнообразных вопросов, но не конструкции пазырыкской сбруи. Показательно, что не располагая данными по устройству ременной основы, авторы реконструкций уздечек из Ак-Алахи-1, Кутургунтаса и Верх-Кальджина-2 были вынуждены копировать рисунки М.П. Грязнова, заменив только бляхи, развилки и псалии (Полосьмак, 1994; Молодин, 2000). Поразительно мало функциональных деталей (пряжек, застежек, ворворок) найдено и в сотнях других погребений. Соответственно, основным, а зачастую единственным источником по конструкции снаряжения верховой лошади на Алтае и сопредельных территориях являются сбруйные наборы из Пазырыка, где сохранились не только седла и узды с подвесными бляхами, но и редко встречающиеся подпружные пряжки, ворворки суголовных ремней и седельные пронизки. Помимо этого, конские захоронения в Пазырыке остались непотревоженными, что позволяет реально оценивать имевшиеся там комплексы без допущения возможных утрат.

Конструкция узды

Узды Пазырыка и других курганов позднепазырыкского этапа в основном того же типа, что и найденные в Башадаре и Туэкте-1, 2 (рис. 77. – 1). Все они имеют два суголовных ремня с нащечной частью, наносный и подбородные ремни. Толстый налобный ремень обычно отсутствует и достоверно зафиксирован только в одной уздечке из Пазырыка-1 (Руденко, 1953, табл. XXXIII. – 2). Как и на раннем этапе, вместо него имелись тонкие ремешки для подвешивания налобной бляхи (рис. 77. – 1). Лошадью управляли при помощи повода и, как правило, имевшегося чумбура. Седловка лошади производилась слева, а потому концы суголовных и подбородных ремней связывались или застегивались с левой стороны. Слева крепился и чумбур (рис. 77. – 1) (Руденко С.И., 1953, с. 154, рис. 89; и др.). Последнее стоит подчеркнуть, поскольку в литературе до настоящего времени иногда повторяется основанное на ошибочной реконструкции мнение М.П. Грязнова о расположении чумбуров на пазырыкских уздах с правой стороны (Грязнов, 1950, рис. 20; Руденко, 1960, с. 224–225). В 2006 г. автору удалось осмотреть ставшую «камнем преткновения» одну из наиболее хорошо сохранившихся в Пазырыке-1 уздечку с бронзовыми удилами из шестого комплекта (Руденко, 1953, табл. XXXVII) или из набора коня №1 (Грязнов, 1950, рис. 15). Установлено, что реставратор аккуратно подклеил к короткому сохранившемуся от чумбура ремешку (отходящему от левого звена удила) противоположный конец левой части повода, после чего скользящая изначально по чумбуру петля на конце левой части повода была надета реставратором на сохранившийся ремень правой части повода. В результате чумбур «оказался» не слева (где он был изначально), а справа и без необходимого узла, препятствующего смещению повода по чумбуру. Следует добавить, что в реставрированном виде, по справедливому замечанию Е.В. Степановой, повод слишком короткий для управления лошадью.

Характеризуя узды из Пазырыка, С.И. Руденко разделил их на два варианта по способу образования нащечных ремней. «Первый: ремень переносся не принимает участия в образовании нащечного ремня. В таком случае концы его продеваются в прорезы ремней суголовных, в месте перехода их в ремни нащечные, и там закрепляются. Нащечный ремень у псалиев раздваивается» (Руденко, 1953, с. 153). «Второй вариант: концы ремня переносся переплетаются в двух местах с ремнями нащечными (продолжениями суголовных) двумя прорезными

петлями (рис. 77. – 1 – сноска изменена. – *П.Ш.*); на участке между этими переплетениями они иногда сшиваются сухожильными нитками, ниже оба эти ремня расходятся, проходят сквозь специальные, для них проделанные отверстия в псалиях и на нижней поверхности последних закрепляются особыми узелками или ременными закрепками» (Руденко, 1953, с. 153).

Исследователь в то время не знал об особенностях устройства нащечных участков ремней в раннескифской уздечке, *однако обратил внимание именно на эту особенность*. Как выяснилось в последнее время, за указанными типами стоят разные пути развития уздечки. Вторым вариантом с переплетающимися и выходящими на псалии наносным и суголовным ремнями, в целом воспроизводит устройство, повсеместно распространенное в ранних уздечках с распределителями (сравнить рис. 77 и 79). В этих уздечках наносный ремень также пропускаться в закрытый распределителем прорез в суголовном ремне и с небольшим отклонением выходил на нижнее отверстие псалия, а суголовный ремень, разрезанный в месте пересечения, выходил из распределителя прямо на верхнее отверстие псалия (рис. 77. – 4). Основное различие между раннескифским и пазырыкским способами в том, что уже в раннепазырыкское время наносный ремень сдвигается вверх и нащечный отрезок увеличивается почти вдвое (сравнить, рис. 77. – 1, 80. – 25 и 79. – 4). Обнаружение данного варианта образования нащечных ремней позволяет говорить о его сохранении с раннескифского времени. Вероятно, по такому принципу была устроена и часть несохранившихся уздечек в Башадаре-2 и Тузкте-1, 2. Первый же вариант уздечки из Пазырыка воспроизводит способ, появившейся на раннепазырыкском этапе в уздечках без распределителей, найденных в Башадаре-2 (Руденко, 1960, рис. 46. – а). Суголовные ремни на затылке лошади в Пазырыке обычно завязывались, но в ряде случаев застегивались при помощи деревянной конической застежки (рис. 77. – 1) (Грязнов, 1950, с. 55, рис. 20). Ремни подбородника обычно связывались, но в Пазырыке-3, 4, где имелись роговые наборы, они застегивались при помощи роговых застежек с косо срезанным основанием (рис. 77. – 1; Руденко, 1953, рис. 97, с. 189, 393–395, табл. XLVIII. – 5, табл. LI. – 2, табл. LX. – 4).

В уздах Пазырыка во всех курганах (кроме Пазырыка-5) имелись *чумбурные ремни*. Ремень чумбура привязывался к левому наружному кольцу удила двойной прорезной петлей (рис. 77. – 1). В Пазырыке-1, 2, где не было чумбурных блоков, «левый конец повода скользил по ремню чумбура, между удилами и завязанным на нем узлом, при помощи петли на конце повода» (Руденко, 1953, с. 155). При наличии роговых или деревянных блоков (Пазырык-3, 4) устройство было аналогичным с той лишь разницей, что по ограниченному узлом и удилами отрезку чумбура длиной 20–25 см скользила не петля, а блок. С.И. Руденко отмечал: «Крепление левого конца в блоке крайне слабое. В гнездо блока вставлен конец повода и закреплен в нем только тонким ремешком, продетым сквозь стенки блока и ремень повода. Отсюда ясно, что управление конем осуществлялось только правым поводом и чумбуром. Соединение левого конца повода при помощи блока с чумбуром имело лишь тот смысл, чтобы этот конец повода, как в пути, так и на стоянке, не болтался» (Руденко, 1953, с. 154–155).

Седла. Седельные ремни и фурнитура

Конструкция седел и седельных ремней позднепазырыкского этапа детально прослежена только в курганах Пазырыка. Значительные фрагменты седел и седельных украшений найдены на Укоке и в некоторых других мерзлотных погребениях. Они мало добавляют к уже известному, но позволяют говорить о типичности и широком распространении найденных в Пазырыке седел. Значимые сведения о конструкции пазырыкских седел V–III вв. до н.э. дают роговые наборы (рис. 30; 39; 76; 81), указывающие, в частности, на присутствие нескольких вариантов оформления седел и седельных ремней (рис. 77. – 2, 3). С.И. Руденко отмечал, что «седла Пазырыкских курганов принадлежат к одному и тому же детально разработанному и, по-видимому, широко распространенному типу скифских седел». При этом он указывал на имеющиеся различия между седлами из Пазырыка-1, 2 (тип первый) и Пазырыке-3, 4, 5 (тип второй) (Руденко, 1953, с. 161).

Седла первого типа в Пазырыке-1, 2 состояли из двух подушек, войлочных потника и покрывки, а также примыкающих седельных ремней. Покрывка и потник выкраивались из войлока по форме подушек и подшивались к ним (рис. 77. – 2).

Расширяющиеся в передней части подушки длиной 50–58 см набивались оленьим волосом или травой и простегивались тремя продольными швами «шерстяным, конопляным, волосяным шнуром или кожаным ремешком». Во Втором кургане у нескольких седел были и пронизки, «через которые продевались плоские концы подхвостного ремня» (Руденко, 1953, с. 164). Они находились по центру задних луков. Аналогичные круглые пронизки имелись у многих седел пазырыкской культуры и по центру передних луков. Именно они обычно составляют часто встречающийся набор из двух или четырех экземпляров (рис. 30. – 12-15: 81).

Нагрудник состоял из одного ремня шириной около 1,2 см, «привязанного своими концами к верхнему подпружному ремню несколько ниже края подушек. На расстоянии сантиметров 15–20 от подпружного ремня с обеих сторон, под прямым углом сверху (к нагруднику. – П.Ш.) пришито по одному ремню. Концы этих ремней, приходящиеся над холкой лошади, сложены вместе и сшиты узким ремешком» (Руденко, 1953, с. 164). Подхвостный ремень в Пазырыке-1 был цельным, без переходных ремней и «своими концами непосредственно закреплялся в седельных подушках» (Руденко, 1953, с. 168). Концы подхвостного ремня продевались «в плоские роговые конические пронизки в задних луках седла, затем сквозь эти луки и закреплены на верхней поверхности подушек» (Руденко, 1953, с. 164), т.е. для обеспечения прочного соединения с седлом подхвостный ремень не просто пришивался к концам подушек, а пропускался сверху внутрь седельной подушки и вновь выходил на ее поверхность.

Седла второго типа наиболее полно представлены в Пазырыке-3, 4, 5, 6. Седельные подушки от них хорошо сохранились только в Пазырыке-5 (рис. 77. – 3). По устройству они почти аналогичны найденным в Пазырыке-1, но отличались большей высотой луков (около 10 см) и шириной в основании (до 20 см и более). Важной особенностью седел второго типа является наличие *роговых наборов* (в мерзлотных курганах Пазырыка найдены также их деревянные и кожаные имитации). Отличительной особенностью седел второго типа являются и деревянные (иногда роговые) распорки спереди и сзади между подушками седел, у основания их луков. В Пазырыке-5 зафиксированы не известные в Пазырыке-1, 2 чепраки. Они не являлись частью седел, но представляют несомненный интерес для понимания особенностей убранства лошади. Как отмечалось выше, характерной особенностью *седел второго типа* С.И. Руденко считал *роговые наборы* из накладок и дужек на луки седла, различных подвесных блях блоков, а также накладок для привязывания нагрудника.

Подробно расположение и назначение роговой фурнитуры в седлах второго типа пазырыкской культуры будут рассмотрены в отдельной работе, здесь же следует остановиться на вопросе об устройстве нагрудника. У седел второго типа *нагрудные ремни* хорошо сохранились только в Пазырыке-5. С.И. Руденко зафиксировал там точно такое же их устройство, как и в Пазырыке-1 (см. выше) – с одним нагрудным ремнем. Однако полукруглые роговые накладки из пяти роговых наборов в Пазырыке-3, 4, 6 и Каракольской МТС, где нагрудные ремни не сохранились, имеют не по одному, а по два больших отверстия для пропуска нагрудных ремней. Очевидно, что нагрудники у этих седел состояли из двух параллельно расположенных нагрудных ремней на расстоянии 2–3 см друг от друга, как и у седла в Гилево-10 (рис. 79. – 2, 3). По два отверстия зафиксировано автором в 2005 и 2006 гг. на некоторых хранящихся в Государственном Эрмитаже подпружных ремнях из Туэқты-2. Таким образом, двойные нагрудники непрерывно существовали на Алтае с VII по III в. до н.э.

Седла второго типа отличались также более совершенным устройством *подхвостных ремней с дополнительной фурнитурой из рога или дерева*. Уникальные находки в Пазырыке-5 подхвостных ремней позволяют установить комплектность сопровождающей фурнитуры (подвесные щитовидные бляхи, шлевки и планки), а также ее назначение. С.И. Руденко спра-

ведливо отмечал, что найденные в Пазырыке-3, 4, 5, 6 наборы с роговой, деревянной и кожаной фурнитурой позволяют судить о типе седел и в захоронениях без мерзлоты, в которых сохраняются роговые наборы или отдельные роговые детали (Руденко, 1953, с. 166). Имеющиеся в настоящее время материалы по пазырыкской и раннескифской сбруе в целом подтверждают выводы С.И. Руденко о существовании седел двух типов. Между тем мнение исследователя о появлении в поздних курганах Пазырыка более совершенных седел второго типа нуждается в корректировке. Дело в том, что роговые детали, указывающие на присутствие седел второго типа, найдены в раннепазырыкских (рис. 30; 39; Чендек-6а, к. 2; Ала-Гаил-1, к. 11; Боротал, к. 99), раннебыстрианских (Майма-7, к. 27; Кузнецк-1/5, м.1) и даже предпазырыкских комплексах (Сибирка-1). Следовательно, *более совершенные седла второго типа существовали в Горном Алтае уже на этапе формирования пазырыкской культуры. Не исключено, что часть седел с упрощенной конструкцией типа найденных в Пазырыке-1 в действительности являются не особым типом, а лишь упрощенным вариантом, изготовленным для погребального обряда.*

Вместе с тем наряду с седельными роговыми наборами имеются и уздечные роговые наборы (рис. 81). Как правило, последние дополняют седельные, а не наоборот. Иными словами, в Горном Алтае и за его пределами в VI–III вв. до н.э. существовали полные роговые наборы (уздечка и седло) и неполные (седло). Исходя из этого полные роговые наборы по аналогии с седлами второго типа можно было бы называть сбруей второго типа. Однако фурнитура уздечки полного набора практически ничем не отличается от других (не роговых) в представительных комплексах, если не считать кольцевидные роговые пронизки (рис. 39; 81. – 1). Фактически и те и другие уздечные наборы отличаются максимальным количеством функциональной фурнитуры и являются настоящими.

6.5. Сбруйные наборы из курганов Чуи и Урсула

Детали конского снаряжения найдены в 18 из 57 курганов (в к. 7 из Боротала-2 и к. 1 из Боротала-3 снаряжение не отмечено). К раннепазырыкскому этапу из них достоверно относятся наборы из семи курганов: Ала-Гаил, к. 19 (рис. 31); Ала-Гаил-3, к. 5, 11 (рис. 27; 30); Боротал-1, к. 7, 82, 99, 100 (рис. 34; 36; 39; 40); возможно, бронзовые удила из Тербеодока и железные из Ала-Гаила (рис. 22. – 7; 32. – 2). Почти все они идут в комплексах с датирующимся инвентарем, что имеет особое значение. Несомненным «украшением» публикуемой коллекции являются роговые наборы из Ала-Гаила-3 (к. 11) и Боротала-1 (к. 99). Остальные курганы с конским снаряжением относятся к позднепазырыкскому этапу.

Добашадарским периодом датируются наборы из Ала-Гаила-3 (к. 5) и Ала-Гаила (к. 19).

Набор из кургана 5 могильника Ала-Гаил-3 (рис. 27) демонстрирует переход от раннескифской к пазырыкской уздечке. В этом кургане найдены бронзовые удила, из которых одно с недолитым стремечковидным окончанием по пропорциям, форме и длине (с учетом недолитой части не более 8,5 см) определяется как раннескифское, наиболее похожее на удила из Ак-Алахи-2 (Полосьмак, 1993, рис. 2). На недолитом окончании, как и на окончании обломанного (?) звена бронзовых удил в Айрыдаше-4 (Кочеев, 1996, рис. 1. – 1), была закреплена накладка из двух слоев толстой прошитой кожи с отверстием для пропуска деревянного псаля (рис. 27. – 2). Деревянные двудырчатые псалии длиной 21 см с расстоянием между отверстиями 2 см на концах украшены «асимметричным листком» – стилизованными изображениями головки орла. Ранняя датировка удил и псалий надежно подтверждается находкой кинжала с железным черешковым клинком и бронзовой рукоятью.

Набор из кургана 19 могильника Ала-Гаил (рис. 31) включал два двудырчатых роговых псаля со скульптурной головкой длинноклювого ушастого орла на сужающемся конце и волкообразного (?) существа, судя по острому уху на расширяющемся конце. Там же находилась одна из двух роговых пластинчатых подпружных пряжек с отогнутыми назад шпеньками. Бронзовые удила с двукольчатыми внешними окончаниями явно переиспользованы, поскольку являются раннескифскими и изготавливались для трехдырчатых псаляев. Очевидно, псаляли вставлялись в довольно широкие внешние кольца удил. Ранняя дата набора подтверждается и находкой бронзового выгнутообушкового ножа с кольчатым навершием.

В рамках башадарского периода (около второй половины V в. до н.э.) датируются наборы из Боротала-1 (к. 7, 82, 99, 100) и Ала-Гаила-3 (к. 11).

Наборы из кургана 7 могильника Боротал-1 (рис. 34). Все семь лошадей в кургане были взнузданы железными кольчатыми удилами, которые сравнительно неплохо сохранились у лошадей 1, 3–5 (рис. 34. – 9–12). У одной из первых двух лошадей найден комплект из роговых подпружных пряжки и блока (рис. 34. – 5, 6). У северных же лошадей найдены две почти идентичных (за исключением разнонаправленных носиков) пряжки, как бы вырубленных из бронзовой пластины (на самом деле отлитых). Очевидно, они происходят из разных наборов и использовались с несохранившимися деревянными или ременными блоками (рис. 34. – 7, 8). При разборке костяков коней 3 и 7 найдены тончайшие обрывки оловянной (?) фольги, видимо, покрывавшей имевшиеся деревянные украшения узды. Все подпружные пряжки и роговой блок конструктивно соответствуют найденным в Башадаре-2 и Туэкте-1, в том числе и пряжка с отогнутым вперед шпеньком (Руденко, 1960, табл. XL. – 4; Степанова, 2006, рис. 4. – 1). Внешние окончания железных удил округлой формы, что более характерно для раннего этапа. На раннюю дату указывает и втульчатый трехлопастной наконечник.

Наборы из кургана 82 могильника Боротал-1 (рис. 36). Датировка кургана не позже V в. до н.э. надежно определяется по инвентарю: железному кинжалу, застежкам из клыков кабана, колчанному крюку, втульчатым пулевидным наконечникам стрел и имитациям поясных ворворок (рис. 37). Им соответствуют детали конского снаряжения и типы орнаментов. Обе найденные в кургане лошади были взнузданы бронзовыми удилами с деревянными двудырчатыми псалями. Внешние кольца удил округлой и овальной формы. Удовлетворительно сохранившиеся псаляли из комплекта первой лошади имели на концах вырезанные шишечки с пятью выступами (рис. 36. – 4, 5). На ее уздечке найдены три однотипные деревянные «пуговицы», из которых две имели диаметр 3 см (рис. 36. – 10), а третья – 4 см. Под ребрами первой же лошади найден роговой подпружный блок (рис. 36. – 9). Не исключено, что к сбруйному набору первой лошади относятся найденные у черепа человека две четырехлепестковые бляшки и две в виде асимметричного листка (рис. 36. – 13–16) из золотого листка. Бляшки такой формы и орнаментации обычно украшают конское снаряжение и не встречаются на головных уборах. Возможно, они были перемещены грызунами. Следует отметить, что пуговицевидные деревянные бляшки с двумя отверстиями по центру для пришивания в конском снаряжении известны преимущественно в раннепазырыкских наборах Башадара-2 и Туэкты-1 (Руденко, 1960, табл. XLII, XLIII, LXXIII; и др.). К ним близки по орнаменту и бляшки из плохо датированного кургана 1 могильника Ташанта-1 (Кубарев, 1987, табл. LXXXV. – 8). Позднее такие пуговицевидные бляшки встречаются на поясах и ножнах кинжалов (Полосьмак, 1994, рис. 32; 79. – 3; неопубликованные материалы раскопок 2007 г. в Тавдушке). Похожие деревянные бляшки найдены в районе головы человека в Барбургазы-3 и Ак-Кообы-2 (рис. 49; 51), однако в Ак-Кообы-2 имелось по одному отверстию, а в Барбургазы-3 отверстия расположены ближе к краям.

Наборы из кургана 99 могильника Боротал-1 (рис. 39). Как и в кургане 82, вдоль северной стенки могилы здесь были последовательно уложены две лошади (рис. 38. – 1). Кости первой лошади были сильно потревожены, но от ее снаряжения сохранились изготовленные из рога две большие и три малые седельные бляхи, пять круглых седельных пронизок и подпружный

блок (рис. 39. – 8–16), а пробитый чеканом череп в северо-восточном углу ямы с замечательными роговыми псалями, роговыми кольцевидными пронизками и железными удилами плохой сохранности (рис. 39. – 1–4, 7) не был потревожен. Расположение роговых седельных блях в основном соответствовало седлам второго типа (рис. 77. – 3; 81. – 2, 3). У второй западной лошади седельной фурнитуры не зафиксировано, а от уздечной сохранилась нижняя часть рогового псаля с продольными желобками и несколько железных овальных и полукруглых пронизок (рис. 39. – 5, 6). Датирующими являются железные овальные и полукруглые пронизки и роговые псалии с вырезанным изображением длинноклювого ушастого орла. В отличие от ранних экземпляров (рис. 31), на нижних расширенных концах псалиев нет изображений хищника или орла с загнутым клювом. Головки орлов не скульптурные. К раннему типу относятся и роговые втульчатые наконечники стрел с башневидной головкой (рис. 38. – 3).

Набор из кургана 100 могильника Боротал-1 (рис. 40). От набора в западной части ямы под отдельными костями лошади сохранились только два кабаньих клыка-подвески от нагрудника (?) со сквозным отверстием в основании для нанизывания. У одного из них основание клыка изнутри обработано под вставку деревянного клина (рис. 40. – 24). Подвески из клыков кабана – несомненный хронологический показатель, поскольку уже в конце башадарского периода заменяются деревянными имитациями. Показательно, что в Туэкте-1, 2 настоящих клыков уже нет. В кургане 100 также найдены роговые втульчатые наконечники стрел с башневидной головкой (рис. 40. – 4–11).

Набор из кургана 11 могильника Ала-Гаил-3 (рис. 30). В северной части ямы найдены костяки двух лошадей. У первой (верхней) лошади в челюстях находились железные удила, а у черепа роговая ворворка для соединения суголовных ремней (рис. 30. – 16). Остальные седельные подвесные бляхи и пронизки располагались в районе спины верхней лошади (рис. 30. – 3–8, 12–15). Там же обнаружены бронзовый подпружный блок и две роговых подпружных пряжки-застежки, одна из которых, несомненно, принадлежала к седлу нижней лошади (рис. 30. – 9–11). Роговой набор первой лошади неполный, но представляет большой интерес совместной встречаемостью разнотипных седельных подвесок, среди которых выделяются три подвески с крупными сердцевидными отверстиями, в двух случаях контурными прорезанными «усами». Среди роговых наборов Алтая им нет аналогий, но такой способ оформления отверстий, очевидно, имел довольно широкое распространение. На это указывает обнаружение в раннепазырыкском кургане 10 могильника Башадар бронзовой подпружной пряжки с отверстием подобной формы (Марсадолов, 1997, рис. 13. – 2). Вариации этой формы намечены на подпружной пряжке из набора первой лошади (рис. 30. – 10), у бронзовой пряжки из Башадара-2 (Руденко, 1960, табл. XL. – 4; Степанова, 2006, рис. 4. – 1) и у кольцевидной пряжки из Арагола (Марсадолов, 1997, рис. 15. – 11). Датировка наборов устанавливается по грушевидным подпружным пряжкам и блоку, аналогии которым происходят из Башадара-2 (Руденко, 1960, табл. XXXIX, XLI; Степанова, 2006, рис. 4; 5). Следует отметить, что грушевидные пряжки в различных вариантах в сбруе добашадарского периода пока не найдены.

Позднепазырыкский этап (IV–III вв. до н.э.).

К позднему этапу относятся девять курганов с конскими подхоронениями. В шести из поздних курганов сбруя представлена только железными удилами, а в курганах 7 из Боротала-2 и 1 из Боротала-3 не отмечено даже удил (рис. 75; 76). Несколько выделяется курган 1 из Ала-Гаила с роговыми псалями и чумбурным блоком (рис. 32), а также курган 1 из Балык-Соока-1, в котором сохранилось значительное количество золотой фольги, покрывавшей псалии и украшения седла (рис. 3). На позднепазырыкском этапе в погребениях практически нет металлических деталей, за исключением удил, редки даже роговые. Все это объясняется не бедностью умерших, а условностями погребального обряда. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить снаряжение из курганов Чуи и Урсула раннего и позднего этапов. Практически

все снаряжение найдено в ранних захоронениях (рис. 75; 76; и др.), а в поздних только роговые чумбурный блок с псалями в Ала-Гаиле (рис. 32. – 6, 7). Единственным замечательным исключением является курган 3 из Балык-Соока-1, примыкавший к элитному кургану 2, где помимо большого количества золотой фольги найдены остатки уникального настоящего нагвивника и украшенного бляшками чепрака (рис. 4–10).

Снаряжение лошади из кургана 3 могильника Балык-Соок-1

Погребенные в подквадратной могиле со сторонами около 3,6 м женщина и ребенок 3–4 лет, очевидно, являлись знатными сородичами захороненного (захороненных) в элитном кургане 2. По этой причине захоронение отличалось особым богатством, сопоставимым только с находками в курганах диаметром около 40 и более метров. В северной части ямы была погребена только одна лошадь с железными удилами в зубах (рис. 4. – 7). Деревянные псалии полностью истлели. Вокруг черепа обнаружены обрывки золотых листков от несохранившихся деревянных украшений узды, типа найденных на нагруднике (рис. 8. – 1–7). На лопатках лошади – обломанная роговая подпругная пряжка или блок (рис. 4. – 6). Особенно много фрагментарных золотых листков и бронзовых пластинок найдено в области лопаток и передних ног. Бронзовые пластинки со штампованными изображениями и фрагменты толстой золотой фольги происходили от примерно 20 изображений петухов, украшавших нагвивник лошади (рис. 9; 10). Здесь же под действием мерзлотной линзы элитного кургана 2 полностью сохранились замечательные крытые золотой фольгой деревянные подвески нагрудника в виде своеобразных грифонов, «хвосты» которых заканчиваются цветами лотоса (рис. 8. – 1–7). В районе спины лошади находилось не менее 100 экземпляров (достоверно в коллекции учтен 91 экз.) круглых нашивных бляшек диаметром около 12 мм, изготовленных из плохо сохранившегося тонкого бронзового листа и крытых золотой фольгой (рис. 8. – 39, 40). Бляшки располагались на костяке лошади рядами, вероятно, по периметру чепрака прямоугольной формы. Всего на костяке лошади найдено около 200 крупных фрагментов золотой фольги, часть из них сохранила форму изделий и некоторые изображения (рис. 8).

Особый интерес представляют две сохранившиеся благодаря мерзлоте оклеенные золотой фольгой *деревянные подвески нагрудника* (рис. 8. – 1, 2). С оборотной стороны подвесок имеются характерные для пазырыкских подвесок пазы с выходящими на торцы планок отверстиями. В эти отверстия продевались тонкие шнурки или сухожильные нити для крепления к ремню нагрудника. Судя по имеющимся подвескам и обкладкам из фольги, на каждой из подвесок вырезалось по две «птички». При этом на одних подвесках «птички» смотрят влево (рис. 8. – 1, 2, 5), а на других – вправо (рис. 8. – 3, 4, 7). Их разнонаправленность (зеркальность) объясняется расположением с правой или с левой стороны лошади. Изображения «птичек» уникальны. В целом они похожи на грифонов с закручивающимся вперед «хвостом», распространенных по древнему пути из Восточного Казахстана в Монголию – Берель–Укок–Монголия (Самашев и др., 2001, рис. 34; Полосьмак, 2001, рис. 54; Молодин и др., 2006, рис. 2. – 1). Однако это совершенно иные напоминающие птенцов существа с «голубиными» головками и клювиками. «Хвостики» их заканчиваются цветком лотоса. В образах нет агрессивности и угрозы. Думается, что за этим пока единственно известным случаем изображения «доброе и светлого» существа в позе «хвостатого» грифона, стоят особые представления, но это уже другая тема.

Еще одной замечательной находкой являются *изображения петухов* из тонкой штампованной бронзовой пластины, покрытой сравнительно толстой золотой фольгой. В отличие от деревянных подвесок это были настоящие сложные и ценные изделия, редко встречающиеся даже в элитных курганах. Судя по расположению на костяке лошади и наличию остатков десяти зеркальных пар, петухи нашивались на правую и левую стороны нагвивника, как это отмечено в Первом Пазырыкском кургане (рис. 10. – 11; Руденко, 1953, с. 295, 296, рис. 135, 179).

Покрывавшая основу фольга была значительно толще традиционной пазырыкской (в том числе использовавшейся в кургане для покрытия «птичек» и др.). На ней нет явных следов обычного заглаживания, в ходе которого тонкая фольга местами сильно морщится, рвется и после утраты основы представляет скопления деформированных фрагментов, из которых лишь часть сохраняет между собой слабую связь. Можно предположить, что эти листки также штамповались и лишь немного заглаживались при накладывании на основу. Края обкладок подгибались лишь настолько, чтобы закрыть боковые грани основы. Изделия, по-видимому, предназначались для длительного использования. Для прочного сцепления накладок с основой, вероятно, использовался клей. Окраска золота не зафиксирована. Для пришивания в верхней части крыльев правосторонних петухов проделывалось по три аккуратных отверстия (рис. 9. – 11–13), у левосторонних петухов таких отверстий было по два (рис. 10. – 7–9). Еще одно отверстие отмечено у правосторонних петухов на шее (рис. 9. – 1, 3). К сожалению, достаточно полно сохранилось только несколько изображений (рис. 9. – 1; 10. – 1, 6), но с привлечением всех имевшихся фрагментов, образ восстанавливается почти полностью (рис. 9. – 14). Все петухи стоят в одной позе с поднятым крылом и повернутой назад головой. На сравнительно хорошо сохранившемся изображении имеется одна нога (рис. 9. – 1), но, судя по материалам из Пазырыков-1, 2, там могла быть и вторая нога, разрушенная коррозией. Хвост петуха прямой, несколько опущен, но часть плохо сохранившихся хвостовых «перьев» закручивалась кверху. Однако крыльев они не касались. Для укрепления конструкции все изделие изготавливалось из одной пластины, поэтому клюв не приваривался, а составлял одно целое с крылом. Цельными были и покрывавшие золотые листки, что также делало изделие более устойчивым к повреждениям. Поскольку на покрытой золотом лицевой стороне рельефные детали не всегда просматривались, зарисовывались и оборотные стороны с хорошо сохранившейся поверхностью (рис. 9; 10).

На головах петухов имелись гребни с четырьмя выступами и тремя фигурными прорезями. Клювы короткие, чуть загнутые, выделены желобком. В основании клюва имеется округлая «серьга». Глаза округлые, но у одной головки глаз с одной стороны приострен (рис. 9. – 3). У трех головок левосторонних петухов под глазами имелись дуговидные желобки – нижнее веко (рис. 10. – 2, 4, 5). У одной из них вдоль отделявшего клюв желобка с внешней стороны располагался зубчатый орнамент в виде ряда бугорков (рис. 10. – 2). Такой же орнамент имелся еще у одной левосторонней головки (рис. 10. – 6). На шеях в основании головок отмечены по два фигурных параллельных желобка. Широкие желобки отделяли и маховые перья на крыльях. На теле петухов орнамент как будто отмечен лишь в одном случае (рис. 10. – 6), но нет полной уверенности, что фрагмент с орнаментом происходит от этого изображения. Перья выделены в нижней части широкими короткими валиками, а в верхней – узкими и длинными.

Особой сложностью отличается оформление хвостов. В основании они орнаментированы тремя рядами бугорков (с оборотной стороны ячейками), а дальше разнонаправленными уплощенными валиками. Орнаментация на штамповках в основном совпадает полностью, но есть различия в степени изогнутости передней кромки крыла. Отметим и уже упомянутые дополнительные черты у левосторонних петухов – желобки под глазами (нижнее веко) и зубчатый орнамент у клюва. Наличие таких особенностей у штампованных изделий показывает, что петухи изготавливались в различных модификациях, включавших, в частности, мелкие детали, почти незаметные под золотым покрытием. Из этого можно заключить, что в данный набор вошли изделия разных серий. Между тем в отличие от значительного количества явно переиспользованных престижных вещей из золота (например серьги из кургана 27 могильника Балык-Соок-1) с грубо пробитыми отверстиями или следами ремонта, петухи из кургана 3, вероятно, изначально изготавливались для нагривников. По крайней мере этот набор петухов, по всей видимости, был скомплектован изготовителями, а не пользователями, купившими или захватившими ценные вещи.

О месте производства петухов сказать что-либо определенное пока нельзя. Скорее всего, они импортные. Если это так, то мы вправе предположить наличие на территориях к югу от Алтая в Средней Азии мастерских по изготовлению некоторых украшений для снаряжения лошади. Предположение ответственное, но если мы вспомним о существовавшем в V–IV вв. до н.э. массовом импорте на Алтай (прежде всего на территорию каменной культуры) и Южный Урал «восточных» зеркал из Бактрии (возможно, Индии) (Кузнецова 1989, 1994, 1995; Уманский, Шульга, 1999; Васильков, 2003, 2004; Шульга, 2003д; Уманский, Шамшин, Шульга, 2005) и других изделий, то в этом нет ничего удивительного. Итак, в Балык-Сооке-1 впервые на Саяно-Алтае найден настоящий парадный награвник, и это не случайное попадание импортного изделия. В реальной жизни парадное снаряжение лошадей знати, несомненно, включало не менее ценные украшения, пряжки, псаии и прочие изделия.

В связи с этим следует особо подчеркнуть, что *помимо Балык-Соока-1 почти все изображения петухов на Алтае происходят из Первого и Второго Пазырыкских курганов*, где они найдены на колоде, кувшине, навершии конского головного убора, награвниках, поясе и головном уборе женщины и даже пальцах (Баркова, Панкова, 2005). Из более поздних курганов Пазырыка изображения петухов есть только на татуировке (Баркова, Панкова, 2005). Сложные же стилизованные композиции известны лишь на обуви, верхней одежде и нагруднике женщины из Второго Пазырыкского кургана (Руденко, 1953, рис. 61, 62; с. 295, 296; 1960, с. 261, 262). Птица из Уландрыка и грифоны с Укока (Кубарев, 1987, с. 85; Кубарев, Черемисин, 1984, рис. 4. – 10; Полосьмак, 1994а, рис. 51–53, с. 49), на наш взгляд, петухами не являются. Их можно отнести к алтайскому варианту синкретичного существа, совмещающего черты грифона и феникса, изображение которого имеется на войлочном ковре из Пятого Пазырыкского кургана (Полосьмак, 1994а, рис. 116. – 1; Степная полоса... 1992, цв. вклейка между с. 176–177; Руденко, 1953, табл. ХС).

Редки в пазырыкской культуре и изображения лотоса, прежде всего сложные. Последние, как отмечал С.И. Руденко, также имелись лишь в Первом и Втором Пазырыкском курганах (Руденко, 1960, с. 256). Редкой находкой являются даже простейшие бутоны (сложные пальметки) типа найденных в Балык-Сооке-1 или их своеобразная модификация в виде грифона (Полосьмак, 1994а, рис. 63, рис. 65, с. 54, рис. 61; 2001; и др.). Изображение простого бутона (пальметки), сопоставимое с образцами из Первого и Второго Пазырыкских курганов, найдено на плоскогорье Укок в кургане 1 могильника Ак-Алаха-3. Ср.: (Руденко, 1953, табл. XXXI и др. и Полосьмак, 2001).

На этой основе возникают ассоциации между захоронением женщины из Балык-Соока-1 и «женщины-жрицы» с каменным алтариком и индийским зеркалом из Второго Пазырыкского кургана, одежда которой была украшена уникальными для Алтая стилизованными изображениями петуха и лотоса. Помимо этого в Пазырыке-2 сохранился один сбруйный роговой набор с необычными уздечными бляхами, украшенными лотосным орнаментом (Руденко, 1953, с. 182, табл. С). Погребение это уже сопоставлялось (Шульга, 2003д, с. 96) с захоронением «женщины-жрицы» с каменным алтариком и фрагментом зеркала из оловянистой бронзы из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 (Полосьмак, 2000, 2001; Малахов, Власов и др., 2000, с. 175; Кундо, Щербаков, Рослякова, 2000, с. 176, табл. 13; Щербаков, Рослякова, 2000, с. 183; Полосьмак, Баркова, 2005, с. 70). Ее шуба (?) или покрывало украшалась ромбическими аппликациями в виде сложных пальметок (Полосьмак, Баркова, 2005, рис. 2.25, 2.37), в целом похожих на аппликации головного убора (Руденко, 1953, табл. XXVI. – 4) или шубы (Полосьмак, Баркова, 2005, рис. 2.15, 2.24) из Пазырыка-2. Следует добавить, что по последним данным не только шелковая рубаха из Ак-Алаха-3, но и хлопчатобумажные рубахи из Пазырыка-2, «вероятно, были привезены из Индокитая» (Полосьмак, Баркова, 2005, с. 70). Однако в Ак-Алахе-3 изображений петуха неизвестно, если не считать птичек с прически и одного частично сохранив-

шегося грифона с нагрудника (?) лошади, у которого вместо хохолка на голове помещались два рога, похожие на петушиный гребень (Полосьмак, 2001, рис. 98, 99). К сожалению, погребения людей в Балык-Сооке-1 и Пазырыке-2 были ограблены, а органика в конских подхоронениях сохранилась плохо. Не сохранилась *верхняя* одежда и в Ак-Алахе-3, сбруя же в конском подхоронении представлена почти исключительно деревянными деталями уздечек. По этой причине реальное соотношение сравниваемых изделий и орнаментов в этих курганах могло существенно отличаться от имеющегося на настоящий момент. Так или иначе, но изображения петухов и лотоса демонстрируют несомненную близость Балык-Соока-1 захоронениям в Пазырыке-1, 2, а также культурные связи погребенных в них людей не с Китаем, а с Передней Азией.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Представленная работа по курганам Чуи и Урсула – первая совместная публикация авторов, хотя желание сотрудничать появились у нас еще в 1983 г. в археологической экспедиции на Юстыде. Однако познакомились мы еще раньше, – почти 30 лет назад, в 1979 г., на метеостанции Уландрык, что находилась на границе с Монголией, в нескольких километрах от поселка Ташанта. Тогда послушать лекцию по археологии собрались сотрудники метеостанции и местные чабаны. Рассказывал и показывал слайды древних вещей из алтайских курганов бывший радист-метеоролог уландрыкской метеостанции В.Д. Кубарев, а среди слушателей присутствовал еще работавший на этой же метеостанции радист-метеоролог П.И. Шульга. В то время Петр усиленно готовился к поступлению в Алтайский госуниверситет и даже смог задать несколько профессиональных вопросов. После Уландрыка и Юстыда авторы встречались довольно редко, но всегда сохранялось чувство близости людей похожей судьбы, определившейся во время работы на метеостанциях Бертек и Уландрык в Горном Алтае.

Так уж получилось, что в 1963 г., будучи еще подростком, Владимир Кубарев был срочно отозван из Новосибирска с учебы в гидрометучилище для пополнения обезлюдевшей метеостанции Бертек. «Высокогорка» (2300 м над уровнем моря) располагалась прямо у границы с Китаем, на всем известном сейчас плато Укок. Затем была метеостанция Ак-Кем, рядом с ледниками горы Белухи. Еще четыре года Владимир провел на Уландрыке, с которого с супругой Тамарой и дочкой Леной окончательно «спустился» в 1970 г. С тех пор он полностью посвятил себя алтайской археологии.

Из воспоминаний В.Д. Кубарева: «Алтай я впервые увидел с борта небольшого самолета-грузяги АН–2. Было это почти 40 лет назад вместе с грузом из Бийска забросили на самую южную точку Алтая – высокогорную метеостанцию Бертек. Профессия радиста-метеоролога, редкая и сегодня, оставляла много свободного времени. Каждый использовал его по своему усмотрению. Один, повышая свое образование, учился заочно, другой промышлял охотой и рыбалкой, благо места здесь были первобытные, еще не тронутые человеком. С первых дней меня поразила суровая природа и богатая история этого края.

Из окна одинокого домика метеостанции, расположенного в центре высокогорного плато Укок, виднелись снежные вершины горного узла Тавын-Богдо-Ола (Пять Священных Вершин). Утро в Укоке всегда начиналось с первых лучей солнца, освещавших эти горы – древнюю святыню азиатских буддистов. В утренние часы воздух высокогорья необъяснимо особенный. Он отличается не только первозданной стерильной чистотой, но и напоен какой-то неземной, почти космической тишиной, разлитой вокруг. Чувство успокоенности, отрешенности от мирской суеты овладевало каждым человеком, которому хоть раз пришлось здесь побывать. Но с первыми же робкими лучами солнца, пробившимися сквозь вершины гор, плато Укок оживало. Движение воздуха, скатывающегося с гор в долину, сначала легкое и едва заметное по шелесту трав, постепенно набирало силу, и вот уже не ветер, а ураганные силы бури несутся по Укоку. Скорость ветра достигает более 40 м в секунду, становится трудно дышать. Исчезает благостное состояние и становится страшно от воя ветряного двигателя, стоящего рядом с метеостанцией. Кажется, что вот сейчас оторвутся его трехметровые лопасти и разнесут в клочья наш небольшой домик – единственное пристанище в этих неудобных местах. Начинается беготня: кто-то пытается остановить бочку, катящуюся по косогору прямо в реку Ак-Алаху, другой едва удерживает оторванную ветром растяжку мачты антенны; по воздуху летят непонятно откуда взявшиеся пустые ящики и коробки. И вдруг все это также внезапно прекращается, как и началось. Все плато освещено солнцем, а воздух теперь совсем другой. Он дурманит терпким запахом высокогорной полыни. Испытав все это на себе, начинаешь понимать, как сурова жизнь местных чабанов.

А ведь зимой плато Укок еще и самая холодная часть Алтая. Температура здесь иногда опускается до отметки 60° ниже нуля. Поэтому в редких зимниках Укока всю ночь горит в железных печках аргыл, а слабый огонек керосиновой лампы, специально поставленной у маленького окна, теплится всю ночь как маяк для любого путника. Здесь даже незнакомого человека обогреют, напоят горячим чаем и уложат спать, несмотря на поздний час. Без дружбы и взаимопомощи тут не выжить. Вот в этом мире резких контрастов и родилась моя первая любовь к Алтаю. Хотя в то время я ничего не знал об Алтае, да и собственно не видел его еще, его прекрасных гор и долин. Уже через год, выбираясь с плато Укок, я проехал через весь Алтай по знаменитому Чуйскому тракту. С тех пор, работая на метеостанции Ак-Кем, у подножия горы Белухи, а затем на другой метеостанции Уландрык на границе с Монголией, я неизменно возвращался к Чуйскому тракту – главной дорожной артерии Алтая.

Служба на метеостанциях была связана не только с наблюдениями над погодой. Я, занимаясь также гляциологией, ботаникой, не мог не заинтересоваться и древней историей края. Высоко в горах, вокруг домика метеостанции, повсюду были видны следы пребывания древнего человека. Это и каменные орудия в Чуйской котловине, заросшие мхом каменные курганы древних кочевников, каменные изваяния, а также загадочные рисунки на скалах. Первые любительские раскопки я осуществил рядом с метеостанцией Уландрык. Они оказались очень удачными: в древних могилах прекрасно сохранились многие предметы из органических материалов. Это были деревянные блюда, кружки и другая утварь, но меня поразила художественная резьба по дереву. Искусно изготовленные миниатюрные фигурки оленей, коней и барсов украшали головной убор и одежду погребенных.

Новые интересы познакомили меня с академиком А.П. Окладниковым. Первая встреча с известным ученым состоялась в центральной лектории Новосибирска. Находясь в очередном отпуске, я услышал по радио сообщение о его лекции. Захватил с собой фотографии и записи о раскопках в Уландрыке, после окончания рассказа Алексея Павловича о сибирской археологии я подошел к нему и показал «результаты моих исследований». И уже на следующий день за мной приехала автомашина, и я вместе с несколькими ящиками упакованных в вату находок ехал в Академгородок на встречу с археологами. В кабинете академика на полированный стол я выкладывал древние раритеты, а Алексей Павлович комментировал и удивлялся хорошей сохранности многих предметов. Помнится, что он мне тогда сказал: «Вот повезло Вам – нашли рядовые курганы пазырыкской культуры с предметами искусства, а вот у Сергея Васильевича Киселева, который занимался раскопками в Курайской степи, ничего подобного не было...». И здесь же в кабинете, узнав, что я нахожусь в долгосрочном отпуске, академик пригласил меня вместе с женой на Дальний Восток. Конечно, я согласился, и мы не только смотрели, как работают археологи, но и сами принимали участие в раскопках. Они проводились около Хабаровска, Усурийска, Владивостока и Находки, и долгие три месяца показались нам одним днем, так все было ново и интересно. Поздней осенью я вернулся в Новосибирск и вышел на работу в Западно-Сибирское управление гидрометслужбы, но уже через месяц А.П. Окладников позвонил мне и пригласил в гости. Там и решилась моя дальнейшая судьба. Алексей Павлович предложил мне работу в секторе археологии тогда еще Сибирского отделения Академии наук СССР».

Петр Шульга был заброшен на Бертек в 1976 г. и также из Новосибирска, где он сразу же после службы в армии учился на курсах метеорологов в Огурцово. Закончить курсы также не дали – Бертек вновь обезлюдел. Остававшиеся там двое сотрудников, уставшие от непрерывных дежурств, грозились прекратить наблюдения.

Из воспоминаний П.И. Шульги: «Добираться до Бертека пришлось по местами еще совсем узкому и опасному Чуйскому тракту в насквозь замороженном «пазике» от Горно-Алтайска до Кош-Агача. Затем было долгое пребывание в памятной гостинице Кош-Агача, а когда кончились деньги – не менее утомительное ожидание на кош-агачской метеостанции.

Наконец, в конце февраля спецрейсом на АН-2 мы перевалили Северо-Чуйский хребет, и вскоре второй пилот показал в иллюминатор темневший среди огромной заснеженной долины одинокий домик метеостанции. Не было видно ни деревьев, ни кустарника, и мы с товарищем недобрым словом вспомнили старенького начальника отдела кадров, красочно описывавшего в Новосибирске эту «вторую Швейцарию» в Алтайских горах. Приземлившись на ровном участке долины самолет встретили собаки и два радостных сотрудника, один из которых улетел этим же рейсом. Запомнился лишь его маленький рост по сравнению со вторым метеорологом – Алексеем, высотой «два метра и два сантиметра».

Начались рабочие будни. Через каждые три часа днем и ночью нужно было выходить на расположенную поблизости метеоплощадку с приборами, наблюдать небо и называвшуюся по латыни облачность, кодировать информацию и передавать ее по радиации азбукой Морзе на «большую землю». Помимо этого периодически проводилась снегосъемка (определение мощности и плотности снежного покрова), замеры расхода воды в Ак-Алахе. С начала оттаивания земли каждый день замеряли степень промерзания почвы на метеоплощадке. В редких случаях, когда на станции был полный штат из шести человек, один «агротехник» вел наблюдения за растительностью. Помимо непрерывных трехчасовых «сроков» («сдать срок» – передать радиограмму после наблюдений) периодически составлялась погодная информация для хозяйств Горного Алтая. Дежурили по суткам. Дежурный топил печь, готовил на все братство (обычно 2–4 человека) еду, пек хлеб, мыл полы и носил во фляге белую воду из Ак-Алахи (Белая река).

В 1976 г. на метеостанции стоял и второй ветряк для выработки электроэнергии. Электричества он не давал, но также наводил ужас, когда в сильный ветер срывался с тормоза, и огромные лопасти действительно могли разнести все на своем пути. На старом заржавленном ветряке, который видел еще в 1963 г. В. Кубарев, развевался черный флаг с изображением черепа и скрещенных костей. Кто повесил этот флаг, уже не помнил и ветеран Леша, но там, на Бертеке, действительно, *была бесконечная свобода и ...молодость*. Легендарных походов через хребты в Кош-Агач и обратно, как это было при В. Кубареве, мы, правда, не совершали. Но сбегать за 25 км на заставу в Аргамджи за учебником химии или сходить в мороз за щенком овчарки на другую пограничную заставу Чиндагатуй (Восточный Казахстан) было вполне обычным делом. Иногда летом приходилось верхом на лошадях с проводником, которого нарекли необычным именем Сентябрь, за один день через броды и перевалы спускаться до единственного в этих краях поселка Джазатор, расположенного у слияния рек Ак-Алаха и Джазатор. Зимой этот путь был значительно короче – по льду Ак-Алахи (около 80 км).

Именно на этом пути в мороз со встречным ветром я по-настоящему понял ощущения окоченевших чабанов, частенько заезжавших зимой на станцию. Замерзший в седле, в толстых стеганых штанах, полушубке, со слоем инея на шапке, на полусогнутых ногах с расставленными руками заходишь на зимнюю стоянку. Приветливая хозяйка наливает из чайника, всегда стоящего на железной печи, горячий чай в пиалу. Вот тогда, охватив пиалу обеими руками, чувствуешь, как отогреваются пальцы и губы, и понимаешь, что жизнь еще продолжается. А хозяин зимника или проводник уже начинают по-доброму подшучивать над твоим довольно нелепым видом. Убежден, что две-три тысячи лет назад на этом месте, на Ак-Алахе, в почти таком же рубленом доме с плоской крышей можно было наблюдать аналогичную сцену. Как и в других частях древнего мира, обычай гостеприимства мог существовать, даже если хозяева и никогда не задумывались об этом. По волчьим законам здесь долго не прожить.

Определенным испытанием для нас была весна 1978 г., когда на метеостанции кончились почти все продукты, кроме муки, некоторых круп и маргарина. Пришлось решать проблему за счет сурков, вышедших из нор после зимней спячки в конце апреля. А из-за нехватки дров для большой печи, в которой пекли хлеб, приходилось ежегодно разбирать жердяные перила и отводы у моста через Ак-Алаху, по которому летом скотогоны перегоняли овец и сарлыков из Монголии в Семипалатинск.

Помимо этих «приключений» было и другое, не менее важное – звенящая тишина и глубокая синева неба, удивительно яркие звезды в ночи, а также журчание прозрачных ручьев среди зарослей дикого лука, золотого корня и карликовой березки у озер Кальджинколь (Каджины). У каждого из нас было «свое» небольшое озерцо на морене или в долине, где можно лежать на спине, раскинув руки, и смотреть на парящих орлов. В такие минуты приходит ощущение единства со всем, что окружает вечные и незабываемые заснеженные вершины Тавын-Богдо-Ола.

На Бертеке удалось очень близко узнать жизнь чабанов, почувствовать неразрывную связь их быта с особенностями климата и погоды. Особенно зримо эта связь и зависимость проявилась во время джута в начале зимы 1978 г., когда из-за сильного мороза (температура постоянно держалась около 40–45 градусов) и глубокого снега начали падать даже сарлыки. Доставленная вертолетами подкормка уже не помогала, и ослабевших овец стали вывозить теми же вертолетами вниз, в долину реки Аргут, где было значительно теплей и больше корма. В древности на Укоке в такой джут погибло бы почти все поголовье скота, ведь перегнать обессилевший скот в сильный мороз и по глубокому снегу было невозможно. Несколько подобных джутов на обширной территории – и она могла запустеть на долгое время. Пожалуй, именно этот опыт и определил тему первого моего исследования по выявлению и изучению поселений древних скотоводов Горного Алтая.

После Бертека было еще два года работы на Уландрыке, а в 1980 г. с женой Натальей мы спустились с метеостанции и поступили в Алтайский госуниверситет».

Очень грустно, что в наступившее затем «смутное время» исчезла с лица земли метеостанция Бертек, закрылся и Уландрык, хотя дом там сохранился до настоящего времени. Жаль, что не приедет уже на них еще один молодой паренек, готовый полюбить этот пропитанный насквозь запахом горькой полыни мир у подножия священных гор Тавын-Богдо-Ола и посвятить свою жизнь изучению его древнего прошлого.

Новосибирск–Барнаул, апрель 2007 г.

Библиографический список

- Абдулганеев М.Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 37–43.
- Абдулганеев М.Т. Разведочные работы в предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – С. 73–77.
- Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н.э. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – 148 с.
- Абдулганеев, М.Т., Киреев С.М., Кунгурова Н.Ю., Ларин О.В. Могильник Майма-4 (по раскопкам 1998 г.) // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 246–253.
- Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Могила раннескифского времени около Барнаула // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИЯЛ, 1990. – С. 97–104.
- Абдулганеев М.Т., Кунгуров А.Л. Курганы быстрянской культуры в междуречье Бии и Чумыша // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 143–155.
- Абдулганеев М.Т., Ларин О.В. О соотношении афанасьевской и майэмирской культур // Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий. – Горно-Алтайск: б.и., 1992. – С. 33–36.
- Абдулганеев М.Т., Тишкин А.А. Погребальные комплексы скифского времени левобережья низовьев Катунь // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. – №4. – С. 99–111.
- Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978. – 132 с.
- Акишев А.К. Искусство и мифология саков. – Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1984. – 176 с.
- Алехин Ю.П. Рудный Алтай в древности и в средневековье // Серебряный венец России (Очерки истории Змеиногорска). – Барнаул: б.и., 1999. – С. 17–65.
- Алехин Ю.П., Кирюшин Ю.Ф. Памятники Змеиногорского района // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 12–21.
- Алехин Ю.П., Шульга П.И. Курган Кондратьевка XXI – новый памятник раннескифского времени на Рудном Алтае // Древности Алтая. – №10. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. – С. 62–70.
- Андерсон Дж. К. Древнегреческая конница. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2006. – 224 с.
- Баркова Л.Л. Курган Шибе и вопросы его датировки // АСГЭ. – Л.: Искусство, 1978. – Вып. 19. – С. 37–44.
- Баркова Л.Л. Погребение коней в кургане Шибе // АСГЭ. – Л.: Искусство, 1979. – Вып. 20. – С. 55–65.
- Баркова Л.Л. Курган Шибе. Предметы материальной культуры из погребальной камеры // АСГЭ. – Л.: Искусство, 1980. – Вып. 21. – С. 48–58.
- Баркова Л.Л. Образ орлиноголового грифона в искусстве древнего Алтая (по материалам Больших Алтайских курганов) // АСГЭ. – Л.: Искусство, 1987. – Вып. 28. – С. 5–29.
- Баркова Л.Л. О хронологии и локальных различиях в изображении травоядных и хищников в искусстве ранних кочевников Алтая (опыт статистического анализа) // АСГЭ. – СПб.: б.и., 1995. – Вып. 32. – С. 60–76.
- Баркова Л.Л., Панкова С.В. Татуировки на мумиях из Больших пазырькских курганов (новые материалы) // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск, 2005. – №2(22). – С. 48–59.
- Бейсенов А.З. Новый тип раннекочевнических погребений с черепами животных в Центральном Казахстане (к проблеме изучения памятников позднеасмолинского времени в Восточной Сарыарке) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: б.и., 1995. – Вып. V. – Ч. 1. – С. 221–226.
- Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. – 240 с.

Бологин Д.П., Алкин С.В. Уникальная находка из серии ордосских бронз в бассейне р. Зeya // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: археология и этнография. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1996. – №3. – С. 107–112.

Болтрик Ю.В., Фялко Е.Е. Роль коня в погребальной традиции скифов // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. – Т. 2. – С. 13–36.

Бородаев В.Б., Мамадаков Ю.Т. Могильники Кырлык-I и Кырлык-II в Горном Алтае // Проблемы охраны археологических памятников Сибири. – Новосибирск: б.и., 1985. – С. 51–88.

Бородовский А.П. Снаряжение верхового коня второй половины I тыс. до н.э. (по материалам раскопок на Северо-Западном Алтае) // Эпоха камня и палеометалла азиатской части СССР. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 73–80.

Бородовский А.П. Аварийные исследования могильника эпохи раннего железа в верховьях р. Ануй // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: б.и., 1995. – Вып. V. – Ч. I. – С. 118–121.

Бородовский А.П. Древнее косторезное дело юга Западной Сибири (вторая половина II тыс. до н.э. – первая половина II тыс. н.э.). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997. – 224 с.

Бородовский А.П. Вторичные погребения эпохи раннего железа на Нижней Катунь (по материалам барангольского некрополя) // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000а. – Вып. XI. – С. 197–200.

Бородовский А.П. Технология изготовления предметов из полого рога // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000б. – С. 144–157.

Бородовский А.П. Микрорайон археологических памятников у с. Манжерок Майминского района Республики Алтай // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2002. – С. 42–52.

Бородовский А.П. Резные роговые изделия скифского времени нижней Катунь // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. II. – С. 5–7.

Бородовский А.П., Бородовская Е.Л. Детская экспериментальная археология. – Новосибирск: б.и., 1993. – 83 с.

Бородовский А.П., Оболенский А.А., Бабич В.В., Борисенко А.С., Морцев Н.К. Древнее серебро Сибири (краткая история, состав металла, рудные месторождения). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 88 с.

Бородовский А.П., Орлова Л.А. Радиоуглеродные датировки Быстровского некрополя эпохи раннего железа из Новосибирского Приобья // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – С. 287–289.

Бородовский А.П., Ойношев В.П., Соенов В.И., Суразаков А.С., Танкова М.В. Древности Чуйско-го тракта. – Горно-Алтайск: б.и., 2005. – 103 с.

Бородовский А.П., Слюсаренко И.Ю., Кузьмин Я.В., Орлова Л.А., Кристен Дж.А., Гаркуша Ю.Н., Бурр Дж.С., Джалл Э.Дж.Т. Результаты дендрохронологического и радиоуглеродного датирования курганной группы Быстровка-2 (Верхнее Приобье) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 271–276.

Бородовский П.А. Некрополи эпохи раннего железного века на правобережье Нижней Катунь // Традиционные культуры и общества Северной Азии (с древнейших времен до современности). – Кемерово: Из-во КемГУ, 2004. – С. 149–150.

Быков Н.И., Быкова В.А. Ориентация погребенных людей в курганах скифской эпохи как источник историко-географической информации // География и природопользование Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – Вып. 6. – С. 214–226.

Быков Н.И., Быкова В.А., Панюшкина И.П., Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологическая и геодезическо-астрономическая оценка последовательности сооружения курганов в могильниках пазырыкской культуры Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 258–264.

Быков Н.И., Быкова В.А., Слюсаренко И.Ю. Индикационные возможности ориентационных свойств курганов и могильников скифской эпохи на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антро-

пологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2004. – Т. X. – Ч. II. – С. 195–202.

Быков Н.И., Быкова В.А., Крупочкин Е.П., Слюсаренко И.Ю. Расселение древних кочевников скифской эпохи на плоскогорье Укок (Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. 1. – С. 285–291.

Быков Н.И., Тишкин А.А. О роли фактора сезонности при ориентации погребенных людей в курганах пазырыкской культуры // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – Вып. 2. – С. 54–59.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. – 438 с.

Вайнберг Б.И., Новгородова Э.А. Заметки о знаках и тамгах Монголии // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). – М.: Наука, 1976. – С. 66–74.

Вайнштейн С.И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 году // Тр. ТКАЭЭ. – М.; Л.: Наука, 1970. – Вып. 3. – С. 7–79.

Вайнштейн С.И. Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991. – 296 с.

Варенов А.В. О датировании сибирских древностей по археологической шкале Восточной Азии // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. – Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1981. – Вып. 3. – С. 54–55.

Варенов А.В. Скифские материалы из китайской части Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 26–30.

Варенов А.В., Шойдина О.С. Археологические памятники городища Цзяохэ в Турфанской впадине (по результатам раскопок 1993–1994 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 312–316.

Варенов А.В., Шойдина О.С. Могильник к северу от городища Цзяохэ (Яр-Хото) – памятник гуннского времени в Турфанской впадине // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – Т. VI. – С. 257–262.

Васильев С.С., Слюсаренко И.Ю., Чугунов К.В. Актуальные вопросы хронологии скифского времени Саяно-Алтая // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. – Кн. II. – С. 24–27.

Васильков Я.В. Древнейшие индийские зеркала из скифо-сарматских курганов Алтая и Южного Приуралья // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. – Кн. II. – С. 28–33.

Васильков Я.В. Семантика изображений на индийских «зеркалах-погремушках» из погребений Алтая и Урала скифо-сарматского времени // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 283–288.

Ведянин С.Д., Кунгуров А.Л. Грунтовый могильник Староалейской культуры Обские Плесы 2 // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 88–114.

Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. – М.: Наука, 1980. – 124 с.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э.: По материалам Уйгарака. – М.: Наука, 1973. – 160 с.

Владимиров В.Н., Мамадаков Ю.Т., Цыб С.В., Степанова Н.Ф. Раскопки афанасьевского могильника Первый Межелик I в Онгудайском районе // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. – №4. – С. 31–41.

Владимиров В.Н., Шульга П.И. Новые материалы по скифской эпохе Горного Алтая // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1984. – С. 97–104.

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. – 254 с.

Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Курганы у села Обручевка в Южном Зауралье // Кочевники урало-казахстанских степей. – Екатеринбург: Наука, 1993. – С. 53–67.

Гаврилюк А.Г., Таиров А.Д. Иртяш-14 – погребальный комплекс степных кочевников в зауральской лесостепи // Археология Южного Урала. Степь (проблемы культурогенеза). – Челябинск: ООО ЦИКР «Рифей», 2006. – С. 225–245. (Серия «Этногенез уральских народов»).

- Галанина Л.К. Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. – М.: б.и., 1997. – 269 с., ил.
- Галибин В.А. Находки индийских стеклянных бус в погребениях Сибири и Средней Азии // Археологические Вести. – СПб.: Гелла, 1993. – №2. – С. 66–71.
- Гальченко А.В., Шульга П.И. К вопросу об интерпретации костных остатков на материалах поселений раннего железного века Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: б.и., 1992. – С. 94–106.
- Гельмелъ Ю.И., Демин М.А., Шульга Н.Ф., Шульга П.И. О ходе работ по созданию Сентелекского археологического заповедника // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 109–114.
- Геродот. История в девяти книгах / пер. и примеч. Г.А. Стратановского. – Л.: Наука, 1972. – 456 с.
- Горбунов А.П., Самашев З.С., Северский Э.В. Вечная мерзлота – хранительница древностей. – Алматы, 2000. – 43 с.
- Горбунов А.П., Самашев З.С., Северский Э.В. Сокровища мерзлотных курганов Казахского Алтая (по материалам могильника Берел). – Алматы: Изд-во ТОО Иль-Тех-Кітап, 2005. – 114 с.
- Горбунов В.В. Панцири раннего железного века на Алтае // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 47–55.
- Городище Цзяохэ – отчет об археологических раскопках за 1993–1994 годы (Цзяохэ гучэн – 1993, 1994 няньду каогу фацзюе баогао). – Пекин: Дунфан, 1998. – 206 с. (на кит. яз.).
- Грач А.Д. Древние кочевники в центре Азии. – М.: Наука, 1980. – 256 с.
- Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1950. – 90 с.
- Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. – №48. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. – 256 с.
- Грязнов М.П. Курган как архитектурный источник // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. – М.: б.и., 1961. – С. 22–25.
- Грязнов М.П. Аржан: Царский курган раннескифского времени. – Л.: Наука, 1980. – 62 с.
- Грязнов М.П. Начальная фаза развития скифо-сибирских культур // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1983. – С. 3–18.
- Грязнов М.П., Манделъштам А.М. Алтай и Тува // Степная полоса Азиатской части в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992.
- Дашковский П.К., Тишкин А.И., Тур С.С. Исследования объектов раннего железного века и средневековья на Чинетинском археологическом комплексе (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. I. – С. 315–319.
- Дашковский П.К., Шмидт В.К. О некоторых особенностях погребального обряда каменной культуры Алтая // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005. – С. 79–85.
- Демин М.А., Гельмелъ Ю.И. Курганное погребение раннескифского времени из Горного Алтая // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: б.и., 1992. – С. 28–34, 170–175.
- Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. – Ч. 1. – 262 с.
- Деревянко А.П., Молодин В.И., Савинов Д.Г. и др. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. – 224 с.
- Добжанский В.Н. Наборные пояса кочевников Азии. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1990. – 164 с.
- Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова А.И. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. – М.: Наука, 1982. – 456 с.
- Дураков И.А., Мжелская Т.В. Исследования могильника Быстровка-3 // 75 лет Новосибирскому областному краеведческому музею. – Новосибирск: Изд-во ТОО «Бриарей», 1995. – С. 47–65.
- Дьяконова В.П. Большие курганы-кладбища на могильнике Кокэль // Тр. ТКАЭЭ. – М.; Л.: Наука, 1970. – Вып. 3. – С. 80–209.

Дьяконова В.П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). – Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 2001. – 224 с.

Дэвлет М.А. Об изображениях серёг на оленных камнях и реальном прототипе из раскопок в Тодже // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. – М.: Институт археологии РАН, 2004. – С. 22–50.

Дэвлет М.А. Курганы скифского времени «Тоора-Хем Вторая Поляна» в Тоджинском Хошуне Тувы // Теория и практика археологических исследований. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. Вып. 1. С. 104–112.

Евразия в скифскую эпоху: радиоуглеродная и археологическая хронология. – СПб.: Теза, 2005. – 290 с., 173 ил.

Ермолаева А.С. Измайловский погребальный комплекс переходного периода от бронзы к раннему железу из Восточно-Казахстанского Прииртышья // Ранний железный век и средневековые Урало-Иртышского междуречья. – Челябинск: б.и., 1987. – С. 154–163.

Завитухина М.П. Могильник времени ранних кочевников близ г. Бийска // АСГЭ. – Л.: Искусство, 1961. – Вып. 3. – С. 89–108.

Завитухина М.П. Курганы у села Быстрианского в Алтайском крае (по раскопкам С.М. Сергеева в 1930 г.) // АСГЭ. – Л.: Искусство, 1966. – Вып. 8. – С. 61–77.

Зайферт М., Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологический анализ пазырыкских памятников // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 258–264.

Зайцева Г.И., Васильев С.С., Марсадалов Л.С., ван дер Плихт Й., Семенов А.А., Дергачев В.А., Лебедева Л.М. Радиоуглерод и дендрохронология ключевых памятников Саяно-Алтая: статистический анализ // Радиоуглерод и археология. – СПб., 1997. – Вып. 2. – С. 36–44.

Засецкая И.П. «Диагональные» погребения Нижнего Поволжья и проблема определения их этнической принадлежности // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – Л.: Аврора, 1974. – Вып. 16. – С. 105–121.

Иванов Г.Е. Вооружение племен лесостепного Алтая в раннем железном веке // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: б.и., 1987. – С. 6–27.

Иванов Г.Е. Новые находки оружия раннего железного века в лесостепном Алтае // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – С. 56–62.

Иванов Г.Е. О некоторых дискуссионных проблемах в изучении военного дела каменной культуры Алтая // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 41–46.

Иванов Г.Е., Медникова Э.М. Новообинский курган // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. – С. 89–95.

Иванчик А.И. Киммерийцы и скифы. Культурно-исторические и хронологические проблемы археологии восточноевропейских степей и Кавказа пред- и раннескифского времени. – М.: б.и., 2001. – 324 с.

Исмагилов Р.Б. Погребение Большого Гумаровского кургана в Южном Приуралье и проблема происхождения скифской культуры // АСГЭ. – 1988. – Вып. 29. – С. 29–47.

Итина М.А., Яблонский М.Т. Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). – М.: РОССПЭН, 1997. – 187 с., ил.

Кадырбаев М.К. Памятники тасмолинской культуры // Маргулан А.Х., Акишев К.А., Кадырбаев М.К., Оразбаев А.М. Древняя культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата, 1966. – С. 303–428.

Кадырбаев М.К. Курганные некрополи верховьев р. Илек // Древности Евразии в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1984. – С. 84–93.

Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.К. Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. – Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1976. – С. 137–156.

Каммарт Л., Хюле В.В., Буржуа И., Миккельсен Я.Х. Два сезона комплексных бельгийско-русских исследований в долине Себыстея (Кош-Агачский район, Горный Алтай). Предварительные результаты // Сибирь в панораме тысячелетий: материалы международного симпозиума: В 2 т. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 229–239.

- Киреев С.М. Работы на Майминском комплексе в 1990–1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск, 1992а. – С. 55–56.
- Киреев С.М. Курганы Майма-ХІХ // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: б.и., 1992б. – С. 39–50, 181–185.
- Киреев С.М. Спасательные работы на могильнике Майма-IV // Проблемы изучения культурно-исторического наследия Алтая. – Горно-Алтайск: б.и., 1994. – С. 39–43.
- Киреев С.М., Чевалков С.Ю. Курган позднего этапа быстринской культуры // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005. – С. 86–91.
- Киреев С.М., Шульга П.И. Сбруйные наборы из Уймонской долины // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2006. – С. 90–107.
- Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е., Бородаев, Мечи из собрания Шипуновского музея // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. – С. 99–103.
- Кирюшин Ю.Ф., Казаков А.А., Караваяев А.В. Краснощековский район. Памятники археологии // Памятники истории и культуры юго-западных районов Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 36–49.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л. Могильник раннего железного века Староалейка-II // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 115–134.
- Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Казаков А.А. Город Бийск. Памятники археологии // Бийск, Бийский район. Памятники истории и культуры. – Бийск: б.и., 1992. – С. 7–47.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. III: Погребальные комплексы скифского времени Средней Катуня. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – 282 с.: ил.
- Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. II: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – 234 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. – 231 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Фролов Я.В. Комплекс памятников эпохи раннего железа в районе с. Елунино // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 110–136.
- Кирюшин Ю.Ф., Шульга П.И., Демин М.А., Тишкин А.А. Исследование и музеефикация «царского» кургана в долине Сентелека // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Азбука, 2001. – Вып. XII. – С. 29–36.
- Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 642 с.
- Ковалев А.А. О связях населения Саяно-Алтая и Ордоса в V–III веках до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 75–82.
- Ковалев А.А. О происхождении хунну // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ; Чита: Изд-во Бурятского ун-та, 2002. – С. 103–131.
- Кочеев В.А. О костяных наконечниках стрел раннего железа из курганов Горного Алтая // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: б.и., 1987. – С. 55–60.
- Кочеев В.А. Кинжалы с зооморфными навершиями из Горного Алтая // Алтай и тюрко-монгольский мир. – Горно-Алтайск: б.и., 1995. – С. 132–135.
- Кочеев В.А. Опыт классификации костяных наконечников стрел из курганов Горного Алтая скифского времени // Горный Алтай и Россия – 240 лет. – Горно-Алтайск: б.и., 1996. – С. 28–31.
- Кочеев В.А. Луки горно-алтайских курганов (к вопросу о луках скифского времени Горного Алтая) // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997. – Вып. 2. – С. 147–152.
- Кочеев В.А. Боевое оружие пазырыкцев // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. – Вып. 4. – С. 74–82.
- Кочеев В.А. Раннескифские курганы могильника Айрыдаш IV в Горном Алтае // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2000. – Вып. 5. – С. 21–30.
- Кочеев В.А. Три боевых кинжала эпохи раннего железа из Горного Алтая, или Еще раз о случайных находках // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2005. – С. 91–95.
- Кубарев В.Д. Новые находки эпохи ранних кочевников в Горном Алтае // Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. – Новосибирск: б.и., 1972. – С. 45–59.
- Кубарев В.Д. Работы в Горном Алтае // Археологические открытия 1975 года. – М.: Наука, 1976. – С. 251–255.

- Кубарев В.Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 135–160.
- Кубарев В.Д. Древние изваяния Алтая (Оленные камни). – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.
- Кубарев В.Д. Археологические памятники Кош-Агачского района (Горный Алтай) // Археологический поиск (Северная Азия). – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 69–91.
- Кубарев В.Д. Кинжалы из Горного Алтая // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 29–54.
- Кубарев В.Д. Древнетюркские кенотафы Боротала // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: б.и., 1985а. – С. 136–148.
- Кубарев В.Д. Археологические исследования у борма Кор-Кечу (Центральный Алтай) // Археологические исследования в районе новостроек. – Новосибирск: б.и., 1985б. – С. 130–137.
- Кубарев В.Д. Открытия в долине р. Урсул // Археологические открытия 1985 года. – М.: Наука, 1986. – С. 250–251.
- Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. – Новосибирск: Наука, 1987. – 299 с.
- Кубарев В.Д. Археологические памятники истоков Чуи // Проблемы изучения культуры населения Горного Алтая. – Горно-Алтайск: б.и., 1988. – С. 107–145.
- Кубарев В.Д. Расписные сосуды из курганов Алтая // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: б.и., 1990. – С. 31–55.
- Кубарев В.Д. Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.
- Кубарев В.Д. Курганы Сайлюгема. – Новосибирск: Наука, 1992. – 220 с.
- Кубарев В.Д. Зеркала как источник по магии, мифологии и верованиям кочевников Азии // Древняя культура. – Киото, 1994. – Т. 46. – №4. – С. 20–37. (В переводе Т. Масумото, на япон. яз.).
- Кубарев В.Д. Знаки на стрелах древних кочевников Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: б.и., 1995. – Вып. V. – Ч. 2. – С. 104–105.
- Кубарев В.Д. Погребение раннескифского времени на р. Каракол // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 74–77.
- Кубарев В.Д. Пазырыкские сюжеты в петроглифах Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 84–92.
- Кубарев В.Д. Бике I, III: погребальные памятники скифской эпохи Средней Катуня // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2001а. – №7. – С. 120–144.
- Кубарев В.Д. Изваяние, оградка, балбалы (о проблемах типологии, хронологии и семантики древнетюркских поминальных сооружений Алтая и сопредельных территорий) // Алтай и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001б. – С. 24–54.
- Кубарев В.Д. «Савроматы» на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во НАЭТ СО РАН, 2002а. – 2 (10). – С. 127–139.
- Кубарев В.Д. Древние зеркала Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во НАЭТ СО РАН, 2002б. – №3 (11). – С. 63–77.
- Кубарев В.Д., Гребенщиков А.В. Курганы Чуйской степи // Сибирь в древности. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 61–75.
- Кубарев В.Д., Киреев С.М., Черемисин Д.В. Курганы урочища Бике // Археологические исследования на Катуня. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 43–95.
- Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Курганы урочища Бураты // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1988 годах. – Горно-Алтайск: б.и., 1983. – С. 90–108.
- Кубарев В.Д., Кочеев В.А. Новая серия каменных изваяний Алтая // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск: б.и., 1988. – С. 206–222.
- Кубарев В.Д., Черемисин Д.В. Образ птицы в искусстве ранних кочевников Алтая // Археология юга Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1984. – С. 86–100.
- Кубарев В.Д., Якобсон Э., Масумото Т. Исследования в предгорьях Сайлюгема // Altaika. – 1993. – №2. – С. 63–68.
- Кубарев Г.В. К вопросу о саадачном или «стрелковом» поясе у древних тюрков Алтая // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. – №3. – С. 190–197.
- Кубарев Г.В. Культура древних тюрков Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – 400 с.

- Кулемзин А.М. Тагарские костяные наконечники стрел // Известия лаборатории археологических исследований. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1976. – Вып. 7. – С. 30–41.
- Кулемзин А.М. Арчекаские курганы // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1979. – С. 87–99.
- Кунгуров А.Л. Погребальный комплекс раннескифского времени МГК-1 в Приобье // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 92–98.
- Кунгуров А.Л. Ножны староалейской культуры // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 170–175.
- Кунгуров А.Л., Сингаевский А.Т. Археологические памятники города Барнаула. – Барнаул: Азбука, 2006. – 200 с., ил.
- Кунгуров А.Л., Тишкин А.А. Результаты исследования памятника эпохи раннего железа Усть-Иштовка 1 на Алтае // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 124–144.
- Кундо Л.П., Щербаков Ю.Г., Рослякова Н.В. Особенности бронзолитейного дела и сырьевые ресурсы металлургии скифской эпохи Горного Алтая // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 176–178.
- Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1960. – 197 с.
- Кызласов Л.Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). – М.: Изд-во Московского ун-та, 1979. – 207 с., 156 ил.
- Кызласов И.Л. Пратюрские жилища. Обследование саяно-алтайских древностей. – Москва ; Самара, 2005. – 96 с., ил.
- Ларин О.В. Афанасьевская культура Горного Алтая: могильник Сальдьяр-1. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 208 с., ил.
- Левина Л.М. Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. – I тысячелетие н.э. – М.: Издательская фирма РАН «Восточная литература», 1996. – 396 с., ил.
- Литвинский Б.А. Храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 2: Бактрийское вооружение в древневосточном и греческом контексте. – М.: Издательская фирма РАН «Восточная литература», 2001. – 528 с., ил.
- Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». – М.: Наука, 1972. – 270 с.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1: Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. – М.: Издательская фирма РАН «Восточная литература», 2000. – 503 с.
- Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. – М.: Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1973. 465 с., ил.
- Максимов Е.К. Сарматские диагональные погребения Восточной Европы // Археологический сборник. – Саратов: б.и., 1966. – С. 98–115.
- Малахов В.В., Власов А.А., Овсянникова И.А., Плясова Л.М., Краевская И.Л., Цыбуля С.В., Степанов В.Г. Вещественный состав находок из «замерзших» захоронений пазырыкской культуры // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 162–175.
- Мамадаков Ю.Т. Исследования погребений могильника Кайнду // Археология и этнография Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. – Вып. 1. – С. 63–78.
- Мандельштам А.М. Исследования на могильном поле Аймырлыг: некоторые итоги и перспективы // Древние культуры Евразийских степей. – Л.: Наука, 1983. – С. 25–33.
- Марсадолов Л.С. Памятники ранних кочевников в Усть-Куюме на Алтае (по раскопкам Г.П. Сосновского и Г.П. Сергеева) // АСГЭ. – Вып. 22. – Л.: Искусство, 1981. – С. 11–22.
- Марсадолов Л.С. Хронология курганов Алтая (VIII–IV вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л.: б.и., 1985. – 16 с.
- Марсадолов Л.С. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // АСГЭ. – Вып. 29. – Л.: Искусство, 1988. – С. 65–81.
- Марсадолов Л.С. История и итоги изучения археологических памятников VIII–IV веков до н.э. (от истоков до начала 80-х годов XX века). – СПб.: б.и., 1996. – 100 с.

- Марсадолов Л.С. Исследования в Центральном Алтае (Башадар, Талда). – СПб.: б.и., 1997. – 56 с.
- Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V веках до н.э. // *Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 5–24.
- Марсадолов Л.С. Пазырыкский феномен и попытки его объяснения // *Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 104–107.
- Марсадолов Л.С. Археологические памятники IX–III веков до н.э. горных районов Алтая как культурно-исторический источник (феномен пазырыкской культуры): автореф. дис. ... д-ра культурологии. – СПб.: б.и., 2000а. 57 с.
- Марсадолов Л.С. Планиграфия могильников Горного Алтая VI–IV вв. до н.э. // *Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова*. – Омск: Изд-во Омского ун-та, 2000б. – С. 69–72.
- Марсадолов Л.С. Основные тенденции в изменении форм наконечников стрел на Алтае в конце IX–IV вв. до н.э. // *Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002а. – С. 36–43.
- Марсадолов Л.С. Курган VI–V вв. до н.э. около поселка Аржан в Туве // *Центральная Азия и Прибайкалье в древности*. – Улан-Удэ; Чита: Изд-во Бурятского ун-та, 2002б. – С. 78–87.
- Марсадолов Л.С. Еще раз о последовательности сооружения пазырыкских и бертекских курганов // *Степи Евразии в древности и средневековье*. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. – Кн. II. – С. 93–103.
- Марсадолов Л.С. О необходимости и возможности создания единой хронологической шкалы памятников кочевых племен степей Евразии I-го тыс. до н.э. // *Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии*. – Краснодар: б.и., 2004. – С. 69–85.
- Марсадолов Л.С., Миллер Н.О. К вопросу об абсолютном дендрохронологическом датировании археологических памятников Алтая // *Теория и практика археологических исследований*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. – Вып. 2. – С. 59–74.
- Мартынов А.И. Лесостепная тагарская культура. – Новосибирск: Наука, 1979. – 208 с.
- Мартынов А.И. Тагарские курганы как архитектурные сооружения // *Курган: историко-культурные исследования и реконструкции*. – СПб.: б.и., 1996. – С. 8.
- Мартынов А.И., Кулемзин А.М., Мартынова Г.С. Раскопки могильника у поселка Акташ в Горном Алтае // *Алтай в эпоху камня и раннего металла*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1985. – С. 147–172.
- Мелюкова А.И. Вооружение скифов // *САИ*. – Вып. Д 1-2.7. – М.: Наука, 1964. – 92 с., ил.
- Могильников В.А. Курганы Кызыл-Джар I, VIII – памятник пазырыкской культуры Алтая // *Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая*. – Горно-Алтайск: б.и., 1983. – С. 3–39.
- Могильников В.А. Некоторые аспекты этнокультурного развития Горного Алтая в раннем железном веке // *Материалы по археологии Горного Алтая*. – Горно-Алтайск: б.и., 1986. – С. 35–67.
- Могильников В.А. Курганы Кер-Кечу // *Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая*. – Горно-Алтайск: б.и., 1988. – С. 60–107.
- Могильников В.А. Диагональные погребения в лесостепном Приобье // *Охрана и изучение культурного наследия Алтая*. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – Ч. 2. – С. 189–193.
- Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. – М.: б.и., 1997. – 196 с.
- Могильников В.А., Куйбышев А.В. Курганы «Камень II» (Верхнее Приобье) по раскопкам 1976 г. // *Советская археология*. – 1982. – №2. – С. 113–134.
- Могильников В.А., Елин В.Н. Курганы Талдура I // *КСИА*. – 1982. – №170. – С. 103–109.
- Могильников В.А., Суразаков А.С. Археологические исследования в долинах рек Боротал и Алагаил // *Советская археология*. – 1980. – №2. – С. 180–191.
- Могильников В.А., Уманский А.П. Курган раннего железного века на Чумыше // *КСИА*. – 1981. – №167. – С. 80–86.
- Могильников В.А., Уманский А.П. Новотроицкое I, курган 15 и хронология некоторых категорий вещей Южной Сибири середины – третьей четверти I тысячелетия до н.э. // *Вопросы археологии и истории Южной Сибири*. – Барнаул: Изд-во Барнаульского пед. ун-та, 1999а. – С. 91–110.
- Могильников В.А., Уманский А.П. Бронзовые котлы из новотроицких курганов // *Вопросы археологии и истории Южной Сибири*. – Барнаул: Изд-во Барнаульского пед. ун-та, 1999б. – С. 111–130.

Молодин В.И. Культурно-историческая характеристика погребального комплекса кургана №3 памятника Верх-Кальджин II // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000а. – С 86–119.

Молодин В.И. Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия: Научно-популярные очерки. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2000б. – 192 с.: ил.

Молодин В.И., Комиссаров С.А., Соловьев А.И. Еще раз о китайских источниках по эпохе бронзы и необходимости критического к ним отношения // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI. – Ч. I. – С. 394–399.

Молодин В.И., Полосьмак Н.В., Чикишева Т.А. и др. Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – 320 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Могильник Бертек-1 // Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок). – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская форма, 1994. – С. 60–71.

Молодин В.И., Парцингер Г., Цэвэндорж Д., Мыльников В.П., Наглер А., Баярсайхан М., Байтилеу Д., Гаркуша Ю.Н., Гришин А.Е., Дураков А.И., Марченко Ж.В., Мороз М.В., Овчаренко А.П., Пиецонка Х., Пилипенко А.С., Слагода Е.А., Слюсаренко И.Ю., Субботина А.Л., Чистякова А.Н., Шатов А.Г. Мультидисциплинарные исследования российско-германско-монгольской экспедиции в Монгольском Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. I. – С. 428–433.

Мошкова М.Г. Ново-Кумакский могильник близ г. Орска // Памятники скифо-сарматской культуры. – МИА. – №115. – М.: Наука, 1962. – С. 204–241.

Мошкова М.Г. Савроматские памятники Северо-Восточного Оренбуржья // Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. – М.: Наука, 1972. – С. 49–78.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 232 с.

Мыльников В.П. К проблеме выявления строительных традиций в изготовлении погребальных сооружений из дерева на территории Монголии в раннем железном веке // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006. – Т. XII. – Ч. I. – С. 440–445.

Неверов С.В., Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кайнду в Горном Алтае // Археологические исследования на Катунь. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 242–270.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия (Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории). – М.: Наука, 1989. – 384 с.

Папин Д.В., Шамшин А.Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 202 с.

Пересветов Г.Ю. Некоторые вопросы происхождения тасмолинской культуры (по итогам новых исследований в Павлодарской области) // Историко-культурное наследие Северной Азии: итоги и перспективы изучения на рубеже тысячелетий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 282–285.

Пересветов Г.Ю. К вопросу о появлении в Северо-Восточном Казахстане памятников «коргантаского типа» // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. – С. 200–207.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 144 с.

Полосьмак Н.В. Некоторые аналогии погребениям в могильнике у деревни Даодуньцзы и проблема происхождения сюннуской культуры // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 101–107.

Полосьмак Н.В. «Стерегищие золото грифы» (ак-алахинские курганы). – Новосибирск: ВО «Наука». Издательская фирма, 1994. – С. 124.

Полосьмак Н.В. Погребальный комплекс кургана Ак-Алаха-3. Историко-культурный анализ // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 57–85.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.: ил.

Полосьмак Н.В., Молодин В.И. Археологические комплексы эпохи раннего железа плоскогорья Укок как источник интеграционных исследований // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 14–62.

Полосьмак Н.В., Баркова Л.Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. – 232 с., ил.

Полторацкая В.Н. Могильник Березовка-1 // АСГЭ. – Л.: Искусство, 1961. – Вып. 3. – С. 74–88.

Полторацкая В.Н. Знаки на предметах из курганов эпохи ранних кочевников в Горном Алтае // АСГЭ. – Л.: Искусство, 1962. – Вып. 5. – С. 76–90.

Полторацкая В.Н. Памятники эпохи ранних кочевников в Туве: по раскопкам С.А. Теплоухова // АСГЭ. – Вып. 8. – Л.: Искусство, 1966. – С. 78–102.

Равич И.Г. Некоторые типы высокооловянистых горячеванных зеркал сарматского времени и их технологические особенности // КСИА. – 2006. – Вып. 220. – С. 42–51.

Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган (Результаты работ экспедиции ИИМК АН СССР в 1947 г.). Предварительное сообщение. – Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1948. – 64 с., табл.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с., ил.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 350 с., ил.

Савинов Д.Г. О завершающем этапе культуры ранних кочевников Горного Алтая // КСИА. – 1978. – Вып. 154. – С. 48–55.

Савинов Д.Г. Могильник Урбюн-III и некоторые вопросы археологии Тувы скифского времени // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1980. – С. 107–119.

Савинов Д.Г. Погребения скифского времени в долине Узунтал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: б.и., 1993. – С. 4–18.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1994. – 208 с.

Савинов Д.Г. Об обряде погребения Больших Пазырыкских курганов // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. – СПб., 1996. – С. 107–111.

Савинов Д.Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. – 204 с.

Самашев З., Ахметкалиев Р., Алтынбеков К. Консервация и реставрация деградированной древесины берельского кургана №11. – Алматы: Изд-во Иль-Тех-Китап, 2004. – 96 с., ил.

Самашев З.С., Бородовский А.П. Роговые украшения конской узды и упряжи из Берельского некрополя // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во НАЭТ СО РАН, 2004. – №3. – С. 82–87.

Самашев З.С., Жумабекова Г. К вопросам о культурной атрибуции некоторых случайных находок из Казахстана // Изв. Национальной Академии наук Республики Казахстан. – 1993. – №5. – С. 23–33.

Самашев З.С., Жумабекова Г.С., Сунгатай С. Новые исследования на могильнике Берель в Восточном Казахстане // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 159–164.

Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С. Берел. – Алматы, 2000. – 56 с.

Самашев З.С., Фаизов К.Ш., Базарбаева Г.А. Археологические памятники и палеопочвы Казахского Алтая. – Алматы: Издательская группа ОФ «Берел», 2001. – 180 с.

Семенов Вл.А. Монгун-Тайга (археологические исследования в Туве 1994–1995 гг.). – СПб.: б.и., 1997. – 48 с., ил.

Семенов Вл.А. Проблема выделения хронологических индикаторов в скифских комплексах V–IV вв. до н.э. в Туве // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – Вып. XI. – С. 179–182.

Семенов Вл.А. Сыпучий Яр – могильник алды-бельской культуры в Туве // Евразия сквозь века. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского ун-та, 2001. – С. 167–172.

Семенов Вл.А. Суглук-Хем и Хайырыкан – могильники скифского времени в Центрально-тувинской котловине. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2003. – 240 с.

- Скопинцева Г.В. Кинжалы эпохи раннего железа из разрушенных памятников в Предгорьях Алтая // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – Вып. XI. – С. 196–197.
- Слюсаренко И.Ю. Начало дендрохронологических исследований в Институте археологии и этнографии СО РАН // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 1997. – С. 276–280.
- Слюсаренко И.Ю. Дендрохронологический анализ дерева из памятников пазырыкской культуры Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – Новосибирск: Изд-во НАЭТ СО РАН, 2000. – №4 (4). – С. 122–130.
- Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. – МИА. – №101. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 162 с.
- Смирнов К.Ф. Савроматы. – М.: Наука, 1964. – 380 с.
- Смирнов К.Ф. Сарматы на Илеке. – М.: Наука, 1975. – 176 с.
- Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. – М.: Наука, 1984. – 184 с.
- Соенов В.И. Раскопки на могильнике Сары-Бел // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1999. – С. 134–152.
- Соенов В.И., Эбель А.В. Раскопки курганов скифского времени на могильнике Кызыл-Таш // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998. – №3. – С. 88–97.
- Соловьев А.И. Оружие и доспехи: Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. – 224 с., ил.
- Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. – Л.: б.и., 1966. – Вып. 8. – С. 39–60.
- Сорокин С.С. Большой Берельский курган (Полное издание материалов раскопок 1865 и 1959 гг.) // Тр. ГЭ. – Т. X. – Л.: б.и., 1969. – С. 208–236.
- Сорокин С.С. Цепочка курганов времени ранних кочевников на правом берегу Кок-Су (Южный Алтай) // АСГЭ. – №16. – Л.: б.и., 1974. – С. 62–91.
- Степанова Е.В. Скифские мягкие седла: вопросы терминологии // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. – Кн. II. – С. 151–154.
- Степанова Е.В. Эволюция подпружных застеек по материалам курганов Алтая скифского времени // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – С. 109–115.
- Степанова Е.В. Эволюция конского снаряжения и относительная хронология памятников пазырыкской культуры // Археологические вести. – СПб.: Изд-во НИМК РАН, 2006. – Вып. 13. – С. 102–150.
- Степанова Н.Ф. Могильник скифского времени Кастахта // Археологические исследования на Алтае. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1987. – С. 168–183.
- Степанова Н.Ф. К вопросу о терминологии и типологии керамики раннего железного века Горного Алтая // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – С. 137–145.
- Степанова Н.Ф. Погребальные комплексы скифского времени Средней Катунь: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – 26 с.
- Степанова Н.Ф. К вопросу о каракобинской культуре скифского времени Горного Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т. IX. – Ч. I. – С. 484–487.
- Степанова Н.Ф. О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры скифской эпохи Горного Алтая // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. – С. 267–274.
- Степанова Н.Ф., Неверов С.В. Курганный могильник Верх-Еланда II // Археология Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. – С. 11–24.
- Степанова Н.Ф., Хаврин С.В. О хронологических особенностях инвентаря из погребальных комплексов скифского времени средней Катунь // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. – С. 155–163.
- Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – 494 с.
- Суразаков А.С. Об археологических исследованиях в Горном Алтае // Археология и этнография Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1982. – С. 121–136.
- Суразаков А.С. О социальной стратификации пазырыкцев // Вопросы археологии и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: б.и., 1983а. – С. 72–87.

Суразаков А.С. Курганы эпохи раннего железа в могильнике Кызык-Телань 1 (К вопросу о выделении кара-кобинской культуры) // Археологические исследования в Горном Алтае в 1980–1982 годах. – Горно-Алтайск: б.и., 1983б. – С. 42–52.

Суразаков А.С. Горный Алтай и его северные предгорья в эпоху раннего железа. Проблемы хронологии и культурного разграничения. – Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного изд-ва, 1989. – 216 с.

Суразаков А.С. Раскопки памятников Курота II и Кор-Кобы I // Проблемы изучения древней и средневековой истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: б.и., 1990. – С. 56–96.

Суразаков А.С. Кош-Тал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: б.и., 1993. – С. 25–55.

Таиров А.Д. Периодизация памятников ранних кочевников Южного Зауралья 7–2 вв. до н.э. // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. – Краснодар: б.и., 2004а. – С. 3–21.

Таиров А.Д. К вопросу о савромато-сарматских миграциях в лесостепное и степное Обь-Иртышье // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004б. – С. 50–54.

Таиров А.Д. Памятники «коргантасского типа»: взгляд со стороны // Изучение памятников археологии Павлодарского Прииртышья. – Павлодар: НПФ «ЭКО», 2006. – С. 182–199.

Телегин А.Н., Бородовский А.П. Резные роговые украшения седла скифского времени с Приобского плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – Т. XI. – Ч. I. – С. 470–475.

Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996а. – С. 20–54.

Тишкин А.А. Ориентация погребенных людей в курганах раннескифского времени Горного Алтая // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. – СПб.: б.и., 1996б. – С. 50–54.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследования погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – Т. IX. – Ч. I. – С. 488–493.

Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 200 с. + вкл.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. О выделении локальных вариантов пазырыкской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2002а. – Кн. II. – С. 166–168.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Комплекс археологических памятников около с. Чинета в Алтайском крае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002б. – Т. VIII. – С. 468–471.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003а. – 430 с.

Тишкин А.А., Дашковский П.К. Исследование памятников пазырыкской культуры на Чинетинском и Яломанском комплексах в Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2003б. – Т. IX. – Ч. I. – С. 494–497.

Тишкин А.А., Папин Д.В. Комплекс вооружения раннескифского времени на Алтае (по материалам Бийского краеведческого музея) // Военная археология: Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. – СПб.: б.и., 1998. – С. 179–182.

Тоцакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1978. – 160 с.

Троицкая Т.Н. Некоторые особенности погребального обряда лесостепных племен в конце I тыс. до н.э. // Скифская эпоха Алтая. – Барнаул: б.и., 1986. – С. 66–67.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большеберенская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1994. – 184 с.

У Энь, Чжун Кань, Ли Цзиньцзэн Могильник сюнну в деревне Даодуньцзы уезда Тунсинь в Нинся // Китай в эпоху древности. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 88–101.

- Уманский А.П. Случайные находки предметов скифо-сарматского времени в Верхнем Приобье // Советская археология. – 1970. – №2. – С. 169–179.
- Уманский А.П. О культурной и этнической принадлежности курганов раннежелезного века в лесостепном Алтае // Барнаулу 250 лет. – Барнаул: б.и., 1980. – С. 50–53.
- Уманский А.П. К вопросу о культурном взаимодействии горных и лесостепных племен Алтая в эпоху раннего железа // Проблемы истории Горного Алтая. – Горно-Алтайск: б.и., 1987. – С. 35–54.
- Уманский А.П. Раскопки кургана №3 в урочище Раздумье VI // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998. – Вып. IX. – С. 145–153.
- Уманский А.П., Шамшин А.Б., Шульга П.И. Могильник скифского времени Рогозиха-1 на левобережье Оби. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – 204 с., ил.
- Уманский А.П., Шульга П.И. Два погребения с восточными зеркалами из Алтайского края // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Барнаульского государственного педагогического ун-та, 1999. – С. 43–81.
- Уманский А.П., Шульга П.И. Поясные пряжки-застежки скифского времени на Алтае // Снаряжение кочевников Евразии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005а. – С. 176–182.
- Уманский А.П., Шульга П.И. Предварительные результаты исследования предметов вооружения из Новотроицкого некрополя // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005б. – Вып. 1. – С. 121–133.
- Уманский А.П., Шульга П.И. Находки из раннего быстринского кургана на могильнике Юбилейный-2 // Западная и Южная Сибирь в древности. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005в. – С. 144–149.
- Фролов Я.В. Некоторые проблемы в изучении памятников, датируемых VI–V вв. до н.э., в Барнаульско-Бийском Приобье // Итоги изучения скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 211–219.
- Фролов Я.В. Староалейская культура (по данным погребальной обрядности) // Историко-культурное наследие Северной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. – С. 149–155.
- Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул: Азбука, 2004. – 23 с.
- Фролов Я.В., Шамшин А.Б. Могильники раннего железного века Фирсовского археологического микрорайона (Фирсово-III, XI, XIV) // Итоги изучения скифской эпохи. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 219–226.
- Хабдулина М.К. Хронология наконечников стрел раннего железного века Северного Казахстана // Кочевники урало-казахстанских степей. – Екатеринбург: Уральская издательская фирма «Наука», 1993. – С. 24–43.
- Хабдулина М.К. Степное Прииртышье в эпоху раннего железа. – Алматы: Гылым, 1994. – 170 с.
- Хаврин С.В. Металлургия Саяно-Алтая скифского времени // Ладога и северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Организующие пути и связующие центры: VI чтения памяти А.Д. Мачинской. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2002. – С. 70–71.
- Хаврин С.В. Спектральный анализ бронзовых изделий скифского времени Саяно-Алтая и проблемы хронологии тагарской культуры // Археология Южной Сибири: идеи, методы, открытия. – Красноярск: РИО КГПУ им. В.П. Астафьева, 2005. – С. 96–98.
- Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. – М.: Наука, 1971. – 171 с.
- Худяков Ю.С. Сложение военного дела культур скифского времени в Южной Сибири // Скифо-сибирское культурно-историческое единство. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1980. – С. 135–144.
- Худяков Ю.С. Погребение позднескифского времени из могильника Усть-Эдиган // Altaika. – 1993. – №2. – С. 56–62.
- Худяков Ю.С. Коллекция оружия скифского времени из могильника Салдам и Усть-Эдиган // Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1995. – Вып. 1. – С. 87–101.
- Черненко Е.В. Скифский доспех. – Киев: Наукова Думка, 1968. – 189 с.
- Черненко Е.В. Скифские лучники. – Киев: Наукова Думка, 1981. – 167 с.
- Черников С.С. Отчет о работах Восточно-Казахстанской экспедиции 1948 г. // ИАН КазССР. – №108. – Сер. археологич. – №3. – Алма-Ата: б.и., 1951. – С. 64–80, табл.
- Черников С.С. Загадка золотого кургана. – М.: Наука, 1965. – 189 с.
- Чикишева Т.А. Население Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение,

генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003. – С. 63–120.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 300 с.

Членова Н.Л. Связи культур Западной Сибири с культурами Приуралья и Среднего Поволжья в конце эпохи бронзы и в начале железного века // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 4–42.

Членова Н.Л. Оленные камни как исторический источник (на примере оленных камней Северного Кавказа). – Новосибирск: Наука, 1984. – 100 с.

Членова Н.Л. О поздней дате карасукских бронз в Монголии, Горном Алтае, Забайкалье и Ордосе // Петербургский археологический вестник. – СПб.: б.и., 1993а. – Вып. 4. – С. 31–69.

Членова Н.Л. О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // Петербургский археологический вестник. – СПб.: б.и., 1993б. – Вып. 7. – С. 49–77.

Членова Н.Л. Хронология опорных памятников скифской эпохи // История, археология, культурная антропология и этнография. – М.: б.и., 1996. – С. 313–318.

Членова Н.Л. Центральная Азия и скифы. I. Дата кургана Аржан и его место в системе культур скифского мира. – М.: б.и., 1997. – 98 с.

Членова Н.Л., Кубарев В.Д. Хронологические парадоксы Горного Алтая // КСИА. – 1990. – Вып. 199. – С. 46–55.

Чугунов К.В. Датировка Больших Пазырыкских курганов – новый виток старой дискуссии // Охрана и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1993. – Ч. I. – С. 167–169.

Чугунов К.В. Некоторые итоги исследований могильника Догээ-Баары II // Круг знания. – Кызыл: б.и., 1999. – Вып. 2. – С. 33–46, оттиск с илл.

Чугунов К.В. Бронзовые наконечники стрел скифского времени Тувы // Мировоззрение, археология, ритуал, культура. – СПб.: б.и., 2000. – С. 213–238.

Чугунов К.В. Локально-хронологические особенности культуры Тувы в середине I тысячелетия до н.э. // Евразия сквозь века. – СПб.: Филологический факультет Санкт-Петербургского государственного ун-та, 2001. – С. 173–178.

Чугунов К.В. Кинжал-акинак из кургана Аржан-2 // Сообщения Государственного Эрмитажа. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2004а. – №LXII. – С. 72–74.

Чугунов К.В. Аржан – источник // Аржан. Источник в долине царей. Археологические открытия в Туве. – СПб.: АО «Славия», 2004б. – С. 10–39.

Чугунов К.В., Парцигер Г., Наглер А. Элитное погребение эпохи ранних кочевников в Туве (предварительная публикация полевых исследований российско-германской экспедиции в 2001 г.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – №2 (10). – С. 115–124.

Шамшин А.Б., Демин М.А., Навротский П.И. Раскопки курганного могильника раннего железного века Михайловский-VI на юге Кулунды // Вопросы археологии Алтая и Западной Сибири эпохи металла. – Барнаул: б.и., 1992. – С. 60–68.

Шамшин А.Б., Лузин С.Ю. Новые находки изделий в скифо-сибирском зверином стиле на памятниках Алтая (к вопросу датировки) // Проблемы хронологии и периодизации археологических памятников Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1991. – С. 128–130.

Шамшин А.Б., Лузин С.Ю., Изоткин С.Л. Раскопки курганов раннего железного века в окрестностях г. Барнаула // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. – Барнаул: б.и., 1991. – С. 52–56.

Шамшин А.Б., Лузин С.Ю., Неверов С.В., Изоткин С.Л. Раскопки курганного могильника Кучук I // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: б.и., 1992. – С. 71–73.

Шамшин А.Б., Фролов Я.В., Медникова Э.М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 69–88.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. – Л.: Наука, 1975. – 208 с.

Ширин Ю.В. Погребальные памятники раннего железа на юге Кузнецкой котловины // Кузнецкая старина. – Новокузнецк: Изд-во «Кузнецкая крепость», 2004. – Вып. 6. – С. 5–40.

Шмидт А.В., Служак И.В. Новый грунтовый могильник раннего железного века в Барнаульском Приобье // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – Вып. X. – С. 110–113.

- Шох В. Первые результаты палеоботанических исследований // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 250–254.
- Шульга П.И. К вопросу о планировке могильников скифского времени на Алтае // Скифо-сибирский мир. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1989. – Ч. II. – С. 41–44.
- Шульга П.И. Поселения раннего железного века в Горном Алтае: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово: б.и., 1990. – 16 с.
- Шульга П.И. Топография древних поселений Горного Алтая и методика их поиска // Охрана и исследование археологических памятников Алтая. – Барнаул: б.и., 1991. – С. 155–159.
- Шульга П.И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические и фольклорные источники по истории Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАНИИЯЛ, 1994. – С. 48–60.
- Шульга П.И. Поселение Элекмонар-4 на Средней Катунь // Известия лаборатории археологии. – №1. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1995. – С. 59–75.
- Шульга П.И. Поселение Чепош-2 на средней Катунь // Археология, антропология и этнография Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. – С. 106–123.
- Шульга П.И. Поселение Куротинский Лог-1 // Известия лаборатории археологии. – Вып. 2. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1997а. – С. 73–84.
- Шульга П.И. Погребальные конструкции скифского времени в долине р. Сентелек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. VIII. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997б. – С. 136–139.
- Шульга П.И. Новые материалы по культуре скифского времени северо-западных предгорий Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1997в. – Т. III. – С. 336–342.
- Шульга П.И. Курган караобинского типа на р. Урсул // Актуальные вопросы истории Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998а. – С. 272–278.
- Шульга П.И. Раннескифское погребение на р. Чарыш из могильника Чесноково-1 // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998б. – №3. – С. 58–69.
- Шульга П.И. Поселение Партизанская Катущка на Катунь // Древние поселения Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998в. – С. 146–164.
- Шульга П.И. Раннескифская упряжь VII – нач. VI вв. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1998г. – С. 25–49.
- Шульга П.И. О происхождении и раннем этапе развития пазырыкской культуры // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы международного симпозиума. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998д. – Т. 1. – С. 702–712.
- Шульга П.И. Древние скотоводы Горного Алтая (по материалам поселений) // Поселения: Среда, Культура, Социум. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998е. – С. 44–47.
- Шульга П.И. Группа раннескифских захоронений на реке Чарыш // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998ж. – Т. IV. – С. 379–385.
- Шульга П.И. Этнокультурная ситуация в Горном Алтае и северо-западных предгорьях в VII–III вв. до н.э. // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 245–250.
- Шульга П.И. Погребально-поминальный комплекс скифского времени на реке Сентелек // Древние святилища: археология ритуала и вопросы семантики. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2000. – С. 136–139.
- Шульга П.И. О «пирамидках» скифского времени на реке Чарыш // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. – Т. VII. – С. 485–489.
- Шульга П.И. Ранние наконечники стрел из курганов скифского времени на Алтае // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002а. – С. 43–61.
- Шульга П.И. О стилизованных образах орла и грифона VII–IV вв. до н.э. в Южной Сибири // История и культура Востока Азии. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2002б. – Т. II. – С. 170–175.

Шульга П.И. Снаряжение лошади по материалам раннескифского могильника Гилево-10 // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003а. – Кн. I. – С. 395–400.

Шульга П.И. Архитектура и семантика погребально-поминальных комплексов пазырыкской культуры // Степи Евразии в древности и средневековье. – СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003б. – Кн. II. – С. 191–194.

Шульга П.И. Орлы и грифоны скифского времени в Южной Сибири (разграничение и датировка образов) // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003в. – Кн. I. – С. 250–258.

Шульга П.И. Могильник Гилево-10 как памятник финала раннескифского времени // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2003г. – Т. IX. – Ч. I. – С. 521–527.

Шульга П.И. Могильник скифского времени Локоть-4а. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003д. – 204 с., ил.

Шульга П.И. О методике раскопок и погребальном обряде пазырыкской культуры // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2005. – Вып. 1. – С. 42–51.

Шульга П.И. Погребения эпохи энеолита-бронзы в долине Сентелека // Погребальные и поселенческие комплексы эпохи бронзы Горного Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006а. – С. 47–72.

Шульга П.И. О датировке и относительной хронологии памятников раннего этапа пазырыкской культуры // Современные проблемы археологии России. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2006б. – Т. II. – С. 72–74.

Шульга П.И. Вооружение на Алтае в VI–III вв. до н. э. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 142–156.

Шульга П.И., Гельмель Ю.И. Продолжение раскопок погребений пазырыкской культуры в долине Сентелека // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2002. – Т. VIII. – С. 509–515.

Шульга П.И., Гельмель Ю.И., Шульга Н.Ф. Курганы скифского времени у с. Куйбышево // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. X. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. – С. 105–109.

Шульга П.И., Демин М.А., Гельмель Ю.И., Ситников С.М., Шульга Н.Ф. Работы в долине реки Сентелек // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. XIII. – Барнаул: Изд-во Барнаульского гос. пед. ун-та, 2003. – С. 126–132.

Шульга П.И., Шульга Н.Ф. Аварийные раскопки в 2000 г. на могильниках Усть-Теплая и Гилево-10 // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Вып. XII. – Барнаул: Азбука, 2001. – С. 53–57.

Щербаков Ю.Г., Рослякова Н.В., Состав золотых и бронзовых изделий, источники металлов и способы их обработки // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2000. – С. 179–187.

Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья (археология и антропология могильников). – М.: б.и., 1996. – 186 с.

Bunker E.C. The Chinese Artifacts Among the Pazyryk Finds // Source. Notes in the History of Art. – 1991. – Vol. X. – No. 4. – P. 20–24.

Bunker E.C. Significant Changes in Iconography and Technology among Ancient China's Northwestern Pastoral Neighbors from the Fourth to the First Century B.C. // Bulletin of the Asia Institute. New Series. – Vol. 6. – 1992. – P. 99–115.

Haskins J.F. China and the Altai // Bulletin of the Asia Institute. New Series, Vol. 6, 1992. P. 1–9.

Ocir-Gorjaeva M.A. Pferdegeschirr aus Choseutovo. Skythisher Tierstil an der Unteren Wolga // Archäologie in Eurasien. – Berlin, 2005.

Source. Notes in the History of Art. – 1991. – Vol. X. – No. 4.

Calmeyer P. Zur Genese altiranischer Motive. IX. Die Verbreitung des westiranischen Zaumzeugs im Achamenidenreich. AMI 18. 1985; P. 125–144. taf. 38,3-50.

Kubarev V.D. Spiegel asiatischer Nomaden als religionsarchdologische Quelle (Зеркала кочевников Азии как источник по мифологии) // Eurasia antiqua. – Berlin, 1996. Band 2. – P. 319–345.

Список сокращений

- АГКМ (бывш. АККМ)** – Алтайский государственный краеведческий музей (Барнаул).
АГУ (ныне АлтГУ) – Алтайский государственный университет.
АИМК – Академия истории материальной культуры.
АН СССР – Академия наук Советского Союза.
АО – Археологические открытия.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БГПУ (бывш. БГПИ) – Барнаульский государственный педагогический университет.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет
ГАИГИ – Горно-Алтайский институт гуманитарных исследований.
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры.
ГАНИИИЯЛ (ныне ГАИГИ) – Горно-Алтайский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.
ГИМ – Государственный исторический музей.
ГЭ – Государственный Эрмитаж.
ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук.
ИА и Эт. СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.
ИИМК – Институт истории материальной культуры.
КСИА – Краткие сообщения Института археологии АН СССР.
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
РА – Российская археология.
РАСК – Региональная археологическая студенческая конференция.
СА – Советская археология.
САИ – Свод археологических источников.
СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа.
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук.
СЭ – Советская этнография.
ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа.

SUMMARY

Introduction.

This book's special feature is large number (18) of the published burial grounds stretching along the Ursul, the Katun and the Chuya from Tuekta up to the border with Mongolia (fig. 1). As a result one can see panorama of the basic territory where the Pasyryk culture was distributed. Among 55 barrows presented in the book (38 of them are published for the first time) there are no burial places of permafrost type like Pasyryk, Bashadar, Tuekta and Ukok. However, as for the number and importance of weaponry and horse equipment which simultaneously entered the scientific use this research is one of the most informative. The materials are considered on the general background of the Pasyryk culture. The special attention is given to chronology and period placement of the Pasyryk culture monuments.

Chapter 1. Cultural Identity, Dating and Period Placement

The Pasyryk Culture. General characteristic. Defining cultural identity of the published funeral complexes on the rivers Chuya and the Ursul, the authors proceed from the thesis of existence of united Pasyryk archeological culture on the territory of the Mountain Altai and adjoining part of East Kazakhstan, the culture that occupied convenient for half-nomadic cattle breeding steppe territory of the Mountain Altai (in borders of the Altai Republic) and the Eastern Kazakhstan up to the Tarbagataiskii Ridge and the Irtysh.

Among barrows of the Pasyryk culture there are two basic types of burials: authentically Pasyryk (in wooden frame, frequently with a horse) and Karakobinskii (in a stone box, without horse burial). It is believed that behind those types there were various ethnic groups of population that lived alternately and quite peacefully coexisted on all the territory of the Mountain Altai. All of them buried the dead with the head to the East, and placed the same stock into the burial. In most of the published kurgans of the Chuya and the Ursul the burial places are accomplished according to the authentic Pasyryk ceremony (fig. 3; 4; 26-30; 34-41). In some of them there are no horse burials, but their absence in one or several kurgans even in «pure» Pasyryk chains is a usual phenomenon. The presented Karakobinskii burials also differ from each other (fig. 17; 18; 25; 32; 46; 48; 49), which was caused both by chronology and other cultures' influence. Barrows 21 and 27 from the Balyk-Sooka-1 (fig. 11-14) built in the first half of the VI-th century B.C., even before the formation of the Pasyryk culture. They belong to the presently unexplored group of the population which came to the Mountain Altai from the adjoining plain.

Chronology and period placement of the Pasyryk culture. Until recently the chronology of Pasyryk culture monuments was considered as the most developed, but in late 10-15 years the situation has essentially changed. The firm Pasyryk dates and connected with them dendro-scale of Bashadar-2 and Tuekta-1,2 (Source, 1991) have been revised. According to new radiocarbon dates all group of five big kurgans of Pasyryk has been dated about 300-250 B.C. (Eurasia in Scythian ..., 2005, pp. 79-82, 215). However, this chronology in many respects is not coordinated with archeological material.

The chronology of the Pasyryk culture monuments suggested in the book is based on the assumption about *existence of well-distinct, consecutively exchanging each other material complexes of horse equipment, belt accessories, weaponry, adornments and things of art belonging to nomads to the east from the Urals since the VII-th century B.C.* The basis of dating is horse equipment and also belt accessories which can be considered *as a part of united simultaneously existing sacral complex consisting of equipment of a horse and a horseman.* This approach allows to date numerous complexes outside Altai where there is no horse equipment, but there are details of belts. Starting points of absolute chronology are: 1) final stage of the Early Scythian culture – the edge of the VII-VI-th centuries B.C. (Arzhan-2, probably, Gilyovo-10); 2) the time of stopping use of harness sets with strap dividers – about middle V-th century B.C. (Calmeyer, 1985; Иванчик, 2001, pp. 81-97; Anderson,

2006; Таиров, 2004a); 3) the time of decline of the Pasyryk culture – about the edge of the IIIrd-IIrd centuries B.C., determined by the absence of Hunn type products even in the latest Pasyryk burials.

In frames of the Pasyryk culture there is an early stage (Pre-bashadarskii and Bashadarskii periods) and a late stage. The **Pre-bashadarskii period** (the middle of the VIth – the first half of the Vth centuries B.C.) is characterized by special harness, belt accessories, arms and ornaments. At that time in Altai, as well as in other territories to the east from the Urals, the design of Early Scythian bridle with dividers, doublers, circular or semicircular pronizkas (ringlets), chumbur (long rein) blocks and fasteners of chin straps (fig. 80), belt accessories with carved holders, semicircular pronizkas (ringlets), massive vorvorkas (fasteners), kostylyoks (fasteners on the belt), specific quiver hooks and fasteners from wild boar fangs and from horn with lateral apertures (fig. 71. – 9–19) was almost completely kept. The weaponry is characterized by daggers with butterfly-like crossing, «grif-fon» and bar-like pomme (fig. 64), original bronze and horn tower- and bullet-like arrow tips (fig. 68; 69). Knives frequently have curved head and ring-like pomme (fig. 61. – 2–5; 82. – 8). Mirrors are massive, frequently with long handle and sometimes with an eyelet on the back since Early Scythian time (fig. 62. – 1–4). From ornaments the chronological indicators are earrings with a small perpendicular ringlet (or without a ringlet) on which a chain (fig. 62. – 13, 14; 82. – 5) and flat beads with angular drilling were frequently suspended. The animal style has its own features.

The **Bashadarskii period** (about second half of the Vth century B.C.) Basic monuments – Bashadar-2, Tuekta-1,2. The dating harness accessories in Bashadar-2 and Tuekta-1 are bronze saddle-girth buckles/clasps, chumbur (long rein) blocks, and also semicircular iron pronizkas (ringlets) in Bashadar-2, similar to the found in Ala-Gail-3 and Borotal-1 (fig. 30; 34; 39; 76). The design of a bridle is not transitive (like Early Scythian) type and similar to the found in Pasyryk (fig. 77; 78. – 3, 4). The belt accessories, the stock, the weaponry and animal style have their own features (fig. 64; 68; 69, etc.).

The **Late Pasyryk stage** (approximately IV-III centuries B.C.) The majority of monuments of the late stage are characterized by uniformity of the stock material and funeral ceremonies (fig. 61. – 10–19; 62. – 9–12; 69; 75. – 11–18; 77). The brightest monuments are the big kurgans from the natural boundary of Pazyryk, Bereli, and also from the upper Chaya and Ukok. The elite kurgans of Shibe, Katanda, Bashadar-1, etc. can be added here. One of the earliest representative monuments are barrows from Ukok (Ak-Alakha-1,3; Verkh-Kaljin-1; Verkh-Kaljin-2, c. 3; Kuturguntas). The complexes of later datings than Pasyryk-5,6 are not distinguished authentically.

According to the available data, the chronological gap between Tuekta-1 and later barrows of and Pasyryk-2 is considered (by dendro-scale) to be not 130 years but much less – about 60–70 years. In this case *the Pasyryk kurgans could be dated about 350-300 B.C.* E.S. Banker's opinion of dating Pasyryk-3,5,6 not earlier than the end of the IVth century B.C., within late IVth–IIIrd centuries B.C. does not contradict this assumption (Bunker, 1991, p. 23). This chronological interval concerns only the late group of the Pazyryk barrows, but the dating of the Chinese mirror not earlier than 311 B.C. shows only presence in the Pasyryk culture of barrows of late IVth–IIIrd centuries B.C.

Chronology of the published kurgans of the Chuya and the Ursul. Transitive time (first half of VI century B.C.) – barrows 21 and 27 from Balyk-Kuka-1 (fig. 11–14; 68; 69; 71). Early Pasyryk stage (second half of the VI-V centuries B.C.). The barrows of Kor-Kechu (fig. 18 concern; 19); Ala-Gail-3, k. 5, probably 2 (fig. 26; 27), Ala-Gail, k. 19, 23 (fig. 31; 32); Ulalinka (fig. 82) belong to the Pre-bashadarskii period. The barrows Terbedok k. 2, probably 1 (fig. 22); Ala-Gail-3, k. 11 (fig. 30); Borotal-1, k. 7, 82, 99, 100, 102 (fig. 34–41) belong to the Bashadarskii period. The **late Pasyryk stage** (IV–III centuries B.C.) This stage includes the majority of other barrows, many of which contain amorphous material. There are not any special features in the stock and funeral ceremony pointing to the presence of some special final group among the published barrows. The brightest are barrows 1 and 3 from Balyk-Sooka-1 (fig. 3–10) chronologically close to Pasyryk-1,2, but they might be a little older.

Chapter 2. Funeral Ceremony

Spacial distribution of the burial grounds of the Pasyryk culture. Practically all published barrows from the burial grounds of the Chuya and Ursul are located in special for the Pasyryk culture chains and micro-chains most of which have meridian orientation (fig. 2; 25; 57, etc.). The chain of Pasyryk kurgans copied the really existing settlements with the dwellings of relatives arranged in a line. Accordingly, the chain of burials (kurgans) was regarded in ancient time as a line of relatives (sometimes conditional relatives) located in that way in real life, in time and in the other world. From the east side of the barrows, as well as at the dwellings of nomads there were a line of stone balbals (vertical stones) – symbolical tether at the house of the dead (fig. 60. – 1). Besides, the chains of consistently erected barrows were also monumental annals of the sequence of events, marks of history of a family, a clan, a tribe, and often of the people who lived there later and were not connected by blood with the predecessors.

Chains, as a rule, were formed by a consecutive construction of barrows from the south to the north. The similar lay-out can be found on the plain in synchronous barrows-cemeteries of the Kamenskaya culture (fig. 58), but some tombs there were often intermediate stage in the formation of more complex cross-like and circular lay-out (fig. 58. – 4, 5, 7, 9). The Pasyryk one was much easier – it as though stopped in the development. Interposition and orientation of barrows in the Pasyryko a chain (microchain) were planned initially during the first burial, the same way as in the Kamenskaya culture. Meridian orientation of chains of the barrows and the real dwellings of nomads could symbolize the direction to the world mountain situated in the north, a reference point to which was the polar or some other star. In some cases the Pasyryk chains deviated as influenced by the landscape (by the direction of a mountain ridge, the river, etc.) the same way as it was in the settlements of nomads.

The direction of barrow chain never influenced the line along which a tomb, dead person and cult constructions (balbals and ring-shaped stone constructions) were situated it was always perpendicular to the long axis of barrows chain (fig. 57). This «principle of perpendicularity» since ancient time was inherent both to burial grounds, and settlements with a linear lay-out of stationary dwellings or yurtas of nomads.

About interposition of burial grounds and settlements of the Pasyryk culture. According to the available data, the settlements of Pasyryk people were situated (as earlier Afanasiev and later sites of medieval and modern cattlemen) at hillsides in broad gullies where it was possible to find shelter with the cattle in bad weather, it was, as a rule, in the same places (fig. 59). Nearby, between the settlements and the river on winter pastures there were also burial grounds (fig. 59). The widespread custom of nomadic peoples to arrange burial grounds on winter pastures is not by chance as their life and well-being depended on the sites, suitable for winter cattle pasture. A kurgan or a cemetery was visible and recognized “certificate” of the rights of kinship group (including conditional relatives) for the territory.

Funeral and memorial constructions. In the Pasyryk culture there existed a complex, stretched for decades funeral ceremony which included preparation of the dead for burial (mummification, secondary burials, etc.) and the subsequent actions: filling the sepulchral pit, erection of tomb constructions, creation of additional memorial (cult) constructions (ring stone constructions, «balbals», etc.). After erection of kurgan the tomb could remain accessible through the passages to the additional burials. After the memorial ceremonies, the process of changing kurgan’s mound and the burial ground did not stop – stone constructions, situated on the inclined surfaces, continued to change due both to natural destruction and mound drift (the tomb remained on its place) downhill.

Sepulchral pits and kurgan mounds. There was one tomb in the center of the kurgan mound in the Pasyryk culture. The majority of «ordinary» tombs with burials in the shape of a log house are formed as almost a square. Organizers of burial places of the Scythian time in Altai proceeded not from the volume of the moved ground, stone and wood but from concrete significant sacral parameters. *The length of a tomb had special value. In Altai in the VIth-IIIrd centuries B.C. when preparing the burial the length of a tomb was determined according to the social position of the dead: about 1.6*

meter (group 1); 2 m (group 2); 2.2–2.4 m (group 3), 2.6–2.8 m (group 4), 3 m (group 5), 3.2–3.4 m (group 6) and more. The sizes and proportions of the Pasyryk tombs did not depend on the number of the dead people and buried later horses (compare fig. 40, 42 and 44–48). The relation of tomb length to its width differed depending on the cultural identity. Tomb depth is frequently equal to its length. When organizing a tomb the size of kurgan's mound was determined, and constant interrelation can be found between tomb and mound sizes.

Chapter 3. Inventory

Knives. The knives in burials of the Pasyryk culture are always placed not at the belt but near sheep vertebrae on a wooden dish or near it in the household half of the funeral chamber (fig. 18; 26). The number of knives corresponded to the number of the dead. In the published 57 barrows of the Chuya and Ursul there were found more than 28 iron and 8 bronze knives. There are pictures of 24 (fig. 61) – six bronze and 18 iron knives. At the early stage there are mostly bronze knives with curved butt (fig. 61. – 2–9), at the late – mostly iron, frequently with ring-like pommel (fig. 61. – 10–19). Ножны as a leather cover were kept only at one bronze knife (fig. 22. – 5).

Vessels. Characteristic feature of the Pasyryk culture funeral ceremony is placing in the burials of ceramic and wooden (fig. 51. – 4, 5) vessels, including wooden dishes in the form of little tables, sometimes with bronze foundations on the legs (fig. 5; 6. – 6). They were located in the northern household half of the funeral chamber next to sacrificial food and knives. The number of ceramic vessels usually corresponds to the number of the dead. Ceramic vessels, except for jars and pots from kurgan mounds (fig. 42. – 10, 11; 44. – 9, 10), were sacral, were not used for household needs and can be seldom found in the settlements.

Bronze nails. They are a distinctive feature of the Pasyryk culture. The size of nails depends on their function (fig. 61. – 21–25). Large massive nails, up to 18 cm in length, as a rule, were inserted from above into specially cut grooves on the end faces of log coffins' covers. Nails of average size (5 cm in length) served for nailing draperies on the walls of burials in the form of a log house and a log coffin.

Mirrors. In the published kurgans there were found 13 bronze mirrors (fig. 62). Almost all of them were found in the kurgans with “log houses”. The earliest of the published mirrors are a remarkable mirror with unusually wide bimetallic handle from Balyk-Sook-1 (k. 27); a mirror 9,2 cm in diameter with an eyelet on the back from Ala-Gail with scratched image (fig. 32. – 3); a mirror with a small handle from Borotal-1 (fig. 41. – 5); and also a small (diameter of 4,7 cm) but rather massive mirror with looped handle shaped as a trunk of an ungulate animal (fig. 31. – 7, 8). Small diameter mirrors are from rather late burials (fig. 62. – 9–12). The brightest find is a unique bronze mirror of 1st half of the VIth century B.C. made of tin bronze in the Balyk-Sook-1 (fig. 14. – 1).

Earrings. The earliest gold earrings with pendants from Balyk-Sook-1 dated the first half of the VIth century B.C. are the most complex (fig. 14. – 2, 3). Kurgan Kor-Kechu with silver earring with a small soldered perpendicular ringlet (fig. 18. – 7) is dated within the second half of the VIth century B.C. Typical for Altai eight-shaped earrings from Kalbak-Tasha and Borotal-3 are dated as later time (fig. 20. – 4; 44. – 12).

Chapter 4. Armour

In the funeral complexes of the Mountain Altai of the VIth-IIIrd centuries B.C. (as in the Tagarskaya culture and in Tuva) the overwhelming quantity of the presented weapons are conditional models from bronze and even wood (fig. 63). The later the burial place is dated and the lower the social status of the buried, the more monotonous becomes the armour, the items become more and more fine and amorphous and in some cases made not of bronze but wood. In real life a weapon complex of the Pasyryk culture seems to have been considerably richer and more variable.

Daggers. In the published complexes more than 16 daggers were revealed. Ten daggers were found complete or with small losses (fig. 63). One more symbolical «dagger» was forged out

of a bronze knife (fig. 63. – 7). Concerning size and material out of 15 daggers all four iron ones (fig. 64. – 8–10, 15) and a dagger with bronze handle and iron blade with tang (fig. 63. – 1) belong to real offencing arms. A series of archaic knives of the VIIIth-VIIth centuries B.C. are of special interest, they were located into the Pasyryk kurgans of the Upper Chuya only as daggers on the belts of the dead (fig. 66. – 1–9).

Scabbards. In the published kurgans of the Chuya and the Ursul there were found scabbards of four basic types (fig. 73; 74). Special interest is aroused by intact leather scabbards of the third type (fig. 19; 73. – 6, 7), and also leather-covered wooden scabbard of the fourth type for a fighting iron dagger (fig. 37. – 1; 73). Alongside with Pasyryk scabbards with median vanes (fig. 74. – 9, 12), there already existed scabbards without vanes on the adjoining plain in the second half of the VIth-Vth centuries B.C., they were fastened to the leg in a similar to Saksii way through the end of scabbards or an aperture in the tip (fig. 74. – 1–3, 13–16). Mixture of both traditions resulted in occurrence of original variants (fig. 74. – 5, 6).

Chekans. Chekan was one of basic kinds of weapon in Sayano-Altai, it had the same function as a sword in the western territories. Fighting chekans were fixed on a wooden handle (fig. 16; 24) 70-80 cm in length. They had in a full set sharpened iron or bronze vtok, which served for stabbing/striking (fig. 37. – 5; 38. – 6). In the published complexes there are 11 chekans: two fighting iron ones with *втоками*, the rest are reduced and miniature bronze models (fig. 67. – 1,2). Almost all chekans are with loops, which is typical for chekans of the VIth-IIIrd centuries B.C. from the Mountain Altai, Tuva and Mongolia, whereas in the adjoining from the West and the North Kamenskaya and Tagarskaya cultures they are with sockets.

Arrowheads. Overwhelming number of arrowheads from the burial places of the Pasyryk culture are made of horn. Bronze arrowheads in Pasyryk kurgans are rare (fig. 68. – 6), and iron ones haven't been found yet, which does not mean the absence of the latter in the armour of Pasyryk people. A similar situation is in the published complexes of the Chuya and the Ursul. Out of 51 arrowheads found there 46 are horn and five are bronze. Only two bronze arrowheads from the elite kurgan 7 in the burial ground Borotal-1 (fig. 34. – 2) belong to the Pasyryk culture, other three bronze ones come from another culture kurgan 27 of the first half of the VIth century B.C. in the burial ground Balyk-Sook-1 (fig. 12. – 12–14).

Chapter 5. Belts and belt accessories

Early Scythian plaque-decorated belts with remnants of leather belt from Gilyovo-10 (fig. 72. – 1, 2) allow to understand Pasyryk belts arrangement and the peculiarities of evolution and functions of belt accessories (as well as horse equipment). Both of those belts were intended for carrying quivers with arrows and maybe bow quivers as in Arzhan-2. Besides them there were almost undecorated belts for carrying daggers. In the Early Scythian time there existed specific strap belts (fig. 72.–3). In the Pasyryk culture (fig. 72. – 10) undecorated belts for carrying a dagger under a short fur coat were also used. Plaque-decorated belts with bronze and iron accessories and metal plaques (fig. 71), which could be replaced in burial by wooden models (fig. 52), were worn over the fur coat. A quiver (*gorit*) was suspended on the belt on the left, and on the right a chekan could be placed (fig. 72. – 10). Different from cultures of the Upper Ob, Tuva and Mongolia, Pasyryk belts did not have girdle clasp (fig. 72.–4), and were fastened by special straps by means of a metal plaque with an aperture (fig. 71. – 20. – 28; 72. – 5, 6), as it was common in the Early Scythian time (fig. 72. – 1–3).

Chapter 6. Equipment of the Saddle Horse in the Pasyryk Culture

Harness of the Early Scythian time (VIIth century B.C.). Due to remarkable safety of organic remnants in permafrost Pasyryk kurgans, and to the finds of rich bronze harness sets with the oxidized belts in the North-West Altai, *equipment of the saddle horse of the VIIth-IIIrd centuries B.C. in Altai is represented incomparably better than in other regions of Eurasia and is considered referential for this territory.*

It is stated that the main principles of harness arrangement from Ural to China in the VIth-IIIrd centuries B.C. were established in the Early Scythian time (VIth century B.C.). Belt basis of Early Scythian harness corresponded to the one found in permafrost kurgans of the Pasyryk culture (fig. 77–80). **The bridle** consisted of 1) two crownpiece belts that began in the top apertures of cheek pieces and were connected by vorvorka (fastener) or a knot at the left on the back of the horse's neck (fig. 79. – 1, 2, 4); 2) two throat lashes (long right and short left) connected by a special fastener at the left (fig. 79. – 1, 4); 3) noseband, the ends of which were inserted into the bottom apertures of cheek pieces (fig. 79. – 4). The bits were attached to three-hole cheek pieces or were put on a special extension (fig. 79). The belt of rein was fastened to the rings of the bit on the right, and chumbur (long rein) was fastened on the left. There was no browband (fig. 79). **Saddle belts** included a chest-piece with two withers belts, and also two belly-bands - wide top and narrow bottom (fig. 79. – 3a; 78). According to the data there were saddles consisting of two pillows and under-tail belts. Belts were connected by vorvorkas and fasteners and were decorated with a plenty of ringlets (fig. 79). On the belly belts there were three details: on the left – a belly-band buckle (with the peg downwards) on the wide top belt; a block on the narrow bottom belt (fig. 78. – 1); on the right these belts were connected by a large metal plate – a fastener (fig. 79.2, 3a). The saddle accessories, except for flat ringlets of under-tail belts was not found. Horses were saddled from the left.

In the kurgans of the Chuya and the Ursul the details of horse equipment were found in 18 of 57 burial places. Seven of them belong to Early Pasyryk stage, the rest – to the Late Pasyryk stage.

Equipment of the saddle horse of the Pre-bashadarskii period of the Early Pasyryk stage (middle of the VIth - middle of the Vth centuries B.C.). In the horse equipment of the VIth century B.C. from the Southern Ural and up to China the features of the Early Scythian harnesses continue to be kept, and rather standard set of details (fig. 80) is formed. The bridle of the Pre-bashadarskii period was equipped with bronze and horn details: two cheek pieces inserted in the bits (fig. 80. – 1, 21, 25); four dividers of the crossing belts (fig. 80. – 7, 8; 23); two dividers (fig. 80. – 4, 22); semicircular, oval (rarely circular) ringlets (fig. 80. – 9, 24, 24); chumbur (long rein) blocks (fig. 80. – 2). Nose pendants and fasteners of throat latch are seldom found in Altai. Forehead metal plates are absent. Only a modified belly-band buckle and a block have remained from the saddle accessories of the Early Scythian time (fig. 80. – 10, 18, 19), but there are saddles with horn metal plates and overlays similar to the found in the later barrows of Ala-Gail-3, Borotal-1 and Chendek-6a (fig. 30; 39; 81).

Equipment of the saddle horse of the Bashadarskii period (about second half of the Vth century B.C.). About the middle of the Vth century B.C. the kept Early Scythian tradition in harness accessories (fig. 80) disappears completely. The belt basis of the ceremonial funeral Pasyryk harness starts to be closed completely by various nonfunctional wooden plates, slats and other products (fig. 78. – 3), but in daily life an ordinary shepherd, hunter and even a noble soldier (fig. 78. – 1) used a simple harness as in the Early Scythian time, which is shown by all known images of the Scythian time (also fig. 72. – 7; 78. – 2).

The harness of the Bashadarskii period is presented in the five published kurgans of the Chuya and the Ursul: Ala-Gail-3, 11 (fig. 27; 30); Borotal-1, k. 7, 82, 99, 100 (fig. 34; 36; 39; 40). Almost all of them are accompanied by the dated stock. Doubtless «gem» of the published collection is the horn sets from Ala-Gail-3 (k. 11) and Borotal-1 (k. 99).

The harness of the Late Pasyryk stage (IVth - IIIrd centuries B.C.). The horse equipment of this stage is wonderfully presented in the kurgans of Pasyryk, Ukok, the Upper Chuya and Berel, it is truly considered the standard for reconstruction of the harness of the Scythian time for the territories of Eurasia (fig. 77; 78. – 3, 4), but almost all ornaments were made for burial. Only belt basis and iron bits are genuine (fig. 75. – 11–18). Even horn belly-band buckles and blocks are seldom found in the burials (fig. 76. – 11). The exception is rare horn sets used in real life (fig. 81), and also kurgan 3 of Balyk-Sooka-1 where besides plenty of gold foil, remnants of unique nagrivnik (mane case) with images of cocks and of cheprak (horse-cloth under the saddle) decorated with horse brasses were found (fig. 4–10).

*Перевод с русского на английский
выполнен О.М. Казаковой*

Курганы в бассейне Урсула

Балык-Соок-1, 2

В 1985–1986 гг. Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН в Онгудайском районе Горно-Алтайской автономной области (ныне Республика Алтай) под руководством В.Д. Кубарева проводились раскопки большой курганной группы, расположенной в устье р. Куроты (левый приток Урсула) у подножия горной гряды (рис. 1; 2). Комплекс насчитывал около 50 разнообразных по конструкции каменных погребально-поминальных сооружений. Во время раскопок археологические памятники с востока и запада были окружены распаханными полями, а с юга ограничены полотном Чуйского тракта (628 км от Новосибирска) – главной транспортной магистрали, соединяющей Россию с Монголией (рис. 2). Это небольшое по площади урочище местные жители называют Балык-Соок («Рыбья Кость» – алт.). Ранее здесь уже были раскопаны курганы и древнетюркские ритуальные сооружения (Суразаков, 1990, с. 68) с одним каменным изваянием (Кубарев, Кочеев, 1988, табл. VII, 13). На левом берегу Куроты С.В. Киселевым было исследовано несколько курганов афанасьевской культуры (Киселев, 1951, с. 530). Основная часть курганов сосредоточена в двух крупных могильниках: Балык-Соок-1 (14 объектов) и Балык-Соок-2 (34 объекта). Основу могильника Балык-Соок-1 составляют шесть расположенных в меридиональную цепочку больших каменных курганов пазырыкской культуры, хорошо заметных по обширным участкам незадернованных каменных насыпей (рис. 2). К юго-востоку от них сохранились отдельные каменные стелы-балбалы. Так, от кургана 2 на расстоянии 25–30 м обнаружено три крупных балбала высотой 1–1,5 м. Два из них повалены, третий стоит. К этому кургану с С и Ю было пристроены раскопанные в 1985 г. В.Д. Кубаревым малые курганы 1 и 3. С восточной стороны параллельно пазырыкским курганам располагалась неровная прерывистая цепочка из 10–15 каменных курганов древнетюркского времени. Диаметр курганов 5–12 м, насыпи сильно задернованы, поросли кустарником. Отдельные курганы, возможно, являются полуразрушенными древнетюркскими поминальными сооружениями.

В общей сложности на могильнике Балык-Соок-1 в 1985 г. исследовано 11 курганов: 1, 3 – скифского времени; 9–12, 14, 15, 18, 19, 23 – древнетюркской эпохи. В 1986 г. в Балык-Сооке раскопано четыре кургана: один (к. 1) – в Балык-Сооке-2; три (к. 21, 27, 34) – в Балык-Сооке-1. Археологическим находкам из двух исследованных курганов Балык-Соока (21, 27), с так называемыми диагональными погребениями, посвящена отдельная статья одного из авторов этой книги (Кубарев, 2002).

Балык-Соок-1

На могильнике исследовано четыре кургана. Два из них (1 и 3) примыкали с севера и с юга к большому пазырыкскому кургану 2 и также относятся к пазырыкской культуре. Два других кургана инокультурные (21 и 27) и более ранние. Они находились между цепочками элитных курганов (рис. 2).

Курган 1 (рис. 3). Насыпь округлой в плане формы, диаметром 11 м, высотой около 1 м. Сложена крупными глыбами рваного камня (30–40 см в поперечнике) и мелким щебнем, взятым, очевидно, из насыпи соседнего большого кургана 2. Сильно задернована и поросла диким крыжовником. В центре кургана глубокая (до 1–1,2 м) могильная западина воронкообразной

формы. В ней трупы ягнят, скелеты овец, битое стекло, различные металлические предметы, т.е. на кургане была устроена современная свалка и скотомогильник.

Могильная яма подпрямоугольной в плане формы, несколько смещенная от центра насыпи к юго-востоку, имела размеры: 2,8x2,4, глубину – 3,5 м. Ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ. В заполнении ямы, состоявшем в основном из супеси с мелким щебнем, редко встречались обломки дерева, отдельные древесные угли, несколько обломанных костей животных. При выборке ямы выяснилось, что в ее юго-восточной части был заложен грабительский лаз, заполненный гумусом и крупными камнями. Он шел вертикально «колодцем» до самого дна ямы.

На глубине 305–330 см в северной части расчищен костяк лошади, завалившейся на правый бок, т.е. в сторону раздавленного лиственничного сруба (рис. 3. – 2). Череп лошади был пробит чеканом. В челюстях находились железные двусоставные удила (рис. 3. – 5) с остатками деревянных псалий, покрытых листовым золотом. Обрывки листового золота и отдельные бляшки из тонких бронзовых листков, крытых золотом, в большом числе найдены в области крестцовых позвонков лошади, в том числе фрагменты от двух-трех крупных накладок диаметром 7–8 см (рис. 3. – 14). Возможно, это были украшения чепрака или седла лошади. Один фрагмент орнаментированной валиками бронзовой пластинки (рис. 3. – 18) похож на крылья петухов от нагривника из кургана 3 (рис. 9; 10).

В южной половине ямы, на глубине 3,4–3,5 м, обнаружены остатки раздавленного сруба из лиственничных плах. Размеры сруба 2x1,5 м, зафиксированная высота не более 10–15 см. Рублен в обло с остатком, в один венец. В юго-западном углу сруба, на перекрестии продольных и поперечных плах, найдены два бронзовых гвоздя (рис. 3. – 20, 21), бронзовые пронизи-трубочки и обрывки золотых листков (рис. 3. – 15). В юго-восточной части сруба, а также у восточной стенки ямы (поверх сруба и в заполнении ямы) разбросаны фрагменты двух высоких узкогорлых кувшинов темно-красного цвета (рис. 3. – 3, 4). По всей площади сруба находились разрозненные и сломанные кости человека (обломки черепа в юго-западном углу сруба, локтевая и малая берцовая, и т.д.). Согласно определениям, череп принадлежал мужчине 23–25 лет (Чикишева, 2003, с. 274), но присутствие зеркала и двух кувшинов позволяет предполагать и наличие женщины. По всей площади сруба часто встречались обрывки золотых листков, а также отдельные золотые бляшки полусферической формы на бронзовой основе (рис. 3. – 8–13, 16, 17, 19). У южной стенки ямы зафиксировано бронзовое зеркало (рис. 3. – 6) рукоятью вниз. Все перечисленные находки располагались на одном уровне – на полу сруба или на дне ямы.

Дно сруба было выстлано продольно уложенными плахами, от которых сохранились только следы древнего тлена.

Курган 3 (рис. 4). Примыкал с юга к элитному кургану 2 (рис. 2). Насыпь была едва различима из-за сильной задернованности и угадывалась по неглубокой (до 30–40 см) могильной западине чашевидной формы. Насыпь округлой в плане формы не менее 8 м диаметром, высотой не более 30–40 см над древней поверхностью. Сложена в основном крупными камнями, особенно выделяющимися в южной ее части – северная же заполнена крупным щебнем, взятым, очевидно, с насыпи соседнего кургана 2.

После снятия насыпи четко обозначилось гумусированное пятно могильной ямы, подпрямоугольной в плане, размерами: В-З – 3,5 м, С-Ю – 3,7 м, глубиной 3,2 м. В основном в заполнении глина с крупным щебнем. По центру ямы четко различается черное гумусированное пятно с включением крупных камней. Оно округлой в плане формы диаметром около 1,5 м (на уровне древней поверхности). На глубине 2–2,5 м пятно сузилось до 60–90 см в поперечнике. Как выяснилось, это был древний грабительский лаз. В заполнении его встречались фрагменты дерева, обломки керамического сосуда, древесные угли и обрывки золотых листков. На глубине около 2 м глина оказалась сырой, вязкой, местами проступала вода.

В северной части ямы на глубине 3,05 м расчищен костяк лошади (рис. 4. – 2), в положении на брюхе, с поджатыми под него передними и задними ногами, черепом на восток (вдоль северной стенки ямы). В челюстях находились остатки железных удил (рис. 4. – 7), вокруг черепа обрывки золотых листков от несохранившихся деревянных украшений узды, типа найденных на нагруднике (рис. 8. – 1–7). На лопатках лошади обломанная роговая подпружная пряжка или блок (рис. 4. – 6). Особенно много фрагментарных золотых листков и бронзовых пластинок найдено в области лопаток и передних ног. Бронзовые пластинки со штампованными изображениями и фрагменты толстой золотой фольги происходили от примерно 20 изображений петухов, украшавших нагрудник лошади (рис. 9; 10). Здесь же под действием мерзлотной линзы элитного кургана 2 полностью сохранились замечательные крытые золотой фольгой деревянные подвески нагрудника в виде своеобразных грифонов, «хвосты» которых заканчиваются цветами лотоса (рис. 8. – 1–7). В районе спины лошади находилось не менее 100 экземпляров (достоверно в коллекции учтен 91 экз.) круглых нашивных бляшек диаметром около 12 мм, изготовленных из плохо сохранившегося тонкого бронзового листа и крытых золотой фольгой (рис. 8. – 39, 40). Бляшки располагались на костяке лошади рядами, вероятно, по периметру чепрака прямоугольной формы. Всего на костяке лошади найдено около 200 фрагментов золотой фольги, часть из которых сохранили форму изделий и некоторые изображения (рис. 8).

Основную часть ямы занимали остатки лиственничного сруба, обнаруженные на глубине 3,05–3,1 м. Он рублен в обло с остатком, в 3–4 венца. Сохранность сруба настолько плохая, что прослеживаются только его очертания по темно-коричневому древесному тлену. Приблизительные размеры 2,6х2,5 м. Высота его, вероятно, была значительной (до 1 м и выше), если судить по каменной забутовке вокруг трех сторон сруба.

Вдоль западной стороны сруба, ближе к юго-западному углу, найдено четыре бронзовых гвоздика. Еще несколько таких же гвоздей обнаружено в основании грабительского лаза и вдоль восточной стороны сруба. Всего этих малых гвоздиков длиной от 2 до 3,4 см найдено 16 экз. (рис. 4. – 9–13).

Грабительский лаз пришелся точно на середину сруба, где на остатках пола найдены обломки кувшина (?), большое количество относительно толстой хорошего качества золотой фольги и отдельные мелкие чешуйки ярко-красного лака. Из общего количества фрагментов золотой фольги (более 700 экз.) вычлениются изделия от головного убора – обкладки рогов оленя (рис. 7. – 13–15, 31–34, 39–40) и стилизованных грифонов (рис. 7. – 17–22). Последние, по всей видимости, располагались по околышу, как это зафиксировано в Ак-Алахе-1 и Локте-4а (Полосьмак, 1994, рис. 34, 38; 2001; Шульга, 2003, рис. 56). Следует отметить, что обкладки рогов оленей не объемные и удерживались за счет клея, а некоторые аппликации с головного убора дополнительно имели отверстия для пришивания. К украшениям одежды помимо золотой фольги (рис. 4. – 3–5; 7) относятся ажурные бронзовые изделия, обложенные золотой фольгой с отверстиями для пришивания (рис. 7. – 1–12). В «хозяйственной половине» погребальной камеры у развала сосуда, на месте традиционного нахождения деревянного блюда-столика компактно лежали четыре замечательных бронзовых основания ножек столика (рис. 4. – 2; 5; 6). Рядом с ними обломок железного стержня, частично покрытого листовым золотом. Несколько подобных же железных обломков, в том числе стержень с развилкой на конце, (подходящих друг к другу по изломам) найдено на полу сруба, ближе к западной стороне сруба. Все они являются частями скреплявшей прическу женщины «шпильки» (рис. 4. – 8), подобной найденным во Втором и Пятом Пазырыкских курганах (Руденко, 1953, с. 130). Длина «шпильки» не менее 30–35 см. Развилка и примыкавшая часть стержня не менее чем на десять сантиметров покрыты золотой фольгой. Части стержня без позолоты, очевидно, происходят из его нижней части. Эта находка свидетельствует о нахождении в погребении женщины, от костяка которой сохранилось всего несколько мельчайших обломков черепа и костей рук. Там

же был захоронен и ребенок 3–4 лет (Чижишева, 2003, с. 274). Обломки человеческих костей найдены в основном в южной половине сруба.

Пол сруба было полностью выстлан тонкими досками в продольном направлении. От них сохранились только следы в виде древесного тлена. Дно ямы выровнено и выложено в один слой плоскими гальками и сланцевыми плитками, тщательно подогнанными друг к другу. Под ними, т.е. непосредственно на материковой глине, отмечено большое число древесных углей. Стенки ямы со всех четырех сторон прокалены на высоту до 40–50 см от дна ямы. В северной части ямы (глубина 3,2 м), на ее дне, отмечен мерзлый грунт, который является краем мерзлотной линзы соседнего большого кургана 2 (рис. 2).

Курганы 21 и 27. Находятся примерно посередине между цепочками больших курганов Балык-Соок-1 и Балык-Соок-2. От пазырыкских курганов они отличаются по внешнему виду, хронологически и в культурном отношении. Насыпи расположены по линии ЮЮВ-ССЗ на расстоянии около 35 друг от друга (рис. 2).

Курган 21. Насыпь кургана представляла собой слабо заметную сложенную из мелкого галечника и рваных камней почти полностью задернованную кольцевую выкладку диаметром 15 м, шириной около 3 м, высотой от древней поверхности не более 25–30 см (рис. 11. – 1). На поверхности выкладки местами выступали вертикально расположенные рваные камни. В пределах кольца хорошо прослеживалась лишенная камней округлая западина диаметром около 8 м, глубиной 20 см, без видимой грабительской воронки.

После снятия насыпи в центре выявлено округлое могильное пятно диаметром около 5 м. Несколько ниже могильная яма приобрела очертания квадрата, ориентированного углами по странам света размерами около 4,6х4,6 м. Глубина ямы составила 6,5 м от уровня современной поверхности. В верхней части заполнения прослеживался чистый гумус без всяких включений. На глубине 1,2–1,4 м по центру ямы появились отдельные крупные камни, которые встречались почти до самого дна могилы. По мере выборки грунта все более четкими становились границы древнего грабительского шурфа (диаметр 1,5–2 м), отмеченного черным гумусом и камнями на фоне желтой глины основного заполнения ямы. В нем часто встречались кости животных и древесные угли.

На глубине 3,85 м в южной части ямы расчищен не затронутый грабительским шурфом скелет собаки, уложенной на живот с завалом на правый бок, головой на юг (рис. 11. – 3). У северной стенки ямы в 1,5 м выше дна ямы (на глубине 4,95 м) обнаружен череп женщины 25–30 лет (Чижишева, 2003, с. 274). На том же уровне по всей площади могильной ямы располагались позвонки и ребра человека. На 0,4–1 м ниже черепа, почти по центру, в границах выделяющегося более темным цветом пятна (грабительский шурф?) найдены скопления фрагментов от сосуда с раздутым туловом и гладким валиком (рис. 11. – 4).

У дна могилы (глубина 6,5 м) обнаружены обломанная железная заколка с шаровидной головкой, обернутая листовым золотом (рис. 21. – 5) и небольшая круглая бляшка из толстого листового золота с двумя отверстиями для пришивания (рис. 21. – 7). Ближе к северо-западной стенке найдены четыре мелкие бусинки из стекла (рис. 21. – 6) и фрагменты железа. Ближе к западному углу найден крестец лошади. В юго-восточной части сруба расчищено скопление перемещенных костей человека, среди которых сохранилась часть позвоночного столба.

Судя по имеющимся данным, погребение было ограблено (осквернено) в древности до проседания перекрытия сруба, что позволило грабителям осмотреть всю площадь погребальной камеры. К этому моменту ткани умершей разложились не полностью. В частности, в естественном положении с черепом находилась нижняя челюсть и пять не расчлененных позвонков. По всей видимости, в погребальной камере находилось захоронение женщины, ориентированной головой на С, что подтверждается местом расположения заколки и бусин, а также направленностью досок пола. Во время ограбления часть ее костей и череп были вытащены на площадку в 1,5 м выше дна. Можно было бы предположить, что там грабители расшири-

ли шурф. Однако грабительские шурфы всегда узки в нижней части, а кости человека были разбросаны по всей площади могилы. Объяснить это противоречие можно двумя способами: 1) найденный череп и кости принадлежали человеку, погребенному уже в заполнении могилы, как и находящаяся в 1 м выше собака; 2) во время ограбления (осквернения) могила была засыпана всего лишь на 1 м выше перекрытия, и злоумышленники разбросали кости на всем пространстве еще свободной могилы.

На глубине 6 м обнаружены остатки сруба размерами 3,8x4x0,5 м. Судя по сохранившимся фрагментам дерева и характерным отпечаткам сгнивших жердей в могильном грунте, сруб насчитывал не менее трех-четырех венцов. Они укладывались «в обло» из тонких жердей диаметром 5–7 см. Пол выстилался очень тонкими (толщина 1,5–2 см) меридионально уложенными досками, опиравшимися на поперечно и продольно уложенные жерди диаметром 5–7 см (рис. 11. – 2).

Курган 27. Насыпь кургана представляла собой слабо заметное на поверхности задернованное каменное кольцо шириной 3,5–5 м, диаметром 14–15 м (рис. 12. – 1). Оно было сложено из мелкого обломочного камня, очевидно, принесенного от расположенного рядом подножия горы. Вполне вероятно, что кольцо образовалось в результате развала возведенной на гравийной подсыпке ограды шириной несколько более одного метра, высотой до 0,5 м. В неоднородном по составу (гумус, крупные и мелкие камни) могильном заполнении встречались кости животных (по определению Н.Д. Оводова – баран, лошадь и др.) и древесные угли. В центральной части сооружения выявлена постепенно сужающаяся подпрямоугольная вытянутая по линии 3-В могильная яма глубиной 4,6 м, размерами в верхней части около 5,5x4 м, в нижней – 4x3,2 м. На отметках 1,2–3,6 м имелся просевший по центру каменный заклад с гумусом, заканчивавшийся несколькими особенно крупными глыбами. Ниже, на глубине 3,4–3,6 м, фиксировались фрагменты продольного перекрытия из деревянных плах. В 0,5 м выше дна в юго-западном углу ямы обнаружена часть костяка человека (несколько позвонков и ребра в анатомическом порядке). Судя по сохранившимся в глиняных стенках ямы отпечаткам бревен, на дне находился подквадратный сруб, собранный в семь-восемь венцов «в обло» размерами 3,5x3,8x1,2 м. Поверх сруба местами прослежен тлен уложенного по диагонали перекрытия из листовенничных плах. Аналогично располагался и пол сруба из тонких досок, по следам которых удалось установить их диагональное расположение по отношению к яме и срубу (рис. 12. – 2). Под досками пола (настила), перпендикулярно ему, как и в кургане 1, подложены несколько (пять-шесть) обрубков жердей толщиной 3–4 см.

Во внутренней части сруба на разных уровнях (4,3–4,6 м) расчищены разрозненные кости мужчины 25–30 лет и женщины 23–25 лет (Чикишева, 2003, с. 275). Тем не менее ориентация умерших устанавливается, поскольку грабители разрушили преимущественно центральную часть захоронения. В анатомическом порядке сохранились позвоночник, ребра и некоторые другие кости верхней половины костяка мужчины в юго-восточном углу. Его череп находился неподалеку от места своего первоначального положения. Следовательно, мужчина лежал на спине, вытянуто, головой на ЮВ. Женщина располагалась параллельно ему головой в обратную сторону – на СЗ («валетом»). Ее череп в северо-западной части могилы, по всей видимости, также не был потревожен. На это указывают находившиеся на своих местах серьга, маленькая подвеска в виде кошачьего хищника (от второй серьги?) и зеркало (рис. 12. – 2; 14). На своем месте сохранились остатки заупокойной пищи (крестец лошади и хвостовые позвонки барана) с двумя железными ножами плохой сохранности (рис. 12. – 4, 6), а также развал крупного бочонковидного сосуда (рис. 12. – 3).

К востоку (справа) от сдвинутых несколько в сторону костей правой ноги мужчины найдены лежавшие кучкой три бронзовых наконечника стрел (рис. 12). Два роговых наконечника, ажурная колчанная бляха из золотой фольги и поясная фурнитура были отброшены в стороны и к черепу женщины. При этом большинство из них (роговой пулевидный наконечник, желез-

ные крючок, костылек, две пятигранные ворворки, девять полукруглых пронизок со следами позолоты, обрывки тонких и бесформенных золотых листков, несколько не идентифицируемых мелких обломки железа) и крупная обкладка из золотой фольги в виде кошачьего хищника находились в скоплении к западу от мужчины. Массивная серебряная поясная обойма с прорезями для подвешивания лежала у восточной стенки (рис. 12; 13).

Балык-Соок-2

Курган 1. Самая северная насыпь курганной группы Балык-Соок-2 (рис. 2). По сравнению с насыпями других курганов насыпь кургана 1 выглядит несравненно меньше как по размерам (диаметр 6 м), так и по высоте (до 40 см). В центре прослеживалась неглубокая задернованная западина от могильной ямы. Насыпь сложена диким рваным камнем и мелким щебнем, значительно задернована, покрыта кустами акации (рис. 15. – 1). При зачистке и разборке насыпи почти по ее центру найдены две обломанных бараньи кости. Могильная яма овальной в плане формы, размерами – 2,8x2,1 м, глубиной – 2,13 м, ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. Заполнение хорошо фиксировалось по пятну гумуса и небольшим камням.

Впускное погребение. При выборке заполнения на глубине 30–50 см (от древней поверхности) зачищен каменный ящик размерами 2x0,7x0,3 м, ориентированный с ВЮВ на ЗСЗ (рис. 15. – 2). Ящик составлен из восьми каменных плит с поперечным покрытием из пяти небольших плит. В заполненном землей ящике расчищен костяк мужчины на спине, вытянуто, черепом на ЗСЗ. Инвентарь отсутствовал. Под каменным ящиком аналогичное могильное заполнение, но уже с большим включением суглинка. На глубине 90-100 см встречено несколько крупных камней, до 70–100 кг весом каждый. В заполнении отмечено значительное количество углей, прокаленная земля, часто встречались обломки дерева.

Основное погребение. Совершено на глубине 2,13 м, где обнаружен небольшой (1,3x0,9x0,2 м) листовенный сруб, перекрытый 4–5 продольными плашками, продавленными тяжестью грунта до «пола» сруба, составленного также из 5 плашек (толщиной 5–7 см каждая), уложенных в продольном направлении (рис. 15. – 3). Сруб со всех сторон был обложен небольшими камнями. Внутри сруба найдены остатки погребения ребенка (обломки черепа, шейные позвонки и обломок ключицы), среди которых обнаружены обрывки золотых листков и несколько тонких бронзовых нашивных колечек, покрытых листовым золотом (рис. 15. – 10). Все они служили для украшения одежды и головного убора. Следует отметить нехарактерную для пазырыкской культуры бугорчатую поверхность некоторых фрагментов золотой фольги (рис. 15. – 5, 6, 13) и наличие еще не встречавшейся в Горном Алтае рифленой трубочки (рис. 15. – 9). Аналогичные трубочки в большом количестве найдены только в каменском могильнике Локоть-4а, где служили украшением головных уборов (Шульга, 2003, рис. 13, 36, 44 и др.).

У северной стенки сруба обнаружен раздавленный керамический кувшин высотой 27 см с небольшим прямым горлом, украшенным пятью вертикальными и одним горизонтальным валиками, выполненными ногтевыми защипами (рис. 15. – 4). Их расположение имитирует характерную для предгорий орнаментацию горизонтальными и вертикальными наклепными валиками. Судя по расположению сосуда, ребенок был ориентирован головой на ЗСЗ.

Курган 5 (рис. 2). В ходе обследования цепочки больших курганов Балык-Соок-2 в отвале у могилы элитного кургана 5 были замечены фрагменты керамики. Перекоп отвала позволил обнаружить значительное количество керамики и роговую седельную подвеску (рис. 15. – 14–18). Был ли этот курган раскопан колодцем на ранней стадии археологического изучения Алтая или это результат деятельности бугровщиков, не ясно. Вместе с тем очевидно, что найденные в отвале предметы происходят из кургана 5. Почти все находки представлены фрагментами керамики от четырех сосудов. Наибольшее количество фрагментов (71 экз.) относятся к сосуду №1 с каннелюрами (рис. 15. – 18). Керамика однородного серого цвета на изломе хорошего об-

жига, чрезвычайно прочная, «со звоном», типа шифера. Тесто однородное без крупных фракций. Реконструируемая высота сосуда около 35–40 см, диаметр тулова – 30–35 см, дна – 15 см. Сосуд имеет гладкую поверхность, от дна до горловины украшен горизонтальными желобками шириной около 1,5 см. Толщина дна составляет 8–10 мм, толщина стенок – от 7–8 мм (внизу), до 4–5 мм (у горловины). Фрагменты венчика отсутствуют, но по конфигурации горловины и желобков можно сказать, что рядом с узкой горловиной сосуда, очевидно, имелся носик-слив. Сосуд, возможно, изготовлен на гончарном круге. Подобной керамики на Алтае нет. Похожий способ оформления стенок сосудов отмечен (только на плечиках) в верховьях Чуи (Кубарев, 1987, рис. 15; 1992, рис. 14) и широко представлен в Туве и Монголии (Вл.А. Семенов, 2003).

Остальные сосуды характерны для Горного Алтая. Сосуд №2 с толстыми стенками (около 13 мм) и прямым заovalенным венчиком (толщина 12 мм) может быть отнесен к поселенческой керамике (рис. 15. – 17). Сосуд №3 представлял собой типичный пазырыкский кувшин с залощенной поверхностью с диаметром дна около 11–12 см, диаметром по венчику – около 9 см (рис. 15. – 16). От него найдено три фрагмента днища, два венчика и не менее 30 от стенок толщиной 6–8 мм. К сосуду №4 достоверно можно отнести только два фрагмента серого цвета от переходной части к горловине без орнамента и лощения (рис. 15. – 15).

Семисарт-2

Работы на могильнике Семисарт-2 проводились Горно-Алтайской археологической экспедицией Алтайского государственного университета в 1980 г. в Онгудайском районе Горно-Алтайской автономной области (Владимиров, Шульга, 1984). Могильник расположен на правобережной надпойменной террасе р. Семисарт, правого притока р. Каерлык, в 4,5 км к ЮЮВ от с. Ело.

Курган 1. На поверхности прослеживался в виде кольца из рваных камней с провалом в центре. Диаметр кургана 6 м, высота насыпи – 0,35 м. При зачистке камней обнаружены многочисленные кости животных и фрагменты неорнаментированной керамики. Размеры могильной ямы – около 2,2х1,6 м, глубина – 2,5 м, ориентация – ЗСЗ-ВЮВ. Захоронение парное, совершено в срубе. Костяки лежали на боку, головой на ВЮВ. Один из умерших с камнем-подушкой в головах находился в вытянутом положении, другой – в скорченном (рис. 16. – 1). Инвентарь: два неорнаментированных сосуда (рис. 16. – 5, 6), три роговых черешковых наколочника стрел (рис. 16. – 2), миниатюрный бронзовый чекан на деревянной рукоятке с круглым в сечении бойком и обушком (рис. 16. – 3), бронзовый крючок с петелькой в верхней части (рис. 16. – 4). У пояса одного из погребенных было обнаружено несколько человеческих зубов со следами бронзы.

Ело-2

В 1984 г. П.И. Шульгой проводились аварийные раскопки на курганном могильнике Ело-2 (Шульга, 1998). Могильник расположен на левобережной террасе р. Урсул, у горы Башту, в 1 км к СЗ от с. Ело Онгудайского района Республики Алтай. В западной меридиональной цепочке курганов вскрыт самый северный курган 3 диаметром около 8 м, высотой 30 см (рис. 17. – 1, 2). До начала работ на поверхности отчетливо прослеживались три концентрические окружности диаметрами 3,5 м, 6 м и 8 м из крупных рваных камней или под углом установленных плит, добытых, по-видимому, на склонах примыкающей к террасе горы Башту. В образованных таким образом кольцах находилось 13 камней с вкраплениями белого кварца: во внутреннем – два, в среднем – восемь и три – во внешнем. Немного севернее центра кургана отмечена неглубокая западина от грабительского шурфа.

Составляющая насыпь конструкция возводилась на прослойке материкового выброса из могилы, слабо отличимого от подстилающей погребенной почвы. При этом камни и плиты колец на 5–10 см заглублялись в прослойку. На поверхности земляной насыпи в ее центральной

и юго-восточной частях находились угли, кострище, кости овцы и лошади, перекрывавшиеся в один слой плитками и плоскими камнями. Выше, в слое гумуса, встречались обломки костей человека и камни, выброшенные грабителями при закладке шурфа. Могила располагалась не по центру кургана, а была смещена к северо-западу, что объясняется постепенным оползанием насыпи вниз по склону, тогда как могила оставалась относительно неподвижной.

В заполнении могильной ямы размерами 2,3x1,4 м, глубиной 2,2 м, ориентированной длинными сторонами по линии ЗЮЗ-ВСВ, в грабительском шурфе обнаружен череп подростка без нижней челюсти, вотивный бронзовый кинжал длиной 13,5 см (рис. 17. – 5), зубы и обломки костей лошади, угли и обожженные кусочки дерева. На глубине 2,2 м от современной поверхности находился расширяющийся к востоку каменный ящик, составленный из четырех плит одинаковой ширины: северная – 155x73x9 см, южная – 166x75x13 см, восточная – 78x74x7 см, западная – 48x74x8 см. Его внешние размеры – 1,7x0,8–0,55 м, внутренние – 1,53x0,7–0,4 см, высота над дном могилы – 65 см. Перекрытие ящика первоначально состояло из четырех крупных плит шириной около 50 см, длиной до 117 см и семи малых – длиной до 55 см, толщиной 4–7 см (рис. 17. – 3). Последние ложились своей тяжестью на края основных поперечных плит перекрытия, перераспределяя давление находящегося выше грунта на стенки ящика. Благодаря данной конструкции плиты перекрытия в центральной части не переломились, и под ними сохранилась пустота. Помимо этого, малые плиты прижимали листы лиственничной коры (сохранился слой мощностью до 2,5 см), уложенные на основное перекрытие. Все плиты перекрытия укладывались последовательно с востока на запад, несколько перекрывая друг друга. В результате этих мер до ограбления ящик оставался свободным от грунта. Сняв две поперечные плиты в восточной части ящика, злоумышленники беспрепятственно могли осмотреть его содержимое.

К моменту раскопок восточная часть ящика была заполнена проникшим через грабительский лаз грунтом, а в западной части под плитами по-прежнему сохранялась пустота. Почти все кости человека и инвентарь были разбросаны по дну ящика. Положение умершего устанавливается по сохранившимся первоначальному положению костям ног, устройству ящика и расположению инвентаря. Он погребался на правом боку с подогнутыми ногами, головой на ВСВ (рис. 17. – 4). На дне найдены бронзовый колчаный крюк, бронзовая поясная прорезная обойма, простые ножны из обтянутой кожей деревянной дощечки, сверленный в четырех местах фрагмент клыка кабана (?) (рис. 17. – 10), покрытый остатками кожи коготь медведя (?) с отверстием для пропуска ремешка (рис. 17. – 9), развал горшковидного плоскодонного сосуда высотой 19,5 см (рис. 17. – 12), тлен от кожаной сумочки, остатки 4–5 палочек до 10 см длиной (древки стрел?) и потревоженные позвонки барана. На восточной стенке ящика лежал напоминающий черенок ножа обломок железного изделия (рис. 17. – 11).

Проникновение в могилу произошло в древности. Грабители хорошо знали устройство внутримогильного сооружения и в нижней части заполнения могилы с уровня –1,5 м копали узким шурфом, но недостаточным, чтобы поднять большую плиту №2, уложенную над головой умершего. Судя по стратиграфии грабительского шурфа, через какое-то время после раскрытия кургана воронка была присыпана. Сохранность традиционного набора инвентаря (за исключением, быть может, наконечников стрел) позволяет предположить проникновение в могилу с целью осквернения (Могильников, 1983, с. 60; Шульга, 2003д). Очевидно, подобная практика имела широкое распространение в скифском мире. На Алтае многочисленные случаи намеренного дробления черепов, сбивание их лицевых частей, а также отмеченный в долине Сентелека (курган 6, могильник Покровский Лог-5, Силосная яма) случай переворачивания грабителями лицевой стороной вниз бедренных и берцовых костей мужчины показывают, что осквернение могло быть основной целью «грабителей».

Курганы в нижнем течении Чуи

Кор-Кечу (333 км)

В 1974 г. В.Д. Кубаревым в Онгудайском районе на левом берегу Катуня, около бома Кор-Кечу, на 333 км Чуйского тракта, в зоне дорожного карьера раскопан один аварийный курган с погребением в каменном ящике (рис. 1). Результаты исследования опубликованы в специальном сборнике, посвященном археологическим материалам из районов новостроек (Кубарев В.Д., 1985б). Могильник насчитывал 10 курганов (рис. 18. – 1). Цепочка курганов ориентирована в меридиональном направлении, а исследованный курган, располагавшийся в 50 м от Чуйского тракта, открывает эту цепочку с севера. Вокруг кургана был заложен небольшой карьер для дорожных работ, но насыпь кургана была лишь частично разрушена с восточной стороны.

Насыпь кургана, близкая к кругу, слегка уплощена и сильно задернована. Ее размеры – 5,4х4,6 м, средняя высота – 40 см. Насыпь выложена валунами и рваным гранитом. В центре несколько огромных плит. Под насыпью на уровне древней поверхности еще несколько плит перекрывали могильную яму с юга на север. На них кучей были уложены обломанные кости человеческого скелета (глубина 10–15 см от верхней кромки насыпи). Под плитами хорошо обозначилось могильное пятно белесого цвета. Размеры могилы 2,35х1,6 м, глубина – 1,95 м, ориентация длинной 3-В. Заполнение ямы – мелкий гравий с песком. На глубине 60 см обнаружены три больших камня, положенные друг на друга. На этом же уровне в восточной части ямы один крупный камень, поставленный вертикально.

На глубине 155 см появилось продольное перекрытие из семи листовидных плах длиной 2,2–2,3 м, толщиной 6–10 см (рис. 18. – 2). Они плотно покрывают каменный ящик из четырех массивных плит, поставленных на ребро. Пятый камень замыкает юго-западный угол ящика. Самая большая (северная) плита размерами 165х48х22 см. Остальные гораздо меньших размеров, однако высота их почти одинакова – 45–50 см.

Внешние размеры каменного ящика – 1,85х1 м, внутренние – 1,65х0,6 см. После снятия перекрытия расчищен костяк человека, уложенного головой на восток на правом боку со слегка согнутыми в коленях ногами (рис. 18. – 3). Слева от черепа находились обломки деревянного сосуда типа чаши с круглым дном диаметром 20 см и высотой 6–8 см. Между сосудом и черепом остатки деревянного блюда овальной формы размерами 20х32 см, высотой по краю блюда 2–3 см. На блюдо помещалось мясо барана, от которого сохранились крестцовые позвонки. В них был воткнут бронзовый нож с кольцевидным навершием (рис. 18. – 12). На черепе найдена серебряная (?) серьга с припаянным малым колечком (рис. 18. – 7). Вдоль северной плиты находились шесть древков стрел без наконечников, рядом и параллельно – несколько обломков плоской дощечки, окрашенной в красный цвет (рис. 18. – 11). На ней бронзовые полукруглая пронизка и колчанная ворворка (рис. 18. – 4, 5), а непосредственно у тазовой кости – стеклянная (?) бусинка (рис. 18. – 8). Вдоль правой бедренной кости погребенного лежал бронзовый чекан в кожаном чехле с деревянной рукояткой, окрашенной в красный цвет (рис. 18. – 6). Полная длина рукояти 49 см, диаметр – 1,5–1,7 см. Здесь же под слоем войлока, ткани и кожи – бронзовый кинжал длиной 19 см с прорезной рукоятью (рис. 19).

Кинжал находился в кожаных ножнах с ремешками для подвешивания к поясу и фиксации на ноге. Важно подчеркнуть, что все эти ремешки были обмотаны вокруг кинжала (рис. 19. – 1), т.е. он не подвешивался к поясу, а положен в комплекте. На тазовых костях в остатках сумочки из кожи найдены одна боковая деталь деревянного гребня и 15 зубьев длиной около 3,5 см (рис. 18. – 9, 10). В той же сумочке хранилась веточка какого-то кустарника. Под погребенным прослеживались фрагменты от войлочной подстилки зеленого цвета.

Калбак-Таш-1

Могильник Калбак-Таш находился между селами Иодро и Иня, на 728 км Чуйского тракта (от Новосибирска), в 300 м на юг от известного памятника с наскальными изображениями Калбак-Таш. Насчитывал три каменных насыпи, устроенных в ряд по линии СЗ-ЮВ на второй надпойменной террасе правого берега Чуи (рис. 1).

Курган 1. Насыпь на поверхности не выделялась. Курган фиксировался по задернованной могильной западине и по отдельным камням округлой крeпиды. Над остатками каменно-земляной насыпи был разбит раскоп 8x8 м, который позволил определить диаметр кургана (7 м), а в полах насыпи обнаружить древний выброс галечника из могильной ямы. После окончательной зачистки почти по центру кургана обозначилось пятно могильной ямы подпрямоугольной формы, размерами 3,3x2,3 м, глубиной 2,2 м, ориентированной по линии ЗЮЗ-ВСВ (рис. 20. – 1). Пятно выделялось на фоне древней поверхности (суглинок коричневого цвета) более темным, сильно гумусированным заполнением. В нем часто встречались крупные камни, расколотые кости животных (лошадь, баран).

На глубине 1,4–1,7 м от древней поверхности в северной части ямы обнаружен костяк лошади, лежавший вплотную к стенке могильной ямы. Череп, пробитый в лобной части чеканом, укреплен и приподнят над большим валуном. Поза животного традиционна для погребений ранних кочевников – на брюхе, с поджатыми под него передними и задними ногами. Сверху лошадь была прикрыта листьями березовой коры, а в челюстях найдены железные однокольчатые железные удила плохой сохранности (рис. 20. – 9). Основную часть ямы занимает одновенцовый листовенничный сруб (1,9x1,1x0,9 м) удовлетворительной сохранности. В восточной части ямы, на глубине 1,3–1,4 м, над срубом, очевидно, в грабительском лазе (?) найдены обломки черепа человека. В срубе – разрозненные кости одного погребенного, сконцентрированные в ЮЮЗ углу. Здесь обнаружены: часть позвоночного столба в анатомическом порядке, кости правой руки, а также кости ног, согнутые в коленных суставах. Судя по их положению, погребенный лежал на правом боку и был ориентирован головой на ВСВ. Возможно, в центральной части сруба был устроен кенотаф.

В восточной части сруба найдены мелкие кости человека (фаланги, обломки ребер и т.п.). У северной стенки сруба (посредине) обнаружены позвонки барана, обломок железного ножа (рис. 20. – 11) и роговая накладка с шипами (на деревянный сосуд?). По всей площади сруба найдены обрывки золотых листков (рис. 20. – 7, 8), а в восточном секторе восьмерковидная серьга из золотой проволоки (рис. 20. – 4). При дальнейшей расчистке погребения в ССВ углу найден раздавленный узкогорлый кувшин красно-коричневого цвета высотой 41 см (рис. 20. – 2). На левом бедре (под левой тазовой костью) обнаружено бронзовое зеркало и небольшая бронзовая трубочка-пронизка (рис. 20. – 5, 12). На дне сруба прослеживается древесный тлен от дощатого настила, уложенного в продольном направлении.

Курган 2. Насыпь как таковая отсутствовала. Сдвинутые в беспорядочные кучи, валуны поросли акацией и сильно задернованы. Под остатками насыпи (диаметр приблизительно 10 м) находилась могильная яма овальной в плане формы, размером 3,5x2,7 м, глубиной 2,6 м, ориентированная по линии ЗЮЗ-ВСВ. В ее заполнении – галечник, по центру с гумусом, большое число валунов, достигающих веса до 80–100 кг. На глубине 200–210 см встречались истлевшие фрагменты дерева, судя по красноватому цвету листовенницы. На глубине 2,5 м под слоем валунов и плоских сланцевых плит расчищен небольшой двухвенцовый сруб плохой сохранности размерами 2,2x1,1 м (высота не установлена), ориентированный длинной осью ЗЮЗ – ВСВ.

В срубе обнаружен костяк беременной женщины (в области тазовых костей обломки черепа младенца). Положение костяка: до пояса на правом боку, головой на ВСВ, руки перед грудью, таз развернут на спину, ноги подогнуты под прямым углом. Перед черепом, слева от него, т.е. у северной стенки сруба, раздавленный горшковидный сосуд черного цвета (рис. 20. – 14).

Рядом железный однолезвийный нож с кольцевидной рукоятью (рис. 20. – 13) и крестцовые позвонки барана. Над черепом погребенной – кольцевидная серебряная (?) серьга (рис. 20. – 3), а в шейных позвонках – обрывок золотой обкладки трубчатой гривны (рис. 20. – 6). Дно сруба выложено из камней, на которых прослежены следы древесного тлена от продольно уложенных тонких досок.

Курган 3. Под нарушенной каменной насыпью обнаружен нетронутый материковый грунт.

Белый Бом-2

Работы на могильнике Белый Бом-2 проводились Горно-Алтайской археологической экспедицией Алтайского государственного университета в 1980 г. (Владимиров, Цыб, 1980; Владимиров, Глоба, 1981; Владимиров, Шульга, 1984).

Могильник расположен на второй левобережной надпойменной террасе Чуи, в 3 км от с. Белый Бом в Онгудайском районе Горно-Алтайской автономной области, сейчас Республики Алтай. Большая часть курганов вытянута цепочками с севера на юг с небольшими отклонениями. Два вскрытых кургана относятся к скифской эпохе.

Курган 28. На поверхности выделялся слабым всхолмлением из рваных камней. Диаметр кургана 10 м, высота насыпи 0,2 м. В центре прослеживалась западина – следы ограбления. Под насыпью было найдено несколько скоплений костей животных, преимущественно лошади. В заполнении могильной ямы (размеры – 2,3х1,7 м, глубина – 2,25 м, ориентация – ССЗ-ЮЮВ) обнаружены следы деревянного перекрытия. Захоронение парное (рис. 21. – 1). Скелеты лежали на спине с подогнутыми ногами, головой на ЮЮВ. Погребение ограблено, но затронут был лишь западный костяк. По дну могилы разбросаны обрывки золотой фольги. Инвентарь погребения: два кувшинообразных сосуда, один из которых украшен наклепным орнаментом (рис. 21. – 3, 4), бронзовый кинжал длиной 22,5 см (рис. 21. – 2) из черешкового клинка с деревянными навершием и перекрестием, закреплявшихся тонкими деревянными кольпшками.

Курган 61. На поверхности выделялся всхолмлением из рваных камней. Диаметр кургана 8 м, высота насыпи – 0,25 м. Размеры могильной ямы – 2,1х1,5 м, глубина – 1,5 м, ориентация – по линии СЗ-ЮВ. Захороненный лежал в каменном ящике, сложенном из 4 плит (рис. 21. – 5). Ящик размерами 1,7х0,9х0,5 м ориентирован по линии СЗ-ЮВ, сверху перекрыт плитами. Погребение было ограблено, кости находились в беспорядке. Костяк лежал на материке и был ориентирован, судя по всему, головой на ЮВ. Инвентарь: развал неорнаментированного сосуда очень плохой сохранности, остатки неопределимого бронзового предмета, бронзовая спиралевидная пронизка (рис. 21. – 9), бронзовый предмет гантелевидной формы с отверстием для подвешивания (рис. 21. – 8), две шарообразные сердоликовые бусины и нашивная бляшка из золотой фольги (рис. 21. – 6, 7).

Курганы в зоне затопления Чуйской ГЭС

В связи с планировавшимся на реке Чуя строительством гидроэлектростанции неподалеку от пос. Акташ в течение нескольких полевых сезонов проводились аварийные раскопки археологических объектов, попадающих в зону затопления. Исследования велись в долинах Боротал, Ала-Гаил и Тербедок, расположенных в 12–17 км к югу от пос. Акташ на правом берегу Чуи вдоль Чуйского тракта. Первой (считая от пос. Акташ) находится долина Тербедок в 8 км ниже Ала-Гаила в стороне от тракта. Долина Ала-Гаила длиной 1,3 км, шириной 0,4 км начинается от 455 км Чуйского тракта. Далее от Акташа (выше по течению Чуи) за небольшим

скальным перешейком с отметки 458 км Чуйского тракта начинается долина Боротал, протяженностью 4 км. В 1968–1969 гг. здесь работал Акташский отряд под руководством А.И. Мартынова и А.М. Кулемзина (Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985). В ходе разведочных работ этим отрядом в долинах Боротал и Ала-Гаил было зафиксировано 292 кургана, из которых в 1968–1969 гг. было исследовано 62 (47 в Ала-Гаиле и 12 в Боротале). В том числе в 1968 г. исследовано три кургана в долине Тербедок. Общая характеристика исследованных в это время курганов приведена в цитируемой ниже итоговой статье (Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985).

Курганы, находящиеся в долинах, различаются по величине и внешнему устройству. Многие из них имеют явные признаки ограбления: воронки в центре, разбросанные вокруг в беспорядке камни.

Устройство погребений и их материалы позволяют выделить среди раскопанных курганов отдельные типологические и хронологические группы:

I. Курганы диаметром от 12 до 60 м. К ним относятся курган 3, раскопанный в Алагаильской долине, и 2 кургана (диаметром 50–60 м) в Боротальской долине. Их курганная насыпь состоит из камней, перемешанных с песчанистой почвой. Внутри глубокой ямы (около 5 м) кургана 3 имелись остатки бревенчатого сруба.

II. Курганы аналогичной конструкции, но меньшей величины. Диаметр насыпи 5–12 м, глубина могилы 2–5 м. На дне могилы деревянный склеп в виде сруба в один-два венца с одним погребенным. К этой группе относятся курганы 1, 2, 11, 12, 19, 22.

III. Курганы с каменными склепами в могиле. Насыпи курганов овальные или прямоугольные в плане. Под каменной насыпью в могиле на глубине до 2 м находится каменный ящик из больших плит. В нем остатки одного погребенного, мумифицированного трупа или куклы. К этой группе относятся курганы 23, 1 и 2 в долине Тербедок.

IV. Каменные курганы с могилами на древнем горизонте и захоронения на горизонте под насыпью. Первые состоят из плоской каменной наброски, в центре которой устроена небольшая могила из поставленных на ребро каменных плит. В могиле обычно находятся остатки одного погребенного (курганы 38, 42, 50, 52, 53, 54 и курган 51 с несколькими погребенными). К курганам с захоронением на древнем горизонте под насыпью, без могилы, относятся 16, 24, 29, 31, 33, 37 и, очевидно, 30. Они, как и первые, были разграблены и не имели какого-либо инвентаря.

V. Курганы с каменной крепидой, содержащие иногда следы огня в захоронениях. Их насыпь невысокая, обычно четырехугольная, у основания выложенная каменными плитами. К этому типу относятся курганы 9, 27, 28, 45, 17, 48, 49.

VI. Прямоугольные поминальные сооружения. Ритуальные сооружения, внешне напоминающие курганы, но не содержащие погребений (сооружения 8, 10, 13, 14, 17, 18, 20, 21, 25, 26, 32, 35, 39, 43 и 5 в Боротальской долине). К этому же типу сооружений относятся каменные оградки в виде колец, также не содержащие захоронений.

Большинство раскопанных памятников было разграблено до начала исследований, поэтому в указанной публикации было представлено описание только тех, которые содержали определенный археологический вещественный материал (Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985, с. 148, 151).

В 1974–1975 гг. в долинах Боротал и Ала-Гаил раскопки проводились Восточно-Алтайским отрядом Северо-Азиатской археологической экспедиции ИИФФ СО АН СССР под руководством В.Д. Кубарева, исследовавшего в долинах Боротал и Ала-Гаил 29 разновременных погребально-поминальных памятников. На могильнике Ала-Гаил-3 было вскрыто одиннадцать пазырыкских курганов (рис. 25. – 1), а также находящийся неподалеку, у 456 км Чуйского тракта выступающий на поверхности каменный ящик раннескифского (?) времени. В Боротальской долине В.Д. Кубаревым исследовано шесть курганов пазырыкской культуры (7, 82,

99–102). Там же А.И. Мартыновым в 1968–1969 гг. раскопано семь курганов (рис. 33; на плане курганы 23, 53, 58, 59, 84, 85, 90). За прошедшие 30 лет археологические материалы из Боротала, датируемые эпохой древних тюрков, использовались в отдельных статьях одного из авторов (Кубарев В.Д., 1976, 1979, 1980, 1985а, 1995) и в обобщающей монографии Г.В. Кубарева (2005). Однако значительная часть коллекции скифского времени из Боротала и Ала-Гаила оставалась не известной специалистам.

В 1976 г. в долинах Боротал и Ала-Гаил проводились работы Алтайской экспедиции под руководством В.А. Могильникова (Могильников, Суразаков, 1980). Из раскопанных ими курганов к пазырыкской культуре относятся три кургана на могильнике Боротал-2, два – в Боротале-3 и один – в Ала-Гаиле (рис. 32, 42–44). В 1976 г. строительство Чуйской ГЭС признано нерентабельным, оборудование устаревшим, поэтому финансирование проекта и охранных работ было прекращено.

Описания курганов, раскопанных в зоне затопления Чуйской ГЭС, приводятся по отчетам В.Д. Кубарева и опубликованным материалам (Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985; Могильников, Суразаков, 1980). Помимо этого, по раскопкам 1968–1969 гг. приводятся описания некоторых вновь осмотренных и зарисованных, а также не опубликованных в 1985 г. вещей, за что авторы искренне благодарны А.И. Мартынову.

Работы в зоне затопления проводились разными отрядами, общего плана с единой нумерацией могильников и курганов нет, а потому во избежание недоразумений ниже приводятся названия могильников и номеров в соответствии с указаниями авторов раскопок. Унифицировано лишь название долины Ала-Гаил.

Тербедок

Раскопки А.И. Мартынова, А.М. Кулемзина в 1968–1969 гг. (Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985)

В долине Тербедок исследовано два кургана скифского времени.

Курган I. Расположен в северо-восточной части могильника. Он представляет собой каменную насыпь, покрытую дерном, размером 6х3 м, высотой 0,3 м.

При снятии насыпи в северо-восточной части кургана на материке было обнаружено могильное пятно длиной 1,8, шириной 0,9 м. На глубине 1,6 м в могильной яме находился сложенный из каменных плит расширяющийся к востоку ящик размерами 1,45х0,45–0,3 м. Перекрытие ящика состояло из четырех поперечных плит, плотно пригнанных друг к другу и нависающих над краями ящика. Поверх поперечных плит была положена большая продольная плита. На одном уровне со склепом у северо-восточной стенки могильной ямы обнаружен скелет лошади, положенной на боку головой на юго-восток с подогнутыми ногами, с бронзовыми удилами в зубах и кожаными ремешками на концах (рис. 22. – 7).

Под крышкой заполненного землей ящика лежали обломки небольшого сосуда с плоским дном. Рядом с ними пять позвонков барана, обломок бронзового ножа. У восточной стенки вместе лежали чекан с хорошо сохранившимся кусочком древка (рис. 22. – 8) и нож в деревянных ножнах с ремешком для крепления. Все это было завернуто(?) в кожу. В северном углу склепа были обнаружены четыре четырехгранные «костяные» наконечника стрелы (рис. 22. – 9–12).

Курган 2. Находился в центре долины Тербедок, у подножья восточной скалы. Насыпь прямоугольной формы с закругленными углами, размером 4х3 м и высотой 0,4 м, состояла из камней и земли. Камни плотно уложены, задернованы. Под насыпью обнаружено вытянутое могильное пятно прямоугольной формы, размером 1,9х1 м. На глубине 0,8 м находился каменный ящик, размером 1,8х0,4 м, высотой 0,6 м, сооруженный из поставленных на ребро плит. Дно склепа выстлано каменными плитами, боковые стены образованы четырьмя плитами, две по 1,8 м, две торцовые – по 0,4 м. Сверху склеп был покрыт пятью каменными плитами.

ми, плотно пригнанными друг к другу. На его дне обнаружены остатки погребения человека. От скелета сохранился череп с двумя шейными позвонками и обломками нижней челюсти. На уровне пояса погребенного находился бронзовый крючок и прорезная поясная обойма, рядом с ними – бронзовые ворворка и чекан. У юго-западной стенки склепа в кожаном чехле лежал бронзовый нож, а в центре могилы, на каменной плите – бронзовый кинжал в кожаных ножнах с остатками ремешков (рис. 22. – 1–4; 23). С одной стороны кинжала сохранился крупный фрагмент окислившейся кожаной одежды с продольным швом. По всему дну склепа попадались крупные истлевшие куски кожи, своим расположением напоминающие силуэт человека. Могила не была ограблена. Очевидно, в ней была захоронена кукла с черепом человека. В ходе осмотра и зарисовки указанных предметов в хранилище ИАЭТ СО РАН среди них в коробке на сланцевой плитке обнаружен бронзовый чекан на деревянной рукоятке с портупейными ремешками. Чекан лежал на фрагменте кожаной одежды с двумя продольными швами (рис. 24. – 1). Судя по всему, в кургане 2 находился именно этот чекан, а помещенный в публикации (рис. 22. – 3) (Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985, рис. 13. – 1), вероятно, результат ошибки.

Долина Ала-Гаил

Ала-Гаил-3

Раскопки В.Д. Кубарева в 1974 г.

Могильник Ала-Гаил-3 представлял собой компактную меридиональную цепочку курганов в 130 м к ЮЗ от Чуйского тракта. С западной стороны параллельно цепочке курганов располагалась цепочка поминальных восьмикаменных колец и небольших насыпей (рис. 25. – 1).

Курган 1 (рис. 25). Северный в цепочке. По форме насыпи и размерам отличается от остальных курганов. Насыпь кургана подпрямоугольной формы, размерами 4,2х2,7 м. Выложена крупными валунами, сильно задернована, высотой 20–30 см над древней поверхностью. Под насыпью, в центре кургана находилась могильная яма размерами 1,6х0,9 м, глубиной 1,1 м, ориентированная по линии ЗСЗ-ВЮВ. В заполнении ямы – суглинок с включением валунов. На глубине 65 см – перекрытие каменного ящика из шести сланцевых плит красного цвета. Толщина плит 8–10 см. При зачистке плит по углам могильной ямы отмечены следы сгнивших, вертикально установленных листовенничных столбиков диаметром 7–9 см (рис. 25. – 2). Высота их 40–50 см, т.е. они едва возвышались над перекрытием каменного ящика. В левом, юго-западном углу могилы, между стенкой ямы и плитой ящика на глубине 60 см найден рог марала со следами обработки и обрезанными отростками (рис. 25. – 2–4).

Стенки каменного ящика сооружены из шести сланцевых плит, установленных на ребро. Внутренние размеры каменного ящика 1х0,8х0,44 м. Плиты были тщательно подогнаны друг к другу, но под тяжестью грунта они сместились, образовав щели в каменном ящике. Просочившийся в них грунт заполнил почти весь ящик, где на выстланном сланцевыми плитками полу расчищен скелет старого мужчины, уложенного как бы по диагонали в тесном подквадратном ящике на правый бок с сильно подогнутыми к тазу ногами, головой на ЮВ (в угол ящика). Череп с отверстием от удара чеканом покоился на каменной подушке (рис. 25. – 3).

В области таза найдена роговая поясная пряжка с выступающим носиком (рис. 25. – 5), а в остатках кожаной сумки (рис. 25. – 11, 12) дощечка с круглой в сечении палочкой, определенные первоначально как прибор для добывания огня (рис. 25. – 9, 10). Однако изделие из дерева представляет собой почти полностью сохранившуюся симметричную фигуру со скругленными и заглаженными краями, в нижней части которого находятся четыре почти симметричных лунки без признаков обугливания. В верхней части по центру имеется отверстие для

подвешивания (?). Назначение указанных предметов не ясно. Здесь же найдены две массивные роговые поясные пластины с симметрично расположенными отверстиями (рис. 25. – 6, 7). На бедренной кости погребенного сохранились кожаные фрагменты от одежды и остатки муффицированных тканей трупа. Поверх них обнаружен фрагмент плетки (?), сплетенной из двух кожаных ремешков путем взаимопропускания в проделанные разрезы в каждом из ремней. При этом каждый из ремней был сложен в уплощенную трубочку и прошит сухожильными нитками. Такого рода прорезные узлы известны в срубе из курганов Пазырыка.

Поверх плит пола каменного ящика прослежен тонкий, интенсивно, черный слой (2–3 мм) от материала органического происхождения. Может быть, это остатки подстилки из войлока или ткани.

Курган 2 (рис. 26). Насыпь кургана округлой формы диаметром около 7 м, высотой около 30 см. Выложена в основном небольшими речными валунами. Яма подпрямоугольной формы, размерами 3,2х2,7 м, глубиной 1,9 м, ориентирована длинной осью З-В. Заполнение ямы – мешаный суглинок с включением камней и мелкого гравия.

На глубине 1,7 м в северной части ямы появились отдельные кости лошади, уложенной на левый бок и ориентированной черепом на восток. В ее челюстях прослежены остатки железных удил, череп пробит несколькими ударами чекана. Немного ниже, в южной половине ямы – деревянный листовенничный сруб (рис. 26. – 1). Внутренние размеры сруба 1,6х0,6 м, внешние – 2,3х0,8 м. В срубе расчищен костяк человека на правом боку, головой на восток, уложенный на дощатый настил, приподнятый на нескольких крупных камнях. У северной стенки сруба стоял целый кувшин высотой 22 см с рассеченным наlepным валиком, двумя отверстиями для подвешивания и остатками темной краски на горловине и тулове, а рядом с ним позвонки барана и бронзовый нож длиной 11 см (рис. 26. – 2, 4). Второй бронзовый нож с «аркой на кронштейне» длиной 11,5 см в качестве кинжала находился в деревянных ножнах на правой бедренной кости погребенного (рис. 26. – 3). Над черепом костяка обнаружены мелкие фрагменты золотой фольги.

Курган 3 (рис. 25. – 1). Насыпь выложена камнем, размерами 8,5х8,6 м, высотой не более 20 см. Под насыпью некопанный материковый грунт.

Курган 4. Насыпь выложена отдельными крупными валунами и мелким рваным камнем. Ее размеры 4,5х4 м при высоте 40–50 см. Под насыпью находилась могильная яма размерами 2,2х1,6 м, глубиной 1,25 м с вертикальными стенками, ориентированная по линии ЗСЗ-ВЮВ. Заполнение ямы – суглинок с валунами. На глубине 80 см по всей яме прослежен заклад мощностью 40 см из мелких валунов. Непосредственно под закладом находился плохо сохранившийся несколько расширяющийся к востоку деревянный сруб с продольным покрытием из листовенничной коры размерами 1,7х0,7–0,8х0,2 м. Установить количество венцов сруба не удалось. В углах ямы, ближе к углам сруба, прослежены следы четырех вертикально вкопанных деревянных столбиков высотой 30–40 см, диаметром 4–5 см (рис. 26. – 5). При расчистке сруба обнаружен раздавленный скелет ребенка (девочки?), уложенного на правом боку с согнутыми в коленях ногами, ориентированной черепом на ВЮВ. Слева от черепа погребенного находились узкогорлый кувшин высотой 22,5 см с прочерченной по сырой глине композицией (рис. 26. – 6) и позвонки от спинной части барана. Дно сруба тщательно выложено плоскими и небольшими речными гальками.

Курган 5 (рис. 27). Насыпь эллипсовидной формы, размерами 10х8 м, высотой 30 см. Выложена речными валунами и каменными обломками. Под насыпью находилась подпрямоугольная могильная яма размерами 4х2,8 м, глубиной 2,4 м, ориентированная по линии ЗЮЗ-ВСВ. На глубине 1,6 м в северной части ямы расчищено три костяка коней, уложенных на брюхо по дуге. Первая лошадь помещалась в северо-восточном углу головой на юг. Вторая лошадь лежала вдоль северной стенки головой на круп первой, а третья – вдоль западной стенки головой на круп второй лошади (рис. 27. – 1). Черепа их пробиты ударами чекана. В челюстях

третьей лошади найдены бронзовые удила с хорошо сохранившимися деревянными двудырчатыми псалиями (рис. 27. – 2, 7). На левом коротком и тонком звене удила раннескифского типа недолитое внешнее окончание было дополнено накладкой из толстой кожи.

В южной половине ямы находился двухвенцовый листовничный сруб размерами 2,3х1,4 м. В срубе обнаружено грабленое погребение взрослого мужчины со скорченными ногами, ориентированного черепом на ВСВ. Фрагменты керамического сосуда, возможно, перемещены к южной стенке сруба. Тогда как позвонки барана и фрагмент ручки железного ножа (рис. 27. – 4) традиционно находилась в северо-восточном углу сруба. Рядом с развалом керамического сосуда (в районе разрушенного таза) найдена обломанная бронзовая рукоять кинжала со вставленным в ручку черешком обломанного железного клинка (рис. 27. – 3).

Курган 6 (рис. 27. – 8). Небольшая уплощенная насыпь размерами 7,6х6 м, высотой 0,2 м имела округлую форму. Выложена редкими валунами и каменными обломками. В центре задернованная западина без камней. Под насыпью находилась подпрямоугольная могильная яма размерами 2,4х1,7 м, глубиной 1,3 м, ориентированная по линии ЗЮЗ-ВСВ. У северной стенки обнаружена каменная кладка (ящик?) с нарушенным захоронением ребенка, ориентированного головой на ВСВ. Размеры кладки 1,4х0,7х0,3 м.

Курган 7. Насыпь округлой формы размерами 8,5х7 м высотой 20 см. Могильная яма подквадратная в плане размерами 2,4х2,3 м, глубиной 1,9 м ориентирована по сторонам света. Вдоль северной стенки находился костяк лошади с поджатыми под брюхо передними и задними ногами с железными удилами в челюстях (рис. 28. – 5). В южной половине располагался одновенцовый листовничный сруб внешними размерами 1,7х1,1 м. Сопряжение углов сруба установить не удалось из-за плохой сохранности дерева.

В срубе расчищен костяк взрослого мужчины, погребенного на правом боку с поджатыми к тазу ногами, головой на восток. Над черепом умершего и в области шейных позвонков встречались обрывки золотой фольги от несохранившихся деревянных фигурок оленей с золотыми рогами и шейной гривны. На левой бедренной кости обнаружены миниатюрная модель бронзового кинжала, а с правой стороны чекана (рис. 28. – 3, 4). У северной стенки сруба найдены развал керамического сосуда высотой 23 см (рис. 28. – 2), крестцовые позвонки барана и железный нож. Поверхность сосуда хорошо заглажена и украшена своеобразными нанесенными красной краской криволинейными фигурами. Под костяком слабо прослеживалась подстилка из мелких веточек кустарника.

Курган 8. Круглая насыпь имела размеры 8,6х8 м, высоту 40 см. Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 3,2х2,4 м, глубиной 2 м, ориентирована по линии З-В (рис. 28. – 6). В северной части ямы на глубине 1,7–2 м расчищены костяки двух лошадей, ориентированных головами на восток, при этом восточная с железными удилами (рис. 28. – 7) в челюстях перекрывала западную. Почти по центру ямы находился двухвенцовый листовничный сруб размерами 1,9х1,1 м. В нем обнаружены разрозненные кости двух погребенных. У северной стенки сруба – развалы двух керамических сосудов. Все кости людей, позвонки барана и фрагменты керамики (рис. 28. – 8) сдвинуты грабителями к западной стенке сруба.

Курган 9. Насыпь округлой формы, без западин, диаметром 10,5 м, высотой 40–50 см. Выложена валунами и обломками сланцевых плит. В центре кургана, под насыпью, могильное пятно, несколько смещенное к востоку. Размеры могильной ямы – 3х2,6 м, глубина – 2,6 м, ориентация – З-В. Заполнение могильной ямы состояло из мешаного суглинка и мелких речных галек. На глубине 2,2 м яма несколько сузилась и появились обломанные валуны и плиты, уложенные поверх покрытия расширяющегося к востоку сруба. Сруб двухвенцовый из плохо сохранившихся плах с покрытием из листовничной коры. Длина сруба 1,7 м, ширина в западной части 85 см, восточной – 95 см, высота около 30 см. Восточная часть сруба несколько выше западной. На дне сруба, выложенного тонкими листовничными досками, находилось два скелета с подогнутыми ногами, черепами на восток. С севера находилась женщина,

а у южной стенки – мужчина (рис. 29. – 1). Рядом с черепами погребенных собраны обрывки золотой фольги, сохранившей очертания двух оленьих головок с рогами (рис. 29. – 2). Вдоль северной стенки сруба находились развалы двух керамических сосудов (рис. 29. – 5, 6). Первый из них высотой 21 см, темный, лощеный, с двумя выступами-ручками по бокам и усиливающими валиками у двух отверстий для подвешивания. Второй высотой 19 см, толстостенный, с темными пятнами, имел под венчиком мощный валик и два отверстия для подвешивания. Чуть к западу находились позвонки спинной части барана и, по-видимому, два железных ножа (рис. 29. – 4), у одного из которых во время зачистки прослеживалось плохо сохранившееся кольчатое навершие. Мясо барана укладывалось на помост из бересты или деревянное блюдо, от которых остался древесный тлен. У тазовой кости женщины найден сверленный клык кабарги (рис. 29. – 3) и микролубочек тонкой золотой проволоки или стружки.

Курган 10 (рис. 29. – 7). Насыпь имеет в плане подквадратную форму, размерами 10x10 м, высотой 30–40 см. Выложена диким рваным камнем и валунами. В центре насыпи воронкообразная западина глубиной 20–30 см. Могильная яма почти подквадратная, размерами 2,7x2,5 м, глубиной 2 м, ориентирована по линии З-В (рис. 29. – 7). В северной части ямы расчищен костяк небольшой лошади с железными удилами (рис. 29. – 8), уложенной на брюхо черепом на восток. Череп лошади приподнят (гл. 1,6 м). Двухвенцовый листовичный сруб располагался в южной половине ямы. Его внешние размеры 2,1x1,2 м. Вплотную к южным плахам сруба находился костяк взрослого человека на правом боку с подогнутыми в коленях ногами, головой на восток. Под черепом и вокруг него зафиксировано вытянутое черное сажистое пятно размерами около 25–30 см с фрагментами золотой фольги – традиционные остатки женского головного убора. Под костяком прослежены едва заметные следы от настила из тонких досок. У северной стенки сруба, напротив черепа находились фрагменты раздавленного кувшина с раздутым туловом (рис. 29. – 9), крестцовые позвонки барана и железный нож на деревянном блюде овальной формы.

Курган 11 (рис. 30). Насыпь размерами 12x13 м, высотой 40 см выложена мелкими каменными обломками и редкими валунами. Могильная яма подквадратной формы размерами 3x2,8 м, глубиной 2 м, ориентирована длинной осью по линии ЗЮЗ-ВСВ. В северной части ямы два костяка коней, один над другим черепами на СВ. У первого (верхнего) коня в челостях находились железные удила, а у черепа – роговая ворворка для соединения суголовных ремней (рис. 30. – 16). Остальные седельные подвесные бляхи и пронизки находились в районе спины верхней лошади (рис. 30. – 3–8, 12–15). Там же обнаружены бронзовый подпружный блок и две роговых подпружных пряжки-застежки, одна из которых, несомненно, принадлежала к седлу нижней лошади (рис. 30. – 9–11). В западной части ямы на уровне захоронения коней найдены два обломка оленьих рогов (рис. 30. – 2). В южной половине ямы находился сруб плохой сохранности размерами около 1,9x1,1 м. Зачистка была затруднена просочившимися в сруб грунтовыми водами. В срубe обнаружено нарушенное захоронение мужчины, от костяка которого сохранились только отдельные кости, небрежно сдвинутые в кучу вдоль северной стенки сруба. Среди костей встречены позвонки барана, фрагменты золотой фольги, обломки железной пластины и неопределимого предмета, возможно, ножа (рис. 30. – 18, 19).

На 456 км от Чуйского тракта, в 70-ти метрах от полотна дороги два небольших могильника. Вокруг них около десятка каменных ящиков, устроенных прямо на поверхности земли. Почти все они раскопаны А.И. Мартыновым. Один из ящиков исследован отрядом В.Д. Кубарева. Ящик внешними размерами 1x0,9 м собран из сланцевых плит толщиной 16–18 см, едва возвышающихся над дневной поверхностью (5–10 см) и вкопанных на глубину 50 см. На глубине 12 см в дерновом слое южного угла находилась тазовая кость и позвонки человеческого (?) костяка. Фрагменты расколотых костей найдены также по всей площади (внутренней) каменного ящика. В восточном углу на глубине 30 см найдена трубчатая кость и ребро от человека (?). Такого рода памятники, предположительно, относятся к раннескифскому времени.

Ала-Гаил

Раскопки А.И. Мартынова и А.М. Кулемзина в 1968–1969 гг.

По опубликованным материалам (Мартынов, Кулемзин, Мартынова, 1985) из исследованных курганов семь относятся к пазырыкской культуре и четыре объекта к раннескифскому (?) времени.

Курганы пазырыкской культуры

Курган 1. Находился в северо-восточной части долины. Насыпь круглая в плане диаметром 8,5, высотой 0,35 м, в центре – воронка диаметром 3 м. Насыпь кургана состоит из дикого скальника средней величины, присыпана песком и задернована. На глубине 0,7 м четко обозначилось могильное пятно прямоугольной формы, вытянутое по направлению запад-восток. Могила размерами 2,1х1,8 м была заполнена песком с глиной и завалена небольшими камнями.

На дне могильной ямы, под камнями, был расчищен хорошо сохранившийся деревянный сруб размерами 1,8х1х0,3 м, сложенный из тонких бревен, соединенных в углах способом «в паз», причем концы бревен выступали за пределы углов сруба на 0,3 м. Сверху сруб был покрыт уложенными в ряд тонкими бревнами. Их концы сохранились только около северо-восточной и юго-западной стенок сруба. В восточной части перекрытия найдены два черешковых костяных наконечника стрел. При разборке сруба с северной стороны в северо-восточном углу могильной ямы обнаружено еще три таких же костяных наконечника. Могильная яма ограблена, в ней не оказалось скелета погребенного. Ограбление совершено, когда бревна перекрытия были достаточно прочными и грабителям пришлось их перерубать около западной и восточной стенок, сделав большое прямоугольное отверстие.

Курган 3. Расположен на правом берегу Чуи, между отметками 456–458 км Чуйского тракта, у дороги. Внешне курган представляет собой круглую в плане каменную насыпь диаметром 12 м, высотой 0,7 м. Каменная выкладка кургана в виде большого кольца, внешний диаметр которого образует край кургана. Ширина выкладки – 3,3–3,5 м. Площадь в центре кургана не заполнена камнем. После снятия курганной насыпи обнаружено могильное пятно с неровными очертаниями сторон размерами 2,7х2,4х3,3х3 м. На всю глубину (4,9 м) могила была заполнена песком с включением глины и забита камнем. В заполнении находились куски гнилого дерева, кости барана и позвонки лошади. Сохранились также остатки шести бревен перекрытия, расположенных в направлении запад-восток, уходящие под камни в восточной стороне могилы. При дальнейшей расчистке могильной ямы в ее восточном углу было обнаружено сгнившее дерево. Видимо, в могильной камере был сооружен деревянный склеп довольно большой высоты, так как остатки дерева прослеживаются на высоте 1,5 м от дна могилы. Конструкцию склепа определить трудно, но можно предположить, что его основу составлял сруб, покрытый бревенчатым накатом. Дно могилы было выстлано расколотыми бревнами.

На дне было расчищено захоронение человека с лошадьё. Погребенный был положен головой на юго-восток. Первоначальное его положение нарушено: нижняя челюсть лежала восточнее основной части скелета в отдалении от черепа, вместе с бедренной костью, скоплением ребер и позвонков. Другая бедренная и берцовая кости были обнаружены у черепа, рядом разбросаны кости рук. С восточной стороны от черепа найдены остатки железного кинжала плохой сохранности. У тазовых костей было расчищено бронзовое зеркало с отверстием на маленькой ручке (рис. 32. – 4). Среди костей скелета лежали два кусочка золотой фольги, рядом с черепом – кости барана, а вдоль северо-восточной стены – целый скелет лошади с железными удилами в зубах (рис. 32. – 2).

Курган 11. Представлял собой сложенный из камней плоский холм высотой 0,5 м, диаметром 8 м. Размеры могильной ямы 2х1,7 м; глубина – 1,5 м. Яма была заполнена песком с включениями глины и небольшого количества камней. На дне ее находился скелет женщины

в возрасте 30–32 лет. Погребение разрушено. Череп лежал в западном углу, нижняя челюсть – у юго-западной стенки, ближе к центру могильной ямы. Остальные кости располагались по всему дну могильной ямы в беспорядке. На правом виске черепа – отверстие с длинными лучами трещин, очевидно, след от удара инструмента грабителя. В центре могилы вместе с фалангами пальцев обнаружено довольно крупное бронзовое зеркало с ручкой и остатки кожаного чехла (рис. 32. – 5).

Погребение находилось в деревянном срубе, состоящем из двух венцов тонких лиственничных бревен. Дно склепа было выстлано слоем березовой коры. Корой была покрыта и крыша склепа, от которой остались небольшие осколки сгнившего дерева.

Курган 19. Расположен слева от дороги в Кош-Агач, около горы. Внешне он представлял собой небольшой холм из земли и крупных камней диаметром 10, высотой 0,5 м. После снятия камней было обнаружено слабо заметное прямоугольное могильное пятно. По цвету заполнения не отличалось от окружающей его земли, а выделялось только более мягкой и рыхлой почвой. Размеры могилы примерно 2,8x2,5 м, глубина – 2 м. Могильная яма заполнена в основном песком с вкраплениями глины. На глубине 1,6 м от поверхности ямы лежали крупные каменные плиты. Под каменным закладом было обнаружено погребение человека с лошадью. Погребенная женщина в возрасте 45–50 лет была положена внутри деревянного сруба размерами 2x0,45 м, от которого сохранились остатки сгнившего дерева. Следы дерева найдены на костях человека. Человеческий скелет сохранился довольно хорошо, хотя череп раздавлен упавшими камнями. По расположению ребер и костей таза видно, что погребенная была положена на спине, а ноги, подогнутые в коленях, свалились вправо (ориентация не указана, но, по всей видимости, восточная. – прим. авторов). Под скелетом лежали остатки подстилки или одежды из толстой кожи, сохранившейся небольшими фрагментами. Около черепа найдена золотая нашивная пластинка (с отверстиями по краю) рельефного тиснения с изображением оленя с ветвистыми рогами (рис. 31. – 5). Рядом с этой пластинкой располагались золотая подвеска с круглой халцедоновой бусиной, мелкие костяные бусинки и две маленькие выпуклые золотые нашивки на куске кожи (рис. 31. – 9).

К указанному погребению относятся уплощенная и шарообразная сердоликовые бусины (рис. 31. – 10, 11) и, возможно, граненая, квадратная в плане сердоликовая бусина (рис. 31. – 12). У правого плеча находился бронзовый нож с кольчатым навершием, а около правой руки, почти у самого запястья, найдено небольшое (диаметр 4,7 см), но довольно массивное бронзовое зеркало с петельчатой ручкой в виде туловища копытного животного (рис. 31. – 7, 8). На оборотной стороне зеркала видны тонкие процарапанные линии. Под черепом погребенного лежала бронзовая заколка длиной 8,2 см, по-видимому, с истлевшим деревянным навершием (рис. 31. – 6). Перед лицевой частью черепа находились два небольших окислившихся кусочка железа и костяное украшение. Около черепа обнаружено несколько позвонков и кости крестцовой части скелета барана.

К северу от погребенной, между срубом и стеной могильной ямы, лежал полностью сохранившийся скелет лошади, расстояние между скелетом лошади и человеком – 0,5 м. Под черепом лошади лежал большой камень. Передние и задние ее ноги были поджаты под туловище. От узды сохранились архаичные бронзовые удила с дополнительными отверстиями на внешних окончаниях и роговые псалии, один (приостренный) конец которых был оформлен в виде длинноклювого ушастого орла, а другой – в виде хищника (возможно, волка) с острым ухом (рис. 31. – 1, 4). В области живота лошади упомянуты две подпружные пряжки-застежки (рис. 31. – 2, 3). Следует отметить, что одна из пряжек, очевидно, происходит из другого захоронения, поскольку достоверных конструкций подпружных ремней с двумя пряжками-застежками не зафиксировано, а сами пряжки различаются по размерам. (Ошибка могла произойти на стадии обработки материала или во время имевшего место перемонтирования иллюстраций в издательстве. – прим. авторов).

Курган 23. Представлял собой плоский холм из земли и камней диаметром 8 м, высотой 0,8 м. В ходе раскопок были уточнены очертания и размеры могильного пятна. Могильная яма размерами 2,1x1,1 м, глубиной 1,7 м, вытянута с запада на восток, заполнена песком, перемешанным с глиной и камнями. На дне находился заваленный плитами и камнями различной величины ящик размерами 1,8x0,4 м из поставленных на ребро плоских плит (рис. 32. – 1). Около южной стенки сооружения лежал скелет женщины 30–32 лет, головой на восток. Левая рука согнута в локте, а правая вытянута вдоль туловища, ноги немного согнуты в коленях. Около черепа находились кусочки кожи, часть небольшой выпуклой четырехугольной золотой бляшки с неясным изображением животного и золотая круглая бляшка на кожаной основе. Справа, на плече погребенной, лежало большое круглое бронзовое зеркало диаметром 9,2 см с петелькой на оборотной стороне (рис. 32. – 3). Рядом с ним около черепа – костяная застежка с отверстием в центре, около правой руки – бронзовый нож с продольной прорезью у основания. Около правой бедренной и тазовой костей на боку лежала округлая небольшая плоская каменная зернотерка (вероятно, «алтарик»). – *прим. авторов*).

Курганы раннескифского (?) времени

Курган 42. Один из крайних с западной стороны могильника. Насыпь его совсем небольшая, диаметром 6 м, высотой 0,3 м, круглая в плане, состояла из каменных плит. В результате расчистки каменной насыпи в центре кургана была обнаружена оградка из поставленных на ребро больших каменных плит, которые образовывали овальную кладку длиной 2,4 м, шириной 1,6 м. Оградка была сооружена на поверхности погребенной почвы, сразу под насыпью. Сверху ее покрывала довольно большая каменная плита. Овал оградки вытянут с северо-запада на юго-восток. Внутренняя часть склепа была разделена каменной перегородкой на две части – северо-западную и юго-восточную. Внутри северо-западной части находился скелет подростка. Погребенный был положен скорченно на левом боку. Другая половина погребальной камеры была пуста.

Курган 51. Располагался в северо-западной части долины Алагаил на пологом склоне горы. Курганная насыпь, круглая в плане, диаметром 12 м (?), высотой 0,5 м, состоит из земли и камней, присыпанных песком и покрытых дерном. Камни сосредоточены плотнее в южной части насыпи. На расстоянии 1–1,2 м от края кургана в насыпи камни отсутствуют. В центре находилась круглая в плане каменная выкладка диаметром 1,4 м. Высота стен выкладки 0,5–0,6 м. Плиты стоят на уровне основания кургана, а верхняя их часть выступает над поверхностью кургана на высоту 0,1 м. Выкладка заполнена в верхней части слоем почвы с дерном толщиной 0,2 м, ниже – слой песка толщиной 0,3 м. На уровне основания кургана обнаружены кости трех погребенных, очевидно, потревоженные грабителями.

Погребение «А». Скелет находился в южной части могильной ямы. Погребенный был положен на левый бок, скорченно, головой на запад. Сохранились череп, шейные позвонки, лопатка, кости правой руки, несколько ребер и кости таза.

Погребение «Б». От погребенного сохранились полуистлевшие кости скелета. Найдено несколько грудных и поясных позвонков, четыре ребра, большие и малые берцовые кости ног, а также кости ступней. Они свидетельствуют, что погребенный был положен вытянуто, головой на юго-восток.

Погребение «В» находилось в восточной части могилы. Умерший располагался вытянуто, на спине, головой на север. Найдены кости правой руки, грудные и поясные позвонки, несколько остатков ребер, тазовые кости и длинные кости ног. Никакого инвентаря с погребенным не обнаружено.

Курган 52. Находился в северной части долины Алагаил между Чуйским трактом и скалой. Насыпь круглая в плане, диаметром 8 м, высотой 0,5 м. Курганный холм состоит из камней средней величины. В насыпи кургана обнаружена ограда прямоугольной формы, сложен-

ная из больших каменных плит, расположенная посреди кургана, с наибольшим отклонением от центра в юго-западную сторону, вытянута по направлению СЗ-ЮВ. На глубине 0,5 м было обнаружено погребение. Скелет погребенного находился в скорченном положении, на левом боку, с подогнутыми ногами и согнутыми в локтях руками, так что кисти рук располагались у лица. Головой погребенный был направлен в западный угол могилы. Скелет, принадлежал мужчине в возрасте 19–20 лет. Очевидно, погребенный при жизни лишился ноги, так как кости левой ноги ниже колена в могиле не обнаружены, хотя кости скелета не нарушены. На правой большой берцовой кости заметен след сросшегося перелома кости. Никакого инвентаря со скелетом не найдено.

Курган 53. Расположен в 30 м к западу от кургана 60. Курган представляет собой небольшой плоский холм, круглый в плане. Диаметр кургана 4, высота 0,3 м. На вершине кургана с небольшим отклонением к северо-западу находилась каменная оградка (склеп). Каменный ящик состоял из четырех больших, поставленных на ребро плит. Склеп вытянут в направлении СВ-ЮЗ. Погребальная камера (глубина – 0,5 м) была заполнена песком с мелкими камнями и задернована. На дне камеры детское погребение. Сохранились фрагменты скелета. Вещей не обнаружено.

Ала-Гаил

Раскопки В.А. Могильникова и А.С. Суразакова в 1976 г.
(Могильников, Суразаков, 1980)

Могильник Ала-Гаил состоял из шести каменных курганов и одной четырехугольной оградки. Четыре кургана периода ранних кочевников вытянулись цепочкой с С на Ю. В 10 м к востоку от цепочки расположены два кургана и четырехугольная оградка тюркского времени. В 105 м к югу от могильника проходит Чуйский тракт. Раскопан один курган.

Курган 1. Каменная насыпь кургана сильно задернована. Диаметр ее около 9,5 м, высота 0,35 м. В центре кургана имеется пологая западина. Почти квадратная могильная яма размерами 3,1х3 м, глубиной 2,2 м ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ. В южной половине ямы обнаружены остатки плохо сохранившегося сруба, внутренними размерами 2х1 м. Сруб был перекрыт в продольном направлении досками. В погребальной камере лежали два человеческих костяка. Оба на правом боку с подогнутыми ногами, головой на ВСВ. Кости погребенных частично смещены сурками. В северо-восточном углу найдены фрагменты пяти раздавленных кувшинов. Один из них орнаментирован вдоль венчика валиком с насечками. Вокруг головы северного костяка обнаружены обрывки золотой фольги. В ногах южного костяка лежали два костяных ромбических в сечении втульчатых наконечника стрел и остатки трех железных ножей, два из которых имели кольчатое навершие (рис. 32. – 10, 12–14). У тазовых костей этого костяка найдено бронзовое зеркало с боковой ручкой (рис. 32. – 11). Вдоль северной стенки могильной ямы была оставлена материковая приступка шириной около 1,4 м, высотой около 1 м, на которую были уложены две лошади. Обе ориентированы головами на ВСВ. В зубах лошадей сохранились железные удила, у северной – из двух звеньев, у южной – без шарнирного соединения (рис. 32. – 9). У северной лошади, кроме того, сохранились двудырчатые псалии, а у шейных позвонков – костяные застежка (?) и чумбурный блок (рис. 32. – 6–8).

Долина Боротал

Боротал-1

Раскопки В.Д. Кубарева в 1974–1975 гг.

Долина Боротал представляет собой пойму Чуи, частично затапливаемую при сильных весенних паводках. Могильник расположен в центральной части как наиболее высокой и удоб-

ной для строительства древнего кладбища. С северной стороны его ограничивает полотно Чуйского тракта (458 км). Могильник насчитывает более ста курганных насыпей, различных по форме и размерам (рис. 33), из которых вскрыто шесть пазырыкских курганов (7, 82, 99–102): №82 исследован в 1974 г., остальные – в 1975 г.

Курган 7. Круглая плоская насыпь выложена мелкими каменными обломками и редкими валунами. Размеры 32х30 м, высота 0,5–1 м. Края насыпи значительно задернованы. В северной поле насыпи различима кольцевая выкладка из крупных камней. В центре насыпи неглубокая западина из незадернованных камней. Большая яма прямоугольной формы расположена точно по центру курганной насыпи. Ее размеры – 5,7х4,7 м, глубина – 5 м, ориентация – по линии З-В. Заполнение ямы – лесс с линзами материковой глины и гумус из насыпи. В насыпи и яме часто встречались зола, древесный уголь и обломки дерева. На глубине 1,7–2 м в яме прослежен углистый слой мощностью 20–30 см. Сразу же над ним на разных уровнях (глубина от 2 до 4,5 м) рухнувшая кладка из каменных глыб до 1 м и больше в поперечнике. Под камнями следы от продольного перекрытия из лиственничных бревен диаметром 15–18 см. Сверху перекрытие местами обуглено. Концы бревен на глубине 2,1–2,3 м иногда как будто уходили в материковые стенки ямы. На дне могилы (глубина 5 м) находился большой четырехвенцовый лиственничный сруб размерами 4,6х3 м, высотой до 80 см. Западная часть сруба шире восточной. Сруб был покрыт продольными плахами, число которых установить не удалось. При зачистке сруба обнаружен прорубленный грабительский лаз у его южной стенки. Сверху он был заполнен натечной глиной, камнями и гумусом из насыпи. В нем же был найден раздавленный керамический кувшин высотой 55 см (диаметр дна – 9,5 см, тулова – 28 см, по венчику – 12 см, толщина стенок – 5 мм) со следами темной краски от дна до горловины, два бронзовых втульчатых трехлопастных наконечника стрел (рис. 34. – 2, 3) и правая локтевая кость человека с фалангами. Вероятно, грабители доставали сосуд для снятия крытых золотом аппликаций (возможно, и совершения обрядов), а затем сбросили его в шурф.

В ходе исследования просевшего перекрытия обнаружено четыре больших бронзовых гвоздя длиной до 18 см с массивными шляпками диаметром до 6 см (рис. 35. – 35–38). Вначале было сделано предположение, что они использовались для сбивания сруба. Однако этому предположению противоречит нахождение таких гвоздей на Алтае только по углам крышек устанавливаемых в элитных курганах колод. При срывании крышек с колод эти крепежные гвозди сбивались, отчего в верхней части они часто согнуты или сломаны. Аналогичные повреждения имеют и гвозди из кургана 7: все они согнуты, а три из них даже сломаны по стержню, несмотря на их толщину – 12х12 мм (рис. 35. – 35, 36, 38). На дне погребальной камеры найдено не менее 8 бронзовых гвоздей (шесть целых, две шляпки без штырей и один штырь без шляпки) длиной от 3,5 до 5,3 см с большими шляпками диаметром около 4,5 см. Два или три из них были сломаны по месту спайки шляпки со штырем (рис. 35. – 39–41). Такие гвозди в Башадаре-2 вбивались в линию по бортам колоды, но, возможно, могли вбиваться в перекрытие (?) или в пол (?), как это было в кургане 10 из Башадара (Марсадолов, 1997, рис. 11).

В южной части сруба обнаружен костяк мужчины на правом боку, головой на восток. Ноги согнуты в коленях, а кости левой руки неловко закинута за череп. Локтевая и лучевая кости правой руки вместе с кистью были, очевидно, отделены грабителями и найдены, как упоминалось выше, в грабительском лазе. То же самое можно предположить и о перевернутом черепе погребенного, который вместе с первым шейным позвонком, возможно, был отделен грабителями для снятия золотой шейной гривны (?). Над черепом погребенного найдены обрывки золотых бляшек различной формы, в том числе обложенные золотой фольгой железные рога «козерога» (рис. 35. – 1–8, 13–31). У восточной стенки сруба обнаружены крестцовые позвонки барана и железный нож с треугольной рукоятью, обложенной золотой фольгой (рис. 34. – 4). У тазовых костей погребенного найдена одна крупная сердоликовая бусина (рис. 35. – 33). В северной части сруба напротив черепа находился крестец лошади. А в проти-

воположном конце сруба, т.е. вплотную у западной стенки, собрано более 50 полусферических золотых бляшек с двумя отверстиями для пришивания. У некоторых из них сохранилась бронзовая основа (рис. 35. – 9–12). Вероятно, они были нашиты на одежду.

Между северной и западной стенками ямы и срубом зачищены костяки семи коней, размещенных головами по часовой стрелке: лошади у западной стенки – головами на север, а у северной – на восток (рис. 34. – 1). При этом некоторые лошади перекрывали друг друга (вдоль западной стенки) или же голова одной укладывалась на круп предшествующей. Позы их традиционны – все уложены с поджатыми под брюхо передними и задними ногами. Черепа всех семи животных пробиты чеканом. Кони взнузданы железными кольчатыми удилами, из которых сравнительно неплохо сохранились у лошадей 1, 3–5 (рис. 34. – 9–12). У одной из первых двух лошадей найден комплект из роговых подпружных пряжки и блока (рис. 34. – 5, 6). У северных же лошадей найдены две почти идентичных (за исключением разнонаправленных носиков) пряжки, как бы вырубленные из бронзовой пластины (на самом деле отлитые). Очевидно, они происходят из разных наборов и использовались с несохранившимися деревянными или ременными блоками (рис. 34. – 7, 8). При разборке костяков коней 3 и 7 найдены тончайшие обрывки оловянной (?) фольги, видимо, покрывавшей деревянные украшения узды. Следует особо подчеркнуть «бедность» экипировки погребенных лошадей в этом элитном кургане. Такого рода погребения часто трактуют как поздние, но подпружные пряжки и наконечники стрел однозначно указывают на датировку кургана 7 башадарским периодом.

Курган 82. Насыпь сильно задернована, округлой формы, выложена крупными валунами и диким рваным камнем, кое-где в западинах поросла низкорослым кустарником. Диаметр – около 17 м, высота – 50–58 см. В насыпи видна западина, немного смещенная от центра на север. После полного снятия насыпи и зачистки появилось плохо различимое пятно могилы размерами 3,7х3 м, глубиной 4,1 м, ориентированной по линии З-В. При выборке грунта из могильной ямы на глубине 0,6–0,8 м от древней поверхности в южной части под камнями найдено впускное погребение ориентированной на запад лошади со сбруйной фурнитурой и другим инвентарем тюркского времени (Кубарев Г.В., 2005, с. 379, рис. 110–112).

Ниже впускного погребения в заполнении ямы, состоявшем из песка и глины, часто встречались прокаленные кусочки глины красного цвета, угли и обломки дерева. На глубине 2,2 м в восточной части ямы найдены: плечевая кость человека, отдельные зубы, ребра, фрагмент золотого листка и два позвонка, среди них обломок железного ножа. На глубине около 3,9 м от поверхности, в западной части ямы и в ее юго-восточном углу обнаружены два массивных цельнолитых бронзовых гвоздя длиной по 8,6 см (рис. 36. – 17, 18). На дне могильной ямы (4,1 м) выявлен плохо сохранившийся рубленный в лапу сруб размерами 3,1х1 м, высотой около 30–40 см. Из-за плохой сохранности сруба количество венцов не удалось установить. В срубе находился скелет взрослого мужчины, уложенного вытянуто, на спине со слегка согнутыми в коленях ногами, головой на ВСВ. Погребение частично нарушено грабительским лазом. Часть грудной клетки с позвонками отсутствует, но череп сохранился на первоначальном месте. У черепа отмечены две четырехлепестковые бляшки и две в виде асимметричного листка (рис. 36. – 13–16) из золотого листка. Бляшки такой формы и орнамента обычно украшают конское снаряжение и не встречаются на головных уборах. Возможно, они были перемещены грызунами. По-видимому, там же были две золотые накладки с орнаментом в виде запятых (рис. 36. – 11, 12). Слева от них – развал узкогорлого керамического кувшина высотой 32 см (диаметры по дну – 9,5 см, по тулову – 21,5 см, по горловине – 9 см, по венчику – 12 см, толщина стенок – 5–6 мм). Поверхность сосуда хорошо заглажена, красноватого цвета с темными пятнами, росписи не отмечено (рис. 36. – 2). Рядом с сосудом у северной стенки сруба в позвонках барана сохранилась петельчатая рукоять железного ножа, обложенная золотым листом (рис. 36. – 3).

Вдоль правой бедренной кости погребенного лежал плохо сохранившийся железный чекан с круглым в сечении обушком, к которому «прикипела» застежка из клыка кабана. На

другом конце деревянной рукоятки длиной 76 см находился бронзовый митровидный вток с отверстием для вставки запирающего деревянного стержня (рис. 37. – 3, 4, 5). У верхнего конца древка чекана найден бронзовый крючок с протомой кошачьего хищника и петелькой для подвешивания (рис. 37. – 6). Поверх древка чекана найден железный кинжал с бабочковидным перекрестием и антенным навершием длиной 31–32 см (рис. 37. – 1, 1а). На плохо сохранившихся ожелезненных обтянутых кожей деревянных ножнах найдено три однотипных круглых золотых бляшки, по-видимому, накладывавшихся на кожаные кружки (рис. 37. – 19, 20), и застежка из сверленного клыка кабана (рис. 37. – 2). Между бедренными костями лежала золотая обкладка, очевидно, кожаной имитации поясной прорезной обоймы (рис. 37. – 16), а на левой бедренной кости – две золотые обкладки деревянных (?) ворворок (рис. 37. – 17, 18). Вдоль берцовых костей левой ноги лежали восемь черешковых и два втульчатых пулевидных наконечника стрел из рога (рис. 37. – 7–15).

В северной части могильной ямы параллельно срубам уложены две лошади, ориентированные черепами на восток. Ноги поджаты под брюхо, причем череп второй лошади покоится на задних конечностях первой. У первой лошади в зубах находились бронзовые удила с деревянными псалиями (рис. 36. – 4, 5, 8), а на уздечке – три однотипные деревянные «пуговицы», из которых две имели диаметр 3 см (рис. 36. – 10), а третья – 4 см. Под ребрами первой же лошади найден роговой подпружный блок (рис. 36. – 9). В зубах второй лошади также находились бронзовые удила с деревянными двудырчатыми псалиями, но плохой сохранности (рис. 36. – 6, 7).

Курган 99. Плоская насыпь округлой формы 9x10 м, высота не более 30 см, большей частью задернована. Выложена редкими валунами и обломками камней. Под насыпью плохо различаемые очертания могилы прямоугольной формы 2,7x1,8 м, глубиной 1,9 м, ориентированной по линии 3-В. Вдоль северной стенки находились костяки двух последовательно уложенных лошадей. Кости находившейся несколько выше (глубина 1,2 м) первой лошади были сильно потревожены. Причины этого не вполне ясны, поскольку грабителей, как правило, интересовало погребение человека, а не лошадей, тем более, что от снаряжения первой лошади сохранилось довольно много роговых седельных подвесок, пронизок и подпружный блок (рис. 39. – 8–16), а пробитый чеканом череп в северо-восточном углу ямы с замечательными роговыми псалиями, роговыми кольцевидными пронизками и железными удилами плохой сохранности (рис. 39. – 1–4, 7) не был потревожен. У второй, западной, лошади седельной фурнитуры не зафиксировано, а от уздечной сохранилась нижняя часть рогового псалия с продольными желобками и несколько железных овальных и полукруглых пронизок (рис. 39. – 5, 6). В западной части могильной ямы найдено несколько позвонков барана и два (?), роговых втульчатых наконечника стрел.

При раскопках южной части ямы, на глубине 1,9 м зачищен небольшой двухвенцовый сруб из листовенничных плах размерами 1,6x0,8 м (рис. 38. – 1). Костей человека в могиле не оказалось. Вероятно, это кенотаф. У северной стенки сруба на дне ямы лежал железный чекан, а в восточной – железный вток с валиком у основания (рис. 38. – 5, 6). В центре сруба – фрагменты золотой фольги и миниатюрная серебряная бляшка с перемычкой на обороте (рис. 38. – 9). В разных частях сруба было найдено четыре раковины каури, обломок клинка железного кинжала, железные фрагменты втулок (?) и кусочек сложенной вдвое ткани (рис. 38. – 2, 7, 8, 10–14). Вдоль южной стенки сруба прослежен слабый тлен от нескольких древков стрел с тремя (?) роговыми втульчатыми наконечниками (рис. 38. – 3, 4). Вокруг сруба часто встречались отдельные древесные угли. Судя по неупорядоченности расположения предметов, обломкам кинжала и втулок, в погребальной камере побывали грабители.

Курган 100. Круглая насыпь диаметром 10 м, высотой до 0,6 м сильно задернована. Ее южная пола более плоская и сверху почти не имеет камней. Остальная же часть насыпи сложена диким рваным камнем. Яма овальной в плане формы, размерами 2,2x1,8 м, глубиной 1,8 м, ориентирована по линии 3-В. На глубине в 0,7 м в северо-восточном углу ямы пер-

вым появился череп лошади, а вдоль северной стенки могильной ямы ее разрозненные кости. В западной части ямы под отдельными костями лошади (глубина 1–1,2 м) найдены два каменных клыка-подвески от нагрудника (?) со сквозным отверстием в основании для нанизывания. У одного из них основание клыка изнутри обработано под вставку деревянного клина (рис. 40. – 24). В заполнении могильной ямы встречались мелкие чешуйки красного лака и отдельные куски дерева темно-коричневого цвета.

На глубине 1,8 м находился плохо сохранившийся двухвенцовый (?) лиственничный сруб (рис. 40. – 1) размерами около 1,8х1,5 м. В северо-восточном углу ямы (сруба) найдены развалы двух керамических кувшинов (рис. 40. – 2,3). Один из них, красноватого цвета, лощенный, высотой 30 см (диаметр по дну и горловине – 7,5 см, по венчику – 9,5 см; толщина дна 8 мм, стенок – 5 мм) был орнаментирован тремя горизонтальными линиями, выполненными штампом длиной 3–4 см. Между нижней и средней линиями нанесены три строчки зигзага, выполненного штампом длиной 1,8 см. Последовательность нанесения орнамента: горизонтальные линии, а затем зигзаг – слева направо. Второй более грубый сосудик высотой 16,5 см (диаметр по дну – 6 см, тулову – 12 см, горловине – 5 см, венчику – 6,2 см; толщина дна и горловины – 5 мм, тулова – до 8 мм) темно-серого цвета имел раздутое тулово и почти цилиндрическую горловину с отогнутым венчиком.

Погребение было парным. Кости людей (по инвентарю мужчина и женщина) были смещены в основном к западной стенке. Один из черепов лежал у восточной стенки сруба, а другой – ближе к западной. Судя по расположению сосудов и ориентации лошади, умершие погребались головой на восток. В центре сруба найдено семь роговых втульчатых наконечников стрел, пять раковин каури, восьмерковидная серебряная (?) серьга с подвеской, на которой располагались две стеклянных бусинки и фрагменты золотой фольги (рис. 40. – 4–11, 13–21).

При разборке западной части могилы обнаружена россыпь цилиндрических бус (22 шт.) из белого камня (рис. 40. – 12). У восточной стенки сруба найден третий каменный клык худшей сохранности с четырьмя крестообразно расположенными в основании отверстиями диаметром 5 мм (рис. 40. – 23). По конструкции он аналогичен не подвескам, а уздечным распределителям, но малый диаметр отверстий не позволяет с уверенностью отнести его к конскому снаряжению, где ремни имели больший диаметр. Под скоплением костей в юго-западном углу сруба найдена роговая коническая ворворка (рис. 40. – 22). Судя по малым размерам и месту нахождения, она относится к поясной фурнитуре погребенного здесь воина. Здесь же, на дне ямы, под костями встречались обломки железа.

Курган 101. Курган находился в 20–25 м от современного Чуйского тракта, замыкал Боротальскую группу курганов с севера. Насыпь каменная, значительно задернована размерами 11х8 м, высотой 0,3–0,4 м, в центре западина. По центру располагалась могильная яма прямоугольной формы 2,7х2,4 м, глубиной 1,9 м (рис. 41. – 1). На дне ямы находился двухвенцовый (?) лиственничный сруб, рубленный в обло с остатком. Размеры сруба – 2,5х1,2 м, высота – 30–40 см. Толщина плах сруба 15–18 см. Захоронение двух человек сильно потревожено, но по оставшимся на первоначальном месте черепу южного погребенного и расположению сосуда устанавливается их восточная ориентация. Горшковидный сосуд имел темный цвет и хорошо заглаженную поверхность. Его высота 14 см. Под венчиком – два отверстия для подвешивания (рис. 41. – 2). Рядом с ним находились позвонки барана и два железных ножа плохой сохранности.

Курган 102. Насыпь задернована из мелкого и крупного рваного камня, ее диаметр 11 м, высота до 0,5 м. В центре западина (3х3 м) без камней. В восточной поле насыпи на древней поверхности встречались угли и фрагменты керамики. Могильная яма почти квадратной формы 2,8х2,4 м, глубиной 2,3 м, ориентирована по линии 3-В.

В заполнении ямы на всей глубине до дна попадались древесные угли, кости животных (лошади), крупные камни и отдельные человеческие кости. На дне ямы прослежен древесный

тлен от сруба (?). В яме у предполагаемой восточной стенки сруба находились мелкие обломки тонкостенного керамического сосуда, еще несколько фрагментов от второго (?) сосуда найдены несколько выше дна могилы – у северной стенки ямы. На этой же глубине в центре ямы – кости лошади и человека (рис. 41. – 4). На дне могилы также были кости человека и обрывки золотой фольги. В северо-западном углу ямы найдены: бронзовое зеркало диаметром диска 8,5 см в кожаном футляре с аппликацией, два бронзовых костылька-подвески, обломок железного кинжала (?), роговой черешковый наконечник стрелы и фрагменты железа (рис. 41. – 5–9). На дне ямы прослежена вымостка из мелких камней, а в западной части могильной ямы – кости ног в анатомическом порядке, что указывает на восточную ориентацию умершего, погребенного (судя по остаткам дерева и разрезам) в лиственничной колоде.

Боротал-2

Раскопки В.А. Могильникова и А.С. Суразакова в 1976 г.
(Могильников, Суразаков, 1980)

Могильник расположен в юго-восточном ответвлении долины Боротал на берегу высохшего русла безымянной реки. Состоял из восьми курганов, семь из которых вытянулись меридиональной цепочкой. В 1976 г. раскопано три кургана пазырыкской культуры.

Курган 1. Расположен на северном конце цепочки. Насыпь кургана представляла собой овальную вытянутую в широтном направлении наброску размерами 7х8 м, высотой 0,4 м. В центре имелась пологая западина. Под насыпью находилась ориентированная по линии ЗЮЗ-ВСВ подпрямоугольная яма размерами 2,5х2,1 м, глубиной 3 м. На дне располагался сруб в два венца высотой 0,2 м, внутренними размерами 1,6х1 м, с настилом из досок. Вдоль южной стенки сруба костяк взрослого человека лежал на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на ВСВ. В области шеи погребенного найдены обрывки золотой фольги, около правой бедренной кости обнаружены кусочки железа от кинжала (?). У северной стенки сруба найден глиняный кувшин (рис. 42. – 16). Рядом с ним лежали позвонки барана и обломки железного ножа.

Курган 2. Представлял собой сильно задернованную каменную наброску диаметром 7 м, высотой 0,32 м. В центре насыпи имелась пологая западина. Размеры могильной ямы составляли 3х2,3 м, глубина – 2,65 м, ориентация ЗЮЗ-ВСВ. На дне ближе к южной стенке находился бревенчатый сруб в два венца высотой 0,3 м, внутренними размерами 1,6х1,1 м. Дно и перекрытие состояли из плах. В срубе обнаружено три человеческих костяка, уложенных на правый бок, с подогнутыми ногами, головой на ВСВ (рис. 42. – 1). Большая часть вещей найдена у южного костяка. У его черепа обнаружены фрагменты золотой фольги, на тазовых костях – миниатюрный бронзовый чекан с остатками деревянной рукояти, у правой бедренной кости – бронзовый кинжал с прорезной ручкой и стилизованными грифонными головками на навершии и перекрестии (рис. 42. – 5, 6). От ножен сохранилась лишь их деревянная основа с утолщениями в области перекрестия. Под тазовыми костями погребенного найдено миниатюрное бронзовое зеркало в деревянном футляре (рис. 42. – 3), в ногах – раздавленный глиняный сосуд. У соседнего костяка вещей не обнаружено. Череп его пробит двумя ударами чекана. В отличие от первых двух, взрослых, северный костяк принадлежит подростку. Рядом с ним найдены позвонки барана, железный нож и лепной кувшин красноватого обжига (рис. 42. – 2, 4). За северной стенкой сруба на уровне дна могильной ямы обнаружен конский костяк. Последний лежал с подогнутыми под живот ногами, головой на ВСВ. В зубах коня сохранились железные кольчатые удила (рис. 42. – 7).

Курган 7. Располагался в южном конце цепочки. Диаметр каменной насыпи 7 м, высота 0,35 м. В южной части среди камней насыпи найден обломок зернотерки. Под насыпью и в юго-восточной части кургана обнаружены обломки двух лепных сосудов баночной фор-

мы (рис. 42. – 10, 11). Под центром кургана находилась могила размерами 3х2,8 м, глубиной 2 м, ориентированная по линии ЗЮЗ-ВСВ. На дне ямы сохранился сруб в три венца (внутренние размеры 2,05х1,65 м), высотой около 0,65 м, покрытый в продольном направлении семью толстыми плахами. Внутренние стенки сруба отесаны, дно выстлано досками. Вдоль южной стенки сруба лежал костяк взрослого человека, уложенного на три плоских камня (под бедренными костями, тазом и головой), на правый бок с подогнутыми ногами, головой на ВСВ. Между камнями сохранился темный тлен от подстилки. У левого предплечья костяка обнаружены фрагменты золотой фольги. В области живота найдена бронзовая полушаровидная бляшка, а также миниатюрный бронзовый чекан с остатками деревянной рукояти (рис. 42. – 9, 15). К чекану была привязана вырезанная из дерева головка грифона, вероятно, застежка (рис. 42. – 14). Рядом с правой бедренной костью погребенного найдены остатки железного кинжала, имеющего узкое прямое перекрестие (рис. 42. – 8). На клинке кинжала сохранилось дерево от ножен. Последние, по-видимому, оканчивались расширением, украшенным деревянной грифоньей головкой (рис. 42. – 13). Рядом с остатками кинжала обнаружена кольцевидная имитация миниатюрного бронзового зеркала в деревянном футляре (рис. 42. – 12). В изголовье погребенного посередине восточной стенки сруба найден раздавленный глиняный кувшин. В северо-восточной части сруба лежали позвонки барана, среди которых обнаружены остатки железного ножа с кольцевым навершием, рассыпавшимся от коррозии. За северной стенкой погребальной камеры на уровне дна могильной ямы располагался костяк жеребенка, уложенного с поджатыми под живот ногами, головой на ВСВ.

Боротал-3

Раскопки В.А. Могильникова и А.С. Суразакова в 1976 г.

(Могильников, Суразаков, 1980)

Могильник Боротал-3 расположен в 160 м от могильника Боротал-2. Он состоит из девяти каменных курганов и одной четырехугольной оградки. Восемь курганов протянулись цепочкой с севера на юг. Курган 9 расположен в 10 м к западу от центра цепочки. Раскопано шесть курганов пазырыкской культуры.

Курган 1. Самый северный в цепочке, представляет собой сферическую каменную наброску диаметром с С на Ю 6 м, с З на В – 7 м. Высота насыпи 0,4 м. В центре кургана имеется пологая западина. Под насыпью обнаружена подпрямоугольная могильная яма размерами 2,6х2,1 м, глубиной 2 м, ориентированная по линии ЗЮЗ-ВСВ. Погребение ограблено. Человеческие кости лежали в беспорядке преимущественно в западной части ямы. Череп находился в восточной части могилы. Вещей не найдено. Вдоль северной стенки ямы на приступке из нетронутого материка (ширина 0,7 м, высота 0,3 м) лежал костяк коня с поджатыми под живот ногами, головой на ВСВ.

Курган 2. Представлял собой овальную, сильно задернованную каменную наброску диаметром с С на Ю 6 м, с З на В – 7 м, высотой 0,46 м. В центре кургана имеется пологая западина. Могильная яма (3х2,3 м, глубина 1,95 м), ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ. В яме обнаружено два погребения – основное и впускное.

Погребение 1 (впускное) находилось на глубине около 1,4 м от погребенной почвы. Костяк взрослого человека, обложенный камнями, лежал скорченно, на левом боку, головой на ЗЮЗ. Среди ребер костяка найдена роговая (костяная) круглая седельная пронизка (рис. 43. – 10).

Погребение 2 (основное) помещалось на дне могильной ямы в срубе из двух венцов, высотой 0,2 м, внутренними размерами 2х1,1 м. Погребение ограблено, очевидно, при устройстве впускного захоронения. Человеческие кости разбросаны по всей погребальной камере. В юго-восточной части сруба найден пробитый двумя ударами чекана череп. У северной стен-

ки камеры обнаружено скопление позвонков барана, в юго-восточном углу найден костяной втульчатый трехгранный наконечник стрелы (рис. 43. – 11).

Курган 3. Имел сильно задернованную каменную насыпь с западиной посередине. Диаметр насыпи с С на Ю 5,5 м, с З на В – 6,5 м, высота 0,3 м. Могильная яма размерами 2,4х2 м, глубиной 1,6 м ориентирована с ЗЮЗ на ВСВ. На дне ямы обнаружен плохо сохранившийся сруб в один венец высотой 0,14 м. Погребение ограблено. Кости человека раскиданы в беспорядке. Череп найден в юго-восточном углу погребальной камеры. Можно предположить, что погребенный был уложен головой на восток.

Курган 4. В центре каменной насыпи диаметром с С на Ю 5,5 м, с З на В – 6,8 м, высотой 0,36 м имелась пологая западина. Могильная яма размерами 3,5х2,5 м, глубиной 2,15 м ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ. В яме обнаружено два погребения – основное и впускное (рис. 43. – 1).

Погребение 1 (впускное) находилось на глубине 0,84 м от древнего горизонта (рис. 43. – 1, 3). Совершено в каменном ящике, сложенном из вертикально поставленных плит. Ящик перекрыт в продольном направлении тремя узкими длинными плитами. На дне ящика лежал скелет взрослого человека, скорченно, на левом боку, головой на ЗЮЗ. Рядом с левой бедренной костью погребенного найден железный нож без выделенной ручки (рис. 43. – 8).

Погребение 2 (основное) помещалось на дне могильной ямы в срубе из трех венцов внутренними размерами 1,75х1,2 м (рис. 43. – 2). Погребение ограблено. На дне погребальной камеры в беспорядке лежали кости трех человеческих скелетов. Черепа отброшены к южной стенке сруба. В северо-восточном углу камеры найден обломок деревянного блюда, в юго-западном углу – деревянные ножны, в которые был вставлен миниатюрный бронзовый, судя по окислам, кинжал (рис. 43. – 4, 9). У западной стенки сруба обнаружен покрытый окислами железа фрагмент кожи. Сверху погребальная камера имела продольное перекрытие. За северной стенкой сруба, на материковой приступке высотой около 0,3 м, обнаружено конское захоронение. Две лошади, сброшенные в яму друг на друга, лежали головами на ВСВ. В зубах лошадей сохранились железные кольчатые удила (рис. 43. – 7). На тазовых костях верхнего конского скелета найдена роговая круглая седельная пронизка (рис. 43. – 6), на ребрах, скорее всего, выкинутый грабителями из человеческого погребения обломок деревянных ножен для миниатюрного бронзового кинжала (рис. 43. – 5).

Курган 5. Представлял собой сильно задернованную овальную каменную наброску диаметром около 5 м. В центре ее имеется пологая западина (рис. 44. – 1). Могильная яма почти квадратная, размерами 2,1х2 м, глубиной 1,55 м, ориентирована по линии ЗСЗ-ВЮВ. На дне ямы стоял перекрытый плахами в продольном направлении бревенчатый сруб в два венца, высотой 0,2 м, внутренними размерами 0,9х0,85 м (рис. 44. – 2). На дне погребальной камеры обнаружены потревоженные сурками остатки трех детских костяков. Судя по сохранившимся в первоначальном положении костям среднего скелета, все погребенные были уложены на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на ВЮВ. В северной части камеры найдены три глиняных кувшина красноватого обжига (рис. 44. – 3–5). Один из них имеет петлевидную ручку и украшен по тулову S-видным орнаментом. Рядом с кувшинами лежали обломки железного ножа. В северо-восточном углу сруба обнаружены позвонки барана, среди которых найдены остатки еще двух железных ножей (рис. 44. – 6, 7). Один из них имел кольчатое навершие. В разных местах погребения обнаружены обрывки золотой фольги. Рядом с костями барана сохранился тлен от деревянного сосуда.

Курган 8. Насыпь кургана представляла собой сильно задернованную овальную каменную наброску размерами с С на Ю 5,6 м, с З на В – 7,5 м, высотой 0,45 м. Под насыпью в южной части кургана найдены фрагменты двух толстостенных баночных сосудов (рис. 44. – 9, 10). Могильная яма размерами 2,7х2,4 м глубиной 2,3 м ориентирована по линии ЗЮЗ-ВСВ. На дне ямы обнаружен бревенчатый сруб в один венец, высотой 0,1 м, внутренними разме-

рами 1,6x1,1 м. Вдоль южной стенки лежали два человеческих костяка, оба на правом боку, с подогнутыми ногами, головой на ВСВ (рис. 44. – 8). Под черепом южного костяка обнаружено скопление мелких угольков (сажистое пятно?). Погребение потревожено сурками. В северо-восточном углу сруба найдены позвонки барана и обломки двух плохо сохранившихся железных ножей. У северной стенки камеры стоял лепной кувшин красноватого обжига с полым поддоном (рис. 44. – 11). На южном конце восточного бревна сруба обнаружены две бронзовые серьги с листовидными подвесками и бронзовое зеркало с остатками мехового футляра (рис. 44. – 12–14).

Курганы в среднем течении Чуи

В 1983 г. под руководством В.Д. Кубарева проводились охранные раскопки в Курайской степи (Кош-Агачский район), в зоне строительства мелиоративных систем на реках Тете (могильник Тете-4) и Актру (Чичке-1). Исследовано 8 курганов пазырыкской культуры, одна стела внутри оградки раннескифского времени и одна оградка древнетюркской эпохи.

Чичке-1

Могильник Чичке-1 расположен в 2,5–2 км от правого берега Актру по направлению к р. Тете. Археологические памятники в долине Актру (левый приток Чуи) представлены в большом числе: курганами скифского и древнетюркского времени, ритуальными сооружениями в виде каменных колец, оградок, стел и каменных изваяний. Они располагаются в основном в среднем течении реки.

Могильник Чичке-1 насчитывает 11 каменных насыпей диаметром 6–10 м (рис. 45. – 1). Курганы образуют прерывистую цепочку, которую условно можно разделить на две группы: 1) курганы 1–6; 2) курганы 8–11. Курган 7 устроен обособленно, западной основной цепочки, он как бы связывает обе группы. Курганы 1 и 11 раскопаны отрядом Алтайского государственного университета. Отрядом В.Д. Кубарева исследованы курганы 5–7, 8а и 9.

Курган 5. Насыпь округлой формы диаметром 9,5 м, высотой 40–50 см. В центре обширная западина (рис. 45. – 2). Под насыпью подпрямоугольная могильная яма 2x1,8x2 м. Заполнение – мешаный галечник с включением крупных валунов. При выборке его часто попадались обломанные кости человека. На дне ямы плохо сохранившийся одновенцовый (?) листовенный сруб размерами 1,5x1,2 м. В нем разрозненные кости двух погребенных: женщины и ребенка (рис. 45. – 3). Первоначальное положение сохранили только кости ног в восточной части сруба. По ним ориентация определяется как западная. Из инвентаря найдена бронзовая бляшка с петелькой на обороте в восточной части сруба (рис. 45. – 4). Дно сруба выстлано тонкими досками.

Курган 6. Насыпь округлая, диаметр 9 м, высота 25–30 см. В центре западина глубиной 0,5 м. Под насыпью могильная яма размерами 3x2,4 м, глубиной 2,6 м, на дне которой находился плохо сохранившийся двухвенцовый сруб с продольным покрытием внутренними размерами 1,8x1,1 м. Погребение парное. Умершие погребены на левом боку, черепами на запад. Ноги слегка согнуты в коленных суставах, руки перед грудью (рис. 45. – 5). На южном погребенном, рядом с черепом, лежал бронзовый чекан на длинной деревянной рукояти, а на правом боку (бедренная кость) – бронзовая модель кинжала в деревянных ножнах, прикрытых с внутренней стороны лоскутом кожи (рис. 45. – 10, 11). У черепа лежали три роговых черешковых наконечника стрел (рис. 45. – 6, 7). Второй бронзовый чекан лежал позади тазовой кости северного погребенного (рис. 45. – 9). За черепами собраны обрывки золотых листков от головных уборов, два из которых покрывали рога «козерога» (рис. 45. – 12–15). Помимо этого в могиле найдена деревянная «пуговица» (рис. 45. – 8).

Курган 7. Насыпь каменная округлая диаметром 8 м, высотой 18–20 см с обширной и глубокой западиной в центре (рис. 46. – 1). Яма подпрямоугольная размерами 3,5х2,5 м, глубиной 2,2 м. В заполнении галька, щебенка, редкие валуны и отдельные кости животных. На дне ямы находился двухвенцовый листовенничный сруб размерами 1,9х1,2 м с обугленным продольным перекрытием (рис. 46. – 2). Между восточной стенкой ямы и срубом найдена трубчатая кость животного. В срубе находок не было. Вероятно, это кенотаф.

Курган 8а. Насыпь, едва заметная на поверхности, была сооружена вплотную к насыпи кургана 8 с юга. Сложена несколькими крупными валунами (рис. 46. – 3). Под насыпью небольшая могила размерами 1,7х1,5 м, глубиной 1,5 м. В заполнении лесс, мелкая галька и отдельные крупные камни. На глубине 1,1–1,2 м появилось перекрытие каменного ящика из четырех плит, уложенных плашмя поперек ящика. Ящик размерами 1,23х0,7х0,3 м составлен из четырех массивных сланцевых плит, поставленных на ребро. Дно ящика также выстлано небольшими сланцевыми плитами. Внутри ящик был полностью заполнен землей и мелкими камнями. При зачистке обнаружены разрозненные кости ориентированного на запад ребенка 5–6 лет. В центральной части найдено несколько позвонков крупной рыбы со сверлинами и маральи клыки (рис. 46. – 5, 6).

Курган 9. Насыпь округлая диаметром 16 м, высотой до 0,5 м. По периметру камень выбран для строительных работ (рис. 46. – 7). Западины не отмечено. После снятия насыпи, в которой обнаружены разрозненные кости марала, выявлена небольшая могильная яма размерами 2,7х2,25 м, глубиной 2,2 м, заполненная лессом с включением галечника и крупных камней. В срубе плохой сохранности размерами 2,1х1,7 м со сгнившим продольным перекрытием расчищены разрозненные кости трех погребенных (мужчина, женщина (?), ребенок), сконцентрированные в основном в восточной части (рис. 46. – 8). В западной части найдены только две нижних челюсти, видимо, сохранившие первоначальное положение, да несколько фрагментов золотых листков от украшений головного убора. Эти находки свидетельствуют о западной ориентировке погребенных. У южной стенки сруба, посередине, найдено несколько маральих клыков со сверлинами, один клык кабарги и мелкие обломки железа (рис. 46. – 9–11).

Тете-4

Археологические памятники в долине р. Тете (левый приток Чуи) располагаются в основном в среднем течении. По обоим берегам реки более 15 могильников скифского времени, десятки древнетюркских оградок и других ритуальных сооружений. Для раскопок выбран попадавший в зону сельскохозяйственных работ небольшой могильник скифского времени, устроенный на правом берегу Тете. Выбор был обусловлен аварийным состоянием этого памятника. Так, дополнительные «поминальные» сооружения с западной стороны могильника были уничтожены полностью распашкой. Насыпь одного из курганов (к. 8) была нарушена каналом. Могильник назван Тете-4 (если начинать счет с верховьев реки по правому берегу). Он включает в себя 9 каменных насыпей и 13 древнетюркских «поминальных» оградок (рис. 47. – 1). Курганы и оградки образуют подобие неровной, прерывистой цепочки, направленной с юга на север. Раскопаны курганы 4, 6, 8, 9.

Курган 4. Насыпь каменная, округлая, значительно задернована, в центре уплощенная западина. Диаметр насыпи 9 м, высота 25–30 см. Размеры прямоугольной могилы 2,8х1,8 м, глубина 2,3 м (рис. 47. – 3). На глубине 40–45 см в яме в аморфной каменной обкладке зачищен костяк ребенка (длина 70–75 см), уложенного вытянуто на спине, головой на СЗ (рис. 47. – 2). Вдоль правого бедра остатки обугленной палочки. Инвентарь отсутствовал, кроме одной небольшой бусинки зеленого цвета, найденной под черепом.

На глубине 2 м в восточной части ямы обнаружены череп и разрозненные кости человека. При дальнейшей расчистке выяснилось, что в плохо сохранившемся срубе размерами 1,9х1,1 м, высотой 40 см лежали двое погребенных (рис. 47. – 3) на левом боку, черепами на запад. Юж-

ный костяк разрушен, первоначальное положение сохранили только лопатки, ребра и кости рук, остальные сдвинуты в юго-восточный угол сруба. Здесь же у длинных костей найдена бронзовая бляшка с петелькой на обороте (рис. 47. – 8). Основные же находки были на втором костяке. За его черепом найдены обломки орнаментированного двумя гладкими налепными валиками керамического кувшина, две бараньих (?) лопатки и две глазчатых бусины (рис. 47. – 4, 15). В области поясных позвонков – бронзовый крючок, две поясные бронзовые обоймы (одна, вероятно, происходит с пояса южного костяка) и бронзовая выпуклая ворворка с отверстием в центре (рис. 47. – 6, 9, 10, 13). На правой бедренной кости находился бронзовый кинжал (рис. 47. – 5) острием вниз. У черепа второго погребенного – позвонки барана и бронзовый нож (рис. 47. – 14). У восточной стенки сруба найдены два роговых наконечника (черешковый и втульчатый) и второй бронзовый крючок, очевидно, от южного костяка (рис. 47. – 7, 11, 12).

Курган 6. Насыпь каменная, задернованная, диаметром 4 м, высотой 15–20 см над древней поверхностью. После снятия насыпи и зачистки обозначилось пятно могилы размерами 1, 35x1 м, глубиной 1,4 м, ориентированной по линии З-В (рис. 48. – 1). Заполнение из галечника с включением крупных валунов. На глубине 96 см зачищен каменный ящик размерами 1x0,5x0,5 м, перекрытый сверху плитами. В нем находился костяк ребенка, уложенного на правый бок, черепом на восток. Слева от черепа позвонки барана и бронзовый нож, а рядом с правой тазовой костью обрывки шерстяной ткани и имитация зеркала (рис. 48. – 2, 3), возможно, выполненная из расплющенной рукоятки бронзового ножа. Под погребенным прослежены остатки тонкого дощатого настила.

Курган 8. Насыпь диаметром 7 м, высотой 10–15 см сложена небольшими валунами. В центре обширная западина. Восточная часть насыпи разрушена оросительным каналом (рис. 48. – 4). Посередине насыпи выявлена обширная подпрямоугольная яма размерами 3x2,1 м, глубиной 2 м, заполненная галечником с супесью и мелким щебнем. В центре ямы конусовидное включение из крупных камней с гумусом. На глубине 1,75–1,8 м находился плохо сохранившийся двухвенцовый листовенничный сруб размерами 2x1,4 м. В срубе расчищен костяк женщины (?), погребенной на левом боку, черепом на ЗСЗ (рис. 48. – 5). Череп лежал на каменной подушке, ноги слегка подогнуты. У черепа найдена одна бусина зеленого цвета, другие в области шейных позвонков и ребер погребенной (рис. 48. – 8). К северу, посередине сруба, по всей видимости, находилось условное погребение мужчины (кенотаф). В районе «пояса» лежали миниатюрные бронзовые чекан и кинжал (рис. 48. – 6, 7). Три роговых черешковых наконечника лежали «в ногах» остриями к востоку.

Курганы верховий Чуи

Барбургазы-3

Работы на могильнике Барбургазы-3 проводились в 1993 г. под руководством В.Д. Кубарева. Горная река Барбургазы является восточным истоком Чуи, берет свое начало в отрогах Сайлюгемского хребта, по которому проходит граница между Алтаем, Монголией и Тувой. Протекая по северо-восточной оконечности Чуйской котловины, эта река имеет четкие ориентиры. Прежде всего это живописная и приметная издали скала Кызыл-Кабак у переправы, к которой сходятся древние тропы кочевников, а в наше время автомобильные дороги с высокогорных пастбищ Юстыда и Уландрыка. Второй ориентир находится в 2–3 км от Кызыл-Кабак, ниже по правому берегу реки Барбургазы. Он представляет собой самую высокую и скалистую вершину, с которой открывается захватывающая дух панорама высочайших заснеженных гор. Эта местность носит название Туру-Алты. В ней сосредоточены самые разнообразные памятники всех исторических эпох: палеолитические местонахождения, керексуры и курганы эпохи

бронзы, раннего железа и средневековья; культовые выкладки, стелы с тамгами и руническими надписями; одновременные наскальные рисунки, ламаистские обо, каменные изваяния и погребения этнографического времени. Часть этих объектов была исследована и опубликована в прошлые годы.

Курганный могильник Барбургазы-3 расположен на левом берегу одноименной реки в ее нижнем течении. Высота над уровнем моря – 2083 м. Могильник представляет собой группу каменных насыпей, насчитывающую 7 объектов. Шесть из них образуют единую цепочку, ориентированную по линии С-Ю. Курган 7 устроен с восточной стороны цепочки (рис. 49). С востока и запада от курганов, параллельно им, расположены ряды восьми каменных поминальных колец. В могильнике исследовано три кургана пазырыкской культуры 4–6.

Курган 4. Насыпь округлой формы, диаметром 4,6 м, высотой 0,3–0,4 м. Сложена речными валунами, сильно задернована. Могильная яма округлой формы размерами 1,65x1,6 м, глубиной 1,2 м. Заполнение – крупный галечник (аллювий). На глубине 90–100 см обнаружены плиты (5–6 шт.) перекрытия. Они накрывали каменный ящик размерами 1x0,65x0,3 м, состоящий из четырех массивных плит, поставленных на ребро, ориентация по линии В-З (рис. 49. – 3). В каменном ящике расчищен нарушенный костяк ребенка, ориентированный черепом на восток, погребенного на одной доске (длина 60 см), приподнятой на двух продольных жердочках. Между костяком ребенка и северной стенкой ящика найдены: раздавленный керамический кувшинчик красного цвета высотой 17 см (рис. 49. – 4), позвонки барана, фрагменты деревянной диадемы (рис. 49. – 14), а также две деревянные нашивные бляшки круглой формы, с резным орнаментом на внешней стороне. Рядом с черепом ребенка найдено еще пять бляшек такой же формы (рис. 49. – 7–13) и второй фрагмент диадемы. У поясных позвонков погребенного – сверленный клык марала (рис. 49. – 6). В юго-восточном углу ящика найдена небольшая деревянная фигурка лошади (рис. 49. – 5), очевидно, использовавшаяся для украшения головного убора. На доске, под черепом ребенка, прослежены остатки кожаной (?) подушки, набитой измельченными ветками кустарника.

Курган 5. Насыпь округлой формы, диаметром 7,5 м, высотой 0,5 м. Сложена речными валунами, а также большим количеством гальки, которая прослеживалась по краям насыпи. В юго-западном секторе насыпи были обнаружены разрозненные кости ребенка. На уровне древней поверхности встречались колотые трубчатые кости животных. После снятия насыпи обозначилась могильная яма подпрямоугольной формы размерами 3,1x2,6 м, глубиной 1,9 м, ориентированная по линии З-В (рис. 50. – 1). Заполнение могильной ямы – гумус с крупными камнями, галька. С глубины 50 см и до 130 см в яме прослежены остатки двух продольных плах. На глубине 1,8 м зачищен одновенцовый листовичный сруб, длинной осью ориентированный по линии ЮВ-СЗ. Внешние размеры сруба – 1,75x1,55x0,3 м, внутренние – 1,45x1,3x0,2 м. Рублен в обло, с остатком. Толщина плах 25–30 см. Поверх плохо сохранившегося продольного перекрытия из досок лежало несколько валунов. В срубе расчищено два человеческих костяка, погребенных на правом боку с согнутыми в коленях ногами. У южной стенки сруба находился костяк мужчины, рядом с ним, ближе к северной стенке, – костяк женщины. Оба ориентированы черепами на юго-восток. Слева от черепа женщины, в северо-восточном углу сруба, два керамических сосуда (рис. 50. – 2, 3). Более крупный высотой 21 см отличается наличием острого ребра в месте перехода тулова к горловине. Если бы тулово нарастили еще сантиметров на десять, то получился бы кувшин стандартных пропорций. В данном же случае горловину соединили с подготовленной нижней частью тулова. Второй приземистый сосуд с почти равными высотой (15,5 см) и диаметром тулова (15 см) украшен в верхней части тремя формованными рассеченными валиками. К западу от сосудов в традиционном месте находились позвонки барана и два железных ножа (рис. 50. – 4, 5). Они, очевидно, лежали в деревянном блюде. Под черепом мужчины найдено несколько фрагментов листового золота от деревянных фигурок животных. Погребенные были уложены на продольный настил из тонких досок (4–5 шт.), приподнятых на небольших валунах.

Курган 6. Насыпь округлой формы диаметром 8 м высотой 0,6 м. Сложена крупными речными валунами, сильно задернована. Могильная яма подпрямоугольной формы размерами 3х2,2 м, глубиной 2,2 м ориентировалась длинной осью по линии З-В (рис. 50. – 6). Заполнение – мелкий галечник (аллювий). На глубине 1,3 м, по центру зафиксирован тлен от двух продольных деревянных плах (перекрытие ямы?), а вдоль северной стенки зачищен костяк лошади. Поза ее традиционна: на брюхе, с поджатыми под него ногами, ориентация восточная. В челюстях лошади найдены железные удила плохой сохранности (рис. 50. – 12). На глубине 1,7–1,8 м зачищено перекрытие деревянного сруба, составленного из 4–5 продольных плах. Внешние размеры одновенцового сруба: 2х1,1х0,4 м, внутренние – 1,7х0,8х0,3 м. Рублен в обло, с остатком. Перекрытие просело непосредственно до пола, под которым прослежена вымостка из камней.

В восточной части сруба обнаружены фрагменты двух черепов: взрослого и детского. Они лежали в мощном пятне (толщина 5–7 см) черного красителя для волос. Здесь же найдены фрагменты листового золота, покрывавшего бляшки и, возможно, деревянные фигурки животных. У северной стенки сруба находились развалы двух однотипных кувшинчиков с налепными валиками в месте соединения горловины с туловом (рис. 50. – 13, 14). Один из них (рис. 50. – 14) высотой 16 см имел с одной стороны две прочерченные по сырой глине лаконичные фигуры. Как и в кургане 5, к западу от сосудов находились позвонки барана и два железных ножа (рис. 50. – 10, 11). Они найдены на остатках деревянного блюда, вместе с двумя костяными накладками (рис. 50. – 7, 8). Последние, вероятно, служили для усиления стенок блюда. От человеческих костяков сохранились лишь разрозненные, колотые кости, к тому же раздавленные и спрессованные тяжестью могильного грунта. У южной стенки сруба, в области пояса одного из погребенных найдена бронзовая бляшка с петелькой на обороте (рис. 50. – 9) с обрывком окислившегося войлока.

Ак-Кообы-2

В долине Барбургазы на могильнике Ак-Кообы-2, находящемся на левом берегу реки и в 3 км от скалы Кызыл-Кабак, в 1992 г. В.Д. Кубаревым. раскопан один курган скифского времени (рис. 51. – 1).

Курган 1. Насыпь продолговатой формы, размерами 5 м (В-З) х 4 м (С-Ю), высотой 40 см. Сложена валунами, слабо задернована. В центре уплощенная площадка, наклоненная к востоку. При разборке насыпи, в разрезе по линии В-З, хорошо различались остатки могильного холмика из мелкого галечника и гравия – выброса из могилы. При разборке юго-западной части насыпи найдена плита размерами 47х30х6 см. На одной из сторон незаконченное изображение оленя (?), выполненное точечной выбивкой. Плита лежала в насыпи плашмя, изображением вниз. В заполнении насыпи изредка встречались древесные угли, в центре одна трубчатая кость животного. После снятия насыпи выявлена могильная яма размерами 2,35х1,3 м, глубиной 1,3 м, ориентированная по линии З-В. Заполнение ямы – мелкий щебень с супесью.

На глубине 80–90 см по периметру ямы обнаружены плиты и валуны, облежавшие лиственничный настил. На одной из плит размерами 30х35х10 см, расположенной у южной стенки ямы, была обнаружена выбитая фигура неопределенного животного. Плита найдена изображением вниз. Настил состоял из 6 плах, уложенных в продольном направлении, каждая длиной 120–121 см, шириной 16–18 см (рис. 51. – 3). Они лежали на двух деревянных поперечинах, опиравшихся на четыре столбика, вкопанных по краям колоды, т.е. практически по углам могильной ямы. Высота столбиков 65–70 см, диаметр 16 см. Судя по высоте столбиков, настил из плах первоначально нависал над колодой на высоте 25–30 см. К моменту раскопок он просел и налегал на лиственничную колоду. Размеры ее: 161х44х35 см. Пространство между колодой и стенками ямы оказалось заполнено камнем.

После снятия крышки колоды (одна широкая и толстая плаха), в западной ее части был зачищен плохо сохранившийся костяк ребенка 2–4 лет, ориентированного головой на восток (рис. 51. – 2). Длина костяка приблизительно 56 см. По сохранившимся костям рук и ног можно сказать, что ребенок лежал на правом боку с согнутыми в коленях ногами. Справа от черепа обнаружено склеенное из четырех деревянных кружков коническое украшение, нашивавшееся при помощи двух слабо заметных отверстий в основании (рис. 51. – 6). В головах погребенного лежала идеально сохранившаяся небольшая деревянная подушка длиной 18 см (рис. 51. – 9). Около нее найдены две круглые нашивные бляшки из дерева (рис. 51. – 7). За головой ребенка в восточной части колоды находилось деревянное блюдо размерами 21,5x19 см с низким бортиком (рис. 51. – 5). В нем лежали позвонки барана, плохо сохранившийся железный нож, а также еще четыре деревянных, аналогичных по форме, бляшки (рис. 51. – 7, 8). Далее к востоку стояла вырезанная из капа деревянная кружечка высотой 9 см с цельной ручкой, в которой имеется отверстие для подвешивания (рис. 51. – 4). Благодаря замечательной сохранности дерева на блюде хорошо видны многочисленные порезы ножом при разделке мяса. Разнонаправленными порезами покрыто все дно блюда, но оборотная сторона изрезана еще больше. Под погребенным, на дне колоды, прослежен органический глен черного цвета.

Культовые комплексы на реке Юстыд

В 1983 г. на реке Юстыд близ могильника Юстыд-1 В.Д. Кубаревым и П.И. Шульгой исследовано несколько культовых комплексов, не имеющих непосредственного отношения к захоронениям. Два объекта исследованы в урочище Аргытал на правом берегу Юстыда в 60 м друг от друга (рис. 52), рядом со следами многолетних чабанских стоянок. Еще две оградки находились за рекой в 3–4 км к В и СВ (рис. 1).

Объект 1. Представлял собой прямоугольную оградку 4x0,9 м, ориентированную почти строго с юга на север (рис. 52). Стенки оградки образованы поставленными на ребро плитами средними размерами 50x25x12 см. Плиты заглублялись в материковую супесь на 2–5 см и выступали на поверхности. В оградке на поверхности фиксировались частично оббитые четыре стелы высотой 25, 30, 63 и 80 см. Верхние части двух стел (№2 и 5) были обломаны и обнаружены по оставшимся в ямках основаниям (рис. 52). Пять из шести стел располагались в меридиональный ряд по центру оградки. Расстояние между центрами ямок одинаково – около 60 см. Шестая южная стела (№1) смещена к западной стенке, а расстояние от центра ее ямки до ближайшей стелы 2 составляет 40 см. С востока к оградке пристроено три неполных кольца диаметром около 1 м, западные стороны которых образовывались плитами оградки. По всей видимости, они относились к самым крупным стелам 1, 4 и 6. Судя по сохранившемуся кольцу 1, они составлялись из шести небольших камней. Еще одно кольцо (№1а) было образовано между кольцами 1 и 2 путем добавления одного камня с восточной стороны. В пределах оградки находки отсутствовали. Под дерном мощностью около 12 см во всех четырех кольцах находился гумусированный слой (около 2,5–3 см) с углями и небольшим количеством очень мелких фрагментов керамики. Кальцинированных косточек почти не было. К краям колец мощность углистых слоев несколько увеличивалась. Там же находились перекрывавшие его плоские плитки, особенно хорошо сохранившиеся в кольце 1 (рис. 52). В ходе раскопок создалось впечатление, что комплекс сооружался постепенно. В пользу этого как будто говорит заброшенный вид кольца 3 с двумя смещенными камнями и слабым углистым слоем, а также более позднее образование кольца 1а. Анализ планировки стел позволяет предположить более раннюю установку стелы 1. Остальные же пять стел, вероятно, устанавливались позднее, строго в ряд с равными интервалами. При этом южная из них стела 2 намеренно располагалась рядом с первой. Вполне вероятно, что вначале была установлена стела 1 с небольшой оградкой, а с установкой остальных стел сооружена новая общая оградка.

Объект 2. Находился в 60 м к востоку от объекта 1 у подножья пологого склона южной экспозиции. Представлял собой меридиональный ряд из семи колец и расположенную к западу поваленную стелу в оградке (рис. 54. – 1). Оградка стелы существенно пострадала от хозяйственной деятельности в XX в. Связь между стелой и кольцами не безусловна, но взаиморасположение, а также параллельность длинной оси оградки и ряда колец позволяют предполагать это. Кольца в местах соединений между собой имели общие стенки. Сохранившиеся полностью кольца 3–6 состояли из 7 и 8 камней. Диаметры этих колец по линии 3–В равнялись 1,2–1,3 м. Восточные стороны колец 2 и 3 явно разрушены, а кольцо 1, вероятно, было таким изначально и образовано при помощи размещения двух камней к северу от кольца 2. От южного кольца (№7) сохранилось только два камня. В кольцах 1 и 2 под дерном (8 см) находился слой гумусированной супеси мощностью 3 см. Ниже располагался гумусированный слой мощностью 2–3 см с большим количеством угольков и кальцинированных косточек мелкого рогатого скота (особенно хорошо фиксировавшийся в кольце 2). Последние концентрировались, преимущественно, в западной части колец. Гумусированный слой подстилался светлой материковой супесью без видимого прокала. Аналогичная стратиграфия и в кольцах 4–6, но там находок несколько меньше. За пределами колец также иногда встречались угольки и обожженные косточки. Находившаяся в 6 м к западу поваленная юго-восток (вниз по склону) стела длиной около 100 см устанавливалась, по-видимому, в прямоугольной оградке, вытянутой в меридиональном направлении. Судя по сохранившимся непотревоженным плитам, длина оградки была не менее 2 м. Каких-либо значимых находок (древних керамики, углей, костей и пр.) в оградке не было сделано, если не считать мусора с бывшей здесь ранее свалки.

Объект 3. Две парные стелы в оградке исследованы в ущелье примерно в 2,5–3 км от «карантина», в нескольких метрах к югу от дороги. Сложенная из нешироких поставленных на ребро сланцевых плит прямоугольная оградка размерами 1,8x1,1 м ориентировалась углами по странам света, а длинной осью – с ЮЗ на СВ (рис. 55. – 1). Изнутри и с внешней стороны (особенно в юго-восточной части) оградка была заполнена мелким гравием и щебнем с гумусом. При зачистке встречались камни со следами огня, но углей и кальцинированных косточек в оградке не было. Обе стелы расположены по длинной оси оградки. Близ центра располагалась мощная стела размерами около 200x65x25 см (основание исследовано не полностью), возвышавшаяся над современной поверхностью на 155 см. В 30 см к СВ по оси оградки находилась вкопанная на глубину в 20 см от современной поверхности небольшая стела размерами 86x16x12 см, возвышавшаяся на 55 см. Вокруг нее четыре камня, как бы образующие малую оградку. Обе стелы в верхней части ямок закреплялись плоскими плитками, вбивавшимися как клинья на завершающем этапе установки. В ямке под малой стелой, как и в верхней части ямки большой стелы, находок не оказалось. При внешнем осмотре создается впечатление о более поздней установке малой стелы. Вероятно, это так, но, судя по современному состоянию, место для нее планировалось изначально. Вместе с тем оградка могла быть просто расширена в северо-восточном направлении при установке малой стелы. После исследования малая стела была установлена на прежнее место, а оградка засыпана тем же грунтом.

Объект 4. Располагался на левобережье Юстыда, примерно в 3,5 км по дороге вверх по реке от начала морены. Оградка со стелами найдена в 300 м к востоку от дороги на восточном берегу небольшого озерца, у которого также фиксируются следы многолетних стоянок чабанов. Объект представлял собой комплекс из одной стелы в оградке и еще одной стелы в 55 см к востоку (рис. 55. – 2). Находившаяся в оградке стела была наполовину обломана. Ее верхняя часть со сколотой восточной стороной лежала незадернованная в 30 см к северу от оградки, а несколько осколков стелы в самой оградке длиной до 20 см были почти полностью задернованы, что говорит о разрушении стелы в древности. Общая длина стелы с обломанной частью – 105 см. Оградка состояла из пяти сланцевых плит примерно одинаковых размеров длиной 45–55 см, толщиной 5–8, шириной до 35 см. Три стороны оградки ограничивались одной пли-

той, а северная – двумя. Плиты стенок углублялись в материковую супесь на 2–3 см, а стелы – на 20–25 см. Восточная стела длиной 87 см была наклонена в сторону оградки. Мощность дерна с гумусом в оградке примерно соответствовала отмеченной за ее пределами – 11–13 см. Ниже находился слой подстилающей материковой супеси. В дерне и в супеси встречался мелкий щебень размерами 6х4х3 см. В пределах оградки на глубине около 12 см находилось значительное количество угольков с наибольшей концентрацией в радиусе 5–6 см от стелы и в верхней части ямки. В нижней части стелы (над древней поверхностью) имеются следы огня. Угольки встречались также вокруг восточной стелы и в ее ямке. Рядом с западной стороной этой стелы в ямке (в 15 см от уровня древней поверхности) найдены две фаланги овцы (рис. 55. – 2).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

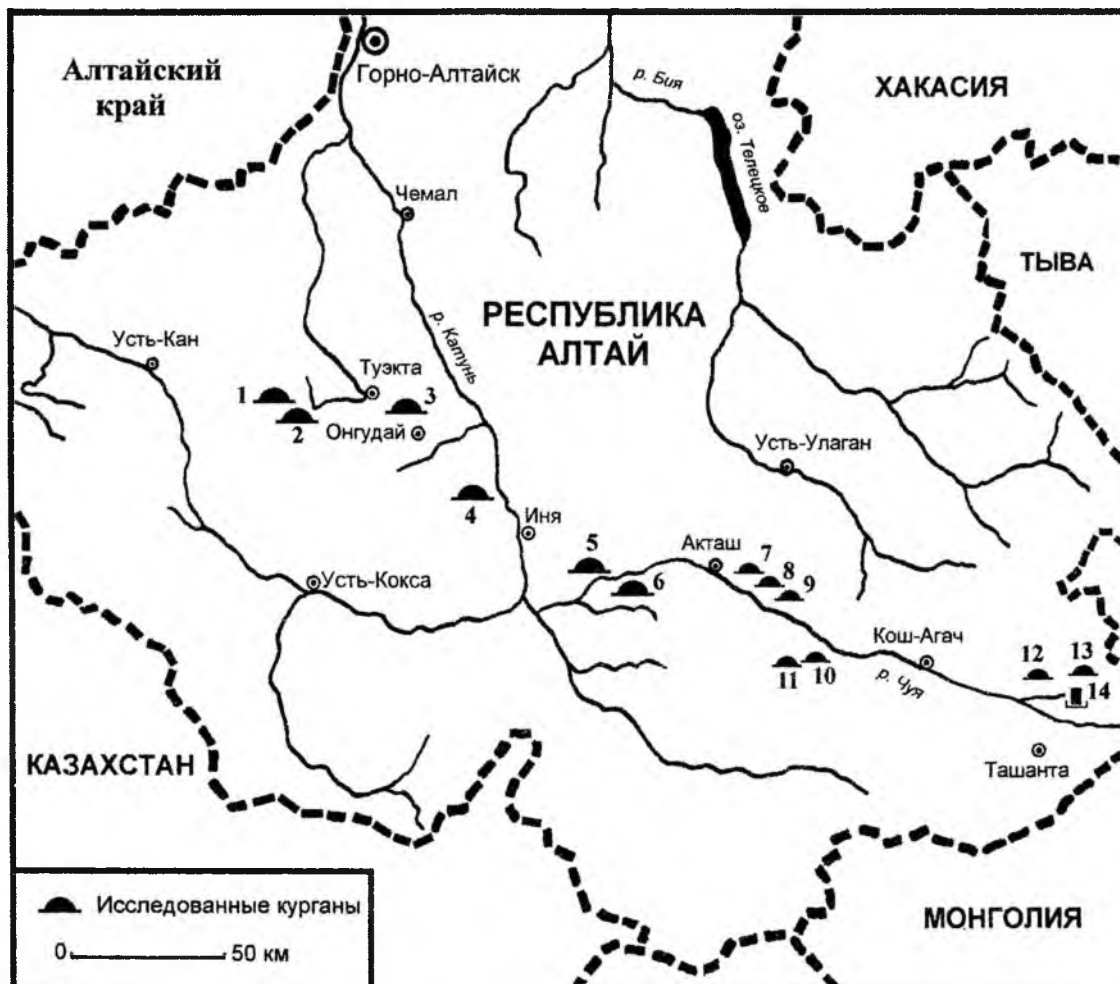

Рис. 1. Карта Республики Алтай с исследованными памятниками:
 1 – Семисарт; 2 – Ело; 3 – Балык-Соок; 4 – Кър-Кечу; 5 – Калбак-Таш; 6 – Белый Бом;
 7 – Тербедок; 8 – Ала-Гаил; 9 – Боротал; 10 – Чичке; 11 – Тете; 12 – Бар-Бургазы;
 13 – Ак-Кообы; 14 – культовые комплексы на реке Юстыд

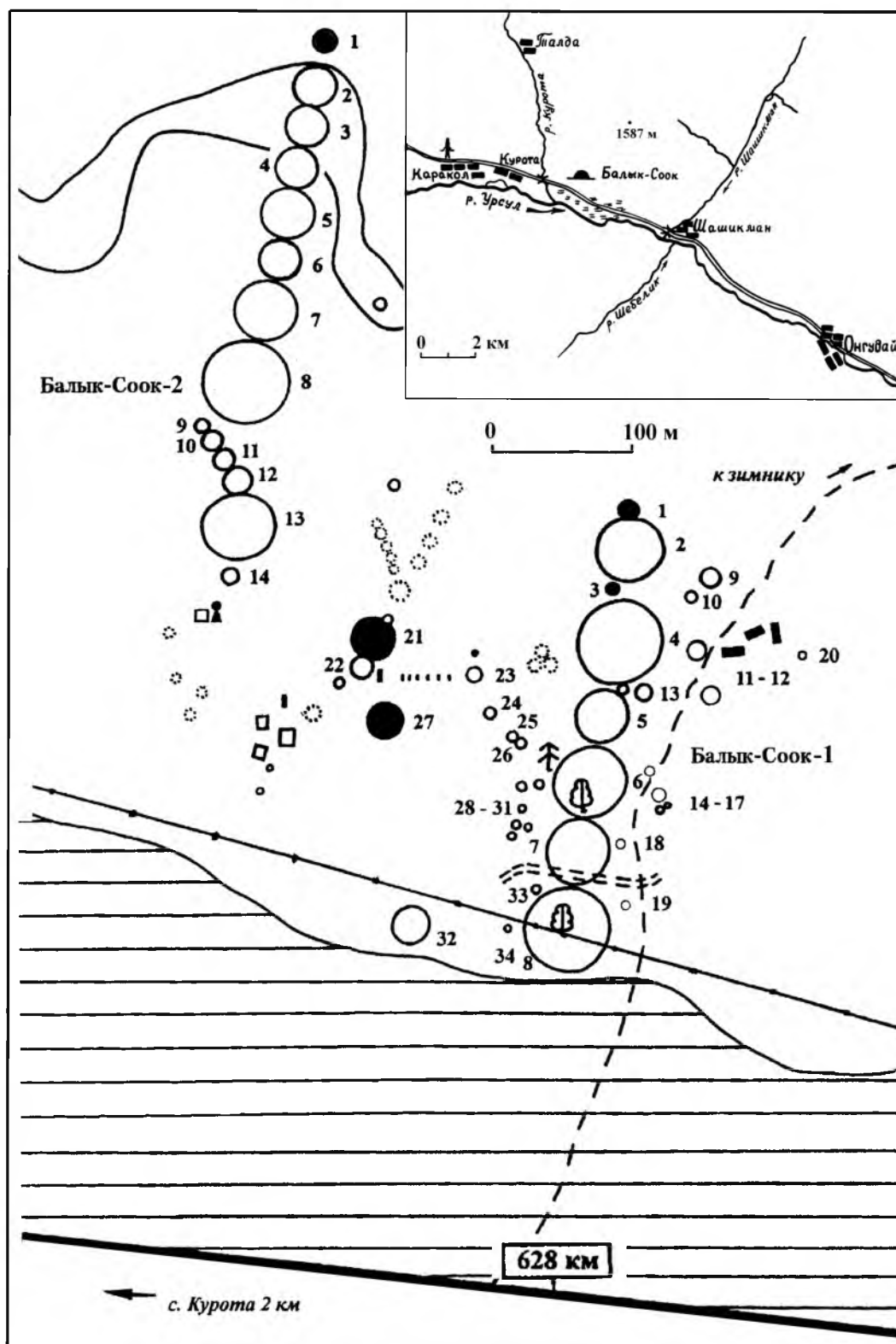
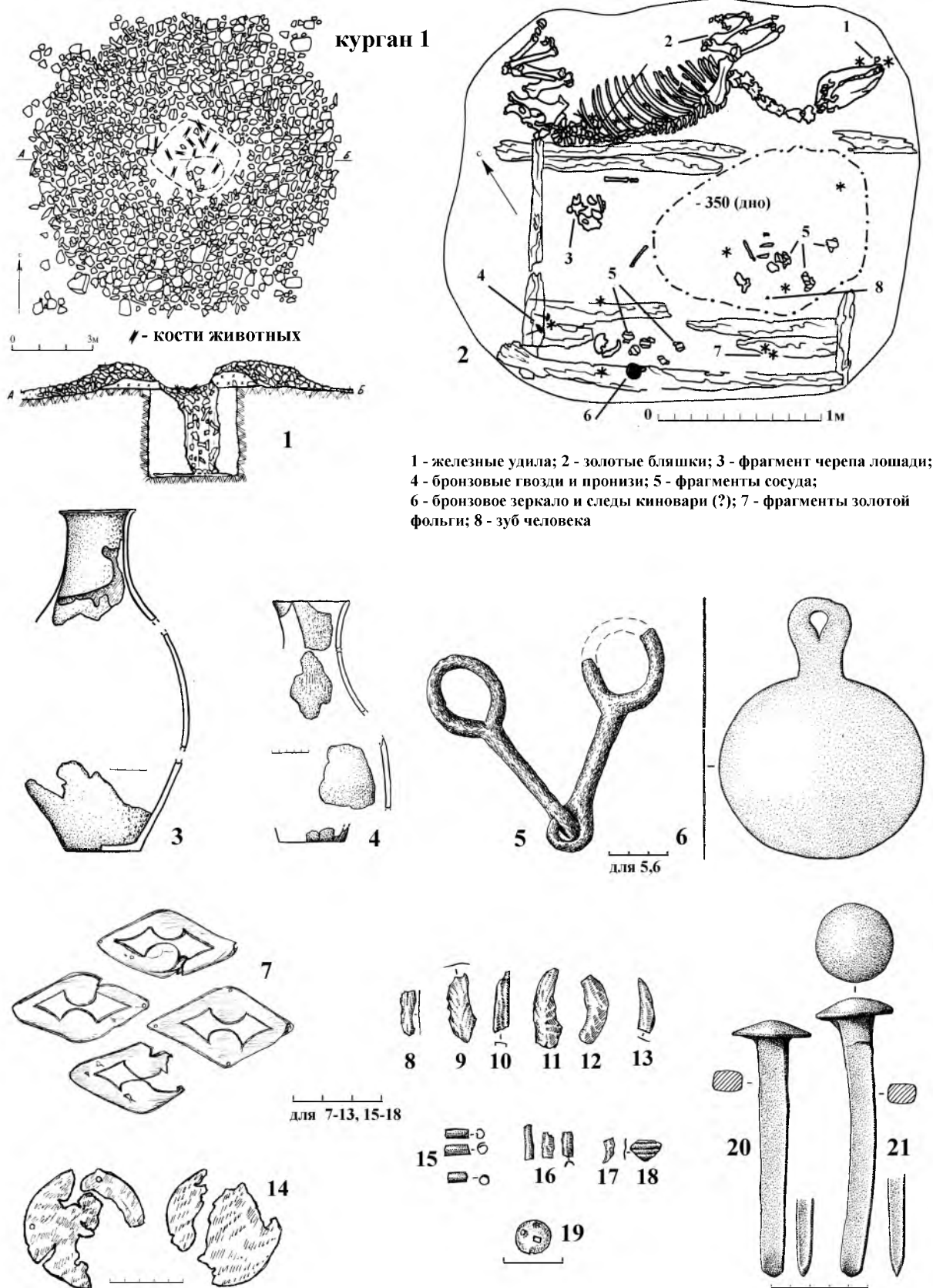

Рис. 2. Балык-Соок-1,2. План могильника.

1 - железные удила; 2 - золотые бляшки; 3 - фрагмент черепа лошади; 4 - бронзовые гвозди и пронизы; 5 - фрагменты сосуда; 6 - бронзовое зеркало и следы киновари (?); 7 - фрагменты золотой фольги; 8 - зуб человека

Рис. 3. Балык-Соок-1. Курган 1. 1 – план и разрез кургана; 2 – план захоронения; 3,4 – сосуды; 5 – удила; 6 – зеркало; 7 – нашивные бляшки; 8-13, 16, 17 – фрагменты аппликаций и покрытий; 14 – крупные нашивные покрытия; 15 – трубчатые пронизки; 18 – фрагмент рифленого изделия, похожего на крылья петухов из кургана 3; 19 – нашивная полусферическая бляшка; 20, 21 – гвозди. Золотая фольга – 7-14, 16, 17, 19; бронза – 6, 15, 18, 20, 21; железо – 5.

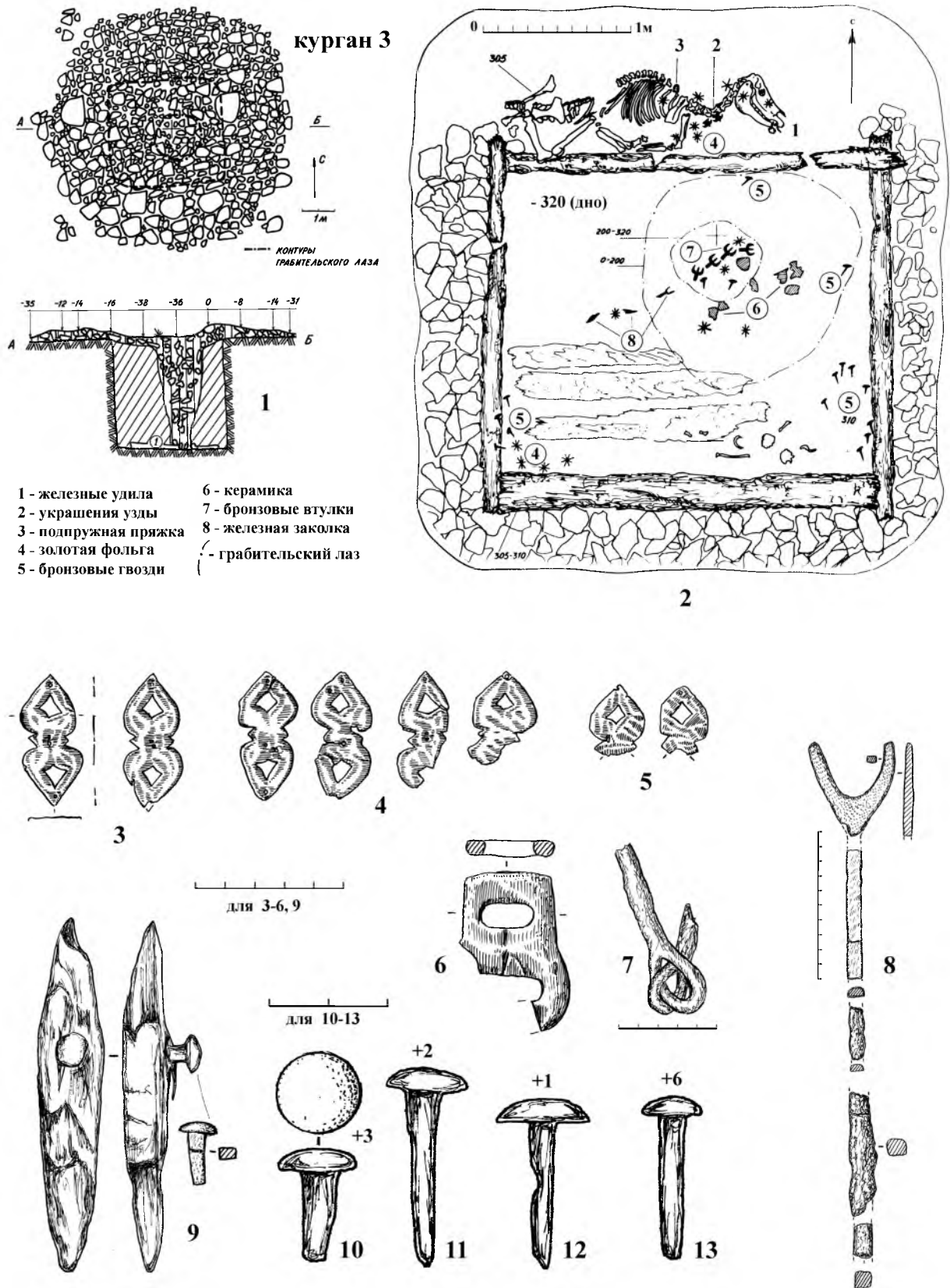

Рис. 4. Балык-Соок-1. Курган 3. 1 – план и разрез кургана; 2 – план захоронения; 3-5 – нашивки на одежду (?); 6 – подпружный блок или пряжка-застёжка; 7 – остатки удила; 8 – железная «заколка», крытая в верхней части золотой фольгой; 9 – фрагмент доски (?) с вбитым гвоздём; 10-13 – разнотипные гвозди. Золотая фольга – 3-5; золотая фольга и железо – 8; бронза – 10-13; бронза, дерево – 9; рог – 6.

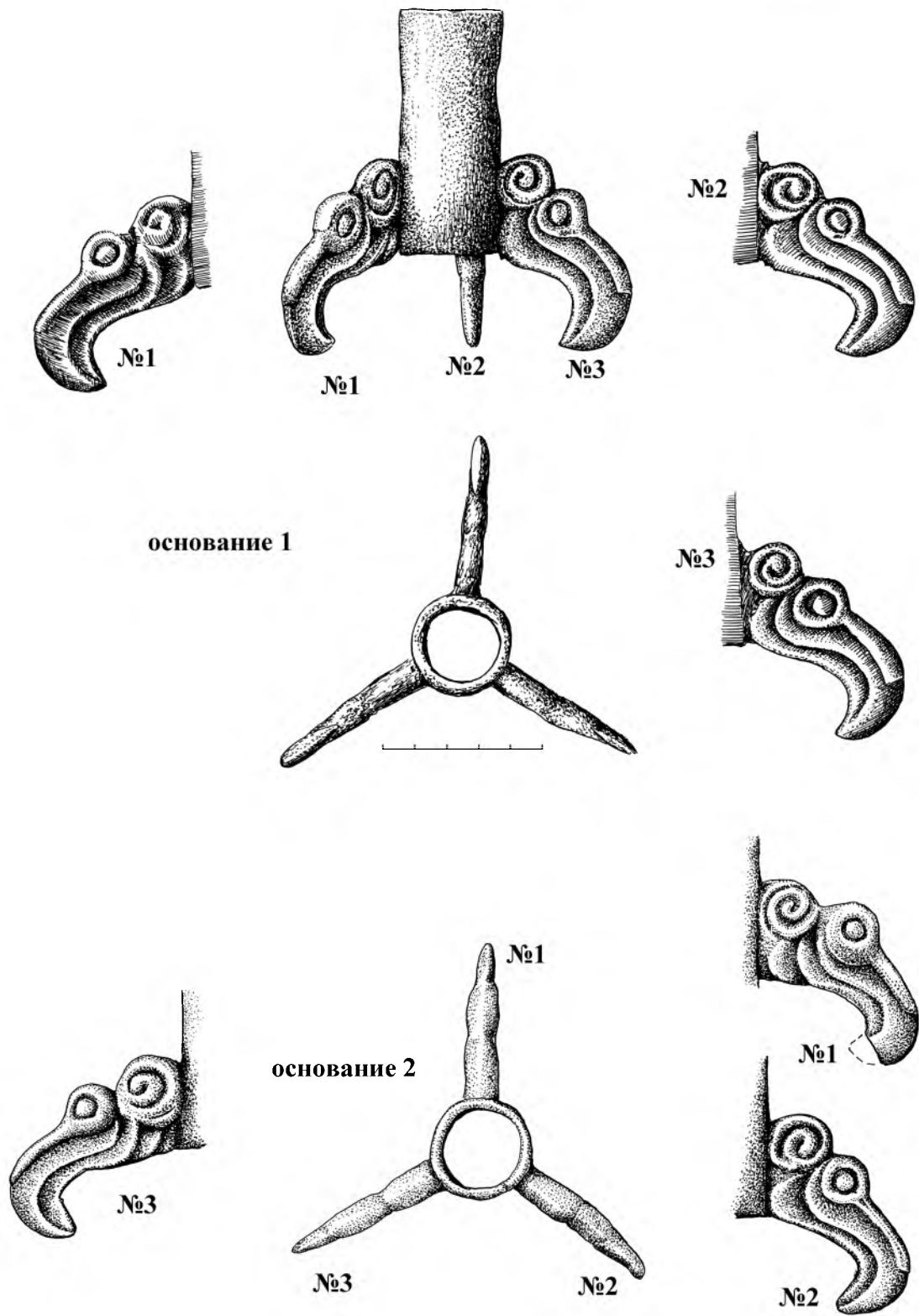

Рис. 5. Балык-Соок-1. Курган 3. Бронзовые основания (№1, №2) ножек деревянного столика.

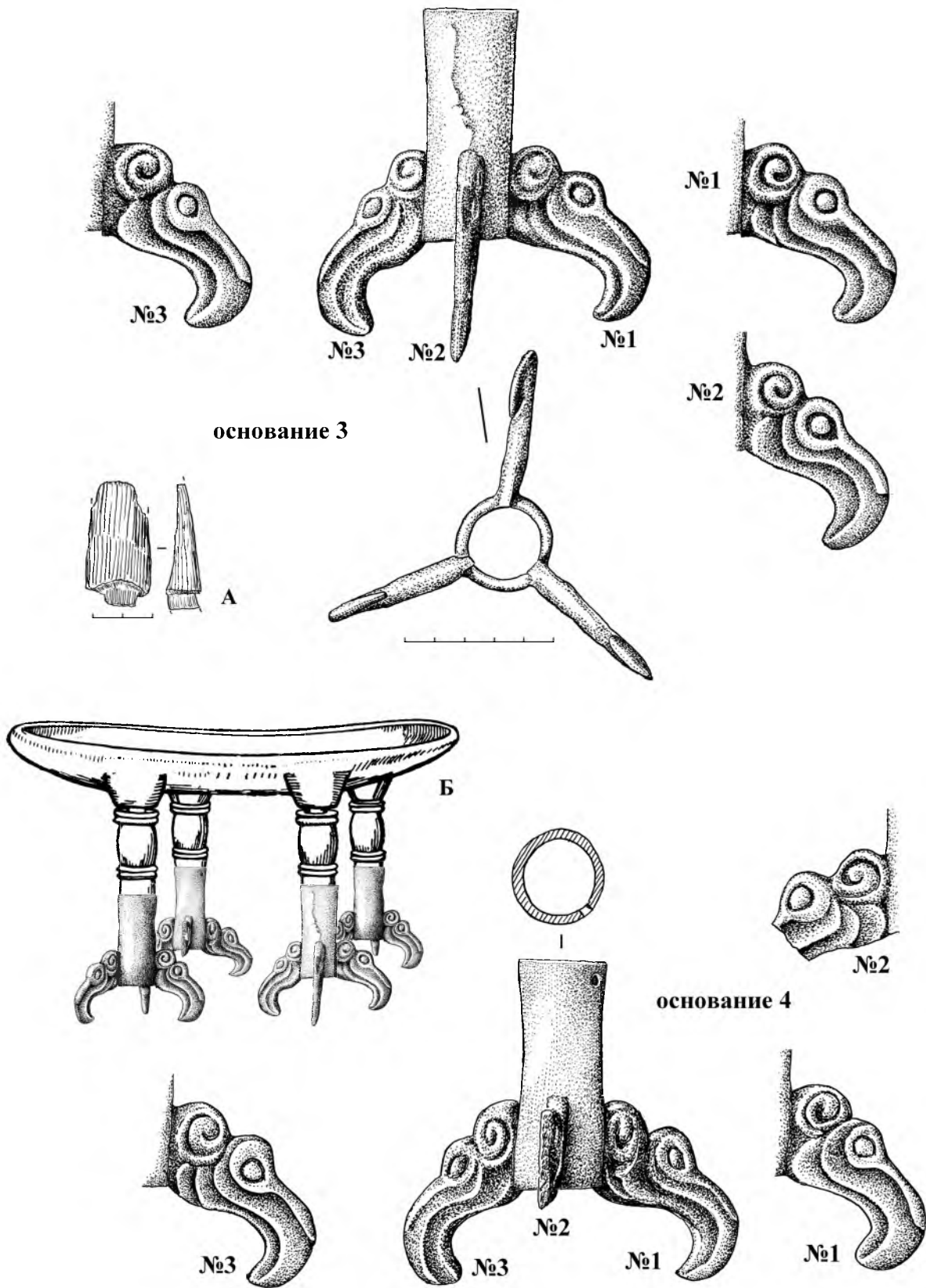

Рис. 6. Балык-Соок-1. Курган 3. Бронзовые основания (№3, №4) ножек деревянного столика. А – фрагмент деревянной ножки с вырезом под втулку. Б - реконструкция способа использования бронзовых оснований с деревянным столиком (для реконструкции взят столик из Пазырыка-2, по: Руденко, 1953, рис. 34).

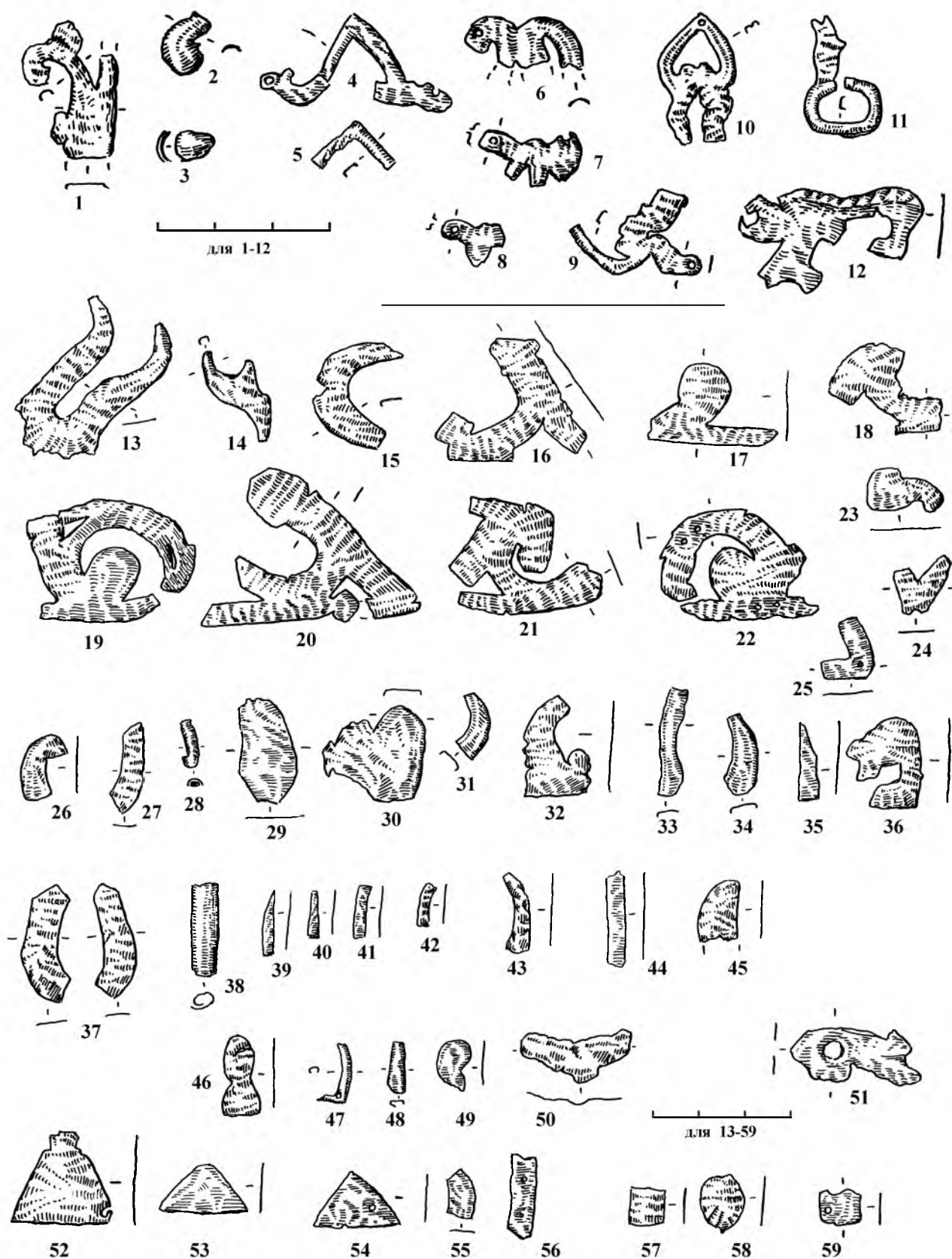

Рис. 7. Балык-Соок-1. Курган 3. Украшения одежды и головного убора. 1-12 – ажурные нашивные изделия из бронзы, крытые золотой фольгой; 13-59 – нашивные и наклеиваемые аппликации, трубочка из золотой фольги.

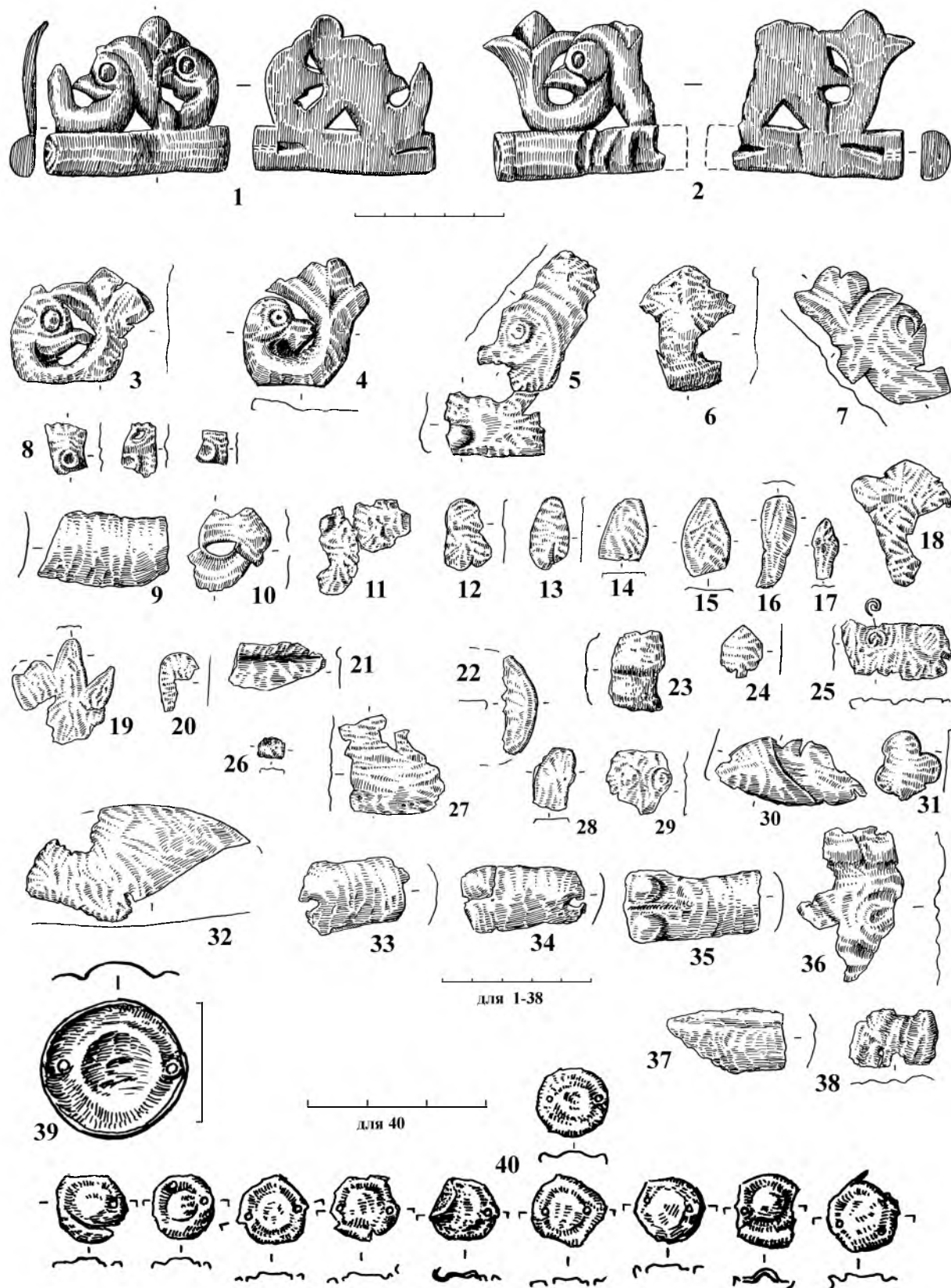

Рис. 8. Балык-Соок-1. Курган 3. Украшения конской сбруи. 1-8 – деревянные подвески узды и нагрудника и фрагменты покрывавшей их золотой фольги; 9-38 - наклеиваемые аппликации из золотой фольги с различных деталей; 39, 40 - нашивные бронзовые крытые золотой фольгой бляшки (всего 91 шт.) с чепрака (?); 39 – обратная сторона бронзовой основы бляшки.

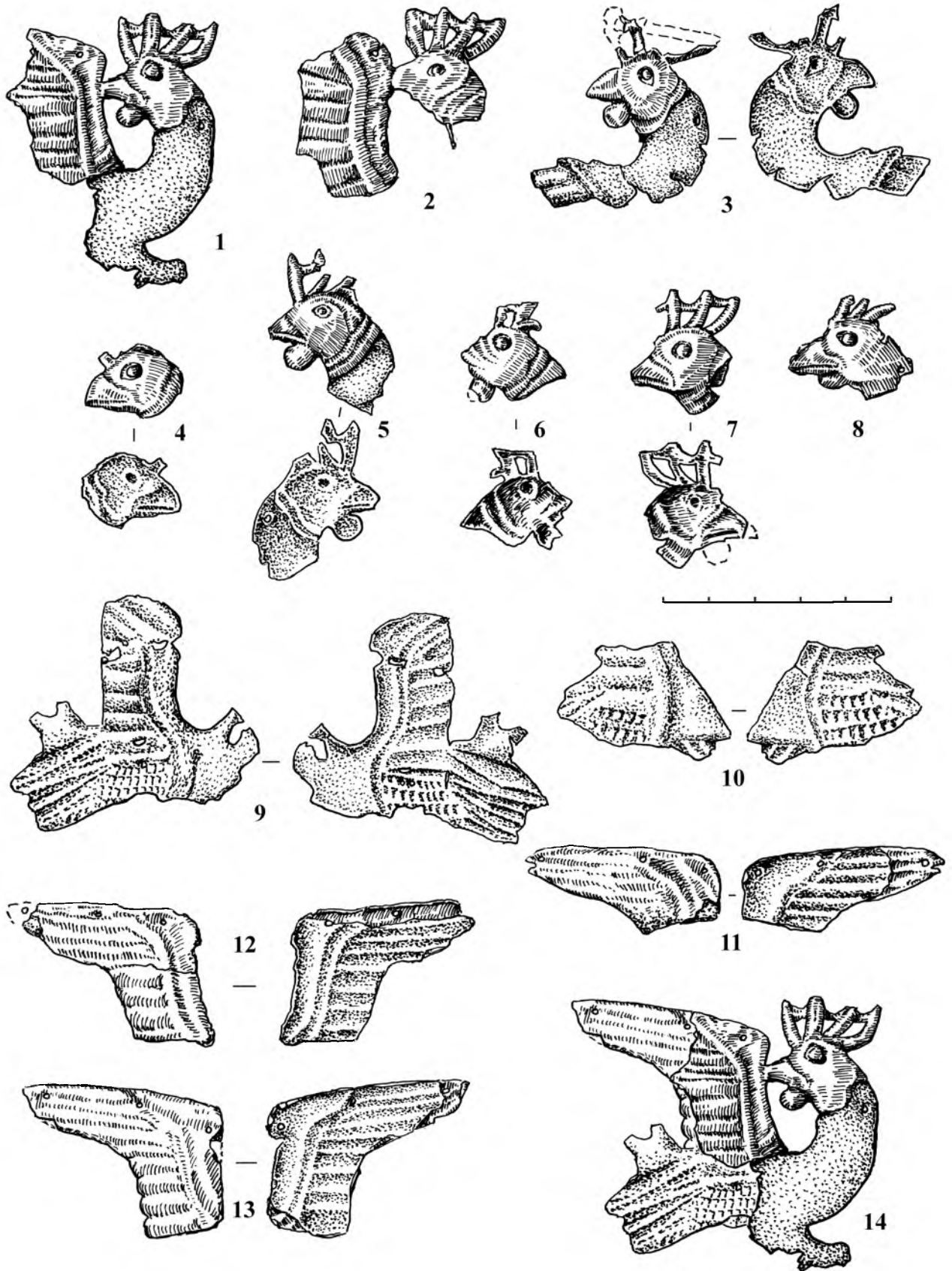

Рис. 9. Балык-Соок-1. Курган 3. Украшения правой стороны нагивника из нашивных бронзовых штампованных пластин, крытых листовым золотом. 1-13 – лицевые и оборотные стороны изделий; 14 – сводное реконструируемое по имеющимся фрагментам правостороннее изображение петуха.

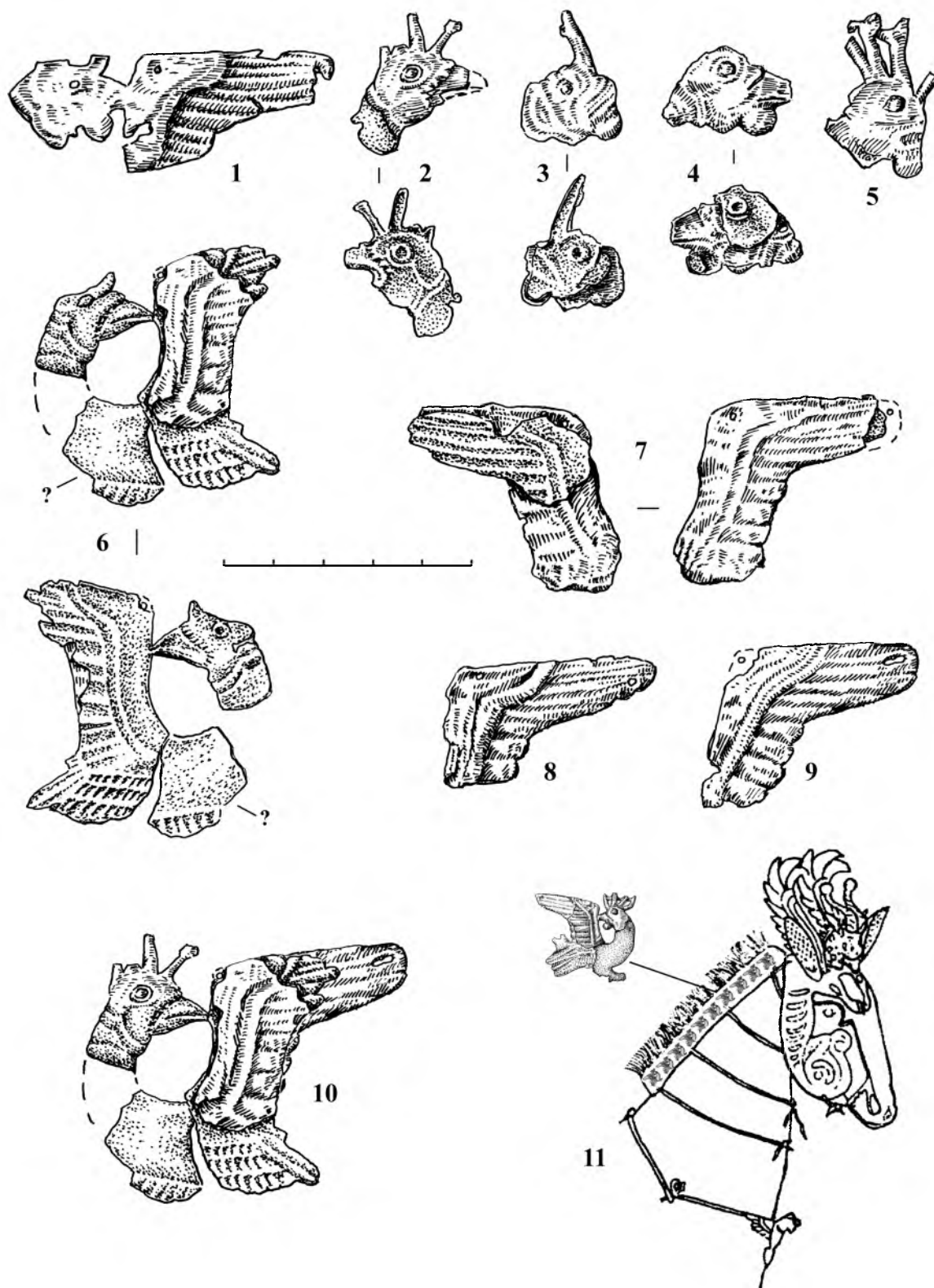

Рис. 10. Балык-Соок-1. Курган 3. Украшения левой стороны награвника из нашивных бронзовых штампованных пластин, покрытых листовым золотом. 1-9 – лицевые и обратные стороны изделий; 10 – сводное реконструируемое по имеющимся фрагментам левостороннее изображение петуха; 11 – реконструкция расположения изображений петухов на награвнике лошади (для реконструкции взято рисунки лошади из Пазырыка-1, награвник которой был также украшен изображениями петухов, по: Грязнов, 1950, рис. 10).

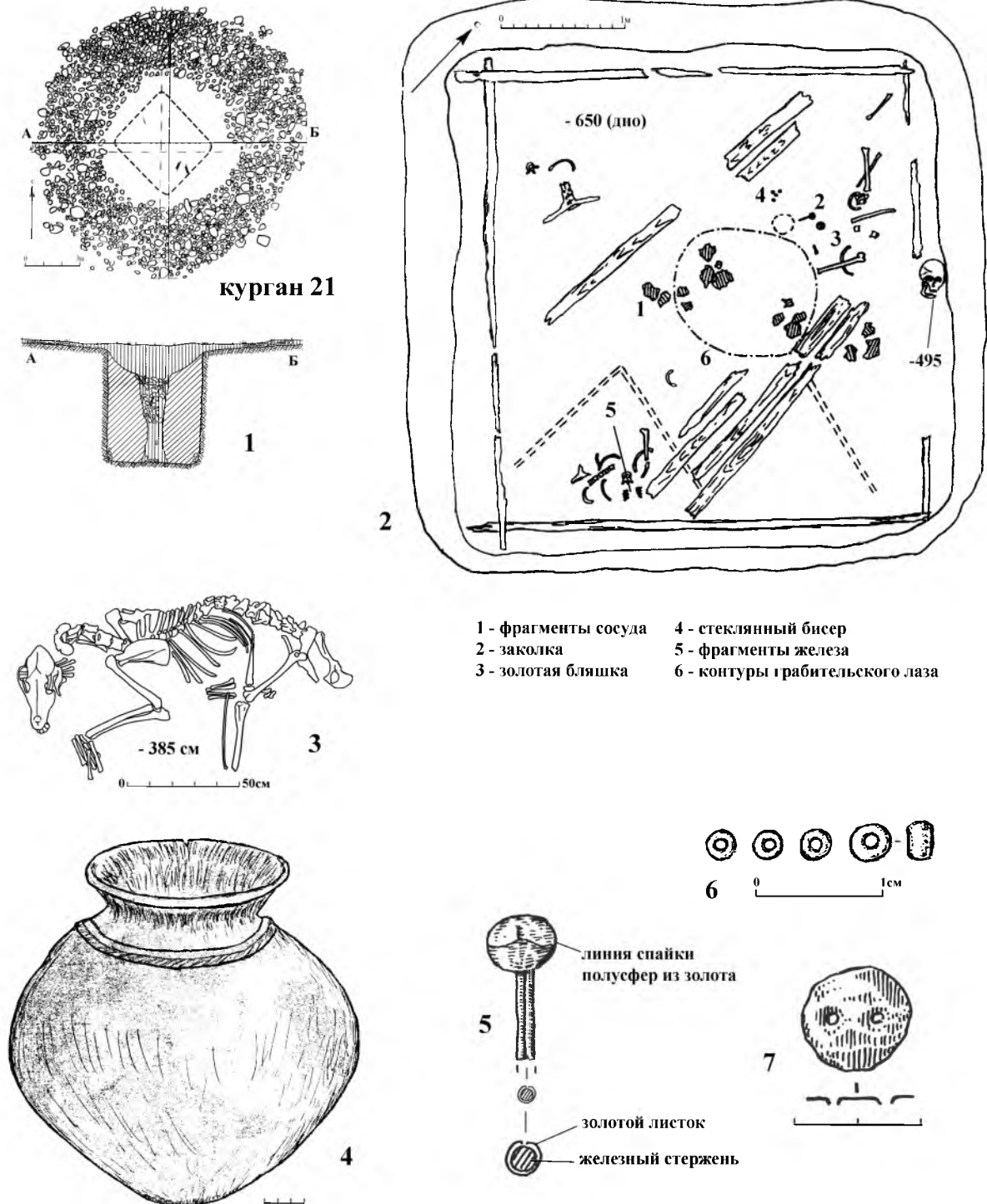
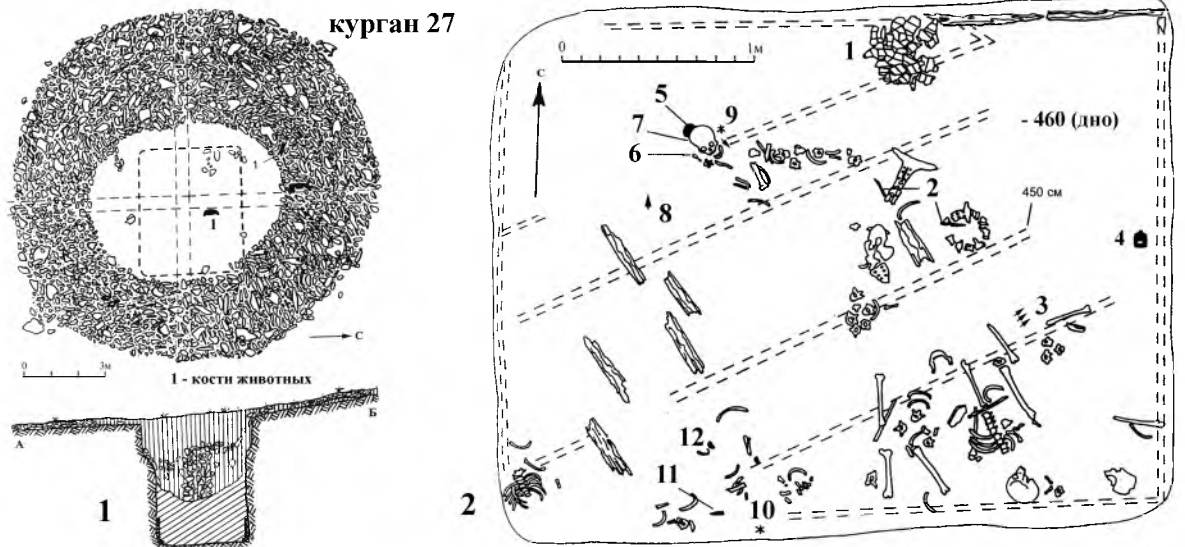
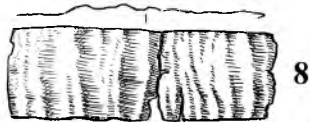
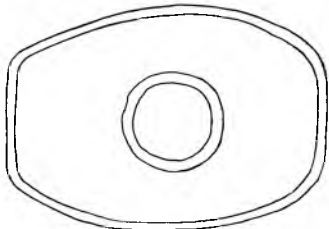
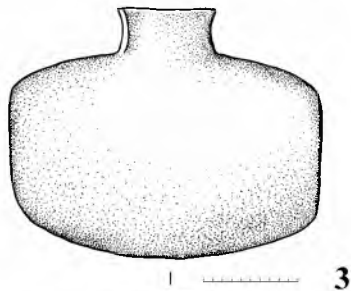

Рис. 11. Балык-Соок-1. Курган 21. 1 – план и разрез кургана; 2 – план захоронения; 3 – костяк собаки из заполнения; 4 – прорисовка по фото с масштабом керамического сосуда; 5 – железная заковка, покрытая золотым листком; 6 – стеклянный бисер; 7 – нашивная пластинка из золота.

1 - фрагменты сосуда; 2 - железные ножи; 3 - бронзовые наконечники стрел; 4 - серебряная поясная обойма; 5 - зеркало; 6 - серьга; 7 - подвеска; 8 - роговые наконечники стрел; 9 - золотая обкладка колчанной ворворки; 10 - золотая обкладка изображения кошачьего; 11 - роговой наконечник стрелы; 12 - колчаный крючок, обоймы ремня.

для 4-16

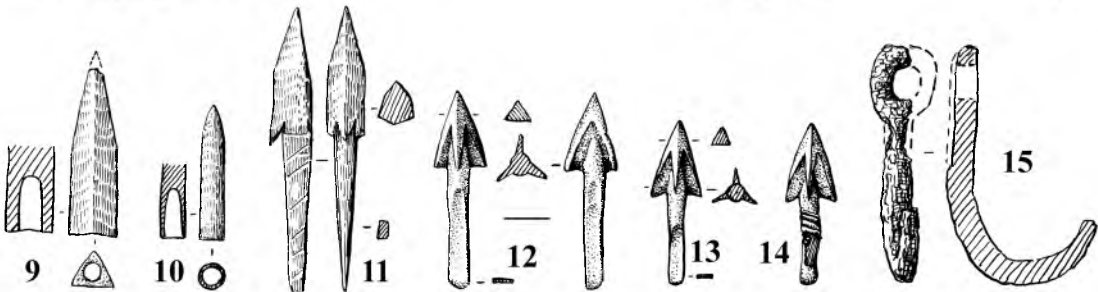
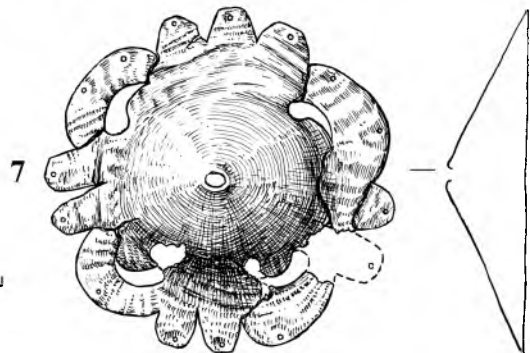
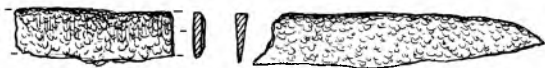

Рис. 12. Балык-Соок-1. Курган 27. 1 – план и разрез кургана; 2 – план захоронения; 3 – бочёнковидный сосуд; 4, 6 – фрагменты ножей; 5 – фрагмент изделия; 7 – нашивное покрытие деревянной колчанной ворворки; 8 – наклеиваемая (?) полоска; 9-14 – наконечники стрел; 15 – колчаный крючок. Толстая золотая фольга – 7, 8; бронза – 12-14; железо – 4-6, 15; керамика – 3.

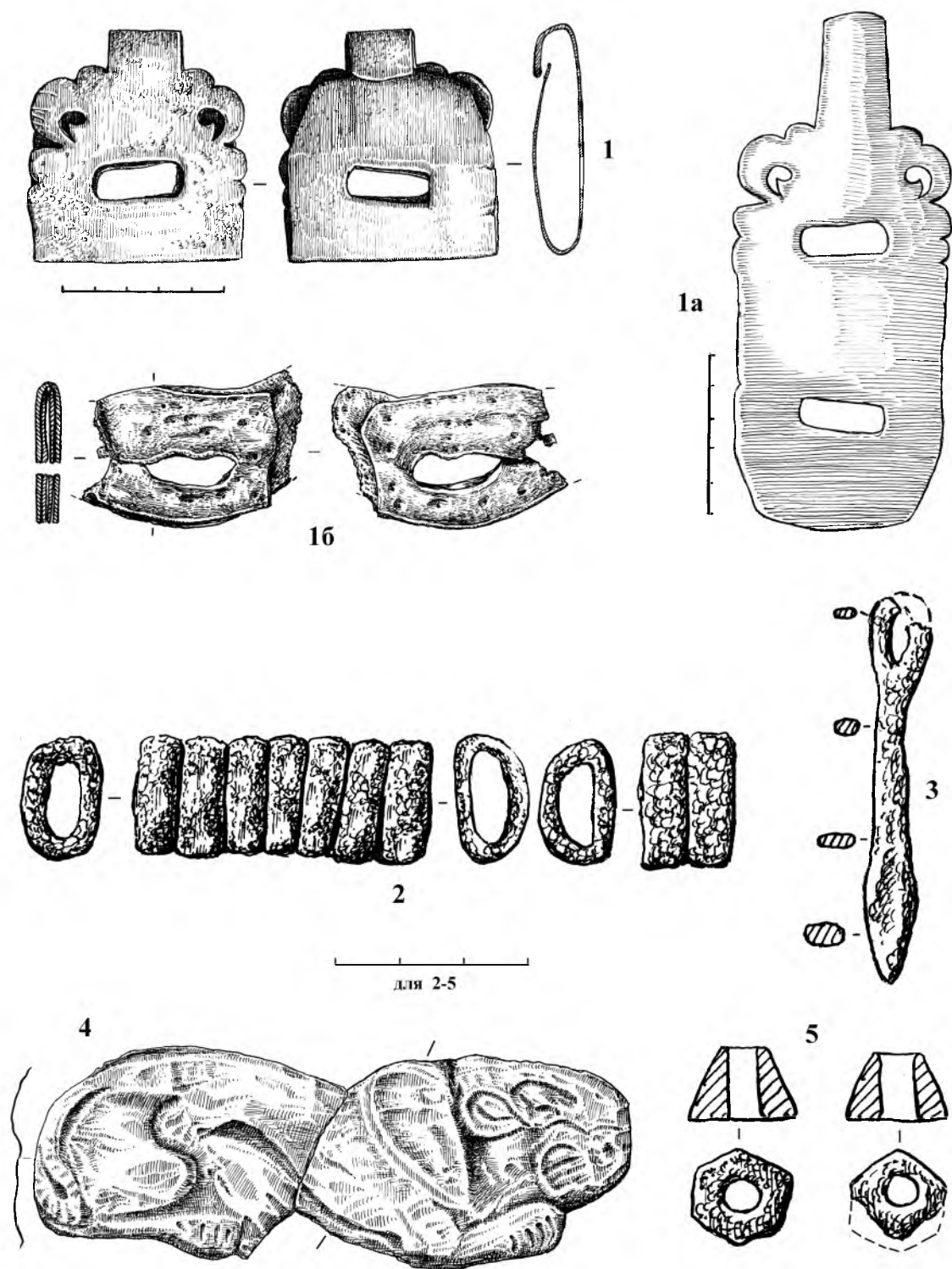

Рис. 13. Балык-Соок-1. Курган 27. Поясная фурнитура. 1, 1а – прорезная обойма из серебряной (?) пластины и её развертка; 1б – остатки в обойме кожаного поясного ремня с отверстием для портупейного ремешка; 2 - железные золочёные полукруглые пронизки с портупейного ремешка; 3 – железный костыль-подвеска; 4 – наклеиваемое на поясную (?) бляху изображение кошачьего хищника из толстой фольги; 5 – две конические шестигранные поясные ворворки из железа.

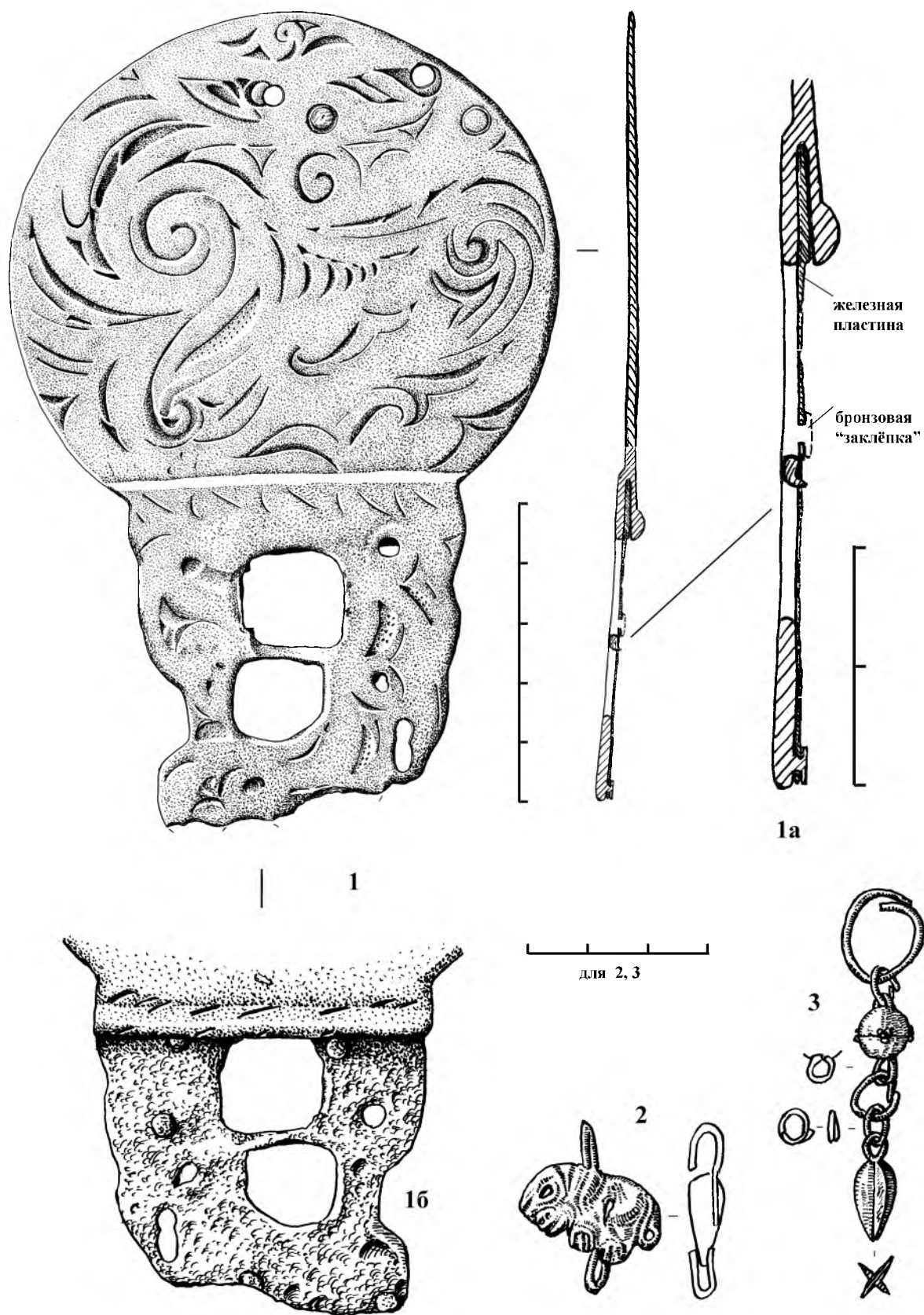
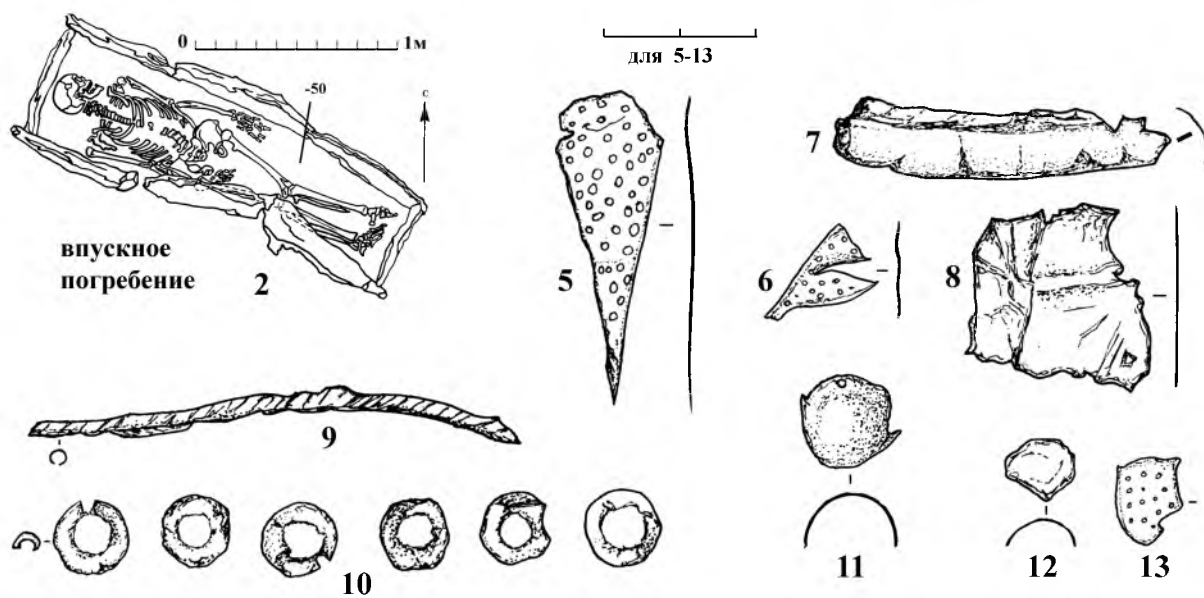
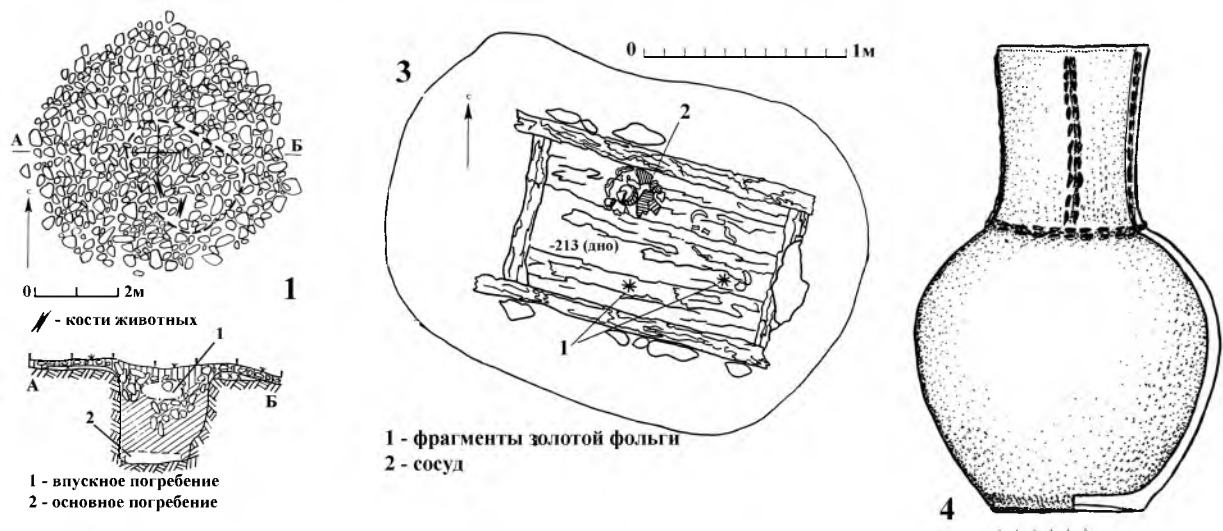

Рис. 14. Балык-Соок-1. Курган 27. 1 - оборотная сторона бронзового (?) зеркала с золотым цилиндром, вставленным в отверстие «глаза» фантастического существа; 1а – увеличенный разрез бронзовой части ручки с выступающими грибовидными заклёпками и остатками железной пластины; 1б – лицевая сторона ручки с выступающими заклёпками; 2 - подвеска серьги (?) из листового золота; 3 – золотая серьга с полым украшенным зернью шариком.

Бальк-Соок-2, курган 1

Бальк-Соок-2, курган 5

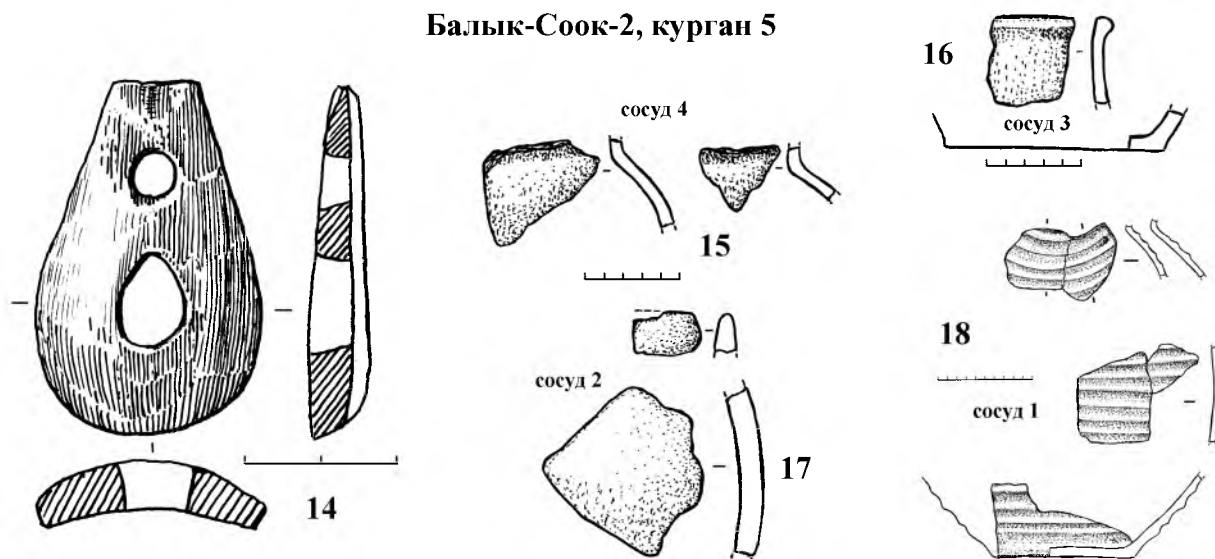

Рис. 15. Бальк-Соок-2. 1 – план и разрез кургана 1; 2 – план впускного захоронения; 3 – план основного захоронения. Находки из основного погребения: 4 – керамический сосуд; 5-13 – трубочка (9), нашивные бляшки и аппликации из золотой фольги. Находки из отвала элитного кургана №5: 14 – роговая седельная подвеска, 15-18 – фрагменты четырёх керамических сосудов.

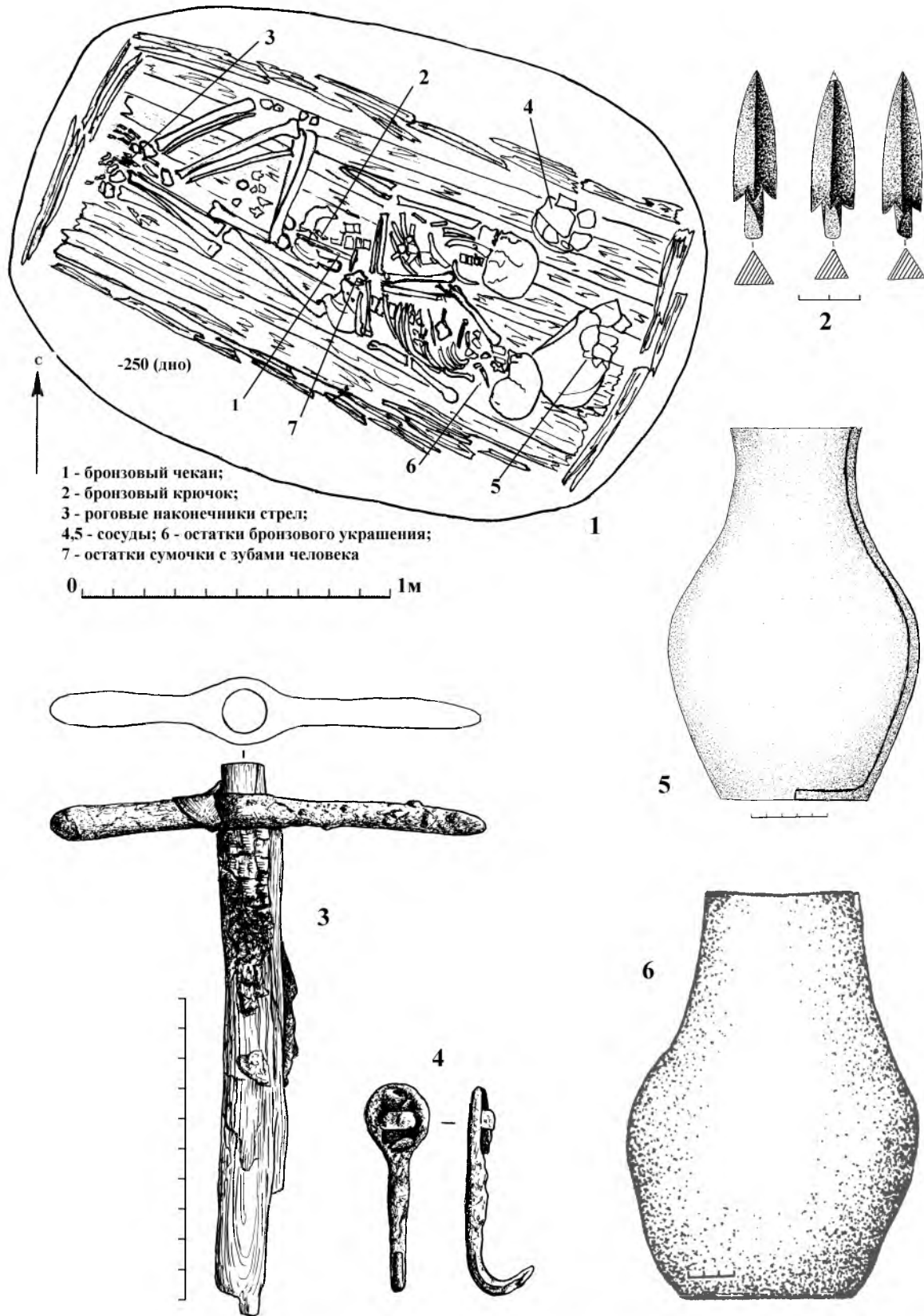
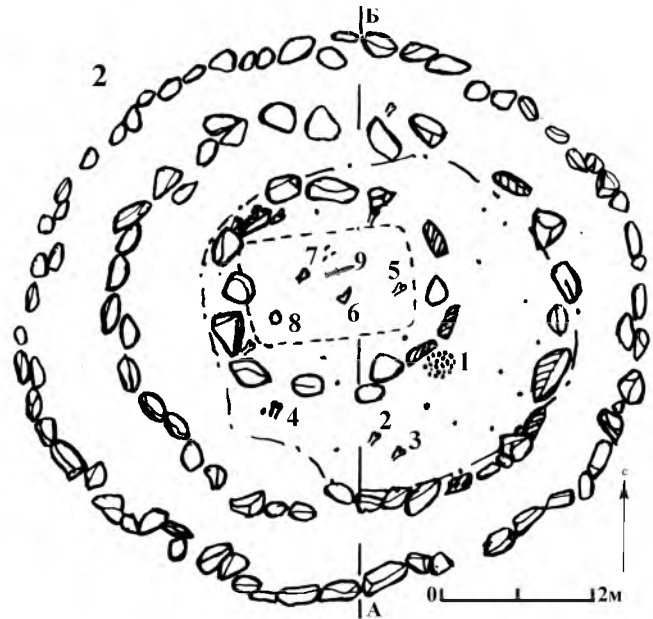
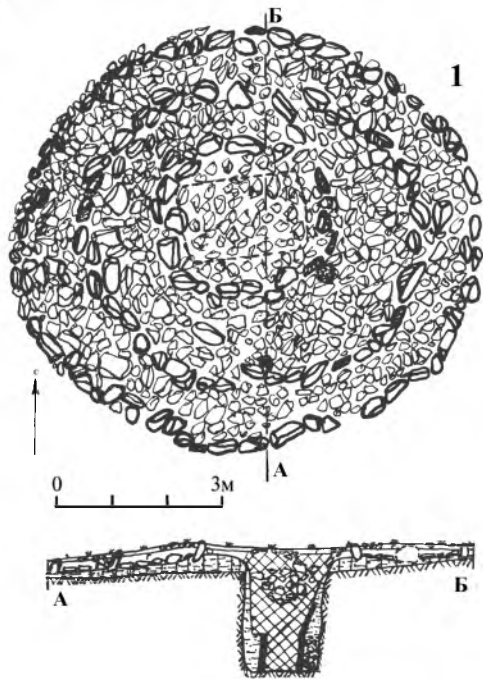
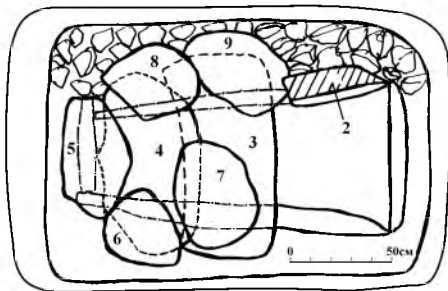

Рис. 16. Семисарт-2. Курган 1. 1 – план погребения; 2 – роговые наконечники стрел; 3 – бронзовый чекан на деревянной рукоятке; 4 - бронзовый крючок; 5, 6 – керамические сосуды.

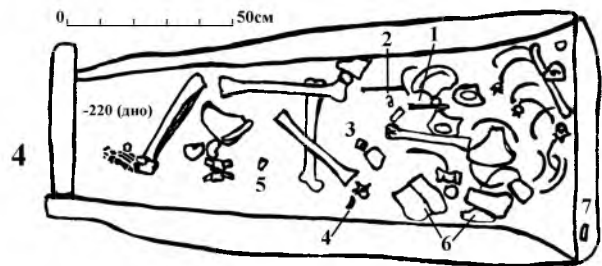

1 - кострище; 2 - ребро овцы; 3 - астрагал овцы;
4 - ребро лошади; 5 - кости человека; 6 - обломки черепа и челюсти лошади (-80); 7 - обломки костей и зубы лошади (-80); 8 - череп человека (-113); 9 - бронзовый кинжал (-150)

2-9 - номера плит перекрытия

1 - ножны; 2 - крючок; 3 - поясная обойма; 4 - коготь медведя;
5 - клык кабана (-40); 6 - фрагменты сосуда; 7 - обломок железного предмета

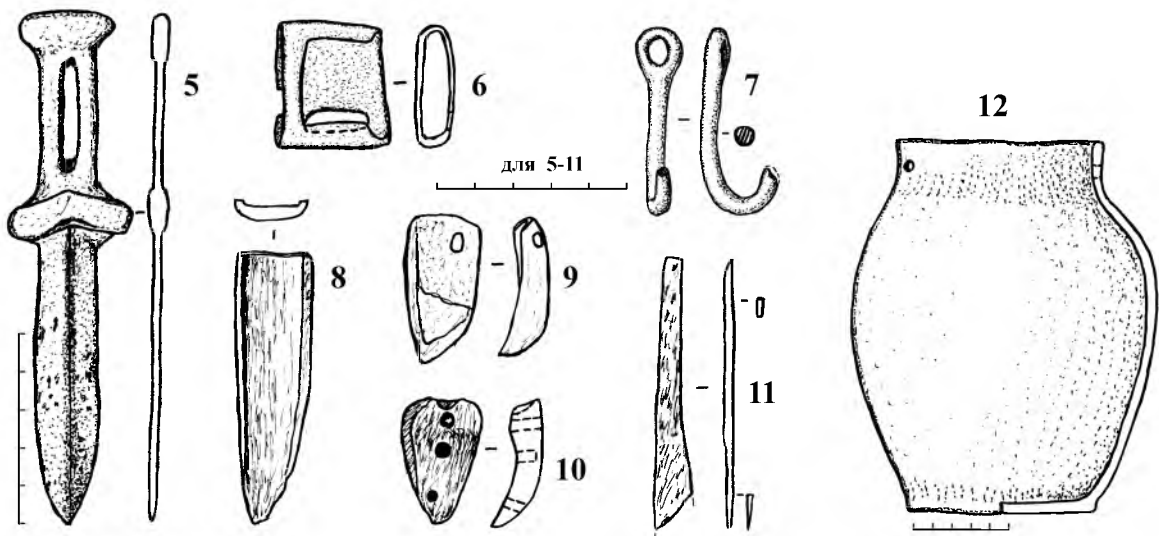

Рис. 17. Ело-2. 1 – план и разрез кургана; 2 – план колец в насыпи и расположения находок под насыпью и в заполнении могилы; 3 – план могилы и перекрытия каменного ящика; 4 – план погребения; 5-7 – бронзовые кинжал, поясная обойма и крючок; 8 – деревянные ножны; 9 – клык кабана с отверстием; 10 - поделка из когтя медведя (?); 11 - железное изделие; 12 – керамический сосуд.

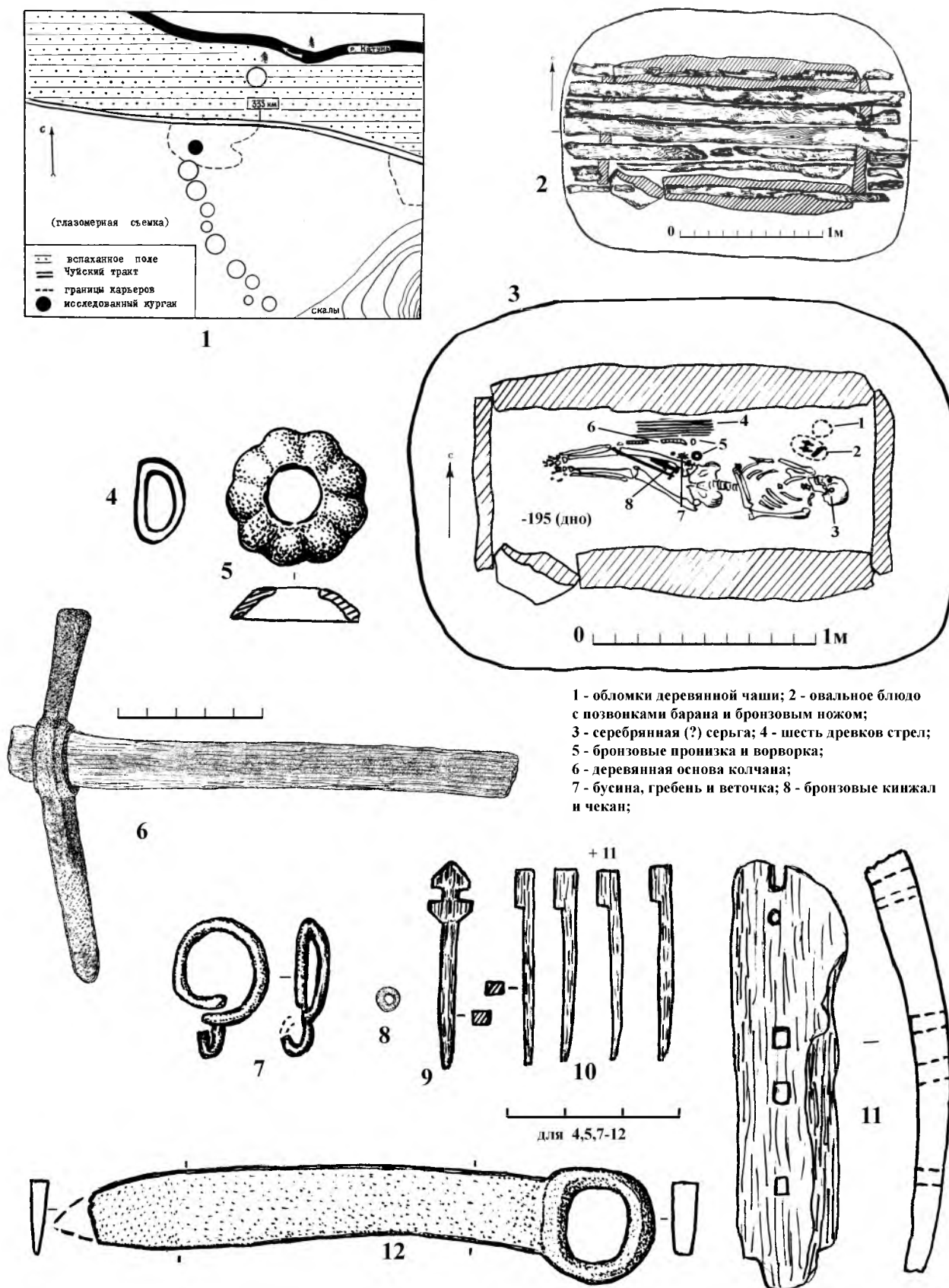

Рис. 18. Кор-Кечу. 1 - план могильника; 2 - план бревенчатого перекрытия каменного ящика; 3 - план погребения; 4, 5 - бронзовые полукруглая пронизка и колчанная ворворка; 6 - бронзовый чекан на деревянной рукоятке (по фото с масштабом); 7 - серебряная (?) серьга с припаянным малым колечком; 8 - стеклянная (?) бусина; 9, 10 - деревянные детали гребня; 11 - деревянное изделие с отверстиями от колчана (?); 12 - бронзовый нож.

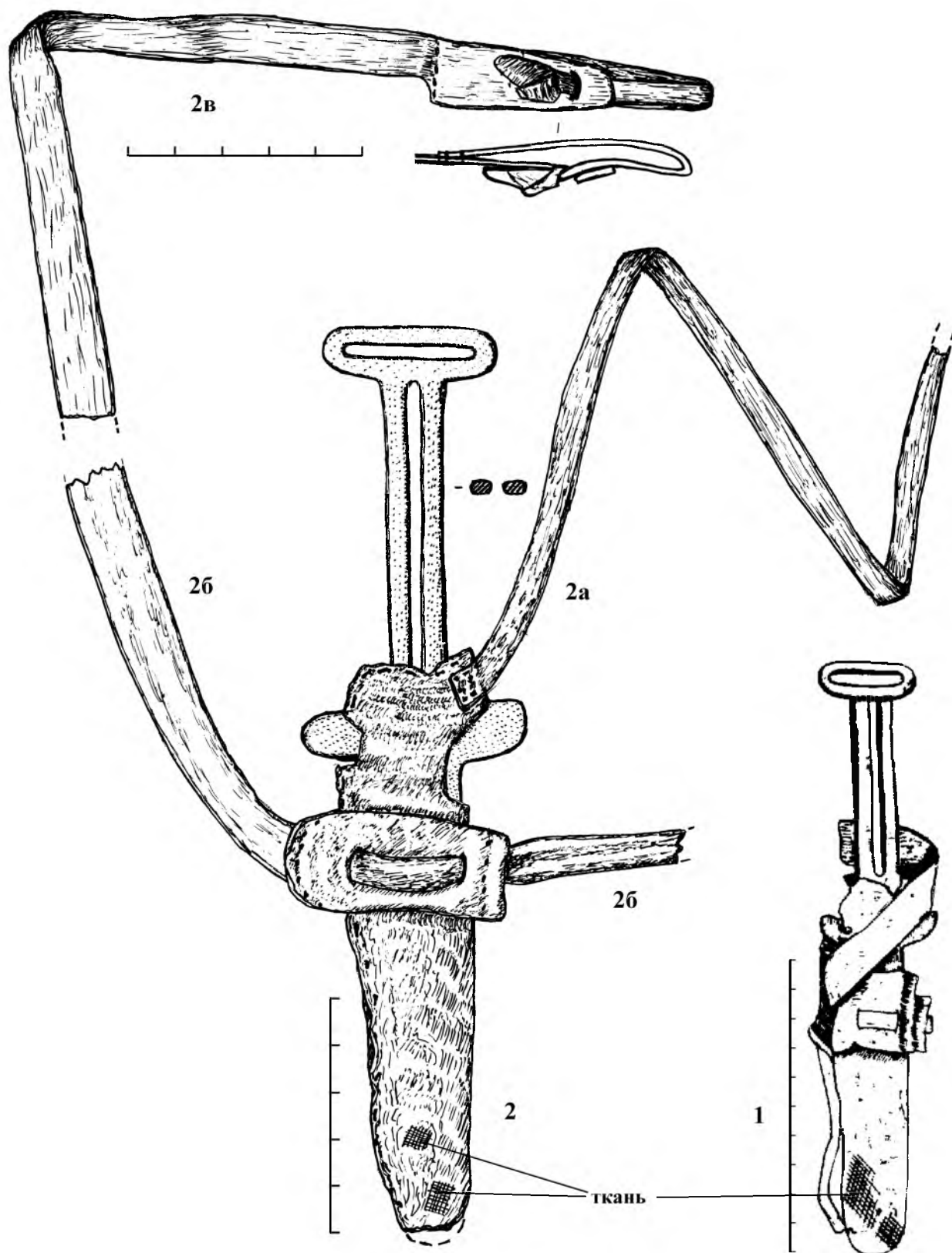
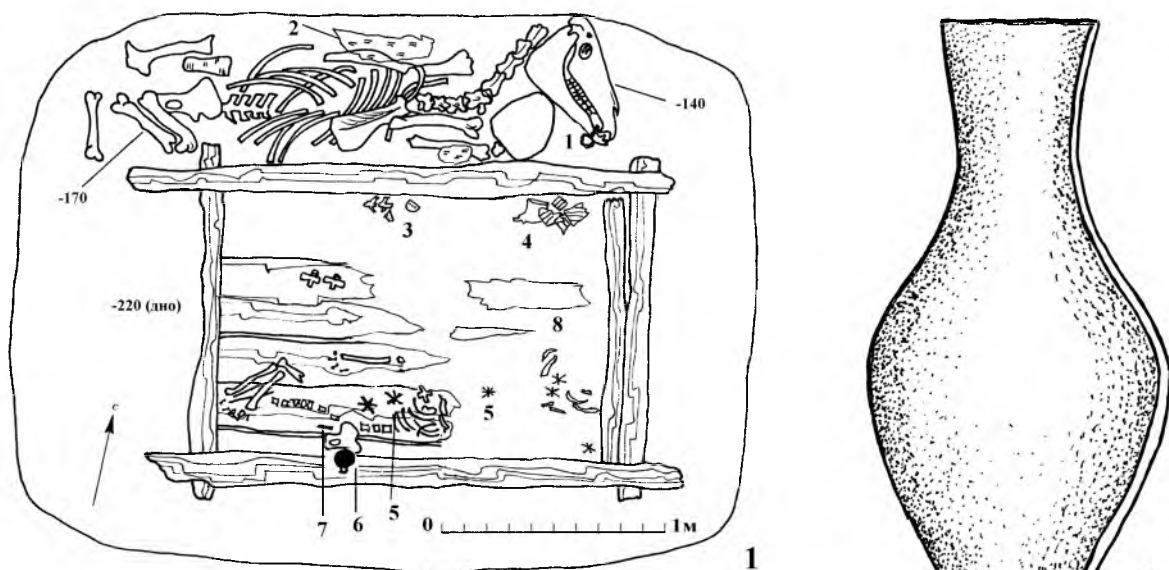

Рис. 19. Кор-Кечу. 1- расположение портупейных ремешков на ножнах кинжала в захоронении; - 2 – бронзовый кинжал в кожаных ножнах с лицевой стороны; 2а – портупейный ремешок для подвешивания кинжала к поясу; 2б – остатки ремня для притягивания ножен к ноге; 2в – находившийся отдельно фрагмент ремня с петлёй для фиксации ножен на ноге. Ножны в верхней части зашиты наглухо сухожильными нитками.

1 - железные удила; 2 - береста; 3 - роговая накладка на сосуд (?),
железный нож и позвонки барана; 4 - развал сосуда;
5 - фрагменты золотой фольги; 6 - бронзовое зеркало;
7 - бронзовая трубочка-пронизка; 8 - золотая серьга

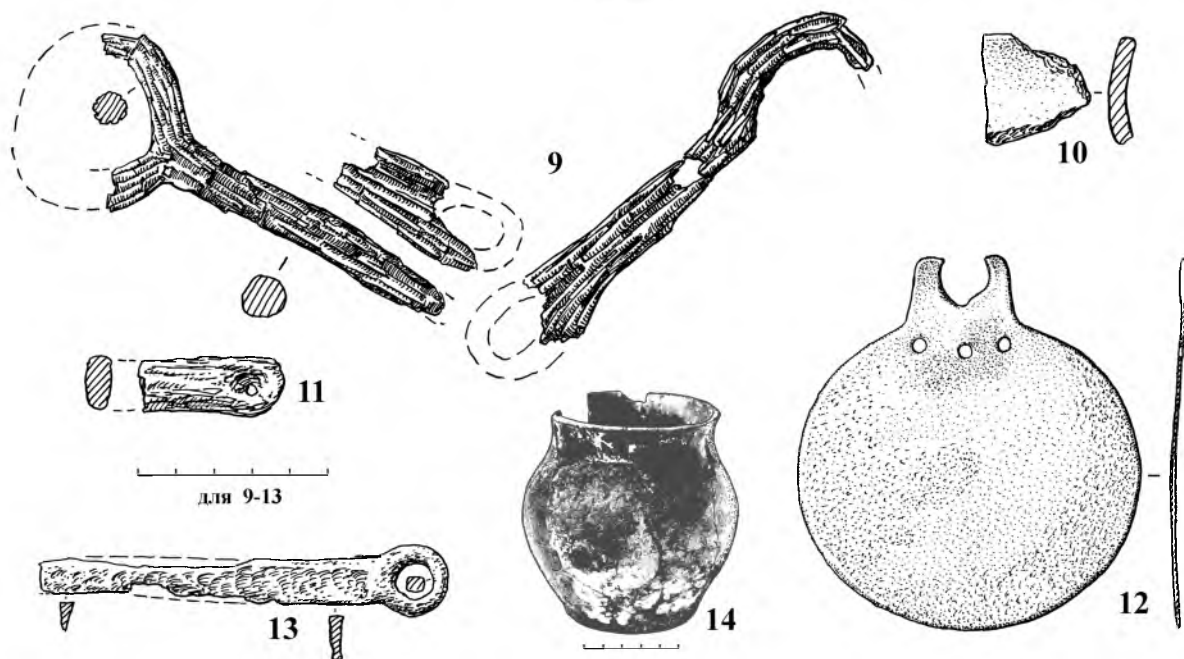
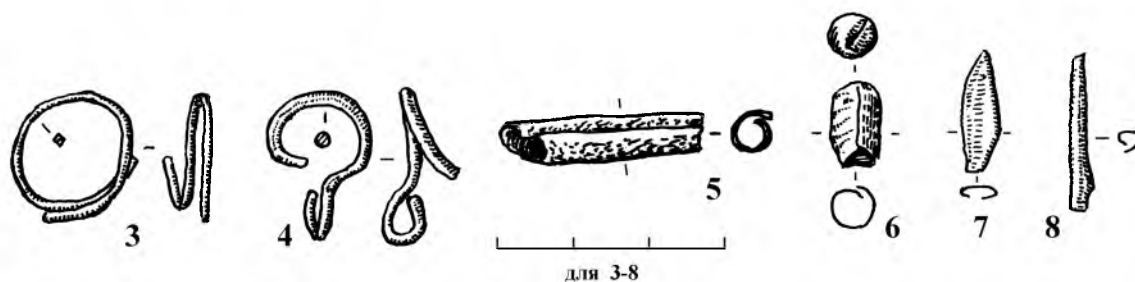
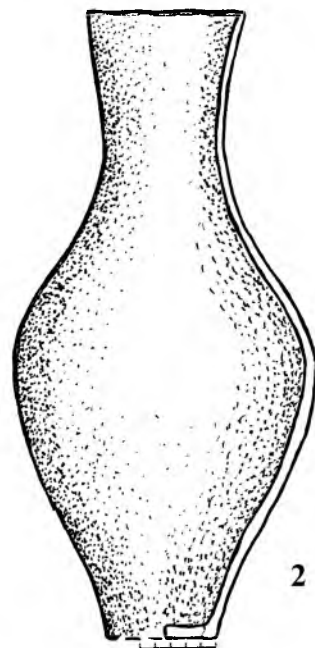

Рис. 20. Калбак-Таш-1. 1 - план погребения в кургане 1; 2, 3, 5, 7, 10 - находки из кургана 1; 4, 6, 13, 14 - находки из кургана 2. Золото - 4, 6-8; серебро (?) - 3; бронза - 5, 12; железо - 9, 11, 13; керамика - 2, 10, 14.

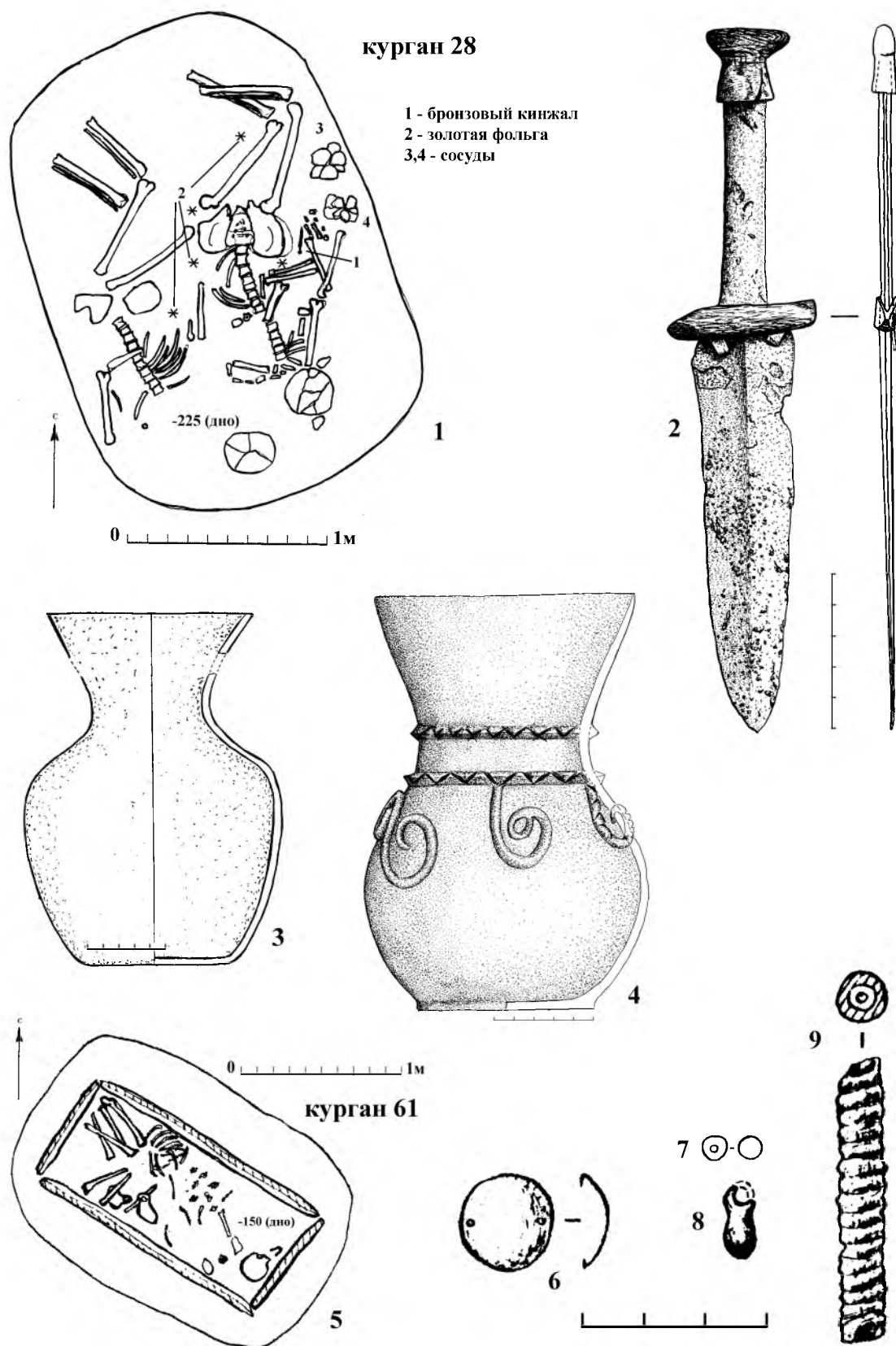

Рис. 21. Белый Бом-2. Курган 28: 1 – план погребения; 2 – бронзовый кинжал с деревянными навершием и перекрестием; 3, 4 – керамические сосуды. Курган 61: 5 – план погребения; 6 – золотая нашивная бляшка; 7 – сердоликовая бусина; 8, 9 – бронзовые подвеска и пронизка.

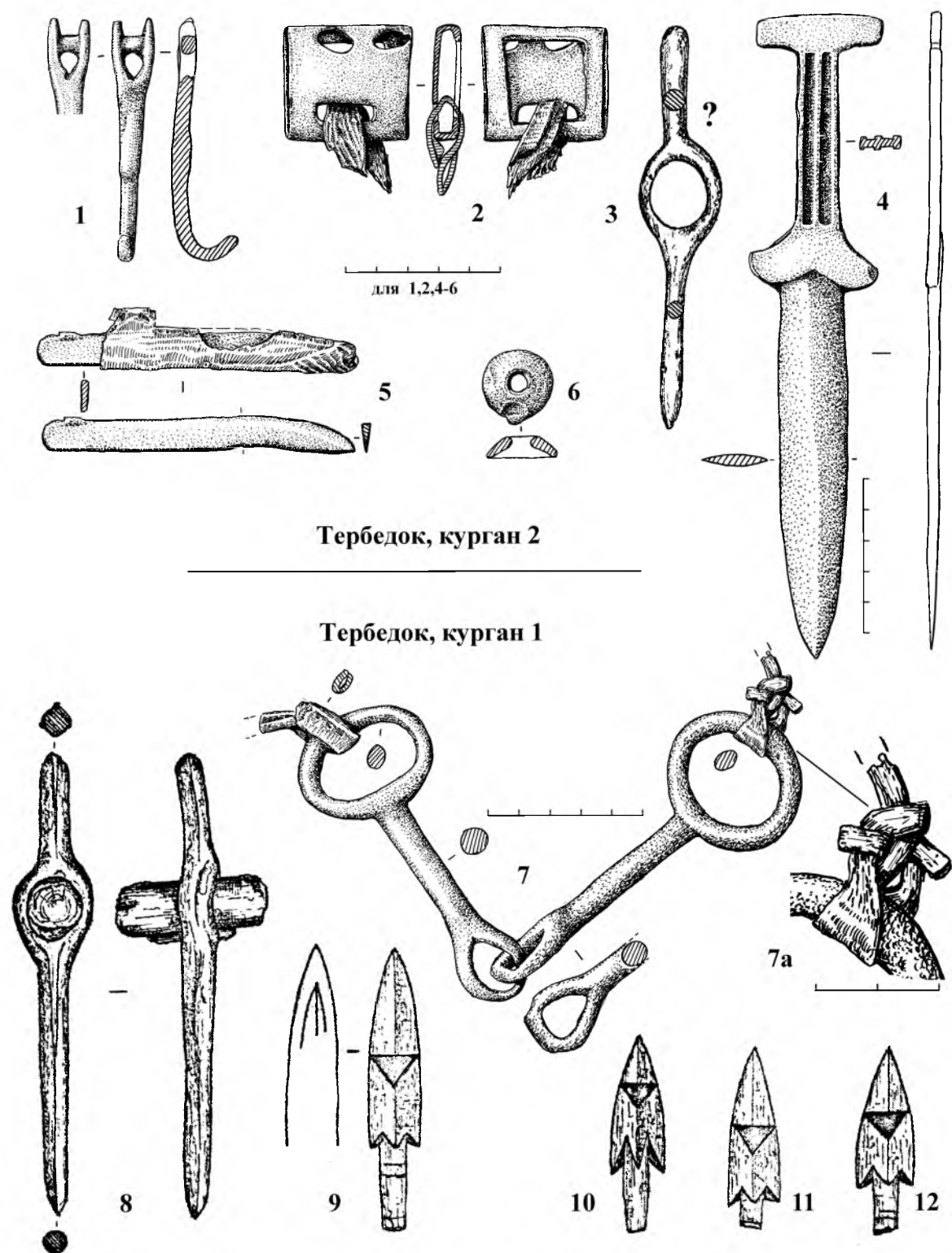

Рис. 22. Тербедок. Курган 2: 1 – крючок; 2 – поясная обойма с остатками портупейного ремешка; 3 - чекан (отнесён к кургану 2, по-видимому, ошибочно); 4 - кинжал без ножен; 5 –нож в кожаных ножнах и без них; 6 – ворворка. Курган 1: 7 – удила с сохранившимся узлом повода (7а); 8 – чекан; 9-12 – роговые (?) наконечники стрел.

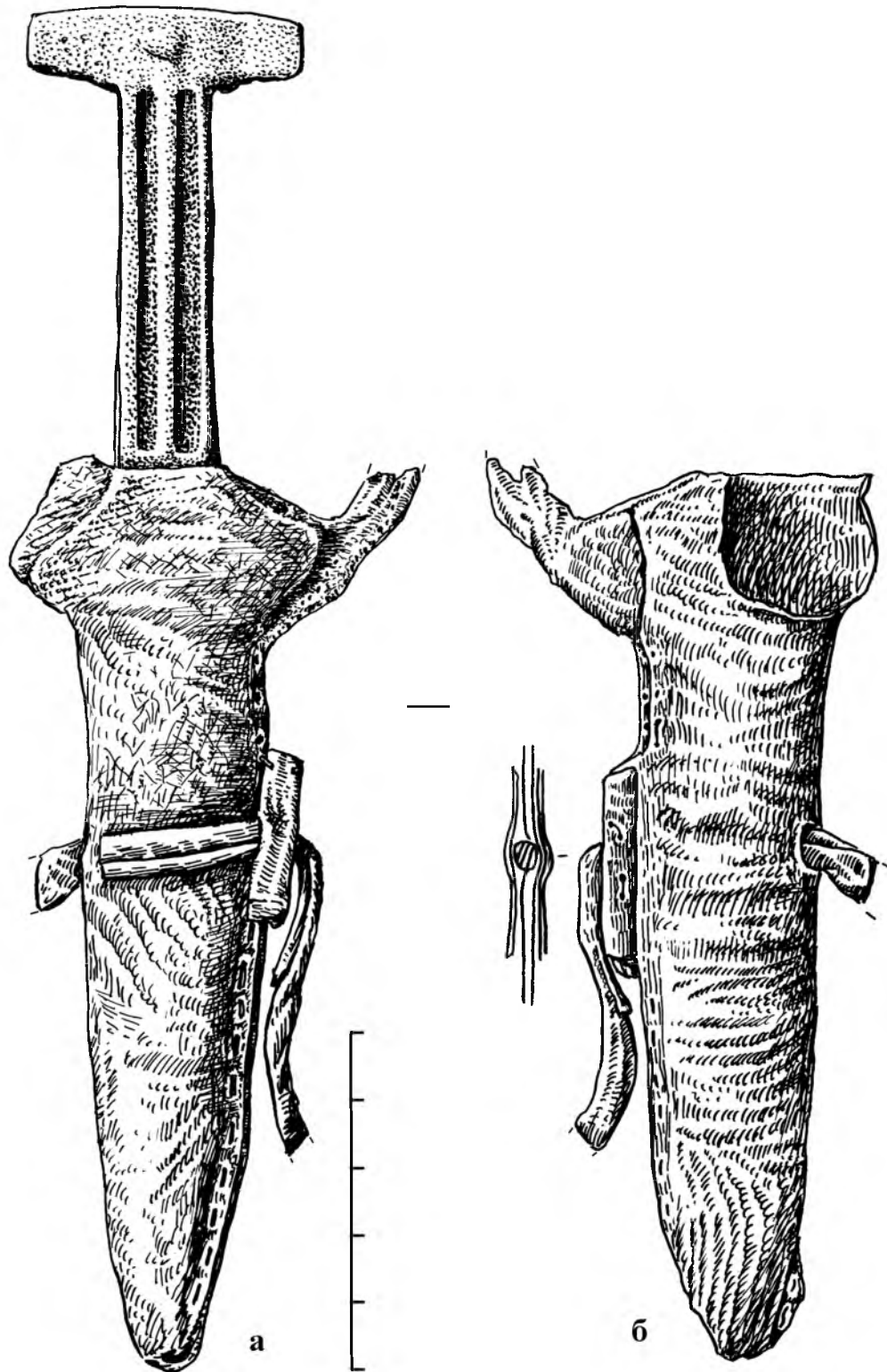

Рис. 23. Тербедок. Курган 2. Бронзовый кинжал в ножнах с остатками портупейного ремешка для подвешивания к поясу и ремешка для притягивания к ноге: а – лицевая сторона; б – обратная сторона.

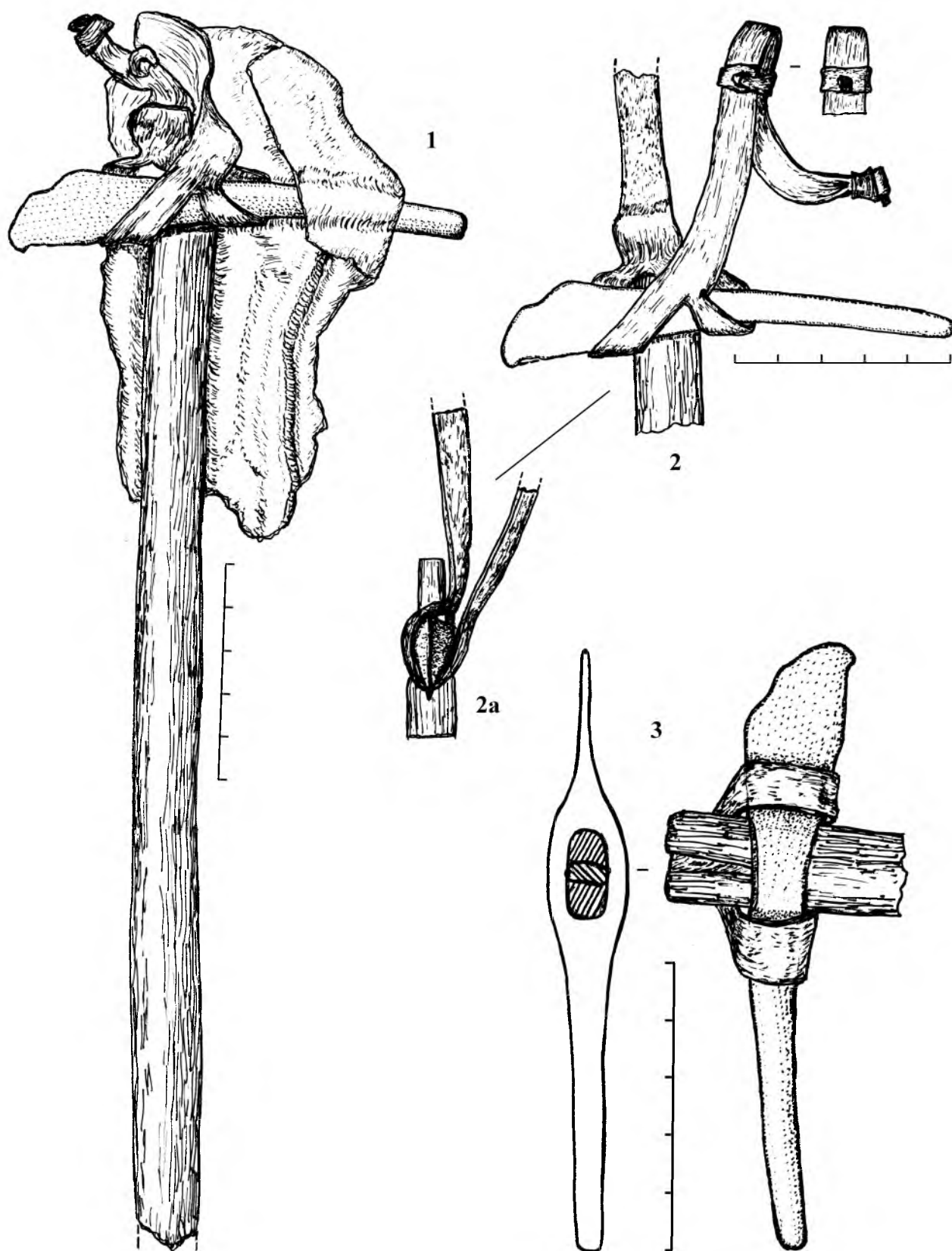

Рис. 24. Тербедок. Курган 2 (?). 1 - бронзовый чекан с деревянной рукояткой с фрагментом кожаной одежды с двумя продольными швами (второй шов закрыт чеканом), 2, 2а – чекан с «расправленными» ремнями для подвешивания к поясу, 3 – проекции чекана с деревянным клинышком в деревянной рукоятке.

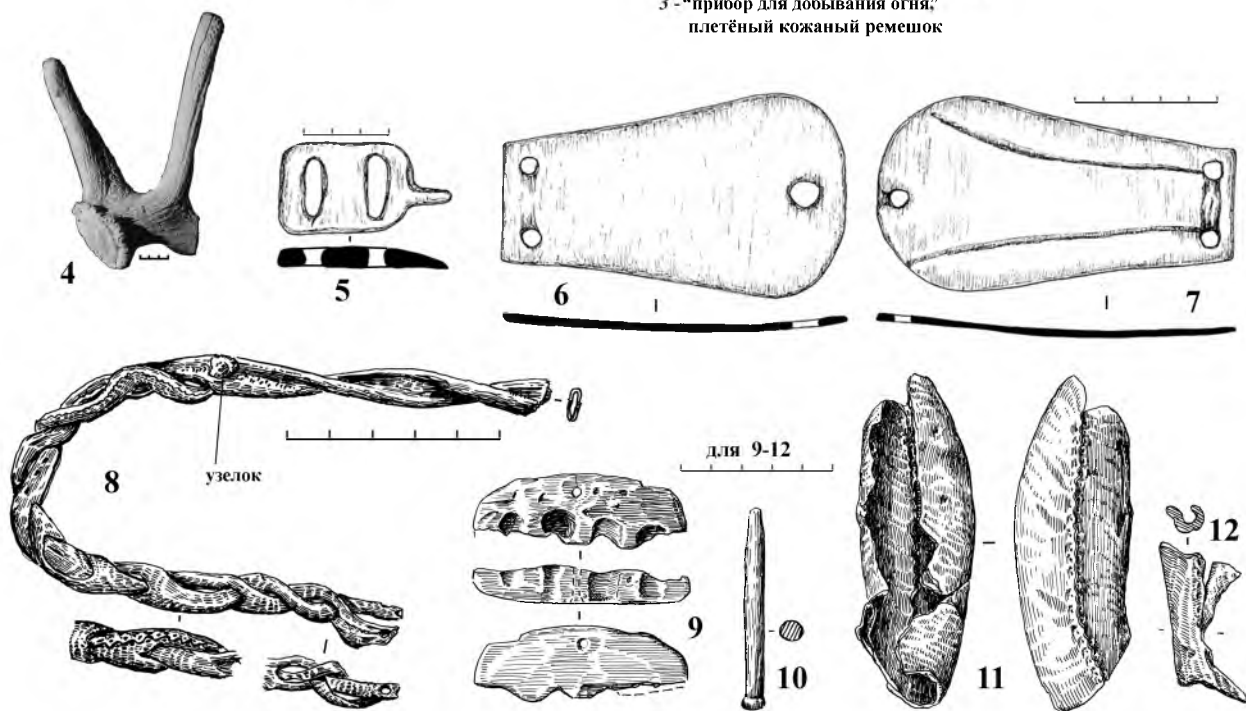
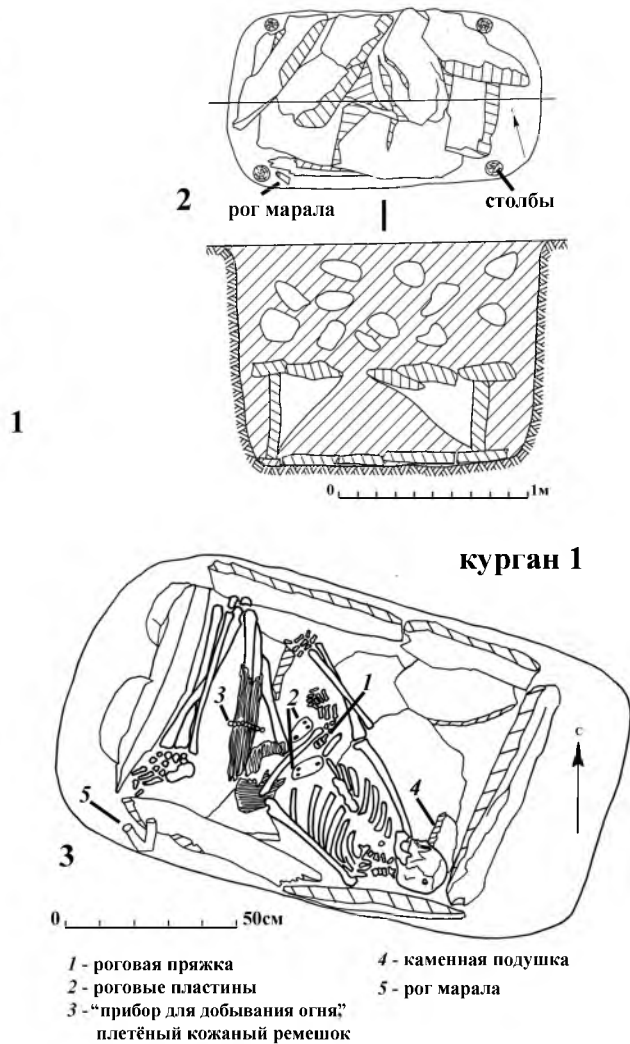
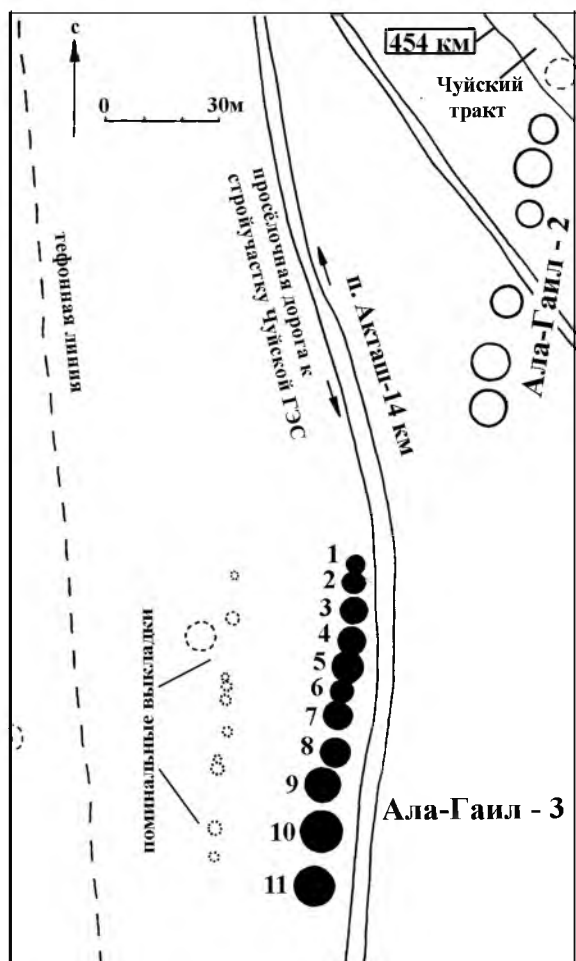

Рис. 25. Ала-Гаил-3. 1 – план могильника; 2 - план перекрытия и разрез могилы в кургане 1; 3 - план погребения; 4 – рог марала; 5-7 – поясные застёжка и бляхи из рога; 8 – фрагмент кожаного хлыста плети (?); 9, 10 – «прибор для добывания огня» из дерева; 11, 12 – фрагменты крупного изделия из толстой кожи с продольными швами.

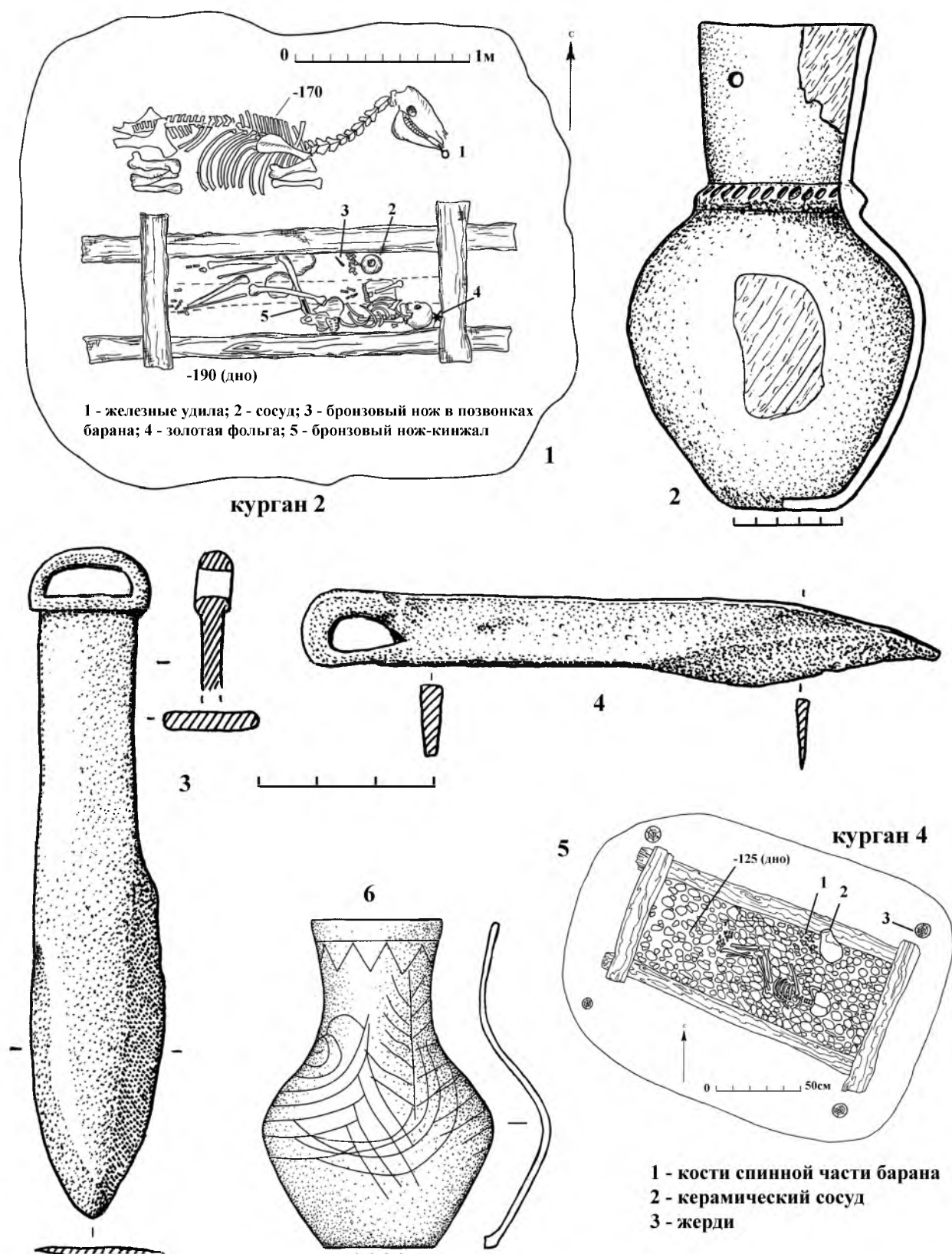

Рис. 26. Ала-Гаил-3. Курган 2: 1 – план погребения; керамический сосуд с пятнами чёрной краски; 3 – бронзовый нож-кинжал; 4 – бронзовый нож. Курган 4: 5 – план погребения; 6 – керамический сосуд с прочерченным орнаментом.

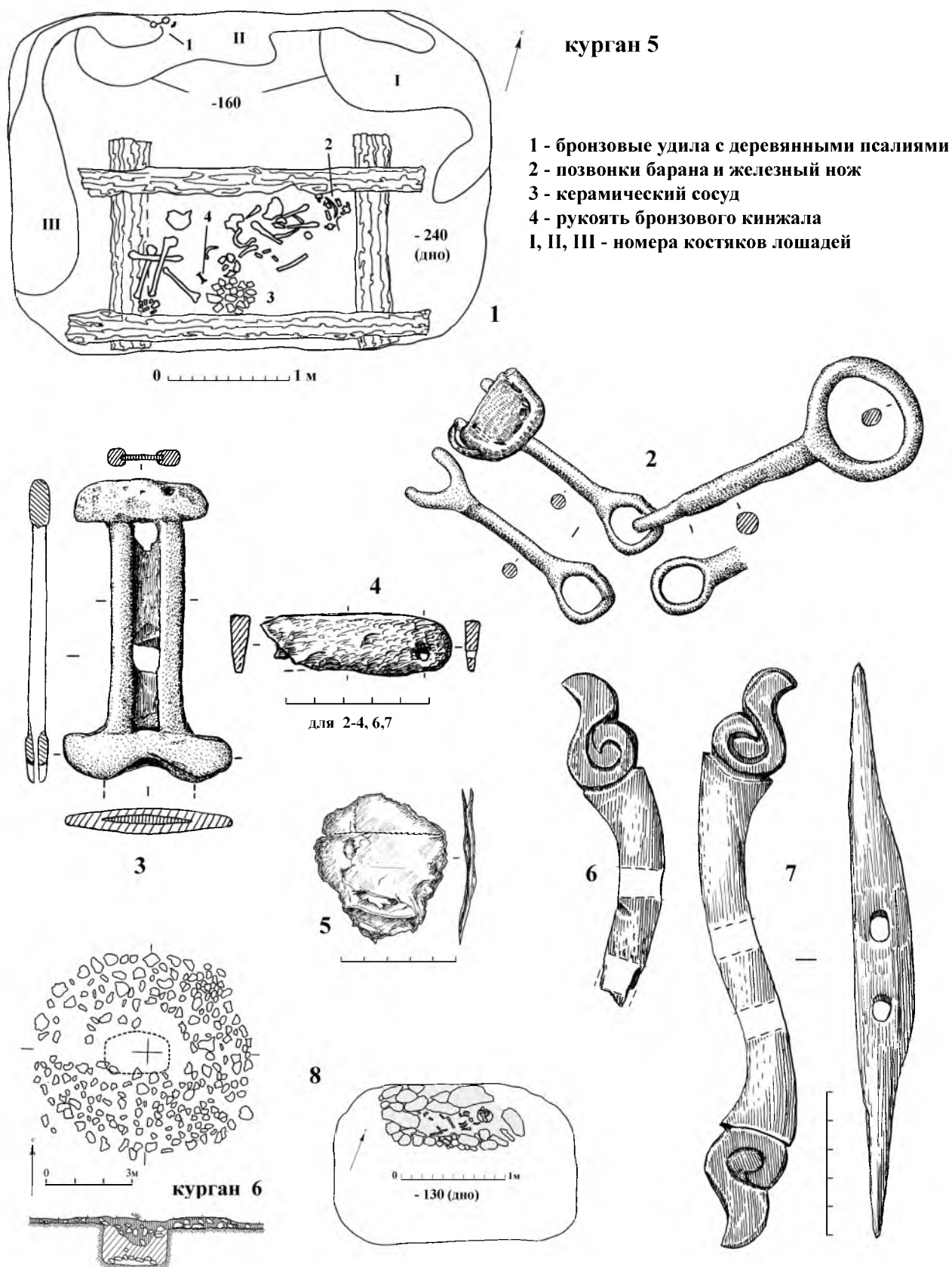

Рис. 27. Ала-Гаил-3. Курган 5: 1- план погребения; 2 – бронзовые удила с кожаной накладкой; 3 – биметаллический кинжал с бронзовой рукоятью и остатками черешка от железного клинка; 4 – железный нож; 5 – фрагмент кожаной одежды (?) со швами; 6, 7 – деревянные псалии. Курган 6: 8 - план и разрез насыпи, план погребения.

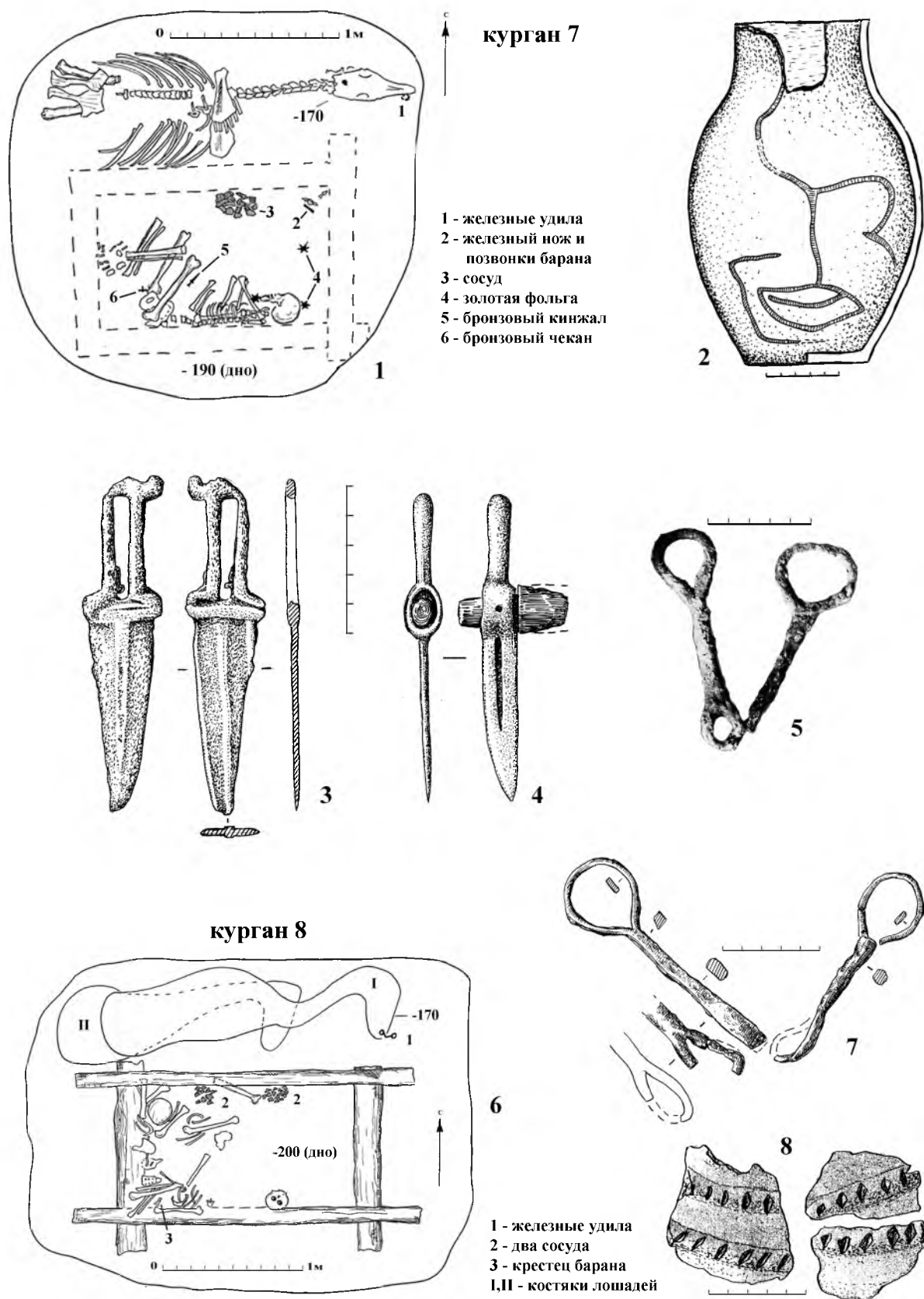

Рис. 28. Ала-Гаил-3. Курган 7: 1 – план погребения; 2 – керамический сосуд с нанесёнными тёмной краской фигурами; 3, 4 – бронзовые миниатюрные кинжал и чекан; 5 – железные удила (фото с масштабом). Курган 8: 6 – план погребения; 7 – железные удила; 8 – фрагменты керамического сосуда (по фото с масштабом).

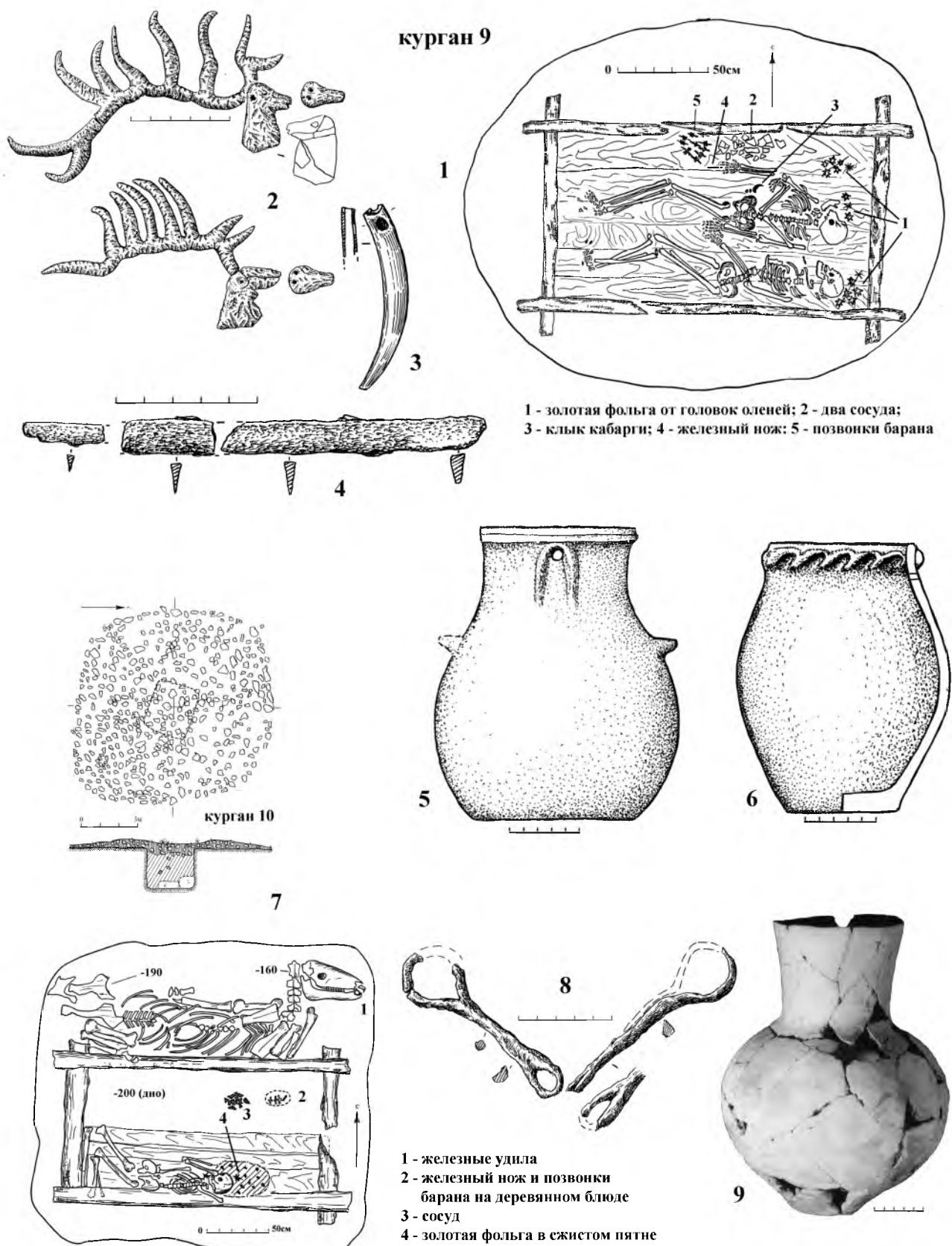
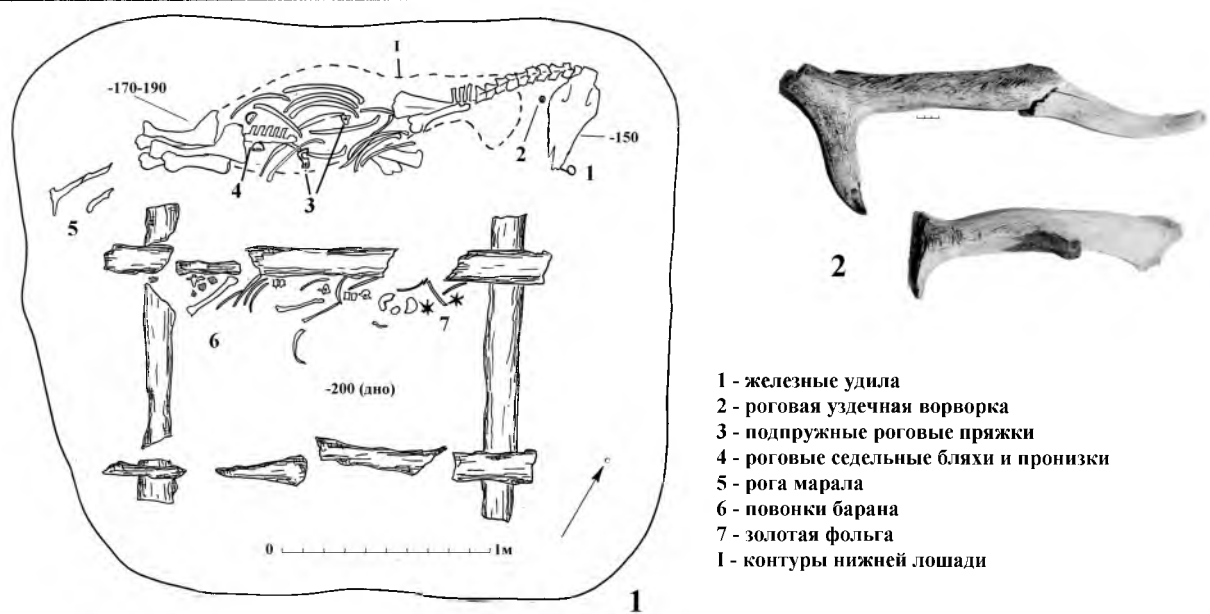

Рис. 29. Ала-Гаил-3. Курган 9: 1 – план погребения; 2 – головки двух оленей из золотой фольги; 3 – клык кабарги; 4 – фрагменты двух железных ножей; 5, 6 – керамические сосуды. Курган 10: 7 – план и разрез кургана, план погребения; 8 – железные удила; 9 – керамический сосуд (фото с масштабом).

курган 11

- 1 - железные удила
- 2 - роговая уздечная ворворка
- 3 - подпружные роговые пряжки
- 4 - роговые седельные бляхи и пронизки
- 5 - рога марала
- 6 - повонки барана
- 7 - золотая фольга
- I - контуры нижней лошади

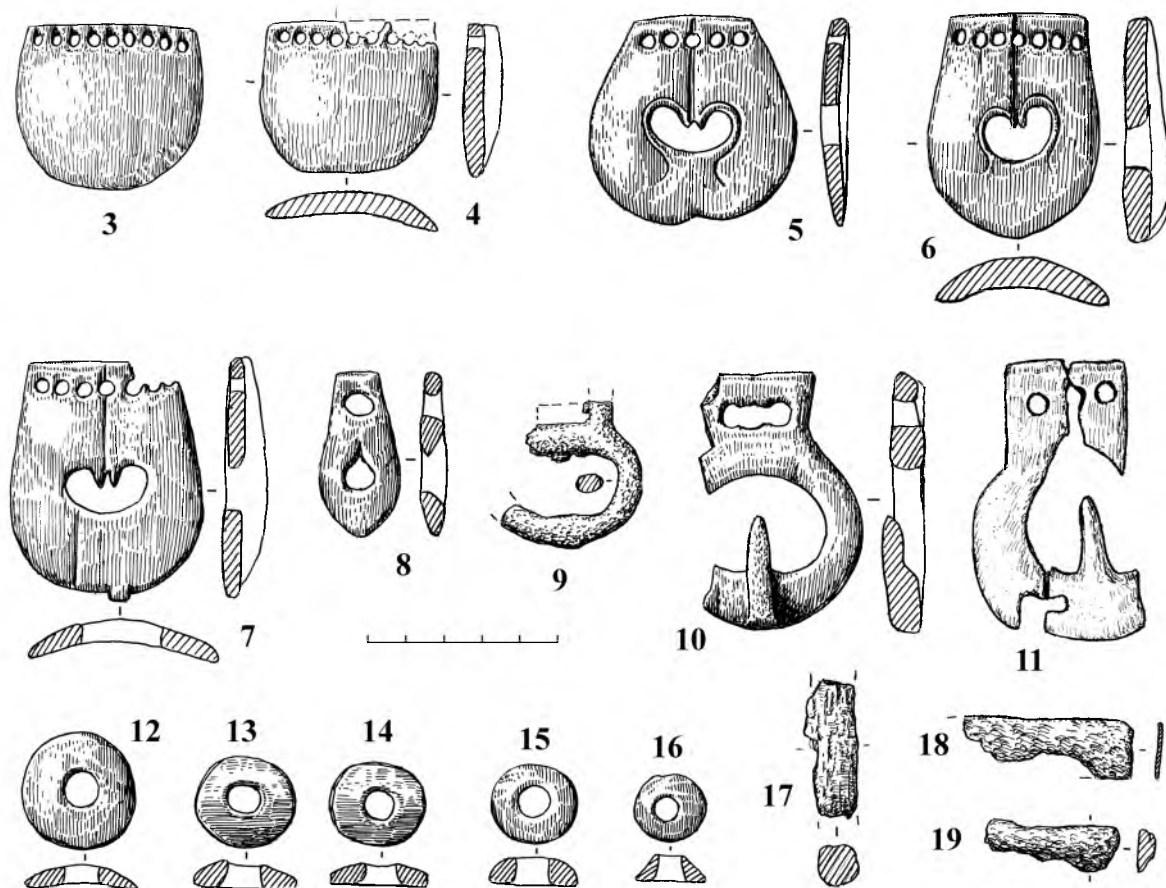

Рис. 30. Ала-Гаил-3. Курган 11: 1 – план погребения; 2 – рога марала (фото с масштабом); 3-8 – роговые седельные подвески; 9 – бронзовый подпружный блок; 10, 11 – роговые подпружные пряжки-застёжки; 12-15 – роговые седельные пронизки; 16 – роговая уздечная ворворка; 17 – железный фрагмент удил (?); 18, 19 – фрагменты железных изделий.

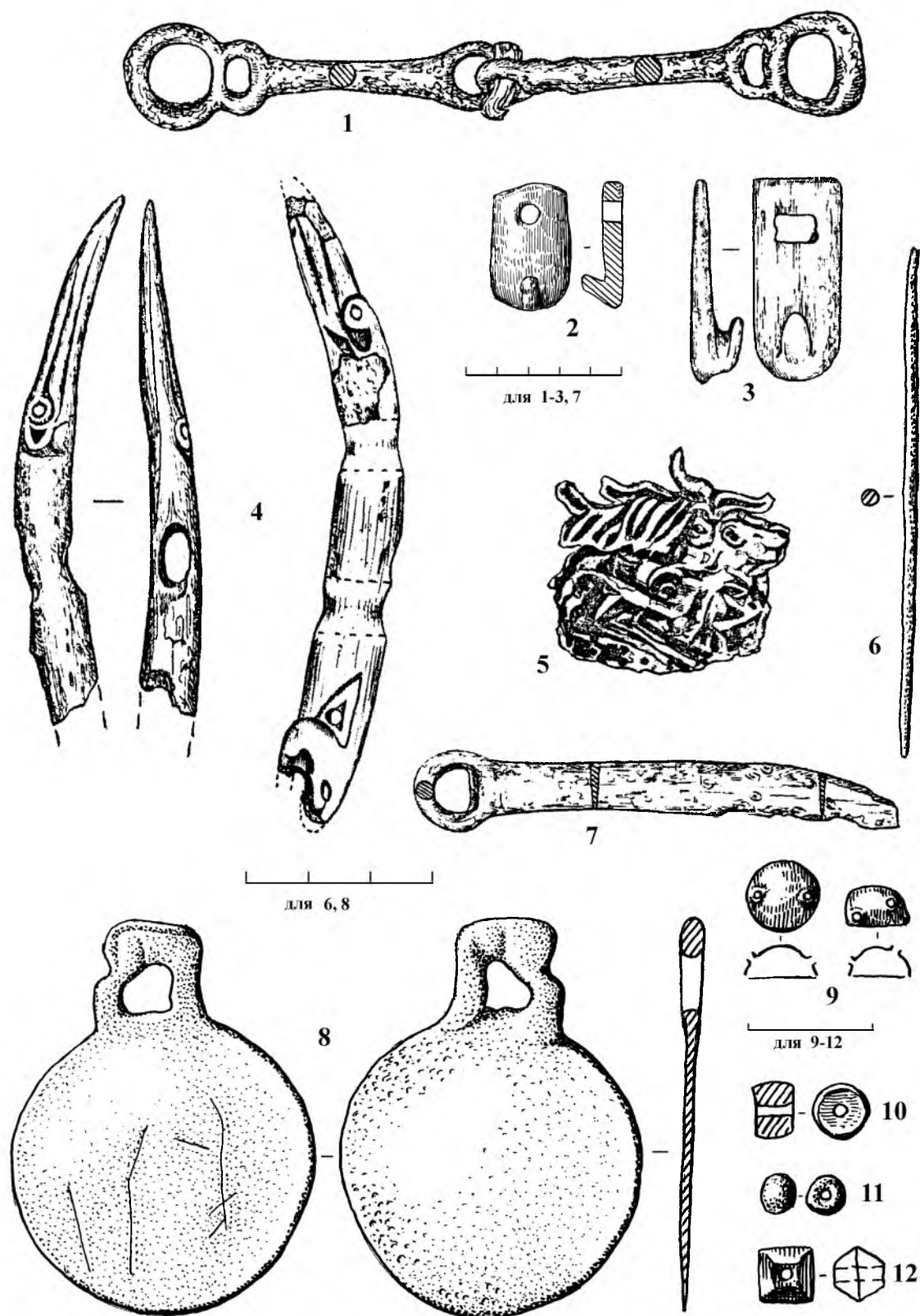
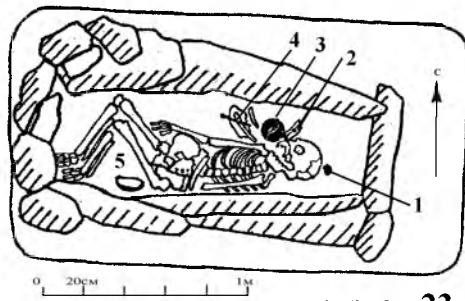
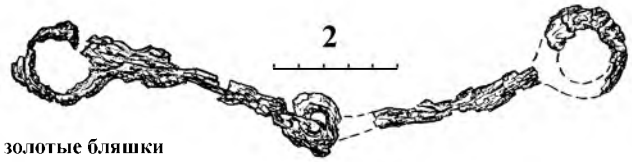

Рис. 31. Ала-Гаил. Курган 19: 1 – бронзовые удила; 2, 3 – роговые подпружные пряжки-застёжки; 4 – роговые псалии; 5 – нашивная бляшка из толстой золотой фольги; 6-8 – бронзовые заковка, нож и зеркало; 9 – золотые нашивные бляшки; 10-12 – сердоликовые бусины (по: Мартынов и др., 1985). Размеры изделий 1, 3, 4, 7 могут несколько отличаться от указанных на рисунке.

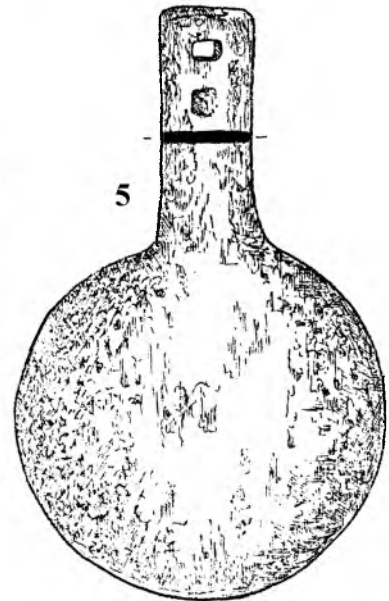
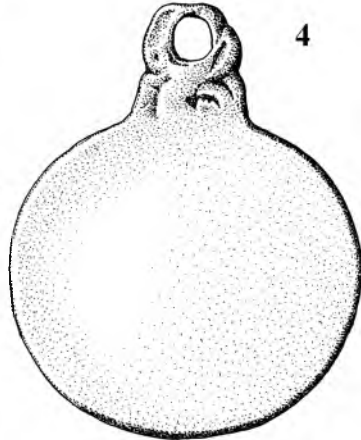
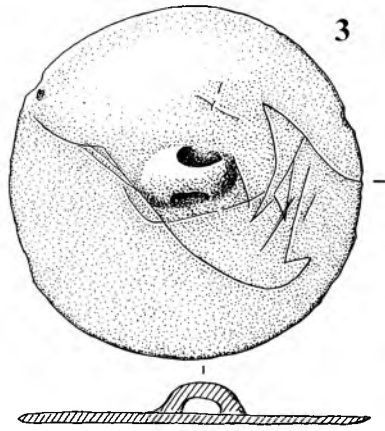

курган 23

1

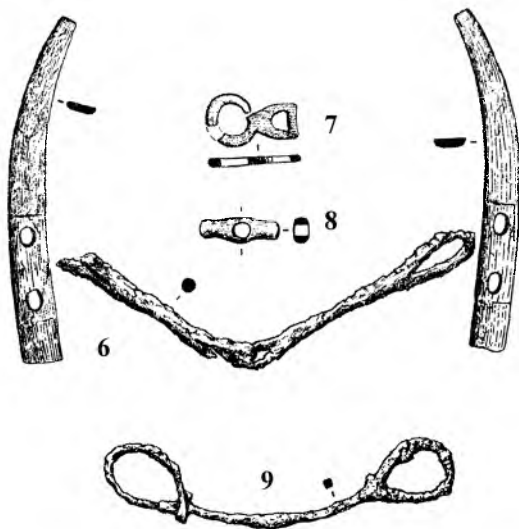

- 1 - две золотые бляшки
- 2 - костяная застёжка
- 3 - бронзовое зеркало
- 4 - бронзовый нож
- 5 - каменный алтарик (?)

для 3-5

курган 1

для 7-14

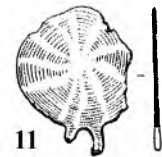

Рис. 32. Ала-Гаил. 1, 3 – план погребения и бронзовое зеркало из кургана 23; 2, 4 – железные удила и бронзовое зеркало из кургана 3; 5 – бронзовое зеркало из кургана 11 (по Мартынов и др., 1985). Курган 1: 6-8 – роговые псалии с железными удилами, роговые чумбурный блок и застёжка (?) у северной лошади; 9 – железные удила у южной лошади; 10, 11 – роговой наконечник и бронзовое зеркало; 12-14 – железные ножи (по: Могильников, Суразаков, 1980).

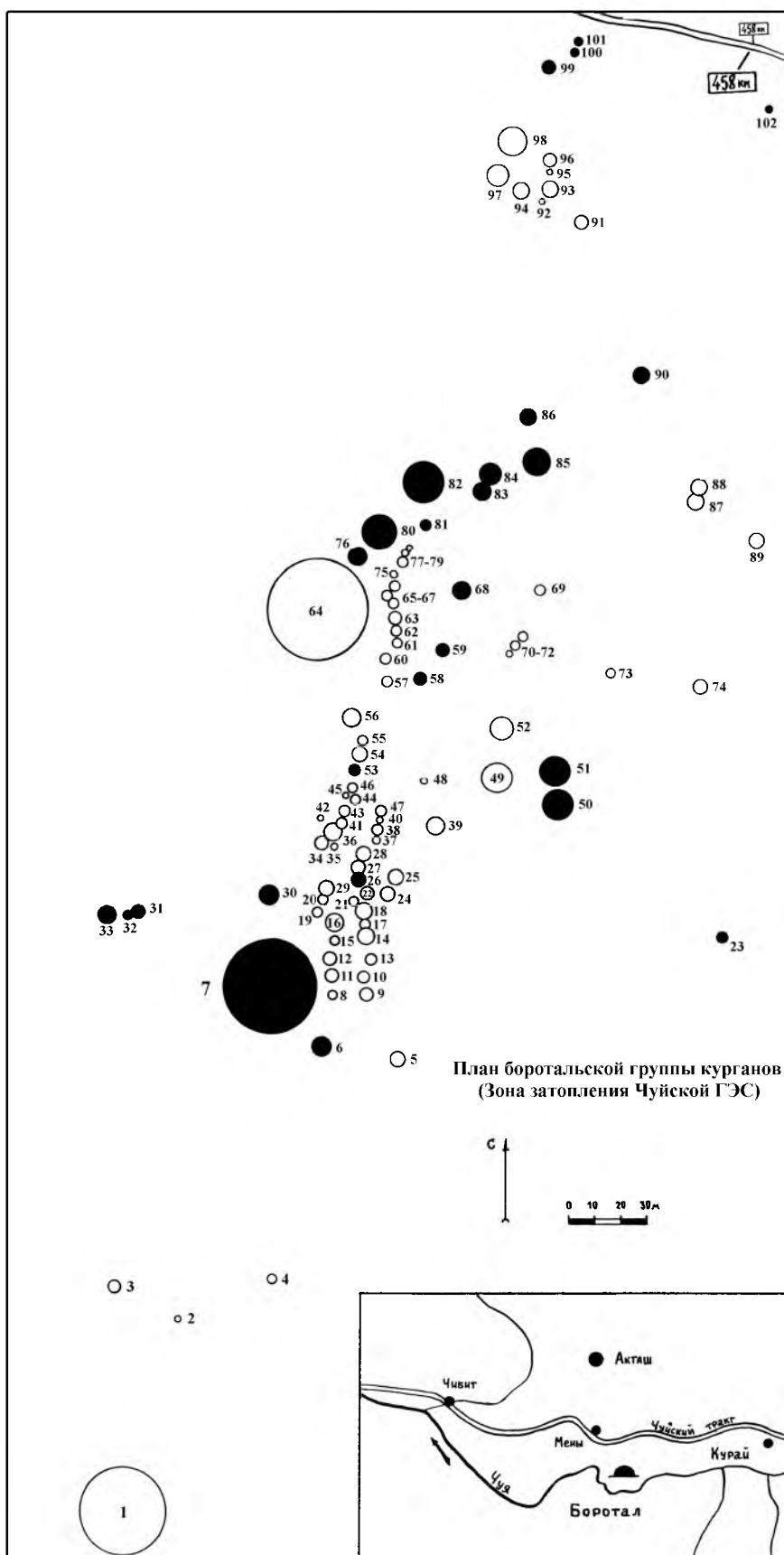

Рис. 33. Боротал-1. План Боротальской группы курганов.

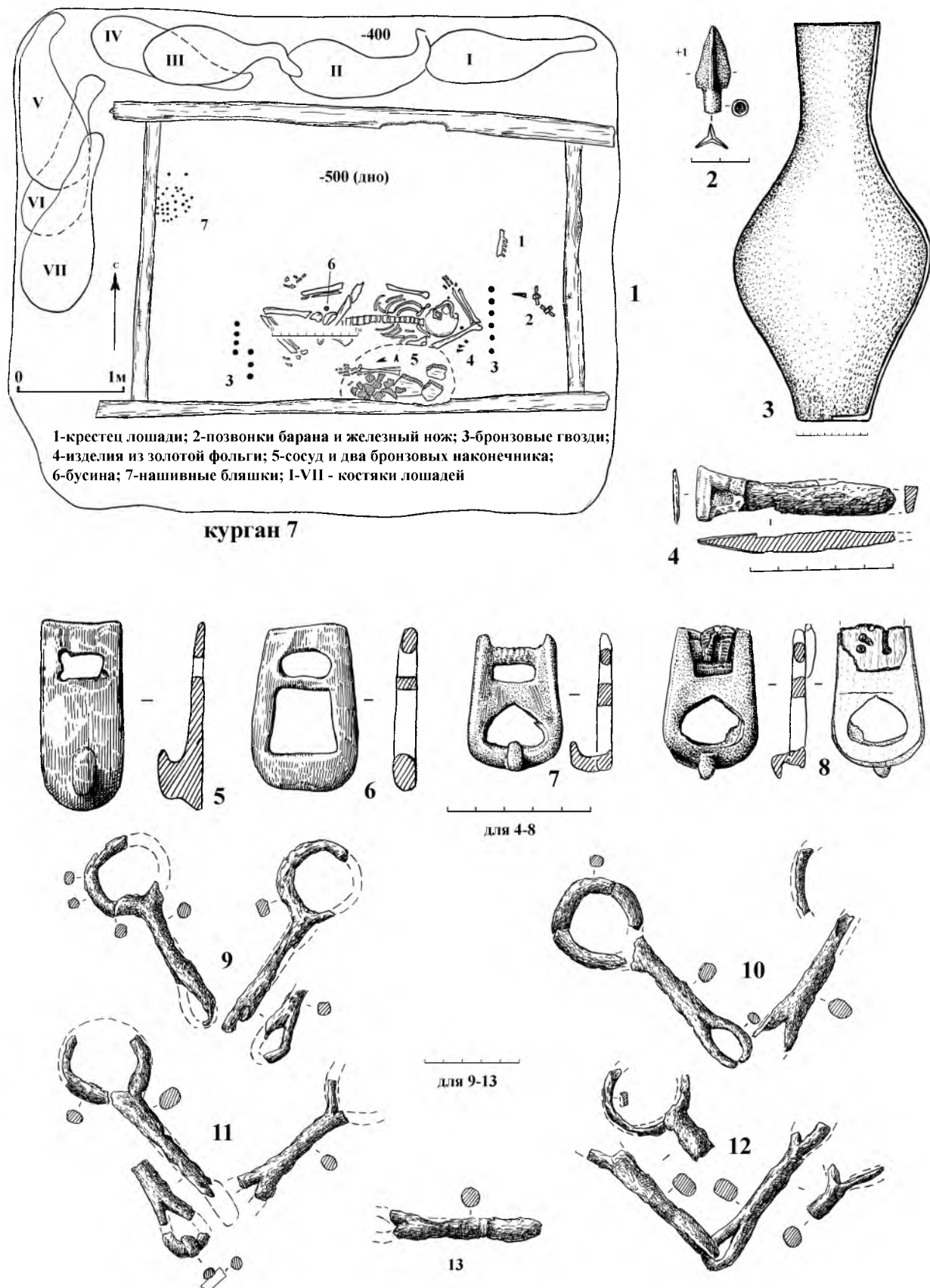

Рис. 34. Боротал-1. Курган 7: 1 – план захоронения; 2 – бронзовый наконечник стрелы; 3 – керамический кувшин; 4 – железная ручка ножа, обложенная золотой фольгой; 5, 6 – комплект из роговых подпружных пряжки и блока; 7, 8 – бронзовые подпружные пряжки; 9-13 – железные удила от лошадей 1 (9), 2 (13), 3 (10), 4 (12) и 5 (11).

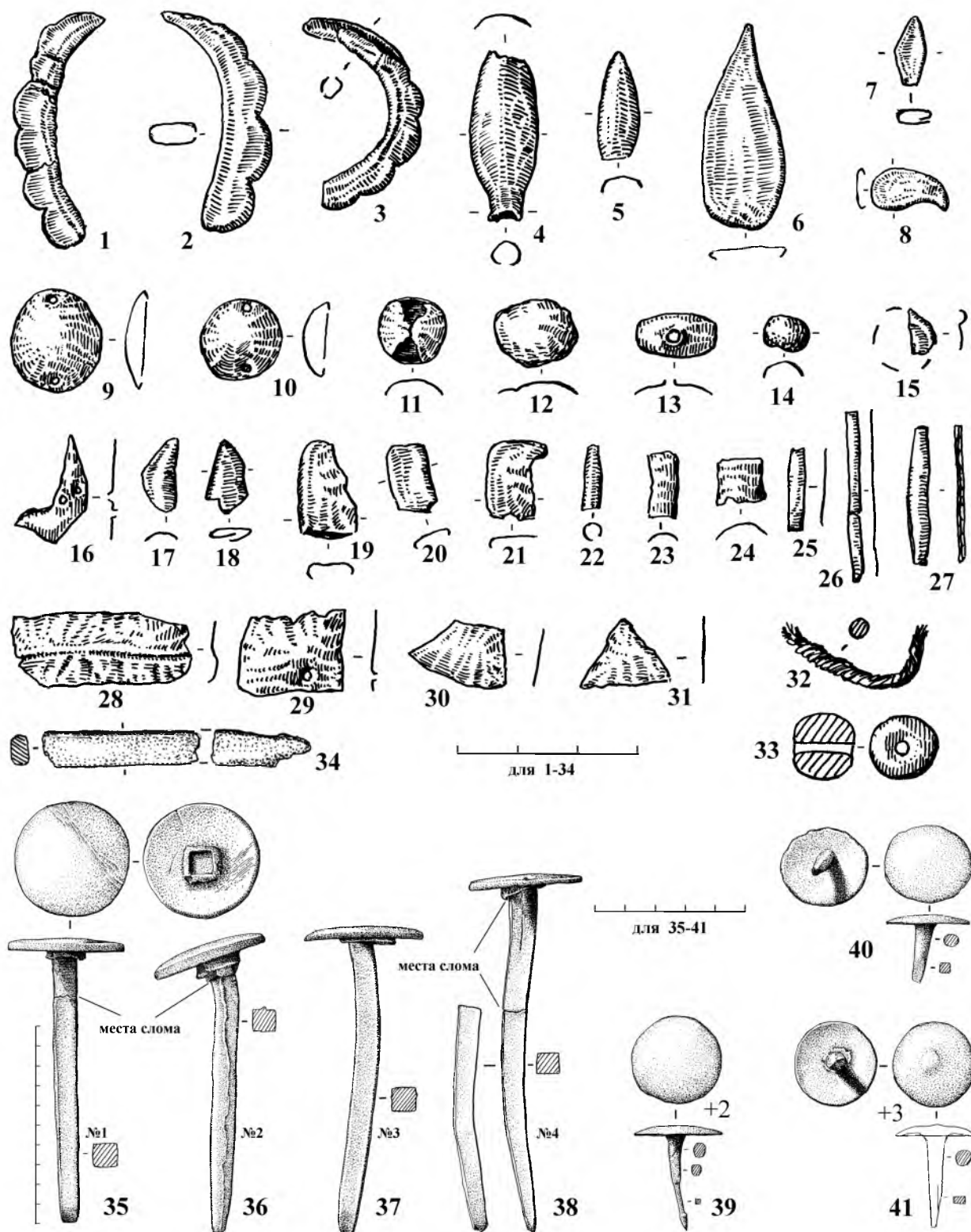

Рис. 35. Боротал-1. Курган 7, погребальная камера. 1-31 – украшения одежды и головного убора человека из золотой фольги; 32 – фрагмент шнура; 33 – сердоликовая бусина; 34 – фрагмент костяной поделки; 35-41 – бронзовые гвозди.

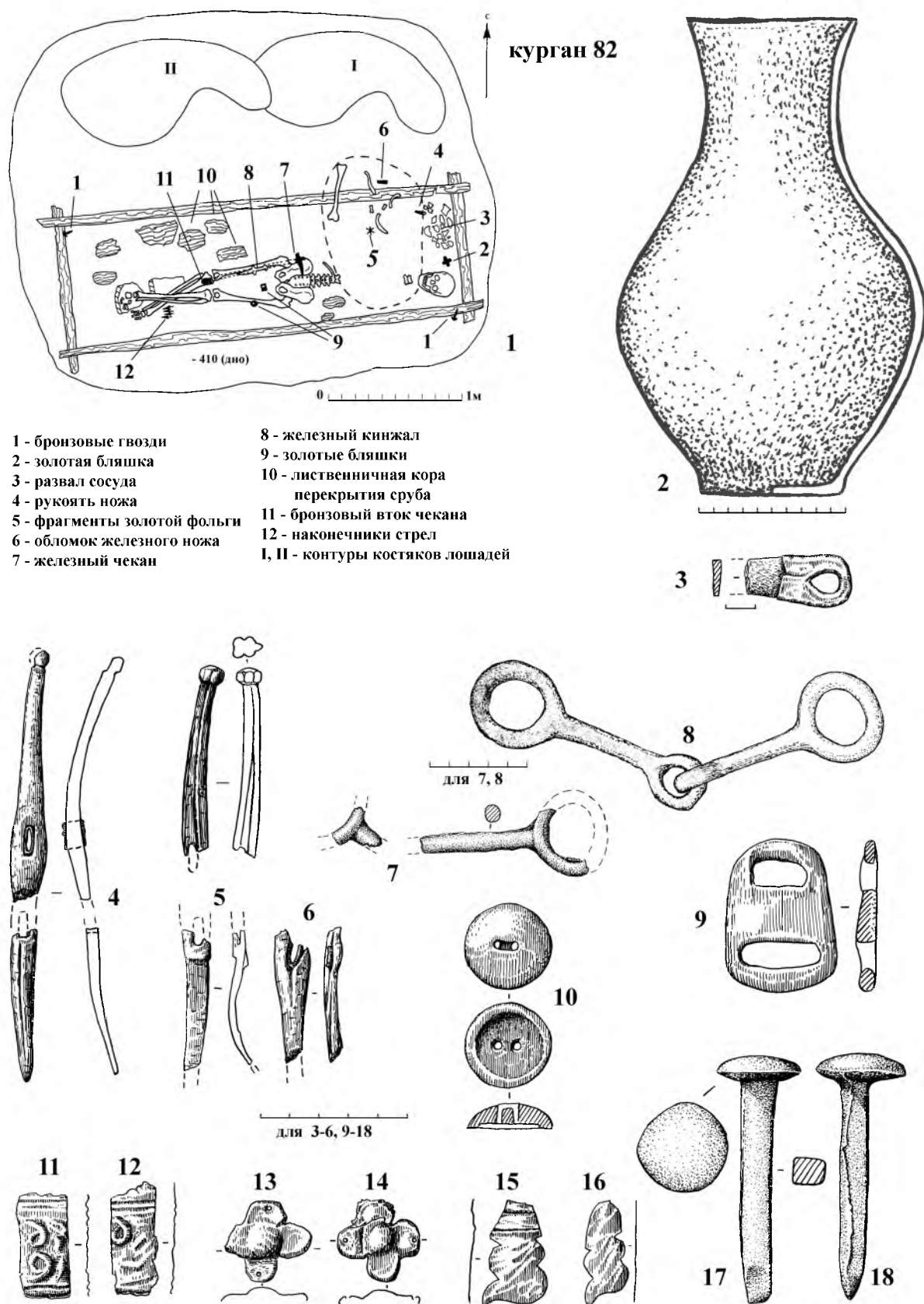

Рис. 36. Боротал-1. Курган 82: 1 – план погребения; 2 – керамический кувшин; 3 – фрагмент ручки железного ножа, обложенного золотой фольгой; 4-6 – деревянные псалии; 7, 8 – бронзовые удила; 9 – роговой подпружный блок; 10 – деревянная «пуговица»; 11-16 – накладные и нашивные бляшки из золотой фольги; 17, 18 – бронзовые гвозди.

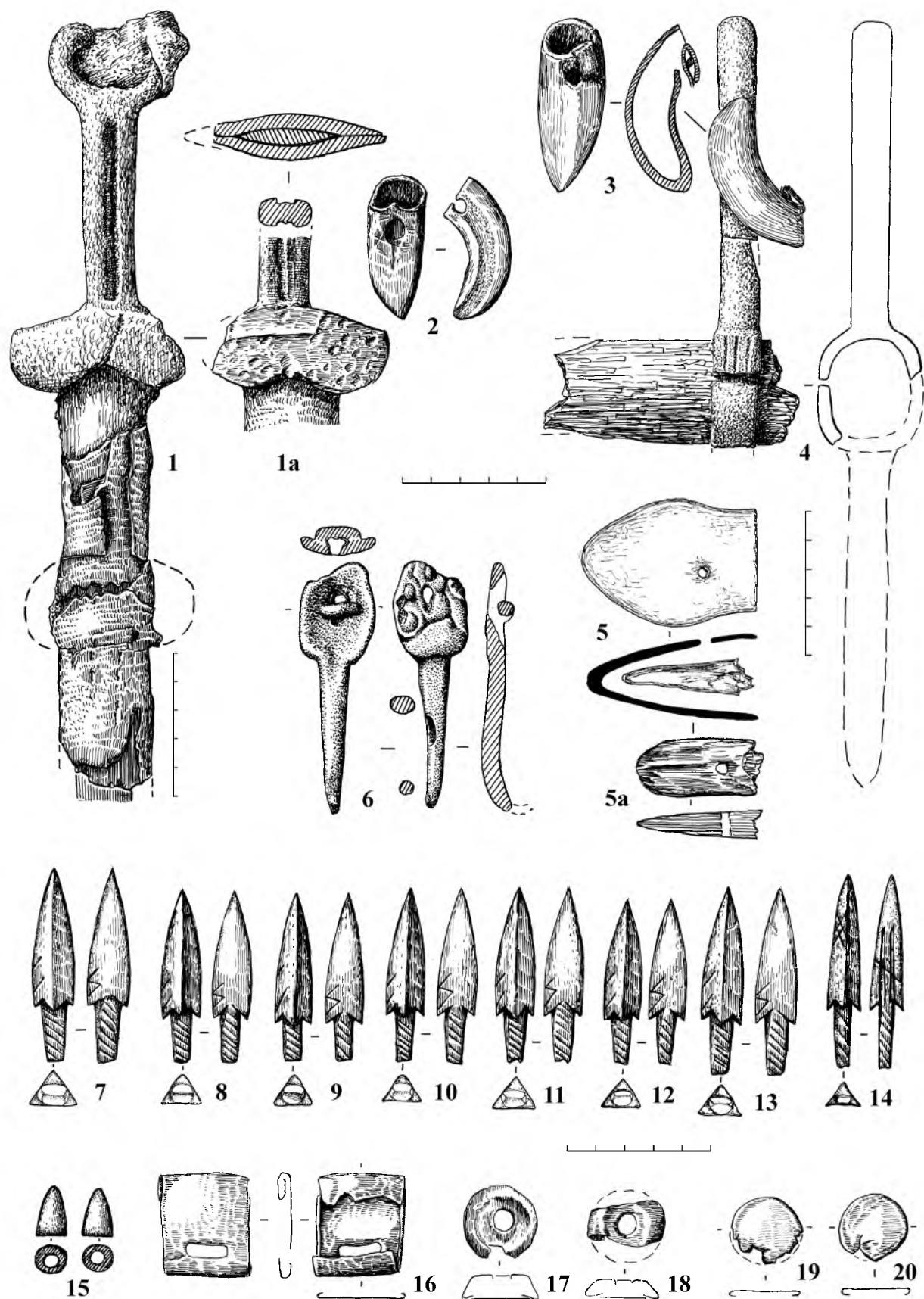

Рис. 37. Боротал-1. Курган 82. Вооружение и детали пояса: 1, 1а, 2 – железный кинжал с остатками ожелезнённых покрытых кожей деревянных ножен и кабаньим клыком-застёжкой; 3, 4 – железный чекан с кабаньим клыком-застёжкой; 5, 5а – бронзовый вток чекана с остатками деревянной рукоятки; 6 – бронзовый крючок; 7-15 – роговые наконечники стрел; 16-20 – обкладки из золотой фольги поясных прорезной обоймы, ворворок и бляшек, изготовленных, по-видимому, из кожи (16, 19, 20) и дерева (17, 18).

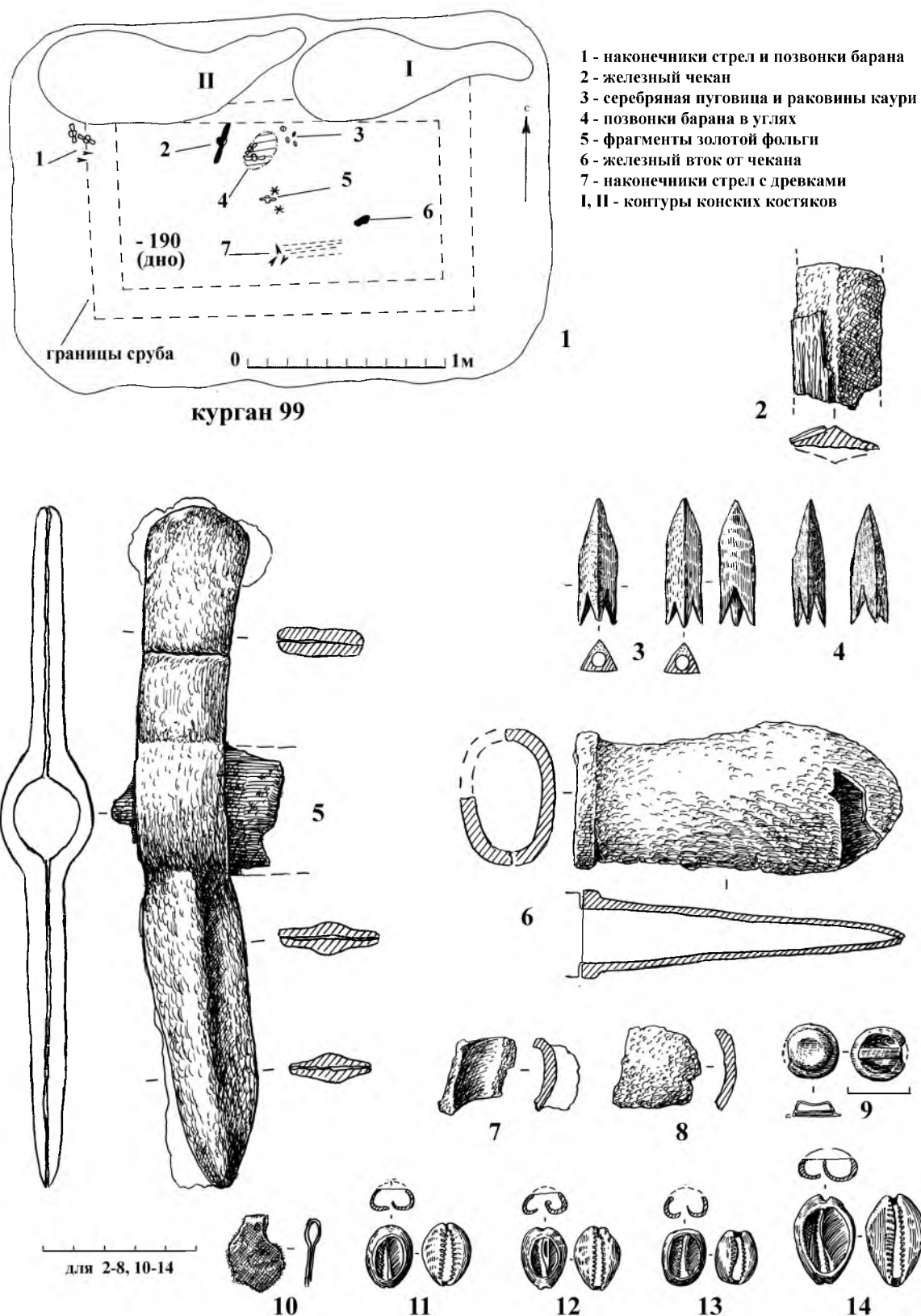

Рис. 38. Боротал-1. Курган 99: 1 – план погребения; 2 – фрагмент клинка железного кинжала; 3, 4 – роговые наконечники стрел; 5, 6 – железные чекан и вток; 7, 8 – фрагменты железных втулок; 9 – серебряная бляшка; 10 – сложенная вдвое ткань частого плетения; 11-14 – раковины каури.

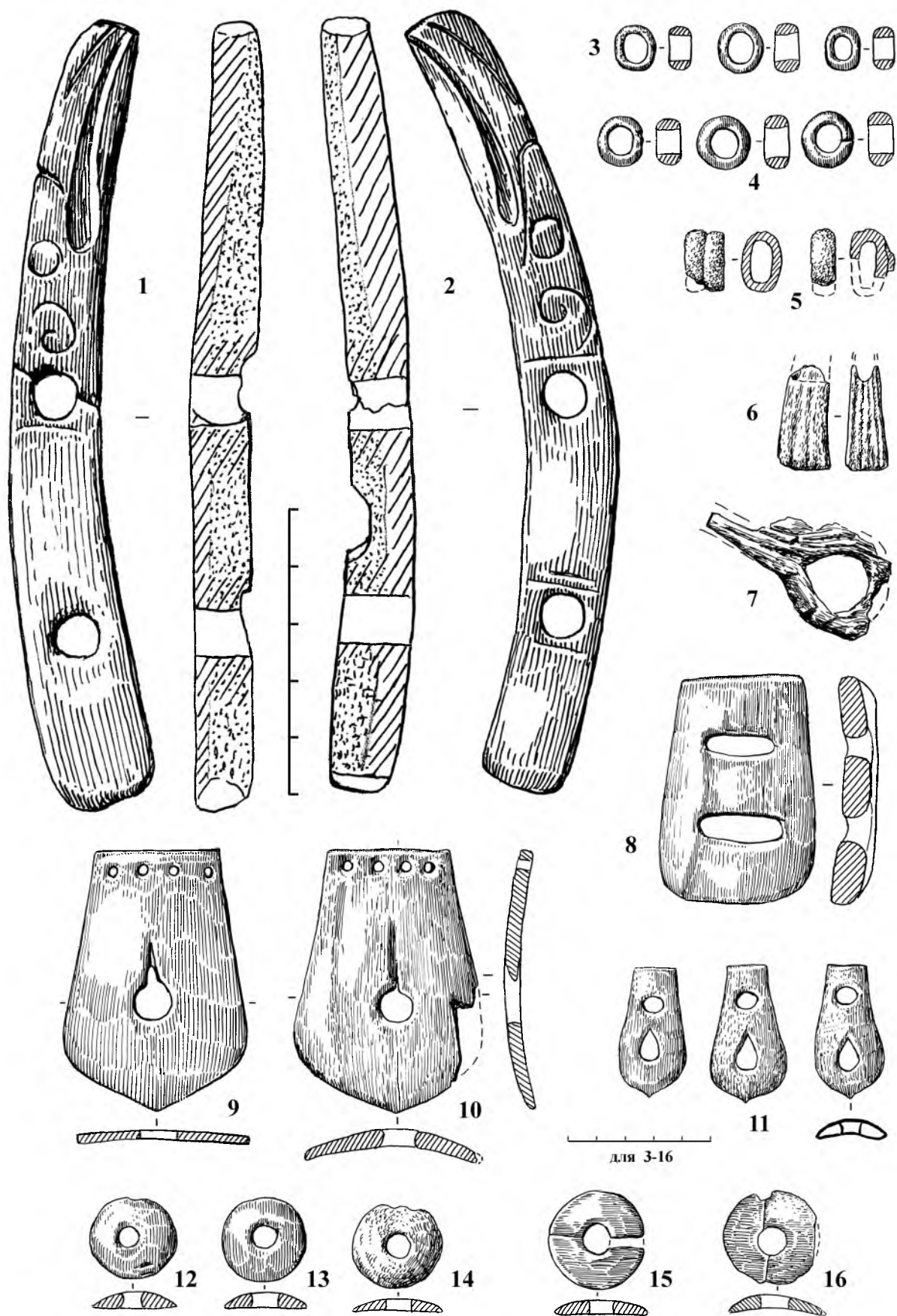

Рис. 39. Боротал-1. Курган 99. Сбруйные наборы первой (1-4, 8-16) и второй (5, 6) лошадей. Роговой набор первой лошади: 1, 2 – псалии; 3, 4 – уздечные кольцевидные пронизки; 7 – фрагмент железных удиц; 8 – подпружный блок; 9-11 – седельные подвески; 12-16 – седельные пронизки. Вторая лошадь: 5 – железные полукруглые и овальные уздечные пронизки; 6 – нижняя часть рогового псаля.

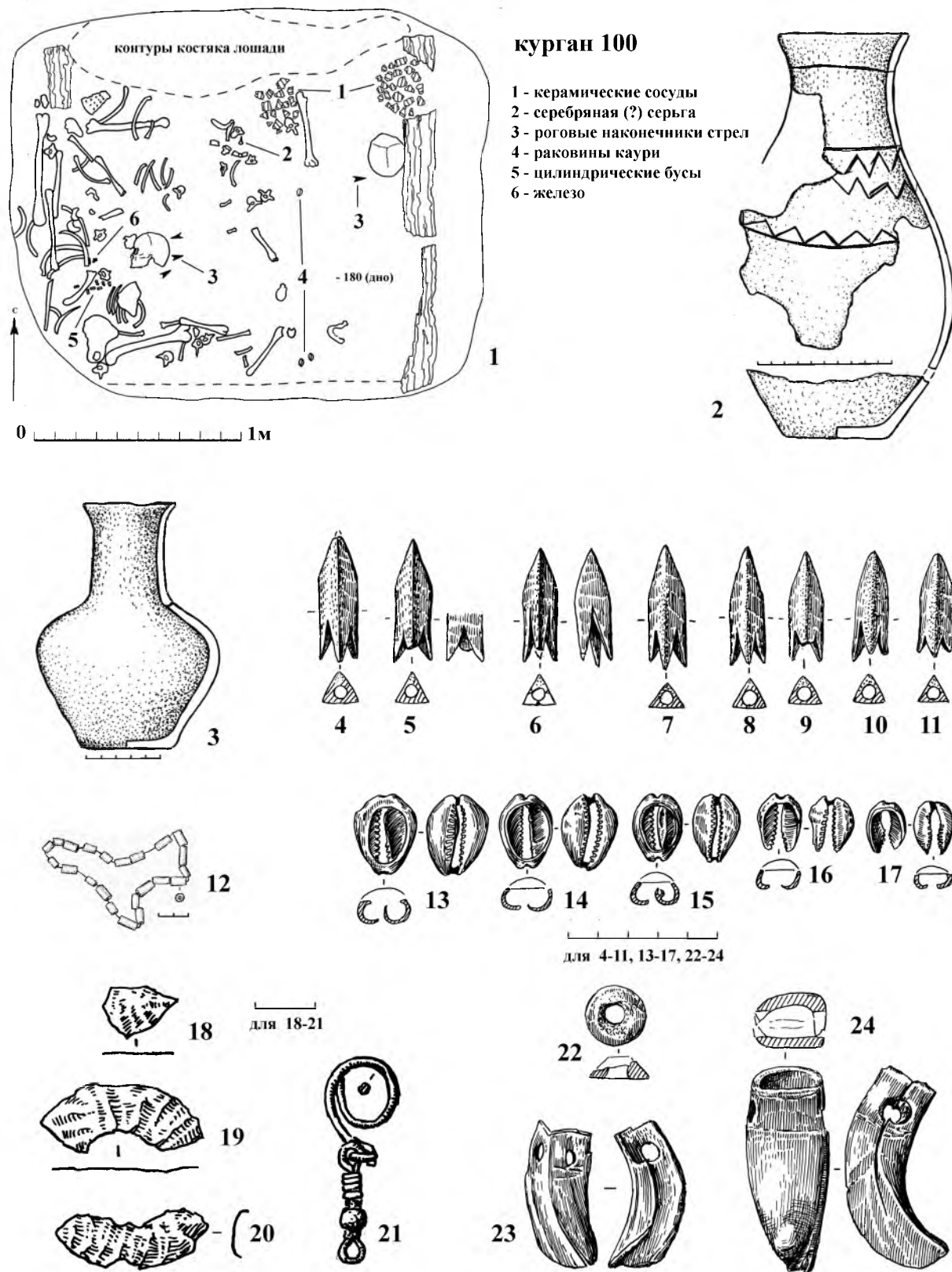

Рис. 40. Боротал-1. Курган 100: 1 – план погребения; 2, 3 – керамические сосуды; 4-11 – роговые наконечники стрел; 12 – цилиндрические бусы из белого камня; 13-17 – раковины каури; 18-20 – фрагменты золотой фольги; 21 – бронзовая серьга с двумя стеклянными бусинами на подвеске; 22 – роговая ворворка от пояса (?); 23, 24 – клыки кабана из конского снаряжения.

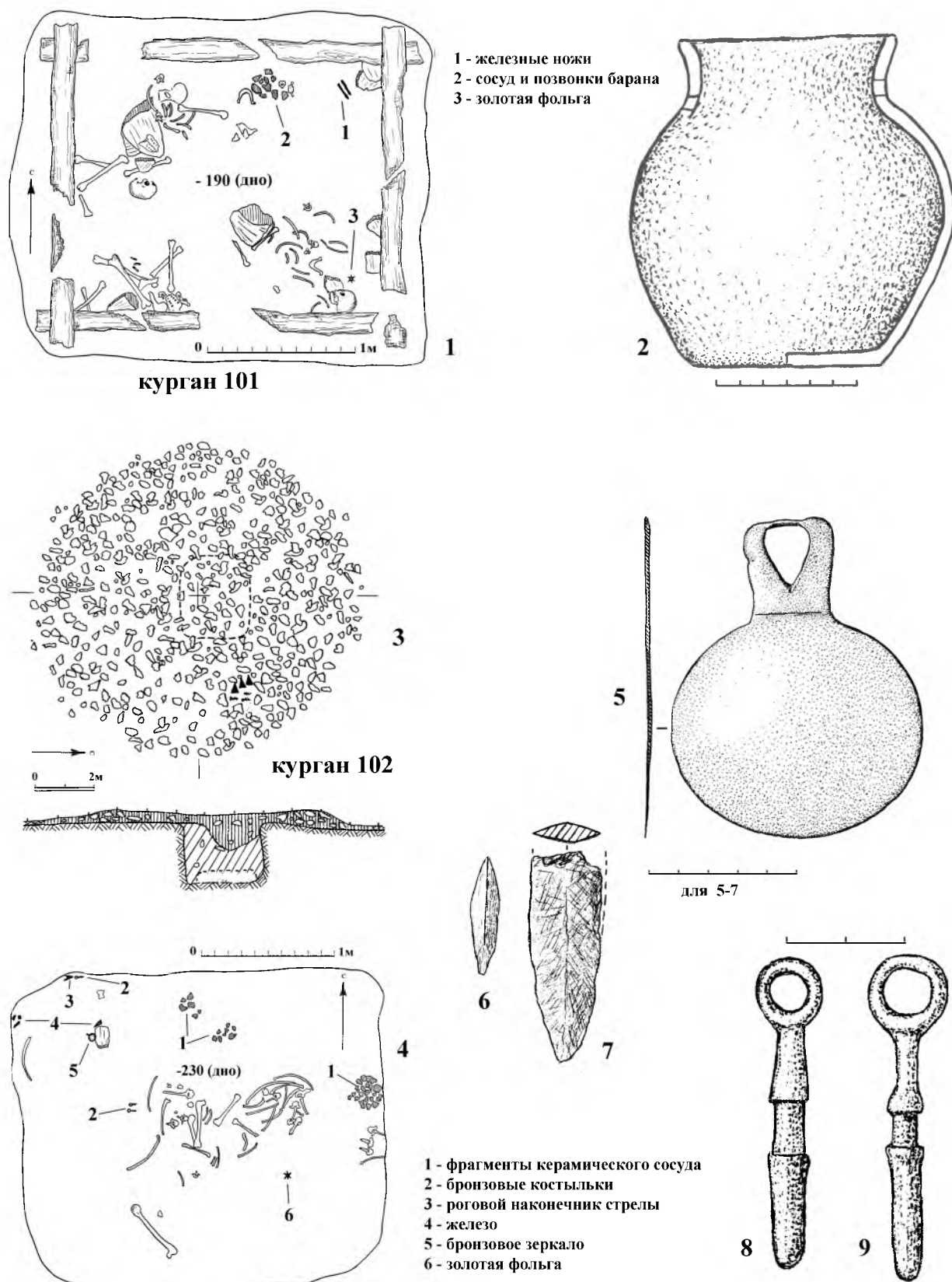
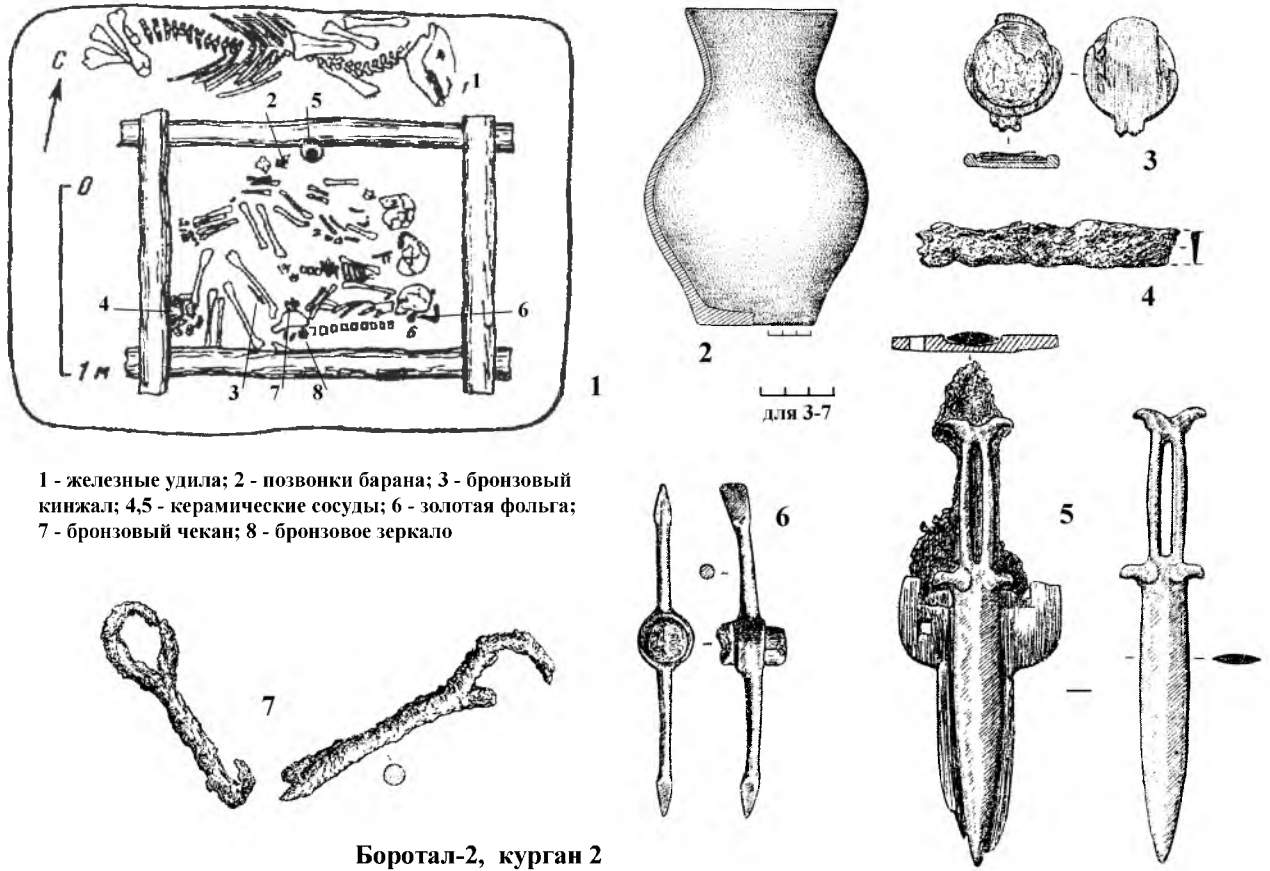

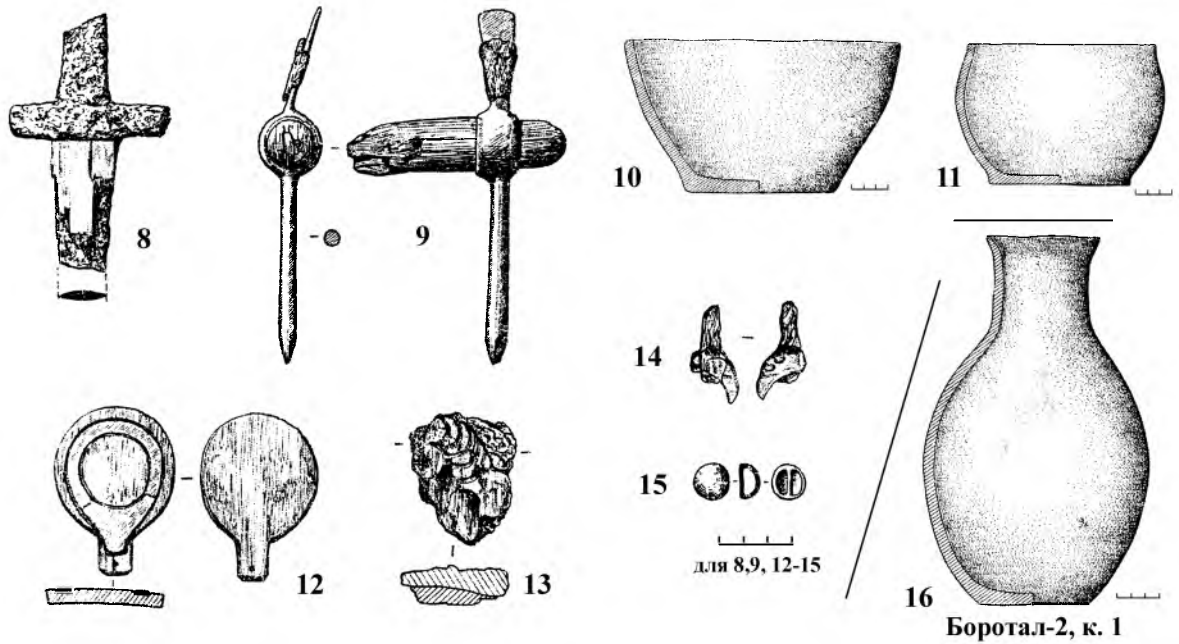
Рис. 41. Боротал-1. Курган 101: 1 – план погребения; 2 – керамический сосуд. Курган 102: 3 – план и разрез; 4 – план погребения; 5 – бронзовое зеркало; 6-8 – роговой наконечник стрелы, фрагмент клинка железного кинжала и два бронзовых костылька-подвески (по фото с масштабом).

1 - железные удила; 2 - позвонки барана; 3 - бронзовый кинжал; 4,5 - керамические сосуды; 6 - золотая фольга; 7 - бронзовый чекан; 8 - бронзовое зеркало

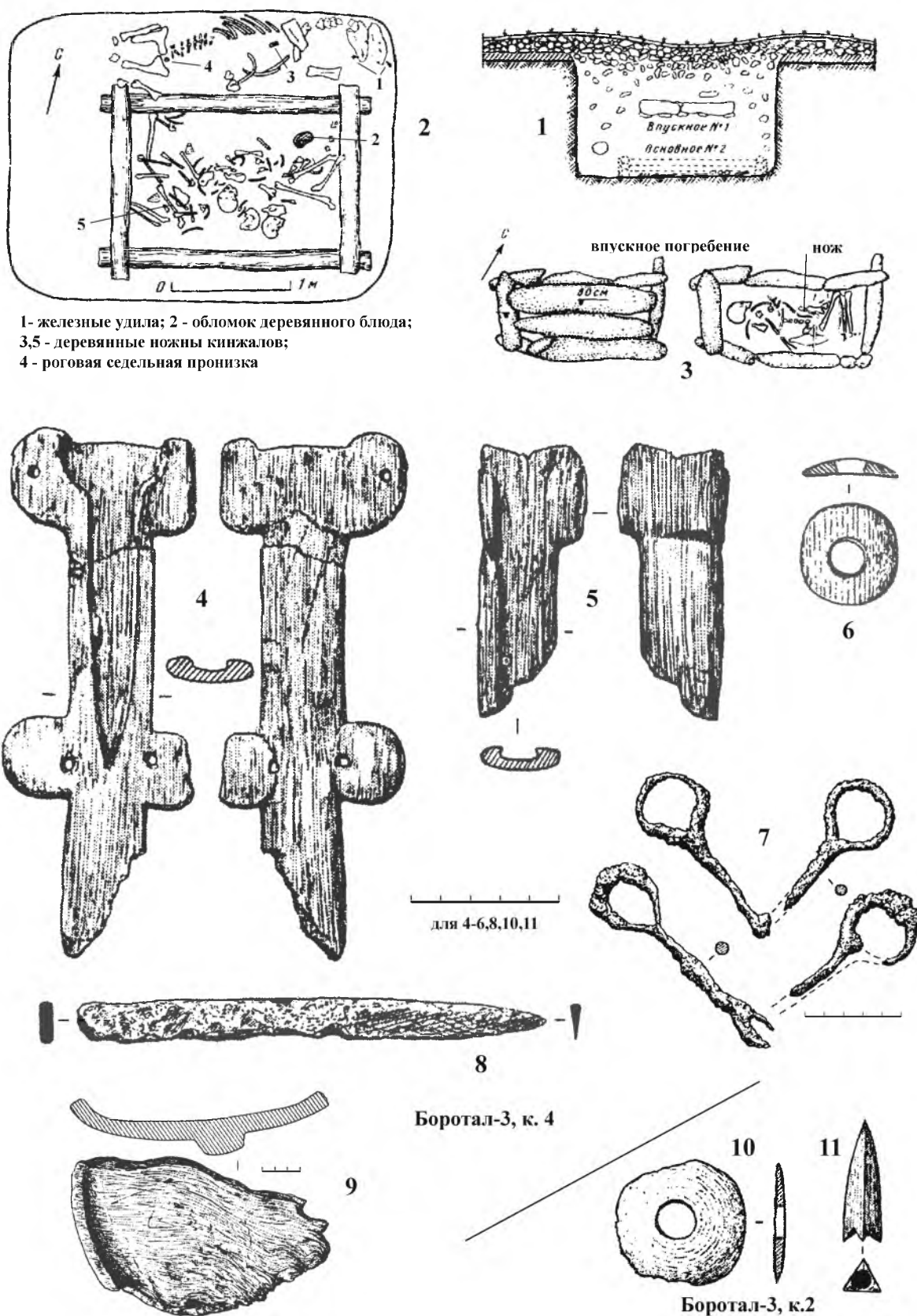
Боротал-2, курган 2

Боротал-2, курган 7

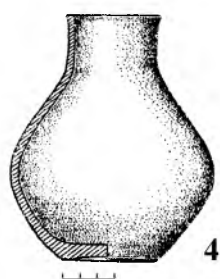
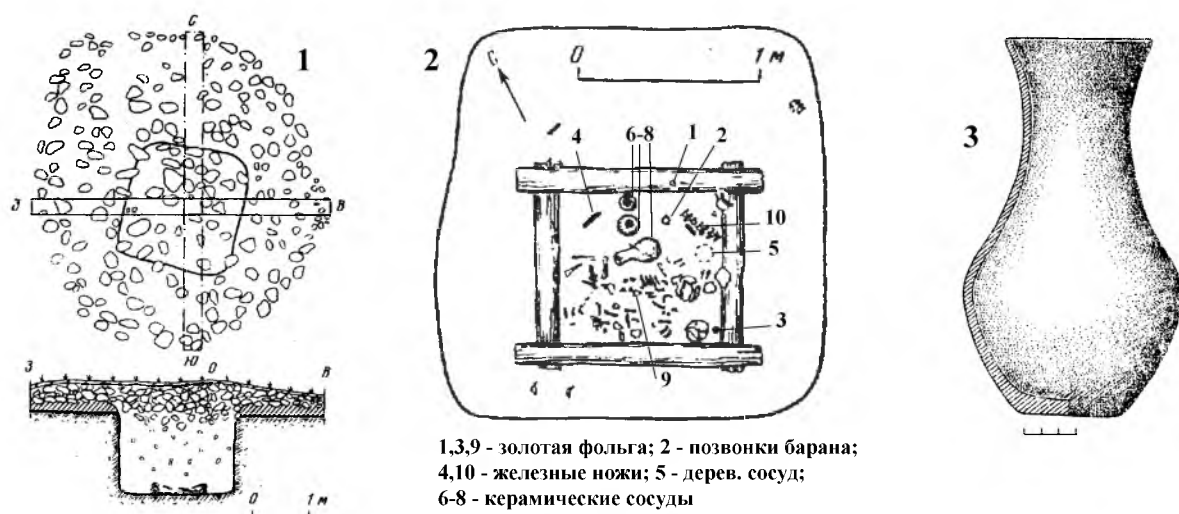
Боротал-2, к. 1

Рис. 42. Боротал-2. Курган 2: 1 – план погребения; 2 – керамический сосуд; 3 – бронзовое зеркало в деревянном футляре; 4 – железный нож; 5 – бронзовый кинжал в деревянных ножнах; 6 – бронзовый чекан; 7 – железные удила. Курган 7: 8, 9 – железный кинжал и бронзовый чекан; 10, 11 – керамические сосуды из насыпи; 12 – кольцевидная имитация бронзового зеркала в деревянном футляре; 13, 14 – деревянные наконечник ножен и застёжка (?) чекана; 15 – бронзовая бляшка. Курган 1 – 16 – керамический сосуд (по: Могильников, Суразаков, 1980).

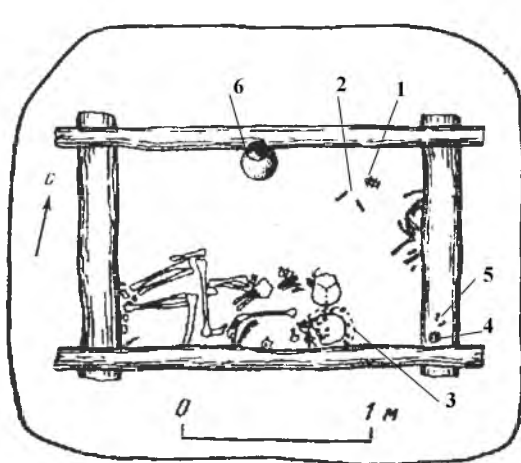
1- железные удила; 2 - обломок деревянного блюда;
3,5 - деревянные ножны кинжалов;
4 - роговая седельная пронизка

Рис. 43. Боротал-3. Курган 4: 1 – разрез кургана; 2 – план основного погребения; 3, 8 – впускное погребение и железный нож; 4, 5 – деревянные ножны кинжалов; 6 – роговая седельная пронизка; 7 – железные удила; 9 – деревянное блюдо. Курган 2: 10 – роговая седельная пронизка; 11 – роговой наконечник стрелы (по: Могильников, Суразаков, 1980).

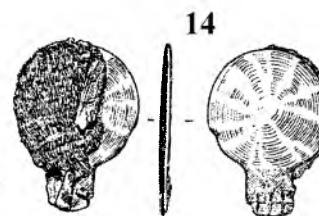
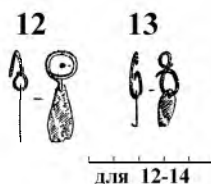
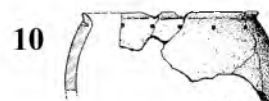
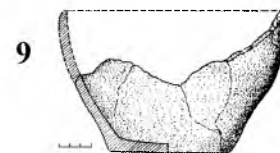
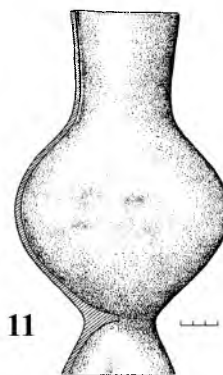

Боротал-3, курган 5

Боротал-3, курган 8

1 - позвонки барана; 2 - обломки двух железных ножей;
3 - кусочки угля (?); 4 - бронзовое зеркало; 5 - бронзовые серьги; 6 - керамический сосуд

для 12-14

Рис. 44. Боротал-3. Курган 5: 1 – разрез кургана; 2 – план погребения; 3-5 – керамические сосуды; 6, 7 – железные ножи. Курган 8: 8 – план погребения; 9, 10 – сосуды из насыпи; 11 – кувшин из погребения; 12-14 – бронзовые серьги и зеркало (по: Могильников, Суразаков, 1980).

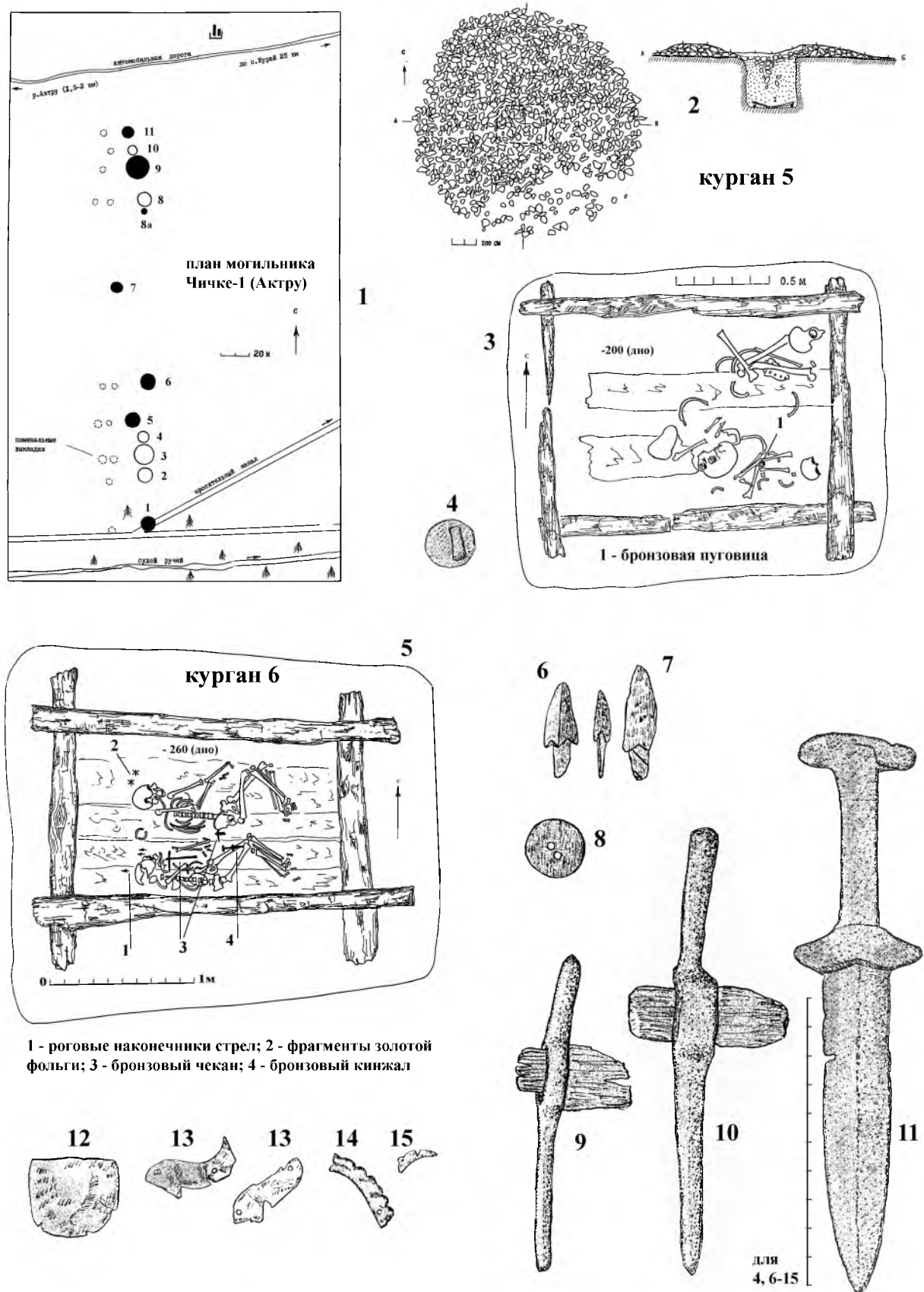

Рис. 45. Чичке-1. План могильника (1). Курган 5: 2 – план и разрез; 3 – план погребения; 4 – бронзовая бляшка с петлёй на обороте. Курган 6: 5 – план погребения; 6-8 – деревянные ножны, «пуговица» и роговые наконечники стрел; 9-11 – бронзовые чеканы и кинжал; 12-15 – изделия из золотой фольги (все предметы прорисованы по фото с масштабом).

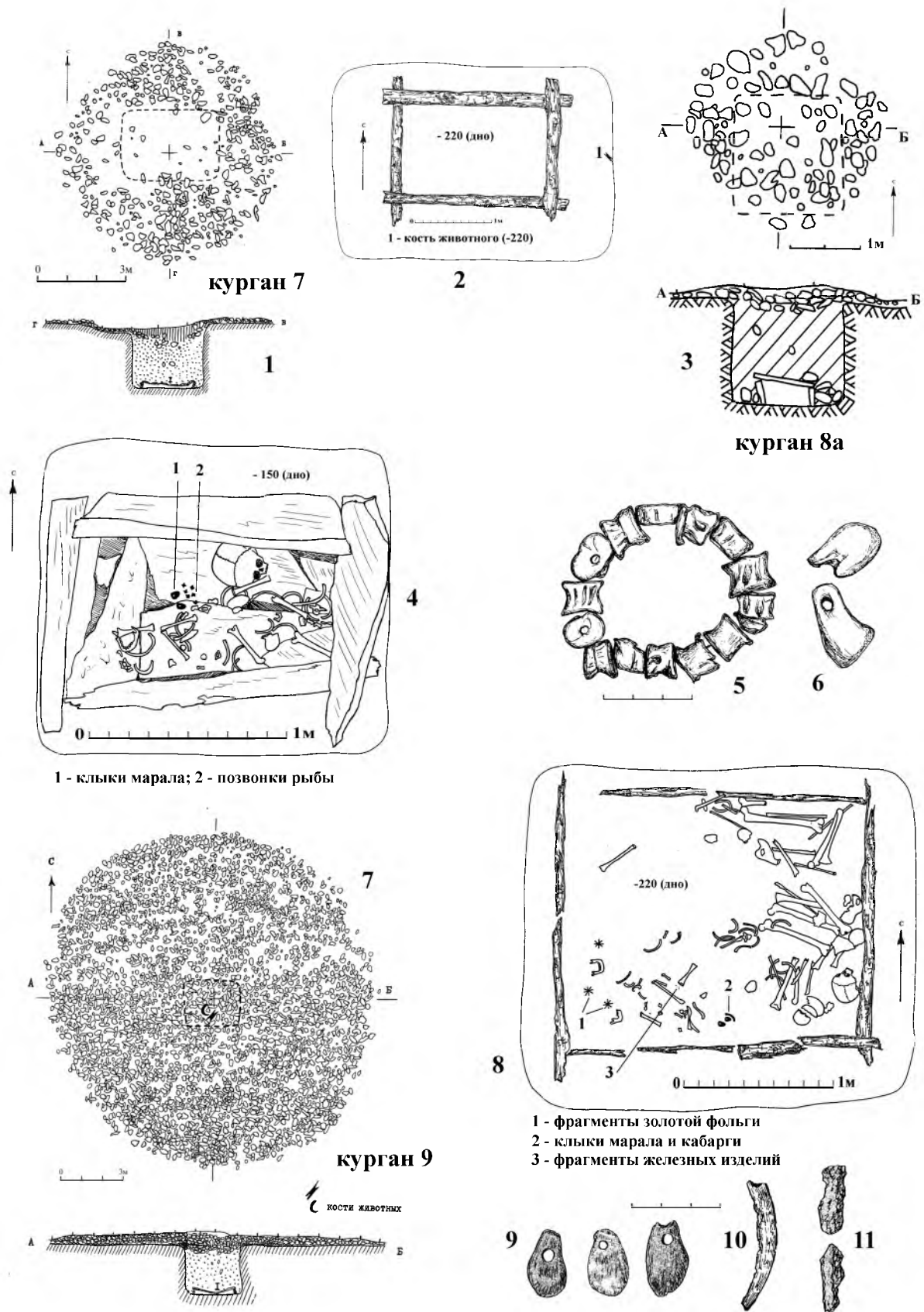
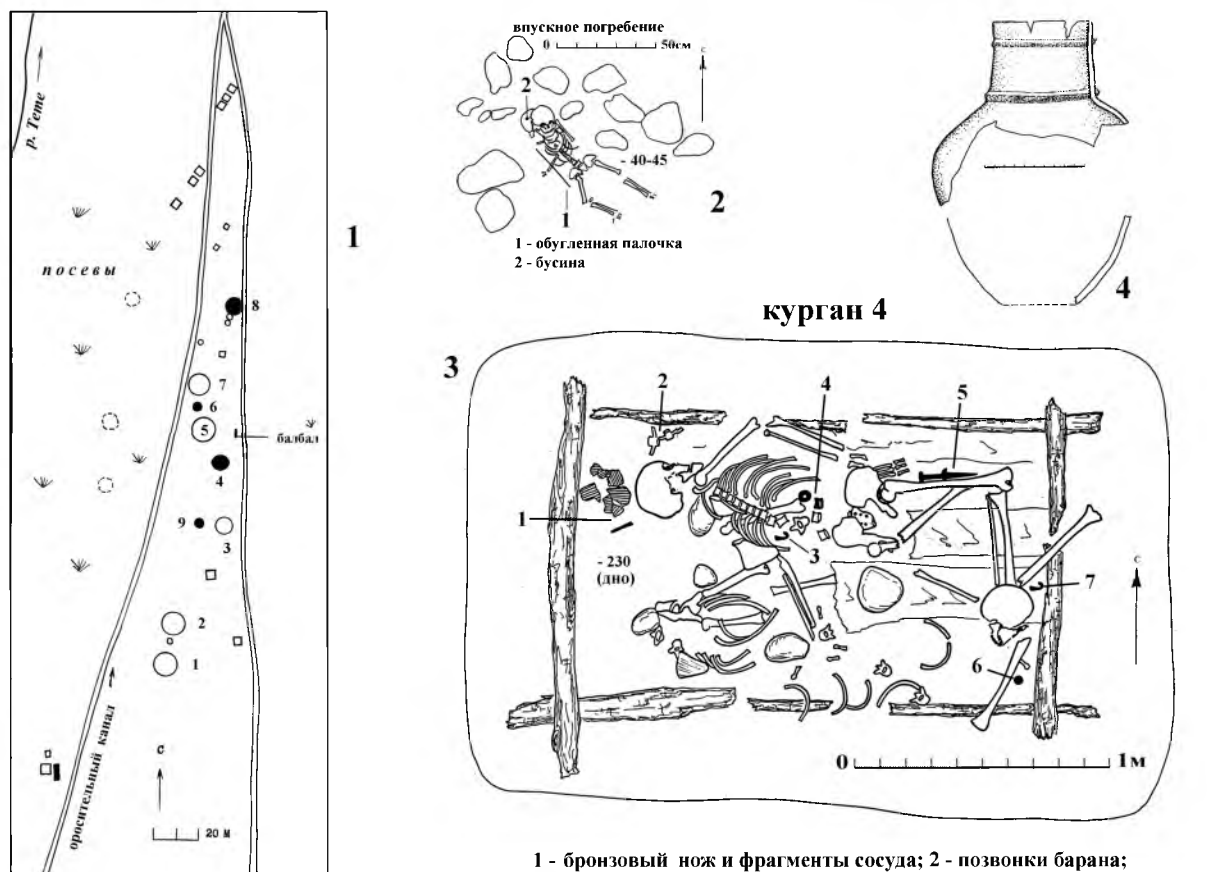

Рис. 46. Чичке-1. 1, 2 – план и разрез кургана, план погребения. Курган 8а: 3,4 – план и разрез, план погребения; 5, 6 – позвонки рыбы и клыки марала. Курган 9: 7, 8 – план и разрез кургана, план погребения; 9, 10 – клыки марала и кабарги; 11 – фрагменты железных изделий (9-11 даны по фото с масштабом).

1 - бронзовый нож и фрагменты сосуда; 2 - позвонки барана;
3 - бронзовый крючок; 4 - бронзовые бляшка и поясная обойма;
5 - бронзовый кинжал; 6 - бронзовая пуговица; 7 - бронз. крючок

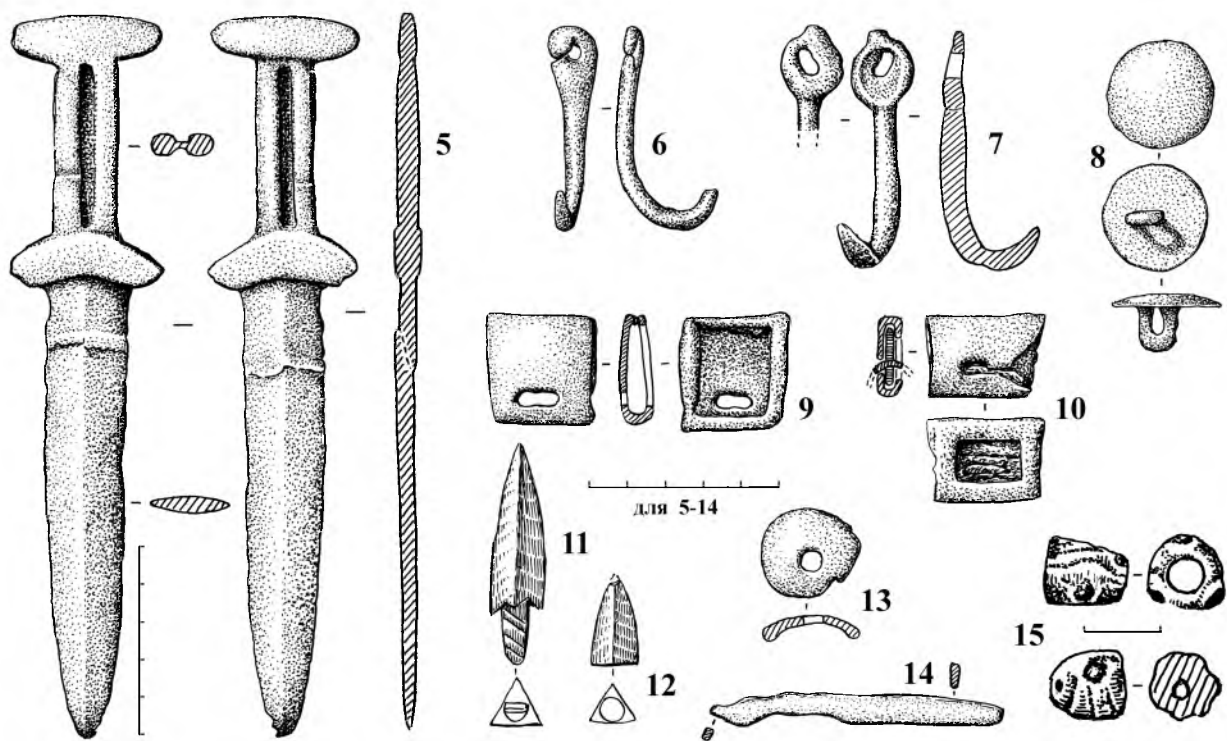
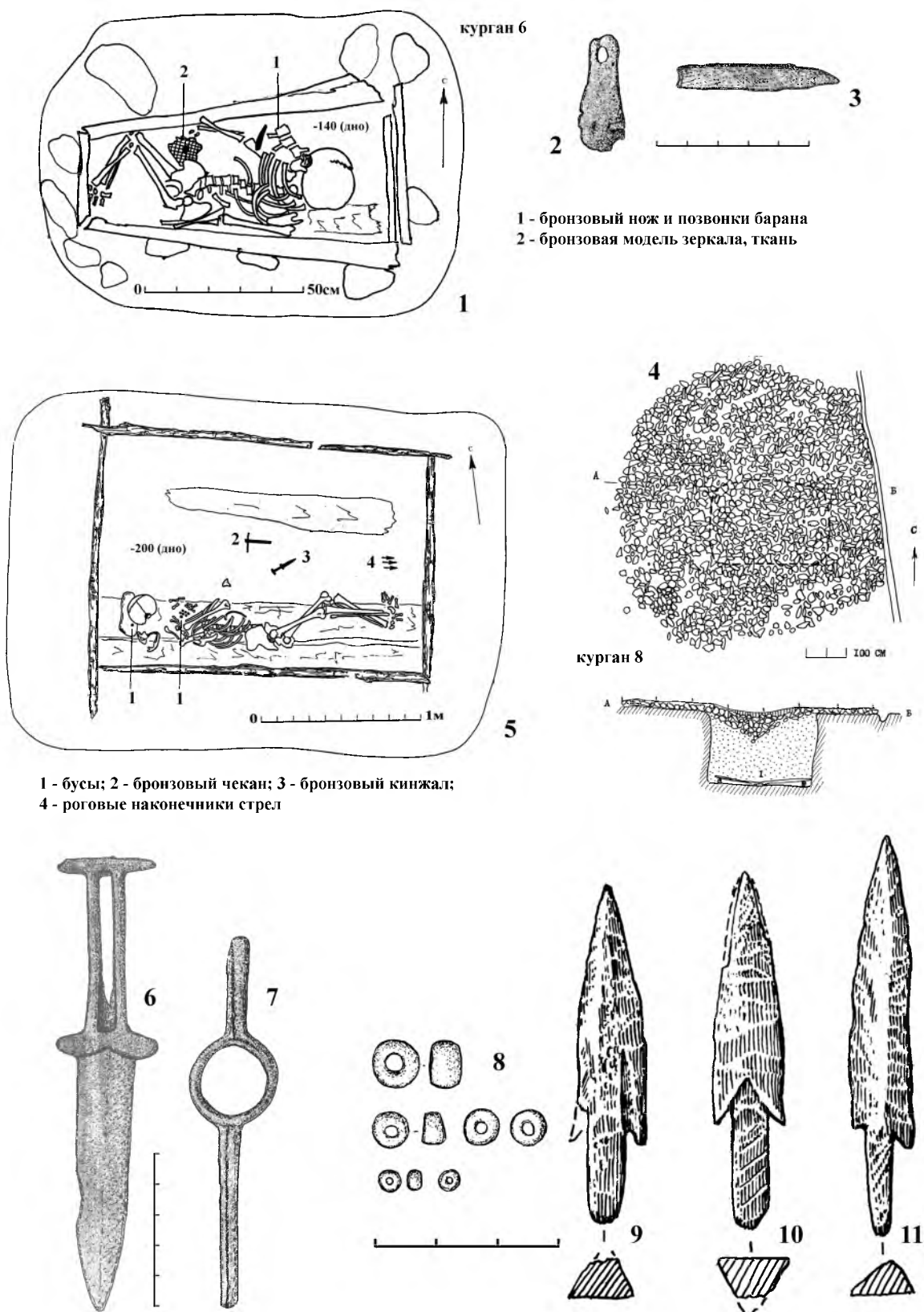

Рис. 47. Тете-4. План могильника (1). Курган 4: 2, 3 – впускное и основное погребения; 4 – керамический сосуд; 5-8 – бронзовые кинжал, крючки и бляшка; 9, 10 – поясные обоймы; 11, 12 – роговые наконечники стрел; 13, 14 – бронзовые ворворка и нож; 15 – стеклянные глазчатые бусины.

курган 6
1 - бронзовый нож и позвонки барана
2 - бронзовая модель зеркала, ткань

1 - бронзовый нож и позвонки барана
2 - бронзовая модель зеркала, ткань

5
1 - бусы; 2 - бронзовый чекан; 3 - бронзовый кинжал;
4 - роговые наконечники стрел

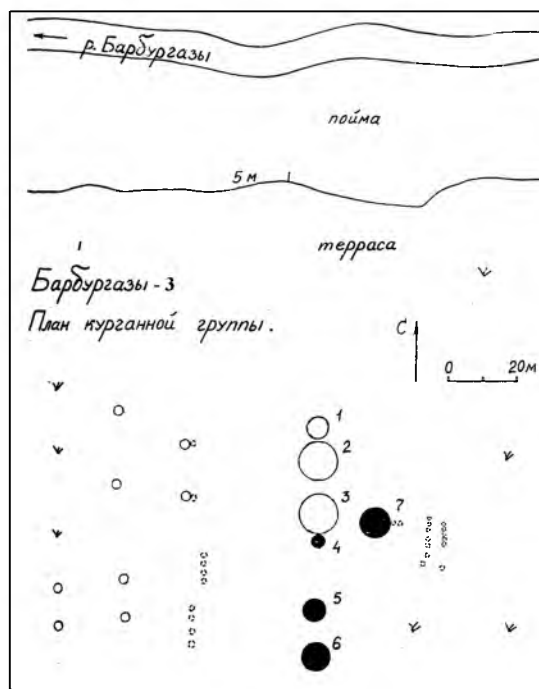
1 - бусы; 2 - бронзовый чекан; 3 - бронзовый кинжал;
4 - роговые наконечники стрел

курган 8
4 - план и разрез

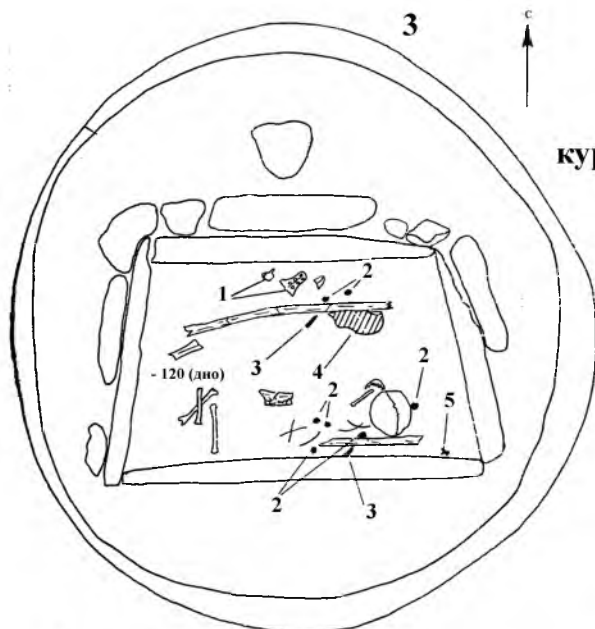
Рис. 48. Тете-4. Курган 6: 1 – план погребения; 2, 3 – бронзовые модель зеркала и нож. Курган 8: 4 – план и разрез; 5 – план погребения; 6, 7 – бронзовые кинжал и чекан; 8 – стеклянные (?) бусины; 9-11 – роговые наконечники стрел (2, 3, 6, 7 даны по фотографии с масштабом).

1

2

курган 4

0 50см

- 1 - кости овцы
- 2 - деревянные бляшки
- 3 - фрагменты диадемы
- 4 - керамический сосуд
- 5 - фигурка лошади

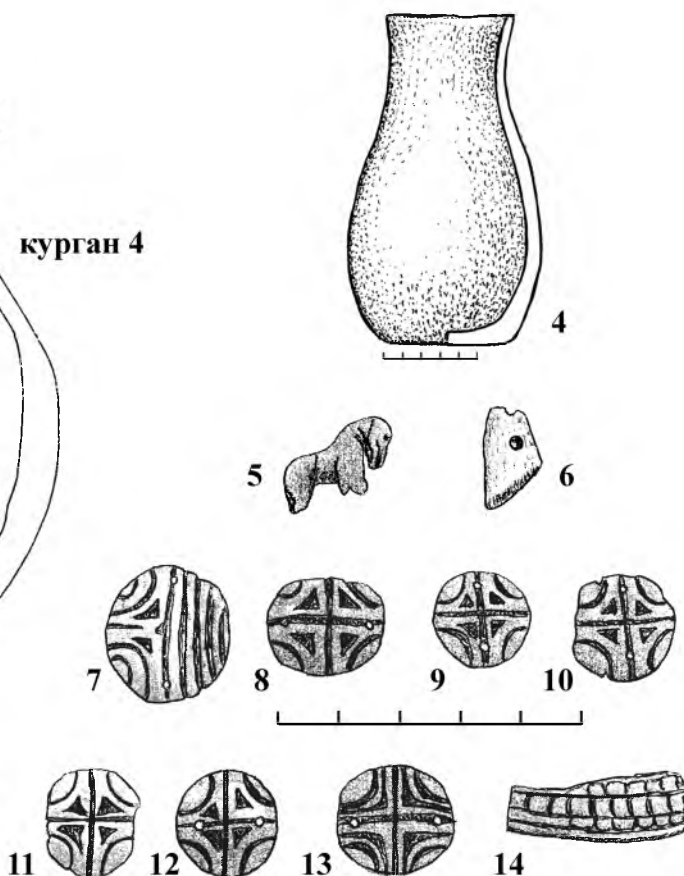

Рис. 49. Барбургазы-3. Карта расположения и план могильника (1, 2). Курган 4: 3 – план погребения; 4 – керамический сосуд; 5 – деревянная фигурка лошади; 6 – клык марала; 7 – 14 деревянные бляшки (5-14 даны по фотографии с масштабом).

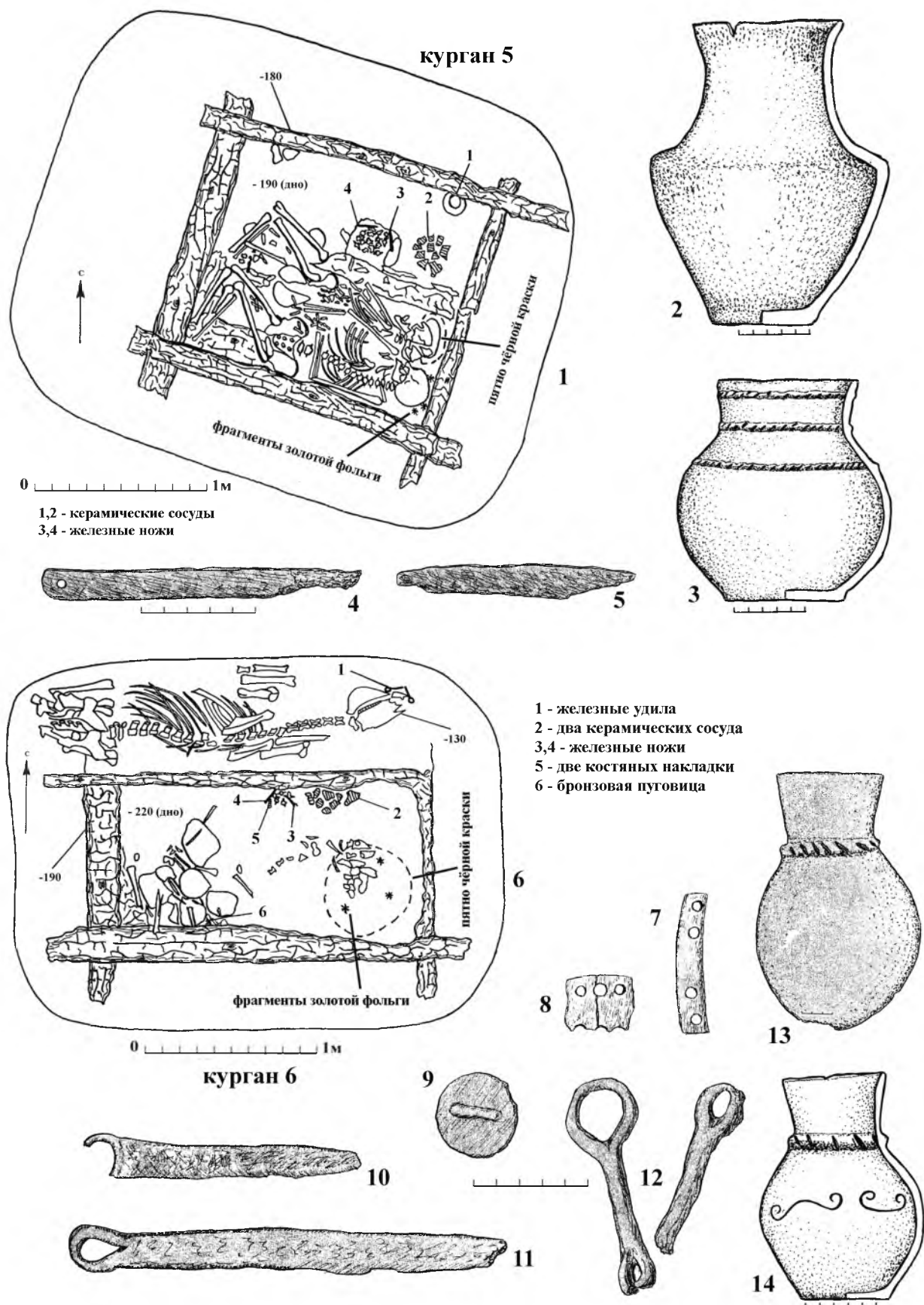

Рис. 50. Барбургазы-3. Курган 5: 1 – план погребения; 2, 3 – керамические сосуды; 4, 5 – железные ножи. Курган 6: 6 – план погребения; 7, 8 – костяные накладки; 9 – бронзовая бляшка с петлёй на обороте; 10-12 – железные ножи и удила; 13, 14 – керамические сосуды (4, 5, 7-13 даны по фотографии с масштабом).

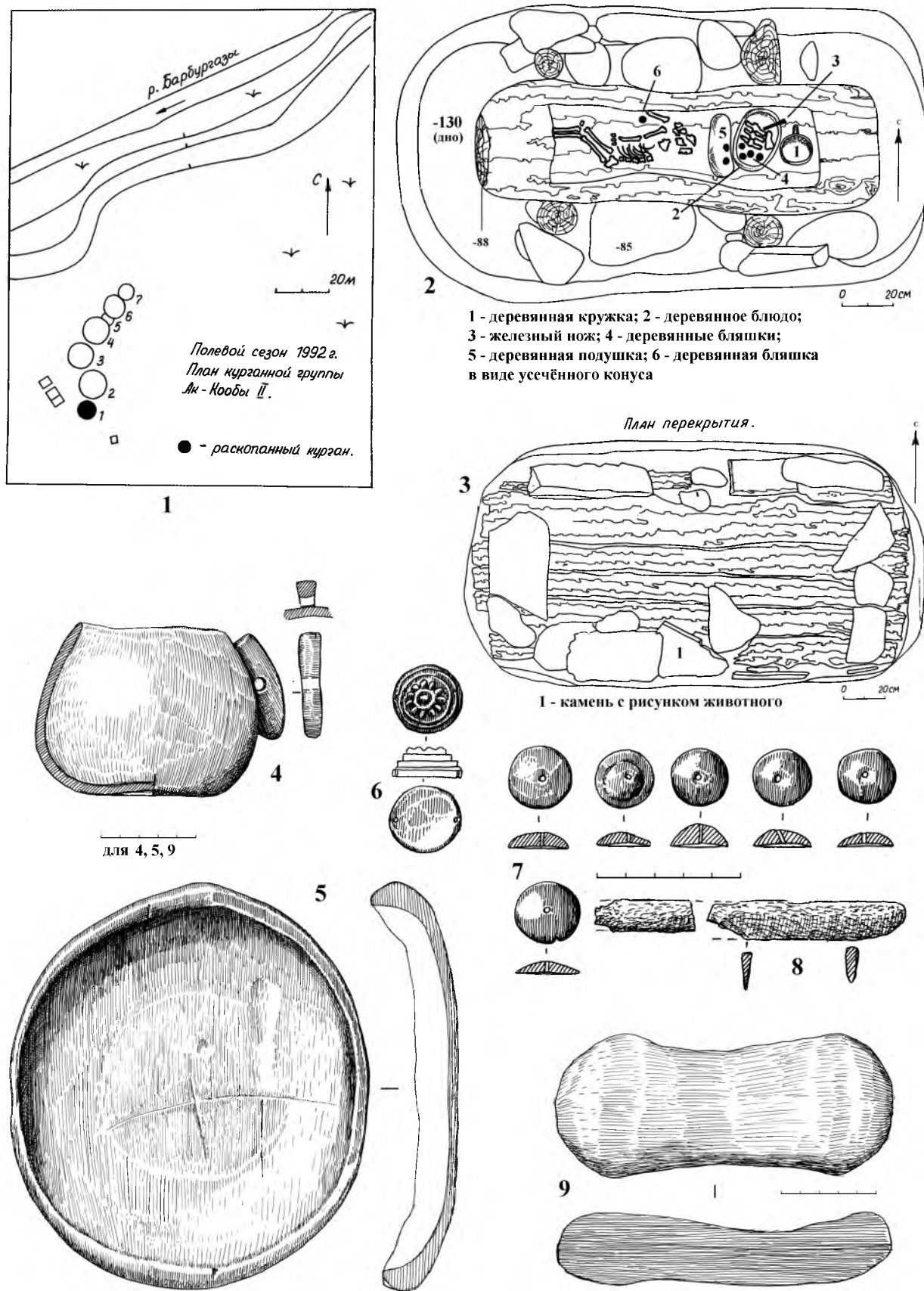

Рис. 51. Ак-Кообы-2. План могильника (1). Курган 1: 2, 3 – планы погребения и перекрытия; 4, 5 – деревянные кружка и блюдо; 6, 7 – деревянные «пуговицы»; 8 – железный нож; 9 – деревянная подушка.

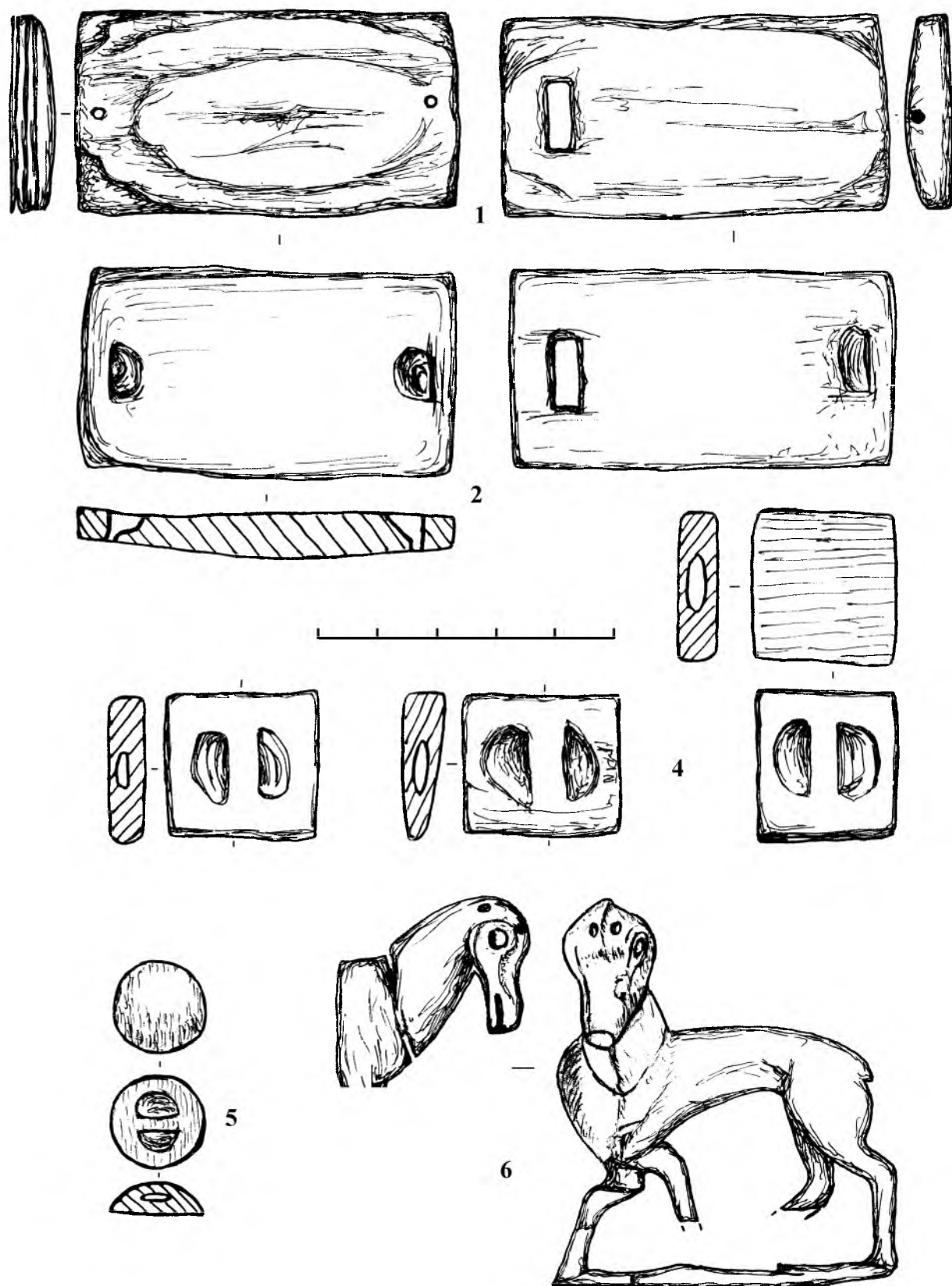

Рис. 52. Бураты. Курган 4. Деревянные детали пояса и фигурка оленя с головного убора.

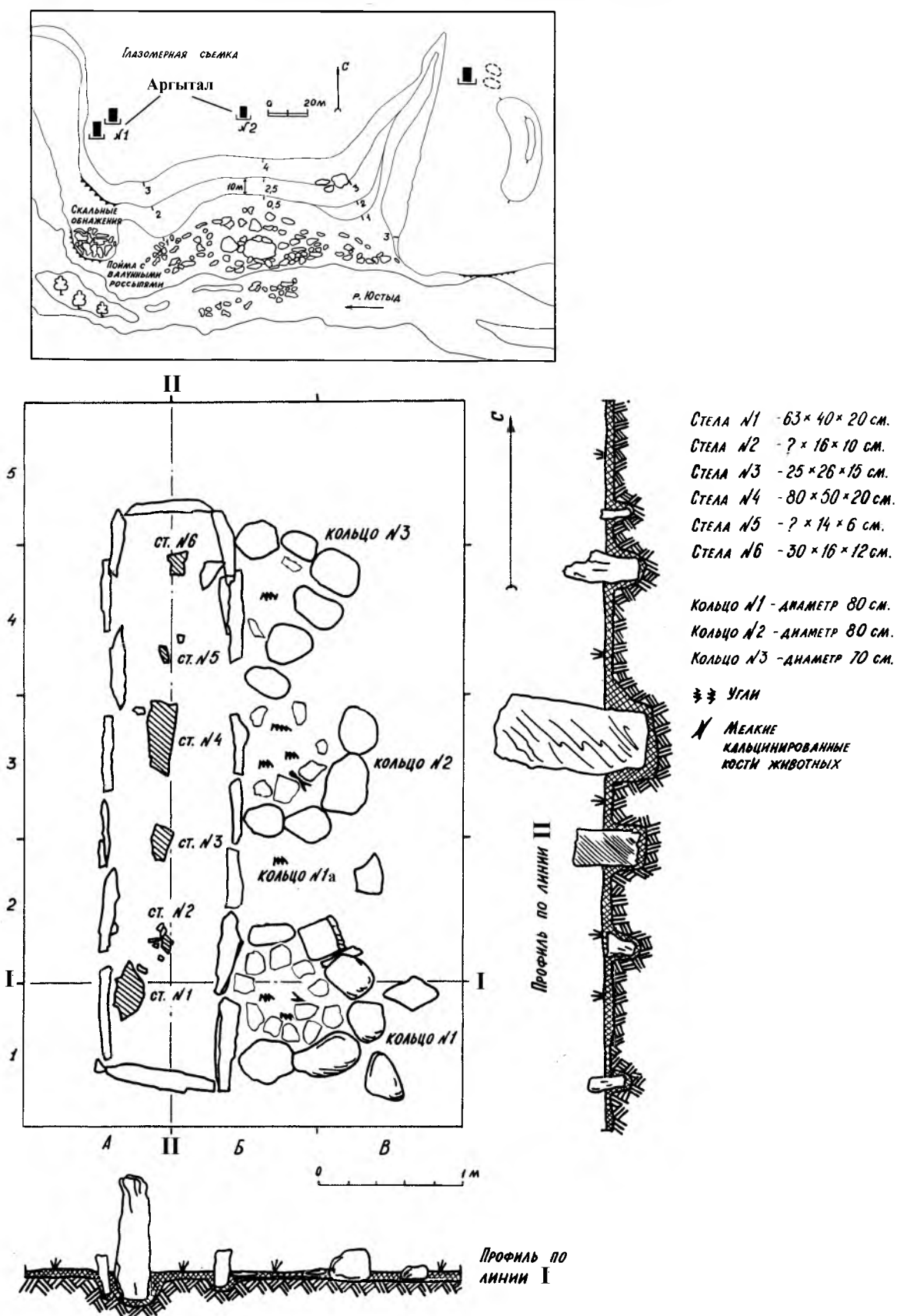

Рис. 53. Юстыд-1. Аргытал. Культурный комплекс-1.

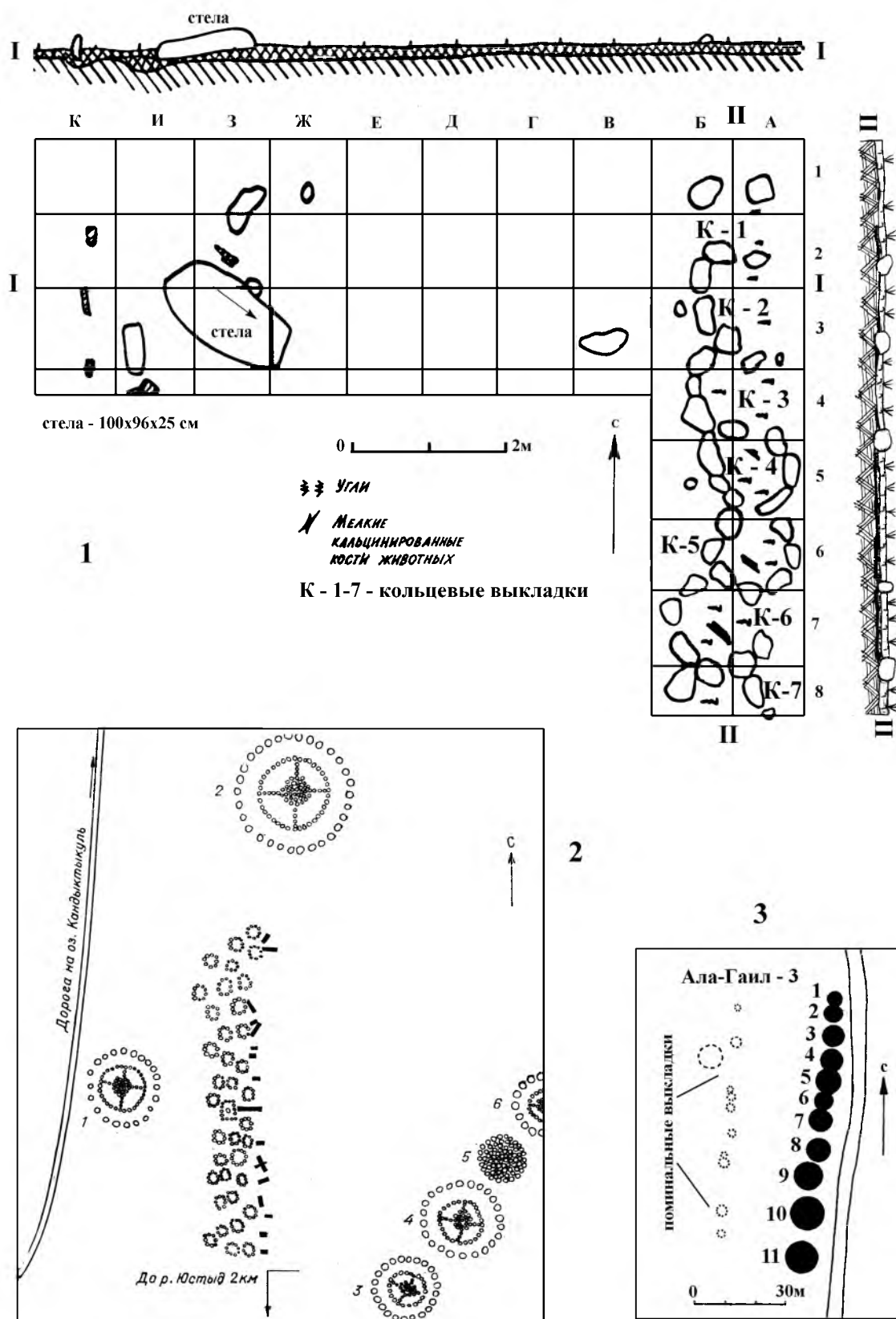

Рис. 54. Юстыд-1. Аргытал. Культурный комплекс-2 (1); 2 - комплекс оленных камней на Юстыде (по: Кубарев, 1979); 3 - план могильника Ала-Гаил-3.

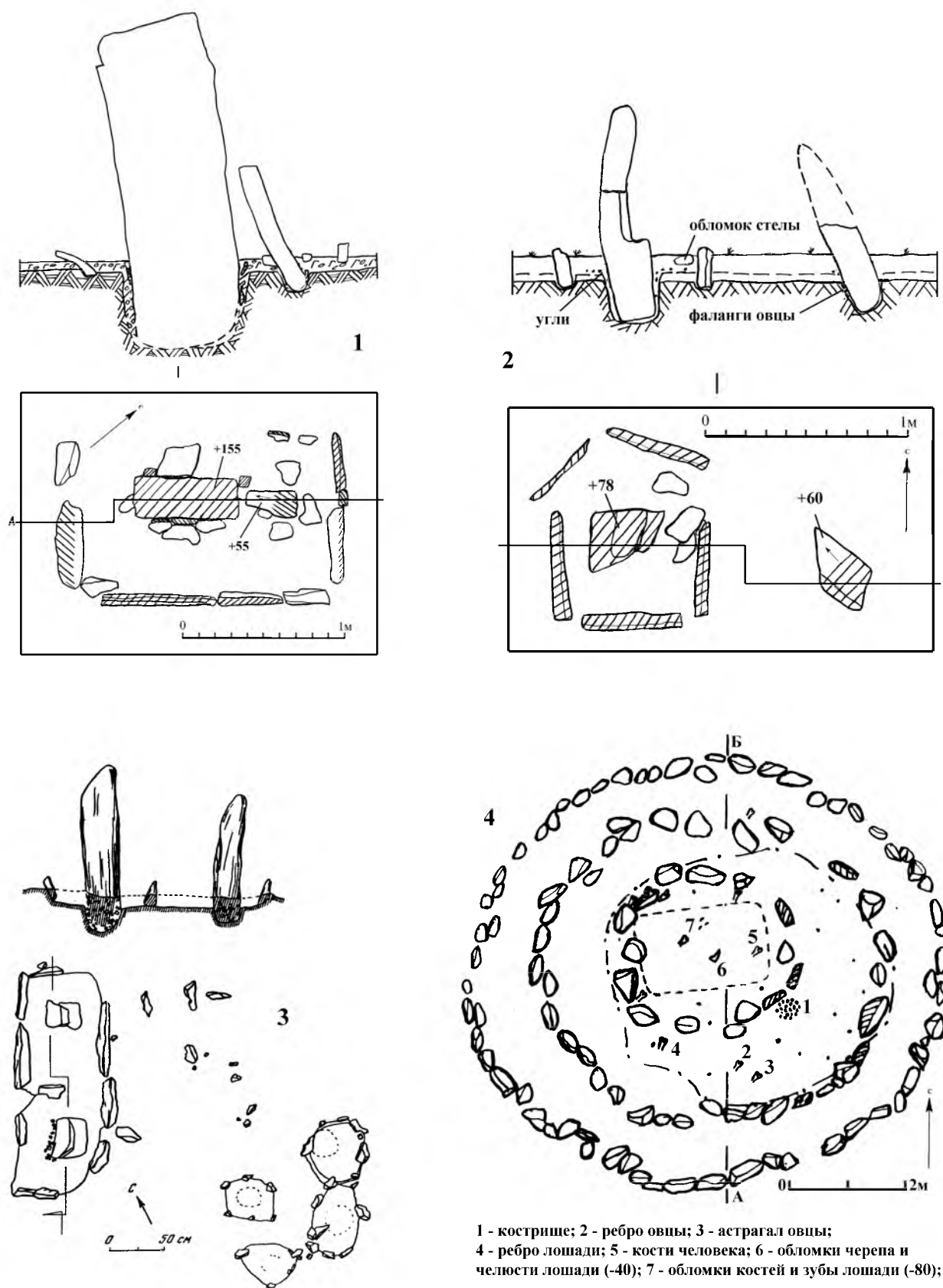
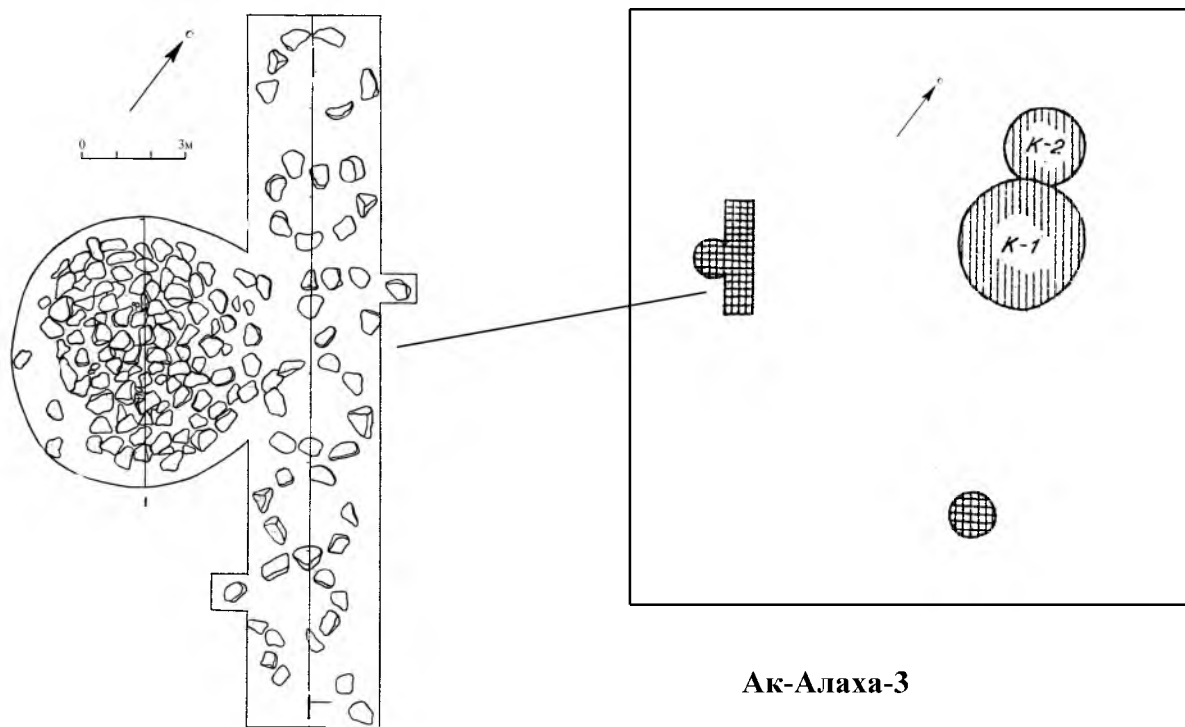
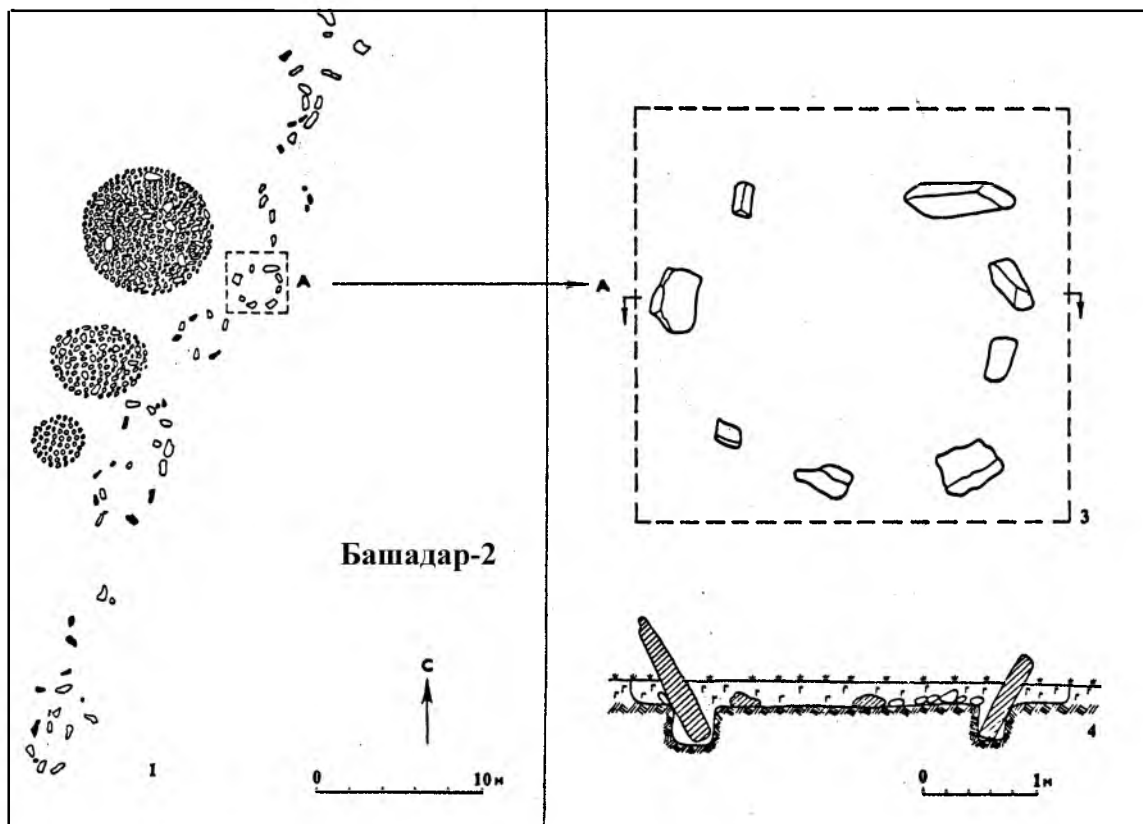

Рис. 55. Оградки на реке Юстыд (1, 2). Культурные комплексы из Хачы-Хову (по: Грач, 1968). Расположение заложённых плитками находок под насыпью кургана 3 в Ело-2.

Ак-Алаха-3

Башадар-2

Рис. 56. Поминальники на могильнике Ак-Алаха-3 (по: Полосьмак, 1994) и в дуге к западу от кургана Башадар-2 (по: Марсадолов, 1997).

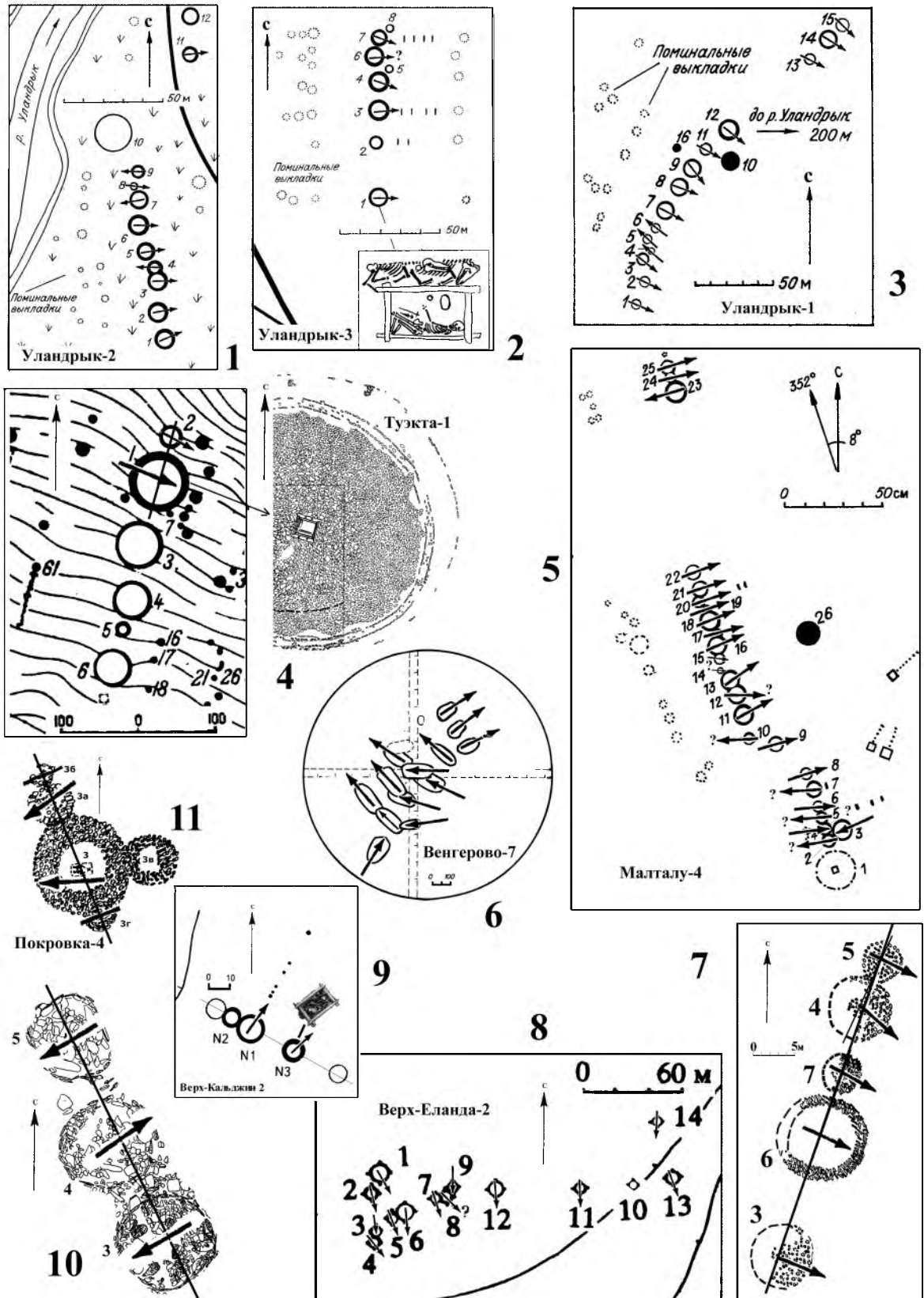

Рис. 57. Принцип перпендикулярности ориентации умерших к оси цепочки курганов или ряда могил (по: Шульга, 2003). 1-3,5 – могильники Уландрык-1-3 и Малталу-4 (по Кубареву, 1987,1992); 4 – Большие Туэктинские курганы (по Руденко, 1960); 6 – Венгерово-7 по Полосьмак, 1987), к.2; 7 – Покровский Лог-5 (Силосная яма); 9 – Верх-Кальджин-2 (по Молодину, 2000); 10 – Первый Межелик-1 (по Владимиров и др., 1994); 11 – Покровка -4. 1-9 – пазырыкская культура, 10,11 – афанасьевская культура.

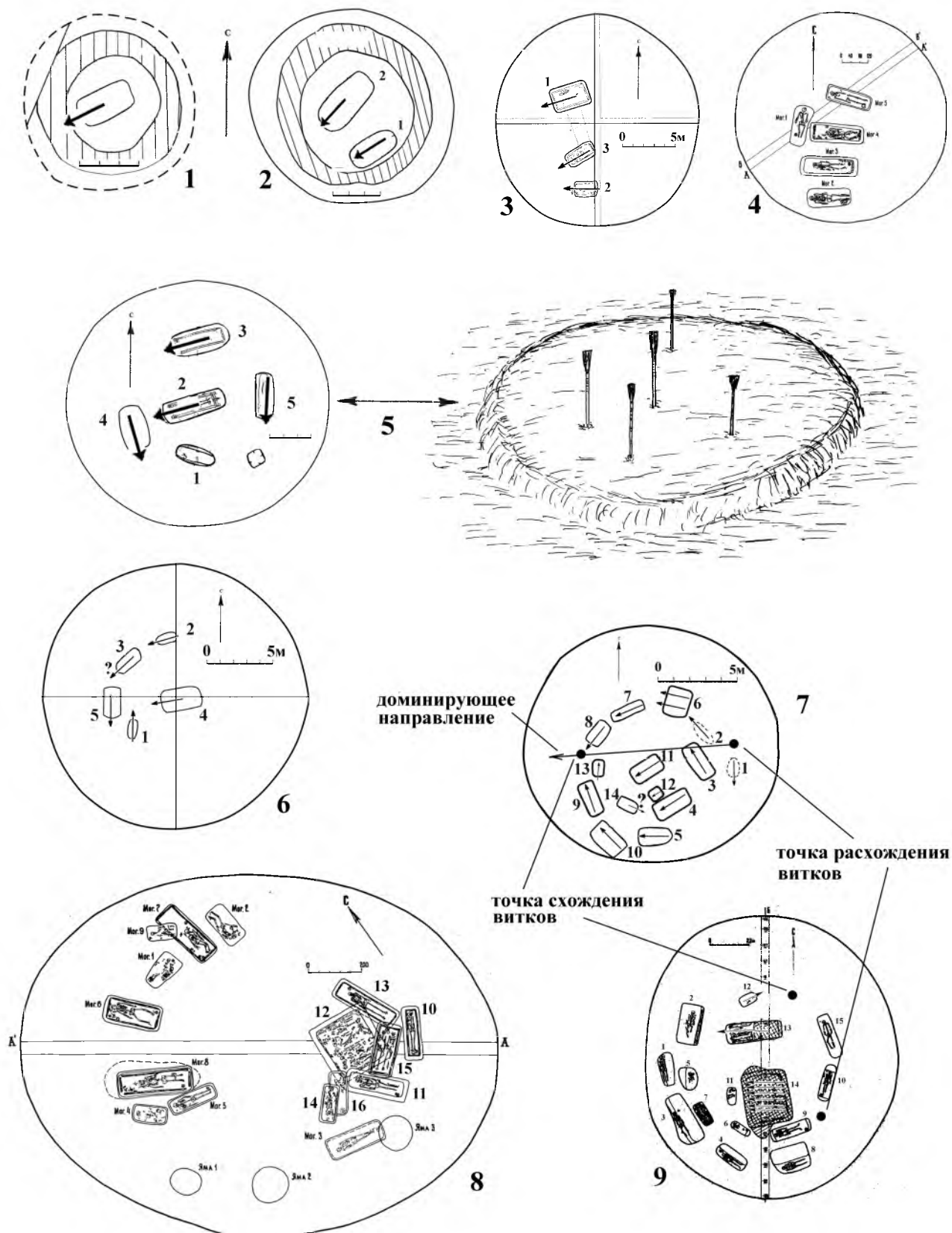
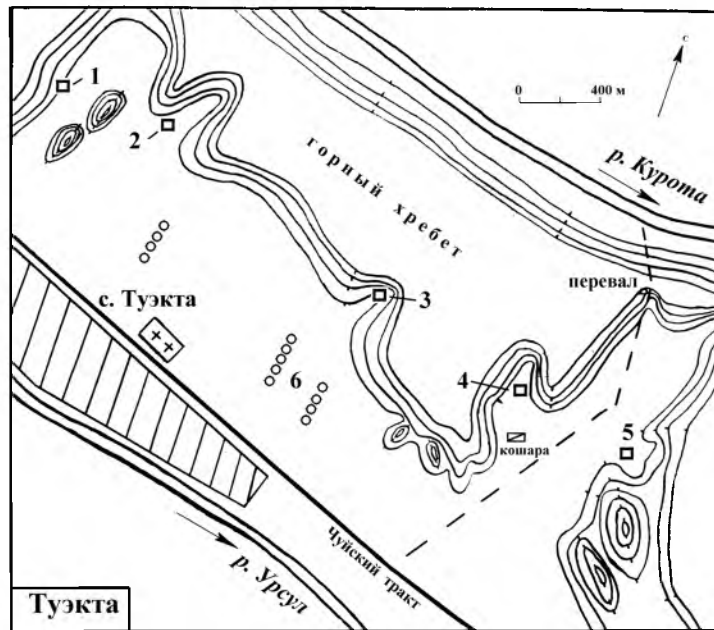
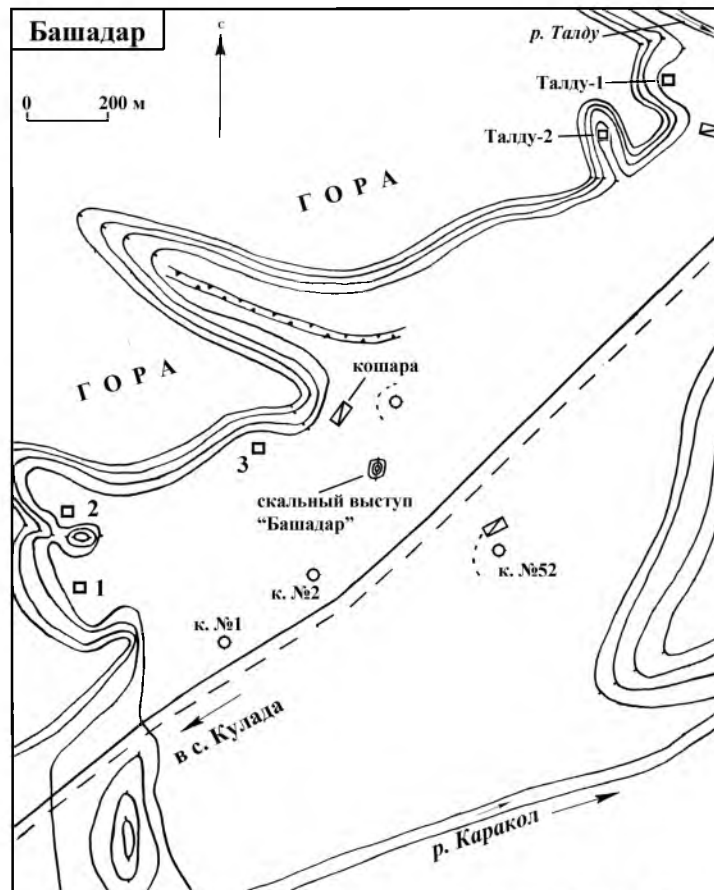

Рис. 58. Планировка могил в курганах каменной культуры (по: Уманский, Шамшин, – Шульга, 2005). 1 – одиночная; 2 – парная; 3 – линейная; 4 – неполная крестовая на основе линейной; 5 – крестовая и реконструкция внешнего вида кургана с надмогильными шестами; 6 – неполная круговая; 7, 9 - круговая с расхождением ориентации центральной – могилы и доминирующего направления; 8 – особый тип планировки с тремя намеченными центрами, в одном из которых отмечено пять перекрывающих друг друга могил. 1, 2, 5 – Локоть-4а; 4, 6, 7 – Рогозиха-1; 8, 9 – Новотроицкое – 1, 2

1 - Тузаков Лог-1; 2 - Тузаков Лог-2; 3 - Туэкта-3; 4 - Куротинский Лог-2; 5 - Куротинский Лог-1; 6 - Большие Туэктинские курганы

1 - Текпенек-Боочи-1; 2 - Текпенек-Боочи-2; 3 - Текпенек-Боочи-3

Рис. 59.Схема расположения зимних поселений древних скотоводов и пазырыкских могильников в туэктинской и башадарской долинах.

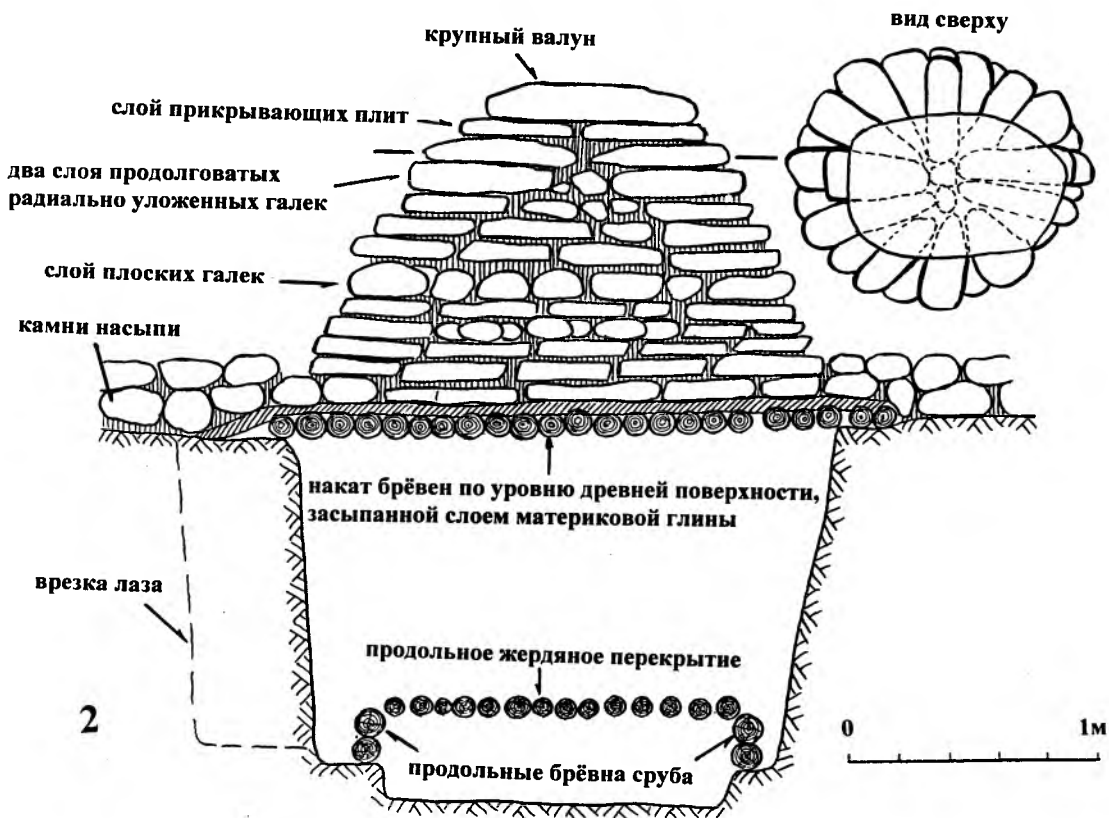
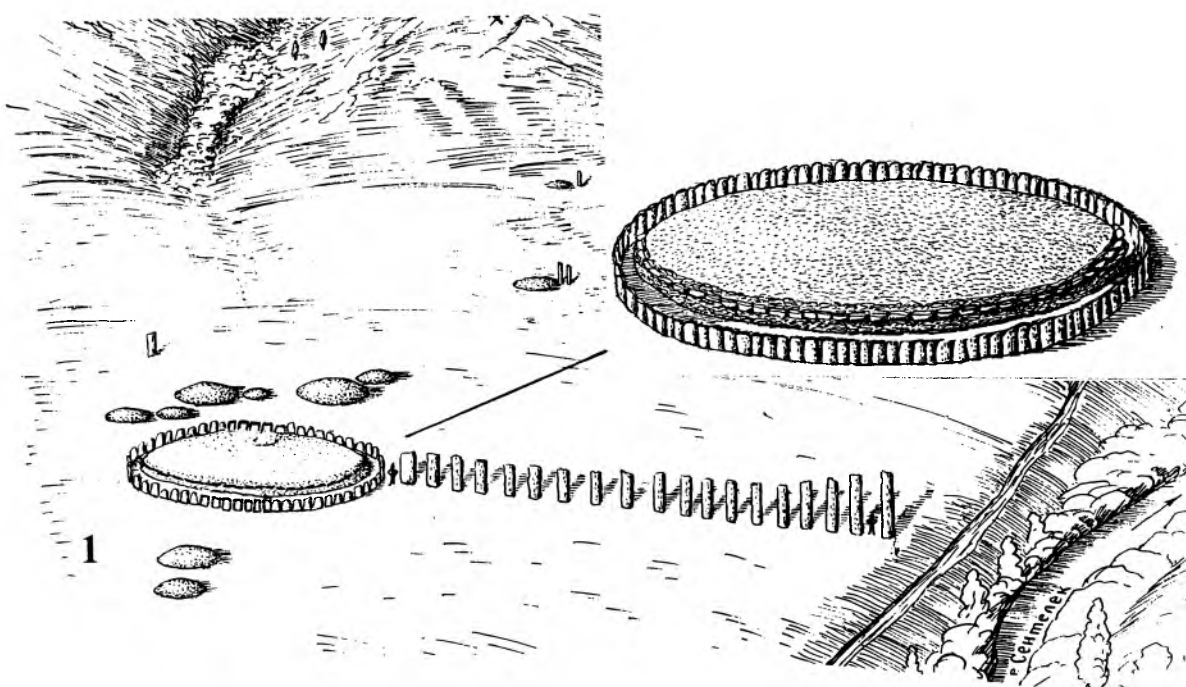

Рис. 60. 1 - погребально-поминальный комплекс из Сентелека (Урочище Балчикова-3, к.1); 2 - реконструкция кургана-склепа с временной пирамидкой из могильника Усть-Тёплая (к.13).

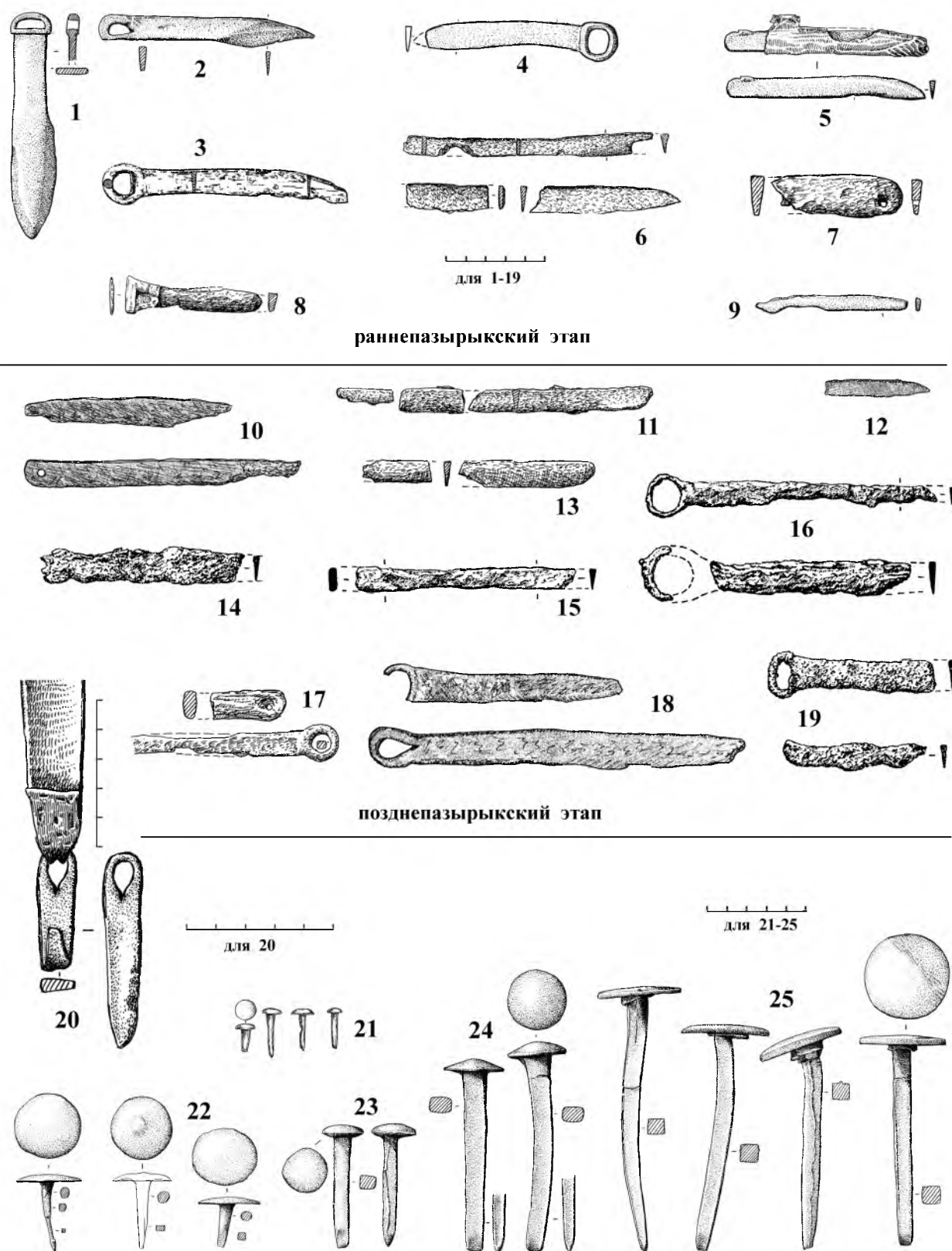

Рис. 61. Ножи и гвозди из курганов Чуи и Урсула. Ножи: 1,2 – Ала-Гаил-3, к. 2; 3 – Ала-Гаил, к. 19; 4 – Кор-Кечу; 5 – Тербедок, к. 2; 6 – Балык-Соок-1, к. 27; 7 – Ала-Гаил-3, к. 5; 8 – Боротал-1, к. 7; 9 – Тете-4, к. 4; 10 – Барбургазы-3, к. 5; 11 – Ала-Гаил-3, к. 9; 12 – Тете-4, к. 6; 13 – Ак-Кообы-2, к. 1; 14 – Боротал-2, к. 2; 15-16 – Ала-Гаил, к. 1; 17 – Калбак-Таш, к. 1 и 2; 18 – Барбургазы-3, к. 6; 19 – Боротал-3, к. 5; 20 – колчанный крючок из ножа (Уландрык-1, к. 5).

Гвозди: 21, 24 – Балык-Соок-1, к. 3 и 1; 22, 23, 25 – Боротал-1, к. 7 и 82.

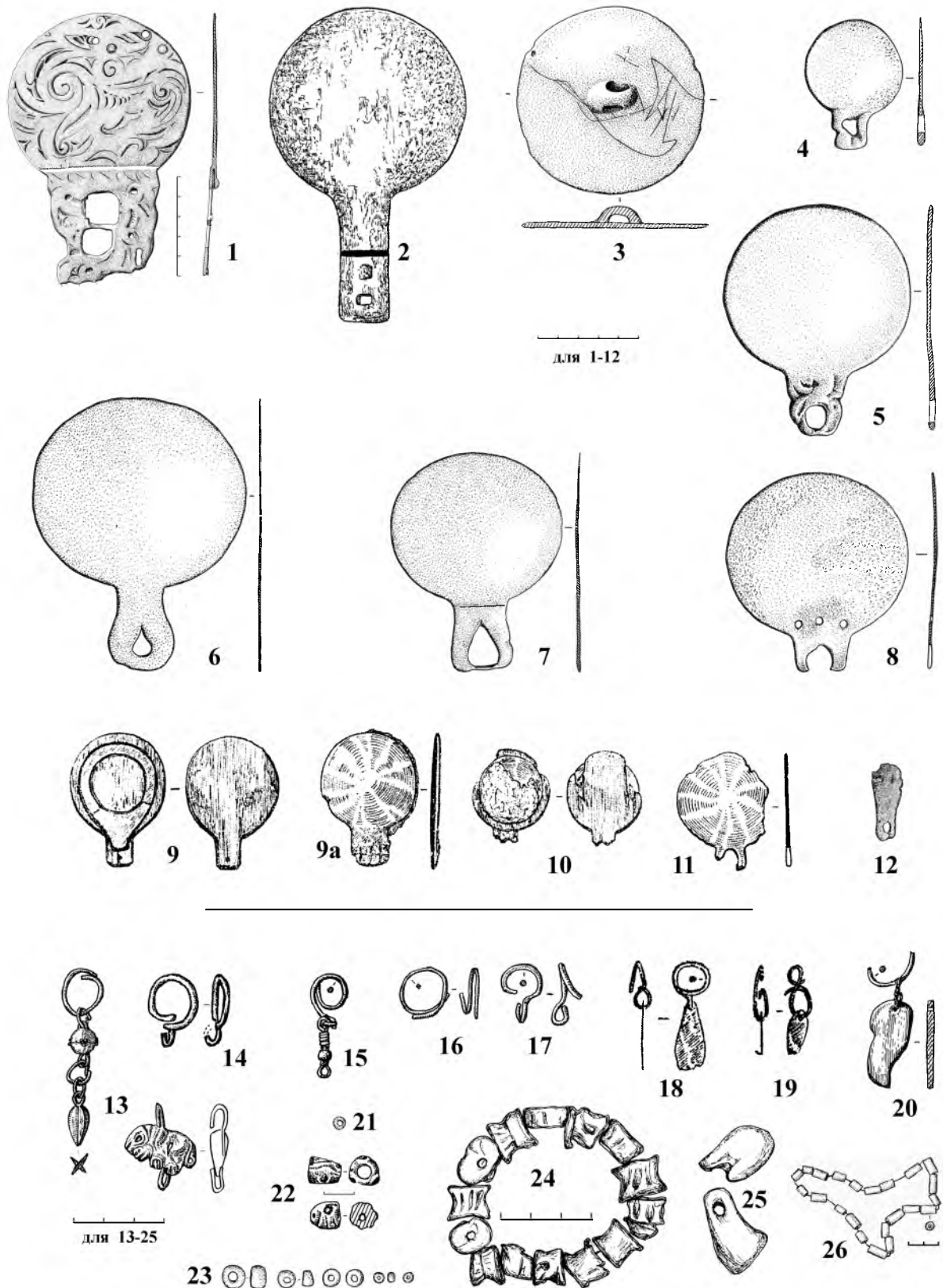

Рис. 62. Зеркала и украшения из курганов Чуи и Урсула. Зеркала: 1 – Балык-Соок-1, к. 27; 2 – Ала-Гаил, к. 11; 3-5 – Ала-Гаил, к. 23, 19, 3; 6 – Балык-Соок-1, к. 1; 7 – Боротал-1, к. 102; 8 – Калбак-Таш, к. 1; 9 – Боротал-2, к. 7; 9а – Боротал-3, к. 8; 10 – Боротал-2, к. 2; 11 – Ала-Гаил, к. 1; 12 – Тете-4, к. 6. Украшения: 13 – Балык-Соок-1, к. 27; 14 – Кор-Кечу; 15 – Боротал-1, к. 100; 16,17 – Калбак-Таш; 18,19 – Боротал-3, к. 8; 20 – подвеска ножа из Уландрыка-1, к. 8; 21 – Кор-Кечу; 22 – Тете-4, к. 4; 23 – Балык-Соок-1, к. 21; 24,25 – Чичке-1, к. 7; 26 – Боротал-1, к. 100.

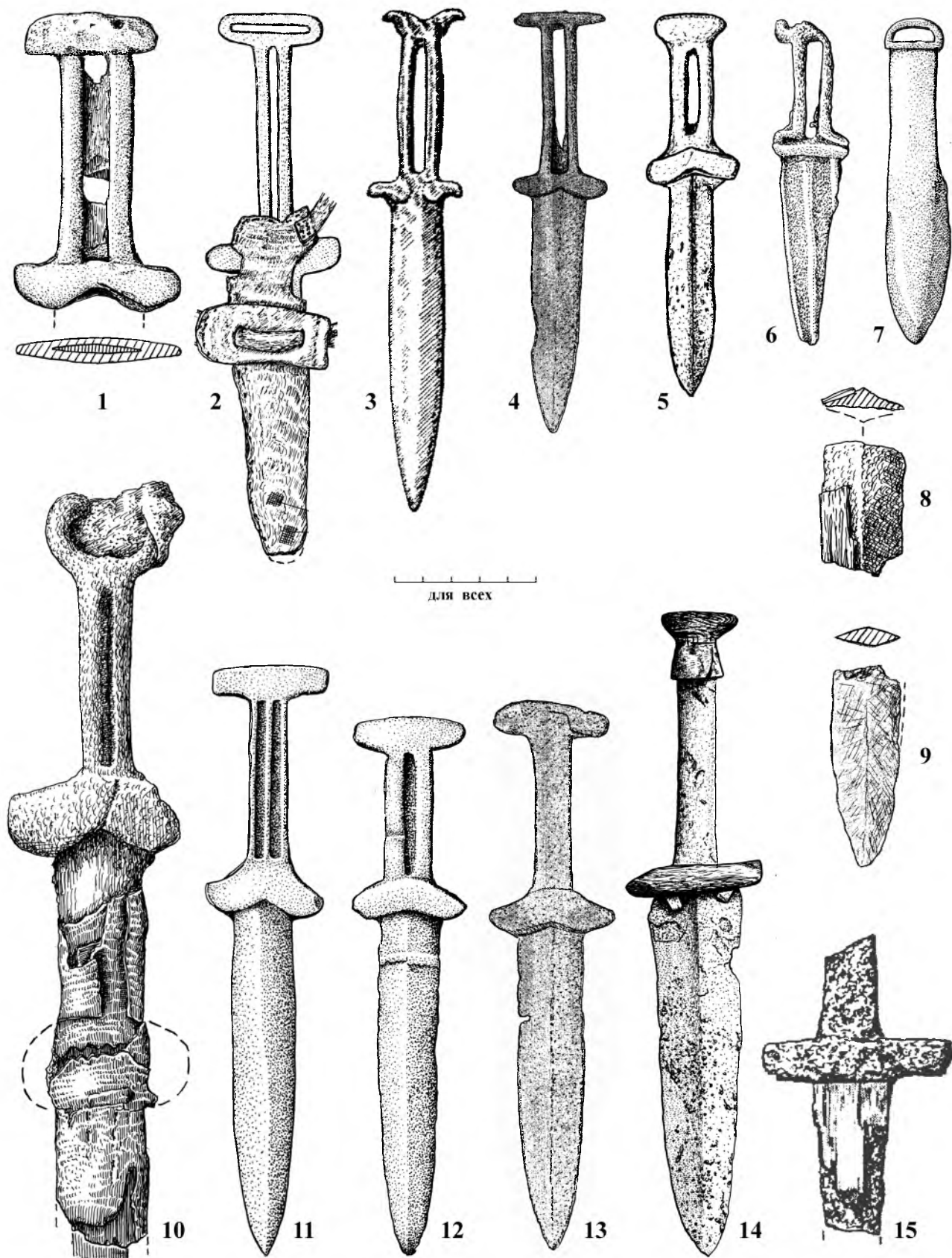

Рис. 63. Кинжалы из курганов Чуи и Урсула. 1 – Ала-Гаил-3, к. 5; 2 – Кор-Кечу; 3 – Боротал-2, к. 2; 4 – Тете-4, к. 6; 5 – Ело-2; 6 – Ала-Гаил-3, к. 7; 7 – Ала-Гаил-3, к. 2; 8 – Боротал-1, к. 99; 9 – Боротал-1, к. 102; 10 – Боротал-1, к. 82; 11 – Тербедок, к. 2; 12 – Тете-4, к. 4; 13 – Чичке-1, к. 6; 14 – Белый Бом-2, к. 28; 15 – Боротал-2, к. 7.

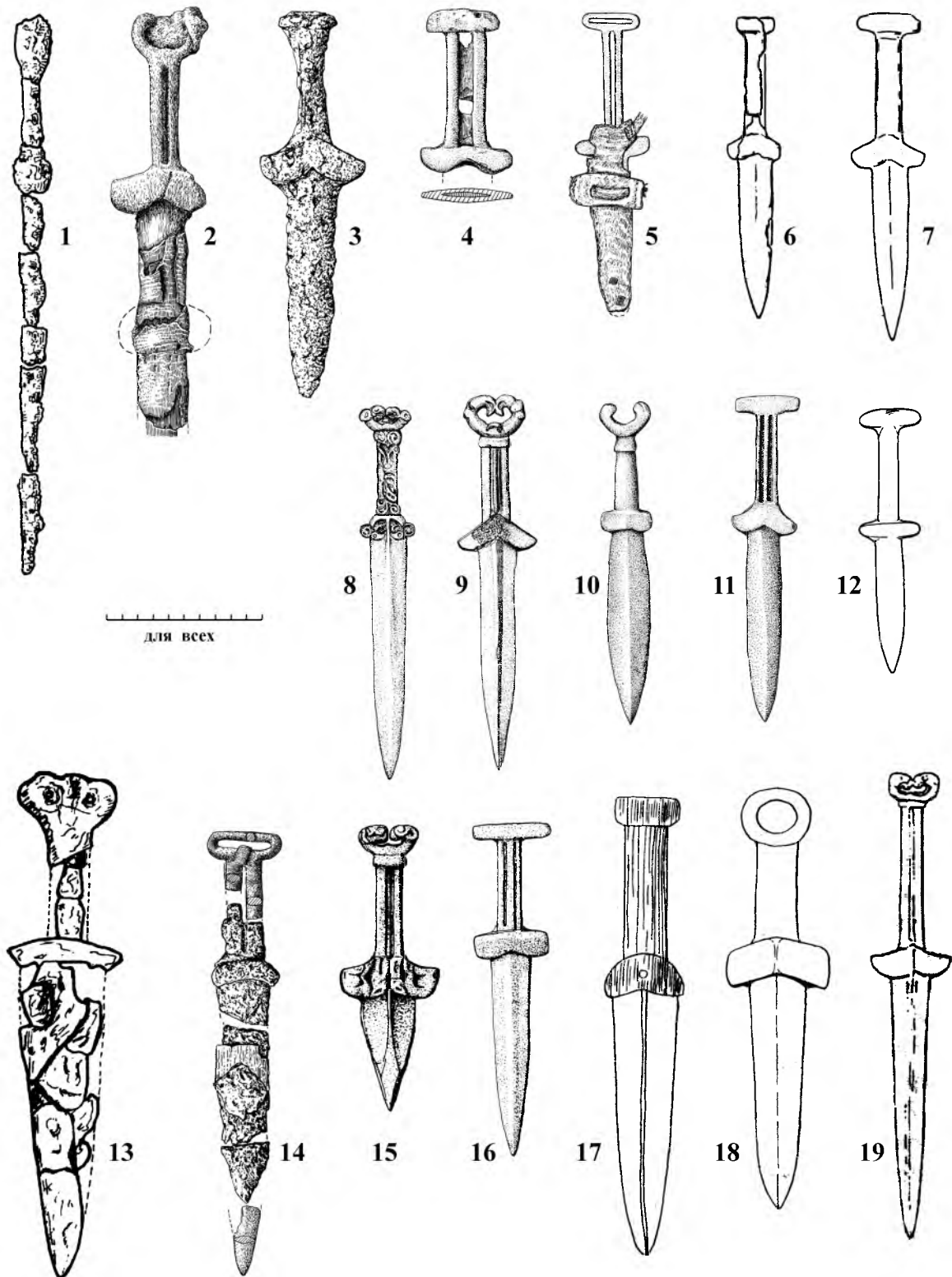

Рис. 64. Кинжалы середины VI – V вв. до н. э. пазырыкской (1-12), каменной (13, 14), староалейской (15-18) и саглынской (19) культур. 1 – Талдура-1; 2 – Боротал-1; 3, 9 – Кайнду; 4 - Ала-Гаил-3; 5 – Кор-Кечу; 6, 7 – Кок-Су-1; 8 – Тыткескень-6; 10 – Чендек-ба; 11 – Тербедок; 12 – Арагол; 13 – Новый Шарап-1; 14 – Новотроицкое-1; 15-18 – Староалейка-2; 19 – Догээ-Баары-2. Железо – 1-3, 13, 14, 17, 18; железо, бронза – 4; бронза – 5-12, 15, 16, 19.

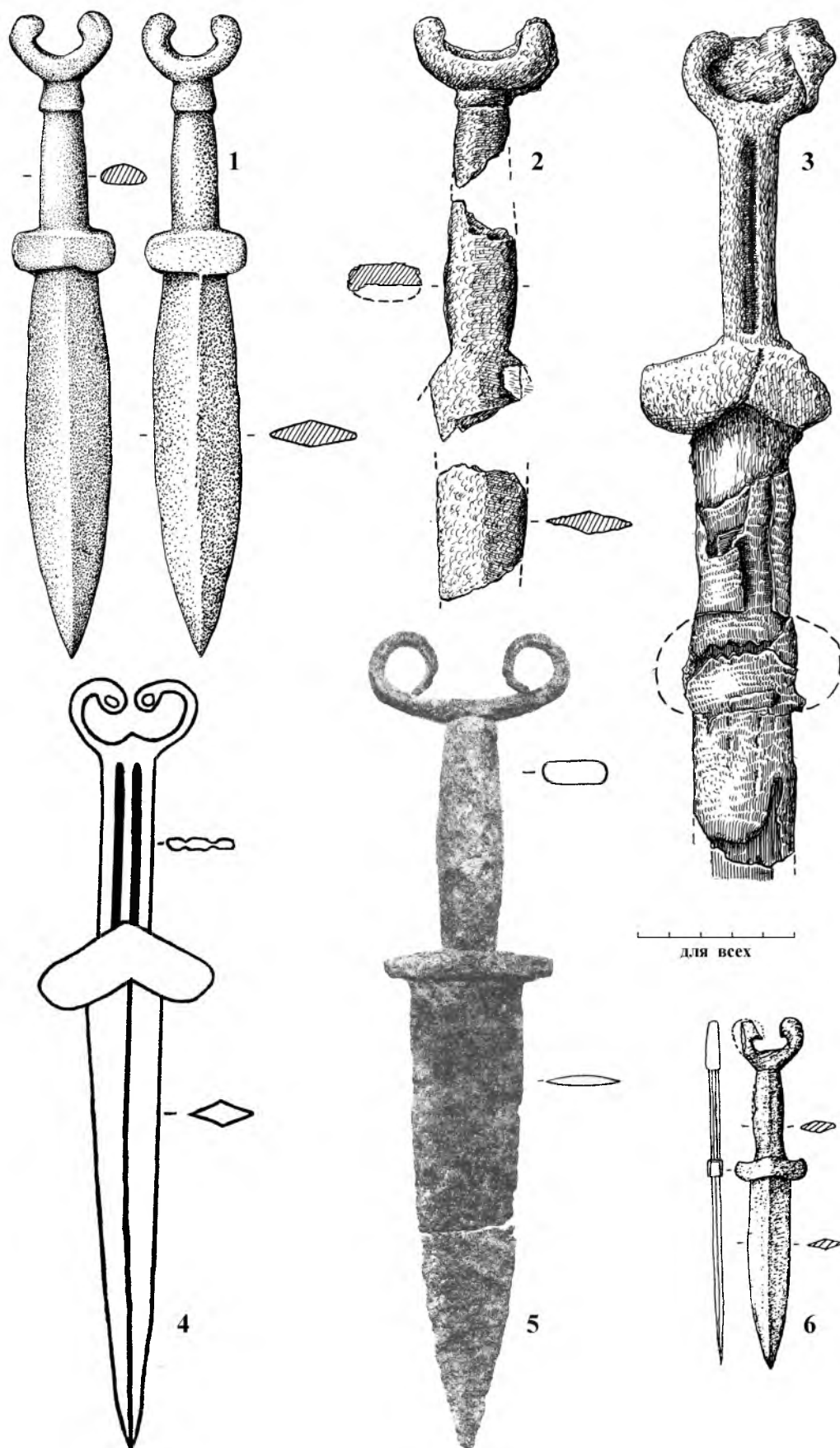

Рис. 65. Кинжалы с антенным навершием из Горного Алтая. 1,2 – Чендек-ба; 3 – Боротал-1; 4 – Майма; 5 – Верхний Уймон; 6 – Майма-4. Железо – 2,3,5. Бронза – 1,4,6.

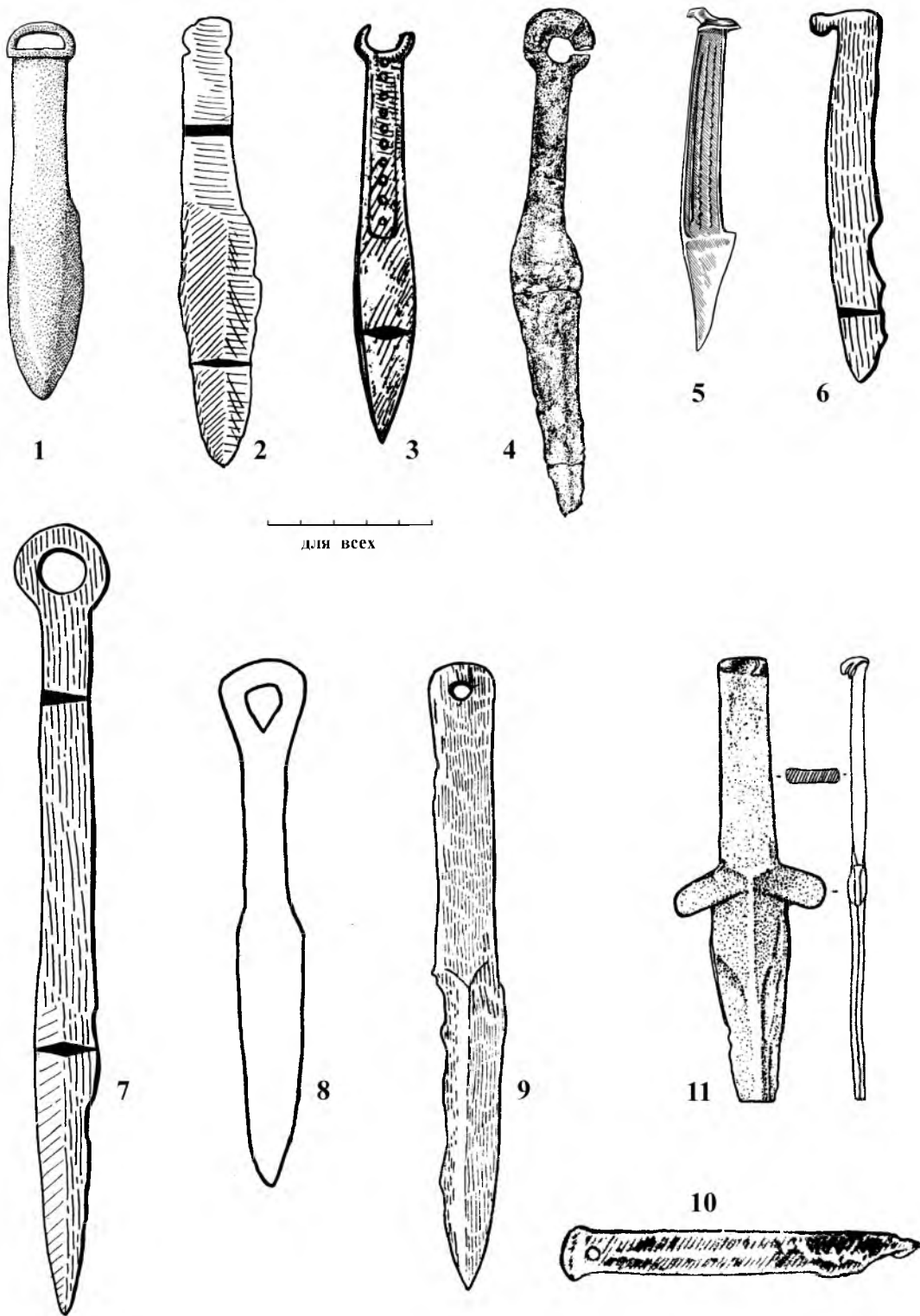

Рис. 66. Архаичные бронзовые «ножи-кинжалы» (1-9) и нож (10) из Горного Алтая в погребениях VI-IV вв. до н. э. Кинжал из жертвенника на поселении Чепош-2 (11). 1 – Ала-Гаил-3, к. 5; 2 – Уландрык-2; 3 – Барбургазы-1; 4 – Бертек-1; 5 – Узунтал-1; 6,7 – Уландрык-3; 8 – Кош-Тал-1; 9 – Уландрык-1; 10 – Кызыл-Джар-5; 11 – Чепош-2.

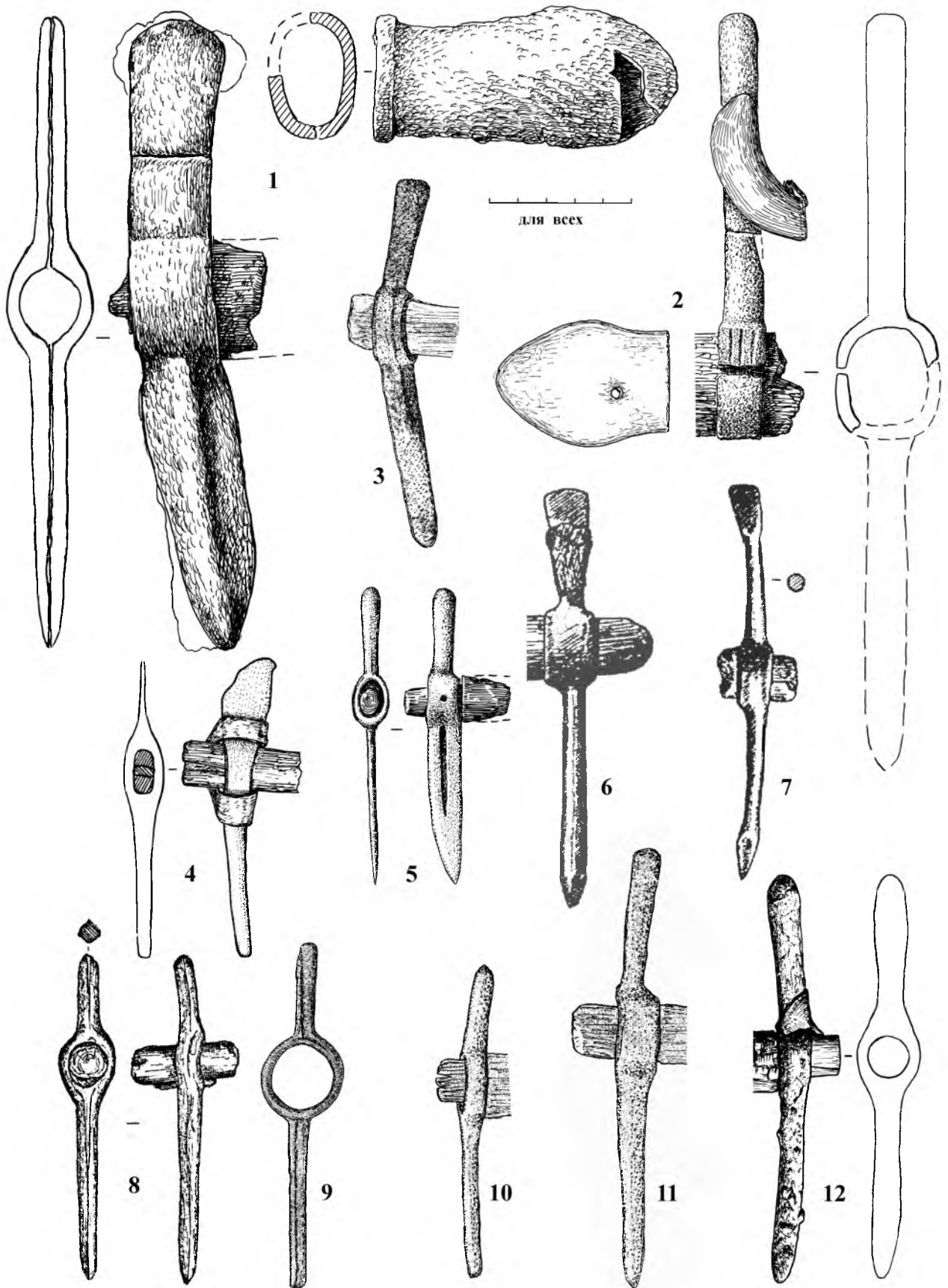

Рис. 67. Чеканы из курганов Чуи и Урсула. Боевые железные: 1,2 – Боротал-1, к. 99, 82. Бронзовые модели: 3 – Кор-Кечу; 4,8 – Тербедок, к. 1,2; 5 – Ала-Гаил-3; 6,7 – Боротал-2, к. 2, 7; 9 – Тете-4; 10,11 – Чичке-1; 12 – Семисарт-2.

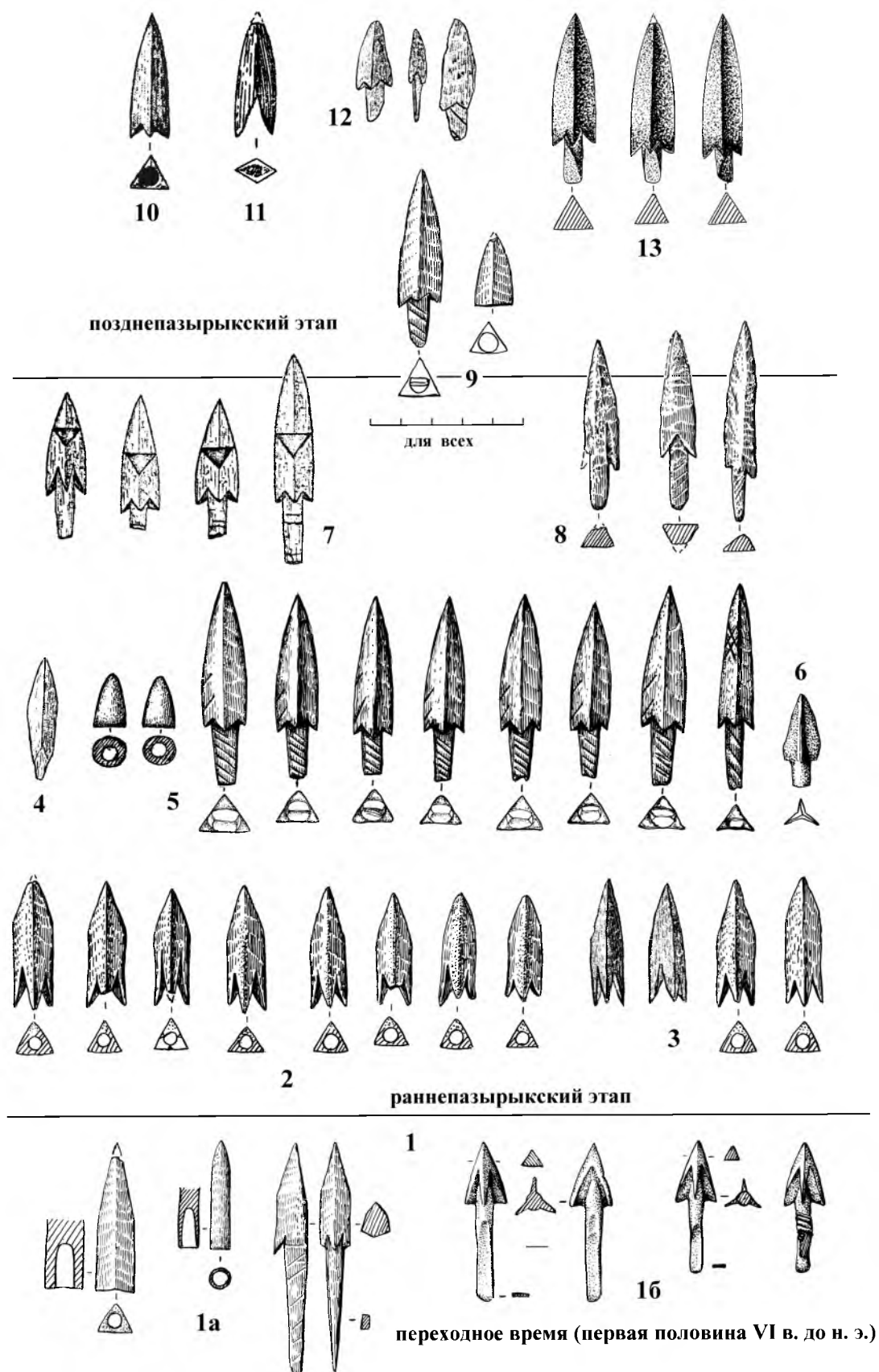

Рис. 68. Наконечники стрел из курганов Чуи и Урсула. 1 – Балык-Соок-1, к. 27; 2-6 – Боротал-1, к. 100, 99, 102, 82, 7; 7 – Тербедок; 8,9 – Тете-4, к. 6, 4; 10 – Боротал-3; 11 – Ала-Гаил, к. 1; 12 – Чичке-1; 13 – Семисарт-2. Бронза – 16, 6; остальное – рог.

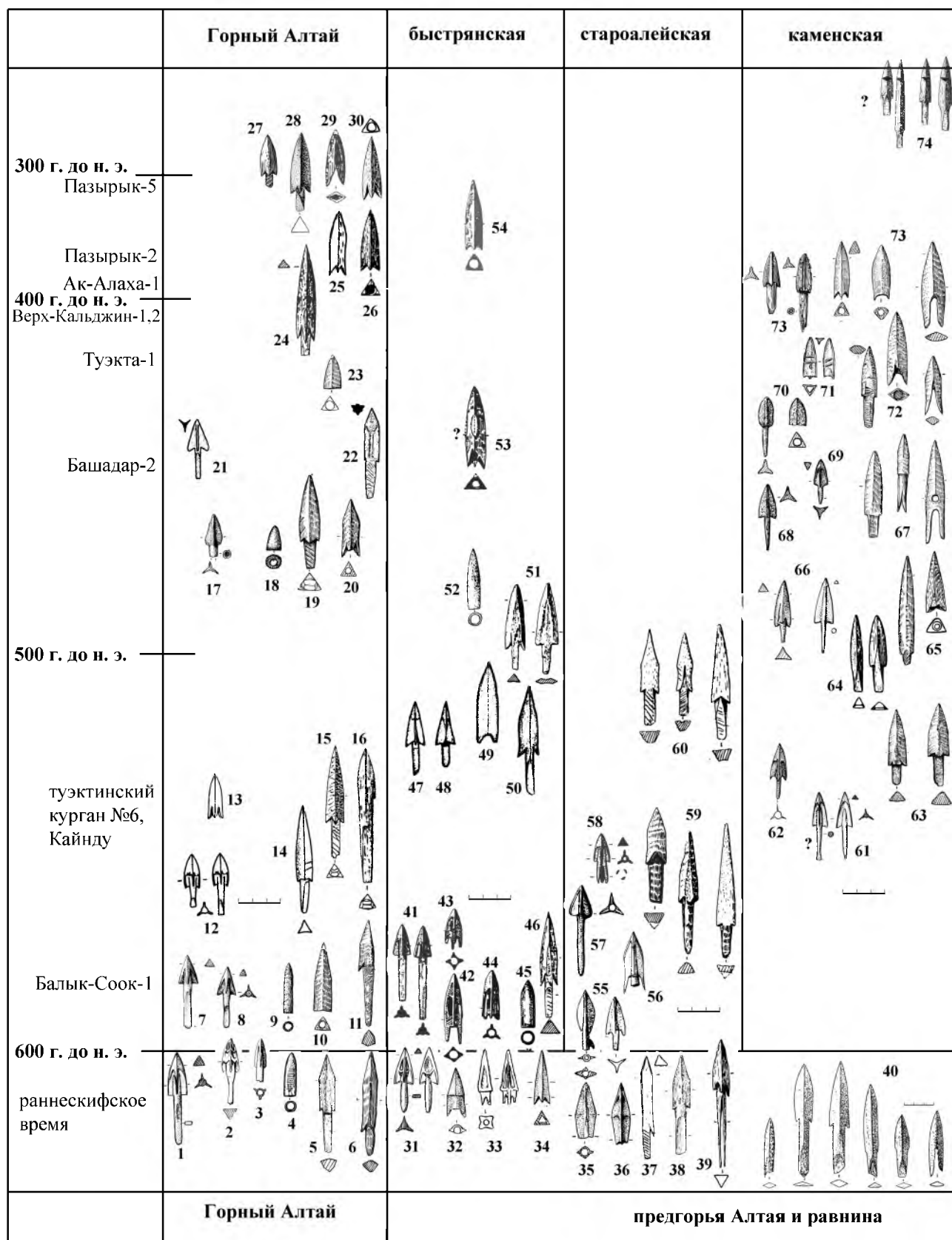

Рис. 8. Предварительная схема эволюции наконечников стрел на Алтае в соответствии с относительной хронологией погребальных комплексов VII-III вв. до н. э. Бронза – 1-3,7,8,12,13,17,21,31-36,41-44,47,48,55-58,61,62,66,69,71; рог (кость) – 4-6,9-11,14-16,18-20,22-30,37-40,45,46,49-51,53,54,59,60,63-65,67,72-74; железо – 52,68,70,73.

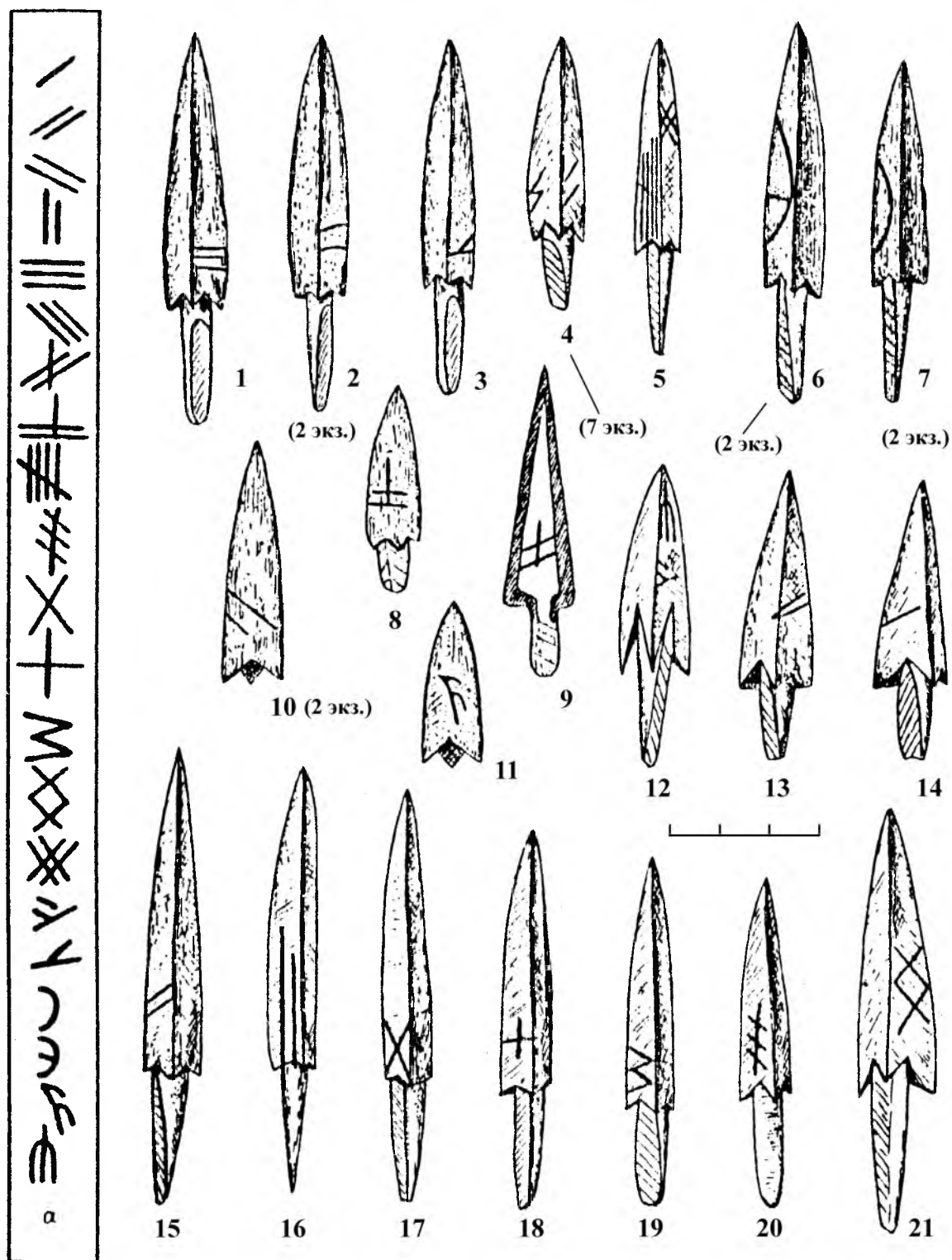

Рис. 70. Роговые наконечники стрел из курганов Горного Алтая (по: Кубарев, 1995). 1-3 – Кырлык; 4,5,12-21 – Боротал; 6,7 – Кайнду; 8, 9 – Кызык-Телань; 10, 11 – Юстыд; а – знаки на наконечниках.

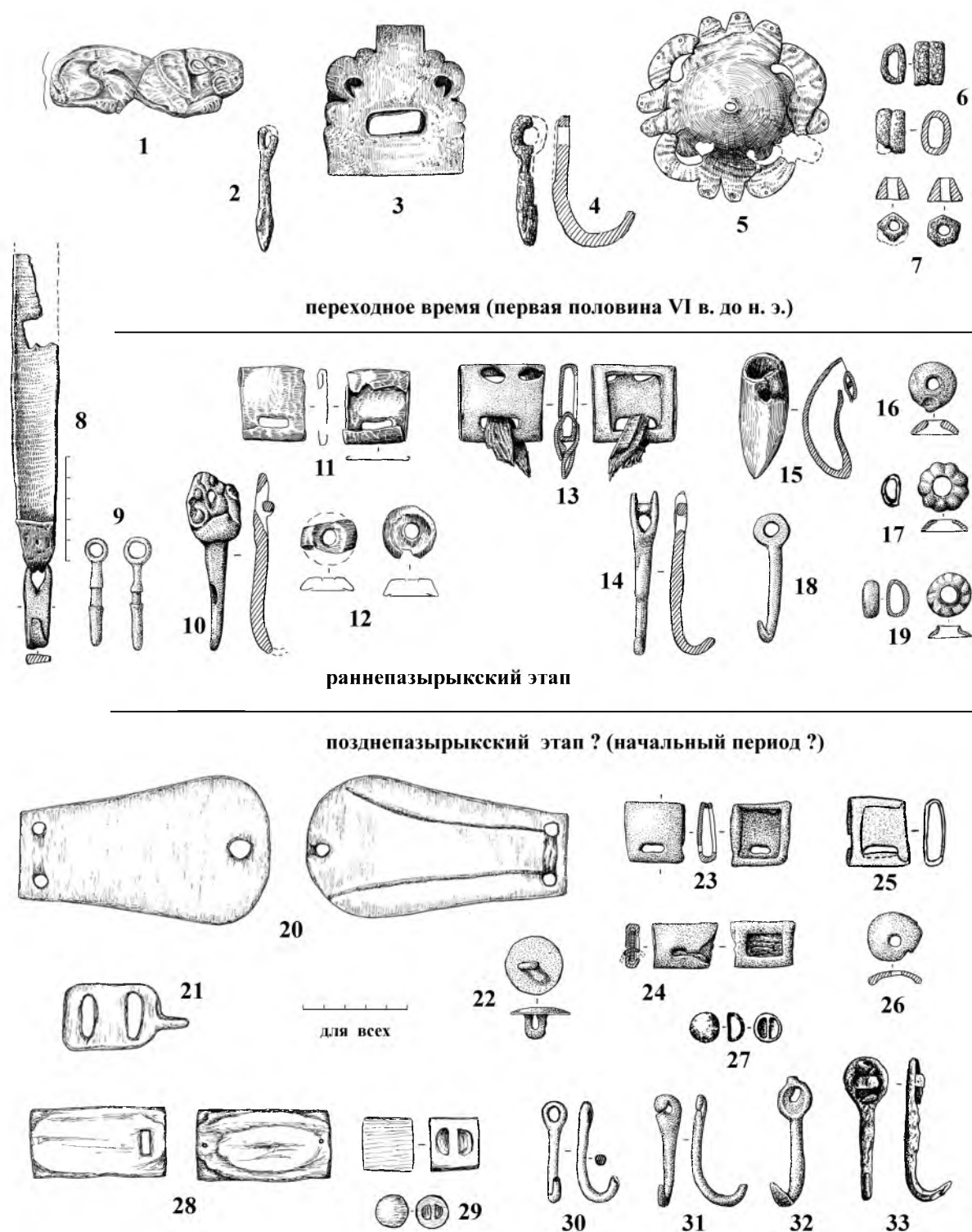

Рис. 71. Поясная фурнитура из курганов Чуи и Урсула. 1-7 – Балык-Соок-1, к. 27; 8 – колчанный крючок из бронзового ножа (Уландрык-1, к. 5); 9 – Боротал-1, к. 102; 10-12,15 – Боротал-1, к. 82; 13,14,16 – Тербедок; 17 – Кор-Кечу; 18,19 – Улалинка; 20,21 – Ала-Гаил-3, к. 1; 22-24,26,31,32 – Тете-4; 25,30 – Ело-2; 27 – Боротал-2; 28,29 – Бураты; 33 – Семирсаг-2. Золото – 1,5,11,12; железо с позолотой – 6; железо – 2,4,7; серебро – 3; бронза – 8-10,13,14,16-19,22-27,30-33; рог – 20,21; клык кабана – 15; дерево – 28,29.

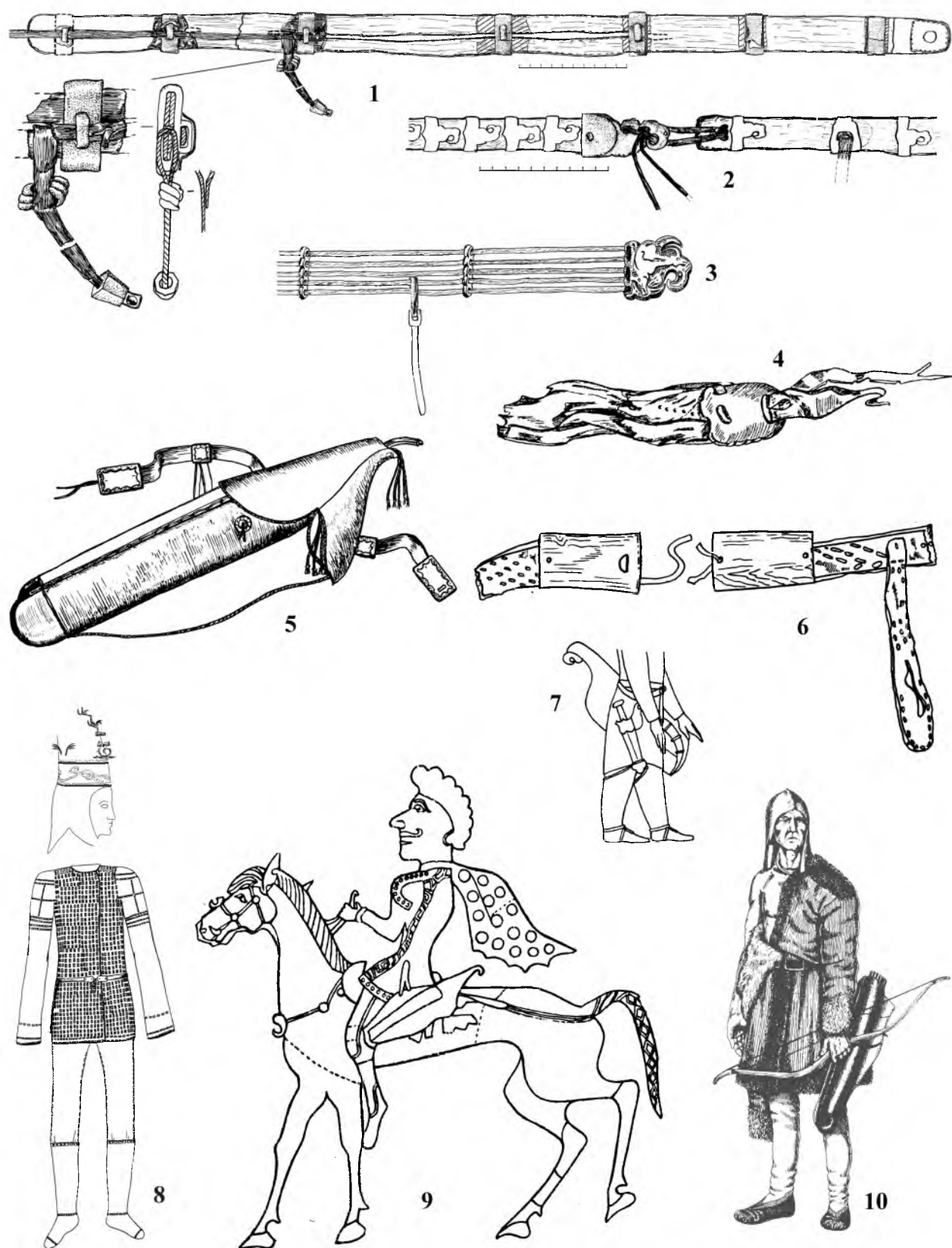

Рис. 72. 1,2 – реконструкция раннескифских поясов из Гилёво-10; 3 – реконструкция ремешкового пояса с роговыми бляхой и обоймами из Тасмолы-5; 4 – способ застёгивания поясной пряжки (по: Семёнов, 1997); 5 – Верх-Кальджин-2 (по: Полосьмак, 2001); 6 – Барбургазы-1; 7 – два пояса с кинжалом и горитом на изображении сака в Персеполе; 8 – – костюм «золотого человека» из Локтя-4а; 9 – изображение всадника в короткой куртке из из Пазырыка-5 (по: Руденко, 1960); 10 – реконструкция одетого в полушубок воина с Укока са (по: Полосьмак, 2001, с. 137).

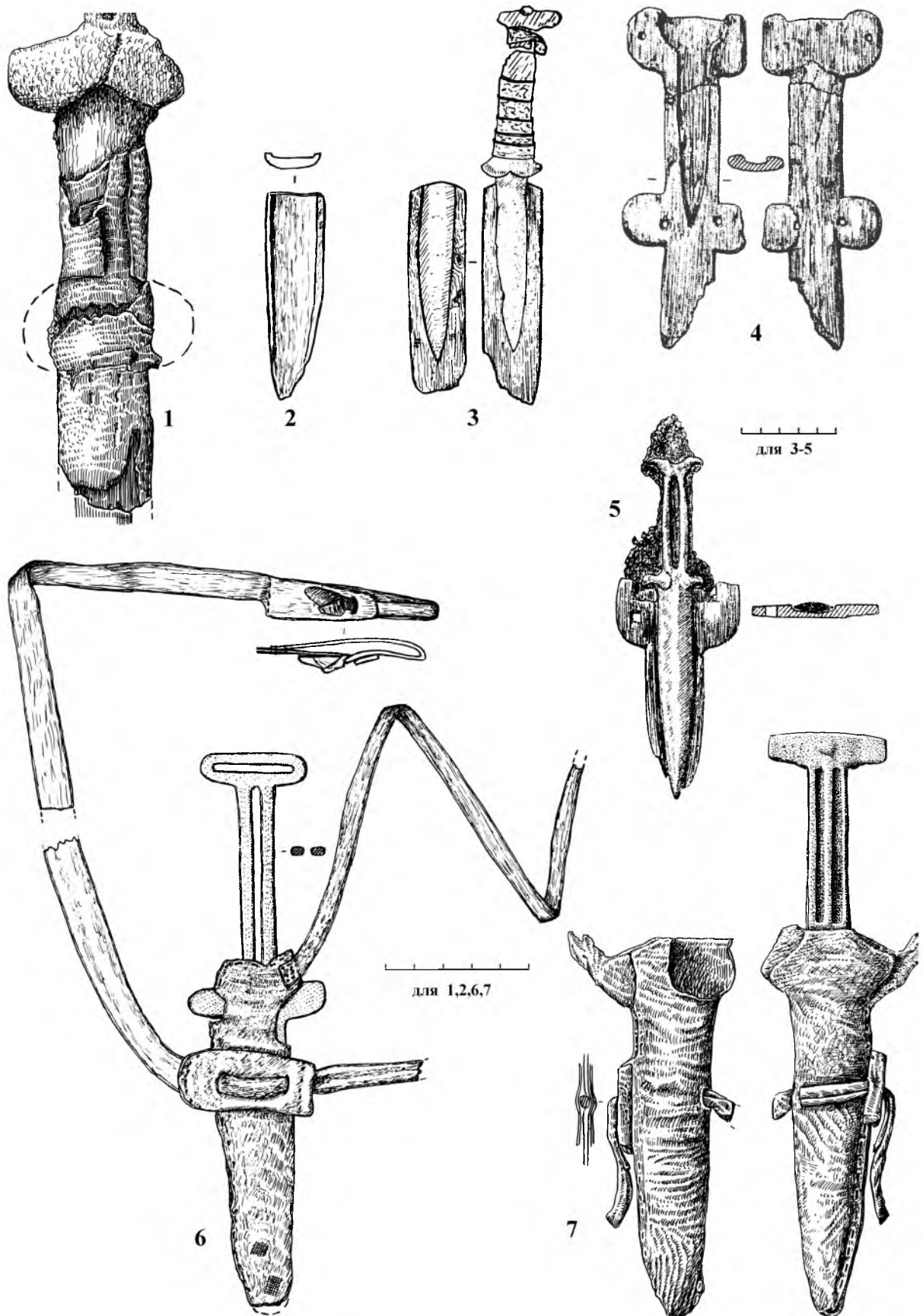

Рис. 73. Ножны из курганов Чуи и Урсула. 1 – Боротал-1; 2 – Ело-2; 3 – зона затопления Чуйской ГЭС; 4 – Боротал-3; 5 – Боротал-2; 6 – Кор-Кечу; 7 – Тербедок.

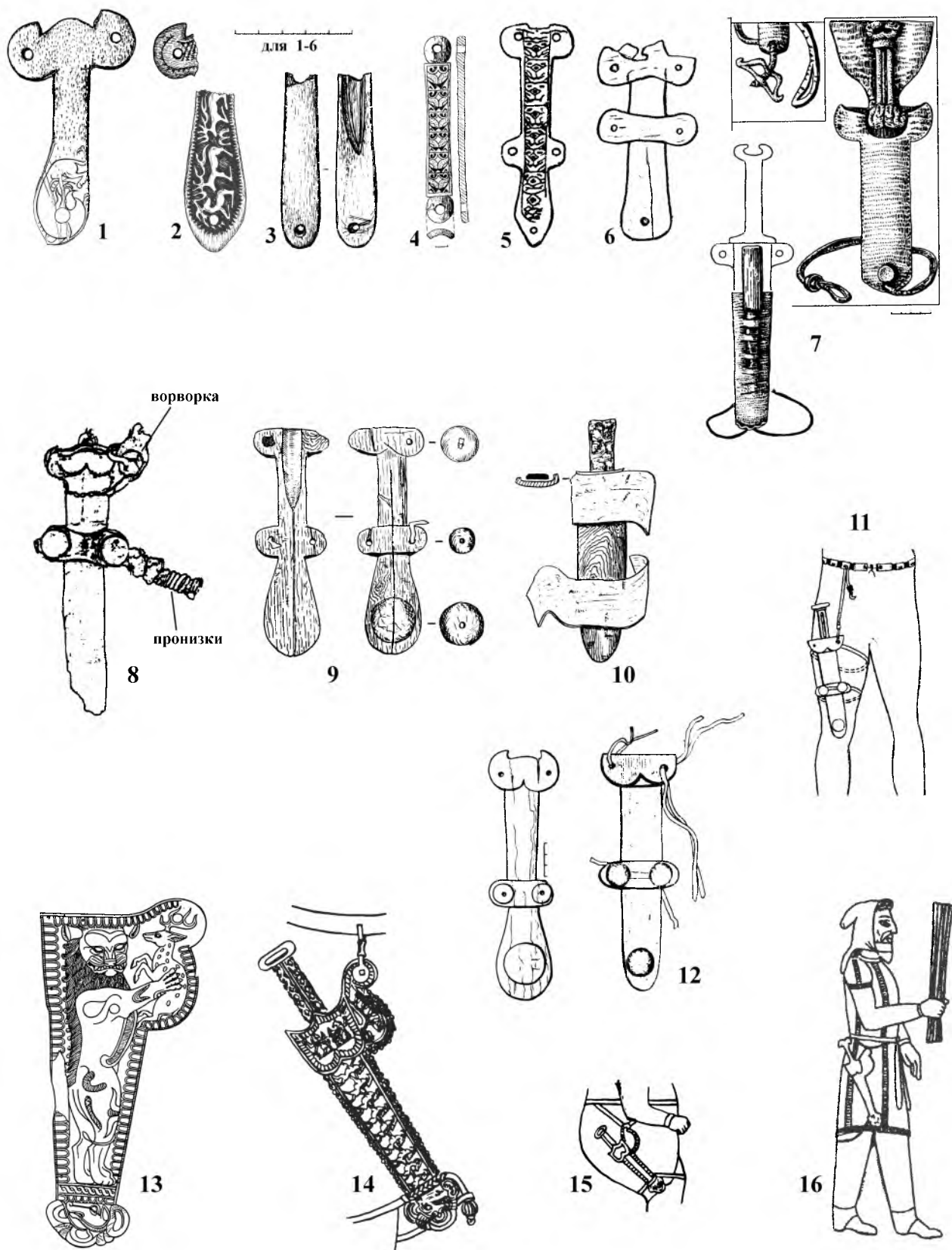
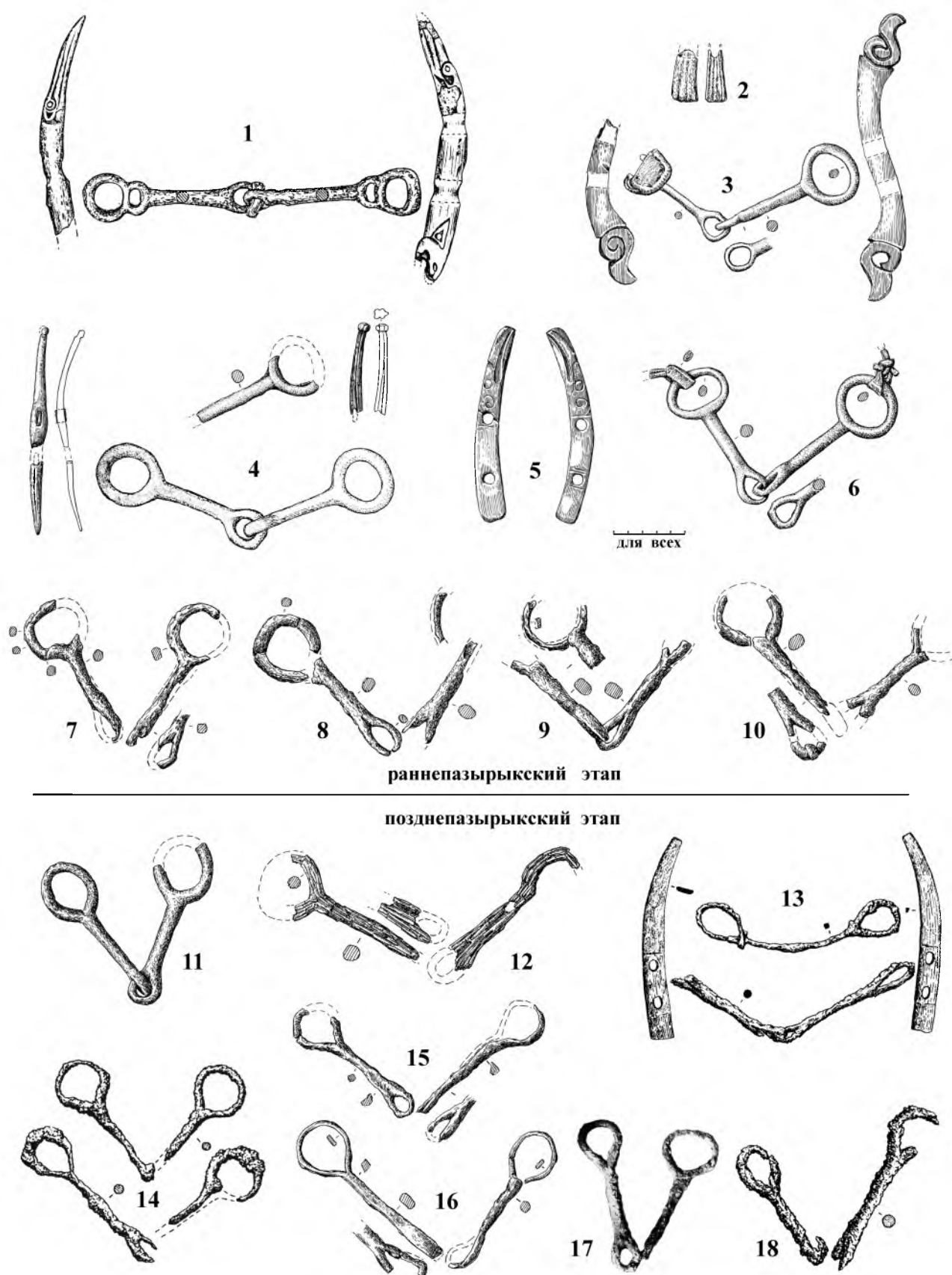

Рис. 74. Ножны и способы их ношения. 1-3 – Рогозиха-1 (по: Уманский, Шамшин, Шульга, 2005); 4 – Новотроицкое-2 (по: Могильников, 1997); 5 – Усть-Иштовка-1 (по: Кунгуров, Тишкин, 1996); 6 – Баты, Вост. Казахстан (по: Черников, 1951); Догээ-Баары-2 (по: Чугунов, 2001); 9-12 – пазырыкская культура (по: Кубарев, 1981 и др.); 13-16 – Храм Окса, Персеполь, Эрбуну, Амударьинский клад (по: Литвинский, 2002).

раннепазырыкский этап

позднепазырыкский этап

Рис. 75. Удила и псалии из курганов Чуи и Урсула. 1 – Ала-Гаил, к. 19; 2,3 – Ала-Гаил-3, к. 5; 4 – Боротал-1, к. 82; 5 – Боротал-1, к. 99; 6 – Тербедок; 7-10 – Боротал-1, к. 7; 11 – Балык-Соок-1, к. 1; 12 – Калбак-Таш; 13 – Ала-Гаил, к.1; 14 – Боротал-3; 15-17 – Ала-Гаил-3 – к. 7, 8, 10; 18 – Боротал-2.

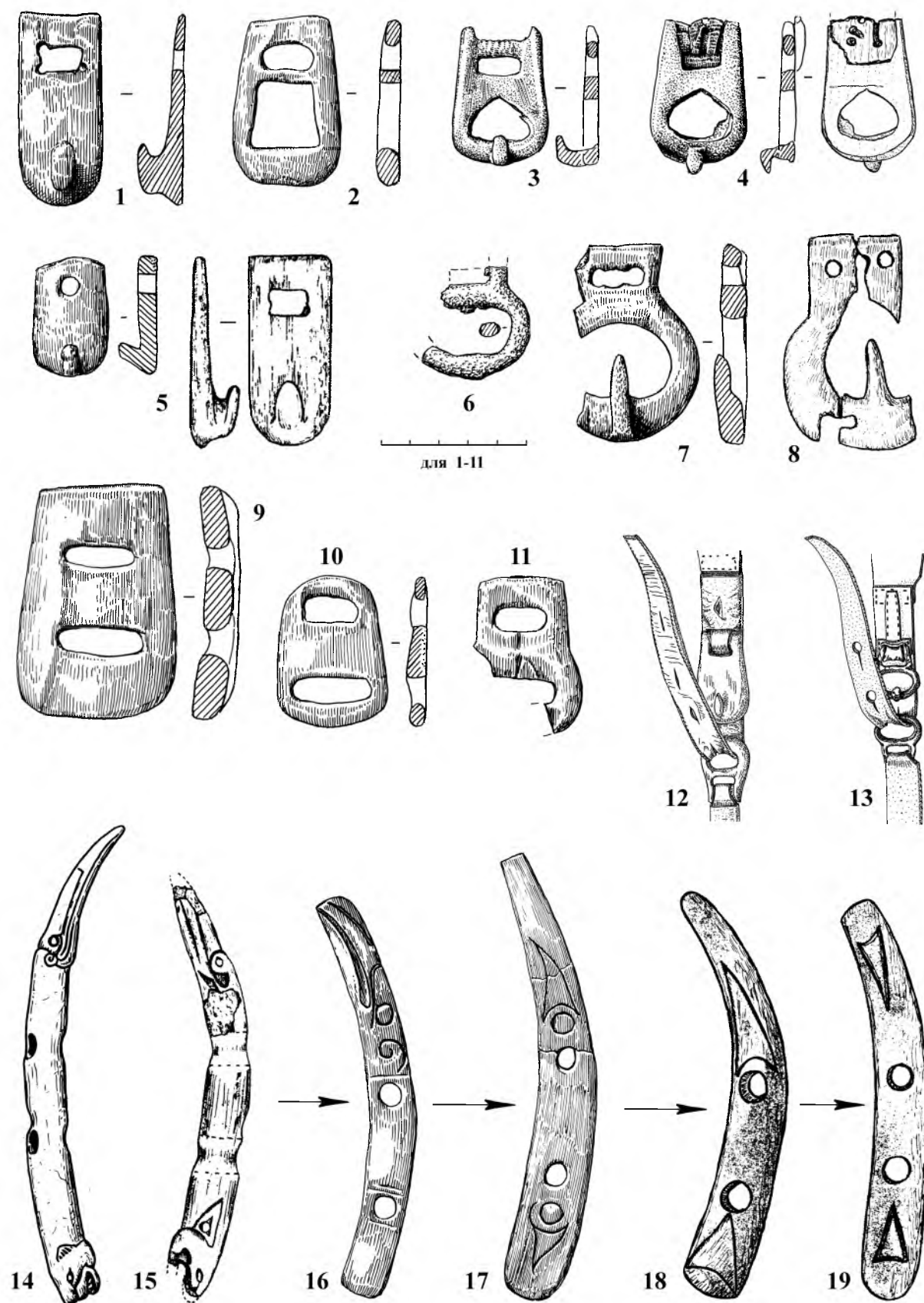
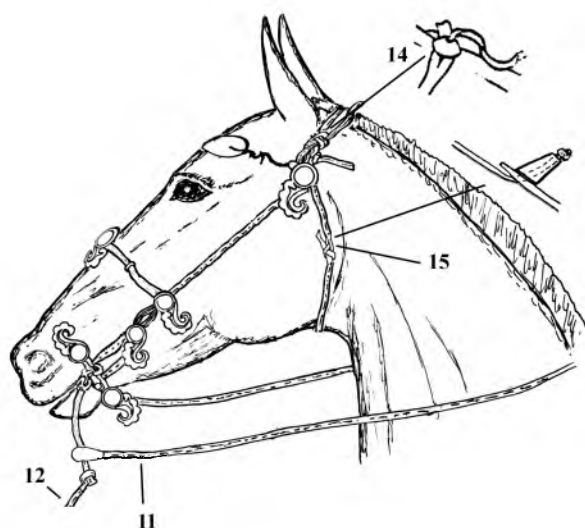
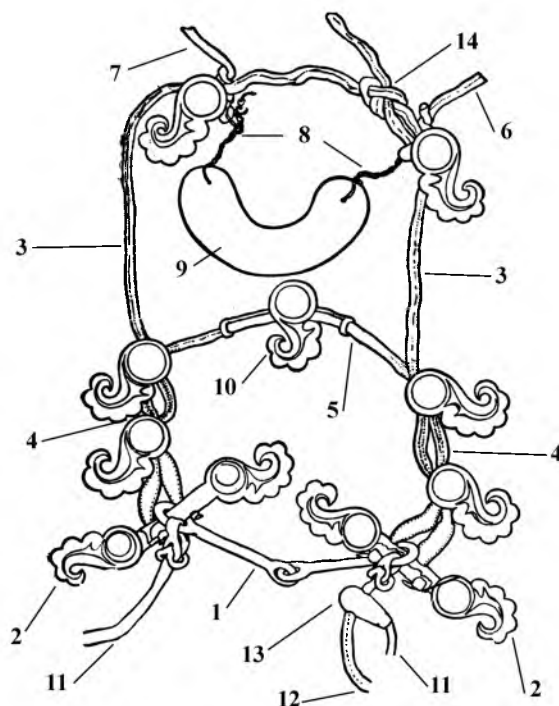

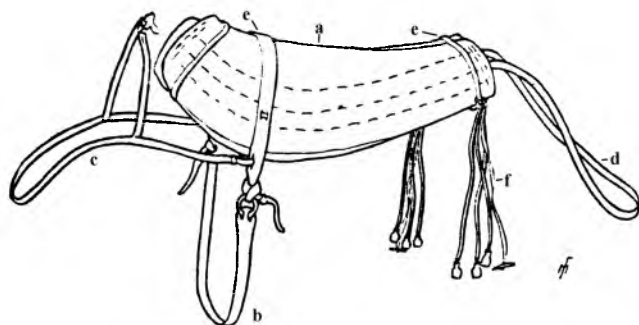
Рис. 76. Подиружные пряжки и блоки из курганов Чуи и Урсула (1-11). Способ застёгивания подруги в раннепазырыкской сбруе (12, 13; перевёрнутая реконструкция Е.В. Степановой, 2005, 2006). Эволюция роговых псалиев в середине VI-IV вв. до н. э. (14-19). 1-4 – Боротал-1, к. 7; 5 – Ала-Гаил, к. 19; 6-8 - Ала-Гаил-3, к. 11; 9 – Боротал-1, к. 99; 10 – Боротал-1, к. 82; 11 – Балык-Соок-1, к. 3; 14 – Талдура-1; 15 – Ала-Гаил, к. 19; 16 – Боротал-1, к. 99; 17 – Чендек-6а; 18 – Пазырык-3; 19 – Пазырык-4. Бронза – 3,4,6. Рог – 1,2,5,7-11.

- 1 - удила; 2 - псалий; 3 - суголовные ремни;
 4 - нащёчные ремни; 5 - ремень переноса (наносный);
 6 - левый короткий подбородный ремень;
 7 - правый длинный подбородный ремень;
 8 - налобный ремешок; 9 - налобная подвеска;
 10 - наносная подвеска; 11 - повод; 12 - чумбур;
 13 - чумбурный блок; 14 - место соединения суголовных ремней;
 15 - место соединения подбородных ремней.

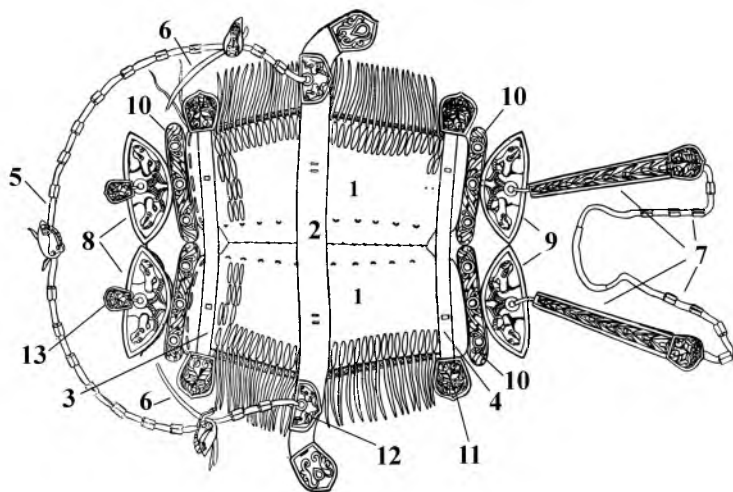

Пазырык-1, седло первого типа

- a - подушка; b - подпруга; c - нагрудник;
 d - подхвостный ремень;
 e - ремни, связывающие подушки;
 f - "тройчатка" с приторочным ремешком.
 (по: Грязнов, 1950)

Пазырык-5, седло второго типа

- 1 - подушки; 2 - верхний подпружный ремень;
 3,4 - связывающие подушки передний и задний седельные ремни; 5 - нагрудный ремень;
 6 - холочные ремни; 7 - подхвостные ремни;
 8,9 - накладки на передние и задние луки седла;
 10 - кожаные дужки на луки седла;
 11 - концевая бляха-подвеска седельного ремня;
 12 - накладка для фиксации нагрудного ремня;
 13 - подвеска на передние луки седла.
 (по: Руденко, 1953)

Рис. 77. Узды и сёдла из Пазырыка. 1 - уздечка из Пазырыка-3 (по: Руденко, 1953, рис. 89) и её расположение на голове лошади. 2,3 – сёдла из Пазырыка-1 и Пазырыка-5 (по: Грязнов, 1950, рис. 22; Руденко, 1953, рис. 128).

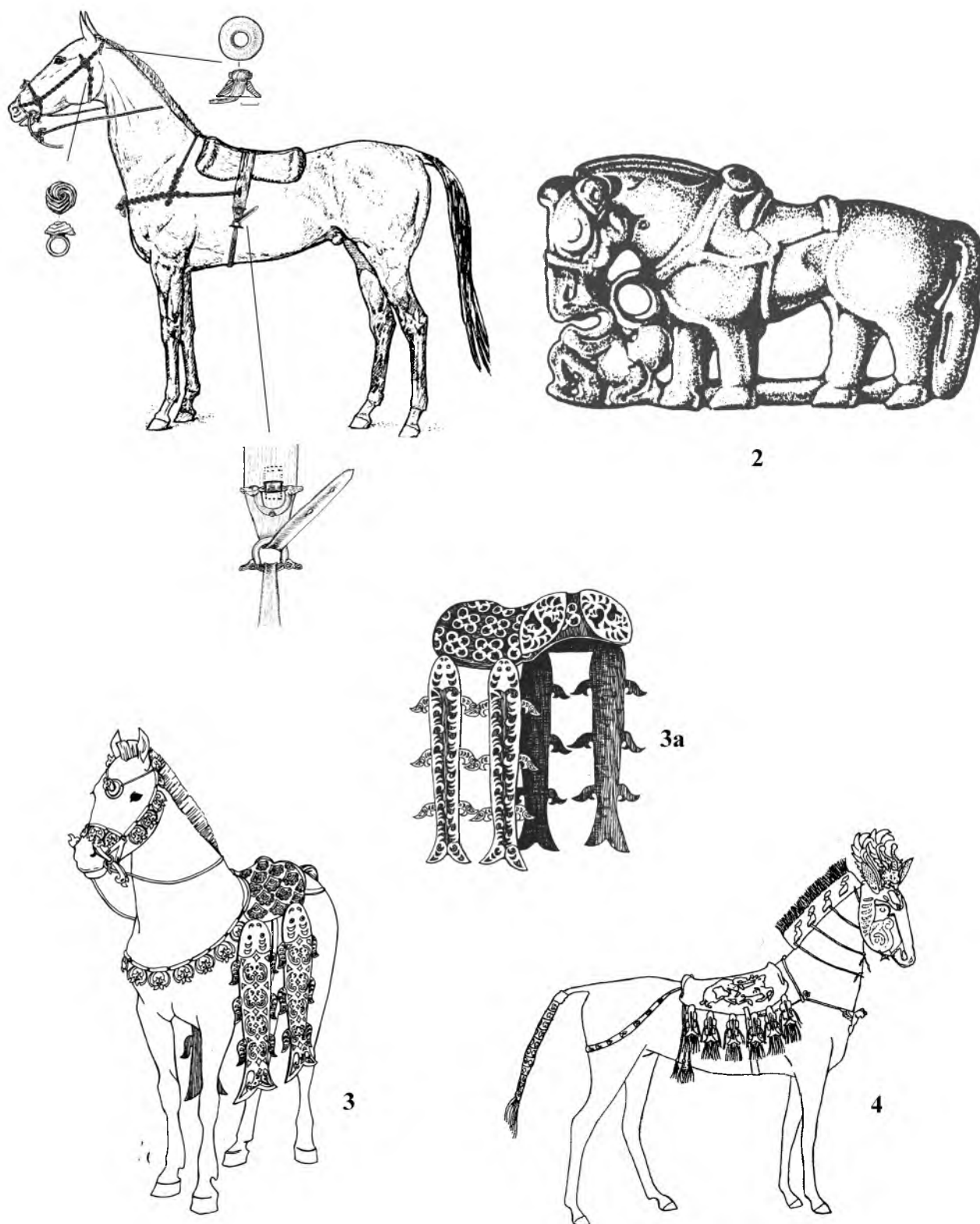

Рис. 78. Снаряжение верховой лошади на Алтае в конце VII-IV вв. до н. э. 1 – реконструкция сбруи из раннескифской могилы 32 в Гилёво-10. 2 – изображение лошади на поясной пластине из кургана первой половины VI в. до н. э. Сибирка-1 (по: Бородавский, 1998; Полосьмак, 1990). 3,3а – реконструкция снаряжения лошади из Ак-Алахи-1 (по: Полосьмак, 2001, рис. 20; 1994, рис. 39). 4 – реконструкция снаряжения лошади из Пазырыка-1 (по: Грязнов, 1950, рис. 10).

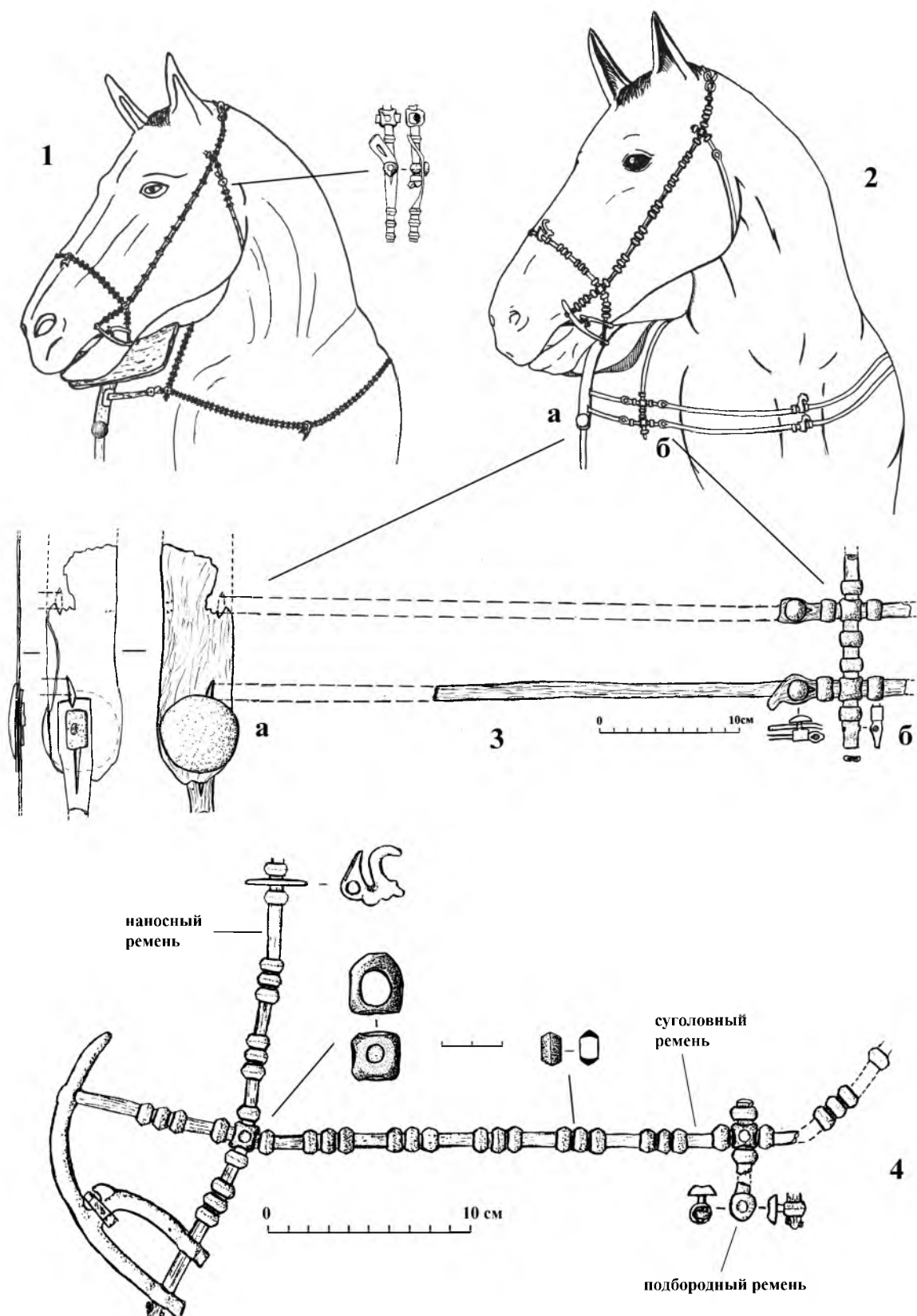

Рис. 79. Снаряжение лошади раннескифского времени с Алтая. 1 – Машенка-1 (по: Шульга, 1998, с уточнениями, касающимися расположения «налобной» бляхи). 2 – Гилёво-10, мог. 16 (по: Шульга, 2003): 3 – сохранившиеся подпружный ремень с бляхой-застёжкой и нагрудник на правом боку лошади; 4 – левая сторона сохранившейся уздечки.

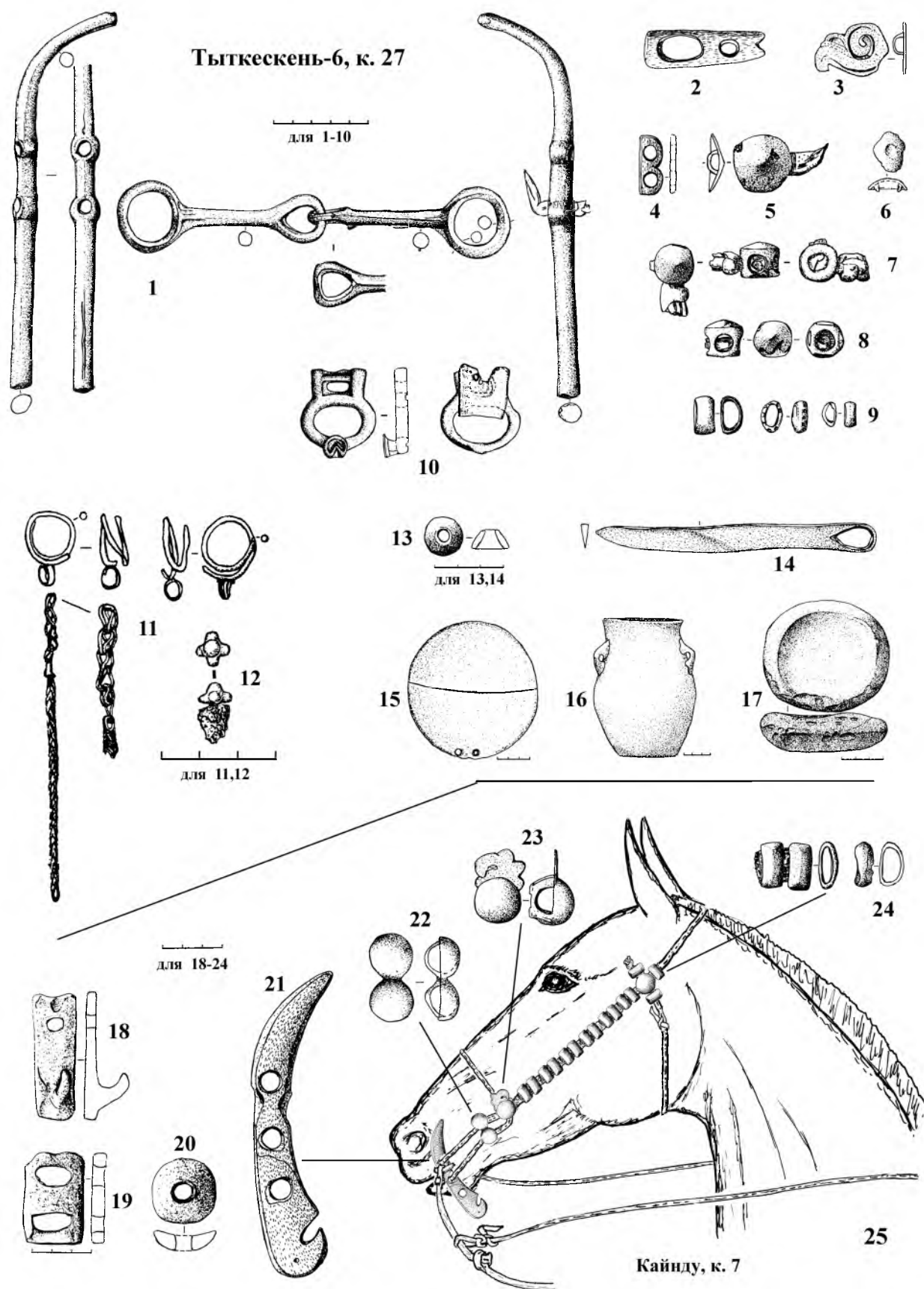

Рис. 80. Снаряжение лошади добашадарского периода. 1-17 – снаряжение лошади и инвентарь из могильника Тыткескень-6 (к. 27; по: Кирюшин, Степанова, 2004). 18-24 – снаряжение лошади из могильника Кайнду (к. 7; по: Кирюшин, Степанова, 2004) и реконструкция уздечки.

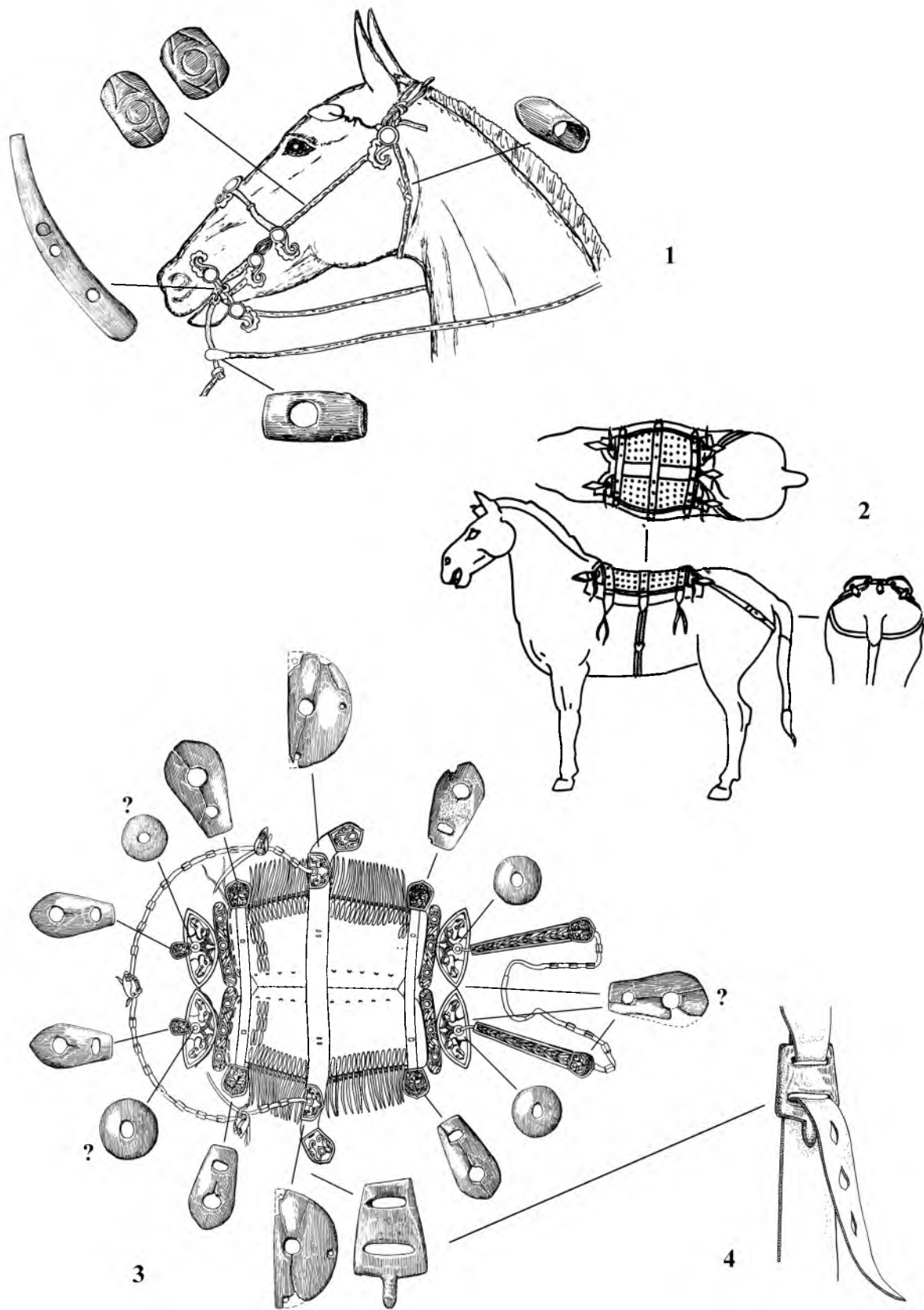
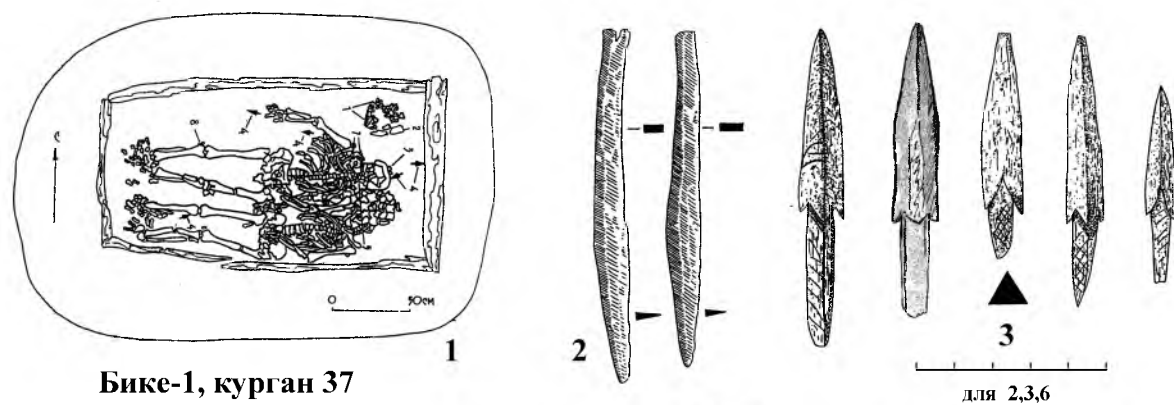
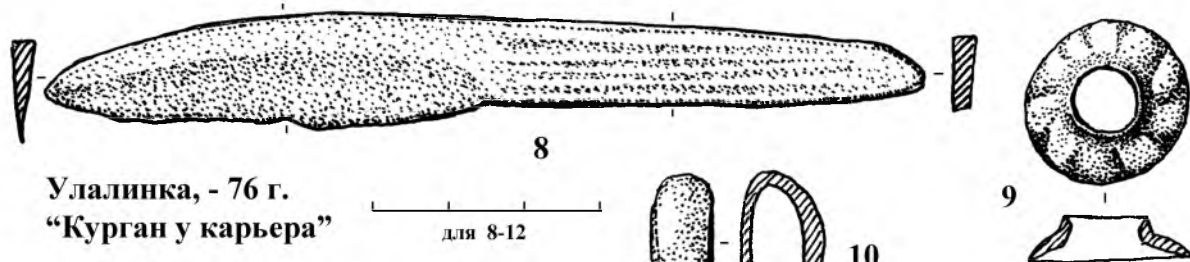
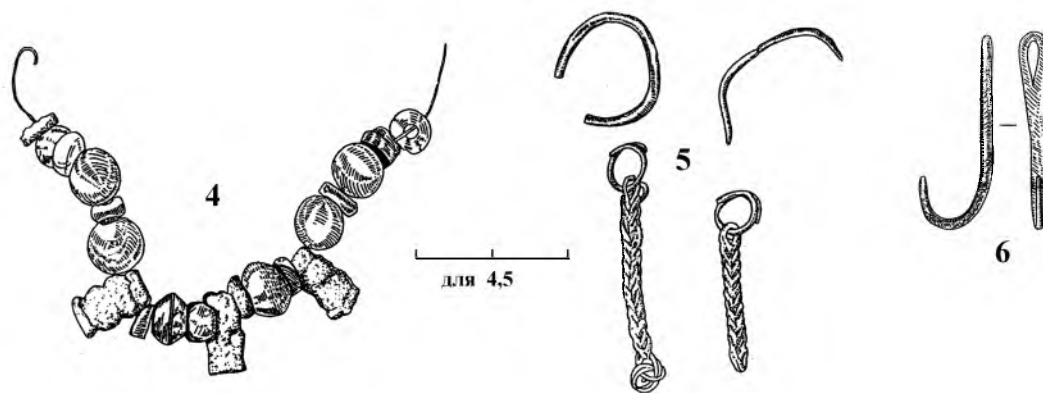

Рис. 81. 1,2 - схема расположения деталей рогового набора из Чендека-ба, к. 5 (около начала IV в. до н. э.); 3 – изображение седла с роговыми подвесками из погребения Цинь Шихуана (по: Вайнштейн, 1991, рис. 96. – 2); 4 – способ затягивания подпружных ремней из Пазырыка (по: Степанова, 2006).

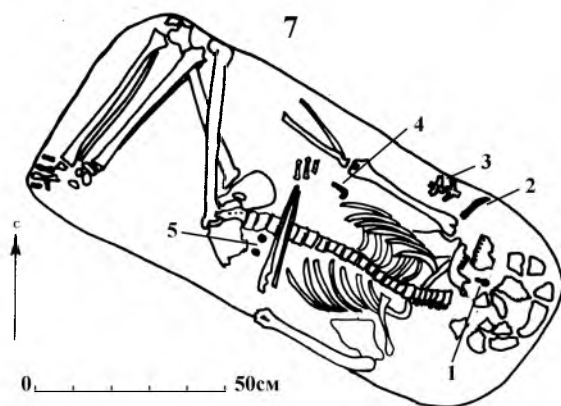

Бике-1, курган 37

Улаинка, - 76 г.
"Курган у карьера"

1 - бронзовая серьга; 2 - бронзовый нож;
2 - позвонки барана; 4 - бронзовый крючок;
5 - бронзовые пронизки

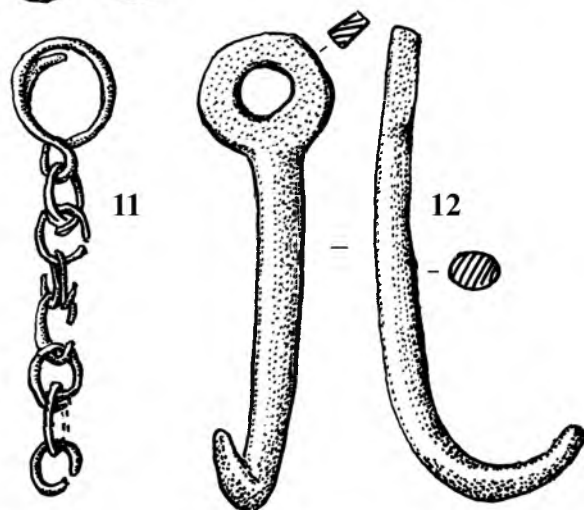

Рис. 82. Северопазырыкские комплексы добашадарского периода в среднем и нижнем течении Катуня (по: Кубарев, 2001; и раскопки Л.М. Чевалкова на Улаинке).

С.В. Хаврин

МЕТАЛЛ ПАМЯТНИКОВ ПАЗЫРЫКСКОЙ КУЛЬТУРЫ ИЗ КУРГАНОВ ЧУИ И УРСУЛА

Проведенное недавно исследование состава пазырыкского металла из памятников Средней Катуни позволяет считать такого рода работы перспективными. Выделенные по инвентарю хронологические группы показали значительную степень соответствия динамике изменения состава сплава скифских бронз (Степанова, Хаврин, 2005). В данной работе приводятся результаты анализов еще 46 бронзовых предметов из 12 могильников скифского времени Горного Алтая. Исследование проведено в Отделе научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа на приборе рентгено-флюоресцентного анализа (РФА) ArtTAX.

С самого начала изучения состава скифского металла Саяно-Алтая было ясно, что основным типом «сплава» для пазырыкской культуры является мышьяковистая медь/бронза (Руденко 1953, с. 250–251; 1960, с. 218–222). Этот факт нашел подтверждение и в более поздних исследованиях (Кундо, Щербаков, Рослякова, 2000; Малахов и др., 2000; Хаврин, 2002). Такой металл – мышьяковистая медь с набором естественных (рудных) примесей (кроме мышьяка, это сурьма, свинец, серебро) – преобладает и в публикуемых результатах: Ала-Гаил-3 к. 7 и к. 5, Ала-Гаил к. 19, Кор-Кечу, Боротал-1, Удандрык-1, Сары-Бел, Тербедок, Тете-4. Следовательно, около половины исследованных изделий (24 из 46) не содержали в своем составе олова, а еще 4 содержали его в незначительном количестве (менее 1%). Две подпружные пряжки из к. 7 могильника Боротал 1, ворворка и нож с кольцом из Кор-Кечу – имеют в сплаве повышенное содержание мышьяка (5–10%), но для Саяно-Алтая такой состав сплава не является редким. Например, из такого металла изготовлены многие детали конской сбруи из к. 2 могильника Башадар или отдельные предметы из к. 2 и к. 7 могильника Кайнду, к. 27 и к. 72 могильника Тьткескенъ-VI.

Ранее на основе изучения 66 изделий из 5 скифских могильников Средней Катуни было выяснено, что в инвентаре ранних погребений существенно выше процент оловянистых бронз (от трети до половины), а в поздних погребениях количество оловянистых бронз снижается до 10–20%. При этом в поздних бронзах содержание олова либо весьма невысоко (1–2%), либо перед нами переиспользованный предмет более раннего периода (Степанова, Хаврин, 2005). Среди публикуемых материалов также имеются оловянистые бронзы – это нож из Ала-Гаила-3 к. 2, фигурная аппликация из к. 3 и зеркало из к. 27 могильника Балык-Соок-1, зеркало из Калбак-Таша, вток из к. 82 могильника Боротал-1, предметы из к. 2 могильника Чендек-ба. Содержание олова в них достаточно высоко, достигает 15–20%. В состав металла этих изделий, кроме меди и олова, входит также некоторое количество рудных примесей – мышьяк, свинец, сурьма, что обычно для металла Горного Алтая.

Наконечники стрел из к. 27 Балык-Соок-1 также содержат значительное количество олова (от 3 до 12%), но их отличает чистота металла (рудные примеси минимальны), а потому можно говорить об ином его происхождении. Такой металл встречался автору в анализах бронз предгорий Салаирского кряжа. Правда, необходимо учитывать слабую изученность скифского металла соседних территорий. Важно отметить, что у наконечников стрел Саяно-Алтая столь значительные добавки олова характерны лишь для раннескифского времени.

Еще одним выпадающим по составу сплава предметом является зеркало из к. 5 могильника Чендек-ба. Его также отличает практически полное отсутствие (на уровне чувствительности метода) примесей при значительном количестве олова, т.е. и в данном случае мы имеем дело с «чистой» оловянистой бронзой, но количество олова – 24–28%. Высокое содержание олова в этом зеркале позволяет провести аналогию с зеркалами «индийского» типа – Быстровка-1, к. 1, Пазырык, к. 2, Мечетсай, к. 8, п. 5, Филипповка, к. 1, м. 3, Новотроицкое-2, к. 15, м. 4, к. 17, м. 5 и др. (Васильков, 2003; Равич, 2006).

Кроме бронзовых предметов, проанализированы также 2 накладки из золотой фольги из могильника Балык-Соок-1. Для изготовления фольги было использовано самородное золото, чуть более высокопробное, чем у фольги из погребений на плато Укок. Но среди укокских золотых изделий имеются и очень близкие по составу к балык-соокскому золоту. Это серьги из к. 1 могильника Ак-Алаха-1 и серьги из п. 2, к. 24 могильника Кальджин-4 (Щербаков, Рослякова, 2000, табл. 15; Малахов и др., 2000, табл. 6).

Результаты анализа РФА состава металлических изделий пазырыкской культуры и переходного времени (Б-С-1,к.27)

Памятник		Предмет		Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Прочие	Примечание
Калбак-Тауш		Зеркало (рис.20.-12)		Осн.	?	10-14	1-3	-	-	Ni	
Чендек-ба	К. 2	Двоитель		Осн.	1-2	5-8	1-3	Сл.	-		
		Распределитель		Осн.	1-2	3-5	<0,7	<0,3	Сл.	Ni	
		Пронизка		Осн.	1-2	8-10	<0,8	<0,3	Сл.		
		Чекан		Осн.	<1	3-5	1-2	Сл.	Сл.		
		Кинжал		Осн.	2-4	-	-	<0,8	-		
	К. 5		Чекан		Осн.	1-3	<0,5	<0,4	<0,3	-	
		Зеркало		Осн.	-	24-28	<1	-	-		
Балык-Соок-1	Курган 3	Основание ножки (рис. 6)		Осн.	-	<1	-	-	-		
		Аппликация в виде крыла	Основа (рис.10.-7)	Осн.	<0,7	1	-	-	<0,4	Au	Патина
			Накладка	2,4-3	-	-	-	-	13,5-14,8	Au=82,6-84	
		Фигурная аппликация (рис.7.-1)		Осн.	<0,5	4-6	Сл.	<0,3	-		
	Бляшка круглая	Основа (рис. 8.-39)	Осн.	<0,8	1-2	-	Сл.	-			
		Накладка	2,8-3,2	-	-	-	-	15,3-16,1	Au=80,7-81,5		
	Курган 27	Наконечник стрелы (рис. 12.-13)		Осн.	-	7-10	-	-	-		
		Наконечник стрелы (рис. 12.-12)		Осн.	-	8-12	Сл.	-	-		
Наконечник стрелы (рис. 12.-14)		Осн.	Сл.	3-6	-	-	Сл.				
Зеркало (рис. 14.-1)		Осн.	1-2	10-14							
Ала-Гаил-3	К. 2	Нож (рис. 26.-4)		Осн.	<0,7	15-20	<0,9	<0,7	-		
	К. 5	Кинжал бим. (рукоять) (рис. 27. - 3)		Осн.	1-3	-	-	<0,7	-	Ni	
	К. 7	Кинжал миниатюрный (рис. 28.-3)		Осн.	2-4	-	Сл.	Сл.	Сл.		
Ала-Гаил к.19		Зеркало с копытным (рис. 31.-8)		Осн.	<0,6	-	-	?	Сл.		
Ала-Гаил к.23		Зеркало с петелькой (рис. 32.-4)		Осн.	3-5	1-2	<1	<0,7	-	Ni<1, Bi, Co	
Ело-2, к. 3		Крюк колчанный (рис. 17.-7)		Осн.	1-2	1-2	-	<0,3	-		
Боротал-1	К.7	Гвоздь (рис. 35.-36)		Осн.	2-3	-	-	Сл.	Сл.	Bi	
	К. 7	Гвоздь (рис. 35.-37)		Осн.	2-3	-	-	Сл.	Сл.	Au	
Боротал-1		Гвоздь (рис. 35.-35)	Стержень	Осн.	3-4	-	-	<0,6	<0,7	Bi	
			Шляпка	Осн.	4-8	-	-	<0,7	<0,7	Bi	
	Гвоздь (рис. 35.-38)		Осн.	2-3	-	Сл.	<0,4	<0,5	Bi		
	Пряжка подпружная (рис. 34.-7)		Осн.	5-10	-	-	1-3	<0,3	Ni, Bi		
	Пряжка подпружная (рис. 34.-8)		Осн.	6-10	-	-	1-3	<0,3	Ni, Bi		
	К. 82	Вток (рис. 37.-5)		Осн.	1-3	>10	3-5	-	-	Zn	
К. 102	Зеркало (рис. 41.-5)		Осн.	1-3	-	-	<1	-	Ni<0,7, Bi		

Памятник	Предмет	Cu	As	Sn	Pb	Sb	Ag	Прочие	Примечание
Ала-Гаил к. 3	Зеркало со стилизованной ручкой (рис. 32.-4)	Осн.	4-5	<1	1-2	Сл.	Сл.	Ni<0,8	
Кор-Кечу К. 1	Ворворка (рис. 18.-5)	Осн.	8-10	-	<0,4	<0,6	Сл.		
	Нож (рис. 18.-12)	Осн.	5-8	-	Сл.	Сл.	-		
	Кинжал (рис. 19)	Осн.	1-2	-	-	<0,5	Сл.		
Уландрык-1	к. 5 Крюк колчанный (рис. 61.-20)	Осн.	3-4	-	-	-	-	Ni, Co	
	к. 8 Нож (Кубарев, 1987, табл.18.-1)	Осн.	2-3	~1	Сл.	Сл.	-	Ni, Bi	
Тербедок	Кинжал (рис. 22.-4)	Осн.	2-4	<0,7	1-2	~1	-	Bi<1	
	Удила (рис. 22.-7)	Осн.	1-2	-	-	-	-		
	Удила (рис. 22.-7)	Осн.	1-2	-	-	-	-		
Сары-Бел Курган 250	Бляшка	Осн.	2-4	-	-	<0,4	-		
	Бляшка	Осн.	2-4	-	<1	<1	-		
Тете-4 К. 4	Кинжал (рукоять) (рис. 47.-5)	Осн.	1-2	-	-	<0,3	Сл.	Bi, Ni	
	Кинжал (прилитое лезвие)	Осн.	<1	-	Сл.	<0,4	Сл.	Ni	
	Нож (рис. 47.-14)	Осн.	2-3	-	-	<0,4	-	Ni<0,7	
	Крюк колчанный (рис. 47.-7)	Осн.	1-2	-	-	-	-		Коррозия
	Обойма (рис. 47.-10)	Осн.	1-2	-	<0,3	<1	Сл.	Ni<0,5, Bi,	Патина
Обойма (рис. 47.-9)	Осн.	3-4	-	Сл.	Сл.	-	Ni<0,6		

ББК 634(2Рос)273-431

К88

Рецензенты

доктор исторических наук *М.Л. Демин*;
доктор исторических наук *В.Е. Ларичев*;
доктор исторических наук *А.И. Мартынов*;
кандидат исторических наук *Н.Ф. Степанова*

Научный редактор

доктор исторических наук *Ю. Ф. Кирюшин*

К88 Кубарев В.Д.

Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула) : монография / В.Д. Кубарев, П.И. Шульга. - Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2007. - 282 с.
ISBN 978-5-7904-0684-3

Публикуются материалы из курганов пазырыкской культуры, исследованных в разные годы в бассейнах рек Чуи и Урсула, рассматриваются вопросы датирования погребальных комплексов, особенности погребального обряда, материальной и духовной культуры населения Горного Алтая в VI—III вв. до н.э.

Предназначена для археологов и специалистов, занимающихся вопросами истории восточной части скифо-сибирского мира.

ББК 63.4(2Рос)273-431

Монография публикуется при частичной поддержке гранта РГНФ №05-01-011919 «Снаряжение верховой лошади и поясная гарнитура на Саяно-Алтае, в Казахстане и Южном Урале в VII-Vвв. до н.э.» и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям»

ISBN 978-5-7904-0684-3

© Кубарев В.Д., Шульга П.И., 2007
© Оформление. Алтайский государственный университет, 2007

Кубарев Владимир Дмитриевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН. Родился 14 августа 1946 г. в с. Боровлянка Троицкого района Алтайского края. В 1963–1970 гг. работал в Горном Алтае на высокогорных метеостанциях, где и провёл свои первые любительские раскопки. Результаты научной деятельности В.Д. Кубарева отражены в 17 книгах и в почти 400 статьях. В.Д. Кубаревым опубликованы сводные работы по оленним камням Алтая (1979 г.) и изваяниям алтайских тюрок (1984 г.). Им впервые исследованы погребения каракольской культуры Алтая (III тыс. до н.э.) и в 1988 г. полностью опубликованы уникальные материалы Каракола. Много лет посвящено изучению пазырыкской культуры: раскопано около 300 разновременных курганов и опубликован цикл монографий по курганам Уландрыка (1987 г.), Юстыда (1991 г.) и Сайлюгема (1992 г.).

В последние годы Владимир Дмитриевич занимается изучением наскального искусства Алтая и Монголии. Итоги этих исследований отражены в многочисленных печатных работах, включая издание двух монографических альбомов в Париже (1996, 2001 гг.) и одной монографии в Новосибирске (2005 г.).

Шульга Пётр Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Барнаульской лаборатории археологии и этнографии Южной Сибири ИАЭТ СО РАН и АлтГУ. Родился 28 августа 1955 г. в шахтерском посёлке Красный Брод Беловского района Кемеровской области. В 1976–1980 гг. работал в Горном Алтае на высокогорных метеостанциях Бертек и Уландрык. Автор 130 научных работ, в том числе двух монографий по материалам могильников скифского времени на равнине Алтая. В 80-х гг. XX в. проводил работы по выявлению и исследованию поселений древних скотоводов в Горном Алтае, а с 1990-х гг. – погребальных памятников ранней бронзы и скифского времени на Северо-Западном Алтае и в предгорьях. Последние 10 лет Пётр Иванович основное внимание уделяет изучению конского снаряжения в VII–III вв. до н.э. и вопросам хронологии памятников скифского времени на Саяно-Алтае.